А. М. ПЕШКОВСКИЙ

РУССКИЙ СИНТАКСИС В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

3-е, СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ, ИЗДАНИЕ

(В 1-м ИЗДАНИИ ПРЕМИРОВАНО АКАДЕМИЕЙ НАУК)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-3390. С. 70. Гиз 23322.
Зак. № 4654. Тираж 4 000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемая вниманию читателя книга возникла из педагогической деятельности автора. Преподавая русский язык в одной из частных московских гимназий, автор натолкнулся на класс, не успевший, по случайным причинам, приобрести в течение первых 3-х лет пребывания в школе сколько-нибудь прочных сведений из синтаксиса. Обладая некоторым научным багажом в этой области, он не устоял перед соблазном изложить перед своей сплошь 14—15-летней аудиторией основные вопросы синтаксиса в том виде, в каком они трактуются современным языкознанием. Образовавшиеся в результате школьные записки, расширенные и дополненные, и появляются теперь перед публикой.

Этим происхождением объясняются и особенности книги: с одной стороны, крайняя популярность изложения (особенно некоторых более трудных глав), обусловленная первоначально возрастом слушателей, но не лишняя, думается, и для нашей *большой* публики, для которой преимущественно предназначается книга (просим специалистов иметь это в виду), с другой стороны, строгая систематичность, последовательная терминология, точная формулировка предпосылок и выводов, необходимые в школе, но опять-таки не лишние и для большой публики, слишком привыкшей просматривать серьезные книги и забывать просмотренное.

Научным фундаментом книги послужили, прежде всего, университетские курсы проф. Ф. Ф. Фортунатова и В. К. Поржезинского, учителей автора. Из других крупных источников должны быть упомянуты: А. Потебня, «Из записок по русской грамматике» т. т. I, II и III, Paul, «Principien der Sprachgeschichte», Mikloschitsch, «Vergleichende Syntax der slav. Spr.», Delbrück, «Vergl. Syntax der indogerm. Spr.» и др.

От почтенного однотемного труда проф. Д. Н. Овсянико-Куликовского, которому автор тоже должен признать себя многим обязанным, книга эта отличается тем, что:

1) в основу изложения положена *внешняя, звуковая* сторона языка, и сделано это не только для облегчения читателя, но и по научно-методологическим соображениям;

2) резче отграничена, соответственно с этим, область грамматики от смежных областей психологии и логики;

3) меньше уступок сделано традиционной школьной грамматике;

4) особое внимание уделено внешним показателям некоторых синтаксических оттенков — интонации и ритму речи;

5) изложение расчитано на более широкий круг читателей, в том числе и на лиц, не знакомых *ни с одним* иностранным языком;

6) резче проведены границы между отдельными грамматическими категориями с размещением, по возможности, промежуточных фактов в те или иные (иногда специально для этого устанавливаемые) рубрики.

В последнем опять-таки сказался педагог-автор. Он глубоко убежден, что в младших классах, где занятия грамматикой (раз уж они там ведутся) должны быть преимущественно практическими и сводиться к так называемому «разбору» текста, не может быть места, по самой психологии учеников, расплывчатым определениям или колебаниям учителя между той или другой категорией. Школьник-ребенок требует ярлыка и, если ему говорят о промежуточности явления, сам создает для себя специальную промежуточную рубрику с соответствующим ярлыком. Поэтому, как бы ни была настойчиво проводима учителем эволюционная точка зрения (а это далеко не так невозможно даже и в младших классах, как это обычно кажется), ему все-таки не обойтись без некоторой насильственности в классификации языковых явлений. Но, разумеется, насильственность эта должна быть сведена до минимума, и в отыскании этого минимума скрыто много педагогической работы. Конечно, и другие области знания принимают в школе более или менее угловатые, догматические очертания. Но мост между наукой и школой, давно созданный для других наук веками практики, для языковедения, как науки исключительно молодой, *только что начал строиться*. Вложить свой скромный камень в эту постройку и было одной из целей автора.

Но главные его цели были и остались значительно шире. Дать представление возможно более широким слоям читающей публики о языковедении как особой науке и, в частности, о ее ветви — грамматике, с дальнейшим подразделением на морфологию и синтаксис; обнаружить несостоятельность тех *мнимых* знаний, которые получены читателем в школе, и в которые он обычно тем тверже верует, чем менее сознательно он их в свое

время воспринял; отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показав, что у всех этих скучных падежей, наклонений, залогов и т. д. есть *свое* содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим; наконец, устранить вопиющее смешение науки о языке с практическими применениями ее в области чтения, письма и изучения чужих языков — вот как определяются эти цели. Последняя цель особенно близка была его сердцу. Все мы смеемся над Простаковой, смешивающей географию с наймом извозчика. И все мы находимся в точно таком же положении в отношении языковедения. Если читатель забудет современем все, что он извлек из этой книги, но если он сохранит навсегда твердое убеждение, что: 1) существует особая наука о языке, изучающая язык как естественное явление, непрерывно и закономерно развивающееся, 2) что грамматика есть одна из ветвей этой науки, изучающая жизнь и развитие тех явлений языка, которые называются «формами», и 3) что как вся эта наука в целом, так и та или иная отрасль ее могут иметь только такое отношение к искусству «правильно читать, писать и говорить», какое география имеет к искусству нанимать извозчиков или составлять интересные маршруты, — автор сочтет себя вполне удовлетворенным.

Для облегчения чтения книга набрана двумя способами. Все хотя сколько-нибудь трудное, отвлеченное, а также все частное или прикладное выделено в «мелкий» (собственно, сжатый) шрифт, основному же тексту придан, по возможности, самостоятельный характер, с тем расчетом, чтобы при желании можно было ограничиться им одним.

Предполагавшееся ранее «Приложение», на которое в тексте сделаны ссылки и которое должно было заключать в себе школьно-практические выводы, решено, ввиду разросшихся размеров книги и самого приложения, выпустить особой книгой, которая выйдет в самом непродолжительном времени.

В заключение считаю долгом высказать глубокую благодарность пр.-доценту Московского университета Д. Н. Ушакову, немало способствовавшему своими указаниями и моральной поддержкой выходу в свет этой книги.

А. Пешковский.

Москва, 14 апреля 1914 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание отличается от первого главным образом дополнениями, касающимися вопроса о переходном характере некоторых явлений в области форм отдельных слов, о связанных с этим переходах между грамматическими и неграмматическими наречиями, о формальном значении места ударения в слове, о сочетании синтаксического и несинтаксического значения в некоторых формах, о переходах между дополнениями и обстоятельствами и об отношении собственно-переходных глаголов к форме действительного залога. Примеры добавлялись (за исключением отдела о союзах, где материал первого издания был сочтен скудным и был намеренно расширен) только в том случае, если казались особенно характерны или освещали явления с новой стороны. Что касается переработки текста, то она почти не производилась, ввиду того, что книга по стилю и складу своему не из тех, которые поддаются переработке, не теряя своих основных свойств. В частности, основной план изложения отделов 2-го и 3-го — отправление от психологического суждения, поскольку это возможно для двух основных членов грамматического предложения, и от тех случаев, где, по всей видимости, грамматическая и психологическая сторона совпадают, — удержан, несмотря на возражения критики, во многом справедливые. Мне казалось, что нарушить его — это значит сломать всю книгу. Методологический же дефект такого плана достаточно покрывается, как мне казалось, ясным указанием главы XXXVII, где я прямо говорил и говорю: «*из педагогических* соображений мы должны были, конечно, на первых порах, подбирать такие примеры, где эти шаблоны имеют свое исконное значение, где они прикрывают собой первоначальное свое психическое содержание; и другого пути в изложении синтаксиса, думается, не может быть» (курсив новый). Теперь я не считаю иного пути настолько уже невозможным, как раньше. Но и избранный мной путь представляется мне в популярной книге и при такой оговорке допустимым.

Устранена из книги только одна сомнительная рубрика в отделе об относительном подчинении.

Москва, 15 октября 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Отличия данного издания от предыдущего, собственно говоря, далеко превосходят то, что принято называть переработкой. Достаточно сказать, что около $^{5}/_{6}$ текста написано заново, и что исключительно-редакционным изменениям подверглись только *две* главы предыдущего издания (I и III) из общего числа XLI. Однако тема, объем, общие лингвистические принципы, методы и основные *устремления* книги (не только научные, но и популяризационные) остались те же, и это побуждает меня сохранить за книгой прежнее название.

В последнем пункте необходима, впрочем, оговорка. Усложнение и, смею надеяться, углубление моей синтаксической системы ставили почти непреодолимые препятствия к сохранению той манеры крайней популяризации, какой была первоначально написана книга. Борьба с этими препятствиями столь же усердно велась мною, как и исследовательская сторона работы. И тем не менее приходится сознаться, что книга вышла несколько *труднее*. Надеюсь все-таки, что трудность эта, учитывая свойства самого *предмета* изложения, не перешла границ того, что называется популярным, хотя окончательное суждение об этом должно быть предоставлено, конечно, читателю.

Принципиальные отличия этого издания от предыдущего следующие:

1) Основные грамматические категории, на которых зиждется вся книга—*части речи*—устанавливаются не классификационным путем, а путем, намеченным статьей С. И. Бернштейна в XXV т. «Известий Отд. русск. яз. и словесн. Российск. ак. наук» *). В настоящее время я считаю классификационный путь *вообще* непригодным для установления синтаксических категорий. Обоснование этой методологической позиции, по понятным причинам, не могло быть включено в данную книгу и появится в виде отдельной статьи.

2) Понятие сказуемости зиждется не на обще-психологической базе (так наз. «психологическое суждение», «психологиче-

---

*) «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова», «Изв.», 1920 г., т. XXV, Петроград, 1922.

ское подлежащее» и «психологическое сказуемое»), а на специально-языковых наблюдениях.

3) Интонационная сторона синтаксических явлений выделена, противопоставлена и до некоторой степени *подчинена* собственно-формальной стороне.

Важным *практическим* отличием от предыдущего издания является полный отказ от оглядки на потребности школы. В настоящее время столько уже сделано и продолжает делаться для нашей школы в области внедрения научной грамматики в школьное преподавание, что можно позволить себе роскошь чисто-научного обозрения предмета.

Это последнее изменение отразилось до некоторой степени и на теоретической стороне книги: больше выделен *переходный* характер многих синтаксических явлений, меньше проявлено заботы о размещении всех явлений по рубрикам и «клеточкам».

Относительно примеров должен сделать одно важное предупреждение. Хотя мои коллекции примеров со времени последнего издания успели, конечно, значительно расшириться, однако по условиям места ими не только не пришлось воспользоваться, но пришлось даже *сократить* число примеров против прежнего издания. Сокращение произведено по такому принципу: чем *шаблоннее* и *несомненнее* явление, тем *меньше* дано на него примеров. Таким образом везде, за исключением специально оговоренных случаев, читатель, встречаясь с малым числом примеров, отнюдь не должен заключать из этого о редкости явления, а, напротив, о *полной его распространенности*.

Ввиду того, что литературные ссылки из-за популярного характера изложения систематически избегались, я считаю своим долгом сказать здесь, что некоторые примеры брались не непосредственно из первоисточников, а из книг: «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова и «Очерк синтаксиса русского языка» М. Н. Петерсона.

А. Пешковский.

Москва, 15 августа 1927 г.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

I. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВА.

Огромное большинство слов русского языка распадается в нашем уме на части. Возьмем, напр., слово «стекло». Оно нам кажется состоящим как бы из двух частей: «стекл» и «о». Происходит это от того, что мы невольно, сами того не сознавая, сравниваем слово «стекло» с другими словами, на него похожими. Так, мы сравниваем его со словами: стекла, стеклу, стеклом, стеклянный, стеклышко, стекляшка, застеклить, стеклярус и т. д. От этого сравнения у нас выделяется в сознании сходная во всех этих словах часть «стекл». В то же время мы сравниваем слово «стекло» и с такими словами, как: весло, помело, перо, серебро, полотно, сукно, долото, кольцо и т. д. От этого сравнения у нас выделяется сходная часть «о». Таким образом «стекло» и распадается на «стекл+о».

Слова, которые при таком сравнении приходят нам в голову, сходны со словом «стекло» не только по звукам, но и по значению. Никому не придет в голову сравнивать слово «стекло» с прошедшим временем глагола «стекать» (напр., «вода стекла в канаву»), а также никто не найдет никакого сходства между такими словами, как «стекло», «весло», «долото» и т. д., и такими, как «легко», «смешно», «хорошо», «умно» и т. д. Сразу чувствуется, что это «стекл» в прошедшем времени глагола «стекать» совсем **не то**, что «стекл» в слове «стекло», и это «о» в словах: легко, смешно, хорошо, умно и т. д. совсем **не то**, что «о» в слове «стекло». Значит, слово «стекло» первой своей частью («стекл») и по звукам и по значению сходно со словами: стекла, стеклу, стеклянный и т. д., а второй своей частью («о») тоже и по звуку и по значению сходно со словами: весло, помело, окно, сукно и т. д. А стало быть наше «стекло» распадается не на две бессмысленные группы звуков, а на части, имеющие значения. Вот этими значениями-то мы и займемся.

Посмотрим, прежде всего, на первую часть: «стекл». В ней, в сущности, уже назван тот предмет, о котором идет речь. Это уже почти слово, и если какой-нибудь иностранец скажет нам вместо «стекло» — «стекл», мы можем даже понять, о чем он говорит. Значит, это «стекл» обозначает главное в слове,

обозначает ту вещь, которая в этом слове названа. Поэтому мы можем сказать, что оно имеет здесь основное, или вещественное значение. Конечно, не всегда это будет настоящая вещь, которую можно бы было схватить руками. В словах, напр., «зло», «добро» вещественные части «зл» и «добр» обозначают не вещи, а качества. Но все-таки и тут они обозначают главное в нашей мысли, обозначают то, о чем мы думаем, и притом нечто все-таки связанное с вещами: всякому сразу ясно, от каких вещей взяты эти «зл» и «добр». Совсем не такое значение имеет вторая часть — «о». Отдельно она ровно ничего не значит, и если тот же иностранец скажет нам только «о», мы уж решительно не будем знать, что он хочет сказать. Приставленная же к первой части, она тотчас же приобретает значение, но значение совсем особенное: не вещественное, а грамматическое. Она показывает, что перед нами имя существительное среднего рода именительно-винительного падежа единственного числа. Конечно, такие грамматические частички настолько же необходимы для русского языка, как и вещественные, потому что без них нельзя было бы ничего точно распознать. Если бы, напр., кто-нибудь сказал: «окн стекл», то нельзя было бы понять, что́ он хотел сказать: «оконные стекла» или «стеклянные окна». Если бы мы услышали что-нибудь вроде: «дешев стекл куп», то мы бы не знали, хочет ли человек этим сказать: «дешево стекла купил», или: «дешевы стекла! купите!» или: «дешевые стекла купца» и т. д. Но все-таки в отдельном слове главное значение сосредоточено в вещественной, а не в грамматической части, т. е., в данном случае, в «стекл», а не в «о». Это «о» существует в сотнях других слов, имеющих всевозможные значения, а «стекл» существует в сравнительно немногих словах и всем им придает одно и то же основное значение, означая вещество, которое изготовляется из сплава песка с поташом и обладает способностью пропускать свет. Выходит, таким образом, что первая часть («стекл»), хотя и заключает в себе почти все значение слова, а все-таки еще не слово, а какой-то обрубок, что-то бесформенное. Вторая же часть («о») отдельно ничего не значит, а, прильнув к первой, сразу делает ее настоящим словом, придает ей вид слова, форму слова. И из одного такого бесформенного обрубка с помощью разных таких частичек можно сделать много разных слов (стекло, стекла, стеклу, стеклянный и т. д.), все равно как из одного куска бронзы, имея разные формы, можно отлить много

разных статуэток. Вот почему все такие частички и называются **формальными частями** слов, а те части, которым они придают форму, — **основными**, или **вещественными частями**. И самая возможность для слова распадаться на такие две части называется **формой** слова. Далеко не все слова русского языка обладают такой возможностью. В таких словах, напр., как: вчера, без, или, ах, нет, неужели, какаду, резюме и т. д., мы не можем различить ни основы, ни формальной части. В них, стало быть, нет формы. Слова же: стекло, стекла, стеклянный, стеклушка и т. д. обладают формой.

Слово «форма» употребляется и в несколько ином смысле. Говорят, напр.: «назовите форму род. пад. от слова «стол»! Или: «стола», «стула», «кресла» и т. д. суть формы род. пад. ед. ч.». Здесь, значит, сами эти слова «стола», «стула», «кресла» названы «формами». Это уже переносный смысл термина. Как мы обладателя баса или тенора называем прямо «басом» и «тенором» («наш знаменитый бас уехал за границу»), как обладателя картуза или шляпы можем иной раз прямо назвать «картузом» или «шляпой» («эй, ты, шляпа, поди сюда!»), так и слово, обладающее формой, можно назвать прямо «формой». Обычно этот перенос значения идет и еще дальше. Как статую Венеры называют прямо Венерой, а тело, имеющее форму шара, прямо шаром, так и слово, имеющее форму родительного падежа, называют прямо «родительным падежом». Говорят, напр., при разборе: «стола» — родительный падеж от слова «стол». Практически такие сокращения, конечно, необходимы, и мы сами ими будем в дальнейшем постоянно пользоваться, но все же не следует забывать их истинного смысла; не следует забывать, что «стола» не есть само по себе ни род. падеж, ни форма, а прежде всего слово, что слово это распадается в нашем сознании на «стол+а», следовательно имеет ту особенность или то свойство, которое называется в грамматике формой, и что, наконец, формальная часть этого слова «а» имеет значение, свойственное категории родительного падежа (см. гл. II). Вот что, собственно, означает выражение: «стола — родительный падеж».

Как видно на примере слова «стекло», для того чтобы слово имело форму, нужно, чтобы в языке существовало два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово:

стекл о, окно, весло. сукно, долото и т. д.
стекл а
стекл янный
стекл ушка
стекл ышко
и т. д.

В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикаль-

ный ряд нашей схемы); в другом — та же ф о р м а л ь н а я ч а с т ь с д р у г и м и о с н о в а м и (горизонтальный ряд схемы). Только вследствие такого д в о й н о г о сравнения и происходит, как мы видели, распадение слова на части. Понятно, что если для какого-нибудь слова таких двух рядов в языке не находится, ясно выраженной формы в нем быть не может. Возьмем, напр., слово «домой». Для него в русском языке имеется только вертикальный ряд нашей схемы:

дом ой
дом
дом а
дом у
дом ом
дом ашний
дом овый
дом овничать
и т. д.

горизонтального же ряда, который должен был бы иметь вид:

*домой, *городой, *лесой, *столой, *стулой и т. д.

в языке нет. И в результате слово «домой», несмотря на близость общего значения этого слова к вещественному значению прочих членов вертикального ряда, не распадается четко по звукам и значению на «дом+ой», а является бесформенным. Вот почему оно так резко отличается в нашем сознании от косвенных падежей слова «дом», вот почему и считается так называемым «наречием». Или возьмем, положим, слово «вчера». Для него мы могли бы подобрать горизонтальный ряд:

вчера, завтра, иногда, всегда, тогда, когда.

Однако мы уверены, что наше сближение покажется всякому читателю довольно неожиданным. И это потому, что в слове «вчера» для нас совсем не выделяется ни части «вчер», ни части «а», которой оно могло бы быть сходно и по звуку и по значению со словами: завтра, иногда и т. д. А не выделяются для нас эти части потому, что тут нехватает в е р т и к а л ь н о г о ряда нашей схемы, т. е. таких слов, как *«вчер», *«вчеру», *«вчером», о *«вчере» и т. д. По той же причине мы не выделяем и части «да» в словах «иногда», «всегда», «тогда», «когда».

Собственно говоря, между полным обладанием формой и полной бесформенностью существует огромное количество переходных ступеней. Язык вообще «не делает скачков». В слове «домой», напр., по сравнению со словом «ах» мы можем уловить некоторую форменность, заключающуюся в том, что один из элементов, образующих форму, именно вещественная часть (дом-), здесь до некоторой степени просвечивает по связи со словами «дом», «дома», «дому» и т. д. Но проявиться в сознании вполне как грамматическая составная часть слова он, конечно, не может, так как то, с чем он должен был бы соотноситься, часть «-ой», не выделяется здесь как особая формальная часть русского языка. Если сравнить слово, обладающее формой, с линией, состоящей из двух отрезков разного цвета, резко граничащих по цвету друг с другом (положим, красной и синей), то такое слово, как «домой», представится линией, начинающейся резко красным цветом, но переходящей затем постепенно в неопределенно серый цвет. В народных говорах, где существует «тудой», «кудой», «судой», уже и вторая часть линии начинает слабо окрашиваться. В таких словах, как «пешком», «ползком», «ничком», «босиком», «нагишом» и т. д., этой окраски еще больше, так как здесь не может не быть связи с настоящими творительными падежами как вследствие многочисленности таких слов, так и вследствие некоторой однородности их значения, близкого, в свою очередь, к некоторым оттенкам значения творительного падежа тем более, что между этими словами и настоящим творительным падежом мы находим в качестве промежуточных звеньев такие слова, как «бегóм», «кругóм» и т. д., отличающиеся от творительных падежей уже только ударением («эта лошадь замечательна своим бéгом», «я недоволен этим крýгом» и т.д.). И здесь само отличие в месте ударения уже начинает играть роль формального признака (см. ниже, стр. 22). Еще бóльшую форменность можно констатировать, напр., в таких словах, как: «напропалую», «наудалую», «врассыпную», «вплотную», «впустую», «всухую», «в чистую», «в темную», «в слепую», «в ничью», «в открытую», «в крутую», «в крутку», «в смятку», «в обнимку», «в прикуску», «в пригляд-ку» и т. д. Здесь уже возможны даже новообразования по данному образцу, и во всяком случае значение приставки-предлога «в» в своеобразном сочетании с винительным падежом женского рода прилагательного или существительного в некоторых из них уже слишком ясно. Вообще огромное большинство так называемых «неграмматических наречий» (см. стр. 113), в сущности, в той или иной степени форменно, а совершенно бесформенных наберется, может быть, только десяток-другой («там», «здесь», «тогда», «как» и т. д., по большей части местоименные).

Некоторые слова не распадаются на части, а в то же время имеют форму. Возьмем, напр., слово «стол». Тут нет совсем формальной части, а между тем мы сознаем наше «стол» не как основу только, не как какое-нибудь бесформенное «стекл», а как настоящее слово, имеющее форму именительно-винительного падежа единственного числа мужского рода существительного. Как же это так? Как узнаем мы в нем все это, раз в нем нет соответствующего окончания? Дело в том, что в языке существует огромное число других слов с тем же формальным значением (именитель-

но-винительный падеж единственного числа мужского рода существительного) и тоже без формальной части (стул, пол, комод, дом, сад, суд и т. д.). Вот это-то одинаковое отсутствие чего-то у целого ряда слов и придает этим словам форму. Представим себе, что кто-нибудь видел большую толпу людей и описывает разные головные уборы этой толпы. Если в этой толпе у заметного числа людей не было ничего на голове, то он, перечисливши все сорта шляп, шапок, картузов, чепцов и т. д., обязательно прибавит, что «были и простоволосые», так что люди без всякого головного убора составят в его рассказе особую группу на равных правах с другими группами. Подобным же образом бесхвостость составляет важный признак семейства человекоподобных обезьян только потому, что у всех других обезьян есть хвост. Выходит, таким образом, что мы узнаем в этих словах форму не по окончанию, а по тому, что в них нет окончания, все равно как можем легко найти свои калоши без букв, если все чужие калоши с буквами. В сущности, мы производим в этих случаях такое же двойное сравнение, как и в слове «стекло»:

стол —, **стул** —, **пол** —, **дом** — и т. д.
стол а
стол у
стол овый
стол ешница
и т. д.

Вот почему и тут получается форма. Только тут слова верхнего ряда не распадаются на две части. Можно сказать, что они как бы распадаются на «стол+**0**» (нуль), «дом+**0**» и т. д., и вот по этим нулям-то мы и узнаем форму. Про такие слова можно сказать, что они имеют нулевую формальную часть.

Итак, **форма слова** есть особое **свойство** его, в силу которого оно **распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, при чем по звукам формальная часть может быть и нулевой.**

В одном и том же слове может быть и несколько формальных частей, а стало быть, и несколько форм. При этом формальные части могут стоять и в конце и в начале слова. Возьмем, напр., слово «разговорчивый». Так как в языке существуют ряды слов:

разговорчив ый, внимательный, добрый, умный и т. д.
разговорчив ая
разговорчив ое
разговорчив ее
разговорчив ость
разговорчив
и т. д.,

то слово распадается на основу «разговорчив-» (которую, конечно, не надо смешивать с отдельным словом «разговорчив», заключающим в себе, кроме основы, еще нулевую формальную часть) и формальную часть «-ый». Но так как, далее, в языке существуют еще и ряды:

разговор чив ый, обманчивый, вкрадчивый, заносчивый,
разговор иться уступчивый, находчивый,
разговор ный обидчивый и т. д.
разговор юсь
разговор ились
и т. д.,

то основа «разговорчив-» в свою очередь распадается на «разговор+чив-». Из этих частей основное значение заключается, очевидно, в части «разговор-» (тоже не смешивать с отдельным словом «разговор»), а формальное в части «-чив-». Следовательно, это «разговор-» будет новой основой, а «-чив-» новой формальной частью. Далее, в языке существуют еще ряды:

раз говорчивый, разборчивый, размашистый, развесистый,
с **говорчивый** развязный и т. д.
у **говор**
за **говор**
при **говор**
у **говориться**
на **говориться**

и поэтому основа «разговор-» снова распадается на «раз+говóр-». Основной смысл слова заключается в части «говóр-», а формальный — в части «раз-». Стало быть, это «говóр-» и будет опять основой, а «раз-» — формальной частью. Основа же «говóр-» ни на что уже более не распадается. Итак, наша первоначальная основа распалась на основу и формальную часть, а эта вторая

основа — снова на основу и формальную часть. И в слове оказалось таким образом три формальных части: **раз**+говор+**чив**+**ый**. Таким же образом в слове «расположиться» будет пять формальных частей (**рас**+**по**+лож+**и**+**ть**+**ся**), в слове «распространившийся» шесть формальных частей (**рас**+**про**+стран+**и**+**вш**+**ий**+**ся**) и т. д.

Такие основы, как: «разговорчив-», «разговор-», «расположить-», «располжи-», «располож-», «полож-» и т. д., т. е. способные распадаться на новую основу и формальную часть, называются производными, такие же, как: «стекл-», «говóр-», «лож-», и т. д., — **непроизводными** основами, или **корнями**. Формальные части, стоящие перед корнем, называются **префиксами**, или **приставками**, формальные части, стоящие позади корня, — **суффиксами**, и те и другие вместе — **аффиксами**. Суффиксы, образующие окончание падежа (в склонении) или лица (в спряжении), называются нередко флексиями.

В одном и том же слове бывает не только несколько формальных частей, но и несколько основ, следующих одна за другой. Бывает это в так называемых сложных словах. В слове «пароход», напр., сознаются две основы: «пар-» и «ход-», в слове «конокрад» — «кон-» и «крад-», в слове «овцевод» — «овц-» и «вод-» и т. д. Соединяющиеся таким образом основы могут быть и производными. В слове «пароходство», напр., вторая основа «ходств-» производная, так как сама распадается на «ход+ств-», в слове «железнодорожный» обе основы производные, так как распадаются на «желез+н» и «дорож+н». Как видно из всех этих примеров, в русском языке существуют и особые формальные части, служащие специально для соединения основ (так называемые «соединительные гласные» о и е), т. е. особые формы основосложения.

На примере нулевой формы мы уже видели, что отношения между формальными частями и формами слов не так просты, как между формами для статуй и отлитыми в них статуями. Слова «стол», «пол», «дом» и т. д. обладают формой, не имея формальной части. Укажем еще на несколько случаев подобного же несоответствия:

1) Одна и та же формальная часть может иметь несколько формальных значений. Так, **о** в слове «стекло» обозначает и падеж, и число, и род, и часть речи, т. е. имеет четыре значения, **у** в слове «веду» обо-

значает и лицо, и число, и время, и наклонение, и часть речи, т. е. имеет пять значений.

2) Одинаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно различные формальные значения. Так, напр., флексия а в словах: стола, быка, куста, стекла, окна и т. д. обозначает род. пад. ед. ч., в словах: нога, рука, вода, голова и т. д. — имен. пад. ед. ч., в словах: города́, леса́, бока́, места́, дела́ и т. д. — имен.-вин. пад. мн. ч. Суффикс **ец** в словах: хлеб**ец**, брат**ец**, народ**ец** и т. д. обозначает уменьшительность, а в словах: подл**ец**, скуп**ец**, храбр**ец**, ленив**ец** и т. д. — лицо, проявляющее то или другое качество.

Нулевая формальная часть тоже может иметь разные значения. В словах: стол, пол, дом и т. д. она обозначает имен. пад. ед. ч. м. р. существительного, в словах: рук, ног, голов, мест, дел, солдат, аршин и т. д. — род. пад. мн. ч. всех родов, в словах: вез, пек, нес, тек, пас, лез, рос и т. д. — прошедшее время мужского рода глагола, в словах: прям, прост, глуп, скуп, нов, стар и т. д. — несклоняемую форму мужского рода прилагательного, в словах: хлоп, бац, верть, хрясь, цап, прыг и т. д. — особую неспрягаемую форму глагола. Все зависит от того, в какие ряды форм (т. е. в какие формальные категории, см. след. главу) вводятся в нашем сознании эти обрубки. Но, конечно, все это может совершаться только при большом запасе настоящих, не нулевых, формальных частей, чем как раз отличается русский язык.

3) Различные по звукам формальные части могут иметь совершенно одинаковое значение. Так, формальная часть **ы** в словах: стол**ы**, пол**ы**, воз**ы**, нос**ы** и т. д. и формальная часть **а** в словах: города, леса, бока, дома и т. д. одинаково обозначают имен. пад. мн. ч. Формальная часть **ов** в словах: стол**ов**, город**ов**, дом**ов** и т. д. и формальная часть **ей** в словах: звер**ей**, люд**ей**, гост**ей** и т. д. одинаково обозначают род. пад. мн. ч.

4) Одна и та же формальная часть может в различных словах принимать несколько различный вид, видоизменяться по звукам, не изменяясь нисколько по значению. Так, в словах: **воз**носить, **воз**водить, **воз**двигать, **вос**ходить, **вос**парять и т. д. имеется одна и та же приставка, но в двух разных видах: «**воз-**» и «**вос-**». А в словах: **вз**летать, **вз**дергивать, **вз**бивать, **вс**кипеть, **вс**тащить, **вс**трепенуться и т. д. та же приставка уже имеет вид «**вз-**» и «**вс-**», с пропущенным **о**. Значение же ее во всех этих словах совершенно одинаковое (она указывает направление движения снизу вверх). В словах: бело-

ватый, желтоватый, красноватый, синеватый, рыжеватый, коричневатый и т. д. один и тот же уменьшительный суффикс имеет два вида: «оват» и «еват». В словах: «молодец», «молодцоватый», «молодечество» один и тот же суффикс имеет три вида: ец, ц и еч. В словах: писать, читать, нести, везти и т. д. один и тот же суффикс, так называемого «неопределенного наклонения», имеет два вида: ть и ти. То же происходит и с корнями. В словах: «сохнуть», «сухой», засыхать», «сушить» один и тот же корень с совершенно одинаковым вещественным значением (потеря влаги) имеет четыре вида: «сох-», «сух-», «сых-» и «суш-». В словах: «мелет», «помол», «размалывать» имеется три вида корня: «мел-», «мол-» и «мал-»; в словах: «ходит», «хожу», «хождение», «похаживать» — четыре вида корня: «ход-», «хож-», «хожд-» и «хаж-»; в словах: «несу», «ношу», «вынос», «вынашиваю» — четыре вида: «нес-», «нош-», «нос-» и «наш-»; в словах: «ухо» и «уши» — два вида: «ух-» и «уш-»; в словах: «нога» и «ножка» — два вида: «ног-» и «нож-»; и т. д.*. Такое появление двух или нескольких разных звуков в одном и том же корне или в одной и той же формальной части называется чередованием звуков. Говорят, напр., что в русском языке чередуются е, о и а (нести — носить — нашивать), с и ш (носить — нашивать), ц и ч (купец — купечество) и т. д. Чередования звуков могут иметь формальное значение. Поясним это примером. В словах: нашивать, хаживать, стаивать, размаривать, соскабливать, отпарывать, перемалывать, вымачивать, раскапывать, накалывать и т. д. есть оттенок особой длительности и даже отчасти повторяемости действия по сравнению со словами: ходить, носить, скоблить и т. д. Это так называемая форма вида, частью многократного, частью длительно-несовершенного, образуемая суффиксами ыв и ив. Но не трудно заметить, что для слов этих характерны не одни эти ыв и ив,

* Все примеры приведены с чисто-орфографической точки зрения, как и почти все другие примеры этой книги. В живом, устном языке мы имеем не «ходит — хожу — хождение — хаживать», а «ходит — хажу — хаждение», не «несу — ношу — вынос — вынашиваю», а «нису — нашу — вынэс (э—особый звук, средний между ы и а), не «нога — ножка», а «нага — ноги — ношка — ноженька» и т. д. Так как всякий грамотный русский гораздо яснее и вернее представляет себе буквы своего языка, чем звуки его, а в задачу нашу не могло входить ознакомление со звуками русского языка, то мы и подставили везде вместо звуков буквы, пользуясь тем, что грамматической стороны дела это не изменяет.

а и коренное **а** на месте обычного **о** (сравни «ходит» и «хаживает», «колет» и «накалывает», «порет» и «распарывает», «мочит» и «вымачивает» и т. д.). И для нас этот оттенок длительности связан не только с суффиксами **ыв** и **ив**, но и с этим изменением **о** в **а**. Это видно из того, что всякий раз, когда мы хотим придать этот оттенок глаголу, которого мы до сих пор еще никогда не употребляли и ни от кого не слышали в этой форме, мы непременно переменим его «**о**» (если только оно есть в корне) на «**а**», хотя бы форма и казалась нам необычной. Мы способны сказать, хотя бы и с некоторым стеснением: «этот борец всегда побарывает противников», «я частенько браживал по этим местам», «этот бык бадывал уже кое-кого», но уж ни в каком случае мы не скажем «поборывает», «броживал», «бодывал». Это значит, что оттенок длительности в нашем сознании неразрывно связан с этим а, что форма вида выражена здесь не только суффиксом, но и изменением коренного **о** в а, т. е. чередованием **о** и **а**. Вот в каком смысле и можно сказать, что чередование получило здесь формальное значение. Точно так же, напр., появление **о** и **е** в словах: вилок, мисок, головок, ручек, ножек и т. д. (а вставку и выпадение мы можем тоже рассматривать как своего рода чередование, где чередуются звук и отсутствие его в одном и том же корне или в одной и той же формальной части) очень способствует образованию данной формы. Если мы попробуем не вставлять этих **о** и **е**, то получим не род. пад. множ. числ., а нечто бесформенное, одну основу («вилк-», «миск-» «головк-» и т. д.). Но, конечно, далеко не всякое чередование имеет формальное значение. Чередование, напр., **з** и **с** в приставке «воз — вос», чередование **о** и **е** в суффиксе «оват — еват» не имеет ровно никакого значения. Кроме того нужно помнить, что главную роль играют в русском языке все-таки формальные части, а чередования имеют лишь вспомогательное значение. Ведь тот самый оттенок, который мы воспринимаем в словах «нашивать», «хаживать» и т. д. отчасти при помощи чередования **о**—а, этот самый оттенок мы сознаем в словах: сиживать, видывать, сказывать, постукивать, распутывать и т. д. и без всякого чередования, с помощью одних только суффиксов **ыв** и **ив**. Точно так же в словах: рук, ног, голов и т. д. мы с помощью одной нулевой формальной части так же хорошо сознаем род. пад. множ. числа, как и в словах: ручек, ножек, головок и т. д., где этому помогают и вставные о и е.

Рядом с чередованием, а иногда и помимо него, формальное значение может сознаваться и в связи с **месте м ударения** слова. Так, в формах «воду», «ногу», «гору», «нору», «пору», «полу» и т. д. винительный единственного сознается не только благодаря формальной части «-у» и не только благодаря чередованию в основе звуков **о** и **а** (сравн. именительный, как он слышится: «вада», «нага», «гара», «пара», «пала» и т. д.), но и благодаря ударению на первом слоге. Формы имен. множ.: «во́ды», «но́ги», «вёсны», дёсны», «бо́роды», «го́ловы» тоже отличаются от форм род. ед.: «вады́», «наги́», «висны́», «дисны́», «бэрады́», «гэлавы́», не только чередованием, но и ударением, а такие формы, как: «пи́лы», «и́кры», «и́глы», «ру́ки», «спи́ны», «тру́бы», «стру́и» и т. д., от таких, как «пилы́», «икры́», «иглы́», «руки́», «спины́», «трубы́», «струи́» и т. д., уже только одним ударением, всецело помогающим здесь различить два совершенно различных грамматических значения. Что место ударения сознается здесь нами как формальный признак, можно видеть из тех случаев, когда нам приходится образовать непривычный именительный множ. от слов, употребляющихся только в единственном числе: мы скорее скажем: «му́ки», «у́хи» (от слов «мука́» и «уха́» в смысле разных сортов муки и разных видов ухи), чем «муки́», «ухи́», инстинктивно стремясь отличить этим способом множественное от единственного. Точно так же между «полу́чите» и «получи́те», «напи́шете» и «напиши́те», «де́лите» и «дели́те», «хо́дите» и «ходи́те», «но́сите» и «носи́те», «во́зите» и «вози́те» и т. д. различие в наклонении выражено, главным образом, местом ударения, а в таких случаях, как «пи́лите» — «пили́те», «ва́рите» — вари́те», «ва́лите» — «вали́те», «бу́дите» — «буди́те», «ку́пите» — «купи́те» и т. д. даже только одним этим признаком. В языках, в которых различаются разные виды ударений в зависимости от силы и от тона звука (восходящее, нисходящее, усиливающееся, ослабевающее и т. д.), такие же значения могут создаваться и этими различиями. Но и тут надо заметить, что такого цельного разряда случаев, где форма обозначалась бы только ударением, в русском языке нет. Так, различие в ударении между имен. множ. и род. ед. женских существительных на «-а», одно из самых живых и ярких различий этого рода, проведено далеко не по всем словам (срвн.: «ры́бы», «ду́мы», «ба́бы», «карти́ны», «ко́мнаты», «ба́рыни» с обоими значениями), различие

между изъявительным и повелительным наклонениями — тоже (срвн. — «вели́те», «хоти́те», «спеши́те», «смеши́те», «гори́те», «цари́те» и т. д., с обоими значениями). Таким образом и этот признак в русском языке может иметь только подсобное значение, а главными формальными признаками остаются опять-таки отдельные формальные части.

В некоторых языках чередования звуков могут приобретать большое значение. В семитских языках, напр. (арабском, древне-еврейском, ассирийском и др.), большинство форм образуется совсем без формальных частей, только одними чередованиями. Kataba (катаба), напр., значит по-арабски «он написал», kutiba (кутиба) — «он был написан», katibun (катибун) — писец, пишущий, kitabun (китабун) — книга (написанное) и т. д. Здесь вещественное значение, т. е. самое понятие письма, изображения человеческой речи зрительными знаками, выражается все время звуками k—t—b, а формальные значения (части речи, залоги) — чередованиями «a—a—a—», «u—i—a», «a—i—u», «i—a—u» и т. д. Единственный суффикс, который мы в этих примерах видим, это n (суффикс существительного), но и он не обязателен (употребляется только тогда, когда при существительном нет никакого определяющего слова). Склонение производится тоже исключительно переменной гласных: katibun — имен. пад., katibin — род., katiban — вин. (других падежей нет). Точно так же понятие убийства выражается сочетанием согласных: q—t—l (qatala — он убил, qutila — он был убит, qatlun — убийство), понятие власти — сочетанием согласных m—l—k (malaka — он овладел, воцарился, malkun — царь, mulkun — царство, milkun — захваченная вещь) и т. д. И вообще согласные в семитских языках имеют вещественное значение, а гласные — формальное. Здесь (как отчасти и в случаях типа: «пи́лы — пилы́», «и́кры—икры́») уже трудно говорить о распадении слова на части и, расширяя наше определение формы слова применительно ко всем языкам человеческим, нам придется несколько сложнее, но зато точнее и научнее, определить форму слова как способность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные.

Заканчивая главу, считаем нужным подчеркнуть еще раз, что:

1) всякая форма в слове создается в русском языке распадением в сознании говорящего данного слова на вещественную и формальную части,

2) каждая из этих частей имеет свое значение,

3) таким образом в каждом слове, имеющем форму, заключено, с грамматической точки зрения, не одно значение, а, по меньшей мере, два: вещественное и формальное; в огромном же большинстве случаев в одном и том же слове значений еще больше, потому что формальных значений почти всегда несколько.

II. ПОНЯТИЕ О ФОРМАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ СЛОВ.

Выше мы видели, что между звуковой стороной формы слов и ее значением наблюдается очень много несоответствий. Из них важнейшее для русского языка то, что одна и та же формальная часть может иметь несколько значений, и притом значений совершенно разнородных, не допускающих никакого объединения (напр., значения падежа, числа, рода и части речи в форме «стекло», см. стр. 18). Это чрезвычайно затрудняет наши суждения о таких формах. Когда мы имеем в виду звуковую сторону такой формы, мы говорим о ней как о чем-то едином, и в этом случае мы совершенно правы: распаденье одно, формальная часть одна, следовательно, и форма одна. Когда же мы говорим о внутренней стороне такой формы, т. е. о значении ее, нам уже никак нельзя относиться к ней как к единству, и приходится говорить как бы о двух, трех, четырех и т. д. различных формах («форма падежа», «форма числа» и т. д.). Лучше всего говорить в таких случаях об одной и той же форме, распределенной между разными формальными категориями. Сейчас мы увидим, что это значит.

Возьмем, положим, глагольные формы «неси», «веди», «люби» и т. д. В формальной части их **и** мы находим то значение, которое называется обычно значением повелительного наклонения (подробности об этом значении см. в гл. XI). Совершенно то же значение, без малейших изменений, мы найдем и в формах: «вынь», «тронь», «правь», «грабь», «сядь», «жарь», «трусь», «трать» и т. д., т. е. в формах со смягчением последнего согласного основы и с нулевым аффиксом (на письме аффиксом является **ь**). Далее, мы найдем его же в формах: «читай», «гуляй», «жалей», «толстей», «рисуй», «торжествуй», т. е. в глаголах с основами на **й** и тоже с нулевым аффиксом (срвн. «гуляйу», «гуляйа» и т. д., на письме аффиксом является, конечно, **й**: гуля**ю**—гуля**й**). Таким образом три совершенно различных ряда форм с тремя различными формальными частями (на письме окончания **и**, **ь**, **й**) образуют по значению один ряд, не допускающий никакого разделения. Далее, сравнивая наши три ряда: «неси», «вынь», «гуляй»

с рядами: «несите», «выньте», «гуляйте», мы найдем, что в отношении повелительного значения ничего не изменилось. Изменилось что-то другое, о чем мы будем говорить в ближайших строках, но повелительный оттенок остался совершенно тот же. Следовательно, мы уже шесть рядов форм можем объединить по значению повеления в один ряд. Вот такой-то ряд форм, различных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть одной формальной категорией слов, в данном случае категорией повелительного наклонения глагола.

Но в аффиксе **и** формы «неси» (так же как и в приметах форм «вынь» и «гуляй») заключается не одно значение повеления. Сравнивая эту форму с формами: несу (также ем, дам), несешь, несет, нес, несла, несло, нес бы, несла бы, несло бы, а с другой стороны, с формами: несем, несете, несут (едят), несли, несли бы, несите,—замечаем, что в форме «неси» выражено еще то, что называется обычно единственным числом. И по этому значению между формами «неси» и «несите» будет уже огромная разница, а между формами «неси» и «несу», «несешь», «несет», «нес», «несла» и т. д. не будет никакой разницы. Стало быть, по этому значению форма «неси» отделится от формы «несите», и объединится с совершенно другим рядом форм («несу», «несешь» и т. д.), образуя с ним одну формальную категорию единственного числа глагола.

Далее, сравнивая наше «неси» с формами: несешь, несете, несите, с одной стороны, и с формами: несу, несет, несем, несут — с другой, находим в аффиксе **и** еще значение второго лица (впоследствии мы подробнее скажем, что это значит), и по этому значению объединяем форму «неси» с формами «несешь», «несете», «несите» в категорию второго лица глагола.

Сравнивая «неси» и «несись», открываем в нашей форме еще одно значение, по которому она принадлежит уже к новой, четвертой, формальной категории, к категории невозвратного залога глагола.

Наконец, сравнивая «неси» с «понеси», «принеси», «унеси» и т. д., открываем еще одно значение, по которому форма эта принадлежит к пятой формальной категории, к категории несовершенного вида.

Таким образом одна и та же форма может распределяться по разным категориям, а категории оказываются такими рядами форм, которые: 1) объединены каждый значением тех форм, которые в них входят, 2) отличаются друг от друга и значением и звуками тех форм, которые в них входят, при чем последнее отличие может быть либо полным, в том смысле, что ни одна из форм данной категории не совпадает по звукам ни с одной из форм другой категории, либо частичным, в том смысле, что часть форм одной категории совпадает по звукам с частью форм другой, а часть не совпадает. Первое отношение оказывается между однородными по значению категориями (напр., между категориями 1-го, 2-го и 3-го лица, категориями единственного и множественного числа и т. д.), а второе — между разнородными по значению категориями (напр., между категорией 1-го лица и категорией единственного числа). Все это можно видеть на следующей схеме для категорий лица и числа глагола *:

кат. 1-го л.	*кат. 2-го л.*	*кат. 3-го л.*	*кат. ед. ч.*	*кат. мн. ч.*
несу	несешь	несет	несу	несем
несем	несете	несут	несешь	несете
	неси		несет	несут
	несите		неси	несите
			нес	несли
			несла	несли бы
			несло	
			нес бы	
			несла бы	
			несло бы	

Мы видим, что категории лица между собой и категории числа между собой совершенно различны, так как не заключают в себе ни одной сходной формы, по отношению же друг к другу они перекрещиваются, т. е. часть форм одной категории совпадает с частью форм другой (напр., катег. ед. ч. совпадает по форме «несу» с катег. 1-го л.), а часть не совпадает.

* Для упрощения схемы мы отвлекаемся в ней от тех случаев, когда от разных основ образуются разные формы одной и той же категории, как «неси — вынь — гуляй», «несу — ем».

В приведенных до сих пор примерах ряды разнозвучных форм объединялись одним простым значением, не дифференцированным на различные оттенки (напр., значение единственного числа, значение первого лица и т. д.; «повелительное» значение, как увидит ниже читатель, тоже, поскольку речь идет о значении формы слова, — одно, так как разнообразные оттенки вносятся здесь исключительно интонацией, см. гл. X). Но не всегда так бывает. Если мы возьмем, напр., категорию: ходил **бы**, ходила **бы**, ходило **бы**, ходили **бы**, то мы найдем, что она объединяется целым рядом значений, которые подробно будут описаны в той же гл. X, и из которых здесь достаточно указать, напр., на значение желания («Так и ходил бы всю ночь напролет!») и предположения («Я, пожалуй, ходил бы к нему»). Все эти значения представляют лишь разновидности или оттенки одного основного значения, которое опять-таки будет разобрано ниже. Таким образом здесь ряд разнозвучных форм объединяется в категорию целым комплексом однородных значений.

Еще сложнее дело обстоит в следующем случае.

Возьмем, положим, такую форму, как «пером» (тв. пад. ед. ч. от слова «перо»). Наиболее частое значение этой формы — орудное («пишу пером», «этот писатель живет исключительно своим пером» и т. д.). Но довольно часто встречается и другое значение ее — сравнительное («жил пером, туда-сюда, куда ветер дует», у М. Горького в романе «В людях», «сидит барином», «кричит петухом» и т. д.). Переходя к другим основам, мы найдем еще значение временно́е («этим летом я жил в деревне»), местное («шел лесом») и некоторые другие. Некоторые из этих значений (напр., орудное и сравнительное) не имеют в настоящее время ничего общего между собой, и является мысль, не следует ли разнести эту форму по разным категориям, напр., хотя бы по категориям орудности и сравнения. Но обратим, прежде всего, внимание на то, что здесь соотношение между звуками и значением совсем особое, не такое, как в предыдущих случаях. Там два или несколько разнородных значений принадлежали одновременно, в одном и том же контексте, одному и тому же аффиксу (лицо, число, наклонение и т. д.); здесь же эти разнородные значения сменяют друг друга в зависимости от контекста. Далее, если мы станем искать среди форм существитель-

ного таких рядов форм, у которых в одном ряду выражалась бы только орудность, а в другом только сравнение, как это было у категорий отдельных лиц или отдельных чисел, мы их тоже не найдем. Напротив, мы найдем ряд форм, в которых все указанные выше разнородные значения так же тесно сжились между собой, уместившись, так сказать, в одних и тех же звуках, как и в форме на **-ом**. Это будут формы: вод**ой**, кост**ью**, перь**ями** (вод**ами**, кост**ями**). Следующие примеры покажут, что в отношении этих значений между всеми этими формами нет ни малейшей разницы: 1) рубил топор**ом**, пилил пил**ой**, сверлил дрил**ью**, 2) кричал петух**ом**, кудахтал куриц**ей**, кричал вып**ью**, 3) это было лет**ом**, зим**ой**, ноч**ью**, 4) шел лес**ом**, полян**ой**, пустош**ью**, 5) рубили топор**ами**, кричали петух**ами**, шли ноч**ами**, шли пол**ями**. Мало того, какой бы мы тонкий оттенок значения ни нашли в одной из этих форм, мы его найдем сейчас же и во всех остальных. Если можно сказать «выше рост**ом**», то можно сказать и «важнее фигур**ой**» и «шире груд**ью**». Если можно сказать «обернулся сокол**ом**» (значение превращения), то можно сказать и «обернулся горлиц**ей**, мыш**ью**», «братья обернулись муравь**ями**». Если можно сказать «писать крупным почерк**ом**» (значение способа), то можно сказать и «писать латиниц**ей**, скоропис**ью**, каракул**ями**» и так далее. Оказывается, что все эти формы так же тождественны между собой по значению, как формы, образующие одну категорию, но с той разницей, что значений-то здесь не одно, а много, и значения, по большей части, разнородные, так что тождественность проявляется не только в значениях, но и в самом совпадении всех этих разнородных значений в одной форме. В других падежах существительных значений еще больше, и они еще разнороднее (особенно это имеет место в родительном падеже), но совпадение значений в разных формах остается столь же абсолютным.

Такой ряд форм, объединенных комплексом разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой форме, мы тоже будем называть категорией.

Может возникнуть вопрос, почему мы все-таки не делаем из такого ряда нескольких категорий, соответственно значениям. Ведь значение — это то, что объединяло для нас до сих пор разнозвучные формы в одну категорию. Однако такое обращение с понятием «категория» (встречающееся кое-где в литературе)

мы бы считали рискованным, так как оно оторвало бы это понятие от понятия формы слова, как оно выше установлено, и от звуковой базы языка. В самом деле, категории, которые мы до сих пор установили, отличались друг от друга не только значениями, но и звуками входящих в них форм (хотя бы это отличие заключалось только в части форм или даже только в одной из форм, образующих категорию). Здесь же мы получили бы абсолютно однозвучные категории (напр., «столом — водой — костью — столами — водами — костями» как категорию орудности и те же формы как категорию сравнения и т. д.). А так как установить число значений одной и той же формы и далее распределить эти значения на оттенки и на самостоятельные значения дело необычайно трудное и выполняемое обычно различными лингвистами различно, то понятие категории потеряло бы свою объективную значимость (связанную со звуковой стороной его). В конце концов, мы получили бы из каждого такого ряда форм (а также и из таких рядов, как «ходил бы — ходила бы — ходило бы — ходили бы», где каждый оттенок значения тоже мог бы претендовать на звание «категории») огромное количество категорий, у разных исследователей различных, и эти категории совсем не походили бы на те основные категории лица, числа и т. д., с которых мы начали главу, и которые нам необходимы будут в течение всего дальнейшего изложения. Вот почему мы включаем в понятие категории условие разнозвучности отдельных категорий между собой и формулируем его в конце концов так:

Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику.

Объединение же форм со стороны значения может осуществляться при помощи: **1) единого значения, 2) единого комплекса однородных значений, 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм.**

Теперь мы должны еще установить, какие соотношения и связи существуют между отдельными категориями. Так как некоторые формальные значения соотносительны между собой (напр., значение 1-го, 2-го и 3-го лица в глаголе или значение мужского, женского и среднего рода в существительном, значение единственного и множественного числа и др.), то и соот-

ветствующие категории попадают в то же соотношение, и тогда можно говорить об общих категориях лица, рода, числа и т. д. В сущности, такие общие категории суть группы категорий, объединенные по одной какой-либо черте значения. С другой стороны, некоторые формальные значения неразрывно связаны друг с другом, хотя и не соотносительны. Напр., значение, образующее категории положительной, сравнительной и превосходной степеней сравнения, тесно связано со значением, образующим категорию признака, потому что только признак может изменяться по степеням, и только по признакам могут предметы сравниваться между собой (стол может быть «выше», «ниже», «удобнее» и т. д. другого стола, но он не может быть «столее» другого стола). Поэтому степени сравнения могут быть только у прилагательных и наречий и не могут быть у существительных (исключения всегда связаны с видоизменением значения самого существительного в сторону признака, напр.: «Послали Галузова на работу не на Марс, и не на полюс, и не к африканским берегам. Место службы — в центре. Москва, чего уж центрее!» из «Изв. ЦИКа РСФСР и ВЦИКа СРККД»). Здесь, значит, одна категория как бы подчинена другой категории или, вернее сказать, обусловлена ею. С этой точки зрения можно различать главные и второстепенные категории или, точнее, «обусловливающие» и «обусловливаемые». По составу своих форм обусловливающие категории всегда заключают в себе все формы обусловливаемых категорий. Так, категория спрягаемого глагола не может не заключать в себе всех форм, образующих категории лиц, чисел, наклонений, времен, видов, залогов. Звуковая характеристика такой «обусловливающей» категории заключается именно в том, что категория эта не совпадает ни с одной из «обусловливаемых» категорий в отдельности и только со всеми ими, вместе взятыми. Категориями, самыми главными, «обусловливающими» все остальные категории языка и их объемлющими по составу, и являются как раз категории частей речи, которыми мы займемся в одной из следующих глав.

Последний пример (со степенями сравнения) приводит нас к еще одной особенности в области соотношения категорий между собой. Если мы станем сравнивать значения категорий положительной, сравнительной и превосходной степени, то заметим, что особое значение сравнения и той или иной степени

этого сравнения есть, в сущности, только в сравнительной и превосходной степенях. Когда мы говорим «красивый», «умный», «красиво», «умно» и т. д., мы не имеем в виду никакого с р а в н е н и я предметов или действий по этим признакам, мы не думаем о том, что другой предмет красивее, другой человек умнее и т. д. Значит, как будто бы никакого особого значения степени признака здесь нет. Однако по с р а в н е н и ю со сравнительной и превосходной степенями здесь получается особое н у л е в о е значение, т. е. по сравнению с теми категориями здесь тоже сознается особая н у л е в а я категория, которую мы и называем категорией «положительной» степени. Другими словами, самое о т с у т с т в и е значения создает здесь своего рода значение, и происходит это по той же причине, по которой отсутствие формальных частей в нулевых формах создавало своего рода формальные части (см. стр. 16). Категории, как и отдельные формы, создаются в п о с т о я н н о й с в я з и м е ж д у с о б о й и непрерывно с р а в н и в а ю т с я в нашем сознании между собой. Подобными нулевыми категориями переполнен наш язык, как в этом убедится читатель из дальнейшего: изъявительное наклонение, напр., есть, в сущности, «нулевое» наклонение, несовершенный вид, в сущности, «нулевой» вид, невозвратный залог, в сущности, «нулевой» залог (в последних двух случаях это сказывается и на самых терминах, начинающихся с «не») и т. д.

III. СИНТАКСИЧЕСКИЕ И НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ.

Возьмем выражение «люблю сестру» и остановимся на форме «сестру». Она принадлежит к трем категориям: падежа, числа, рода. Сравним между собой две из них, как раз наиболее тесно между собой связанные: падежа и числа. Между ними оказывается огромная разница. Падеж слова «сестру» зависит от слова «люблю», при котором никакого другого падежа быть не может: нельзя сказать «люблю сестры», «люблю сестре», «люблю сестрою», а только «люблю сестру». Напротив, число слова «сестру» не зависит от слова «люблю»: можно одинаково сказать и «люблю сестру» и «люблю сестер». То же будет и со всяким другим существительным, стоящим при слове «люблю»: оно всегда должно будет стоять в винительном падеже, а число может быть какое угодно. И если некоторые слова все-таки должны будут стоять непременно в единственном числе или непременно во множественном («люблю родину», а не «родины», «люблю святки»), то это уже будет зависеть от самих этих слов, от того, что у них нет форм того или другого числа, а слово «люблю» тут будет не при чем. Точно так же в выражении «любовь брата» падеж слова «брата» зависит от слова «любовь» (нельзя сказать «любовь брату», «любовь братом» и т. д.), а число не зависит (можно сказать и «любовь брата» и «любовь братьев»). И вообще падеж существительных всегда зависит от других слов данного сочетания, а число не зависит.

Категория рода тоже, очевидно, не зависит от других слов, так как одинаково можно сказать: «люблю ребенка» и «люблю дитя», «наказываю ученика» и «наказываю ученицу», «приглашаю учителя» и «приглашаю учительницу» и т. д. Точно так же и все увеличительные, уменьшительные, ласкательные, пренебрежительные категории («люблю сестрицу, сестренку», «читаю книгу, книжку, книжицу, книжищу») и вообще все категории существительного, у которых формы образуются не флексиями («люблю общение, общность, общество, общительность, сообщение, разобщение, купцов, перекупщиков, покупки, закупки» и т. д.), не зависят от других слов в речи.

Категории, обозначающие, как падеж существительных, зависимость одних слов в речи от других, называются **синтаксическими** (потому что связная речь изучается в синтаксисе), а категории, не обозначающие такой зависимости, — **несинтаксическими**, или **словообразовательными**.

Примечание. Последнее название происходит оттого, что очень многие из форм, составляющих эти категории (но далеко не все), вносятся в словари в виде отдельных слов (напр., «книга», «книжка», «книжища», «книжища», «книжонка» — все будут в словаре в качестве отдельных слов), так что формы эти большей часть образуют, с словарной точки зрения, новые слова.

У существительных мы нашли только одну синтаксическую категорию — падеж. У прилагательных найдем их целых три. В сочетании «покойной ночи» не только падеж слова «покойной» зависит от падежа слова «ночи», но и число и род слова «покойной» зависит от числа и рода слова «ночи»; нельзя сказать «покойн**ого** ночи» или «покойн**ых** ночи»; наоборот, если мы заменим слово «ночи» словом «сна», то мы уже должны будем сказать «покойн**ого** сна», при слове «сновидений» мы скажем «покойн**ых** сновидений» и т. д. Таким образом у прилагательного и падеж, и число, и род — категории синтаксические. Все же другие категории прилагательных — несинтаксические, или словообразовательные (можно сказать и «покойной» и «покойнейшей ночи», «наипокойной», «препокойной», «успокоительной» и т. д.).

В сочетании «он стучит» категория лица в форме «стуч**ит**» зависит от слова «он» (нельзя сказать «он стуч**у**» или «он стуч**ишь**»), так же и категория числа (нельзя сказать «он стуч**ат**»). Точно так же в сочетании «он стучал» категория рода и категория числа формы «стучал» тоже зависят от слова «он» (нельзя сказать «он стучал**а**» или «он стучал**и**»). Все это, значит, категории синтаксические. Напротив, категории вида и залога — несинтаксические, так как одинаково можно сказать и «он стучит» и «он **пост**уки**в**ает» и «он стучит**ся**». Категории времени и наклонения глагола тоже не выражают зависимости составляющих их форм от окружающих форм: одинаково можно сказать и «он стуч**ит**», и «он стуч**ал**», и «он стуч**ал бы**». Но категории эти считаются синтаксическими по причинам, которые можно будет выяснить лишь впоследствии. Категория времени в причастиях и деепричастиях тоже является синтаксической, частью по тем же

причинам, а частью потому, что может выражать соотношение между причастием или деепричастием и тем глаголом, к которым они относятся (см. стр. 144 и след.).

Есть еще одна категория в русском языке, значением которой мы займемся после, но синтаксическую природу которой можем обнаружить и сейчас. Это категория, которую за неимением термина приходится довольно неуклюже назвать категорией краткости прилагательного. Мы имеем в виду ряд форм: добр, добр**а**, добр**о**, добр**ы**, которые в сопоставлении с «добрый», «добрая» и т. д. и образуют отдельную категорию. Что категория эта синтаксическая, ясно из того, что формы, ее образующие, употребляются только в определенных сочетаниях, именно при так называемых глаголах-связках: «он был добр», «она была добра» (о выпуске глагола-связки в известных случаях мы скажем далее), «они сделались добры», и не употребляется в других сочетаниях (напр., нельзя сказать: «добр человек пришел к нам»).

Итак, синтаксические категории в русском языке следующие:

1) категория **падежа существительных;**

2) категории **падежа, числа, рода и краткости прилагательных;**

3) категории **лица, числа, рода, времени и наклонения глаголов и времени причастий и деепричастий.**

Между категориями синтаксическими и несинтаксическими (словообразовательными) есть и более тонкая, и притом более существенная, внутренняя разница. Формы, образующие словообразовательные категории, всегда вносят какой-либо новый оттенок в вещественное значение слова. В слове «столы» выражается не то же самое, что в слове «стол», в слове «столик» представляемый предмет тоже изменяется (уменьшается), и т. д. При словах «похаживает», «постукивает» нам представляется не точно такое же хождение и стучание, как при словах «ходит» и «стучит». Точно так же и «он стучится» не то же самое, что «он стучит», потому что «стучаться» можно только тогда, когда хочешь обратить на себя внимание того, кто находится внутри, а «стучать» можно с разными целями и по разным предметам («стучу**сь** в дверь, в окно, в квартиру», но «стучу по столу»; «стучу по двери» обозначало бы только самый процесс стучанья без оттенка желания проникнуть внутрь, «стучу**сь** в стол» могло бы быть сказано только спиритом). Напротив, формы, образующие синтаксические категории, не изменяют нисколько вещественного значения слова. При словах: «стола», «столу», «столом» и т. д. мы все время представляем себе совершенно один и тот же предмет без всяких изменений. Задача этих форм совершенно другая, и еще более важная: они выражают отношения между нашими словами.

представлениями и тем создают связную речь-мысль. Без них речь наша рассыпалась бы на отдельные бессвязные слова, а языковая мысль на отдельные представления. Без форм словообразовательных категорий еще можно было бы пользоваться языком, потому что он остался бы совершенно связным и правильным, только стал бы страшно беден словами и оттенками; без форм синтаксических же категорий невозможно было бы никакое говорение и понимание.

Некоторые несинтаксические категории стоят в тесной связи с синтаксическими и потому должны рассматриваться одинаково и в морфологии (т. е. учении о формах отдельных слов, см. стр. 39) и в синтаксисе. Сюда относятся: 1) такие категории, в которых самый оттенок, образующий категорию, совершенно изменяет отношения данного слова к другим словам; таковы, напр., категории частей речи («белизна» и «белый» разнятся, прежде всего, по оттенку значения самих этих слов, но эта разница делает то, что и соединения, в которые они вступают с другими словами, совершенно различны по значению, точно так же и «белеет», «белея», «белевший», «белеть», «белó»), категории залога («читает что» или, метонимически, «кого», а «читается кем»), категории вида («лежать» не требует винит. падежа, а «пролежать» требует), категории степени сравнения («белó» не требует родительного падежа, а «белée» требует); все эти категории стоят прямо на границе между синтаксическими и несинтаксическими; впрочем, в области частей речи категории наречия и инфинитива, кажется, целиком синтаксичны, так как едва ли не всё значение формы «белеть» сводится к отсутствию тех синтаксических значений, которые есть у формы «белеет» (см. стр. 148 и след.), и так как вся сущность значения формы «белó», как наречия, сводится к его приглагольности; во всяком случае словообразовательная сторона значения в этих категориях весьма проблематична; 2) категории, которые, будучи сами по себе несинтаксическими, имеют при себе в языке, в силу законов согласования (см. гл. V), соответствующие синтаксические категории; таковы категории числа и рода существительных. По соотношению с категориями числа и рода прилагательных и глаголов и они должны привлекаться к изучению в синтаксисе.

IV. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ.

Прежде всего условимся о том, что мы будем понимать под «словосочетанием», так как термин этот отнюдь не равняется простому «сочетанию слов». Есть в языке такие сочетания слов, которые не являются словосочетаниями и, наоборот, некоторые наши «словосочетания» окажутся фактически не сочетаниями слов, а простыми словами.

Возьмем следующее место из повести «К новой жизни» С. Решетова:

И тут всем существом ему почувствовалось, что наступила, наконец, пора мысль о побеге привести в исполнение.

Такие части его, как: «всем существом», «ему почувствовалось», «наступила наконец», «о побеге», «мысль о побеге», «в исполнение», «привести в исполнение» — мы признаем словосочетаниями, а такие, как «тут всем», «существом ему», «пора мысль», «о побеге привести» — не признаем, хотя такие «сочетания слов» в данной речи несомненно имели место. Стало быть, не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание, а только такие, которые соединены в мысли. С другой стороны, такие сочетания слов, как: «тут почувствовалось», «наступила пора», «привести мысль», мы для данной речи тоже не можем признать словосочетаниями, хотя мысленное единство здесь несомненно: слова эти в данной речи физически отделены друг от друга. Таким образом для того, чтобы два слова могли составить словосочетание, надо, чтобы они были соединены одновременно и в речи и в мысли. Словосочетание, как и слово, есть единство внешне-внутреннее, физико-психическое. Правда, сочетания последнего рода, когда психическое единство есть, а физическое нарушено вставкой промежуточных слов, принято не отличать от физически цельных словосочетаний, так что в качестве примеров на словосочетания, положим, типа: «наречие + глагол» приводятся обычно безо всяких оговорок не только такие примеры, как «хорошо читает», но и такие, как «хорошо книгу читает», «хорошо моя жена читает» и т. д. Но это, конечно, потому, что выпуск промежуточных слов здесь всегда возможен, так что грам-

матист, приводящий такой пример, опирается, в сущности, не прямо на него, а на известное видоизменение его (с выпуском промежуточных слов), т. е. опять-таки на известное физическое единство.

До сих пор мы говорили о словосочетаниях из двух слов (там, где в наших примерах было три слова, третье было предлогом или союзом, т. е. несамостоятельным словом, см. дальше в этой же главе). Но в словосочетании может быть и несколько и много слов при условии все того же физико-психического единства их. Это осуществляется таким образом, что одно словосочетание сознается как часть другого словосочетания, более обширного по объему. Так, из вышеприведенного примера можно выделить как отдельные словосочетания: «существом ему почувствовалось», где одна из частей, в свою очередь, составляет словосочетание: «существом+ему почувствовалось», «всем существом ему почувствовалось», «тут всем существом ему почувствовалось», «наступила, наконец, пора», «наступила, наконец, пора мысль о побеге привести», «наступила, наконец, пора мысль о побеге привести в исполнение». Наконец, весь этот пример, состоящий из двух предложений, может тоже рассматриваться как одно словосочетание, так как является собой опять-таки известное физико-психическое единство. А, например, сочетание: «наступила, наконец, пора мысль» или «наступила, наконец, пора мысль о побеге», никак не может явиться словосочетанием, так как здесь нет психического единства, а только физическое. Таким образом: **словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли.**

Что касается тех случаев, когда к словосочетаниям приравниваются отдельные слова, то случаи эти читатель сможет понять только по прочтении всей этой главы, так как приравнение это основывается как раз на понятии формы словосочетания. Поэтому мы прежде всего должны выяснить те признаки, которые образуют в словосочетании его форму. К этому мы и переходим.

Возьмем несколько отдельных слов, имеющих форму: «хочу», «читаю», «сестра», «книга». Несмотря на свои формы, слова эти не дают в таком сочетании никакого определенного смысла. Если кто-нибудь скажет: «хочу читаю сестра книга», мы извлечем из его слов так же мало, как если бы он сказал: «хоч-чит-сестр-книг», т. е. совсем отказался бы от форм, говорил одними

корнями. Точно так же мы не поймем, если нам скажут: «хотим читаю сестры книге», «хотящий читаешь сестру книгой» и т. д., и т. д. Можно было бы придумать из этих четырех слов *несколько сот* таких комбинаций, и все они будут совершенно бессмысленны. Напротив, если нам скажут: «хочу читать сестре книгу», или «хочу читать книгу сестры» или «сестра хочет читать книгу», все будет понятно. Значит, для того чтобы какое-нибудь сочетание слов было *словосочетанием*, т. е. имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в него, имело свою форму, а нужно еще, чтобы *все оно тоже имело определенный вид, определенное* внешнее и внутреннее **строение;** и вот это-то строение того или иного словосочетания мы будем также называть *формой*, но уже, конечно, не формой слова, а **формой словосочетания**. И эту общую, окончательную форму надо отличать от тех отдельных *форм*, которые ее создают. Про сочетания: «хочу читать сестре книгу», «хочешь читать книгу сестры», «сестра хочет читать книгу» и т. д. можно сказать, что каждое из них имеет *свою особую форму*. Про сочетания: «хочу читать сестре книгу», «думаю писать матери письмо», «собираюсь платить дворнику жалованье», «могу объяснять ученику урок», «отказываюсь давать нищему милостыню» и т. д., можно сказать, что все они имеют *одинаковую форму*. Наконец, про сочетания: «хочу читаю сестрой книге», «хотим читаю сестре книгой» и т. д. можно сказать, что ни одно из них не имеет такой *формы*, которая была бы свойственна русскому языку (хотя отдельные *формы*, их составляющие, все свойственны ему). Этим и объясняется их непонятность.

Поясним еще наше новое понятие наглядно. Положим, нам даны разные фигурки: О, +, ⊙, ∾, и т. д. Каждая из них имеет, как мы видим, определенную форму. Тем не менее из сочетания их мы можем построить бесконечное число новых, более сложных форм:

И если бы кому-нибудь вздумалось изучать эти рисунки, ему пришлось бы, конечно, различать формы маленьких фигурок и формы больших фигур, составленных из маленьких. Подобным же образом в человеческом теле так называемые «ткани» (собрание однородных клеточек) складываются в более крупные части, органы, причем одинаковые ткани встречаются в разных органах, так что органы отличаются друг от друга, главным образом, различным расположением тканей. И формы тканей изучаются в одной науке (гистологии), а формы органов — в другой (анатомии).

Сравнения наши неудовлетворительны только в одном отношении: в обоих приведенных случаях слово «форма» имеет буквальный смысл, потому что речь идет о чем-то пространственном (фигурки, клеточки, органы), к грамматике же слово «форма» применимо только в переносном смысле, так как тут приходится иметь дело с элементами, протекающими во времени. Ведь и слово и сочетание слов бестелесны, они живут, текут, произносятся, мыслятся, это — явления, а не предметы. Правда, мы можем зафиксировать их на письме, и тут получаются некоторые материальные следы этих явлений (буквы); но само собой разумеется, что не формы этих следов изучаются в языковедении, а формы самих явлений, как в теории музыки изучаются не формы нотных значков и не формы вырезок на граммофонных пластинках, а формы самой музыки, формы мелодии и гармонии. Впрочем, и в других областях знания, помимо музыки и лингвистики, переносный смысл слова «форма» давно получил права гражданства: историки литературы говорят о литературных формах, социологи — о формах развития народов, юристы — о формах правовой жизни, формах политических, формах правления, медики — о формах болезни, и т. д.

Тот отдел грамматики, в котором изучаются формы отдельных слов, называется морфологией *.

Тот отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний называется синтаксисом.

Сама же грамматика определится, таким образом, как **тот отдел языковедения, в котором изучаются формы языка.**

Другими отделами языковедения являются: фонетика — учение о звуках, семасиология — учение о значениях слов (поскольку они неграмматичны, конечно, так как учение о грамматических значениях входит в грамматику), лексикология — учение о словах (т. е. о

---

* От греческого слова μορφή (морфе), что значит «форма». Школьное название «этимология» применяется в науке только в смысле истории грамматического состава того или иного слова. Говорят, напр.: «этимология слова «стол» вполне выяснена», «этимология этого слова очень интересна» или «очень запутана» и т. д.

словарном составе языка). Впрочем, ввиду невозможности изучать звуки языка отдельно от грамматического состава слов (напр., в чередованиях), а формы — отдельно от звуков, их составляющих, фонетика и грамматика обычно объединяются под общим именем грамматики. Так как языковедение — наука историческая, то понятно, что во всех этих отделах явления языка изучаются исторически, т. е. грамматика есть история форм, фонетика—история звуков, семасиология — история значений, лексикология — история словаря. Но как в истории возможно и необходимо описание того или иного момента в жизни народа, как определенным образом сложившегося результата всех предшествующих изменений, так в каждом из отделов языковедения возможны и чисто описательные труды, фиксирующие язык в тот или иной момент его развития (напр., настоящая книга, описывающая преимущественно современные формы русского языка). И как в истории такого рода описания выясняют соотношения между учреждениями, правами, экономикой, техникой и т. д. той или иной эпохи, так и в языковедении описательные труды не просто перечисляют факты языка, а раскрывают ту систему фактов, которую каждый язык в каждую данную эпоху представляет. Кроме того, как в истории существует общая теория развития человеческих обществ — социология, так и в языковедении существует общая теория языка, или общее языковедение, изучающее законы развития человеческого языка вообще на основании фактов, доставляемых историей отдельных языков.

На первый взгляд можно подумать, что в синтаксисе изучается то же самое, что в морфологии, только в другом порядке; ведь всякое сочетание состоит из отдельных форм, так что то, что изучено уже в морфологии порознь, то самое как будто бы изучается в синтаксисе в связи. На самом деле это не так. Есть вещи, которые совсем не изучаются в синтаксисе, а только в морфологии, и есть вещи, которые, наоборот, совсем не изучаются в морфологии, а только в синтаксисе. Начнем с первых.

Мы видели, что словосочетание «хочу читать сестре книгу» имеет определенное строение, зависящее от тех отдельных форм, из которых оно составлено. Но от всех ли этих форм зависит это строение? Переделаем наше словосочетание так: «хочу читать сестр**ице** книгу», «хочу читать сестр**енке** кни**жку**», «хочу читать сестр**ам** книг**и**», «хочу **про**читать сестр**енкам** кни**жки**» и т. д. Изменилось ли строение словосочетания? Конечно, нет. Его попрежнему можно обозначить формулой: «1-е лицо ед. ч. глагола+инфинитив (научное название школьного «неопределенного наклонения») + дат. пад. существительного + вин. пад. существительного». Совсем другое будет, если мы изменим так: «хочу читать сестр**ы** книгу» (обычнее «книгу сестр**ы**»), «хоч**ет** читать сестр**а** книгу» и т. д. Если читатель справится в предыду-

щей главе о том, какие формы слов в русском языке принадлежат к несинтаксическим категориям и какие к синтаксическим, то он сейчас же заметит, что в первом случае мы изменили формы первого рода, а во втором — формы второго рода. Значит, формы слов, принадлежащие к несинтаксическим категориям, не влияют на форму словосочетания или, если и влияют, то лишь постольку, поскольку они связаны с формами синтаксических категорий (см. стр. 35), и форма словосочетания есть, таким образом, определенная комбинация форм слов только синтаксических категорий.

Но, с другой стороны, не только в комбинации отдельных форм здесь дело, а и:

1) в роли слов, не имеющих формы, но входящих в то же сочетание,

2) в порядке слов,

3) в интонации и ритме,

4) в характере связей между словами.

Остановимся на каждом из этих пунктов подробнее.

1. Слова, не имеющие формы, не живут в языке отдельной жизнью, а тесно переплетаются со словами, имеющими форму. При этом они вступают в постоянную связь с определенными формальными категориями. Так, напр., слово «очень» соединимо только с прилагательным и глагольным словом, но не с существительным: можно сказать: «очень полный», «очень полнеет», «очень полневший», «очень полнея», «очень полнеть», но не «очень полнота». Слово «вчера» соединимо только с глагольным словом: можно сказать: «вчера умер», «вчера умерший», но не «вчера мертвый» (за исключением обособленного употребления прилагательных, где такое сочетание возможно, см. гл. XXII), «вчера смерть». Таким образом, слова, не имеющие формы, не внешне только пристегнуты в словосочетаниях к словам, имеющим форму, а срастаются с ними в одно неразрывное целое, почему и влияют на форму этого целого. Особенное значение приобретают при этом так назыв. частичные или служебные слова. Так называются слова, не имеющие самостоятельного значения, а только вносящие какой-либо оттенок в значения других слов и сочетаний. Если мы сравним такие слова, как: «белый», «красиво», «писать», «вчера», «надежда», «вскачь» и т. д., с такими словами, как: «для», «без», «кроме», «конечно», «ведь», «чтобы»,

«в», «даже», «не» и т. д., то заметим между этими рядами слов огромную разницу. Первые имеют свой отдельный, самостоятельный смысл. При каждом из них нам представляется что-нибудь отдельное. Напротив, при каждом из слов второго ряда нам сейчас же представляется, что тут опущены какие-то другие слова, как раз самые главные, без которых наше слово и смысла не имеет. При слове «для» нам сейчас же представится, что недостает какого-то существительного (для кого? для чего?); при слове «конечно» нам сейчас же представится целая фраза, которую говорящий подтверждал этим «конечно». Таким образом вся суть значения этих слов, состоит в том, что они вносят тот или другой оттенок в значение других слов. Слова первого рода всем кажутся сразу словами, и ребенку не приходится объяснять, что «белый» или «вскачь» отдельные слова. Напротив, к различению слов второго рода нас приучает, главным образом, грамотность и занятия языком в школе. И это потому, что отдельность их, в сущности, очень ограниченная. Они отдельны только потому, что ни с чем не сцеплены, что появляются между отдельными словами, — словом, они отдельны преимущественно физически (хотя и то очень ограниченно, напр., они почти никогда не имеют собственного ударения, а примыкают по ударению к ближайшему слову). Можно сказать, что слова первого рода имеют полный смысл в языке. Поэтому они называются обыкновенно полными, или знаменательными словами. Слова же второго рода имеют частичный смысл и потому называются частичными, или служебными словами. Этого деления слов на полные и частичные отнюдь не следует смешивать с делением на форменные и бесформенные. Такие слова, как «вчера», «вскачь», «какаду», конечно, полные слова, хотя и не имеют формы. И, наоборот, существуют частичные слова (правда, в небольшом количестве), имеющие форму (наша связка в сочетаниях «был умен», «был добр» и т. д., все вспомогательные глаголы в западно-европейских языках, оба члена западно-европейских языков и т. д.). Так вот на частичных-то словах и надо нам остановиться, чтобы выяснить синтаксическое значение слов, не имеющих формы. Дело в том, что огромное большинство частичных слов как раз не имеет формы. По значению же они очень близки к формальным частям слов, имеющих форму. Предлоги, напр., соответствуют в общем по значению флексиям существи-

тельных. Предлог «для» обозначает сейчас почти то же, что флексия дательного падежа (срвн. «сделай мне это!» и «сделай для меня это!»), предлог «от» очень близок по значению к родительному падежу (срвн. «избегнуть чего» и «избавиться от чего») и т. д. Часто то, что в одних языках выражается падежом, то в других языках — предлогом с зависящим от него падежом. Мы говорим: «Рим был основан Ромулом и Ремом», «галлы были побеждены Цезарем», а римлянин и немец сказали бы: «был основан от Ромула и Рема», «побеждены от Цезаря». Мы говорим: «это белее снега», «темнее ночи», а поляк, серб, украинец сказали бы: «белее от снега», «темнее от ночи» («більший від мене», «гірший від перцю»). Или возьмем, напр., союзы. К ним, правда, нельзя подобрать подходящих по значению форм, но зато нематериальность, отвлеченность их значения слишком ясна сама по себе. Сравним сочетания: «Я был в Ленинграде, в Москве» и: «Я был в Ленинграде и в Москве». Сразу видно, что материальная сторона мысли, так называемое содержание ее, одинаково в обоих сочетаниях, а разница так тонка, что только лингвист способен над ней задуматься. Таким образом частичные слова бесформенны совсем не так, как бесформенны полные слова: вчера, какаду и т. д. Последние бесформенны так, что у них остается одно вещественное значение и нет совсем формального (хотя это и не совсем точно, см. стр. 76 и след.). Первые, напротив, бесформенны так, что у них остается одно формальное значение, и нет совсем вещественного. Из тех двух начал, на которые распадается форменное слово (стекл-о), на долю одних бесформенных слов (полных) приходится одно первое начало, а на долю других (частичных) — одно второе. Таким образом, с точки зрения значения, мы приходим к тому парадоксальному выводу, что последние потому бесформенны, что представляют из себя чистую форму, одну сплошную форму без содержания. Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот, сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам). Если полные форменные слова уподобить позолоченным предметам, то частичные слова уподобятся золотым предметам, которые никак не могут быть позолоченными именно из-за того, что они сплошь золотые. Само собой разумеется, что значение их для формы всего слово-

сочетания и должно быть совершенно так же велико, как и значение отдельных форм.

В русском языке имеется целых восемь видов частичных бесформенных слов, которые мы здесь только перечислим, откладывая анализ их значений в «специальную часть» книги. Это:

1) Предлоги («ключ от двери», «вошел **в** дом»).

2) Союзы («хлеба **и** зрелищ», «пошел, чтобы посмотреть» и т. д.).

3) Глаголы-связки («он был болен», «он стал непослушен», «надо быть внимательным» и т. д.).

4) Усилительные, или выделительные слова.

Об этом разряде мы должны сказать здесь несколько слов, так как в школьных грамматиках его совсем нет, а в то же время он одинаково свойственен всем формам словосочетаний, так что в дальнейшем нам негде будет на нем остановиться. Если мы сравним сочетания:

Даже ты не говорил сегодня с ним.
Ты даже не говорил сегодня с ним.
Ты не говорил даже сегодня с ним.
Ты не говорил сегодня даже с ним.

замечаем, что слово «даже» помещается всегда как раз перед тем членом, на который падает сильнейшее ударение фразы, и как бы помогает выделить этот член, усилить его значение по сравнению с другими членами предложения. Такое же значение имеет частица **то**, ставящаяся позади того слова, которое надо усилить («он-то это сделает», «это-то он сделает»), а также частицы: **же**, **да** (не смешивать с союзом «да», с повелительной частицей «да» и с утвердительной частицей «да»), **и** (напр., «он **и** словечка не сказал», не смешив. с союзом «и»), **ни** (=не+усилительная частица «и», напр., «он **ни** словечка не сказал», не смешивать с союзом «ни—ни»), **это** (напр., «это вчера он приходил, а не сегодня», не смешивать с прилагательным «этот—эта—это»), **так и** (только при глаголах, напр.: «он **так и** надрывается!», «**так и** чешет, **так и** чешет!», не смешивать с двумя словами: «так+и», напр.: «он так и сделал, как велели»), **ведь**, **вот** и т. д. Нередко одно какое-нибудь знаменательное слово окружено несколькими такими словами («**да** с ним-**то** ты не говорил», «**да ведь** с ним-**то** ты не говорил», «**да ведь и** с

ним-то...», «да ведь вот и с ним-то...», «да ведь вот даже и с ним-то...»). Иногда они усиливают не то слово, которое окружают, а более отдаленное, в зависимости от ударения и от грамматических условий. Мы, напр., можем сказать: «да ведь ты же этого не знаешь», и здесь усилительные слова тяготеют к глаголу, отстоящему от них дальше, чем слово «ты». Впрочем, эта способность удаляться от усиливаемого члена не у всех этих слов одинакова. Слово «то», напр., обычно усиливает только то слово, за которым непосредственно следует («ты-то этого не знаешь»).

5) Вводные слова («он, конечно, придет», «нет, он не придет», «да, я это знаю»; термин «вводные» берется нами условно, и к некоторым словам этого разряда он не подходит, см. гл. XXI, рубр. 3).

6) Повелительные слова («пусть он знает!», «да умирится же с тобой и побежденная стихия!»).

7) Отрицательные слова (не, ни).

8) Вопросительные слова (ли, разве, уже-ли, неужели).

Один из этих разрядов, глаголы-связки, является до некоторой степени форменным в том смысле, что здесь можно различить основу (хотя и лишенную вещественного значения, см. в гл. XI) и аффикс: «буд-у», «бы-л». В том же смысле являются форменными и некоторые другие частичные слова, помогающие (вместе с глаголом «быть») образовывать так назыв. составные формы в нашем языке. Так называются формы, образуемые двумя форменными словами, из которых одно — полное, а другое — частичное. Таковы наши формы будущего времени («буду писать», «буду читать» и т. д., где «буду» — частичное слово), превосходной степени прилагательных («самый чистый», «самый умный», хотя имеется и несоставная форма: «чистейший», «умнейший»), превосходной степени наречий («чище всего», «умнее всего» и т. д.), 1-го лица мн. ч. повелительного наклонения («давай играть!», «давайте заниматься!» и т. д.), составная форма возвратного залога («идет себе», «читает себе», «пишет себе» и т. д.), составная форма совершенного вида с особым оттенком неудачности, безрезультатности действия («взял было», «купил было», «сказал было»), составная форма давно прошедшего времени («бывало приду», «бывало иду», «бывало приходил»), зарождающиеся ныне формы будущего времени с глаголом «имею» («заседание имеет быть», «имеющее быть») и т. д.

2. Порядок слов. Собственно говоря, всякая перестановка создает новый оттенок речи. Между «дай мне книгу» и «дай книгу мне», «говоря откровенно» и «откровенно говоря», «только один» и «один только» чувствуется внутренняя разница,

как бы ни была она тонка и мало уловима. Но порядок слов может приобретать и более резкое формальное значение. Так, напр., он может обозначать падеж существительного. Сравним сочетания: «мать любит дочь» и «дочь любит мать», «платье задело весло» и «весло задело платье». Мы здесь различаем имен. и вин. падежи только при помощи порядка слов. У нас это бывает в очень немногих сочетаниях, по-французски же, напр., где нет совсем форм имен. и винит. падежей, это — общее правило. Оттенок вопросительности тоже может выражаться либо особым частичным словом («ли», напр., «писал ли ты?»), либо перестановкой («писал ты?»). При счете перестановка дает оттенок приблизительности (срвн. «два дня» и «дня два»); и т. д.

3. Интонация и ритм также могут приобретать формальное значение. Сравним два сочетания: 1) «приедешь домой, переоденешься...», сказанное тоном перечисления действий, которые предстоит человеку выполнить, и 2) «приедешь домой — переоденешься», сказанное условным тоном, в смысле: «если приедешь домой...» или «когда приедешь домой...». Здесь важный оттенок придаточности, т. е. подчиненности одного предложения другому, выражен интонацией, тогда как обычно он выражается особыми частичными словами (союзы). В словосочетаниях: «поэт-художник», «женщина-врач», «механик-самоучка» и т. д. мы выражаем особую грамматическую связь между двумя словами тем, что произносим их в один прием, т. е. при помощи ритма речи (срвн. словосочетания «поэт-художник» и «поэт — художник» в смысле «поэт есть художник»).

Но не только в таких, кажущихся на первый взгляд частными, случаях сказывается влияние интонации и ритма на форму словосочетания. Оно имеет место во всякой нашей фразе, во всяком высказывании вообще.

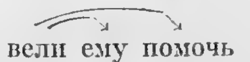
В самом деле, что бы мы ни сказали, мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно. Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не материальна, а формальна. Скажем ли мы: «Он здесь.» или «Он здесь?» или «Он здесь!» — материал нашей мысли остается один и тот же: представление о «нем» и о месте, где «он» находится. Меняется только отношение наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной

связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль, в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника, в третьем — мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия — грамматические, и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией (о других средствах выражения см. в гл. XIX). Стало быть, поскольку в каждом словосочетании неизбежно имеется одна из этих трех интонаций или ее части (в случае интонационной неполноты словосочетания), она входит в форму данного словосочетания. Далее, возьмем так называемые «неполные» предложения типа: «Карету мне, карету!» (Гриб.), «Коня, коня! Престол мой за коня!» (Шексп., перев. Дружинина), «Ты куда?», «Я в аптеку», «Итак, завтра утром», «Ну, пока!», «Всех благ!» и т. д. Впоследствии мы познакомимся подробно с тем, почему это «предложения», и почему именно «неполные» предложения. А пока обратим внимание только на то, что эти словосочетания произносятся здесь совсем не так, как они произносились бы, если бы входили в состав какого-нибудь другого предложения. Сравним по интонации и ритму: «Ты куда?» и «Ты куда спешишь?», «Итак, завтра утром!» (при расставании об условленном свидании) и: «Итак, завтра утром мы встретимся у нашего общего знакомого». В первых предложениях оттенок законченности мысли выражается исключительно ритмом и интонацией, а впоследствии мы увидим, что это — один из важнейших грамматических оттенков вообще, что именно по нему мы и отличаем предложения от других словосочетаний. Значит, во всех неполных предложениях интонация прямо создает важнейшую форму словосочетания: предложение. Мало этого, даже и в тех случаях, когда эта форма выражена другими средствами, именно в так называемых полных предложениях, интонация все же помогает выразить этот оттенок, так как ведь и полные предложения произносятся все с той же интонацией законченной мысли. Следовательно, интонация в той или иной мере всегда входит в форму словосочетания.

Теперь, после знакомства с этим пунктом, читатель поймет, почему возможны «словосочетания», состоящие всего из

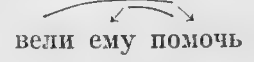
одного слова. Ведь когда мы говорим: «Пожар!», «Воры!», «Спасите!», «Куда?», «Назад!», «Хорошо.», «Виноват.» и т. д., мы произносим эти «слова» не как слова только, а как целые фразы с соответствующими оттенками повествования, вопроса и восклицания, с одной стороны, и с оттенком законченности мысли — с другой. Ведь если мы раскроем словарь, найдем там эти слова и прочитаем их, у нас будет совсем не та интонация, которую мы употребляем в жизни. Подробное изучение интонации показывает, что когда мы говорим простое «Да» или «Нет», мы как бы стягиваем в этом одном слове интонацию целой фразы, даем существеннейшие черты повествовательного тона, имеющиеся в любом длиннейшем сообщении. Другими словами, слова эти по интонации оказываются равными в таких случаях целым словосочетаниям. А так как интонация образует, как мы уже знаем, формальную сторону словосочетания, то и про слова эти приходится сказать, что они имеют в таком произношении определенную форму словосочетания. Условно и их самих в этих случаях можно называть «словосочетаниями», хотя более точно, конечно, было бы называть их «словами с формой словосочетания».

4. Характер связей между словами. Возьмем словосочетание: «Вели ему помочь!» Оно может иметь два смысла: 1) вели ему, чтобы он помог, 2) вели (кому-то другому), чтобы ему помогли. В первом случае зависимость слов друг от друга (подробнее об этом понятии см. гл. V, стр. 62 и след.) может быть показана следующей схемой:

вели ему помочь

а во втором следующей:

вели ему помочь

Нетрудно видеть, что разница эта тоже не материальная, а формальная, грамматическая: меняется здесь не то, о чем мы думаем, а то, как мы об этом думаем, в какие отношения ставим мы предметы нашей мысли друг к другу. И так как разницы этой нельзя обнаружить ни в одной из отдельных форм, слагающих данное словосочетание, то приходится приписать ее всему словосочета-

нию в целом, т. е. признать, что в двух таких пониманиях кроются две разных формы словосочетания. Против этого, правда, можно было бы возразить, что здесь не остается никаких внешних признаков, с помощью которых можно было бы отличить одну форму словосочетания от другой: слова и формы одинаковы, порядок слов одинаков, ритм и интонация одинаковы (или, по крайней мере, могут быть одинаковы). Спрашивается, как же могут разные значения одного и того же словосочетания дойти до слушающего, когда говорящий не позаботился о том, чтобы выразить эти значения какими-нибудь средствами? А если они до слушающего не дойдут и останутся только в уме говорящего, то имеет ли право языковедение, наука социальная, изучающая язык только как разговор, как форму социального общения, изучать их? Вспомним однако нулевые формы отдельных слов. Почему слушающий воспринимает такие слова, как «стол», «кулак», «рос», «лез» и т. д., обязательно с добавочными формальными значениями (т. е. то как имен. пад. существительного, то как прошедшее время глагола и т. д.)? Потому, что он в зависимости от окружающих слов и от обстановки речи обязательно помещает эти слова в определенные грамматические ряды слов (см. выше, стр. 19) или, как говорят, ассоциирует их с определенными грамматическими рядами слов (стол, пол, дом, нос и т. д., рос, лез, пас, мок, нес и т. д.). Здесь, значит, социальным моментом, средством социальной передачи, являются не звуки сами по себе, а обязательность ассоциаций с теми или иными звуками. Раз ассоциации эти и у говорящего и у слушающего, при известных условиях речи, обязательно должны быть одинаковы, мы вправе говорить о языковом общении. Так вот то же самое происходит и при разном понимании таких словосочетаний, как «вели ему помочь». В одном случае и говорящий и слушающий ассоциируют это словосочетание с такими, как: «вели, чтобы он помог», «скажи ему, пусть поможет», «заставь его помочь» и т. д.; в другом случае они ассоциируют это словосочетание с такими, как: «вели, чтобы ему помогли», «скажи, пусть ему помогут», «заставь ему помочь» и т. д. Следовательно, в одном случае говорящий и слушающий объединяются на одной форме словосочетания, в другом — на другой.

Оглянемся теперь на все четыре изученных пункта: бесформенные слова, порядок слов, ритм и мелодия, характер связей между словами. Все они сходны между собой в том, что их совершенно невозможно изучать на отдельном слове, а только в словосочетании. В самом деле, бесформенное слово именно в силу своей бесформенности не обнаруживает, взятое отдельно, своей грамматической природы. Что порядок слов не может изучаться на отдельном слове, этого не приходится доказывать. Далее, ритм и мелодия понимаются здесь нами исключительно в своей живой целостной, фразной стороне, что́ опять-таки не дает возможности отдельному слову в его искусственном произнесении иметь эти признаки; если отдельное слово и имеет их, то только тогда, когда оно заменяет фразу (см. выше). Наконец, тот или иной характер связей между словами возможен опять-таки только там, где имеется два или несколько слов. Таким образом все эти четыре признака — исключительно синтаксические, и в морфологии им не может быть места. Присоединяя к ним еще тот признак, с которого мы начали главу и который одной своей стороной входит в морфологию, а другой — в синтаксис, именно ту или иную комбинацию отдельных форм, имеющих в данном словосочетании синтаксическое значение, получаем окончательно то, что мы в дальнейшем будем называть формой словосочетания, и что и является совокупностью этих пяти признаков в отдельных словосочетаниях.

Нетрудно видеть, что все эти признаки так же связаны с второстепенными и отвлеченными, иначе говоря, формальными значениями словосочетания, как формальные элементы в отдельном слове с формальными значениями этого слова. Как при всевозможных изменениях слова «стекло» («стекла», «стеклу», «стеклянный», «стеклушка» и т. д.) у нас остается в значении слова все-таки что-то основное, материальное, что́ в каждом отдельном изменении по-разному оформляется, так и в словосочетаниях: «сделай мне это», «сделайте мне это», «пусть сделают мне это», «сделай для меня это», «для меня сделай это» и т. д. и т. д. со всеми возможными их интонационными вариантами остается в значении всего словосочетания какое-то единое ядро, что-то такое, что, непрерывно меняясь, остается самим собой, и что мы могли бы назвать вещественным значением всего словосочетания. Таким образом и в словосочетании, как в отдельном слове, форма ощущается благодаря распадению словосочетания по звуковым приметам и по значению на два разнородных начала, две стороны, две стихии, которые мы и называем материей и формой. Только здесь уже совершенно нельзя говорить о материальных и формальных частях, как мы грубо и приближенно могли говорить в применении к отдель-

ному слову. Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении. И если читатель вспомнит то определение формы слова, которое дано нами было в мелком шрифте, как более трудное и более точное (см. стр. 23), то он поймет, что только это определение, а не приближенное определение популярной части книги может быть распространено на форму словосочетания. И соответственно форма словосочетания определится как свойство всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные.

Относительно комбинации форм слов надо заметить, что она часто стоит в тесной связи с вещественными значениями слов, входящих в данное словосочетание. Так, напр., в словосочетаниях типа: «глагол+косвенный падеж существительного» («рубит топором», «ест мясо», «мстит врагу») падеж существительного зависит, главным образом, от вещественного значения глагола: при «ест» невозможен дательный падеж, а при «мстит» он необходим, при «рубит» возможны и винительный, и дательный, и творительный («рубит мне дрова топором»), а при «спит» невозможно ни то, ни другое, ни третье (нельзя «спать кому-нибудь, что-нибудь, чем-нибудь»). Важно также и вещественное значение существительного. Так, словосочетания «глагол+дательный падеж существительного» характеризуются почти исключительно присутствием в них имен одушевленных предметов (даю кому, льщу кому, помогаю кому и т. д.). Таким образом сфера применения каждой из этих форм словосочетания ограничена словарными условиями. С другой стороны, есть в языке немало форм словосочетаний более общего характера, не зависящих в своем применении от словарной стороны. Так, в словосочетаниях типа: «именительный падеж существительного+согласуемый с ним глагол» («стол стоит», «рыба плавает» и т. д.) могут быть употреблены любой глагол и любое существительное. Таким образом мы можем различать общие и частные формы словосочетания, причем степень «общности» и «частности» может быть различна. Так, напр., форма словосочетания «согла-

суемое прилагательное+существительное» характеризуется тем, что в ней может быть всякое прилагательное и всякое существительное, кроме местоименного (не говорят «добрый я», «хороший он» и т. д.). Стало быть, эта форма не так абсолютно обща, как форма: «имен. пад. + согласуемый глагол», но и далеко не так частна, как, положим: «глагол+дат. пад. существительного». В данной книге, по условиям места, будут рассматриваться преимущественно наиболее общие формы словосочетаний русского языка.

Обратим внимание еще на то, что отдельные формы словосочетаний могут в отдельных своих признаках иметь совершенно то же значение, что и отдельные формы слов. Так, мы уже видели, что словопорядок: «мать любит дочь», «весло задело платье» — может быть связан со значением именительного падежа в словах «мать» и «весло» и винительного в словах «дочь» и «платье», а словопорядок: «дочь любит мать», «платье задело весло» — со значением винительного падежа в первых словах и именительного — во вторых. Иначе говоря, то, что обычно выражается формами отдельных слов — падеж существительного, здесь может быть выражено порядком слов, т. е. формой словосочетания. Или возьмем, напр., то «повелительное» значение, которое мы раскрыли в формах «неси», «вынь», «гуляй», «несите», «выньте», «гуляйте» на стр. 24. Его мы находим и в повелительных служебных словах в их сочетании с изъявительным наклонением («пусть придет!», «пускай придет!» и т. д.), и во всевозможных побудительных интонациях (совета, мольбы, просьбы, приказания, убеждения и т. д.), а эти слова и интонации уже составляют формальный признак целого словосочетания. Это заставляет нас расширить понятие формальной категории. Если мы не смущались звуковыми различиями между формами «неси», «вынь» и т. д. и объединили их в один ряд по единству формального значения, то, очевидно, в тот же ряд могут попасть и те формы словосочетаний, которые имеют то же значение, т. е. в данном случае, напр., все словосочетания с повелительными словами и с повелительной интонацией. Правда, благодаря этому в одной и той же формальной категории могут очутиться факты, со звуковой точки зрения уже совершенно разнородные, и по фактическому объему своему такая категория будет необычайно широка и пестра. Так, напр.,

категория повеления (отличная, конечно, от категории п о в е л и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я г л а г о л а), будет заключать в себе не только все слова с формами повелительного наклонения и не только все словосочетания с повелительными служебными словами, но и все словосочетания без таких слов, но с повелительной интонацией («Смирно сидеть, рукавов не марать, к горшку не соваться!», «Карету мне, карету!», «Хлеба и зрелищ!», «Долой предателей!», «Вон отсюда!» и т. д.). Однако, если все дело в е д и н с т в е ф о р м а л ь н о г о з н а ч е н и я, то нас это не должно смущать. В дальнейшем мы увидим, что, чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, т е м б о л е е р а з н о о б р а з н ы м и и т е м б о л е е м н о г о ч и с л е н н ы м и с п о с о б а м и обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто бы язык в с е м и д о с т у п н ы м и е м у с р е д с т в а м и стремится к поставленной себе цели — выразить данное значение. И на обязанности исследователя-языковеда лежит не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти в с е факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны. А это и значит исследовать д а н н у ю ф о р м а л ь н у ю к а т е г о р и ю. В дальнейшем мы и будем так понимать этот термин, считая формальной категорией уже всякий «ряд форм слов или **форм словосочетаний** или **и тех и других**, объединенный со стороны значения и имеющий свою собственную звуковую или **интонационную** характеристику» (срвн. стр. 29). Многие формальные категории (напр., вопроса, восклицания) выражаются как раз исключительно ф о р м а м и с л о в о с о ч е т а н и й.

Но это требует все-таки важной оговорки относительно интонации и порядка слов. Не следует думать, что эти два признака можно ставить по их роли в русском языке на одну доску с формами слов и со служебными словами. Первые остаются, при всей их важности, все же, в огромном большинстве случаев, только в с п о м о г а т е л ь н ы м и синтаксическими средствами, а вторые — о с н о в н ы м и. Отношение между теми и другими чаще всего сводится к з а м е н е одних другими, чем к совокупному действию. Разъясним это сперва на интонации, а затем на порядке слов.

Возьмем категорию, наиболее связанную с интонационными средствами: вопросительную. Значение этой категории может

выражаться: 1) специальными словами (ли, разве, ужели, неужели), 2) специальными местоименными словами (кто, что, куда, как и т. д., так наз. «вопросительные» местоимения), 3) специальной вопросительной интонацией, 4) измененным порядком слов (напр., «читал ты это?» вместо «ты читал это»). На первый взгляд кажется, что постоянным, неотъемлемым средством здесь является интонация, так как ни вопросительных частиц, ни местоимений, ни измененного порядка слов может не быть, а вопрос все-таки может быть выражен одной интонацией («ты читал это?»). Однако точные наблюдения над вопросительной интонацией показывают, что она тем слабее звучит, чем бо́льшую роль играют другие средства. Так, фразу: «Читал **ли** ты это?» мы обычно произносим с гораздо меньшим повышением голоса на ударном слоге слова «читал», чем фразу: «Читал ты это?», — а эту фразу в свою очередь с меньшим повышением, чем фразу «ты читал это?». Повышение растет в ряду фраз:

Читал ли ты это? — Читал ты это? — Ты читал это?

слева направо, т. е. в порядке убывания других вопросительных средств языка. Мало этого — нам приходилось наблюдать, что фразы с частицей ли и особенно с вопросительным местоимением произносятся часто совсем без вопросительной интонации, а только как известный эмоциональный подтип повествовательной интонации. Так, в вопросе: «Который час?», по нашим наблюдениям, может быть, при условии фразного ударения на первом слове, совершенно тот же тон, как в каком-нибудь возбужденном сообщении, положим: «Пожарные приехали» или «дождь пошел» (с сильным ударением на первом слове и с кратко-решительным нисходящим произношением его ударного гласного). Это указывает на то, что когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами, интонация вопроса опускается как излишняя. Напротив, когда она одна создает вопрос, она, естественно, применяется в максимальной степени. Следовательно, язык не применяет здесь одновременно всех своих средств, а развивает одни за счет других, т. е. тут действует закон экономии сил, с которым мы и в будущем еще встретимся (см. стр. 160). Кроме того мы наблюдаем тут и расхожде-

ние интонационных и неинтонационных признаков между собой, в том смысле, что на одно и то же содержание наслаиваются противоположные интонационные и неинтонационные формы. Так, когда мы произносим: «который час?» — с интонацией возбужденного сообщения, мы словами спрашиваем, а голосом как бы сообщаем. Наоборот, когда мы говорим: «Он там был?», «Собака — животное?», «Земля вращается вокруг солнца?» — мы словами как бы сообщаем, а голосом спрашиваем. Или сравним, напр., с одной стороны, уже упоминавшееся повелительное произношение фраз, не содержащих в себе повелительного наклонения («Молчать!», «Пошел вон!», «Одна нога здесь, другая — там!»), а с другой — опять-таки возбужденно-повествовательную интонацию многих наших приказов и распоряжений (срвн.: «Ну, все готово. Велите запрягать. Мы едем», где между всеми тремя фразами может не быть никакой фразно-интонационной разницы). Этот момент расхождения интонационной и собственно-грамматической стороны речи (под второй мы понимаем здесь и будем понимать везде в дальнейшем формы слов и служебные слова) красной нитью проходит по всему языку.

Ясно, что при таких условиях мы не можем устанавливать той или иной категории, не оговорив, на каких именно фактах она основывается, на собственно-грамматических, или на интонационных, или на тех и других, вместе взятых.

Но тут же мы должны отметить и более редкие факты иного рода. Бывает, что определенный вид интонации прочно прикрепляется к определенному собственно-грамматическому средству, и оба фактора вместе, совокупными усилиями, создают одно значение, одну категорию. При этом значение это получается не путем простого сложения значений обоих факторов друг с другом, а путем известного синтеза, при котором известные элементы одного значения, складываясь с элементами другого значения, порождают новое значение. Возьмем, напр., наши условные предложения со сказуемым в повелительном наклонении:

Щепотки волосков лиса не пожалей, —
остался б хвост у ней. (Крыл.)

Проходи поп, барин, —
волоска не тронем. (Кольц.)

Здесь форма повелительного наклонения * сочетается с интонацией придаточного предложения. Из значения повелительного наклонения удерживается только один элемент, свойственный всем так называемым «косвенным» наклонениям — ирреальность, несоответствие действительности (подробнее см. об этом стр. 99). Специально «повелительный» элемент аннулируется «придаточной» интонацией, с которой он по природе его несовместим. С другой стороны, «придаточная» интонация берется только в одном из ее значений, и это обусловлено как раз ирреальностью повелительного значения (срвн. «пройдет поп, барин, — волоска не тронем», что можно было бы понять и не в условном, а во временном плане: «когда пройдет поп, барин» и т. д.). В результате получается стойкое комбинативное значение, именно условное**. Такой же случай мы можем видеть, собственно говоря, и в упомянутом выше наслоении повелительной интонации на форму инфинитива («Молчать!», «Смирно сидеть!»). Прямой противоположности между значением повелительного наклонения и значением инфинитива нет, так как инфинитив, вопреки школьному названию своему, стоит вообще вне всяких наклонений (см. стр. 148). А с другой стороны, сочетание повелительной интонации (и притом определенного подвида ее, именно резко-повелительной) с этой именно формой не случайно, а типично для языка, оно создает особое значение в языке, которое можно было бы определить как значение строгого приказания. Во всех таких случаях мы вправе обосновывать категорию на определенной комбинации собственно-грамматических и интонационных признаков на началах равноправия между ними.

---

* Т. е. форма, принадлежащая к категории повелительного наклонения. По общей нашей концепции «формы повелительного наклонения» быть не может, так как всякая форма при первой попытке определить ее значение неизбежно отходит к какой-либо из категорий (по большей части к нескольким). Однако для удобства мы будем нередко в дальнейшем позволять себе сокращенные выражения «форма родительного падежа», «форма единственного числа» и т. д. (вместо «форма, принадлежащая к категории родительного падежа» и т. д.), о чем и предупреждаем читателя.

** Весь анализ произведен исключительно со статической точки зрения. Исторически наше повелительное наклонение восходит к желательному наклонению, и таким образом не исключена возможность, что повелительного смысла здесь никогда не было.

Итак, отношение между интонационными и собственно-грамматическими средствами языка в деле выражения грамматических значений сводится к двум типам:

1) Однозначные интонационные и собственно-грамматические средства в той или иной мере заменяют друг друга, вследствие чего один и тот же речевой факт может по интонационным признакам попадать в одну формальную категорию, а по собственно-грамматическим — в другую (наиболее частый случай).

2) Разнозначные интонационные и собственно-грамматические средства могут создавать совместно новое комбинативное значение, вследствие чего факты такого рода могут образовывать отдельные формальные категории *.

Относительно порядка слов мы должны сказать, что нам неизвестно ни одного формального значения в русском языке, которое было бы неразрывно связано с определенным порядком слов. Выше мы указали на возможную связь значения именительного падежа с постановкой существительного перед глаголом и значения винительного падежа с постановкой его после глагола («мать любит дочь» и «дочь любит мать»). Но даже в этих исключительных случаях, где случайно различение возможно только при помощи порядка слов, русский язык не проводит одного обязательного порядка. Возможен и винительный падеж перед глаголом и именительный после глагола (напр., «в этой семье отца любит сын, а мать любит дочь»). Только отвлекаясь от условий контекста мы получим большее тяготение именительного падежа к первому месту, а винительного — к третьему, и поэтому только в изолированных фразах (в сущности неестественных) словопорядок может получать обязательное значение. Совсем не то, напр., во французском и английском языках, где категория именительного падежа в ее отличии от категории винительного выражается только постановкой слова на пѐрвом месте, а категория винительного — только постановкой на третьем месте (ни форм именительного и винитель-

---

* Изложено, по условиям места, предельно-сжато. Интересующихся вопросом об отношении интонационных грамматических средств к неинтонационным мы принуждены отослать к статье нашей «Интонация и грамматика», имеющей появиться в XXXIII т. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Госуд. ак. наук».

ного падежей, ни соответствующих служебных слов там совсем нет), и где поэтому нарушение данного порядка невозможно. Все вариации синтаксического смысла, которые создаются изменениями порядка слов («я завтра приду к тебе», «я к тебе приду завтра», «я приду к тебе завтра», «завтра я приду к тебе» и т. д., всегда в связи с интонационными переменами), стоят совершенно в стороне от значений, выражаемых формами слов и служебными словами, и в этом отношении наш порядок слов (так называемый «свободный») является еще менее грамматическим средством, чем интонация. У интонации мы нашли ряд случаев слияния интонационных средств с собственно-грамматическими для создания одного цельного значения, но в области порядка слов мы таких случаев не находим. Таким образом порядок слов мы можем определить не только как вспомогательное средство вообще, но даже и как вспомогательное средство второго ранга по сравнению с интонацией.

V. СВЯЗЬ СЛОВ В СЛОВОСОЧЕТАНИИ.

В гл. III мы видели, что есть такие формы в языке, которые связывают отдельные слова в словосочетаниях между собой. Это формы синтаксических категорий (падежи существительных, падежи, числа и роды прилагательных и др., см. выше). Связь, которую они устанавливают между словами, не следует себе представлять, конечно, как внешнюю, звуковую связь, т. е. думать, что при помощи этих форм слова образуют более удобопроизносимые ряды, чем это было бы без них. Если мы скажем: «Я писать этот записка председатель комитет», то это будет с точки зрения произношения ничем не хуже, чем: «Я пишу эту записку председателю комитета». Не следует также себе представлять, что связь эта объясняется исключительно традицией, что так именно принято связывать слова в русском языке, при чем в самое связь не вкладывается никакого смысла. Такое предположение легко опровергается теми случаями, когда одни и те же слова могут по-разному связываться между собой: «ударяю пал**кой**» и «ударяю пал**ку**», «обещаю теб**е**» и «обещаю теб**я**», «подарок отц**а**» и «подарок отц**у**», «пойду выбро**шу**» и «пойду выбро**сить**» и т. д. Разница смысла здесь очевидна, и нам остается, значит, только принять, что формы, принадлежащие к синтаксическим категориям, всегда имеют каждая свое значение (это, впрочем, было выяснено уже при установлении самих понятий формы и категории; см. гл. I и III). А если так, то это значение может заключаться здесь только в установлении связи между теми реальными представлениями, которые обозначаются данными словами, или, как говорят в грамматике, в установлении известных отношений между этими представлениями. Если мы услышим: «Я писать этот записка председатель комитет», то в нашем уме протекут шесть представлений, отодвинутых друг от друга, разъединенных, изолированных. Если мы все-таки поймем это словосочетание (напр., в устах иностранца), то только потому, что вопреки внешнему выражению и, главным образом, с помощью словарных значений данных слов приведем в определенную связь эти представления, установим известные отношения между ними, при чем эти отношения установятся при помощи мысленного слово-

сочетания: «Я пишу эту записку председателю комитета». Другими словами, мы мысленно установим между данными шестью представлениями те именно отношения, которые выражаются привычными в данном случае формами слов, при чем туманно будут мелькать перед нами и самые формы. Значит, формы ставят в известные отношения друг к другу не только слова нашей речи, но и те представления, которые этими словами обозначаются. Какого же рода могут быть эти отношения? Здесь может быть два основных случая.

I. Отношения взаимно не совпадающие, или необратимые. Возьмем словосочетание «ножка стола». Здесь два представления, о ножке и о столе, поставлены в то отношение между собой, которое принято называть отношением принадлежности: «ножка стола» — это «ножка, принадлежащая столу». Отношения представлений между собой здесь взаимно не совпадают, потому что представление о ножке не так относится к представлению о столе, как представление о столе к представлению о ножке: ножка «принадлежит» столу, но стол не «принадлежит» ножке. С этим связана и необратимость подобных отношений: нельзя сказать: «стол ножки». Правда, во многих случаях внешним образом может быть проделано подобное обращение: «учитель брата» — «брат учителя», «долг человека» — «человек долга», «настройщик рояля» — «рояль настройщика», «сестра милосердия» — «милосердие сестры» и т. д., но именно на этих-то случаях и обнаруживается наиболее резко внутренняя необратимость такого рода отношений: всякому, говорящему по-русски, ясно, что отношения между учителем и братом в сочетании «учитель брата» не те же, что в сочетании «брат учителя». Математически это можно было бы формулировать так:

$$A : B \neq B : A,$$

где A и B соотносящиеся представления, а $\neq$ знак неравенства.

II. Отношения взаимно совпадающие, или обратимые. Возьмем словосочетания: «гражданин Иванов», «красавица-зорька», «брат-учитель» и т. д. Отношения между двумя представлениями грамматически здесь сводятся только к тому, что оба они обозначают один и тот же реальный предмет, и по этому признаку представления эти, ко-

нечно, абсолютно одинаково относятся друг к другу. Логически и словарно они часто бывают в неравных отношениях друг к другу (напр., в словосочетании «гражданин Иванов» они относятся друг к другу как видовое понятие к единичному и единичное к видовому, в словосочетании «школа-семилетка» — как родовое понятие к видовому и обратно, в словосочетании «красавица-зорька» — как признак к предмету и обратно и т. д.), и это лежит в основе школьного учения о «приложении». Но что сама форма словосочетания (т. е. то, что мы здесь прежде всего изучаем) тут не при чем, ясно из того, что в таких случаях, как, положим, «брат-учитель» и многих им подобных, такого логического соотношения нет. Сравним еще: «служанка-швея», «немец-инженер», «женщина-врач», «Николай Васильевич Гоголь», «путь-дорога» («шли путем-дорогою»), «туча-буря» («не ратуешь с мимолетною тучей-бурею», в «Лесе» Кольцова) и т. д. Это все случаи, где школьник мучится в разыскании «приложения» и того, к чему оно приложено. На самом деле отношения здесь всегда взаимно-совпадающие, и это яснее всего обнаруживается в том, что все такие словосочетания легко допускают обращение («Иванов гражданин», «зорька-красавица», «учитель-брат» и т. д. только стилистически отличаются от «гражданин Иванов» и т. д.). В словосочетании «брат учителя» мы можем даже и без перестановки слов произвести такие изменения, из которых ясно будет, что представления здесь неодинаково относятся друг к другу: «брат учителя» и «учителя брат» (менее обычный словопорядок) обозначают одно, а «учитель брата» и «брата учитель» (то же замечание) — другое. Напротив, в словосочетании «брат-учитель» мы никакими средствами не можем вызвать ни внешне, ни внутренне подобных перемен, и это потому, что отношения здесь взаимно-совпадающие и обратимые, что можно выразить формулой:

$$A : B = B : A.$$

Последние эксперименты приводят нас к звуковой стороне этого основного различия между словосочетаниями, нераздельно связанной (как и всё в области формы) с внутренней стороной. Ведь наш эксперимент: «брат учителя» — «учитель брата» возможен только потому, что звук, выражающий отношение (оконч. — а), сцеплен только с одним из соотно-

сящихся слов, и эксперимент в том и состоит, что мы сцепляем этот звук попеременно то с одним, то с другим из соотносящихся. Ясное дело, что в словосочетаниях «брат-учитель» и «учитель-брат» мы этого сделать не можем потому, что отношение здесь выражено в обоих соотносящихся. На данном примере это, правда, не заметно из-за того, что оба соотносящихся имеют нулевую форму, но стоит только поставить их в косвенном падеже («у меня нет брата-учителя», «я пошел к брату-учителю» и т. д.) или взять слова других склонений («школа-семилетка», школы-семилетки и т. д.), чтобы дело было ясно. Итак, открытая нами двойственность отношений в словосочетании восходит к двойственности звукового выражения этих отношений: там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно несовпадающие и необратимые, там же, где этот показатель имеется в обоих соотносящихся — взаимно совпадающие и обратимые.

Неизбежным спутником необратимости отношений является еще сознание неравенства соотносящихся величин, преобладания одной из них над другой и подчинения одной из них другой. Именно то слово, в котором имеется показатель отношения («брат учителя»), сознается как видоизмененное известным образом ради выражения этого самого отношения, приспособившееся известным образом для вступления в связь с другим словом, тогда как то слово, в котором нет показателя отношения («брат учителя»), естественно представляется самодовлеющим, не пожертвовавшим ничем для вступления в связь с другим словом. Ведь если я хватаюсь за столб, чтобы удержаться от падения, то я завишу от столба, а столб от меня не зависит. Я изменился, чтобы вступить в отношения со столбом, столб же не изменялся, чтобы вступить в отношения со мною. Случай этот надо отличать и от того случая, когда два человека взаимно друг друга поддерживают (отношения обратимые), и от того случая, когда предметы по-разному, но тоже взаимно друг с другом сцепляются (крючок и петля — отношения необратимые, но оба предмета приспособляются к этим отношениям и оба в своем устройстве зависят друг от друга). В языке

как раз всякая пара слов, сцепленная необратимыми отношениями, напоминает человека, ухватившегося за столб, потому что одно слово ни в чем не изменяется для выражения данного отношения, а другое непременно в чем-то изменяется. Первое и сознается как самостоятельное по отношению ко второму, а второе как несамостоятельное по отношению к первому. И такое соотношение называется обычно подчинением второго слова первому, или зависимостью второго слова от первого. При этом в словосочетаниях, состоящих более чем из двух слов, есть всегда одно слово абсолютно самостоятельное, т. е. такое, которое ни от чего не зависит, одно или несколько слов абсолютно несамостоятельных, т. е. таких, которые сами зависят от других и от которых ничто не зависит, и ряд слов, одновременно и самостоятельных и несамостоятельных: самостоятельных по отношению к одним словам и несамостоятельных по отношению к другим. Так, в словосочетании «сестра нашла мою ручку» отношение между словами «сестра» и «нашла» выражено только во втором из них («сестра нашла», срвн. «брат нашел», «дитя нашло»), и поэтому первое представляется самостоятельным, а второе несамостоятельным; отношение между словами «нашла» и «ручку» выражено опять-таки только во втором из них («нашла ручку», срвн. «писала ручкой», «искала ручки»), и, следовательно, «нашла», бывшее по отношению к «сестра» несамостоятельным, оказывается по отношению к «ручку» самостоятельным. Далее, отношение между словами «ручку» и «мою» выражено опять-таки только во втором из них («мою ручку», срвн. «мое перо», «мой нож»), следовательно, слово «ручку», бывшее по отношению к слову «нашла» несамостоятельным, оказывается по отношению к слову «мою» самостоятельным. Таким образом в словосочетании оказывается одно слово абсолютно самостоятельным («сестра»), одно абсолютно несамостоятельным («мою») и два таких, которые самостоятельны по отношению к одному слову и несамостоятельны по отношению к другому. Все это, конечно, вытекает из того основного факта, что необратимые отношения в каждой паре соотносящихся внешне выражаются лишь в одном из них. В двухсловных сочетаниях этот факт создает простое подчинение одного слова другому, а в многословных — последовательное подчинение слов друг другу, или так называемый ход

зависимости слов друг от друга. И так как зависимость эта должна с какого-нибудь слова начинаться и на каком-нибудь слове кончаться, то ясно, что сколько бы ни было слов в словосочетании, построенном на необратимых отношениях, в нем всегда будет при последовательном подчинении одно абсолютно самостоятельное слово, одно абсолютно несамостоятельное и все остальные двойственные: самостоятельные по отношению к одним словам и несамостоятельные по отношению к другим.

В интересах точности надо еще добавить, что не всегда ход зависимости складывается так схематически просто, как в вышеприведенном примере. Очень часто одно слово подчиняет себе одновременно несколько слов, некоторые из этих слов в свою очередь могут подчинять себе по нескольку слов и т. д. Так, в словосочетании:

Я быстро пишу тупым карандашом требование прислать немедленно вооруженный отряд милиции.

ход зависимости складывается так: 1) «я пишу», 2) «пишу быстро», «пишу карандашом», «пишу требование», 3) «карандашом тупым» *, 4) «требование прислать», 5) «прислать немедленно», «прислать отряд», 6) «отряд вооруженный», «отряд милиции». Мы видим, что только в трех случаях одно слово подчиняется одному же (1, 3, 4), в двух других два слова подчиняются одному и тому же третьему (5, 6), а в одном случае даже три слова подчиняются одному и тому же четвертому (2). Таким образом наряду с простой последовательностью подчинения наблюдается и постоянное разветвление его, переплетающееся с последовательностью самым прихотливым узором. В таких словосочетаниях будет уже, конечно, несколько абсолютно несамостоятельных слов, так как некоторые из «веточек» не будут продолжать подчинения (в нашем примере: «быстро», «немедленно», «вооруженный» и «милиции»). Такое «разветвленное» подчинение нескольких слов одному называется соподчинением, а последовательное подчинение слова за словом друг другу — включением.

---

* Для наглядности мы экспериментально ставим везде подчиненное слово после подчиняющего, хотя в живой речи, как ясно из примера, такой порядок слов не обязателен.

Само собой разумеется, что при обратимости отношения, когда оно равно выражено в обоих соотносящихся («женщины-врача», «женщине-врачу» и т. д.), нет той основной причины, которая могла бы создавать неравенство отношений, и, таким образом, отношения должны представляться равными. По сравнению с подчинением мы будем называть такое соотношение сочинением.

От словосочетаний, в которых отношение выражено формами слов, перейдем теперь к словосочетаниям, в которых отношение выражено служебными словами («ключ **от** замка», «иду **в** город», «стол **и** стул», «хлеба **и** зрелищ» и т. д.). Анализируя те из них, где слова соединены при помощи союза (3-й и 4-й примеры), находим, что здесь нельзя уловить никакого грамматического неравенства соединяемых величин, и что соответственно с этим отношения здесь складываются по формуле: A : B=B : A. Этому соответствует и легкая обратимость всех подобных отношений («хлеба и зрелищ!» — «зрелищ и хлеба!», «живота или смерти?» — «смерти или живота?», «строг, но справедлив» — «справедлив, но строг»). Только при противительных союзах (последний пример) получается при перестановке какой-то внутренний сдвиг, но этот сдвиг, повидимому, чисто психологический, а не грамматический. При этих союзах второе из противопоставляемых представлений всегда кажется важнее первого («строг, но справедлив»), и это сохраняется и при обращении («справедлив, но строг»). Но самого отношения противоположности данных двух представлений это не касается, так как противоположность эта ощущается совершенно одинаково и в том и в другом случаях. Таким образом во всех таких словосочетаниях мы можем видеть взаимное сочинение слов, равно как и в тех, где имеется несколько слов, соединенных союзами («в лесу ночной порой **и** дикий зверь, **и** лютый человек, **и** леший бродят», Пушк.). Интересно отметить, что звуковой показатель отношения (союз) помещается во всех таких случаях либо между соединяемыми словами, не сливаясь по смыслу ни с одним из них более, чем с другим (срвн. вышеприведенные перестановки), либо повторяется при каждой из соединяемых величин («и—и—и...», «ни—ни—ни» и т. д.), чем достигается даже внешнее приравнение всех членов друг к другу (в этом же направлении работает и «уравнительная» интонация таких сочетаний, см. гл. XXIV).

Сюда же относятся, конечно, и бессоюзные случаи типа «гибли молодость, сила, здоровье...», поскольку в них могли бы быть союзы и поскольку «перечисляющая» интонация здесь полностью выполняет роль союзов (см. там же). Эту интонацию, повторяющуюся при каждом члене, мы и можем считать здесь показателем равноправных («сочинительных») отношений. Совершенно иной характер носит связь слов в предложных словосочетаниях. Прежде всего наряду с предлогом отношение здесь всегда выражено и аффиксом того существительного, которое следует за предлогом («ключ **от** замка»), так что сцепление по крайней мере одного из показателей отношения с одним из соотносящихся слов здесь то же, что и во всех вышерассмотренных случаях неравной связи слов. А затем, что самое главное, отделить здесь значение предлога от значения аффикса существительного почти невозможно, и, в сущности, здесь мы должны говорить об одном сложном звуковом показателе, который частью вошел в состав одного из соединяемых слов («замк**а**»), частью прильнул к нему в качестве служебного слова («**от** замка»). Сознание такого именно размещения элементов чрезвычайно ярко отражается в малограмотных написаниях таких словосочетаний: пишут — «ключ отзамка», но почти никогда не пишут «ключот замка». Срвн. также фонетическое слияние предлога с падежом в таких случаях, как: на́ год, по́д голову, бе́з толку, за́ ногу и т. д. Следовательно, здесь оба звуковые показателя (вернее, один сложный) целиком отходят к одному из соотносящихся слов. Соответственно и отношения получаются взаимно не совпадающие и не обратимые, что ясно: 1) из прямой невозможности в большинстве случаев произвести обращение (нельзя сказать «замок от ключа»), 2) из смысловых сдвигов в тех случаях, когда внешним образом можно произвести обращение («хлеб с маслом» — «масло с хлебом», «человек без зуба» — «зуб без человека», «письмо на столе» — «стол на письме», «нет хлопушки для мух» — «нет мух для хлопушки» и т. д.). Таким образом здесь имеется типичное подчинение.

Примечание. Из союзных сочетаний только сочетание с союзом «как» дает не сочинение, а подчинение, если не рассматривать слова, присоединяемого союзом «как», как неполного предложения («прыгает, как ребенок», «темно, как ночью» и т. д., подробнее см. в гл. XIII, тип словосочет. 9-й).

Оглядываясь на все проделанные наблюдения, мы замечаем, что подчинение и сочинение распределены в рассмотренных сочетаниях далеко не равномерно. Сочинительными являются только: 1) сочетания, состоящие из того, что в школе называется «приложением», и того, к чему оно «приложено», и 2) сочетания, состоящие из однородных членов слитного предложения. В с е о с т а л ь н ы е с о ч е т а н и я, поскольку здесь не наблюдалось соединение п р е д л о ж е н и й, — п о д ч и н и т е л ь н ы е. К тому же сочинение всегда т е с н о п е р е п л е т а е т с я с п о д ч и н е н и е м, потому что ряд сочиненных слов обязательно или с о п о д ч и н я е т себе какое-нибудь слово (именно, когда он состоит из п о д л е ж а щ и х: «Иван, Петр и Марья пришли», «инженер-немец пришел») или с а м с о п о д ч и н я е т с я какому-нибудь слову (во всех остальных случаях: «видел отца, дядю, брата», «видел инженера-немца»). Таким образом тот тип последовательного и отчасти разветвленного подчинения, который мы наблюдали на стр. 64, н е н а р у ш а е т с я случаями сочинения, а только слегка в и д о и з м е н я е т с я ими. Именно, при нескольких подлежащих или при двойном подлежащем (подлежащее+«приложение» к нему) мы имеем как бы многоголовый тип, в котором вместо одного — несколько абсолютно самостоятельных членов и зависимость начинается с о в с е х н и х с р а з у. Во всех остальных случаях мы имеем, собственно, известное уже нам явление с о п о д ч и н е н и я с той только разницей, что соподчиненные элементы здесь кроме того еще с о ч и н е н ы между собой. Следовательно, сочинение внутри предложения — лишь э п и з о д на фоне подчинения. Только при соединении отдельных предложений в с л о ж н ы е ц е л ы е (см. гл. XXVI) сочинение становится на равную ногу с подчинением.

Для наглядности прилагаем четыре схематических изображения различных типов связей слов в словосочетании:

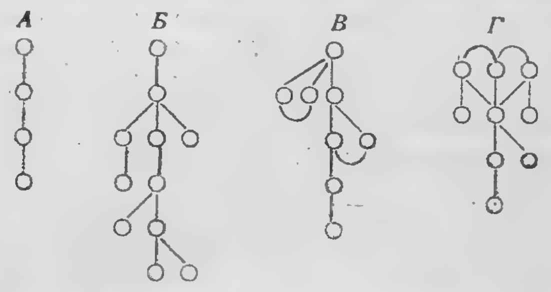

Схема А изображает связь слов в словосочетании: «сестра нашла мою ручку» (включение). Схема Б — связь слов в разобранном выше словосочетании: «я быстро пишу... и т. д.» (включение и соподчинение). Схема В — связь слов в словосочетании: «слабый, свежий ветерок играл волосами открытых голов и лентами» из Л. Толстого (включение, соподчинение и сочинение соподчиненных элементов). Схема Г — связь слов в вышеприведенном словосочетании из Пушкина: «в лесу ночной порой...» и т. д. (включение, соподчинение и сочинение соподчиняющих элементов). Кружки везде обозначают слова́, прямые линии — подчинение нижних слов верхним, кривые линии — сочинение.

Подчинение слов в свою очередь распадается на три крупные рубрики: управление, согласование и примыкание. Понятия эти могут вполне раскрыться читателю только на протяжении всей книги, а первые два из них (управление и согласование) так тесно связаны с категориями частей речи, что только поняв эти последние (см. след. главу), он поймет до конца и сущность разницы между этими видами подчинения. Поэтому здесь мы можем только в совершенно предварительном порядке указать, что: 1) «управление» есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову, 2) «согласование» есть подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому именительному падежу существительного, к которому он относится, 3) «примыкание» есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием. При этом в одних случаях подчинение и здесь выражается так, что звуковой показатель отношения сцеплен лишь с одним из соотносящихся («шел медленно», «шел спотыкаясь», «шел искать»), в других случаях — только интонацией, порядком слов и лексикой («шел здесь», «шел вчера»). Таким образом можно различать «форменное» и «бесформенное» примыкание, или, лучше, морфологическое и синтаксическое (потому что в отношении формы словосочетания в языке нет ничего бесформенного). Отдельные виды примыкания будут рассмотрены при изучении соответствующих форм словосочетаний.

VI. ЧАСТИ РЕЧИ.

Возьмем слово «черный» и образуем от него ряд слов: чернила, черника, черныш (птица), чернушка (вид гриба), чернавка (смуглянка), черняй (соколий самец), черняк (неопрятный человек, черный шар при баллотировке), чернец, черница. Корень всех этих слов,—«черн-»—обозначает то же, что и корень в слове «черный»—известный признак. Но сами эти слова обозначают уже не признаки, а разнообразные п р е д м е т ы. Само собой разумеется, что то, в чем эти предметы вещественно разнятся между собой, т. е., напр., та сторона значения, которая из «чернил» делает определенную ж и д к о с т ь, из «черники»—я г о д у, из «черныша»—п т и ц у и т. д., грамматики не касается. Это все различия вещественные, рассматриваемые в семасиологии. А вот то, что все эти слова обозначают п р е д м е т ы, несмотря на то, что корень у них **не**предметный, не может не заинтересовать грамматиста, и он не может не отметить, что в слове «черный» прибавление суффикса к корню не превращает признака в предмет, а во всех э т и х словах превращает. И так как в этом отношении все эти слова совершенно между собой сходны, то, очевидно, мы имеем перед собой «ряд форм, объединенных со стороны значения» (см. гл. II), т. е. ф о р м а л ь н у ю к а т е г о р и ю. Это будет категория п р е д м е т н о с т и, или, говоря грамматическим языком, с у щ е с т в и т е л ь н о с т и. Слова, имеющие соответствующие формы, называются и м е н а м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и.

Мы уже знаем, что одно и то же формальное значение может выражаться в языке разнообразнейшими звуковыми средствами, и потому, отыскав значение предметности в суффиксах **ил, ыш, ушк, авк, яй, як, ец, иц** (см. все примеры выше), должны «обыскать», так сказать, весь язык и посмотреть, не найдем ли мы и других средств для выражения того же значения. Прежде всего, мы найдем при таком «обыске» ряд еще других суффиксов с тем же значением предметности: **ок** (желтый — желт**ок**), **ик** (рыжий—рыж**ик**), **ян** (грубый—груб**иян**), **юка** (злой — зл**юка**), **ка** (синий—син**ька**) и др. Все эти формы, при всем их звуковом разнообразии, однообразны в том отношении, что создаются внутренними, так называемыми «словообразовательными» суффиксами. Отсюда

можно было бы сделать предположение, что значение предметности связано в языке именно с этого рода суффиксами. Но такое предположение было бы преждевременным. Возьмем слово «чернь». Оно не имеет совсем словообразовательного суффикса, а только конечные суффиксы склонения (черни, чернью), называемые обычно «флексиями». И тем не менее оно тоже обозначает предмет (вернее, различные предметы: 1) черную наслойку на серебре, 2) дореволюционные «низшие» классы общества, 3) стаю ворон или галок, а по говорам и многие другие черные предметы). Точно так же слово «суша» по сравнению с «сухой» не обладает никаким словообразовательным суффиксом, а в то же время обозначает самый несомненный предмет («на суше и на море»). Сравним еще «зелень» (в смысле «зеленая часть растения» или «овощи») при «зеленый», «добро» (в смысле «имущество») при «добрый», «золото» при «золотой», «толща» при «толстый», «гуща» при «густой» и т. д. (щ, конечно, не образует здесь суффикса, а только чередуется в одном и том же корне с ст: толщ- — толст-). Спрашивается, чем же выражается в этих словах предметность? На этот вопрос легко получить ответ из того же сравнения «чернь» с «черный», «зелень» с «зеленый», «добро» с «добрый» и т. д. Сравнение это покажет нам, что разница между «добро» и «добрый» только в способе изменения этих слов, т. е. в том, что «добро» образует ряд: добро, добра, добру, добром, о добре, а «добрый» — ряд: добрый, добрая, доброе, добр, добра, добро, доброго, доброй, доброму, добрым, о добром и т. д. Точно так же «чернь» и «зелень» отличаются от «черный» и «зеленый» (если отвлечься от мягкости звука н) только тем, что образуют ряды: черни, чернью, зелени, зеленью, тогда как «черный» и «зеленый» образуют те же ряды, что и «добрый». Таким образом здесь значение предметности создается уже определенными флексиями склонения, и притом часто не отдельной флексией, а целой системой их, потому что, напр., «добро», отдельно взятое, может обозначать и признак (если войдет в ряд: добр, добра, добро). А так как те же флексии и в той же системе их были и у слов, раньше рассмотренных («черника», напр., по флексиям склонения ничем не отличается от «суша», «чернила» от «добро» кроме разницы в числе и т. д.), то приходим к выводу, что и там дело было не только во внутренних суффиксах, а и в суффиксах склонения, т. е. во флексиях. Кроме того, сравнивая между собой такие слова, как: «чернила», «белила», «зубрило»,

«мотовило», «грузило», «кадило», «творило», или такие, как: «чернец», «глупец», «простец», «храбрец» и т. д., замечаем, что внутренние суффиксы имеют каждый с в о е значение (напр., **ил** обозначает орудие действия: то, чем чернят, белят, зубрят и т. д., **ец** — человека с данным качеством и т. д.). Следовательно, они создавали, в сущности, только разные ч а с т н ы е категории предметности (напр., орудия, деятеля и т. д.); о б щ а я же категория предметности и там создавалась с и с т е м о й с к л о н е н и я.

Однако и на этом нам еще нельзя остановиться. Если бы мы подошли к этому вопросу только с такой элементарной точки зрения, то мы бы остановились в недоумении перед следующим фактом: совершенно разные в звуковом отношении ряды форм, 1) чернь, — **и**, — **ью**, 2) золот**о**, золот**а**, золот**у**, золот**ом**, о золот**е**, 3) суша, суш**и**, суше, сушу, суш**ей**, создают о д н о и т о ж е з н а ч е н и е п р е д м е т н о с т и. Если все дело в с и с т е м е о к о н ч а н и й, то почему же т р и р а з н ы х системы создают одно значение, а четвертая (черн**ый**, черн**ая**, черн**ое** и т. д.) — другое? Из этого недоумения мы не выберемся, пока не перейдем от форм слов к ф о р м а м с л о в о с о ч е т а н и й и не убедимся в том, что они так же мощно (если не более мощно) участвуют в выражении предметности, как и формы слов. Наиболее интересны для нас здесь будут те случаи, когда одно и то же слово входит то в одну, то в другую систему. Мы уже видели это относительно слова «добро», которое может быть и существительным и прилагательным. Точно так же и «добра» может быть и родительным падежом единственного числа существительного и женским родом единственного числа краткого прилагательного («у него много д о б р а» и «она очень д о б р а»). Спрашивается, от чего же зависит отнесение этих форм то к тому, то к другому ряду? Исключительно от формы т е х с л о в о с о ч е т а н и й, в которых они встречаются. В словосочетании, напр., типа «существительное в именительном падеже + глагол-связка + краткое прилагательное» эти формы обязательно будут прилагательными («Марья была добра», «дитя будет добро»), а в словосочетании, положим, типа: «прилагательное некраткое + существительное» они будут столь же обязательно существительными: «от него осталось б о л ь ш о е д о б р о», «от него не осталось б о л ь ш о г о д о б р а». Еще более показательны в этом отношении такие слова, как «портной», «вожатый», «запятая», «вселенная», «насекомое», «жаркóе». По флексиям склонения эти слова

совпадают с прилагательными («портной» склоняется, как «большой», «запятая», как «большая», «жаркóе», как «большое»), однако обозначают они только предметы, и потому могут принадлежать только к категории существительности. Чем же выражается здесь предметность? Прежде всего формами словосочетаний, в которые вступают эти слова, т. е. тем, напр., что можно сказать «хороший портной», «ненужная запятая», «вчерашнее жаркое» (тип: «прилагательное + существительное»). Правда, у этих слов нет всей системы форм прилагательных, у них только формы одного рода из трех, свойственных прилагательным (у «портной», напр., только мужского, у «запятая» только женского, у «жаркóе» только среднего), и на этом основании некоторые ученые считают их самыми обыкновенными существительными, признавая за существительными шесть типов склонения: 1) вода, 2) стол, окно, 3) кость, 4) портной, 5) запятая, 6) жаркóе. Соответственно они считают, что у прилагательных совсем нет своего склонения, а что они просто соединяют в своем склонении три типа склонения существительных. Но тогда еще менее становится возможным сводить значение предмета и признака к типам склонений. Впрочем, как бы ни решать этот вопрос, ясно, что в осмыслении этих слов как существительных синтаксическое начало играет уже очень заметную роль. А вот, напр., в таких словах-хамелеонах, как «рабочий», «русский», «нищий», которые могут обозначать то предметы, то признаки и в соответствии с этим быть то прилагательными, то существительными, это начало уже прямо делается господствующим. Сравним: «рабочий кабинет», «рабочая жизнь», «рабочее движение» и — «современный рабочий»; «русский человек», «русская жизнь», «русское богатство» и — «этот русский», «эта русская» (в противоположность немцу и немке); «нищий город», «нищая страна», «нищее государство» и — «странный нищий», «одна нищая». Нетрудно видеть, что формальное значение этих слов всецело определяется формой словосочетания: когда они вступают в сочетание с несомненным существительным, они по необходимости приравниваются к прилагательным, когда же они вступают в сочетание с несомненным прилагательным, они столь же неизбежно приравниваются к существительным; и все это только потому, что в нашем сознании живет стойкая форма словосочетания: «прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное». Эти примеры (а их можно

было бы умножить во много и много раз, так как число таких двойственных слов огромно, и до некоторой степени все прилагательные проявляют эту двойственность, см. ниже стр. 154 и сл.) окончательно убеждают нас в том, что значение предметности создается не одними суффиксами и флексиями, но и формами словосочетаний, и может только возникнуть вопрос: является ли этот второй способ только заместителем первого, действующим тогда, когда в первом оказывается нехватка, или он действует всегда, причем в этом случае он действовал бы то заместительно, то дополнительно. Этот вопрос можно сформулировать еще и так: если мы возьмем такую флексию существительного, которая встречается только в системе окончаний существительных и совершенно не встречается в системах окончаний других частей речи (положим, форму твор. пад. ед. ч.: «чер**нью**»), то можем ли мы считать для этой формы синтаксическую сторону дела устраненной и говорить, что в этом случае значение предметности создается исключительно формой отдельного слова? Чтобы ответить на этот вопрос, произведем такой эксперимент: поместим форму «чернью» в неподходящую для нее синтаксическую обстановку, напр., скажем так: «мы пошли за чер**нью** смородиной» (в устах иностранца такой факт даже и возможен). Можно с уверенностью сказать, что такую фразу слушатель, не знающий об эксперименте, поймет как искажение фразы: «мы пошли за чер**ной** смородиной», т. е. вся звуковая несомненность формы «чернью» в ее предметном значении не спасет ее от непредметного толкования под давлением всех остальных форм данного словосочетания. В письменной речи подобного рода эксперименты производят с нами в большом количестве наборщики в виде опечаток, и всякий читатель знает, что опечатку в окончании он сплошь и рядом даже не замечает, а сразу прочитывает верно, т. е. инстинктивно переделывает данную форму на нужный лад под давлением всех остальных форм словосочетания (и лексики, конечно). Сравним также огромное количество бесформенных сокращений в современном газетном языке (напр., «Все ячейки губернской организации ВКП (б) выносят резолюции, приветствующие решения пленума ИККИ,... и одобряющие решения президиума ЦКК о выводе из ЦК тт. Троцкого и Зиновьева», Изв. ЦИКа СССР и ВЦИКа СРККД, 1927, № 150), без труда апперципируемых нами при чтении как соответствующие падежи,

числа, роды и т. д. Все это показывает, до какой степени слаба выразительная сила отдельной формы слова, взятой самой по себе. Но, с другой стороны, сама форма словосочетания в таком языке, как русский, где бесформенные слова, порядок слов и интонация играют лишь вспомогательную роль, есть, прежде всего, комбинация отдельных форм, а это значит, что каждая отдельная форма не только испытывает давление со стороны всех остальных форм в словосочетании, но и давит сама на все остальные формы, подобно тому как в сосуде с жидкостью каждая частица давит на все частицы и испытывает на себе давление всех частиц. Читая, напр., в «Огоньке» фразу: «Корреджио называют основателя пармской школы живописи Антонио Аллегри» («Огонек», 1927 г., № 20, «Ножом по Тициану», Л. Карелина), мы остановились на мгновенье в недоумении; затем, конечно, подставили мысленно на место «Корреджио» творительный падеж («Нюрой называют Анну Михайловну Петрову») — и форма словосочетания была спасена. Не менее рискованна и следующая фраза: «И сейчас это продолжают преподносить французскому читателю в форме «достоверных» комментариев коммюнике французского правительства» («Изв. ЦИКа РСФСР и ВЦИКа СРККД», № 226, 1927 г.). Та заминка, которую мы испытываем при чтении подобных словосочетаний, как раз и указывает на обратную сторону дела: на зависимость формы словосочетания от форм слов, его образующих. Точнее всего будет сказать, что всякое формальное значение создается, в сущности, всегда взаимодействием данной формы слова с данной формой словосочетания, т. е. прежде всего со всеми остальными формами его.

Нужно еще заметить, что таких несомненных форм, как «черн**ью**», принадлежащих только к одной системе и совершенно не встречающихся в других, не так много. Самая краткость флексий делает выбор звуковых комбинаций для них очень ограниченным, и большинство их повторяется в разных системах. Так, напр., из флексий существительных типа «стол» и «конь» в единственном числе три повторяются в системе глагола (сравн.: кон**я** — бер**я**, кон**ю** — хвал**ю**, кон**ем** — бер**ем**), одна является нулевой и тоже повторяется в глаголе (именительный падеж и повелительное наклонение: кон**ь** — вын**ь**) и только одна является несомненно предметной (предложн. пад.: «кон**е**»), хотя, с другой стороны, как раз именно эта форма и не имеет уже совершенно отдельного существования, так как без предлога не употребляется. Все это еще более увеличивает влияние синтаксического начала.

Установив, таким образом, роль формы словосочетания в выражении формальных значений вообще и значения предметности

в частности, мы можем обратиться к тому, к а к и е именно формы словосочетания здесь играют роль. При этом придется по необходимости касаться и всех остальных частей речи, здесь еще не рассмотренных, так как только и м и и будет определяться в этих случаях предметность существительного в словосочетаниях. Это мы сделаем, опираясь на школьные сведения читателя (как это бывало в предыдущем уже нередко), и в то же время такой обзор даст нам возможность в дальнейшем, при рассмотрении других частей речи, уже почти не касаться этой стороны дела, так как параллельно с отношением существительного ко всем другим частям речи выяснится и отношение этих последних к существительному, а отчасти и друг к другу. Итак, предметность выражается:

1) почти полной соединимостью морфологического существительного (т. е. сло́ва, имеющего одну из флексий системы склонения существительных, в дальнейших пунктах мы будем для краткости просто говорить о «существительном», имея везде в виду то же понятие) с п р и л а г а т е л ь н ы м в п о р я д к е с о г л а с о в а н и я; на стр. 52 мы уже видели, что форма словосочетания: «прилагательное+вызывающее в нем согласование существительное» принадлежит к о б щ и м формам словосочетаний в языке;

2) затрудненной соединимостью существительного с другим существительным в порядке с о ч и н е н и я (см. стр. 61): все эти сочетания требуют особых интонационных условий (на письме черточка или запятая обособления) и особой логической спаянности;

3) полной соединимостью части форм этой категории (именно форм к о с в е н н ы х падежей) с другим существительным в порядке п о д ч и н е н и я (управления): «дом отца», «сила любви» и т. д.; правда, падежи дательный, творительный и предложный управляемого существительного тесно связаны со словарной стороной словосочетания, а винительный — даже совсем невозможен тут (см. гл. XIII); зато родительный падеж здесь настолько же общ, как и прилагательное;

4) полной соединимостью той же части форм с г л а г о л о м в том же порядке у п р а в л е н и я: «читает книгу», «рубит топором» и т. д., причем выбор падежа в каждом отдельном случае зависит от словарной стороны глагола и существительного, но самая возможность для существительного управляться глаголом всеобща;

5) полной соединимостью той же части форм с п р е д л о г о м: «на столе», «от стола» и т. д.; хотя сами предлоги в силу своей бесформенности определяются исключительно формой словосочетаний, в частности формами зависящих от них существительных, но при малочисленности предлогов у нас должна существовать и обратная ассоциация, т. е. то, что может зависеть от предлога, мы должны быть склонны воспринимать как существительное;

6) полной соединимостью части форм этой категории (именно форм и м е н и т. падежа) с г л а г о л о м в порядке согласования: «стол стоит», «лампа горела» и т. д.; это опять-таки одна из самых общих форм словосочетаний языка;

7) почти полной несоединимостью с н а р е ч и е м: нельзя сказать «вкусно обед», а только «вкусный обед», «интересно игра», а только «интересная игра» и т. д.; пункт этот, с одной стороны, тесно связан с пунктом первым, а, с другой стороны, он служит резким синтаксическим отличием существительного от прилагательного и глагола, как это выяснится в следующем изложении; немногие же случаи сочетания существительных с наречиями («ходьба пешком», «разговор вслух», «торговля оптом и в розницу», «еда натощак» и т. д.) как раз еще более убеждают в связи наречия с г л а г о л о м, так как все они возможны только при г л а г о л ь н ы х существительных.

Познакомившись со всеми этими пунктами, читатель поймет, как мы должны отнестись к н е с к л о н я е м ы м существительным, как «пальто», «кенгуру», «Сто» (= «совет труда и обороны»), «Эркап», «Гепеу» и т. д., а кстати и проверить на них синтаксическую сторону существительности. Об этих словах часто спорят, и те авторы, которые определяют существительное как разряд слов, так-то и так-то изменяющихся, или как разряд слов, имеющих такие-то и такие-то формы, совершенно не знают, что им делать с этими словами. Они обычно делают из них какие-то особые «н е г р а м м а т и ч е с к и е» существительные, но при этом остается непонятным: 1) почему эти слова все-таки попадают в существительные, 2) каким образом «существительное» — понятие чисто грамматическое — может оказаться «неграмматическим». Причина путаницы тут в том, что исторически научная морфология развилась раньше научного синтаксиса, а синтаксис и до сих пор остается отделом языковедения, мало разработанным. Поэтому многие склонны отожествлять г р а м м а т и к у с м о р-

фологией. То, что «пальто» и «Гепеу» не морфологичны, побуждает таких авторов объявлять их «неграмматическими» (то же относится и к другим частям речи, так как и там оказываются «неграмматические прилагательные», «неграмматические наречия» и т. д., см. ниже); но при этом они совершенно забывают, что синтаксис тоже часть грамматики. С точки зрения развитой в предыдущих строках теории дело представится в таком виде: существительное — категория форм слов и форм словосочетаний с формальным значением предметности *; слово может не иметь собственной формы с таким значением, но если оно в словосочетаниях всегда имеет это значение благодаря общей форме этих словосочетаний, то оно, конечно, — существительное. Если уж так нужно его отделить от существительных, имеющих собственную форму со значением предметности, его можно назвать синтаксическим существительным. В частности, какое-нибудь «кенгуру» или «Гепеу»: 1) соединимо с любым ** прилагательным в порядке согласования: «этот кенгуру», «наши кенгуру», 2) трудно соединимо с другим существительным в порядке сочинения (примеров по понятным причинам не даем), 3) соединимо с любым существительным в порядке подчинения-управления: «кенгуру соседа», 4) соединимо в том же порядке с любым глаголом: «купил кенгуру», «дал кенгуру корму» и т. д., 5) соединимо с глаголом в порядке согласования: «кенгуру ест», 6) несоединимо с наречием (пример невозможен), 7) соединимо с любым предлогом: «о кенгуру», «под кенгуру» и т. д. Все это — черты существительности.

---

* По отношению к формам словосочетаний такие значения, как предметности, качественности и т. д., должны пониматься, конечно, не как исчерпывающие значение всей данной формы словосочетания в ее целом, а как значения определенных частей словосочетания, вытекающие из общего формального значения его. Так, значение: «такой-то предмет производит такой-то свой признак» обусловливает для одной из частей словосочетания значение предмета, для другой — признака.

** Да не подумает читатель, что мы не учитываем сопротивления словаря в таких сочетаниях, как, положим, «малиновый кенгуру», «многоугольный кенгуру», «молочное Гепеу» и т. п.; но мы не знаем ни одного соединения прилагательного с неместоименным существительным, про которое мы бы решились утверждать, что оно никем никогда и нигде не могло и не может быть сказано, тогда как, напр., про сочетания «кенгуру-троцкизм», «намерение-телятина» мы решительно утверждаем это. То же относится и к другим формам словосочетания, называемым нами «общими».

Теперь нам предстоит преодолеть еще одно крупное затруднение в понимании категории существительности. До сих пор мы говорили преимущественно о таких существительных, которые обозначают реальные предметы. Вещественное значение слова в наших примерах либо совпадало в этом отношении с формальным, так что предметность обозначалась и в корне и в аффиксах («золото», «пирог», «железо», «стол», «лампа»), либо не совпадало, так что предметность обозначалась только в аффиксах («чернь», «чернила», «черныш», «храбрец», «добро» в значении имущества, «суша» и т. д.) или только в формах словосочетания («этот рабочий», «этот русский» и т. д.). Но во всяком случае это все были настоящие предметы, которые можно охватить руками или по крайней мере видеть. Однако от корня «чернь» может быть образовано и слово «чернота», а «добро» может обозначать и не имущество, а нравственное начало, Здесь понятие предметности, если мы хотим считать и эти слова существительными, как будто бы должно расшириться или, во всяком случае, получить те или иные пояснения. В русских лингвистических и особенно педагогических кругах в настоящее время ведется ожесточенный спор о таких словах, при чем те ученые и педагоги, которые не находят возможным признать в них значения предметности, и все-таки признают их существительными, вынуждены обосновать понятие существительного (как и других частей речи) исключительно на окончаниях систем склонения и спряжения, что́, как мы уже видели, не объясняет многих явлений и принижает чуть ли не до полного игнорирования синтаксическую сторону дела.

Прежде всего припомним то, что́ с особым ударением было сформулировано нами в конце первой главы этой книги: в каждом слове, имеющем форму, заключено, с грамматической точки зрения, несколько значений; одно из них — вещественное, остальные — формальные. Следовательно, мы не можем требовать от всякого слова единства значения. Мы, напротив, должны быть готовы к тому, что нам придется анатомировать значение некоторых слов подобно тому, как мы анатомируем их звуковое тело, рассекая его на корень и аффиксы; мы должны быть готовы к тому, что это анатомирование откроет нам новые элементы значения, незаметные при общем взгляде на слово, подобно тому как, анатомируя цветок, мы открываем части его, незаметные при первом взгляде; должны, наконец,

быть готовы к тому, что эти незаметные элементы окажутся с известной точки зрения важнейшими, подобно тому как мельчайшая часть цветка, совершенно не видная при внешнем обзоре — семяпочка — оказывается с точки зрения размножения важнейшей.

После этих предупреждений станем вдумываться в значение слова «чернота». При первом подходе к этому слову мы, конечно, скажем, что оно обозначает черный цвет того или иного предмета. Далее, сравнивая само понятие цвета с понятиями формы, величины, внутреннего состава, запаха, вкуса, придем к выводу, что цвет — это одно из качеств предметов, и, следовательно, «чернота» обозначает вообще определенное качество. Наконец, сравнивая понятия качества с понятиями количества, покоя и движения, процесса внутреннего и внешнего, придем к выводу, что «качество» это один из признаков предметов, и, следовательно, «чернота», в конечном счете обозначает определенный признак. Дальше этого нам уже не подняться, шире не развернуться. Это будет самое общее определение, обнимающее значения всех так называемых отвлеченных существительных, как «цвет», «форма», «величина», «единство», «множество», «бытие», «движение», «энергия», «сила» и т. д. Все это — признаки предметов. Но вот что должно остановить на себе наше внимание: признак черного цвета может быть выражен в языке не только словом «чернота», но и словами «черный», «черен», «чернеет», «чернеется»: «этот цветок — черен», «из-под снега чернеется земля». В чем же разница между признаком черного цвета, выраженным в слове «чернота», и тем же признаком, выраженным в словах «черный», «черен», «чернеет», «чернеется»? Наиболее резкое, бьющее, так сказать, в глаза отличие ухватывается легко: «черный» — это кто-то черный или что-то черное, «чернеет» — это кто-то чернеет или что-то чернеет. Другими словами, в этих словах признак черного цвета, как оно и подобает всякому признаку, обозначается, как принадлежащий какому-то предмету. Совсем не то в слове «чернота». «Чернота» нам представляется как что-то, что «чернеется», при чем это «что-то» не ищется нами в других словах речи, как при словах «черный» и «чернеется», а кажется заключенным в самом слове «чернота». Это какое-то черное воздушное пространство или черная поверхность чего-то, словом, какая-то черная субстанция.

Конечно, если мы станем рассуждать на эту тему, то придем к выводу, что «черноты» самой по себе нет, а есть только черные предметы. Но это уже будет плод логического анализа, который языковеда совершенно не интересует и не должен интересовать. Это будет анализ понятия «черноты», а не значения самого слова «чернота». Языковед должен анализировать только тот образ, который всплывает у говорящего и слушающего при произнесении слова в процессе речи. И вот, анализируя образ, возникающий в нас при слове «чернота», мы находим в нем черту двойственности: с одной стороны, логическая его природа не может не мыслиться нами, мы не можем не знать, даже и в процессе речи, что черноты отдельно не существует; с другой стороны, мы все-таки мыслим ее отдельно. **Признак** предмета **сам представлен здесь как предмет.** Это величайшее противоречие, величайшая алогичность, величайшая иррациональность языка не учитывается теми учеными, которые, как мы уже упоминали, отказываются признать в таких словах предметность. Логически они рассуждают совершенно правильно: раз «чернота» признак, то она не может быть предметом. Но это не есть языковой подход к делу. С языковой, в частности, грамматической точки зрения, т. е. с точки зрения деления слова по звукам и значению на ряд разнородных величин, дело обстоит, в сущности, необыкновенно просто: если существуют аффиксы со значением того или иного разряда предметов, обладающих признаком, выраженным в основе («чернец», «храбрец», «подлец» и т. д., «черника», «земляника», «костяника» и т. д.), то почему не быть таким аффиксам, которые имеют самое общее значение в этом смысле, т. е. обозначают предметы вообще? Если мы признаём, что **ец** в слове «чернец» обозначает «черного человека», **ыш** в слове «черныш» — черную птицу, **ик** в слове «черника» — черную ягоду и т. д., то почему не признать, что **от** в слове «чернота» обозначает просто **что-то** черное? Вот это «что-то» и будет предметность. А все слово будет, следовательно, обозначать признак черного цвета («черн-») с оттенком предметности, или, как выражаются некоторые лингвисты, «опредмеченный» признак. А признав такой общий оттенок хотя бы в одном суффиксе, мы уже поневоле должны будем признать его и в других, однозначных с ним (бел**изна**, худ**оба**, син**ева**, бледн**ость**, шир**ина**), и в таких бессуффиксных словах, как «синь»

(срвн. «чернь»), «даль», «ширь», «глубь», «явь», т. е. в самих формах склонения таких существительных, во всей системе флексий его. И существительные для нас уже не будут словами, «которые в речи могут принимать все окончания одного из следующих рядов» (следует таблица с 99 окончаниями), как сказано в одном из новейших учебников, а будут словами, принадлежащими по значению своих аффиксов (отнюдь не целых слов!) или по значению тех форм словосочетаний, в которые они входят, к категории предметности.

Последняя часть этого определения опять напоминает нам о таких словах, как «кенгуру», «Гепеу» и т. д. Конечно, и «Гепеу», и «Эркап», и «Моно» и т. д. — не предметы, а учреждения. Они могут обозначать, правда, и те здания, где помещаются эти учреждения («Я пошел в Моно», «Я был в Гепеу»), но это уже будет переносный смысл этих слов. Прямо́й же их смысл непредметен: учреждение есть человеческое установление, есть известная организационная форма, которую нельзя видеть, слышать, обонять, осязать, вкушать. Однако оттенок предметности здесь опять-таки есть, и здесь он еще яснее, чем в «черноте» (вероятно, некоторые читатели впервые после нашего анализа заметили, что это не предметы), хотя и выражается только формами словосочетаний (см. стр. 76 и след.).

Перейдя от «черноты» к «Гепеу» мы уже ушли от чисто-качественных слов. Поэтому здесь уместно заметить, что не одни качества могут «опредмечиваться», а и любое непредметное представление. Так, в словах: бег, лёт, скок, прыжок, бегание, летанье, скаканье, прыганье и т. д. опредмечены движения человека и животных; в словах: еда, питье, работа, торговля, предприятие, шитье, рубка, борьба, соревнование, эксплоатация — различные действия человека, индивидуальные и социальные; в словах: сон, лежка, летанье, стоянка, сиденье — различные состояния животных, а в переносном смысле и неживых предметов; в словах: пространство, величина, перпендикуляр, верста, метр — различные пространственные представления; в словах: час, минута, лето, зима — различные временны́е представления; в словах: тысяча, миллион, двойка, тройка, пяток, десяток, дюжина, сотня — количественные представления (о таких существительных, как «пять», «десять» и т. д. мы скажем, в силу их особенностей, несколько позже); в словах: ум, воля, чувство,

негодование, любовь — различные душевные явления; в словах: свет, электричество, звук, гром, гроза, буря — различные физические явления, — и т. д. и т. д. Было бы совершенно бесплодным делом пытаться исчерпать в этом перечне все те вещественные значения, которые могут быть опредмечены с помощью категории существительного: это так же невозможно, как полная классификация вещей и явлений того внешнего и внутреннего мира, который эти значения отражает. Кроме того это не дело грамматики, а логики. Для грамматики достаточно просто констатировать, что всё непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено.

Есть два слова в нашем языке, которые прекрасно выражают это общее значение предметности. Это слова — «кто» и «что» Вещественное значение их трудно определимо (см. о нем в гл. VIII) и во всяком случае очень отвлеченно. И вот эта-то отвлеченность и делает эти слова прозрачнее в отношении их формальных значений, подобно тому как пустой стеклянный сосуд гораздо лучше обнаруживает свою форму, чем наполненный. Когда мы спрашиваем: «кто?» или «что?», мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая «существительность», это — идеальные существительные. Потому-то вопросы: «кто?», «что?», «кого?», «чего?» и т. д. и служат в школе мерками существительности.

При нашем определении категории существительного легко определяется и обусловленная ею категория косвенного падежа существительного (слагающаяся из категорий отдельных косвенных падежей). Определение этой категории чрезвычайно затрудняет тех ученых, которые отказываются признать за всяким существительным оттенок предметности. Да оно, конечно, и невозможно для них. С точки же зрения развернутой здесь теории дело обстоит чрезвычайно просто. Если существительное есть категория предметности, то косвенный падеж существительного есть категория несамостоятельной предметности, т. е. предметности, поставленной в какое-либо отношение к чему-то другому в речи. Это и есть сущность того, что в предыдущей главе названо управлением.

Именительный же падеж будет категорией самостоятельной, или безотносительной предметности.

Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли. Без нее невозможно было бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы, напр., говорить ни о свете, ни о теплоте, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке: ведь ничего этого отдельно не существует. Если бы мы сейчас захотели отказаться от существительных и вместо «света» стали бы исследовать «светлое», вместо «теплоты» — «теплое» и т. д., то отказа бы все-таки не вышло, потому что эти «светлое» и «теплое» тоже существительные особого рода, как увидим ниже. Это — прилагательные, превратившиеся по нужде на данный момент в существительные. Это лучше всего показывает, насколько нам нужны существительные. Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменную сущность сменяющих друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (substantivum, впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция. А тому, что в философии называется «аттрибутом» и «акциденцией», в языке соответствуют, как увидим ниже, прилагательное и глагол. Части речи есть, таким образом, не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития.

Можно задаться вопросом: почему язык обладает таким свойством опредмечивать все непредметное? Как могла возникнуть такая способность в языке? Определенного ответа на этот вопрос мы никогда не получим, так как категория предметности есть во всех языках человеческих, и во всех она одинаково всеобща, т. е. везде с помощью ее можно опредмечивать все непредметное. Таким образом способность опредмечивания связана со способностью речи вообще, и вопрос об ее происхождении врастает в вопрос о происхождении языка, на который никогда, должно быть, нельзя будет получить достоверного ответа. Однако читателю, может быть, небезынтересно будет узнать, что некоторые ученые связывают эту способность с периодом так называемого анимизма, т. е. с той эпохой в развитии человечества, когда человек одухотворял всю природу, представлял себе в каждом камне, в каждой горе, в каждом дереве, в каждом ручье особых невидимых существ, духов, проявляющих себя в тех явлениях природы, которые мы сейчас объясняем совершенно иначе. Имена этих духов должны были быть первоначально отличны от названий самих предметов, и они-то и дали, по мнению этих ученых, первый материал для отвлеченных существительных. Другими словами, существительные эти были сначала не отвлеченны,

а обозначали только невидимые предметы (вроде нынешних слов: воздух, молекула, атом, ион, электрон), а по мере утраты веры в их реальность они становились отвлеченными. В подтверждение такой гипотезы ученые эти ссылаются на то, что и в настоящее время степень отвлеченности у разных таких слов различна, а степень отвлеченности одного и того же такого слова различна у людей образованных и необразованных. Сравнивают, напр., представление, связанное со словом «болезнь», у образованного человека и у простолюдина. Простолюдин верит, что болезнь можно «вогнать» и «выгнать», что она может выйти из тела прыщами, а может упорно оставаться в теле, не повиноваться знахарю. Лихие люди могут «напустить» болезнь на целый народ. Для отдельных болезней существуют особые заклинания, в которых каждая болезнь представлена особым человекоподобным существом. Молния для народа прежде всего — светлая стрела. Радуга представляется народу мостом. Да и для образованных людей далеко не все такие слова одинаково отвлеченны. «Молния», «искра», «луч» едва ли не кажутся нам в момент разговора (когда мы не вдумываемся в дело) настоящими предметами. «Тепло» для нас гораздо предметнее «теплоты», «добро»— «доброты» и т. д. Вдумаемся также в буквальный (т. е. более древний) смысл таких выражений, как: «закрывай дверь, тепло уходит!», «его лихорадка трясет», «совесть заела», «дело мастера боится» и т. д., и мы допустим, что все эти представления могли обозначать когда-то в народном сознании настоящие предметы, только невидимые. На месте этих невидимых предметов и мог очутиться мало-по-малу, с успехами знания, один только оттенок предметности. Но гипотеза эта должна быть проверена историко-культурным исследованием о временно́м соотношении эпохи анимизма с эпохой первого зарождения языка. А это приводит нас опять-таки все к тому же неразрешенному вопросу о происхождении языка.

На этом мы можем покончить с категорией существительного и перейти к двум другим не менее важным категориям: глагола и прилагательного. Мы уже видели попутно, при рассмотрении категории существительного, что и прилагательное и глагол могут быть в одном пункте объединены друг с другом и вместе противопоставлены существительному: и «черный» и «чернеется» обозначали для нас нечто несамостоятельное, нечто отсылающее нашу мысль на поиски того, что черно и что чернеется, другими словами, на поиски существительного. Но существительное обозначает предмет. Значит, и прилагательное и глагол обозначают то, что мы приписываем предметам. А предметам мы приписываем, конечно, их признаки. Это и есть самое общее значение обеих этих частей речи. Это значение тесно связано у них с формами согласования с существительными, подобно тому как значение предметности связано в существительном с тем, что с ним согласуются прилагательное и глагол. Ведь вполне естественно, что предметы обозначаются самостоя-

тельными формами, а признаки — несамостоятельными. Но как в самых способах согласования прилагательного и глагола есть большие отличия их друг от друга, с чем читатель познакомится подробнее в главах о соответствующих формах словосочетаний, так и в общих значениях этих категорий есть коренные различия и даже противоположность. Обе они обозначают признаки, но признаки эти совершенно отличны друг от друга. Поэтому нам необходимо рассмотреть каждую категорию отдельно. Начнем с глагола.

Всякий, вероятно, помнит школьный вопрос, по которому он узнавал в детстве глагол: «что делает предмет?» Этот вопрос вполне верно определяет сущность глагольной формы. В каждом глаголе заключен оттенок какого-либо «деланья» или «действия». Но, чтобы убедиться в этом, надо рассматривать не такие глаголы, как «ходит», «бегает», «работает», «читает», «пишет» и т. д., на которых нам в детстве объясняли значение глагола. Ведь мы уже знаем, что в слове, имеющем форму, не одно значение, а несколько, потому что у вещественной части — свое значение, у формальных — свои. Если вещественная часть сама по себе уже обозначает действие (а в этих глаголах это именно так: основы «ход-», «бег-», «работ-» и т. д. обозначают как раз действие), то можно ли будет различить в таком глаголе тот, иногда очень тонкий, оттенок действия, который вносится самой формой глагола, т. е. формальными частями его (ход**ит**, работа**ет**, пиш**ет** и т. д.). Ведь это то же самое, что увидеть звезды при ярком солнце! Очевидно, именно эти-то глаголы и не годятся для нашей цели. Напротив, стоит взять любой глагол, у которого в корне выражено не действие, — и оттенок действия, вносимый глагольностью, выступит сразу. В самом деле, что, напр., значит «мочу»? Ведь это значит «делаю мокрым». Точно так же «сушу» = делаю сухим, «белю» = делаю белым, «глушу» = делаю глухим, «шумлю» = делаю шум, «звоню» = делаю звон, «удлиняю» = делаю длинным, «утраиваю» = делаю тройным, «усваиваю» = делаю своим, и т. д. Форма возвратного залога (на «ся») нисколько не изменяет этого оттенка: «сушусь» = делаюсь сухим, «удлиняюсь» = делаюсь длинным, «укорачиваюсь» = делаюсь коротким, «утраиваюсь» = делаюсь тройным, и т. д. Здесь, значит, к оттенку «делания» присоединился только еще оттенок, выражаемый частицей «сь». Сам же оттенок «делания» от этого не исчез.

Столь же легко обнаруживает это значение и огромный разряд глаголов на «-ею»: молодею, старею, умнею, глупею, толстею, худею, зверею, совею, соловею, сиротею и т. д. «Молодею» значит делаюсь молодым, «умнею» — делаюсь умным, «зверею» — делаюсь зверем, «сиротею» — делаюсь сиротой, и т. д. Сопоставим еще ряд глаголов с образованными от той же основы другими частями речи. Сравним, напр., «ленится» и «ленив». «Ленится» это значит поступает нехорошо, дурно ведет себя, вообще делает что-то нехорошее, недозволенное (хотя в данном случае это «делание» сводится, в сущности, к ничегонеделанию). Напротив, в слове «ленив» нет никакого действия, так как оно указывает только на природное качество. Человек может быть от природы ленив, но усилием воли или под давлением необходимости работать, как вол. Про такого человека мы скажем, что он «ленив», но что в данное время он «не ленится». Наоборот, от природы трудолюбивый человек может разлениться, и мы скажем тогда, что он «не ленив», но в данную минуту «ленится». Ясно, что он в данную минуту что-то делает, и притом что-то такое, чего он обычно не делает. Далее, сравним «веселится» и «весел». При слове «веселится» нам представляются какие-то действия веселящегося человека. Если нам скажут: «он сегодня веселится», мы, смотря по человеку, предположим или попойку, или бал, или поездку за город, словом, во всяком случае какие-либо «веселые» действия. Ничего этого нет в слове «весел». В словах «радуется», «печалится», «грустит» уже меньше внешних проявлений чувства, чем в слове «веселится», но все-таки они есть. Мы скорее скажем: «он радуется, как ребенок», чем «он рад, как ребенок», потому что «радуется» указывает на какие-то жесты, выражение лица, словом, на какое-то проявление радости, чем и подходит больше к ребенку, чем «рад». Далее, сравним «звучит» и «звучен», «звенит» и «звóнок», «гудит» и «гýлок» и т. д. Здесь отношение будет то же, что между «ленится» и «ленив». У человека голос может быть сам по себе «звучен», но в данную минуту, при данных условиях он «плохо звучит», т. е. не проявляет своей звучности, плохо работает, так сказать. Колокол может быть «звонок», но в сырую погоду он «плохо звенит». В выражении «печка дымит» слово «дымит» имеет совершенно такой же грамматический смысл, как в выражении «он дымит сигарой», т. е. пускает дым. В возвратной форме «дымится» выражено то же пускание дыма, но не столько на окружаю-

щие предметы, сколько на с е б я или вокруг с е б я, как бы окутывание себя дымом: «пожарище дымилось» = пускало вокруг себя дым. Особенно ясно выступает оттенок действия, если сравним фразы: «там что-то д ы м и т с я» и «там какой-то д ы м». В первой фразе перед нами рисуется даже самое д в и ж е н и е дыма. Точно так же «он пылит» = п у с к а е т пыль, «мебель п ы л и т с я» = с о б и р а е т пыль, привлекает к себе. Ветер «волнует» море = п р о и з в о д и т волны: море «волнуется» = само в себе производит волны. «Пирую» — это значит не просто нахожусь на пире, а непременно у ч а с т в у ю в нем, «чарую» — н а в о ж у на других чары, «протестую» — з а я в л я ю протест, «интригую» — в е д у интригу, «арестую» — н а л а г а ю арест, «прессую» — д а в л ю прессом, «учительствую» — з а н и м а ю с ь учительством, «ходатайствую» — п р е д ъ я в л я ю ходатайство, «столярничаю» — р а б о т а ю, как столяр, «безобразничаю» — п р о и з в о ж у безобразие, и т. д., и т. д.

Труднее всего уловить этот оттенок в таких выражениях, как «на горах б е л е ю т снега», «там что-то б е л е е т с я», «кругом з е л е н е л а трава» и т. д. Ведь «снега белеют» или «б е л е ю т с я» означает по своему реальному смыслу, что снега — белы, и больше ничего. Сравним, однако: «там что-то б е л е е т с я» и «там что-то б е л о е». Разница получается почти такая же, как между «там что-то дымится» и «там дым». В «белеется» есть какая-то изменчивость, подвижность, ускользание от наших взоров, «белое» стоит перед нами ясно и неподвижно. «Белеется» это как бы п о к а з ы в а е т свою белизну, п р о я в л я е т себя белым. Или сравним еще у Тютчева:

Смотри, как роща з е л е н е е т,
Палящим жаром облита,
И в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Здесь живительная сила зелени среди палящего жара прекрасно выражена глаголом «зеленеет». Это «зеленеет» как нельзя больше подходит именно к «в е ю щ е й негой» роще. Если же было бы сказано: «как роща зелена», это дало бы впечатление спокойствия, неподвижности.

Итак, мы имеем в категории глагола оттенок, который может совпадать со значением вещественной части слова («ходит», «бежит»), может расходиться с ним («зеленеет», «грустит»), может, наконец, п р о т и в о р е ч и т ь ему («ленится»). Противоречие

это может здесь заостряться еще больше, чем в отдельных существительных, где признак («чернота») при помощи форм категории существительного превращается в предмет, т. е. в сочетание признаков. Противоречие между признаком и сочетанием признаков не так еще зияет для нас, как противоречие между покоем и движением. А между тем в таких глаголах, как «ленится», «сидит», «лежит» и т. д. мы имеем именно сочетание этих двух значений в одном слове. И здесь еще больше тормозит работу грамматиста тот психологический вес, который присущ вещественной части слова. Всем известно школьное определение глагола как слова, обозначающего действие или состояние. На самом деле, хотя между глаголами действительно существует различие в этом отношении, и нам с этим различием впоследствии придется считаться, однако самой категории глагольности оно, собственно, не касается. Это различие вторичное, намечающееся уже внутри категории. Всякий глагол, прежде всего, обозначает действие, а затем, по соотношению с вещественной частью слова, получаются различия, которые сказываются на формах словосочетаний (так наз. «переходность», см. гл. XIII) и отчасти на формах самих глаголов и глагольных слов («возвратность», см. стр. 130 и след.). Но так уж велика сила влияния вещественной части слова на изучающего, что те ученые, которые отрицают предметность в отвлеченных существительных, еще менее, конечно, согласятся с нашим толкованием глагола и предпочтут остаться при традиционном учении о «действии и состоянии». Мы же и тут подчеркнем основной тезис книги — необходимость считаться в известных случаях с раздвоением в значениях слов и предостережем читателя от того антиграмматического гипноза, который исходит от вещественных частей слов. Для нас и здесь вещественное и грамматическое значения останутся как бы силами, приложенными к одной и той же точке (к слову), но действующими то в одном направлении, то во взаимно пересекающихся направлениях, то, наконец, в прямо противоположных направлениях. И мы и здесь будем готовы к тому, что сила вещественного значения, подобно течению реки, увлекающей какой-нибудь предмет, будет очевидна, а сила формального значения, подобно ветру, дующему против течения и удерживающему тот же предмет, потребует специальных приемов исследования.

Укрепившись на такой позиции, мы сможем уловить и еще одну черту в значении глагола, более тонкую. Мы сказали, что

глагол обозначает действие. Но ведь «действовать» могут только живые существа, все же остальные предметы не «действуют», а только движутся. Живые же существа «действуют» потому, что они движутся по своей воле, произвольно. И значит, в глаголе, раз он изображает действие, должен быть еще оттенок воли, намерения. И действительно, в каждом глаголе есть и этот оттенок, только его еще труднее уловить. В таких глаголах, напр., как: «умер», «родился», «заболел», «простудился», «упал», «ушибся» и т. д., мы едва ли заметим «намеренные» действия. Нам смешна школьная формула: «что сделал? — умер». На самом деле эта формула грамматически безупречна. Тут все дело в том, что в вещественной части этих глаголов выражено как раз нечто прямо противоположное намеренности, нечто совершенно независящее от нашей воли. Учесть в таких глаголах оттенок намеренности, это — то же самое, что учесть, насколько замедлится отправление поезда, если кто-нибудь на станции ухватится за последний вагон и будет тянуть поезд назад. Но что этот оттенок сознательной деятельности есть в каждом глаголе, это лучше всего видно из тех случаев, когда нам нужно неживые, неодушевленные предметы представить живыми, оживить. Оказывается, что для этого глагол всегда более годится, чем какая-либо другая часть речи. Возьмем, напр., следующие строки из Пушкина:

Где некогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты теснятся
Под сенью их, как дети.

Если бы было сказано: «растут тесно» или «в тесноте», то это не подходило бы к сравнению кустов с детьми, потому что кусты здесь именно намеренно теснятся, стремятся расти теснее, как дети, сбегающиеся под защиту матери. Или, напр., в «Лесе» Кольцова:

Почернел ты весь, затуманился...
Одичал, замолк... Только в непогодь
Воешь жалобу на безвременье...

Если бы вместо «почернел», «одичал» сказано было «сделался черен», «сделался дик», лес не показался бы нам таким живым, не напомнил бы так ясно насупившегося, нахмурившегося человека. Значит, глаголы, это — какие-то «живые» слова, оживляющие все, к чему они приложены.

Происхождение этого «живительного» оттенка уходит в ту же «глубь времен», что и происхождение оттенка предметности. Те ученые, которые объясняют отвлеченные существительные периодом анимизма, прибегают к нему и в этом случае. Раз в каждом неодушевленном предмете (камне, дереве) для первобытного человека заключались духи, то и все явления природы (падение камня, движение веток дерева) могли представляться действиями этих духов. Разумеется, те сомнения, которые мы высказывали по поводу того толкования, сохраняют силу и для этого.

Переходим к прилагательному. Школьный вопрос «какой?», с помощью которого мы узнавали на первых порах прилагательное, и тут вполне верен. Только в школе, смотря по вещественному значению прилагательного, принято употреблять и другие вопросы: «чей?» и «который?». Но мы уже знаем, что вещественным значениям, собственно, не место в грамматике, что они иногда только сбивают изучающего. К тому же в жизни нам случается применять вопрос «какой?» ко всякому прилагательному. Мы нередко спрашиваем: «вы о какой земле говорите: о крестьянской, помещичьей или государственной?», «какое сегодня число, девятое или десятое?» и т. д. Значит, в вопросе «какой?» есть что-то подходящее ко всем прилагательным, независимо от их вещественного значения. Спрашивая же «какой?», мы спрашиваем, очевидно, о качестве предмета. В этом и заключается значение категории прилагательного.

Различить это значение яснее всего можно будет, конечно, опять-таки на тех прилагательных, у которых корни выражают не качество. Возьмем, напр., прилагательные: «подвижный», «вертлявый», «разговорчивый», «уживчивый», «догадливый» и т. д. У всех у них корни выражают действие («движ-», «верт-», «говор-» и т. д.). Однако, когда мы говорим: «этот ребенок очень подвижен», мы хотим выразить, собственно, не то, что он много двигается, а то, что ему свойственно много двигаться, что это его свойство, качество. Качество это останется при нем всегда, даже если он почему-либо (напр., по болезни) не будет двигаться. Оно заложено в его организме, в его мускулах, нервах, во всей природе его. Сравним еще такие отглагольные прилагательные, как: «вялый», «блеклый», «впалый», «талый», «мерзлый», «тухлый», «пухлый», «дохлый», «окоченелый», «заржавелый» и т. д. Когда мы говорим: «мерзлая говядина», мы думаем не столько о том, что она замерзла, сколько о том, какая она: холодная, твердая, невкусная и т. д. При словах «заржавелый ключ» нам прежде всего представляется цвет

ключа, а не то, что он когда-то был чист, а потом заржавел. То же в словах: «стоячий», «висячий», «ходячий», «лежачий», «ползучий», «летучий», «пахучий», «жгучий» и т. д. «Стоячая» или «висячая» лампа, это — прежде всего лампа, приспособленная по самой ф о р м е своей для стояния или висения; «стоячая» вода, это — прежде всего тинистая, затхлая, поросшая водорослями и т. д.; «летучие» семена, это — прежде всего семена с особыми придатками, благодаря которым они летают, и т. д.

Несколько труднее будет уловить оттенок качества в таких прилагательных, где в корне выражены п р е д м е т ы: «каменный», «золотой», «деревянный», «полотняный», «льняной» и т. д. Тут мы должны вникнуть в довольно тонкую разницу между выражениями «золотое кольцо» и «кольцо из золота», «каменный дом» и «дом из камня» и т. д. При словах «кольцо из золота» мы представляем себе два предмета, совершенно отдельные: «кольцо» и «золото». Эти два предмета в данном случае случайно слились, совпали в одном пространстве, и это-то и хотим мы выразить словами «кольцо из золота». Но мы прекрасно сознаем при этом, что это — отдельные предметы, что золото может быть и не в кольце, а кольцо может быть и не из золота. При словах же «золотое кольцо» мы представляем себе только о д и н предмет: кольцо, а о з о л о т е к а к о б о т д е л ь н о м п р е д м е т е н е д у м а е м. То, что кольцо из золота, кажется нам только к а ч е с т в о м кольца, как если бы мы сказали: желтое, блестящее, твердое, красивое и т. д. Все качества золота при помощи формы «золотое» п е р е н о с я т с я на кольцо, а то, что золото само есть предмет — забывается. Когда мы говорим: «кольцо было большое, золотое, старинное», мы не сознаем ни малейшей разницы между всеми тремя прилагательными. Подобным же образом мы воспринимаем сочетания: теплая в е с е н н я я погода, мягкая ф е т р о в а я шляпа, прозрачная в о д я н а я струя, большая ф и л о с о ф с к а я книга, серая т у м а н н а я даль и т. д.

Все последние прилагательные принадлежат к так называемым «относительным», и о них нам надо сказать несколько слов отдельно. Подобно тому как в глаголе соответствие и несоответствие между значением глагольных флексий и значением корней, а отчасти и внутренних суффиксов отражается на категориях переходности и непереходности, возвратности и невозвратности (см. выше стр. 88 и ниже в гл. VII и XIII), так же и в прилагательном это

соответствие и несоответствие отражается на категориях степеней сравнения. Именно, прилагательные, у которых не только аффиксы самих прилагательных (**-ый, -ая, -ое** и т. д.), но и основы обозначают качество, легко образуют формы степеней сравнения (белый — белее — белейший, глупый — глупее — глупейший, легкий — легче — легчайший), те же, у которых основы обозначают не качество, либо совсем не образуют этих форм (от «двадцатый» нельзя сказать «двадцатее — двадцатейший»), либо образуют их крайне затрудненно, с оттенком вольности, новообразования: «сегодня погода весеннее вчерашней», «моя шляпа фетровее твоей», срвн. у Брюсова: «все каменней ступени, все круче, круче всход» (в стихотворении «Лестница»). Но подобно тому как у глаголов деление их по этим грамматическим отличиям не вполне совпадает с делением по значениям основ (срвн. «лежу», «чихаю» — оба непереходные и невозвратные и тем не менее один выражает состояние, а другой — действие), а только известным образом переплетается с ним, о чем будет сказано впоследствии, точно так же и у прилагательных качественная основа только способствует образованию степеней сравнения, но не обусловливает их категорически. Так, прилагательные «слепой», «хромой», «глухой» в их основных значениях лишь с огромным трудом образуют степени сравнения: мы затрудняемся сказать про человека, что он «слепее», «хромее», «глуше» другого. И это потому, что сами качества-то эти представляются нам абсолютными, не могущими количественно изменяться. Точно так же мы уж ни в каком случае не скажем: «этот человек зрячее того» (в слове «зрячий» в настоящее время можно видеть уже чисто-качественную основу, хотя исторически здесь основа глагольная, потому что «зрячий» — бывшее причастие от глагола «зреть»). С другой стороны, предметная основа не препятствует образованию степеней сравнения, если отношение к предмету забывается, сознается слабо, а на первый план выступает в сознании значение качества. Так, мы можем без всякого колебания сказать: «сегодня день туманнее вчерашнего», «ветер влажнее», «почва песчанее» и т. д. Это приводит нас к тому, что в прилагательных типа «туманный», «влажный», кроме значений самих предметов — «туман», «влага» — и значения отношения к этим предметам, выраженного суффиксом **-н-** (откуда они и называются «относительными»), есть еще и значение

качества, которое может то побеждать значение отношения, как в данных прилагательных, то, наоборот, быть побеждаемым им, как в прилагательных «конный», «каменный», «ушной», «дверной» и т. д. В первом случае становятся возможными формы степеней сравнения (если только само качество не представляется абсолютным), во втором случае они невозможны. Спрашивается, чем же выражен этот — то побеждающий, то побеждаемый — оттенок качества в относительных прилагательных? Если в «туманный» простая основа обозначает предмет («туман-»), а суффикс — отношение к этому предмету (-н-),[1] то, очевидно, значение качества может быть заключено только в флексии **-ый**, т. е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным. Таким образом даже и в относительных прилагательных, поскольку они именно прилагательные, вскрывается оттенок качественности, а оттенок отношения оказывается вторичным, намечающимся уже внутри категории (как оттенок состояния внутри глагольной категории). Именно этим и объясняется, что при случае почти все относительные прилагательные могут образовывать степени сравнения наравне с качественными. Это было бы невозможно, если бы в них выражалось только отношение к предмету, потому что отношение не может быть больше или меньше. Не лишено также значения, что почти все относительные прилагательные могут употребляться и в переносном, чисто качественном смысле. Сравним «отцовский дом» и «отцовское отношение» (т. е. такое, как у отца), «царская награда» в смысле «награда царя» и в смысле «такая, как от царя» (напр., «это, поистине, царская награда»), «кирпичный завод» и «кирпичный чай» (т. е. такой, как кирпич, по форме), «воздушное течение» и «воздушный пирог», «стальное перо» и «стальные мускулы», «военный портной» и «военная выправка», «земной шар» и «земные помыслы», «волчий мех» и «волчий аппетит», «ослиное копыто» и «ослиное упрямство», «медвежья лапа» и «медвежья услуга», «строение львиного сердца» и «Ричард I Львиное сердце», «змеиное шипение в лесу» и «змеиное шипение врагов», и т. д. Те же прилагательные могут обозначать и цвета (кирпичный цвет, молочный, шоколадный, кофейный, ореховый, песочный, пепельный, каштановый, розовый, малиновый, сиреневый, небесный, стальной, золотой, серебряный и т. д.), и вкусы (деревянный вкус, металлический, конфетный, хлебный и т. д.), и запахи (розовый, лимонный, сосновый и т. д.).

Все это показывает, что потенциально во всех них хранится оттенок качественности.

Как же, однако, быть с такими прилагательными, как «двадцатый», «третий»? Ведь тут уж совершенно невозможно говорить о качестве. Можно указать еще на одну подрубрику относительных прилагательных, которые, никогда и ни при каких условиях не могут обозначать качество: это прилагательные притяжательные типа «братнин», «сестрин», «матерన», «отцов», «иванов», «смотрителев» (последний тип, правда, ныне почти уже вымер, если не считать фамилий, где он субстантивирован, см. стр. 154 и след.). В то время как «братский» может обозначать и «принадлежащий брату» и «такой, как принадлежащий брату», «братнин» может иметь только первое из этих значений. Не говоря уже о таких сочетаниях, как «братнина ручка», «братнин карандаш», мы даже и в таких сочетаниях, как «братнина привычка», «братнин ум», сказанных не про брата, не можем открыть качественного смысла. «Братнина привычка» — это никогда и ни при каких обстоятельствах не может означать: «такая привычка, как у брата», а только: привычка, принадлежащая брату, но в данном случае оказавшаяся у другого (подобно тому как и «братнина ручка» может очутиться не у брата). Точно так же «отцовское отношение» может означать и отношение отца и отношение такое, как у отца; напротив, «отцово отношение» может обозначать только отношение отца, хотя бы оно фактически случайно и повторилось со стороны другого лица. Спрашивается, куда же девается здесь оттенок качественности? Нам думается, что факты эти надо рассматривать под тем же углом зрения, под которым мы рассматривали такие глаголы, как «умер», «родился», «упал» и т. д. Как там оттенок намеренного делания парализовался до полной неразличимости значением основы, так и здесь оттенок качественности парализуется им же и в той же степени. В самом деле, в прилагательных типа «двадцатый» основа обозначает нечто прямо противоположное качеству, именно количество. В прилагательных типа «братнин», «отцов» суффиксы **-ин** и **-ов** обозначают прямую принадлежность (не просто отношение!), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы им указываем, что предмет всецело со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету. Таким образом и здесь мы имеем такое сочетание значений в одном слове, которое просто невоз-

можно синтезировать, и которое должно привести к полной победе одного значения над другим.

Подобно тому как среди существительных есть одно, в котором вещественное значение столь обще, что в слове остается как бы только одно грамматическое значение предметности («кто», «что»), так и среди прилагательных есть одно, в котором по тем же причинам на первый план выступает значение качества. Это — «какой». Когда мы говорим: «какой?», мы не называем никакого качества, потому что не знаем его, но мы показываем, что ищем мыслью качество, думаем о качестве. Это, так сказать, идеальное прилагательное.

Итак, категория глагола обозначает действие, а категория прилагательного — качество. Но теперь нам пора вспомнить, что начали-то мы со сходства этих категорий друг с другом (ведь оба обозначают признаки предметов), а пришли чуть ли не к противоположности их значений. Как же согласовать наши конечные выводы с исходным пунктом? После всего, что было сказано о глаголе и о прилагательном, это будет очень нетрудно сделать. В глаголе признак изображается как деятельность предмета. Это возможно, очевидно, только при том условии, если будет показано, что предмет сам свой признак делает. И припомнив все те глаголы, которые мы разбирали, мы увидим, что это так и есть. «Ленится» значило у нас «сам создает свою лень», «веселится» — «проявляет свою веселость», «звучит» — «проявляет звучность», «белеется» — «показывает свою белизну», «лежит» — «проявляет свое лежанье» и т. д. Значит, мы можем сказать, что в глаголе изображаются признаки, создаваемые деятельностью предмета. Напротив, в прилагательных признаки изображаются как качества. А качества предметов не зависят от них самих, а зависят только от их природы. И действительно, мы видели, что «ленивый» означает природную лень, «подвижный» — природную подвижность, «летучий» — природную летучесть, «лежачий» — природную лежачесть и т. д. Значит, мы можем сказать, что в прилагательных изображаются признаки, заложенные в природе предмета. Это и будут наиболее точные определения категорий глагола и прилагательного.

Основная причина этой коренной разницы между глаг лом и прилагательным заключается в категориях времен

и наклонения. Прилагательные потому изображают нечто постоянное, нечто заложенное навеки в предметы природой, что у них нет формы времени. Так как в словах «ленивый», «подвижный», «летучий», «белый» и т. д. не указано совершенно, когда наблюдался такой-то признак, то нам и представляется, что он имеется всегда. Тут и вопроса о времени не может возникнуть (нельзя спросить: «когда ленивый? когда белый?»), потому и получается нечто вечное, нечто стоящее вне времени. Для того чтобы спросить «когда?», надо непременно прибавить глагол («когда был ленив?», «когда бывает ленив?» и т. д.), и тут дело сразу изменится. Влияние глагола оказывается настолько сильно, что сочетание «был ленив», несмотря на то, что вторая его часть («ленив») означает природное качество, может приравниваться к глаголу «ленился» (подробнее об этом см. гл. XI). Можно сказать: «в детстве я был ленив, не хотел учиться», и тут «был ленив» означает почти то же, что «ленился», т. е. производил свою лень. И создается это именно формой времени в глаголе «был». Если я говорю, что я был ленив, то за этим скрывается предположение, что сейчас я, может быть, и не ленив, а это значит, что качество это не настолько уж природно, не настолько непобедимо, т. е., в конце концов, зависит от меня самого. И вообще форма времени, показывая, что признак наблюдается в предмете только в определенный момент или в определенный период, тем самым заставляет предполагать, что в другие моменты, в другие периоды этого признака может и не быть. А если так, то это — признак подвижный, изменчивый, то являющийся, то исчезающий, как бы по воле того предмета, в котором он находится. Форма наклонения показывает, что даже и в данный-то момент признак может быть в предмете, а может и не быть («белеет», «белел бы»), что можно даже приказать предмету проявить его, если его нет («белей!»). Это еще больше увеличивает, так сказать, «капризность» признака, т. е. зависимость его от произвола действующего предмета. Так и создается представление, что предмет сам создает свой признак.

Но категории времени и наклонения слишком важны, чтобы мы могли ограничиться этими общими указаниями. Нам необходимо проанализировать детально значение каждой из них, тем более, что в главе III они у нас остались под вопросом. Мы не нашли в них там синтаксических оттенков в том смысле, как они обычно понимаются, т. е. не нашли выражения связей ме-

жду словами. И в то же время мы предупредили читателя, что нам придется причислить эти категории к синтаксическим. Теперь эта загадка должна разрешиться.

Прежде всего обратим внимание на то, что загадка эта, так сказать, двусторонняя: категории эти не только отличаются самым решительным образом от всех синтаксических категорий (правда, только постольку, поскольку дело идет о категориях, образуемых формами отдельных слов, см. ниже), но и от всех несинтаксических. В гл. III мы видели, что несинтаксические категории имеют в своих значениях не только отрицательную сторону — необозначение связей между словами, — но и положительную: каждая несинтаксическая категория вносит тот или иной оттенок в вещественное значение слова (множественность или единичность, увеличительность или уменьшительность, собирательность или нераздельность и т. д.: дуб — дубы — дубок — дубище — дубье и т. д.). В категориях же времени и наклонения таких оттенков нет: «стучит» — «стучал» — «стучал бы» и «стучи!» обозначают совершенно одно и то же «стучание» (срвн. несинтаксические категории вида и залога: «постукивать», «стучаться», где «стучанье» другое). Таким образом категории эти как будто бы не подходят ни туда, ни сюда: ни к синтаксическим, ни к несинтаксическим. Однако при более детальном рассмотрении мы все же найдем, что они ближе к первым, чем ко вторым.

Категория **времени** означает, на первый взгляд, согласно названию, время проявления того или иного признака, или, короче, время деятельности подлежащего. Но не следует думать, что прошедшее время всегда обозначает то, что прошло, настоящее — то, что сейчас совершается, а будущее — то, что будет совершаться. Ведь в словах, напр., Александра I: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем» будущее время обозначает прошлое, в словах Феофана Прокоповича, сказанных над гробом Петра: «Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» настоящее время тоже обозначает прошлые события, в сочетании: «Если я поступлю так, то завтра же буду говорить себе: «Я ошибся!» прошедшее время указывает на мой будущий поступок. Дело в том, что времена соотносительны: то, что для нас прошедшее, то для наших предков (да и для меня минуту тому назад) было настоящим, а еще ранее — будущим. Значит, все

зависит от того, когда **сказана** та или другая фраза. Для Александра I изгнание Наполеона было будущим событием, потому что в то время, когда он говорил о нем, Наполеон еще не был изгнан. Для Прокоповича погребение Петра было настоящим потому, что происходило в то самое время, когда он говорил о нем. Наконец, замышляемый мной поступок будет мне представляться в момент раскаяния как прошедшее, потому, что в ту минуту, когда я буду говорить о нем, он уже будет совершен. Из этих трех случаев мы и можем вывести вполне точно значение каждого времени. Категория будущего времени обозначает, очевидно, не просто будущую деятельность подлежащего, а деятельность, которая наступает после того, как о ней говорят. Категория настоящего времени обозначает деятельность, совершающуюся в то самое время, когда о ней говорят. Категория прошедшего времени обозначает деятельность, которая совершается прежде, чем о ней станут говорить. И значит, категория времени вообще обозначает не просто время деятельности предмета, а **отношение времени деятельности его ко времени речи.**

Категория **наклонения** обозначает прежде всего отношение говорящего к той связи, которую он устанавливает при помощи форм согласования глагола между данным признаком и данным предметом. Эту связь говорящий может представлять себе по-разному. Прежде всего, он может представлять себе ее как нечто реальное, т. е. думать, что наблюдаемые им предметы и явления фактически связаны в природе теми самыми отношениями, которые он открывает в своей мысли. Говоря, напр.: «крестьянин пашет»—я убежден, что связь между крестьянином и пахотой существует не только в моей мысли, в моем мозгу, но и в действительности, что я высказал только то, что фактически мной наблюдалось. Это, конечно, самый привычный для нас способ представления. Но рядом с ним существует и другой, когда я эту связь представляю себе только как нечто воображаемое, т. е. сознаю, что на самом деле этой связи между предметами и явлениями нет, а я только представляю ее себе, только мыслю ее. Это бывает тогда, когда я говорю: «крестьянин пахал бы», или, обращаясь к крестьянину, говорю: «паши!» В обоих этих случаях я убежден, что кре-

стьянин фактически не пашет (потому что иначе незачем мне было предполагать его пахания или приказывать ему пахать) и что, значит, я соединяю в своей мысли то, что на самом деле не соединено. В этом и состоит отличие так называемых косвенных наклонений от прямого, или «изъявительного» наклонения. В косвенных наклонениях могут в свою очередь различаться другие оттенки. Если я представляю себе то, чего нет, то я могу делать это или потому, что мне представляется, что так могло бы быть, или потому, что мне хочется, чтобы так было (независимо от того, возможно это или нет), или потому, что по моим представлениям это должно бы быть, т. е. имеются и желание с моей стороны и возможность. Первому случаю соответствует категория потенциального наклонения, второму — желательного (в древнегреческом, древнеиндийском, литовском и др. языках, русское «сослагательное» соединяет в себе эти 2 оттенка), третьему — повелительного наклонения.

Сравним теперь категории времени и наклонения между собой. В них есть нечто общее. Категория времени обозначает, как мы видели, отношение времени действия ко времени речи (или обратно: времени речи ко времени действия). Но что такое здесь «время речи»? Это, прежде всего, момент речевого сознания. Ведь говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи, а это время не может представляться ему только объективно. Оно совпадает с моментом его речевого сознания. Вообще-то время той или иной речи, конечно, может быть определено объективно, но не в этом времени тут дело. Александр I мог сказать в разные моменты своей жизни и «не положу оружия», и «не кладу оружия», и «не положил оружия», и мы сейчас, ретроспективно, могли бы установить, что в первом случае время его речи объективно предшествовало времени действия, которое он фактически выполнил, во втором — совпадало с этим временем, в третьем — следовало за этим временем. Но ясно, что не эти соотношения выражал бы в этом случае говорящий своим выбором времени, а субъективные соотношения своего речевого сознания и мыслимого им действия. Ведь, произнеся: «не положу оружия», он мог тотчас же умереть, и действие так и осталось бы невыполненным. Однако представление его о соотношении момента его речи и момента мыслимого им дей-

ствия осталось бы совершенно тем же, как и в том случае, когда ему удалось все это исполнить. Следовательно, только это представление и выразилось здесь формой будущего времени. Таким образом мы устанавливаем здесь элемент субъективности, элемент отношения говорящего к своей собственной речи, хотя, конечно, эта субъективность, как и всякая речевая субъективность, может протекать только в абсолютно-объективных рамках, потому что каждый говорящий при помощи категории времени может выражать те же соотношения.

Сравнивая эту сторону значения времен со значениями наклонений, находим, что и там все дело в отношении говорящего к своей собственной речи: представляет ли он себе данную речь фактическим отображением действительности или только мысленным ее воссозданием, при чем в последнем случае намечаются и мотивы, по которым он желает думать и говорить о том, чего на самом деле нет. В сущности, и время и наклонение одинаково накладываются, так сказать, на ту связь между предметом и признаком, которую устанавливают формы согласования глагола с именительным падежом существительного: наклонение определяет отношение говорящего к реальности этой связи, а время — ко времени ее проявления. Таким образом обе категории, не обозначая отношений слов друг к другу, обозначают отношения самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами. **Отношения к отношениям** — вот в чем сущность этих категорий, и вот в чем немалая трудность их для анализа.

Теперь читатель уже сам легко разберется в вопросе, куда лучше отнести эти категории: к синтаксическим или несинтаксическим. Если на одной стороне будут категории, выражающие те отношения, которые говорящий устанавливает между словами своей речи, а на другой стороне будут категории, не выражающие никаких отношений, а придающие только словам различные дополнительные оттенки (увеличительность, ласкательность и т. д.), то к какой из этих рубрик больше подойдут категории, выражающие отношения самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами своей речи? Двух ответов на этот вопрос быть не может. Исключить эти категории из разряда синтаксических мог бы только тот, кто самые отноше-

ния между словами представляет себе изолированно от сознания говорящего и слушающего, т. е. кто о в е щ е с т в л я е т с л о в а и изучает отношения между ними так же, как он изучал бы отношения между разными видами растений, растущих на одной площади, отношения между разными классами общества и т. д. Такое направление есть в современном синтаксисе. Но, с нашей точки зрения, слова, конечно, с а м и п о с е б е никак не относятся друг к другу: их всегда только о т н о с и т друг к другу говорящий и вслед за ним слушающий, и только с о в п а д е н и е этих двух актов, осуществляемое определенными звуковыми средствами (которые сами по себе тоже, конечно, не заключают в себе никакого элемента отношения), создает ту объективную языковую базу, которая позволяет нам говорить, что слова о т н о с я т с я друг к другу. А если так, то те категории, в которых говорящий с а м выражает работу своей мысли в деле установления отношений между словами, в которых он как бы с к р е п л я е т все эти отношения своей творческой печатью и тем с в я з ы в а е т окончательно все отдельные с в я з и своей речи воедино — эти категории должны быть признаны сугубо синтаксическими.

Нужно еще заметить, что если среди категорий, образуемых в русском языке преимущественно формами о т д е л ь н ы х с л о в, и мало категорий этого типа (кроме времени и наклонения сюда можно отнести еще только л и ц о, и то лишь частично, см. ниже), то среди категорий, образуемых в нем ф о р м а м и с л о в о с о ч е т а н и й, их довольно много. Сюда относятся категории в о п р о с а, в о с к л и ц а н и я и п о в е с т в о в а н и я (см. гл. XIX), категории о т р и ц а н и я и у т в е р ж д е н и я (см. гл. XVIII), категории в в о д н ы х слов и выражений (см. гл. XXI), категория з в а т е л ь н а я (см. там же), категория с к а з у е м о с т и (поскольку она не исчерпывается категориями времени и наклонения, см. гл. IX); наконец, сюда же относится и крайне своеобразная категория м е с т о и м е н н о с т и, не образуемая ни формами отдельных слов, ни формами словосочетаний, а к о р н я м и слов (см. гл. VIII). Все эти категории не выражают ни отношений между словами, ни отношений между словосочетаниями, а только отношения самого говорящего к своей речи и к тем отношениям между частями ее, которые он в ней устанавливает. И все эти категории всегда рассматриваются в синтаксисе.

Так как в дальнейшем нам не раз еще придется сопоставлять и даже отчасти противопоставлять друг другу обнаруженные здесь два типа синтаксических категорий, то мы считаем нелишним закрепить наш анализ терминами, хотя заранее уверены, по новизне дела, в их несовершенстве. Мы будем впредь называть категории, обозначающие отношения между словами и словосочетаниями, объективными синтаксическими категориями, а категории, обозначающие отношение самого говорящего к этим отношениям — субъективно-объективными синтаксическими категориями, имея в виду второй частью термина обозначить, что «субъект» здесь надиндивидуален, что это языковой субъект, т. е. не просто «говорящий», а «всякий говорящий».

Коснувшись природы времени и наклонения, нам необходимо здесь коснуться хотя бы столь же поверхностно и природы категории лица, так как и она еще частично относится к «субъективно-объективным» категориям.

Категория лица проявляет вообще в своем значении некоторую двойственность. С одной стороны, эта категория обычно рассматривается (и не без основания) как категория согласования глагола с именительным падежом существительного, к которому этот глагол относится. С этой точки зрения лицо — объективная синтаксическая категория. Так, в словосочетании «я иду» категория первого лица глагола, выраженная формой «иду», обозначает отношение этого слова к слову «я», в словосочетании «ты идешь» категория второго лица обозначает отношение слова «идешь» к слову «ты» и т. д. При таком понимании нет принципиальной разницы между категорией лица и категорией согласования в числе и в роде в области глагола и согласования в числе, роде и падеже в области прилагательного. Все это лишь различные проявления согласования слов-признаков со словами-предметами, и различия между всеми этими категориями обусловлены только теми различиями, которые мы сознаем в самих словах-предметах, вызывающих согласование. Но есть и другая сторона в категории лица. Ведь «иду» и само по себе без слова «я» указывает на 1-е лицо, «идешь» само по себе указывает на 2-е лицо, «идет» само по себе указывает на 3-е лицо. Есть языки, в которых при глаголах 1-го и 2-го лица местоименные подлежащие вообще не употребляются за

исключением тех случаев, когда одно лицо противополагается другому (напр., «я работаю, а ты ничего не делаешь»). Этого не могло бы быть, если бы в личной форме самого глагола не сознавалось достаточного указания на лицо. У нас в русском языке, правда, употребление местоименного подлежащего сознается как норма, а неупотребление — как отступление, хотя и очень частое, от этой нормы (см. гл. X). Однако самая частость употребления глаголов в личной форме без местоименных подлежащих (особенно это относится к 1-му и 2-му лицам) показывает, что и у нас лицо узнается в этих случаях по окончаниям **-у**, **-шь**, **-м** и **-те**, а не по «подразумеваемым» словам «я», «ты», «мы» и «вы». Значит, значение согласования в лице можно признать здесь вполне ясно выраженным только в тех случаях, когда есть то слово, с которым глагол может согласоваться («я» или «ты», «мы» или «вы», впрочем, в третьем лице значение согласования выступает достаточно ярко и в отсутствии подлежащего, см. гл. X). В случае же отсутствия этого слова на первый план выступает уже не значение согласования в лице, а значение самого лица. А что такое «лицо» речи? Уже из школьного курса читатель знает, что в речи различаются лицо говорящее (1-е лицо речи), лицо, к которому обращена речь (2-е лицо речи), и лицо, о котором идет речь (3-е лицо речи, при чем в этом случае не говорящие предметы тоже включаются в понятие «лица»). Но кто же распределяет во всякой данной речи предметы и признаки по этим 3-м лицам? Кто устанавливает, что такой-то предмет речи есть само говорящее лицо, такой-то — слушающее лицо, а такой-то есть просто «предмет речи»? Конечно, сделать это может и должен только сам говорящий. Как нет абсолютного времени речи в грамматическом смысле этого слова, потому что одно и то же объективно установленное время может быть и настоящим, и прошедшим, и будущим по отношению к моменту речи, так нет и абсолютного лица речи, потому что одно и то же фактическое лицо может быть и первым лицом речи, и вторым, и третьим по отношению к говорящему. Каждый из нас может быть и «я», и «ты», и «он». Другими словами, тут опять-таки дело сводится к моменту речевого сознания, как в категориях времени и наклонения. Хотя мы и можем объективно установить, что в таком-то месте, в такое-то время Иван говорил, Петр слушал, а Алексей был предметом беседы, однако ведь от этого слово «Иван» не станет обо-

значением «лица говорящего», «Петр» — обозначением «лица слушающего», а «Алексей» — «лица, о котором говорят». Значит, не в фактическом распределении предметов по трем лицам речи заключается значение слов «я», «ты» и «он», а в том распределении, которое производит само лицо говорящее. Слово «я» означает, что оно сознает себя говорящим, слово «ты» — что оно сознает кого-то слушающим (точнее: адресатом, лицом, к которому обращена речь), слово «он» — что оно сознает кого-то или что-то предметом речи. Таким образом мы приходим к выводу, что категория лица, как она выражается в словах «я», «ты», «он», опять-таки субъективно-объективная. А если так, то и категория лица в глаголе, т. е. такие формы, как «иду» и «идешь» и т. д., поскольку они не являются формами согласования, а выражают самое лицо речи, обозначают то же самое. Правда, в толковании категории лица глагола ученые обычно держатся то одного из приведенных толкований, то другого, так что одни считают эту категорию исключительно согласовательной, а другие — категорией, выражающей исключительно отношение действия к «лицу речи». Но нам представляются оба эти значения совсем не исключающими друг друга, и спор о том, какое именно из этих значений принадлежит лицу глагола, мы уподобили бы спору о том, кем является Петр I, сыном Алексея Михайловича или отцом Алексея Петровича. Очевидно, поскольку категория лица в глаголе все-таки не довлеет сама себе, поскольку она вызывает представление о существительном в его личных значениях (а разные степени этого «недовления» мы разберем, когда будем говорить о согласовании сказуемого с подлежащим в гл. X), постольку она имеет согласовательное значение и является объективной синтаксической категорией. Поскольку же она довлеет сама себе и сама обозначает лицо (а степень этого «самодовления» будет разобрана там же), она оказывается субъективно-объективной категорией.

На примере категории лица глагола мы еще более убеждаемся, насколько трудно было бы отделить оба эти типа друг от друга: категория лица глагола как раз попадает в обе рубрики.

Хотя категория лица оказывается таким образом отчасти однородной с категориями времени и наклонения, однако отношение ее к категории глагольности совсем иное, чем у этих двух категорий: с глагольностью самой по себе лицо нисколько не связано. Отношение к «лицу речи» может

наслаиваться и на предметные представления и на представления покоящихся признаков, и соответственно во многих языках личные аффиксы есть и у существительных и у прилагательных (так что, положим, понятие «м о й стол» выражается основой «стол»+аффикс 1-го лица). С другой стороны, глагольность, т. е. представление о признаке, создаваемом самим предметом, может сознаваться и без отношения к «лицу речи», что мы видим в русском языке на категории прошедшего времени (читал — неизвестно кто: «я», «ты» или «он») и на категории «глагольных междометий» («прыг!» — неизвестно кто: «я», «ты» или «он», подробнее об этой категории см. в гл. X). Напротив, значения времени и наклонения н е р а з р ы в н о связаны с глагольностью, что можно наблюдать хотя бы на том факте, что даже такие образования, как только что упомянутое «прыг!», сознается нами в плоскости определенного времени и определенного наклонения (именно, п р о ш е д ш е г о времени и з ъ я в и т е л ь н о г о наклонения). При этом н а к л о н е н и е, повидимому, еще важнее для глагольности, чем время, так как есть языки, в которых категории времени совершенно не развиты (заменяются категориями в и д а), и так как в русском языке категории с о с л а г а т е л ь н о г о и п о в е л и т е л ь н о г о наклонений тоже не связываются сами по себе с представлением о времени («читал бы» — и вчера, и сейчас, и завтра, «читай!» — и сейчас и завтра, прошедший смысл исключается здесь самим значением побуждения).

Как для глагольности важны время и наклонение, так для прилагательности важны с о г л а с у е м ы е падеж, число и род. Все эти три категории выражают одно и то же: принадлежность данного покоящегося признака такому предмету, который сам мыслится в категориях соответствующих падежа, числа и рода, или, короче говоря, о т н о ш е н и е к к а т е г о р и я м п а д е ж а, ч и с л а и р о д а с у щ е с т в и т е л ь н ы х. Больше об этих категориях нечего сказать, но уже из самого определения ясно, что для полного понимания их необходимо анализировать соответствующие категории существительных, так как именно к ним отсылает это определение. Таким образом не только падеж существительного, но и ч и с л о и р о д его, хотя это и н е с и н т а к с и ч е с к и е категории (см. стр. 32), косвенно, по связи с ними прилагательных, требуют для себя места в синтаксисе.

Категория падежа существительных достаточно выяснена уже при разборе самой категории существительности. Категория числа существительного столь ясна и прозрачна в своем значении, что о ней говорить тоже не приходится. Таким образом остается только сказать несколько слов о категории рода существительного.

В отличие от многих ученых, отрицающих за современными русскими существительными формы рода и считающих, что род их определяется только формами рода тех прилагательных, которые с ними согласуются, мы принимаем: 1) что существительные с основой на твердый согласный и с нулевым окончанием в именительном падеже ед. ч. (типа «стол») образуют во всех падежах единственного числа категорию мужского рода; 2) что существительные с окончанием **-а** (**-я**) в именительном падеже ед. числа и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (вода, рана), образуют во всех падежах единственного числа категорию женского рода; 3) что существительные с окончанием **-о** (**-е**) в именит. пад. ед. ч. и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (село, поле), образуют во всех падежах категорию среднего рода; 4) что существительные с основой на мягкий согласный и с нулевым окончанием в именит. пад. ед. числа (зверь, кость) определяются в отношении категории рода формами косвенных падежей: слова типа «стол» входят в категорию мужского рода, а те, которые имеют формы косвенных падежей на **-и** и на **-ью** (кости, костью) входят в формах единственного числа в категорию женского рода. В форме же именительного падежа, взятой изолированно, и те и другие колеблются в нашем сознании между мужским и женским родом, но во всяком случае принадлежат к несреднему роду. Все эти положения мы извлекаем из наблюдений над: 1) судьбой категории рода в заимствованных словах, 2) распределением по родам вновь образовываемых сокращенных слов (как Наркомпрос, сельмаш и т. д.), 3) современным применением различных существительных в качестве нехристианских имен мужских и женских (Май, Мир, Заря, Волга и т. д.). Но по условиям места мы принуждены ограничиться здесь догматическим сообщением полученных нами выводов *. Что касается исключений из

* В ближайшем будущем мы надеемся опубликовать специальную работу по этому вопросу.

вышеприведенной рубрикации, приводящих обычно исследователей к отрицанию форм рода у существительных, то и тут мы принуждены столь же догматически отметить: 1) что слова типа «рожь», «ветошь», «чушь» и т. д. (женский род при основе на твердый согласный), с одной стороны, определяются в отношении рода формами косвенных падежей, с другой стороны — образуют вместе со всеми этими падежами самые настоящие исключения в том смысле, что самый способ склонения этих слов является для русского сознания в настоящее время аномальным, так как окончание основы на твердый согласный при нулевом именительном падеже предопределяет для нас мужское склонение, и твердые шипящие, как это видно из нашего материала заимствованных слов и советских сокращений, не составляют в этом отношении исключения; 2) что существительные типа «воевода», «судья» мы считаем особой синкретической родовой категорией наподобие субстантивированных прилагательных в области частей речи, т. е. считаем, что сочетание женских окончаний с обозначением лиц мужского пола в основе и с мужским согласованием прилагательного — есть особый факт речевого сознания, различающего эти противоречивые элементы и известным образом синтезирующего их, а в некоторых случаях даже намеренно, в порядке новообразования, сочетающего их. Другими словами, мы видим здесь нечто вроде «маскулинизированного женского рода» или, вернее, «феминизированного мужского» (от masculinus — мужской и femininus — женский) с особым сочетанием значений, в которое, по условиям места, не можем здесь вдаваться.

Что касается значений родовых категорий вообще, то мы принимаем символическое значение их, т. е. считаем, что они символизируют для нас реальные половые различия, причем категория среднего рода является, конечно, нулевой категорией. Соотношение между реальным родом (полом) и грамматическим по существу ничем не отличается от соотношения между реальной предметностью и грамматической, реальной качественностью и грамматической, реальной действенностью и грамматической, реальным числом и грамматическим (срвн. множественный смысл собирательных имен и таких выражений, как: «нынче студент иной пошел», «в 12-м году француз

приходил» и т. д. и единичный смысл таких слов, как: «ворота», «сани»). Только «мужской» и «женский» образы, конечно, во много раз тоньше образов числа, предмета, качества, действия, и противоречие между образом и содержанием здесь во столько же раз иррациональнее. Однако разница тут в степени, а не в существе.

Само собой разумеется, что значения признака, создаваемого деятельностью предмета, и признака, заложенного в природе предмета, выражаются в языке не только формами отдельных слов, рассмотренными выше, но и всеми теми формами словосочетаний, которые были анализированы нами при существительном (см. стр. 75). Так, если для существительного характерна возможность присоединения к нему прилагательного, то и для прилагательного настолько же характерна возможность присоединяться к существительному. И так далее. Но мы затруднились бы указать в категориях глагола и прилагательного факты, параллельные таким, как «пальто», «кенгуру», «Гепеу» и т. д. в категории существительного, т. е. такие, где значение категории выявляется только синтаксическими средствами. К глаголам, правда, приравниваются часто некоторые бесформенные слова, служащие в предложении сказуемыми («есть» в смысле «имеется» или «существует», «нет» в смысле «не существует», «жаль», «нельзя» и некоторые другие) *, но в этих словах нельзя отыскать, даже беря их в должном синтаксическом окружении, значения признака, создаваемого деятельностью предмета. И это связано с самой бесформенностью этих слов, так как значение «создания признака» неотделимо, повидимому, от глагольных аффиксов. Сло̀ва «жаль», «нельзя», «можно», «надо» и аналогичные им, кроме того, и потому еще не могут быть признаны глаголами, что они приглагольны («было жаль», «будет жаль», «было бы жаль»), и отсутствие глагола в настоящем времени изъявительного наклонения сознается здесь как нулевая глагольность (см. гл. XII). В таких словах, как «прыг», «скок», «верть» и т. д., мы признаём особую нулевую форму (см. гл. X). Среди прилагательных указывали на слово «особь» в сочетании «особь-статья» как на бесформенное прилагательное. Но слово это употребляется только в данном сочетании (нельзя сказать «особь-картина», «особь-стол» и т. д.) и, следовательно, не является даже отдельным словом, так как основной признак отдельного слова — возможность для данного комплекса звуков встречаться в разных словосочетаниях. Следовательно, «особь-статья» не словосочетание, а сложное слово **.

* Слово «есть» признается в школьной грамматике глаголом только вследствие смешения исторической точки зрения со статической. Оно когда-то было глаголом, но тогда оно имело и основу **ес-** (**ес**мь, **ес**и, **ес**ть, **ес**ве, **ес**га, **ес**м, **ес**те) и окончание (**-ть**). В настоящее же время у него нет ни того, ни другого. Между прочим, школьный прием распознавания глагола как раз лучше всего обнаруживает бесформенность этого слова: на вопрос «что делает предмет?» мы можем ответить любым глаголом («существует», «находится», «пребывает», «отсутствует» и т. д.), но не словом «есть».

** Срвн., впрочем: «... в которых участвовали настоящие певцы с голосами **не чета** моему» (К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»), встретившееся нам уже в стадии верстки книги.

Переходим к наречию.

Если мы вдумаемся в слова: «хорошо», «красиво», «чисто», «умело», «ловко», «быстро» и т. д., то, прежде всего, заметим, что и в них, как и в глаголе и в прилагательном, изображены не предметы, а признаки. Признаки эти, понятно, те же самые, что и в прилагательных: «хороший», «красивый», «чистый», «умелый» и т. д. Однако в наречиях они представляются нам не совсем так, как в прилагательных. В прилагательных они принадлежат предметам, в наречии же — чему-то такому, что высказано о предмете. «Хорошо» — это не значит, что кто-то хорош, а что кто-то что-то хорошо сделал, или что-нибудь хорошо делается, хорошо устраивается. Если мы слышим одобрительные или порицательные восклицания: «хорошо!», «ловко!», «блестяще!», «талантливо!», «умно, нечего сказать!», «глупо!», «низко!», «подло!» и т. д., то мы сразу понимаем, что это относится к чьему-то поведению, к каким-то поступкам людей, а не к самым людям. Значит, мы здесь относим мысленно наречие непременно к глаголу, хотя самого глагола еще и не знаем. В других, более редких случаях мы можем подумать и о качествах предметов. При словах: «замечательно», «поразительно», «необыкновенно» и т. д. нам представится, что или кто-нибудь что-нибудь замечательно делает, исполняет, или обладает каким-либо замечательным качеством («замечательно красив», «умен» и т. д.). Значит, вообще мы наречие мысленно относим либо к глаголу, либо к прилагательному. Это потому, что в связной речи наречие, действительно, употребляется только при глаголе и прилагательном, но не при существительном. Нельзя сказать «хорошо писатель», а только «хорошо пишет», нельзя сказать «громко певец», а только «громко поет», нельзя сказать «замечательно красота» или «замечательно красавец», а только «замечательно красивый», и т. д. Значит, в наречии выражены признаки не предмета, а того, что высказано в глаголе и прилагательном. Обе же эти части речи сами выражают, как мы уже знаем, признаки. Стало быть, наречия выражают признаки не предметов, а их признаков. В них изображаются **признаки признаков**. В этом и состоит их значение.

Это значение «признака признака» выражается в языке, как и огромное большинство грамматических значений, не одной

только формой на -о, послужившей нам исходным пунктом, но и рядом других форм. Сюда относятся *:

1) Форма на -ски и -цки: адски, дьявольски, чертовски, дурацки, царски, барски, пролетарски, марксистски, реалистически, идеалистически и т. д. в сочетаниях вроде: «Зурин дружески со мной простился» (Пушк.), «Он мастерски об аде говорит!» (Пушк.), «Я чертовски голоден» и т. д. Формы эти образуются только от прилагательных на -ский и -цкий и являются как бы заменой форм на -о для этих прилагательных, так как эта форма от них не образуется (нельзя сказать «чертовско», «дурацко» и т. д.). Образование их всецело связано с употреблением этих относительных прилагательных в качественном смысле, о чем говорилось уже на стр. 93. От «отцовский» в смысле «принадлежащий отцу» или вообще «относящийся к отцу» («отцовский пиджак», «отцовские долги») нельзя, конечно, образовать наречия, так как здесь нет той характеристики предмета, которую можно было бы перенести с него на его действие. Напротив, от «отцовский» в смысле «такой, как у отца» легко образуется наречие в смысле «так, как у отца», и для этого-то и служит форма на -ски («он отцовски нежен со мной»).

2) Те же формы с префиксом по-: по-отцовски, по-дурацки, по-барски, по-пролетарски, по-мужицки, по-деревенски, по-городски, по-французски, по-немецки и т. д. К ним относится все то, что сказано о формах на -ски, но по значению они сложнее тех форм, так как здесь присоединяется еще оттенок, вносимый префиксом по-. Оттенок этот сводится, повидимому, — к большему напоминанию о предмете, от названия которого образованы данные прилагательное и наречие, чем это имеет место в беспрефиксных словах. «По-чертовски» ближе к выражению «как чорт», чем простое «чертовски». Потому-то «чертовски» и может терять свое основное значение и получать смысл простого усиления: «чертовски голоден» в смысле «очень голоден». Напротив, «по-чертовски голоден», могло бы обозначать только: «голоден, как был или бывает голоден чорт», причем образ чорта никак уже не может выскользнуть из этого слова. В связи с этим формы эти могут употребляться и от собственных имен

* Здесь, как и в некоторых других случаях, мы вдаемся в морфологическую сторону явления, так как соответствующие отделы совершенно отсутствуют в школьных курсах.

(по-ивановски, по-петровски, по-карамзински, по-гоголевски) и от нарицательных имен в их конкретном смысле («по-отцовски поступил» может относиться к отдельному отцу, «отцовски поступил» может иметь только обобщенный смысл). В той же связи стоит то, что формы эти почти не употребляются от прилагательных на -ический: не говорят по-идеалистически, по-рационалистически, по-теоретически, по-практически и т. д., а только: идеалистически, рационалистически, материалистически, практически, теоретически, хронически, стоически, логически, грамматически и т. д. Дело в том, что эти прилагательные либо дальше отошли от своих существительных из-за вставки суффикса -ич- (срвн. идеалист — идеалистический, рационалист — рационалистический), либо образованы от существительных с отвлеченным значением (логика — логический, практика — практический и т. д.), а префикс по- требует, повидимому, настоящего, реального предмета. Конечно, разница эта не абсолютна, а только относительна, так что в отдельных случаях можно сказать и «по-адски» вместо «адски», хотя «ад» для нас не очень-то реален, и «гоголевски» вместо «по-гоголевски» (хотя оттенок обобщения в этом случае обязательно будет, и про страницу, принадлежащую самому Гоголю, нельзя сказать, что она написана «гоголевски», а только «по-гоголевски»). Но в общем чем реальнее и конкретнее предмет, тем больше подходит префиксный тип, чем отвлеченнее предмет, тем больше подходит беспрефиксный. Это связано, конечно, с происхождением данного префикса от предлога «по» (срвн.: «сюжет по Гоголю», «по моему мнению», «поступить по совету родных» и т. д.).

3) Формы на -ьи с префиксом по- и без него: по-птичьи, по-человечьи, по-волчьи, по-лисьи и т. д., птичьи, человечьи, лисьи и т. д. Формы эти совершенно аналогичны и по образованию и по значению предыдущим, с той лишь разницей, что образуются не от прилагательных на -ский, -цкий, а от прилагательных на -ий, -ья, -ье (волчий, волчья, волчье).

4) Формы, состоящие из предлога-префикса по- и дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательного: по-нашему, по-вашему, по-хорошему, по-зимнему, по-ученому, по-сыновнему, по-родственному, по-змеиному, по-орлиному, по-старому, по-новому и т. д. Группа эта совершенно совпадает по значению с предыдущей группой и составляет как бы

дополнение к ней, так как образуется как раз от тех прилагательных, которые не оканчиваются на -ский, -цкий (наоборот, те прилагательные ее почти не образуют: «по-французскому», «по-деревенскому» в литературном языке крайне редки). С другой стороны, она образует дополнение и к группе на -о в том смысле, что образуется преимущественно от тех прилагательных, которые не образуют формы на -о (срвн. примеры выше), главным образом, от относительных прилагательных, употребляемых в качественном смысле. Однако, как показывают те же примеры, форма эта возможна и от качественных прилагательных, так что получаются дублеты: хорошо — по-хорошему, учено — по-ученому и т. д. Отличие в значении составного типа определяется в этом случае всецело его составом: в «по-хорошему», мы различаем в значительной мере предлог «по» и прилагательное «хорошее» (именно в том опредмеченном смысле, в каком употребляется средний род прилагательных в сочетаниях вроде «хорошее всегда связано с плохим», «от великого до смешного один шаг» и т. д., см. стр. 158). Говоря: «он поступает по-хорошему», мы хотим сказать не только то, что он «хорошо» поступает, но и то, что он поступает сообразно с тем, что мы считаем «хорошим». И вообще эти формы, конечно, менее цельны, чем все, рассмотренные выше, так как двойной состав их все еще дает о себе знать. С другой стороны, и вся группа от этого менее цельна, чем предыдущие, потому что степень слияния предлога с дательным падежом прилагательного здесь в разных случаях различна. С одной стороны, мы имеем такие факты, как «по-мóему», «по-твóему», где уже и в звучании произошел разрыв с сочетанием «предлог + прилагательное» (перенос ударения, срвн. «по моемý», «по твоемý»); с другой стороны, какие-нибудь «по нынешнему», «по теперешнему», «по вчерашнему», которые рядом с «ныне», «теперь», «вчера» сознаются совершенно раздвоенно и являются просто словосочетаниями.

5) Разные численные наречия разного способа образования, разных значений и разной распространенности, но объединяемые именно своим прикреплением к числам: a) вдвое, втрое, вчетверо, впятеро и т. д., b) вдвоем, втроем, вчетвером, впятером и т. д., c) на двое, на трое, на четверо и т. д., d) по двое, по трое, по четверо и т. д., e) однажды, дважды, трижды, четырежды и т. д. Хотя все эти наречия, как численные, крайне

ограничены в употреблении, а некоторые употребляются даже только при первых трех-четырех числах, однако на таких случайных образованиях, как: «десятижды», «семидесятижды» и т. д., можно видеть, что трех-четырех случаев ясного и строго однородного по значению употребления аффикса достаточно, чтобы в сознании отлилась грамматическая форма. Побочные значения этих категорий, наслаивающиеся на общее значение «признака признака», благодаря своему «математическому» характеру так ясны, что мы можем на них не останавливаться.

До сих пор мы имели дело с форменными словами. Но наречие отличается от всех остальных частей речи тем, что в нем огромное место занимают бесформенные слова, которые можно было бы назвать синтаксическими наречиями, если такие существительные, как «пальто» или «Гепеу», называть синтаксическими существительными. Слово «вчера», напр., не имея специальной формы, относится всегда к глаголу и не способно сочетаться с существительными и прилагательными *. Можно сказать: «вчера приехали», «вчера случилось» и т. д., но не «вчера приезд», «вчера случай» и т. д. В последних сочетаниях необходимо добавить глагол: «вчера приезд состоялся», «вчера случай представился», и именно к этому глаголу и будет относиться слово «вчера». Если бы мы вместо «вы приехали вчера очень кстати» сказали: «ваш приезд вчера был очень кстати», то связь слов изменилась бы: слово «вчера» оттолкнулось бы от слова «приезд» и сцепилось бы со словами «был кстати», т. е. с глагольным сочетанием. Только особыми условиями интонации, именно объединяя голосом слова́: «приезд вчера» и делая на «вчера» сильное ударение, а после него остановку, нам удалось бы, может быть, оторвать слово «вчера» от глагола и прикрепить к несвойственному ему пункту прикрепления — к существительному («ваш приезд вчера был очень кстати», где «приезд вчера» заменил бы «вчерашний приезд»). Все это показывает, что по существу слово «вчера» приглагольно. А это значит, что оно обозначает признак признака.

Таких «синтаксических» наречий в языке очень много, но, как уже указывалось на стр. 15, бесформенность здесь не всегда

* Такие случаи, как «вчера еще мальчик, сегодня он становится юношей», объясняются особыми синтаксическими и интонационными условиями. О них см. в гл. XXII.

так абсолютна, как в слове «вчера». Поэтому мы и здесь можем установить определенные группы и подгруппы.

1) Наречия, образованные с помощью винит. пад. единств. числа женского рода полных прилагательных с предлогами в или на: врассыпную, вплотную, напропалую, наудалую, вскую (устаревшее), зачастую, в пустую (в см. «зря», «безрезультатно»), в слепую (в см. «наугад»), в темную (тот же смысл), в сухую («ужинать в сухую», т. е. без выпивки) и т. д.

2) Наречия, образованные с помощью разных падежей кратких прилагательных с разными предлогами и с разной степенью грамматической однородности и единства: до-красна, до-бела, до-чиста, до-сыта, до-суха и т. д.; на-чисто, на-бело, на-черно, на-красно, на-крепко, на-сухо, налево, направо и т. д.; из-красна, ис-синя, ис-черна, из-желта, изредка и т. д.; справа, слева, свысока, сгоряча, спьяна и т. д.; засветло, затемно, запросто, задолго, незадолго и т. д.; вдвойне, втройне, вдалеке, вкоротке, вчерне и т. д.; наготове, налегке, навеселе, наедине и т. д.

3) Наречия, образованные с помощью разных падежей существительных с предлогами и без них. В зависимости от падежа существительного, а также от предлога, получаются и здесь более или менее обширные группы, напр., группа творительного падежа мужских основ на твердый согласный: пешком, ничком, молчком, нагишом, даром, рядом, разом, кубарем, торчком, рывком, прямиком и т. д.; группа: вкось, впрямь, вширь, въявь, встарь, вглубь, вдаль, ввысь, вскачь, вплавь, взапуски, в дребезги, в пух, в пух и прах, в смятку, в крутку, втихомолку, в разбивку, в разрядку, в наглядку, в прикуску, вниз, вверх, вбок, ввек, вмиг и т. д.; группа: втайне, въяве, вкупе, влюбе, во сне, вдали, вблизи, впереди, втиши и т. д.; группа: сбоку, сряду, снизу, сверху, сзади, спереди, сдуру, созла, светру, ссердцов и т. д.; группа: всердцах, впотьмах, впопыхах, второпях, в гостях и т. д.; группа: назад, наперед, набок, наверх, наниз, наконец, навек, наспех, насмех, напрямик, наотрез, наугад, нарасхват, наповал, наперебой и т. д.; группа: назади (срвн. выражение «на са̀мом зади», показывающее, что предлог здесь сознается), на днях, на чеку, на стороже, накануне; группа: издали, искони, исстари и т. д. Уже одна возможность группировать эти случаи без исторических справок, так сказать, «на слух», показывает, что они не могут быть приравнены к совершенно изолированным формам, как «здесь» или

«там». Но, конечно, степень грамматической однородности здесь уже нередко минимальна.

4) Совершенно бесформенные наречия: здесь, там, всегда, тогда, вчера, как, так, долой, вон, вне, подле, возле, около и т. д.

Нужно еще заметить, что по своим словообразовательным формам все наречия стоят в теснейшей связи с прилагательными и существительными, от которых они образуются («беловато», «белехонько», «беленько», «пребело», «предурацки», «предьявольски», «вдвоечком», «пешечком» и т. д.), что еще более увеличивает в некоторых случаях форменность «синтаксических» наречий.

Внутри категории наречия можно наметить две подчиненных категории, отчасти напоминающих категории качественных и относительных прилагательных (но вне всякой связи с тем, от какого прилагательного образуется данное наречие, и образуется ли оно вообще от прилагательного или от существительного или является первообразным). Мы видели, что качественные прилагательные обозначают качество предмета непосредственно, а относительные обозначают его косвенно, отсылая нашу мысль к другому предмету, отличающемуся теми же качествами, что и данный предмет. Подобным же образом, когда мы говорим: «он читал вслух» или «он читал громко», мы непосредственно характеризуем при помощи наречия самый процесс чтения, а когда говорим: «он читал вчера», «читал изредка», «читал часто», «читал всюду» и т. д., мы самого чтения не характеризуем, а указываем только на разные внешние обстоятельства, при которых происходило чтение: время, место, повод, причину, цель и т. д. Таким образом здесь признак действия тоже обозначается лишь как косвенный, в самом действии не заключенный. Соответственно все такие наречия следует называть обстоятельственными, а те, которые определяют само действие,— необстоятельственными (к сожалению, положительный термин здесь очень трудно дать). Обстоятельственные наречия можно разделить по значению на наречия времени (вчера, тогда, часто, поздно, рано), места (здесь, везде, вблизи, вдали, в гостях, дома), совместности, или совокупности (вдвоем, вместе, сообща, наедине, водиночку), причины (почему, отчего, сослепу, сдуру, созла), цели (зачем, затем, нарочно, нечаянно, назло, насмех). Необстоятельственные наречия тоже можно разделить на 2 крупных и важных рубрики:

качественную и количественную. Наречия первой рубрики обрисовывают способ действия: читает вслух, про себя, быстро, в растяжку, на распев, в нос, громко, тихо, упорно, бестолково и т. д. Наречия второй рубрики обозначают степень проявления того или иного действия или вообще признака: много читает, очень увлекается, крайне занят, весьма озабочен, чуть-чуть грустит, очень яркий, замечательно интересный, довольно скучный и т. д. Наречия эти замечательны тем, что в отличие от всех остальных не связаны неразрывно с глаголами (или словами, образованными от глаголов), а могут сочетаться, как видно из примеров, и с прилагательными. Они даже, можно сказать, больше «любят» именно прилагательные, а не глаголы, и не со всяким глаголом всякое такое наречие можно соединить: нельзя сказать: «очень читает», «очень гуляет», «очень спит», «весьма лежит» и т. д. (говорится иногда в шутку). Напротив, с каждым качественным и употребленным в смысле качественного прилагательным такие наречия легче соединимы. Это объясняется, конечно, их значением, так как они обозначают степень, а всякое качество может измениться по степеням (срвн. формы степеней сравнения, образуемые от тех же прилагательных); действия же часто не могут проявляться в разной степени, и во всяком случае степень их проявления обычно тесно связана со способом проявления (можно сказать «крепко спит» вместо «очень спит», но тут уже будет не столько степень, сколько способ, то же в «сильно кричит», «здорово дерется» и т. д.). Именно количественные наречия и заставляют расширить определение наречия в довольно нескладную формулу «признака признака», тогда как, не будь их, можно было бы говорить просто о «признаке действия». Правда, качественные наречия на -о тоже вступают в связь с прилагательными в таких сочетаниях, как: «темно-зеленый», «нежно-светло-коричневый», «чисто-розовый», «чисто-пролетарский» и т. д., но слияние здесь более тесно, чем в таких случаях, как «очень зеленый» (срвн. употребление черточки на письме, как симптом такого осознания этих фактов), и сочетания эти являются, повидимому, не словосочетаниями, а сложными словами. Поэтому мы не можем здесь говорить о соединении наречия как отдельной величины с прилагательным.

На стр. 76 уже упоминалось о том, что наречия, вопреки своей основной природе, могут сочетаться и с *существительными*, напр.: «чтение *вслух*», «разговор *по-французски*», «работа *на́спех*», «работа *вдвоем*», «езда *верхом*», «продажа *оптом и врозницу*», «продажа *нарасхват*», «загиб *вниз*», «прыжок *вверх*», «пребывание *вдали*», «бег *взапуски*», «сиденье *рядом*» и т. д. И там же указывалось, что это тесно связано с *глагольностью* всех таких существительных. Небезынтересно отметить здесь, что и на такое ограниченное употребление при существительном неспособны все *количественные* наречия и все качественные на **-о**: первые — потому, что они и с глаголами-то самими трудно соединяются; вторые — повидимому, потому, что вместо них должно быть употреблено то прилагательное, от которого они образованы. Нельзя сказать «езда быстр**о**», потому что говорится «быстр**ая** езда», и т. д.

Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие являются *основными* частями речи и *основными грамматическими категориями* ее. Это сказывается в том, что: 1) категории эти в той или иной степени оформления существуют во *всех человеческих языках*, независимо от того разнообразия языковых *средств*, какими они выражаются, 2) всюду они являются категориями, *обусловливающими* все другие категории (см. стр. 30), 3) все другие категории столь же общего порядка, могущие претендовать на такое *исключительное положение* (причастие, деепричастие, герундий и т. д.), являются по значению *смешанными* категориями, причем в их значениях смешаны элементы именно *этих четырех* категорий. Об этом смешении, а также о некоторых случаях *замены* одних частей речи другими и *переходов* от одной части речи к другой мы будем говорить уже в следующей главе.

VII. СМЕШЕНИЕ, ЗАМЕНА И ПЕРЕХОДНЫЕ СЛУЧАИ В ОБЛАСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.

Мы видели уже, что значения частей речи связаны с самыми разнообразными звуковыми средствами и, в частности, с двоякого рода суффиксами: 1) конечными, называющимися в формах склонения и спряжения «флексиями», и 2) внутренними, расположенными между корнем и конечным суффиксом и называющимися в школе просто «суффиксами». Так, напр., предметность выражается не только системой падежных флексий, но иногда и специальными суффиксами («черн**як**», «черн**ыш**» и т. д., именно эти факты, как наиболее прозрачные, и послужили нам исходными пунктом при вскрытии категории предметности). А так как части речи могут образовываться друг от друга, то в одном и том же слове могут скопляться суффиксы разных частей речи, сохраняющие свои принципиально разные значения. Приведем примеры. От глагола «болтать» можно образовать с помощью суффикса прилагательного -лив слово «болт**лив**ый», в котором этот суффикс вместе с флексией будет выражать категорию качества. Но от прилагательного «болтливый» можно далее образовать существительное «болтли**вость**», и здесь, следовательно, на категорию качества наслоится категория предметности. Значение суффикса -лив не исчезает, а только служит основой для дальнейших трансформаций. Подобным же образом в слове «любительский», хотя оно и является несомненным прилагательным, сохраняется предметное значение суффикса -тель, так как этот суффикс и здесь обозначает того, кто любит. Если «любитель» есть действие, преломленное сквозь призму предметности, то «любительский» есть эта вторичная предметность, преломленная сквозь призму качества («любитель» = «кто любит», «любительский» = «относящийся к любителю» или «такой, как у любителя»). Эта система «призм» может быть весьма сложной. Напр., в слове «наблюдательность» действие «наблюдения» трансформируется в предмет («наблюда**тель**»), этот предмет — в качество («наблюдательный»), а это качество — снова в предмет («наблюдательн**ость**»). Все такие случаи можно отнести к смешению частей речи в широком смысле слова, и такое смешение неразрывно связано с словообразованием вообще.

Но на-ряду с этим существует еще «смешение» частей речи в более узком смысле, когда словообразование ведет к образованию отдельных крупных и важных рубрик, которые можно было бы назвать смешанными частями речи. Это бывает тогда, когда частные категории, характерные для одной какой-нибудь части речи (напр., падеж, время и т. д.), оказываются частично свойственными другой части речи. В русском языке такими категориями являются вид, залог и время, связанные по существу с глагольностью, но распространяющиеся в той или иной степени на все другие части речи. Из-за этого в русском языке оказывается внутри категории существительного более узкая категория глагольного существительного, внутри категории прилагательного — категория глагольного прилагательного, внутри категории наречия — категория глагольного наречия. А внутри двух последних категорий выделяются еще более узкие категории причастия и деепричастия. Все эти категории мы и называем смешанными частями речи.

То, что объединяет глагольные существительные, прилагательные и наречия с глаголом, — это категория вида (точнее, различные «видовые» категории). Категорию эту мы при рассмотрении глагола не анализировали именно потому, что она характерна не для одного глагола. Но сейчас, для понимания «глагольных» частей речи, нам необходимо ее проанализировать, причем сделать это нужно, конечно, прежде всего на самом глаголе. Предупреждаем только читателя, что категория эта — одна из труднейших в языке вообще, а в частности славянские совершенный и несовершенный виды до сих пор в науке не получили общепризнанного объяснения, и то, что здесь будет высказано, может иметь значение только как одно из предлагаемых толкований.

Прежде всего мы постараемся дать читателю представление о том, что такое «вид» глагола вообще, и сделаем это на более легких видовых категориях, чем категории совершенного и несовершенного вида. Сравним глаголы «летит» и «летает». Значение основы **лет-** обозначает в обоих глаголах совершенно одно и то же: передвижение в воздухе при помощи крыльев *.

---

* Все переносные значения в применении этого глагола к аэроплану, пушинке, пуле, поезду и т. д. оставляем здесь в стороне, потому что все, что относится к основному значению, относится и ко всем переносным.

В глаголе «летит» к этому значению ничего не прибавлено (кроме, конечно, общего глагольного значения: признака, создаваемого деятельностью предмета), в глаголе же «летает» при помощи суффикса -а- кое-что прибавлено. Именно, прежде всего, указано, что движение совершается не непрерывно, что не все время совершения движения сплошь заполнено этим движением: «летает» — это значит «летит» то туда, то сюда, делает повороты, на моменты, может быть, даже останавливается и т. д. Далее, в тесной связи с этими перерывами движения стоит и необходимость некоторой особой длительности движения. Таким образом весь процесс обозначен здесь как дробящийся во времени своего проявления на части и как требующий в силу этого определенной длительности. Тот же оттенок заключен в каждом втором глаголе следующих пар: катит — катает, валит — валяет, мечет — метает, блудит — блуждает, тащит — таскает, садит — сажает, лезет — лазает, движет — двигает, падет (в смысле настоящего времени, еще нередко у Пушкина, напр.: «Увы! На жизненных браздах мгновенной жатвой поколенья... восходят, зреют и падут») — падает, машет — махает, колышет — колыхает, плывет — плавает, мерит — меряет, мучит — мучает, едет — ездит, несет — носит, везет — возит, бредет — бродит, идет — ходит (здесь в соединении со словарным изменением). Сравним еще глаголы: «говорить», с одной стороны, и «заговаривать», «разговаривать», «переговаривать», «уговаривать», «договаривать», «выговаривать» и т. д. — с другой. В глаголах последнего типа мы находим, прежде всего, в суффиксе -ива- тот же оттенок, который найден нами в предыдущем (срвн. «говорит» и «разговаривает», где ясно деление процесса на временные отрезки и необходимая для этого особая длительность). Но кроме того у каждого из этих глаголов есть еще оттенки, выраженные в приставках, и два из них мы разберем. Именно, мы возьмем прежде всего глагол «заговаривает» (не в смысле «заговаривает зубы», а в смысле «начинает говорить», напр., «он заговаривает со своим соседом»). Это очень простой оттенок. Он указывает, что процесс, обозначенный в основе глагола (процесс «говоренья»), протекает не весь в течение времени проявления его (обозначенного, конечно, формами времени), а частично, именно, что это время заполняется только началом про-

цесса. Затем мы возьмем глагол «договаривает» (не в смысле «нанимает кого-нибудь по договору», а в смысле «к о н ч а е т говорить», напр., «он договаривает свою речь»). Этот оттенок тоже необычайно прост. Он указывает, что процесс, обозначенный в основе, укладывается только своим к о н ц о м в период, указанный временно́й формой глагола. Все три разобранные нами оттенка — в и д о в ы е оттенки глагола, и если мы обобщим все три случая, мы поймем, что́ в о о б щ е обозначает вид в глаголе. Обобщить эти случаи можно так: категория вида обозначает, **как протекает во времени** или как **распределяется** во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола. Это и есть общее значение категории вида.

Теперь мы можем перейти к решению самого трудного вопроса: какое значение имеют наши с о в е р ш е н н ы й и н е с о в е р ш е н н ы й виды, что̀, согласно предыдущему, можно выразить и так: как именно протекают во времени те процессы, которые обозначаются у нас основами совершенного и несовершенного вида, в их отличиях друг от друга. Трудность обусловлена здесь очень многими причинами. Прежде всего сама з в у к о в а я сторона этих категорий необычайно пестра. Тут и такие факты, как «летал — **по**летал» *, «летел—**в**летел, **у**летел, **до**летел, **за**летел» и т. д. (образование совершенного вида от несовершенного с помощью разнообразнейших приставок), и такие, как брос**а**л — брос**и**л, приуч**а**л — приуч**и**л, разде**ва**л — раздел, рассматр**ива**л — рассмотрел, запечат**ыва**л — запечатал, очаров**ыва**л — очаровал, кл**ева**л — кл**ю**н**у**л, зат**ыка**л — зат**кну**л, отпуг**ива**л — отпуг**ну**л (образование при помощи разнообразнейших с м е н суффиксов и отчасти чередования звуков в корне), и такие как: забе**г**а̀л — забе**ж**ал, пос**ы**лал — послал, соб**и**рал — собрал, заж**и**гал — заж**е**г (образование только при помощи чередования звуков в корне), и такие, как: сбега̀л — сбе́гал, ссыпа̀л — ссы́пал (образование при помощи смены ударения), и такие, как: **по**купал — куп**и**л, сад**ился** — **сел**, **лож**ился — **лег**, говорил — **на**говор**ился** (образования, не укладывающиеся ни в какие рамки и частью даже переплетающиеся с образованиями з а л о г о в ы м и), и даже такие, как: г о в о р и л — с к а з а л, б р а л — в з я л (образова-

* Сопоставление проведено по основам прошедшего времени. Сопоставление по основам настоящего времени дало бы несколько иную, но н е м е н е е с л о ж н у ю к а р т и н у.

ния не грамматические, а словарные). Но чем разнообразнее все эти внешние средства (описание которых, конечно, относится не к синтаксису, а к морфологии), тем яснее проступает внутреннее единство всех этих сопоставлений. Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по парам, причем в каждой паре одна форма по оттенку значения принадлежит к тому, что называется совершенным видом, а другая — к тому, что называется несовершенным видом. И практически, интуитивно, различие это нами весьма резко ощущается, и даже усваивается всегда в школе, хотя теоретически формулировать его, как уже сказано, крайне трудно. Далее, трудность вопроса обусловлена тем, что при образовании совершенного вида от несовершенного прибавлением приставки (наиболее частый способ) приходится различать два факта: 1) самый факт присоединения приставки, какова бы она ни была, и 2) факт присоединения именно данной приставки. Если бы мы сравнивали просто «летел — улетел», то мы бы пришли к выводу, что совершенный вид обозначает направление движения от какого-либо пункта, если бы мы сравнивали «летел — прилетел», то нашли бы значение направления движения к какому-либо пункту и т. д. И все это не имело бы, конечно, никакого отношения к совершенному виду, так как, прежде всего, всё это значения невидовые (ведь мы уже знаем, что вид совсем не обозначает направления действия в пространстве, а обозначает распределение его во времени) и так как все эти значения разнообразны, а нам надо отыскать какое-то одно значение, которое создает из всех этих случаев совершенный вид. Притом же при других способах образования совершенного вида, бесприставочных (рассматривал — рассмотрел, бросал — бросил, собирал — собрал и т. д.), ни одного из этих значений, вносимых отдельными приставками, понятно, нет, а с другой стороны, те же приставки с теми же значениями есть и у несовершенного вида: летал — улетал, прилетал и т. д. Очевидно, тут дело не в отдельных приставках, а в самом факте присоединения приставки, какова бы она ни была. Форму «летел» надо сравнивать не с одним каким-нибудь «улетел» или «прилетел», а со всей группой приставочных глаголов, взятой в целом: улетел, прилетел, слетел, залетел, отлетел, перелетел, подлетел, налетел, влетел, долетел, вылетел, взлетел,

пролетел. Но тут встает перед нами третья трудность. В глаголе «летел» все приставки, взятые в отдельности, вносят в значение основы не видовые оттенки (пространственные), и это сильно облегчает отделение этих частных значений от общего видового. Но, напр., в глаголе «говорил», при образовании от него совершенного вида с помощью приставки, многие из приставок имеют уже видовое значение: заговорил (в смысле: начал говорение), договорил (в смысле: закончил говорение), проговорил (в смысле: растянул говорение на известный срок, напр., «проговорил всю ночь»), другое «проговорил» (в смысле: выделил из говорения часть и проявил ее полностью, напр., «он проговорил: «я вас люблю») и т. д. Все эти значения уже говорят нам о распределении процесса во времени, и на некоторых из них мы как раз и учились распознавать видовые значения. Так вот эти видовые оттенки надо отделить от искомых видовых оттенков совершенного и несовершенного вида, так как: 1) те же оттенки встречаются и внутри несовершенного вида, срвн.: говорил — заговаривал, договаривал, проговаривал и т. д. и 2) эти оттенки опять-таки различны и отчасти даже противоположны друг другу (напр., начало и конец в «заговорил» и «договорил»), а нам надо найти единый общий оттенок, выражающий не второстепенные видовые различия, а то главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный вид. Пред лицом таких трудностей не мудрено, что совершенному виду (а нужно заметить, что положительный оттенок большинство исследователей ищет именно в совершенном виде, а несовершенный рассматривает как нулевую категорию) одни авторы давали слишком узкое определение, другие — слишком широкое, третьи — недостаточно цельное. Так, одни авторы находили здесь оттенок законченности процесса, что явно не подходит к таким фактам, как «суетился — засуетился», «бегал — забéгал», «бежал — побежал», «любил — полюбил» и т. д., другие — оттенок законченности по отношению к достижению результата процесса, или, короче говоря, оттенок результативности, что, правда, объединяет очень многие случаи и притом удачно объединяет бесприставочные факты с приставочными (срвн.: «строил — выстроил», «ставил — поставил», «бросал — бросил», «покупал — купил», «рассматривал — рассмотрел», «садился — сел»), но все же совершенно не подходит к

таким фактам, как «обедал — отобедал», «звонил — отзвонил» и т. д., где, конечно, никакого *результата* процесса не выражено. Оба эти определения приходится признать слишком узкими. Другие определяли в совершенном виде оттенок «ограничения во времени» развития процесса, не оговаривая, к каким именно *пределам* сводится это ограничение. Благодаря этой неопределенности им удавалось объединить такие факты, как «мигал — мигнул», где ограничение сводится к мгновенности, и такие, как «говорил — поговорил», где ограничение сводится к *небольшому*, но, во всяком случае, *длительному* отрезку времени. Но это определение мы считаем слишком *широким*, так как в таких фактах, как «заговаривал — заговорил», «отзванивал — отзвонил», известное ограничение во времени развития процесса выражено и в совершенном и в несовершенном виде в приставках. Наконец, третьи определяли значение совершенного вида просто как оттенок *конца* или *начала* действия, т. е. механически соединяли разные оттенки, выраженные приставками, не давая единого, *общего* определения.

В нашем толковании * мы будем исходить из того замечательного факта, что формы совершенного вида не мирятся с идеями *начала, продолжения* и *конца* процесса. Нельзя сказать «я *начинаю* заговорить» **, или «*начну* заговорить», «начинаю поговорить», «начинаю улететь», «начинаю купить», «начинаю сесть» и т. д. Точно так же нельзя сказать: «*продолжаю* заговорить», или «*кончаю* заговорить». Само собой разумеется, что не только с *этими* именно тремя глаголами невозможно такое сочетание, но и вообще со *всеми* глаголами, связанными так или иначе с идеей *течения* процесса. Нельзя сказать «*стану* поговорить», нельзя сказать «*бросил* поговорить», «*перестал* поговорить», «*прекратил* поговорить», «а он и *давай* тут поговорить» (в

* Толкование это несамостоятельно в том смысле, что здесь использован взгляд некоторых ученых на некоторые видовые оттенки пра-индоевропейского глагола. Самостоятельно только применение этого взгляда к русским совершенному и несовершенному видам и обоснование этого применения.

** Дело идет здесь о виде не самого глагола, а образованного от него инфинитива, но так как форма эта в видовом отношении ничем от глагола не отличается, то такая подстановка вполне допустима.

повелительном обороте, правда, возможно и «давай поговорим», но что это явление вторичное, основанное на полном превращении слова «давай» в частицу, ясно из того, что при инфинитиве возможно в этом смысле еще только «давай говорить», а не «давай поговорить»), «тут он пустился поговорить», «тут он пошел поговорить» (в том же смысле) и т. д. Все другие глаголы, кроме связанных с идеей течения процесса, свободно сочетаются с инфинитивом обоих видов: «хочу говорить» и «хочу поговорить», «отказываюсь говорить» и «отказываюсь поговорить» и т. д. Единственным исключением является глагол «буду», который тоже несоединим с совершенным видом (нельзя сказать «буду поговорить»). Но тут как раз показательно то, что это был раньше, как показывает история языка, тоже глагол с начинательным значением, так что первоначально «буду говорить» обозначало то же, что «стану говорить» и «начну говорить». Начинательный оттенок исчез, но сам глагол тесно сросся с инфинитивом, с которым он употреблялся еще в пору своего начинательного смысла, образуя с ними составную форму будущего времени («буду говорить»). Поэтому он и не вошел до сих пор в сочетание с инфинитивами совершенного вида. Итак, «исключение» здесь, как это часто бывает в грамматике, только подтверждает «правило». Эта несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом абсолютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который бы мог сочетаться с глаголами «начинаю», «продолжаю», «бросаю», «прекращаю», «прерываю», «кончаю» и т. д. А так как мы ищем именно общего значения всех глаголов совершенного вида, то, очевидно, тут и должно скрываться решение вопроса. Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как отрицательный признак, а как положительный, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого «отрицательного» признака: никакой особой протяженности в нем, взятом в целом, нет, кроме той, которая заключена вообще во всяком процессе (особая протяженность выражена только в некоторых частных категориях несовершенного вида: летал, разговаривал и др.). Но как

можно отсутствие чего-либо понимать, как положительный признак? Здесь опять надо вспомнить об иррациональности языка и о психологических, а не чисто-логических корнях его. Психологически очень часто отрицательное воспринимается как положительное. Так, напр., черный цвет есть отсутствие «цвета», однако он воспринимается нами положительно наравне с красным, белым, зеленым и т. д. цветами. «Пресный» вкус воспринимается нами не только отрицательно как «несоленый», «некислый» и т. д., но и положительно. И чем резче ощущается отсутствие чего-либо, тем положительнее оно воспринимается. А отсутствие протяженности в процессе должно восприниматься, конечно, наиболее резко, так как значение это совершенно иррационально: ведь реально всякий процесс неизбежно тянется. Эту положительную сторону такого представления о «непротяженном» процессе удобно сравнивать с представлением точки по отношению к линии. Точка непротяженна, она не имеет никакого измерения, но никто не скажет, что она есть нечто отрицательное. Всякий воспринимает ее положительно. Название «punktuell» («точечный»), применяемое некоторыми учеными к известным корням индо-европейского праязыка, идеально выражает и значение нашего совершенного вида. В нем все течение процесса, выраженного в глагольном корне, как бы собрано в одну «точку». Несовершенный вид пришлось бы тогда называть «линейным».

Итак, на вопрос, поставленный нами в самом начале, «как протекают во времени те процессы, которые обозначаются основами совершенного вида», получился совершенно неожиданный ответ: они совсем не протекают во времени, и вот это отрицательное и иррациональное представление и составляет чрезвычайно яркую и положительную характеристику совершенного вида.

Так как пространственному понятию точки соответствует временно́е понятие «мига», «мгновенья», то совершенный вид можно было бы как будто назвать «мгновенным» видом. Но нам кажется, что название это повело бы к недоразумениям, так как «мгновенье» только логически соответствует точке, психологически же оно тоже тянется: «мгновенье» мы воспринимаем обычно как очень краткий отрезок времени, и легко представляем себе начало, протяжение и конец этого отрезка. Все это не мирится с сущностью совершенного вида, как она здесь понимается.

Предложенное понимание вполне объясняет, между прочим, и тот факт, что нам трудно мыслить совершенный вид в настоящем времени (формы настоящего времени от основ совершенного вида имеют, как известно, почти всегда значение будущего времени: заговорю, брошу, куплю, сяду и т. д.). Ведь настоящее время обозначает то, что происходит во время речи. А сама речь есть процесс, она тянется, и, следовательно, то, что происходит во время ее, тоже легче представить себе тянущимся, чем не тянущимся. Напротив, то, что происходит до речи или будет происходить после нее, легко может быть представлено и «линейно» и «точечно». Впрочем, и то, что происходит во время речи, можно при известном усилии мысли представить себе «точечно», т. е. поместить мысленно «миг» совершения процесса в середину того крайне малого отрезка времени, который занят называнием этого процесса. Это мы и делаем в тех сравнительно редких случаях, когда употребляем совершенный вид в значении настоящего времени, напр.: «посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их». Но столь трудное представление непременно должно быть поддержано обычным представлением настоящего времени, и в данном случае, напр., понимание всех этих глаголов в плоскости настоящего времени всецело обусловлено тем, что им предпослано «настоящее» настоящее время («что делает заяц»), т. е. настоящее время несовершенного вида.

Указанному здесь общему значению совершенного вида могут противоречить те частные видовые значения, которые заключены иногда, как мы выше видели, в приставках. Наиболее резкий случай этого рода — это приставка **по-** в таких глаголах, как: поговорить, пописать, полежать, позаняться, посплетничать, побегать, пошуметь и т. д. Она обозначает, что процесс занимает лишь небольшой отрезок времени: «поговорить» это значит «недолго говорить», «полежать» — недолго лежать и т. д. (ассоциативно сюда присоединяется еще иногда и оттенок слабости самого процесса, так что, напр., «побегал», «покричал» как-то не подходят к стремительному бегу и пронзительному крику, но это, повидимому, вторичная ассоциативная связь, обусловленная самим значением краткости процесса). Таким образом здесь приставка ясно указывает на определенный отрезок времени, на определенную (хотя и не долгую) протяженность процесса, а форма совершенного вида (т. е. в данном случае самый факт присоединения к данной основе приставки, независимо от того, какова она) указывает на непротяженность процесса. Но что в этом оттенке «небольшой протяженности» совершенный вид не при чем, ясно уже

из того, что тот же оттенок данная приставка сохраняет и в несовершенном виде: **по**говаривать, **по**писывать, **по**леживать, **по**крикивать, **по**стукивать и т. д., с той только разницей, что здесь эта «небольшая протяженность» наслаивается уже на многократное значение основ -говарива-, -писыва- и т. д., так что получается значение: не очень часто говорить, не очень часто писать и т. д. (с добавочным оттенком слабости действия, см. выше).

Познакомившись с тем, что такое виды глагола вообще и совершенный и несовершенный виды в частности, мы легко откроем эти категории в большей или меньшей степени оформления и не в глаголах, а в том, что мы назвали глагольными существительными, глагольными прилагательными и глагольными наречиями. Само собой разумеется, что все это будут слова, образованные от глагольных корней, т. е. от корней, обозначающих процесс (действие или состояние). Сравним, напр., «прыжок» и «прыганье», «скачок» и «скаканье», «хлопок» (в театре) и «хлопанье», «свисток» (конечно, не в смысле предмета, который свистит) и «свистение», «свист», «гудок» и «гудение», «гуд», «лет» и «летание», «шип» и «шипение», «опоздание» и «опаздыванье», «произнесение» и «произношение», «выздоровление» и «выздоравливание», «удвоенье» и «удваиванье», «приобретение» и «приобретание», «смерть» и «умирание», «сжатие» и «сжимание», «чтец» и «читатель», «певец» и «запевала» и т. д. В одних из этих существительных мы находим оттенок процесса, собранного в «точку» (напр., «прыжок», «скачок»), в других — процесса, разбитого на части и вследствие этого более или менее длительного («летанье», «выздоравливанье», «читатель»), в третьих—начало процесса («запевала»). Конечно, все эти категории здесь не так ярко выражены, как в глаголе. В частности, в области совершенного и несовершенного вида здесь нет той строгой парности, которая есть в глаголе, а так как всякое грамматическое значение сознается только сравнительно с другим аналогичным или противоположным значением, то и самые значения здесь часто завуалированы, бледны. Так, если мы сравним, с одной стороны, положим: «рассматривал — рассмотрел», а с другой — «рассматриванье — рассмотрение», то заметим, что значение «точечности» ясно только в глаголе «рассмотрел», в существительном же «рассмотрение» оно сходит на-нет. Но в той или иной мере категория вида оказывается свойственной и существительным, и в соответствующей мере мы можем говорить здесь о смешении существительного с глаголом. В прилагательных категория вида

выражена двояко. В одних — спутанно и бледно, как в существительных. Это такие прилагательные, как «усталый», «заиндевелый», «мерзлый — обмерзлый», «посинелый», «исхудалый», «заржавелый» «охладелый», «блеклый — поблеклый», «вялый — завялый» (в совершенном виде очень частые у Пушкина: «другому свой завялый неси, прелестница, венок», «охладелый прах», «циник поседелый», «душой остылой», «на опустелую равнину», «кровью опьянелый»), где очень редко бывает парность и где показателем совершенного вида являются приставки по соотношению с теми же приставками в соответствующих глаголах. Сюда же, может быть, относятся и такие прилагательные, как «уважительный», «возмутительный» (у Пушкина еще в буквальном смысле: «схвачен был башкирец с возмутительными листами», т. е. с листами «мутящими» народ), «оправдательный», «обольстительный», «обворожительный», «оборонительный», «спасательный — спасительный», «выжидательный», «позволительный», где имеются видовые приставки и суффиксы (**а** и **и**), но где парность уже совершенно редка. Сюда же можно бы отнести и такие прилагательные, как «неумолимый», «неугасимый», «невозмутимый» и т. д., но тут, напротив, связь с глаголом и его видами настолько сильна, что мы предпочтем говорить о них в другом месте (см. стр. 143). В других случаях категории вида выражаются в прилагательных так же последовательно и ярко, как в самих глаголах, и это будет особый разряд прилагательных — причастия, о которых мы ниже будем говорить отдельно. В наречиях — та же двоякость. С одной стороны, такие наречия, как «торжествующе», «негодующе», «маняще — заманивающе», «влекуще — увлекающе», «моляще — умоляюще» и т. д., и такие, как «непринужденно», «непререкаемо», «невыразимо», «неумолимо», «нежданно», «негаданно — неразгаданно», «незабываемо — незабвенно», «увлекательно — увлеченно» (тут же и залоговые оттенки), «несказанно», «недоговоренно», «взволнованно», «очаровательно — очарованно» и т. д., где видовые значения едва просвечивают. С другой стороны, ясные и последовательные категории видов в деепричастиях.

Переходя к причастиям и деепричастиям, мы должны остановиться на категории залога и на категории времени в том ее видоизменении, которое она претерпевает в этих случаях по сравнению с глаголами.

Категория глагольного з а л о г а занимает в некоторых отношениях совершенно исключительное положение в русской грамматической системе. Прежде всего это даже не категория в собственном смысле слова. Ведь под категорией мы условились понимать р я д форм слов и форм словосочетаний, объединенных по значению (стр. 29). Русский же единственный глагольный залог, в о з в р а т н ы й (невозвратный залог является только нулевой категорией), представлен всегда о д н о й формой, именно формой на **-ся, -сь** («моется», «дерусь» и т. д.). Это тесно связано с м о р ф о л о г и ч е с к и м своеобразием этой категории. Все другие категории должны быть многоформенны, так как к а ж д ы й аффикс вообще в русском языке м н о г о з н а ч е н (срвн. хотя бы значения падежа, числа, рода и части речи в аффиксах склонения существительных), так что разные значения его и разносят каждую форму по разным категориям. Аффикс же **-ся, -сь** имеет только возвратно-залоговое значение, и поэтому здесь «форма» слова и «категория» совпадают. Аффикс этот столь исключителен, что для него даже и термина не подберешь: это и не «приставка», и не «суффикс» (потому что суффикс приставляется к о с н о в е: **уме**-л-ый, **чита**-тель, а этот аффикс к целому, готовому слову: **моет**-ся), и не «флексия», конечно (потому что не обозначает ни падежа, ни лица). Скорее всего его можно было бы назвать «наставкой» *. Объясняется это тем, что он совсем недавно, на памяти истории, произошел из отдельного слова путем с ц е п л е н и я с другими словами (срвн. древнерусские: «и ѣълѣзоша деревляне, начаша с я м ы т и», «еще бо не бяху с я у т в е р д и л и верою» и т. д.). Таким образом употребляя термин «категория» по аналогии со всеми другими случаями, мы здесь совершаем некоторое насилие, которое читатель должен простить нам, если он не хочет усложнения терминологии **.

Но если со стороны звуковой наша новая категория является, таким образом, исключительно простой, то со стороны значения

---

* Кроме этого аффикса нам известен еще только один аналогичный аффикс **-те** в формах: «пойдем**те**», «будем**те**», «на**те**», «ну**те**», даже «пошел**те** к чорту». Оба аффикса имеют ясно выраженный а г г л ю т и н а т и в н ы й характер вопреки общему ф л е к т и в н о м у строю нашего языка.

** Термин «форма» здесь тоже был бы не совсем точен, потому что под «формой» мы разумеем известную звуковую данность с н е п р о а н а л и з и р о в а н н ы м значением (см. выноску на стр. 56).

она, напротив, чрезвычайно сложна и могла бы считаться даже состоящей из нескольких категорий, если бы не ее звуковое однообразие. Так как эти значения нам в дальнейшем понадобятся, то мы должны их все здесь посильно проанализировать и затем попытаться путем обобщения установить о б щ е е значение всей возвратно-залоговой категории.

1) Начнем с самой простой и прозрачной рубрики, именно с таких глаголов, как «умывается», «чешется», «красится», «защищается», «стремится», «вешается», «садится», «становится» (на ноги), «сушится», «греется», «сжимается», «раскидывается» и т. д., давших как раз и м я всей категории. Это с о б с т в е н н о-в о з в р а т н ы е глаголы. В них во всех, то с большей, то с меньшей натяжкой, наставка **-ся** могла бы быть заменена словом «себя» в значении винительного падежа: умывается=умывает себя и т. д. Само собой разумеется, что натяжка эта всегда есть, потому что в готовом, целом слове значения частей его никогда не могут так резко отделяться друг от друга, как значения отдельных полных слов в словосочетании. Поэтому, напр., даже в таких случаях, как «он застрелился» и «он застрелил себя», где оба выражения вполне употребительны, разница значения ощущается достаточно ясно (первое более цельно, второе более расчленено, так что, напр., для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит «застрелил себя», а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит «застрелился»). Обычно же замена наставки **-ся** словом «себя» производит прямо комическое впечатление (напр., «повесил себя» вм. «повесился», «бросает себя» вм. «бросается», «вертит себя» вм. «вертится» и т. д.), и этот комизм-то и обнаруживает всю пропасть между формой и словосочетанием. Однако нечто общее между формой на **-ся** и словосочетанием с «себя» здесь все же есть, и заключается это «нечто» в том, что в обоих случаях действие, которое обычно направляется с деятеля на другой предмет (повесил с о б а к у, бросает к а м н и и т. д.), здесь направлено о б р а т н о н а с а м о г о д е я т е л я. Конечно, с самим собой и физически и психически нельзя обращаться как с внешним предметом, и отсюда и происхождение возвратной формы и все значения ее. Но во всяком случае прямого п р о т и в о р е ч и я между значением формы и значением целого словосочетания со словом «себя» здесь, в отличие от в с е х следующих

рубрик, еще нет, и это и составляет характеристику данной рубрики.

2) «Целуются», «обнимаются», «ссорятся», «мирятся», «борются», «дерутся», «сражаются», «сговариваются», «соглашаются», «сцепляются», «склеиваются», «сталкиваются», «сшибаются», «слетаются», «разлетаются», «съезжаются», «разъезжаются», «сдвигаются», «раздвигаются», «сыгрываются», «спеваются» и т. д. Это — так наз. в з а и м н ы е глаголы. Здесь уже превращение **-ся** в «себя» либо совсем невозможно, потому что соответствующий глагол не сочетается с винительным падежом (напр., «съезжают-ся», «разъезжают-ся»), либо создает явную бессмыслицу (напр., «целуются» — «целуют себя»), либо, наконец, явно передает только о д н у сторону значения («сталкиваются», «сдвигаются»). Последний случай требует пояснения, и на нем как раз мы и можем лучше всего вскрыть значение этой рубрики. Если бы мы вместо «они сталкиваются» сказали «они сталкивают себя», то кроме того комизма, который свойствен предыдущей группе, произошла бы и у т е р я части значения, так как это уже не значило бы, что они д р у г н а д р у г а «сталкивают себя». Сравним: «они бросаются в море». Здесь оба деятеля (или все деятели, если их несколько) действуют изолированно, так что к а ж д ы й «бросает себя» в море. «Сталкиваются» же означает не только то, что они «сталкивают себя» куда-то, а и то, что они «сталкивают себя» д р у г с д р у г о м. Правда, такое значение наставки тесно связано здесь с таким же значением приставки **с-**. Но, во-первых, значение приставки здесь в свою очередь определяется значением наставки (срвн.: «шашки сталкиваются Ноздревым с своих мест», где приставка уже не имеет этого значения), а, во-вторых, во многих из приведенных примеров такого рода приставок совсем нет (см. выше). Это убеждает нас в том, что у наставки «ся» существует еще особое в з а и м н о е значение, и нам остается только сформулировать эту «взаимность». Точная формулировка будет такова: действие направляется в таких глаголах с к а ж д о г о и з д е я т е л е й н а к а ж д о г о и з т е х ж е д е я т е л е й, так что каждый является одновременно и действующим предметом (субъектом) и предметом, подвергающимся действию (объектом). Это сложное отношение прекрасно выражается в языке одним коротким словом «друг друга». «Целуются» это значит «целуют друг друга», «сражаются» — как бы «сражают друг друга», «съезжаются» —«съез-

жают друг к другу», «разъезжаются» — «разъезжают друг от друга» и т. д. (в последнем случае действие кажется направленным не на каждого деятеля, а от каждого деятеля, но это, конечно, частный случай, объясняющийся всецело значением приставки **раз-**). Само собой разумеется, что деятелей при таком значении глагола должно быть не менее двух, так что если эти глаголы и могут употребляться в единственном числе, то только с предлогом **с** (целуется **с** кем, мирится **с** кем и т. д.).

3) «Сердится», «бесится», «радуется», «печалится», «удивляется», «восхищается», «восторгается», «очаровывается», «умиляется», «волнуется», «возмущается», «обижается» и т. д. Пробуя изменить «ся» в «себя», мы получаем здесь не только те несообразности, которые получались в разряде 1-м, но еще и новое значение, не заключающееся в этих глаголах. В конце концов, можно «сердить» самого себя, и это будет значить либо искусственно возбуждать в себе «сердце», либо совершать поступки, которые сердят самого совершающего («я сам себя сержу» по аналогии с «он меня сердит»). Но в глаголе «сержусь» сказано совсем другое. Значение этой рубрики определяется из того значения, которое имеют эти глаголы без наставки **-ся**. Они обозначают тогда действие, изменяющее душевное состояние того предмета (лица), на который оно направлено («сердит», «удивляет», «умиляет» и т. д.). В глаголах же с **-ся** показано, что это изменение душевного состояния происходит как бы само собой в самом деятеле. «Сердится» — это значит, что человек испытывает то самое состояние, которое он производит в другом, когда его «сердит».

4) «Кусается», «лягается», «бодается», «брыкается», «клюется», «дерется» (не во взаимном смысле, а в том, в каком это слово употребляет ребенок, жалующийся на своего сверстника: «он дерется», т. е. он бьет меня), «бранится», «ругается», «клянется» и т. д. Замена «ся» посредством «себя» создаст совершенно иной смысл («кусает себя» и т. д.). Характерной чертой значения этих глаголов является то, что здесь действие совершенно отвлекается от предмета, на который оно направлено (от объекта) и как бы замыкается в самом деятеле (субъекте), представляется как процесс, происходящий в нем или с ним, или непосредственно вокруг него, вообще в тесной связи с ним. Внешне это выражается в том, что

словесное выражение объекта во многих из этих случаев делается совершенно невозможным. Так, напр., при глаголах «кусается», «лягается» и т. д., несмотря на то, что эти глаголы обозначают действия, реально направленные на других, объект не может быть выражен (нельзя сказать, на кого направлено «кусание», «лягание» и т. д.). Образно, при помощи формы на -ся, действия эти представлены ни на кого не направленными. Чтобы выразить их направленность, надо разрушить форму возвратного залога, т. е. отбросить **-ся**, (кусаe**т** кого, лягае**т** кого). Но даже и в тех случаях, когда выражение объекта возможно (напр., «ласкает кого» и «ласкается к кому»), отношение к этому объекту совершенно изменяется. На этих случаях как раз ярче всего сказывается положительная сторона значения этих глаголов, т. е. не только отвлечение действия от объекта, но и «растворение» его, так сказать, в субъекте. «Ласкается» — это не столько «ласкает» другого, сколько сам своими действиями старается привлечь к себе ласку другого.

5) «Посещается», «арестовывается», «избивается», «находится» (не в смысле «пребывает», а в смысле «его находят»), «изучается», «исследуется», «наблюдается», «уничтожается», «переделывается», «строится», «сооружается» и т. д. в таких словосочетаниях, как «этот курорт посещается легочными», «он арестовывается милиционером» и т. д. Это — так называемое страдательное значение. Здесь действие при помощи формы залога изображено как «страдание», конечно, не в буквальном смысле (потому что возможны и радости: «он награждается званием народного артиста», «он освобождается из тюрьмы товарищами» и т. д.), а в том смысле, что деятель, в сущности, не действует, а подвергается действию другого предмета (название которого должно стоять в творительном падеже). Таким образом направление действия здесь обратно тому, какое имеется при глаголе невозвратном, и в школе издавна это правильно изображалось такой схемой:

Больные посещают курорт.

Курорт посещается больными.

Но в школе, конечно, не анализируется то зияющее противоречие, которое обнаруживается при этом между значением глагольной категории вообще и данным значением зало-

говой категории в частности. Ведь глагол, как мы уже видели, обозначает «признак, создаваемый деятельностью предмета», а тут вдруг вместо собственной деятельности получается претерпевание на себе чужой деятельности. Даже если исходить из взгляда на глагол как на выражение «действия или состояния», то ведь в таких глаголах, как «арестовывается», «убивается» (не в смысле «горюет», конечно) и т. д., не может быть и речи о состоянии, а только о действии (вся эта рубрика состоит исключительно из глаголов, обозначающих и в основе действие). И, конечно, действующим предметом и при таком определении всегда представляется тот предмет, на который указывают глагольные формы согласования, т. е. в данном случае кто-то, кто «убивается», так же, как в глаголе «убивает» им представляется кто-то, кто «убивает». И вот стоит нам прибавить творительный падеж от слова, обозначающего одушевленный предмет, как все соотношения смещаются: «он убивается бандитом» воспринимается нами уже не как «он убивает себя посредством бандита», а почти как «его убивает бандит». Субъект делается как бы объектом, а объект — как бы субъектом. Но ведь мы же продолжаем считать слово «он» именительным падежом, т. е. выражением субъекта, а «бандитом» — творительным падежом, т. е. выражением объекта! Как же примирить это противоречие? Все дело в этих «почти» и «как бы», на которых зиждется вся грамматика. Когда мы говорим «он убивается бандитом», мы мыслим этот оборот, несомненно, иначе, чем, положим: «он закалывается кинжалом», и это доказывает, что «бандитом» здесь, действительно, не простое орудие, а что-то вроде действующего лица*. Но, с другой стороны, это значение действующего лица здесь, конечно, гораздо бледнее, чем во фразе: «его убивает бандит». Орудная природа формы «бандитом» не может до конца исчезнуть. Равным образом и «он», даже когда он не сам «убивает», а «убивается» кем-то, сознается совсем не так, как «его» во фразе «его убивает бандит». «Он» все же остается именительным падежом, т. е. деятелем, производителем признака. Противоречие это, как всякое грамматическое противоречие, ощущается синтетически. Два противоположных значения не уничтожают друг друга, как в математике, а ощущаются

* Срвн. развязку гамсуновского «Пана», где герой намеренно подводит себя под выстрел соперника, и где убийца действительно является орудием самоубийства.

рядом, одновременно, сливаясь в один сложный образ. Вот почему мы и говорим, что дело тут в «почти» и в «как бы». При этом, в отличие от всех предыдущих рубрик, специальное залоговое значение здесь создается не столько формой самого глагола, сколько формой того словосочетания, в которое он вступает. Все дело тут в творительном падеже «действующего лица». Таким образом противоречие здесь не столько между элементами одного и того же слова, к чему мы уже привыкли, сколько между элементами одного и того же словосочетания. Именительный как падеж «действующего предмета» и творительный «действующего лица» сталкиваются в одном словосочетании и конкурируют друг с другом.

Нужно еще заметить, что такое значение наставки «ся» возможно только в таких возвратных глаголах, которые образованы от собственно-переходных глаголов, т. е. от глаголов, управляющих винительным падежом без предлога. Это ясно из того соотношения, которое выше дано в виде школьной схемы. Именно этот винительный падеж и переходит при возвратности глагола в «страдающее» подлежащее, а подлежащее невозвратного оборота — в творительный «действующего лица» (см. схему). Глаголы несобственно-переходные, т. е. управляющие не винительным, а другими падежами, иногда пытаются в этом пункте подражать собственно-переходным, т. е. говорят, напр.: «он угрожается кредиторами», «он благодетельствуется мною» (угрожаю, благодетельствую кому, а не кого), но все эти выражения не выходят из рамок индивидуальных неправильностей. В некоторых случаях они опираются на более древнее управление глагола (напр., «имение управляется комитетом» звучит по-русски потому, что «управляю» еще совсем недавно требовало винительного падежа, а не творительного). В области страдательных причастий (на -мый, -нный, -тый) такие сдвиги более часты («завидуемый кем», «подражаемый кем»), но и там они остаются «неправильностями».

6) «Белеется», «чернеется», «желтеется», «хвастается», «грозится», «успевается» (обычно в соверш. виде, напр., «дело успеется»), «играется» (в см. «играет», полулитературно), «трепещется», «перестоится» (настойка), «закашляется» и т. д. Все эти глаголы в невозвратной форме не требуют винительного падежа,

а либо требуют других падежей («грозит», «хвастает»), либо не требуют никакого падежа («белеет», «трепещет»). Поэтому оттенок отвлечения от объекта в них проявляется лишь частично и далеко не во всех, тем более, что объект сплошь и рядом сохраняется и при возвратной форме («грозит кому» и «грозится кому»). Это давало повод даже отрицать совсем за этими глаголами возвратно-залоговое значение. И действительно оно здесь крайне бледно. Между «белеет» и «белеется» в сочетаниях: «там что-то белеет» и «там что-то белеется» мы не ощущаем почти никакой разницы. Однако, поскольку она ощущается, это должно происходить, конечно, под влиянием ассоциаций с предыдущими группами глаголов (особенно с 4-й). Ведь и создались-то эти глаголы (все более нового происхождения) на почве этих ассоциаций. А в 4-й группе мы видели две стороны значения: 1) отвлечение действия от объекта и 2) растворенность его в субъекте (или скорее субъекта в нем). Первая сторона здесь проявиться не может, но вторая может, и фактически проявляется. Это видно на таких дублетах, как «грозит кому» и «грозится кому». Про человека можно сказать и так и этак: «он грозит мне» и «он грозится мне», но про неодушевленный предмет можно употребить только первое выражение. Нельзя сказать: «это дело грозится мне тем-то и тем-то», «скала грозится падением». Почему это? Очевидно потому, что здесь невозможно то особое участие субъекта в процессе, сверх обычной его роли деятеля, которое выражает возвратная форма. «Грозится» содержит какой-то намек на угрожающий жест, на мимику, на психику грозящего человека. Или возьмем «ребенок играет» и «ребенок играется». Последнее выражение несомненно «неправильно», но зато на нем опять-таки ясно сказывается этот оттенок особой поглощенности деятеля своим действием. Но как же однако быть с такими глаголами, как «белеется», «чернеется» и т. д., в которых основа выражает не действие, а состояние? Ведь состояние, в отличие от действия, и без того целиком заключено в субъекте, никакой объект здесь не мыслим, и, следовательно, нет как будто бы того элемента, за счет которого могла бы произойти передвижка. Приходится признать, что здесь, действительно, как было уже указано в литературе, значение наставки **-ся** состоит только в усилении оттенка непереходности. Но нам думается, что на основании этого еще нельзя изгонять эти

глаголы из возвратно-залоговой категории, так как сама «непереходность»-то и есть ведь не что иное, как полная замкнутость процесса в субъекте его. А именно этот оттенок и выражает во многих случаях разбираемая категория. Стало быть усиление «непереходности» есть тоже одно из значений возвратно-залоговой формы.

7) «Ленится», «смеется», «нравится», «раскаивается», «отчаивается», «здоровается», «прощается», «кланяется», «толпится», «расходится», «распоется», «разговорится», «разгуляется», «разляжется», «насидится», «належится», «слежится» («белье слежалось» в смысле «смялось»), «заспится», «выспится», «проспится», «проспется», «распишется» (и в смысле «подпишется» и в смысле «разойдется в процессе письма»), «стакнется», «снюхается», «задохнется», «обходится» (без чего), «устоится» и т. д. Отличительный признак всех этих глаголов тот, что форма без **-ся** от них совсем не употребляется. Отбрасывая **-ся**, мы получаем здесь или несуществующее слово («ленит», «смеет», «раскаивает» и т. д.), или слово с совсем другим значением («обходится без чего» — «обходит», «заспится» — «заспит» и т. д.). На этом основании эту группу тоже выкидывали из рассматриваемой категории, так как всякая форма сознается только по соотношению с однородной или противоположной другой: раз нет невозвратной формы, то нет и возвратной. Но такое отсечение огромного количества глаголов с довольно ярким подчас возвратным значением нам кажется чрезвычайно искусственным. Несомненно, что перед нами, действительно, так называемые «недостаточные» формы (наподобие существительных, употребляющихся только во множественном или только в единственном числе), так что и формальное значение здесь должно проявляться недостаточно. Но разве можно утверждать, что оно в недостаточных формах совершенно отсутствует? Можно ли утверждать, напр., что аффиксы **-ы**, **-ам** и т. д. в слове «ножниц**ы**», «ножниц**ам**» и т. д. абсолютно ничего «численного» не означают, что это «звук пустой» в отношении числа, и что между «ножницы» и «ножи» настолько же отсутствует всякое численное сходство, как между «ножницы» и «нож»? Нам думается, что нет. Правда, к слову «ножницы» нет совсем форм единственного числа, но ведь остаются ассоциации сходства со всеми другими существительными множественного числа и ассоциации контраста со всеми существительными единственного

числа. В частности, в разбираемой группе эти ассоциации с другими глаголами возвратного залога особенно многочисленны (вся система глагольных изменений) и особенно тесны, так как: 1) при отсутствии точно такого же глагола без наставки **-ся** очень часто имеется очень близкий по значению и образованию глагол с наставкой и без наставки: одиночное «устоится» (глагол «устоит» имеет совсем другое значение), но — «перестоится» и «перестоит», одиночное «задохнется», но — «закашляется» и «закашляет», одиночное «кланяется», но — «клонится» и «клонит» и т. д., 2) внутри всей этой недостаточной рубрики ясно различаются все те значения, которые установлены нами в предыдущих шести рубриках. Разве не ясно, напр., что «сходятся», «расходятся», «стакнутся», «снюхаются», «здороваются», «прощаются» — это взаимные глаголы, что «слежится», «залежится», «задохнется» подходят к нашей шестой рубрике, что в «кланяется» просвечивает 1-я рубрика и т. д.? А раз есть разновидности возвратного значения, то, стало быть, есть и само значение. В некоторых случаях оказалось бы, что некоторые формы одного и того же глагола принадлежат к возвратной категории, а другие не принадлежат. Так, сравнивая «садиться», «ложиться» и «садить» и «ложить», мы пришли бы к выводу, что это возвратный залог. А сравнивая 3-е л. ед. ч.: «садится», «ложится» и «са́дит», «ло́жит», нашли бы, что это не есть возвратный залог, так как слов «сади́т», «ложи́т» не существует. Факты эти как нельзя лучше показывают, как опасно в языке проводить резкие грани и строить логически-безупречные классификации. Наконец, отметим еще, что среди этих глаголов есть даже особые очень живые, очень продуктивные группы. Таковы прежде всего глаголы с приставкой **на-** и со значением предельного осуществления процесса во времени (видовое значение) и его замкнутости в субъекте (залоговое значение): «наестся», «напьется», «наговорится», «наслушается», «начитается», «насмотрится», «нагуляется», «налижется», «насплетничается», «наездится», «надышится», «накапризничается», «наплачется», «нарисуется», «напишется» (в смысле будет вдоволь рисовать, писать) и т. д. вплоть до каких угодно новообразований; глаголы эти надо, конечно, отличать от глаголов с другими значениями приставки **на-**, как «наткнется», «набросится» или «нарисуется», «напишется» в сочетаниях: «этот рисунок нарисуется пером»,

«надпись напишется сверху» и т. д. Правда, залоговое образование здесь тесно связано с видовым, так как почти все эти глаголы — совершенного вида (такие образования, как «наедается», «напивается», сравнительно редки и от большинства из этих глаголов невозможны), так что получается одновременное образование и вида и залога: капризничает — накапризничается, плачет — наплачется (связывать здесь возвратные образования с невозвратными типа «наест на 2 рубля», «наплачет ведро» в настоящее время уже нет возможности, так как первые чрезвычайно размножились и тем изолировались от вторых). Но раз значение вида и значение залога здесь отделимы друг от друга (а это несомненно так), то нет основания из-за их совместности отрицать то или другое (срвн. пары: сажусь — сяду, ложусь — лягу, где, наоборот, возвратный залог связан с несовершенным видом). Таковы же и глаголы с приставкой раз- и с видовым значением предельного развития процесса во времени: «разговорится», «разойдется», «расплачется», «расшумится», «раскричится», «раскапризничается» и т. д. Оглядываясь на всю эту группу, можно сказать, что «недостаточность» ее в смысле значения очень разностепенна и образует целую гамму, на одном конце которой стоят такие глаголы, как «ленится», «смеется», где значение залоговой формы, действительно, трудно уловимо, а на другом конце — такие, как «наплачется», «расплачется», где это значение очень ярко. И еще можно сказать, что нигде «недостаточность» не подходит так близко к «достаточности», как в категории залога. Тем менее основания механически отсекать все эти случаи от данной категории.

Теперь попробуем обобщить все рассмотренные нами значения формы на **-ся** и вывести общее значение категории возвратного залога. Само собой разумеется, что мы должны быть готовы к чему-то очень общему и очень расплывчатому, принимая во внимание разнообразие отдельных значений. Тут и переход действия обратно на самого деятеля (группа 1), и переход его с каждого из нескольких деятелей на каждого из них же (гр. 2), и переживание субъектом того состояния, которое при отсутствии наставки **-ся** вызывается в объекте (гр. 3), и оторванность действия от необходимого для него объекта с прикреплением его исключительно к субъекту (гр. 4), и испытывание субъектом на себе действия, проистекающего от объекта (гр. 5), и насыщенность субъекта переживаемым им состоянием или непереходным

действием (гр. 6; гр. 7, конечно, распределяется по значению между всеми остальными группами)*. Спрашивается, что же общего можно найти между всеми этими случаями? Это общее нам удастся найти, если мы будем исходить из общего значения глагола как «признака, создаваемого деятельностью предмета». Само собой разумеется, что между «действующим предметом» или субъектом глагольного признака и самим глагольным признаком есть определенная связь, именно связь с о з д а в а н и я признака. Эту связь выражает, стало быть, в с я к и й глагол — и возвратный и невозвратный. В возвратных же глаголах мы находим еще д р у г и е связи субъекта с создаваемым им признаком, п о м и м о связи самого создавания. Связи эти очень разнообразны, и общее между ними только то, что они именно «другие», что они все наслаиваются на основную связь, выраженную в каждом глаголе. Вот это и будет о б щ е е значение нашего возвратного залога да, кстати сказать, и залога вообще, так как в нашей «возвратной» залоговой форме слились все те значения, которые в других языках образуют р а з н ы е залоги. Значит, общее значение категории залога можно определить как о с о б о е о т н о ш е н и е г л а г о л ь н о г о п р и з н а к а к е г о с у б ъ е к т у помимо того отношения, которое выражено в самой категории глагольности. Невозвратный залог, конечно, является «нулевой» залоговой категорией.

Причастия и деепричастия в полной мере и б е з к а к и х - л и б о о т л и ч и й о т г л а г о л а обладают категорией возвратного залога: купающий**ся**, купавший**ся**, купая**сь**, выкупавши**сь**. Эти формы возможны от в с я к о г о возвратного глагола, поскольку от него вообще образуются причастие и деепричастие. Но к р о м е этих форм у причастий, а отчасти и у деепричастий, существуют еще о с о б ы е залоговые формы: купае**м**ый, выкупа**нн**ый, уби**т**ый (будучи купаем, будучи выкупан, будучи убит, бывши купаем, бывши выкупан — составные формы, в настоящее время уже очень мало употребительные). Это не что иное, как с т р а д а т е л ь н ы е залоговые формы, т. е. формы со значением, разобранным нами в п. 5 предыдущего перечня (купаемый к е м, выкупанный к е м, убитый к е м). Таким образом у причастий для страдательного значения оказываются

---

* Безличные глаголы типа: «хочется», «думается», «спится», «дремлется» и т. д. будут рассмотрены при категории безличности, так как категория залога здесь неразрывно срастается с этой последней категорией.

выражения, конкурирующие друг с другом (формы на **-ся** и формы на **-мый, -нный, -тый**). Но конкуренты эти далеко не равны по силам. Они относятся друг к другу как специалист к дилетанту или как вкусовой уникум к суррогату. В самом деле, ведь форма на **-ся** лишь по н у ж д е и лишь с большим трудом приобретает страдательное значение. Только сопровождающий эту форму творительный падеж действующего лица или острая потребность в нем заставляют понимать ее страдательно. Без этих же привходящих условий формы возвратного залога получают обычно какое-нибудь из остальных своих значений (срвн. «книга читается многими» и «книга читается легко», «забор красится м а л я р о м» и «эта дама очень красится», «стороны примиряются судьей» и «стороны примиряются друг с другом»). Само собой разумеется, что раз у причастия есть о с о б ы е формы для страдательного значения, то нам незачем пользоваться суррогатной формой, чтобы выразить это значение. Следовательно, мы никогда не скажем: «ребенок, о д е в а ю щ и й с я нянькой», а только: «о д е в а е м ы й нянькой», никогда не скажем: «ящик, с д е л а в ш и й с я столяром», а только: «с д е л а н н ы й столяром», никогда не скажем: «дом, п о с т р о и в ш и й с я этим архитектором», а только: «п о с т р о е н н ы й этим архитектором» и т. д. Последний пример однако наводит нас и на другую сторону дела. Хотя суррогат хуже уникума, но когда уникум нельзя достать, приходится пользоваться суррогатом. А формы причастий на **-мый**, **-нный** и **-тый** (последняя представляет вариант к форме на **-нный**, употребляющийся только от тех глаголов, от которых не употребляется форма на **-нный** и только от немногих из них: крытый, мытый, дутый и др.) н е т а к у ж ч а с т ы и далеко не от каждого глагола образуются. И вот как раз форма на **-мый** от глагола «строить» («строимый») принадлежит к редко употребляющимся, и потому мы не только м о ж е м сказать: «дом, с т р о я щ и й с я этим архитектором», но пожалуй даже и н а в е р н о е так скажем, а не скажем: «дом, с т р о и м ы й эт. арх.». В частности, формы на **-нный** часто не употребляются от глаголов несовершенного вида (нельзя или неудобно сказать «любленный», «еденный», «руганный», «говоренный», а только: «полюбленный», «съеденный», «выруганный», «сказанный»). Поэтому, напр., рядом с «паразиты, у н и ч т о ж а е м ы е нами» и «паразиты, у н и ч т о ж е н н ы е нами», приходится говорить: «паразиты, у н и ч т о ж а в-

шиеся нами». Точно так же при «воздвигаемое коммунхозом здание» и «воздвигнутое коммунх. зд.» приходится говорить: «воздвигавшееся коммунх. здание», потому что «воздвиганное» сказать нельзя. Это сотрудничество конкурентов привело к тому, что в некоторых случаях они мирно уживаются оба в одних и тех же сочетаниях: «книга, читаемая многими», «и книга, читающаяся многими», «дом, строенный частником» и «дом, строившийся частником». Для полноты картины нужно еще добавить, что во многих случаях ни той, ни другой формой нельзя воспользоваться. Нельзя сказать ни «едимый», ни «едящийся», ни «любленный», ни «любившийся». В общем и в целом, можно повторить, что формы на **-мый**, **-нный** и **-тый**, если они употребительны от данного глагола, употребляются преимущественно перед возвратными формами как специальные выразители страдательного значения. Таким образом в области залоговой причастия (а отчасти и деепричастия) оказываются даже богаче самих глаголов.

Рядом с причастиями на **-мый** должны быть упомянуты еще две группы прилагательных с тем же суффиксом и до некоторой степени с тем же значением страдательного залога.

1) Неумолимый, неистощимый, неистребимый, неопалимый, нерастворимый, неуловимый, неощутимый, невообразимый, неугасимый, недопустимый, неодолимый, непреодолимый, невыразимый, неукротимый, несоизмеримый и т. д. Особенностью этих образований является, прежде всего, связанность их с приставкой **не-**. Без этой приставки они употребляются гораздо реже (не говорят: «он умолим», «этот огонь угасим» и т. д., хотя говорят, напр.: «это вполне допустимо», «это легко уловимо», «ощутимо», «эта соль растворима»), что отражается и на правописании их (всегда пишутся слитно с **не-**). И во всяком случае, когда они употребляются без отрицания, они кажутся (редкий и интересный случай!) образованными от отрицательных слов. В конце концов, можно сказать и «умолимый» и «угасимый» и т. д., но это будет казаться именно более или менее рискованным новообразованием от «неумолимый», «неугасимый» и т. д. Второй их особенностью является то, что они выражают не чистую «страдательность», а страдательность в соединении с возможностью, т. е. «неугасимый», напр., обозначает не только отсутствие перехода действия «угашения» с объекта на субъект, но и невозможность такого перехода. Этот оттенок легко обнаружить, сравнивая эти прилагательные с настоящими причастиями: «неугасимый огонь» и «не угашаемый никогда огонь», «недопустимый поступок» и «не допускаемый в порядочном обществе поступок», «неистребимый паразит» и «не истребляемый, к сожалению, нашими крестьянами паразит». Наши примеры (особенно последний) показывают и то, как этот оттенок возможности мешает полному проявлению оттенка страдательности. Мы видели, что этот последний оттенок тесно связан с творительным действующего лица («не истребляемый кре-

стьянами»). А именно этот творительный-то и не употребляется при таких прилагательных. Нельзя сказать: «этот паразит будет неистребим нашими крестьянами».

2) Неподражаемый, неугрожаемый, неувядаемый, несгораемый, непререкаемый, неосязаемый, невесомый, невидимый и т. д. Эти прилагательные еще теснее связаны с приставкой **не-**. Они образуются либо от несобственно-переходных глаголов, т. е. от глаголов, управляющих не винительным падежом (подражаю кому, угрожаю кому), либо от непереходных, т. е. не управляющих никаким падежом (увядаю, сгораю и т. д.) и, следовательно, в обоих случаях от глаголов, не допускающих вообще страдательных образований (см. об этом в гл. XIII), либо, наконец, от собственно-переходных глаголов (осязаю, вижу и т. д.), и в этом случае вся суть только в слиянии с отрицанием (срвн. «это неосязаемая разница» и «не осязаемая пальцем, но отмечаемая специальным прибором разница»). Во всех трех случаях творительный действующего лица (или предмета) невозможен (нельзя сказать «неподражаемый кем», «несгораемый кем», «неосязаемый кем», поскольку мы не желаем отделить в последнем случае отрицания), но следы оттенка страдательности в первом и третьем случаях все-таки остаются. Что касается второго случая, то страдательный оттенок здесь по существу невозможен (глагол непереходный, а следовательно, не может быть и перехода действия с объекта на субъект), и прилагательные эти являются дублетами к причастиям на **-щий** («несгораемый шкап» и «не сгорающий шкап», «неувядаемые лавры» и «не увядающие лавры», «непромокаемый плащ» и «не промокающий плащ»), причем, кажется, является и тут значение невозможности, как в словах на -имый («несгораемый» это не просто «не сгорающий», но и «не могущий сгореть»).

Аналогичны по значению еще прилагательные типа: невылазный, непробудный, неуемный, неуклонный, несговорный, невозбранный, неустанный, необорный, необъятный и т. д., но сблизить их со страдательными образованиями не представляется возможным.

Существительные, образованные от прилагательных обоих типов (неисправимость, неуловимость, неосязаемость, неотчуждаемость и т. д.), проявляют тоже какое-то родство с категорией страдательного залога и даже допускают иногда творительный действующего предмета (но не лица: «неисправимость дела этими мерами очевидна», но нельзя сказать: «неисправимость дела этим сотрудником очевидна»). Впрочем, едва ли эта невозможность подставить название лица не указывает на то, что здесь творительный орудия (или способа), а не действующего предмета (срвн. стр. 135).

Все остальные глагольные прилагательные и существительные уже ни в какой мере не соприкасаются с категорией залога.

Относительно категории времени в деепричастиях нужно сказать, что она испытывает здесь следующий сдвиг: она обозначает не отношение времени процесса ко времени речи, а отношение его ко времени главного действия (выраженного глаголом). Это будет ясно из следующего анализа. Если я говорю: «читая, я замечал...», «читая, я замечаю...», «читая, я буду замечать...»,

то в первом случае мое чтение предшествует моей речи, во втором случае — происходит во время самой речи, в третьем случае — следует за речью. Стало быть форма «читая» не выражает ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего в том смысле, в каком мы установили значение этих времен для глагола. Но в то же время во всех трех случаях сохраняется одно соотношение: чтение всегда происходит одновременно с «замечанием». Вместо «читая» во всех трех случаях можно было бы сказать: «в то время как я читал, я замечал», «в то время как я читаю, я замечаю», «в то время как я буду читать, я буду замечать». Теперь проанализируем такие сочетания: «прочитав (прочтя), я заметил...», «прочитав (прочтя), я замечаю...», «прочитав (прочтя), я замечу...» В первых двух примерах чтение произошло до речи, в третьем произойдет после речи. Значения настоящего времени мы здесь не находим, но это легко объясняется тем, что «прочитав» и «прочтя» — совершенный вид, а значение этого вида, как мы уже знаем, несовместимо со значением настоящего времени (примера на несовершенный вид нельзя было дать, так как такие формы, как «читав», «читавши», «видев», «видевши» и т. д., сейчас уже совсем не употребляются). Как бы то ни было, но форма «прочитав» тоже оказывается вневременно́й в том смысле, какой мы установили для времени глагола, так как если одна и та же форма обозначает и прошедшее и будущее, ясно, что она не обозначает ни того, ни другого. Но вместе с тем и здесь во всех трех случаях сохраняется одно временно́е соотношение: чтение происходит до «замечанья». Вместо «прочитав» во всех трех случаях можно было бы сказать: «после того как я прочитал, я заметил», «после того как я прочитал, я замечаю», «после того как я прочитаю, я замечу». Ясно, что вот эти именно соотношения одновременности с главным действием и предшествования главному действию и выражаются формами «читая» и «прочитав» («прочтя»). Это, стало быть, совсем не те настоящее и прошедшее, какие мы нашли у глагола, хотя соотношение между одной и другой формой здесь совершенно то же, и значения совершенно аналогичны. Можно сказать, что и там и тут настоящее обозначает одновременность, а прошедшее — предшествование, но там дело идет об одновременности с временем речи и о предшествовании времени речи, а здесь об одновременности с временем главного действия (выра-

женного глаголом) и о предшествовании времени главного действия. Математически это можно было бы выразить пропорцией: «время» деепричастия так относится ко «времени» глагола, как «время» глагола ко времени речи.

Относительно формы прошедшего времени («прочитав») нужно, впрочем, сделать оговорку. При известных условиях речи она может обозначать и то, что обозначает прошедшее время глагола, именно предшествование времени *самой речи*. Так, если я скажу: «Наконец-то я кончил эту книгу. А вот теперь, *прочитав* ее, я приступлю к докладу...», то форма времени в деепричастии будет обозначать уже предшествование времени действия времени самой речи, как в глаголе. Сравним еще: «испытав все ужасы войны 14-го года, я никогда уже не смогу быть горячим националистом», «получив, наконец, это письмо, я смогу ответить». Но нетрудно видеть, что такое пониманье нуждается в подсобном воздействии контекста (в первом примере оно обусловливается словом «теперь», во втором — словами «14-го года», в третьем — словом «наконец») или, в живой речи, обстановки. Это показывает, что оно менее обычно. Взятые отдельно, сочетания «прочитав, приступлю», «испытав, не смогу», «получив, смогу» означали бы только: «*после того как прочитаю*, приступлю» и т. д.

Переходя к формам времени *причастия* мы находим, что здесь дело обстоит значительно сложнее. Здесь *могут* быть те значения этих форм, какие мы нашли в деепричастиях, но могут быть и те, какие бывают в глаголе. Вот примеры. Когда мы говорим: «Я *увидел* соседа, *выходящего* из своей квартиры», «я *вижу* соседа, *выходящего* из своей квартиры», «я *увижу* соседа, *выходящего* из своей квартиры», то во всех трех случаях время причастия обозначает только *одновременность* выражаемого им действия с действием глагола. О «времени» в глагольном смысле здесь и речи быть не может, так как одна и та же форма обозначает и прошедшее, и настоящее, и будущее. Но, напр., когда мы говорим: «человек, *читающий* эту книгу, заболел», здесь уже форма настоящего времени причастия имеет *одно* из значений, свойственных настоящему времени глагола (значенье это мы назовем впоследствии в гл. X *расширенным* значением настоящего времени, так как здесь дело идет не о моменте действия, а о целом периоде времени, в середине которого заключен момент,

совпадающий с моментом речи, срвн.: «он отлично поет», «она хорошо играет на гитаре»). В причастии прошедшем обычное значение прошедшего времени (предшествование времени речи) делается уже правилом. Если я скажу: «Я буду говорить с человеком, сделавшим мне много зла», то всякий поймет это так, что человек этот раньше, до моей речи, делал мне зло. В исключительных условиях контекста или обстановки это может обозначать и другое. Так, если я буду рисовать сложную и обширную картину моих будущих переживаний и встреч, упомяну о том, что найдется человек, который сделает мне много зла и вслед затем скажу: «Я отправлюсь к этому человеку, сделавшему мне столько зла, и буду говорить с ним...», то время причастия будет обозначать уже предшествование не времени речи, а времени главного действия («буду говорить»), причем оба эти времени будут сознаваться по отношению к данной речи как будущие. Но, конечно, условия эти совершенно исключительны. Таким образом то, что для прошедшего деепричастия — норма, то для прошедшего причастия — исключение, а то, что для первого — исключение, то для второго — норма. В общем же времена причастий по значению двойственны: частью они так же несамостоятельны, как времена деепричастий, частью так же самостоятельны, как времена глаголов.

Несамостоятельные значения времен причастий и деепричастий представляют опять-таки интересный случай переходного типа от тех категорий, которые мы назвали в своем месте объективными, к тем, которые мы назвали субъективно-объективными (см. стр. 102). Поскольку они обозначают отношения времен одних действий к временам других в той же речи, они являются объективными. Поскольку же они косвенно, через время главного действия, опираются все же на время речевого сознания, они являются субъективно-объективными. Нужно заметить, что и в глаголе время может приобретать такое объективное значение, именно когда идет речь о соотношении времени одного действия, выраженного глаголом, со временем другого действия, выраженного тоже глаголом и в той же речи (так называемая «последовательность времен», см. в гл. XXVIII).

Итак, причастия и деепричастия резко отличаются от прочих глагольных прилагательных и наречий следующими тремя сторонами своих значений: 1) они имеют последовательно проведенные по всей категории значения глагольных видов, 2) они имеют значения залогов, причем значение страдательного залога в них даже более четко выражено, чем в самом глаголе, 3) они имеют значения времен, хотя, по большей

части, и не тождественные со значениями времен в глаголе, но вполне аналогичные с ними. Все это создает в них такую степень глагольности, которая уже не является только осложняющим моментом в их основных значениях прилагательного и наречия, а оказывается равноправным конкурентом с этими основными значениями, так что получаются в буквальном смысле смешанные части речи. В причастии смешаны глагол и прилагательное, в деепричастии — глагол и наречие.

К области смешения частей речи еще, может быть, относится, хотя во всяком случае в минимальной степени, та загадочная по своему современному значению категория глагола, которая в школе называется «неопределенным наклонением» (писать, говорить, желать, нести, жечь). Что это не «наклонение» глагола ясно из того анализа категорий наклонений, с которыми читатель ознакомился в гл. VI. Ведь «наклонение» указывает на отношение говорящего к действию, выраженному в глаголе, или как к реальному факту, или как к нереальному представлению факта, а внутри последней рубрики намечает различные виды нереальности. А в словах «писать» и «говорить» и т. д. как раз и нет ни малейшего указания на то, реальным или нереальным считает говорящий данное действие. Но зато другая половина школьного названия, «неопределенное», действительно очень подходит к этой форме, как это выяснится из ближайшего анализа.

Прежде всего заметим, что только с современной точки зрения категория эта проявляет «неопределенность» и затруднительна для анализа. По происхождению своему она совершенно «определенна». Это — изолированный падеж глагольных существительных женского рода на **ть**, **чь**, потерявших все остальные падежи свои. Мы можем о них судить по нескольким уцелевшим существительным этого рода, как «знать» (теперь уже только в смысле: те, кого «знают», «знатные»), «быть» («всякая быть создана богом», «бытописание должно основываться на бытях достоверных», из словаря Даля), «чуть» («дай мне самую чуть, чуточку!», также в словах «чуть-чуть» и «чуть только», срвн. малорусское «чути» = чуять), «жуть», «сыть» (в сказках: «что ты, конская сыть, спотыкаешься?»), «стать» («какая мне стать» у А. Толстого, «и дело тут пошло на стать» — у Пушкина, «с какой стати», «под стать», «кстати», «без

всякой стати» у Лескова в «Островитянах»), «мочь» («изо всей мочи», «нет мочи», «что было мочи», «во всю мочь») и т. д. Исчезновение всех остальных падежей при сохранении глагольных корней, суффиксов и приставок и создало здесь то своеобразное значение, которое нам предстоит рассмотреть.

Таким образом к о г д а - т о, когда она не была еще тем, чем она является сейчас, эта категория обозначала действие как п р е д м е т, т. е. приблизительно, так, как сейчас оно обозначается в существительных «взятие», «говорение», «молитва», «прыжок» и т. д. Но в настоящее время предметности здесь или совсем нет, или п о ч т и нет. Это лучше всего видно из сравнения этой формы с глагольными существительными. «Я люблю ч и т а т ь» указывает на то, что я с а м читаю или, по крайней мере, стремлюсь к этому: «я люблю ч т е н и е» может означать, что я люблю слушать, как другие читают, или даже просто только покровительствую чтению, люблю, чтобы вокруг меня читали. Ведь «чтение», это — предмет в нашей грамматической мысли; понятно, что он и отделен от меня, как всякий другой предмет (люблю чтение свое или чужое, как люблю книгу свою или чужую). Сравним еще: «люблю п р о с в е щ а т ь» и «люблю п р о с в е щ е н и е», «хочу в о е в а т ь» и «хочу в о й н ы» (может быть для других, а не для себя), «надеюсь в ы е х а т ь» и «надеюсь на в ы е з д» (неизвестно чей), «рассчитываю о х о т и т ь с я» и «рассчитываю на о х о т у» (неизвестно чью) и т. д. Во всех этих примерах существительное обозначает предмет, а «неопределенная» форма — действие. Но есть у нее и важное отличие от глагола, которое состоит в том, что в ней нет никакого указания на д е й с т в у ю щ и й п р е д м е т. Так, прежде всего, она совершенно б е з л и ч н а. В самом деле: «хочу чита**ть**», «хочешь чита**ть**», «хочет чита**ть**». Все три лица выражены одним суффиксом «ть». Точно так же: «заставлю с е б я чита**ть**», «прошу т е б я чита**ть**», «велю е м у чита**ть**». Здесь лицо действия, выраженного «неопределенной» формой, все время узнается по другим словам («себя», «тебя», «ему»), в самой же форме «читать» оно не указано. Не указано в ней и числа действующих предметов («**я** хочу чита**ть**», «**мы** хотим чита**ть**»). Это и создает ее неопределенность. Когда мы говорим «читать», мы представляем себе действие, но совершенно не представляем себе, к т о действует. Это—действие, как бы о т о р в а н н о е о т с в о е г о д е я т е л я, действие **без всякого намека на деятеля**. Можно сказать, что

в этой форме, как и в глаголе, выражается признак, создаваемый деятельностью предмета, но без отношения к самому предмету, проявляющему эту деятельность.

Здесь мы опять сталкиваемся с иррациональностью языка. Ведь логически нельзя себе представить деятельность без всякого отношения к деятелю. В языке же создалась специальная категория с этим именно значением. Вместе с тем в этой же иррациональности мы находим черты, роднящие и сейчас до известной степени «неопределенную» форму с ее отдаленным предком — глагольным существительным («взятие», «прыганье» и т. д.). Ведь и оно в высшей степени иррационально. Только в нем иррациональность, можно сказать, двойная или двухстепенная: 1) отвлечение действия от действующего предмета и 2) превращение его самого в грамматический «предмет». Вторая иррациональность исчезла в момент превращения существительного на -tis *) в нашу теперешнюю неопределенную форму. Но первая иррациональность осталась. Получилась гораздо бо́льшая отвлеченность представления, так как произошло вторичное отвлечение (сперва от действия, а затем от иррациональной предметности). Язык сделал колоссальное завоевание в области мысли, создав представление о процессе самом по себе, вне связи его с производителем процесса и вне опредмечивания процесса. Но этой-то отвлеченностью наша форма и связывается как раз с отвлеченными же (хотя и несколько менее) глагольными существительными. Этим и объясняется параллелизм употребления глагольного существительного и «неопределенной» формы в таких сочетаниях, как «люблю петь» — «люблю пение», «учусь петь» — «учусь пению», «гулять полезно» — «гулянье полезно», «любитель гулять» — «любитель гулянья» и т. д., параллелизм, побудивший школьную грамматику весьма неосновательно отождествить одни способы выражения с другими. Этим же объясняется возврат неопределенной формы в лоно глагольных существительных, происходящий во многих европейских языках при помощи члена (срви. немецкое das Lernen, das Sprechen и т. д., возможное для всякой неопределенной формы, французские le parler, le pouvoir). Такой возврат был бы невозможен, если бы эта форма окончательно порвала в значении с существительным. В русском языке нам приходилось

*) Так оканчивались в индо-европейском праязыке существительные, давшие жизнь «неопределенной» форме.

наблюдать лишь бессильные потуги такого возврата, причем бессилие объясняется именно отсутствием члена («*вместо гулять*, пойдем сниматься», «*насчет жить одному*, я вам уже писал в прошлом письме»). Характерно также, что в европейских словарях форма эта служит представительницей всех остальных глагольных форм и печатается на первом месте, хотя она и не всегда характеризует глагол как отдельную словарную единицу (см. выше примеры на *взаимные* глаголы, где часто только формы *множественного* числа отделяют взаимный глагол от однозвучного возвратного). Повидимому, она сознается в таком же отношении ко всем остальным глагольным категориям, в какое ставится нами именительный падеж ко всем остальным падежам. Как именительный падеж (по большей части притом *единственного* числа) принимается нами за *простое, голое* название предмета, без тех осложнений в процессе мысли, которые вносятся формами косвенных падежей, так неопределенная форма благодаря своей отвлеченности представляется нам *простым, голым* выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями. Это, правда, еще более прикрепляет эту форму *к глаголу*, но это же указывает опять-таки на определенную аналогию с существительными. Таким образом *какая-то* связь этой формы с существительным сохраняется, повидимому, и поныне. И нам думается, что связь эта идет именно через глагольные существительные и заключается в моменте *отвлечения* действия от деятеля, свойственном обеим этим категориям. Если бы мы ничего не знали о происхождении неопределенной формы, то мы бы определили ее как «глагол, сделавший *один шаг* по направлению к существительному». Зная же происхождение, мы скажем, что это — «существительное, *не дошедшее на один шаг* до глагола».

Вопрос о *термине* для такой исключительной категории представляется нам более чем второстепенным. Но все же мы должны сказать, что термин, которым мы пользовались до сих пор («неопределенная форма»), нас не удовлетворяет, так как он чисто-отрицательный, в значении же самой формы мы вскрыли определенные положительные черты. Предложенный нами же в свое время для школьного употребления термин «подглаголок» тоже кажется нам в настоящую минуту довольно рискованным.

Поэтому мы предпочитаем в дальнейшем пользоваться латинским термином «инфинитив», хотя тоже по происхождению отрицательным, но скрывающим свою отрицательность под оболочкой иноземного звучания.

Может возникнуть вопрос, каким образом инфинитив, не соприкасаясь ни с одной синтаксической глагольной категорией (ни с категорией лица, ни числа, ни рода, ни времени, ни наклонения), оказался так близок по значению к глаголу. Объясняется это тем, что он и других никаких форм не имеет и, стало быть, не может выражать ни предмета, ни признака, заложенного в предмете, ни признака признака. А в то же время с глаголами он тесно связан тем, что от каждого глагола можно его образовать, и что у него есть все видовые и все залоговые значения глагола во всех их мельчайших разветвлениях. Вот эта-то связь с глаголом при отсутствии связей с другими частями речи и делает его глаголом, так как части речи, как это уже неоднократно упоминалось, являются основными категориями нашей языковой мысли, и стремление разносить все наши языковые представления по этим категориям необычайно сильно в нас. Это своего рода планеты нашей языковой солнечной системы (некоторые ученые, впрочем, выделяют глагол на место самого солнца), и нужны совершенно особые условия, чтобы какая-нибудь группа слов оказалась в положении астероидов (см. конец главы). Обычно же грамматические осколки, подобно мировым, попадают в сферу притяжения одной какой-нибудь планеты и падают на нее. Так «упал» инфинитив на глагол.

Причастие, деепричастие и инфинитив, несмотря на то, что первые два одновременно принадлежат к другим частям речи, оказываются таким образом в результате нашего анализа категориями, теснейшим образом связанными с глаголом и весьма резко отличными от глагольных существительных, «непричастных» глагольных прилагательных (как «облезлый», «текучий» и др.) и «недеепричастных» глагольных наречий (как «торжествующе», «обдуманно» и др.). То, что в школьных учебниках эти три группы вместе с самим глаголом объединяются под одной этикеткой «глагола», хотя и нелогично, но не лишено грамматического смысла. Особенно резко проявляется единство всех этих четырех групп в формах словосочетаний. Здесь надо отметить два основных факта: 1) Управление всякого глагола всегда совершенно тождественно с управлением причастий, деепричастий и инфинитива, от них образованных. Следовательно, если «люблю кого», то и «любящий кого» («любимый кем», как уже знает читатель, есть только необходимый спутник такого управления), «любя кого», «любить кого» (срвн. иное управление при

существительном «любовь к кому»); если «надеюсь на кого», то и «надеющийся на кого», «надеясь на кого», «надеяться на кого» (срвн. не только «надежда на славу», но и «надежда славы», непричастное прилагательное «надежный» совсем лишено управления); если «интересуюсь чем», то и «интересующийся чем», «интересуясь чем» и «интересоваться чем» (срвн. «интерес к чему»). И так далее. Особенно важно при этом то, что собственно-переходные глаголы (см. выше стр. 136) делятся своей «собственной переходностью» на общем основании с причастиями, деепричастиями и инфинитивами, но не глагольными существительными, при которых, как при существительных, винительный падеж вообще невозможен, и не с глагольными (непричастными) прилагательными, которые по большей части лишены всякого управления. Поэтому, напр., при «читаю — читающий — читая — читать книгу» мы имеем «чтение книги» (винительный падеж невозможен) и совсем лишенное управления «четкий»; при «колю — колющий — коля — колоть дрова», имеем «колка дров» и совсем лишенные управления «колкий», «колючий». Значение собственной переходности выяснится далее, пока же заметим только, что это тип крепчайшего управления, а что степенью крепости подчинительной синтаксической связи обусловливается способность подчиненного члена подчинять в свою очередь себе другие члены. Поэтому только глаголы, причастия, деепричастия и инфинитивы способны выстраивать подчиняемые ими слова (и целые предложения, как это выяснится далее) в длинную шеренгу последовательно подчиненных друг другу звеньев, совершенно аналогичных столбику из перьев под магнитом. Только они делают это легко, без затемнения смысла, тогда как, напр., прилагательные, без применения особых интонационных средств (обособление), на это совершенно неспособны, а существительные делают это лишь с большим уроном для ясности мысли (срвн. такие ряды последовательно управляемых родительных, как «значение признания необходимости введения... и т. д.», являющиеся настоящим бедствием в нашем газетном языке). 2) Примыкание к причастиям, деепричастиям и инфинитивам подчинено абсолютно тем же законам, что и примыкание к глаголам. Поэтому все эти группы одинаково свободно присоединяют к себе наречия

(хорошо читаю, хорошо читающий, хорошо читаемый, хорошо читая, хорошо читать, но не «хорошо чтение» и не «хорошо четкий»), и самое понятие наречия определяется именно связью с глаголом в широком смысле слова, т. е. в том смысле, в каком употребляют его школьные учебники. Далее, эти же группы и столь же свободно присоединяют к себе инфинитивы, если их присоединяет соответствующий глагол: спешу писать, спешащий писать, спеша писать, спешить писать, но «спешка писать» звучит уже странно, а «поспешность писать» и «спешный писать» и вовсе невозможны. Все это сплачивает все 4 категории в одну тесную группу, для которой к сожалению в русской грамматике нет термина. Можно было бы, конечно, назвать ее по-школьному «глаголом», но тогда пришлось бы то, что мы выше назвали глаголом, называть «собственно-глаголом», что было бы довольно громоздко. Можно было бы назвать эту группу «глагольным словом», но есть опасность, что в нее прокрадутся тогда и такие «глагольные» слова, как «облезлый», «четкий», «спешный», «спешка», «писание», «битва» и т. д. Ввиду такого терминологического неурожая мы позволим себе в дальнейшем употреблять термин «глагол» в двух значениях, широком и узком, причем везде, где это может повести к недоразумению, будем в скобках отмечать, в каком именно смысле берется этот термин.

Переходим к другому крупному разделу главы, к тому, что мы назвали в заглавии заменой частей речи. Здесь на первом плане надо поставить употребление прилагательных в смысле существительных, или так-наз. субстантивирование (от substantivum = существительное) прилагательных.

Мы видели уже при анализе категории существительного, что существует целый ряд существительных с окончаниями прилагательных («портной», «зодчий», «вожатый», «запятая», «вселенная», «насекомое», «жаркóе» и т. д.). Далее мы видели, что существуют слова-хамелеоны с окончаниями прилагательных, которые бывают то существительными, то прилагательными, в зависимости от того слова, с которым они вступают в словосочетание: с прилагательными они существительные, а с существительными — прилагательные (стр. 72). Теперь наступило для нас время, с одной стороны, исторически осветить это явление, с другой — обобщить его.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что мы вообще можем каждое прилагательное употреблять в смысле существи-

тельного. Если мы, например, говорим: «азбука для слепых», «школа для глухонемых», то мы можем опускать слово «людей», потому что для слепых животных не нужно азбуки, а глухонемых животных и совсем не бывает. Вместо: «Иван Грозный учредил опричнину» можно сказать: «Грозный учредил опричнину», потому что в русской истории был только о д и н Грозный. Точно так же в любом разговоре, случайно, к а ж д о е прилагательное может заменять существительное. На улице мимоходом всегда можно слышать такие фразы: «да ты, смотри, хорошего отвесь, крупного!», «свеженького не угодно ли?», «а большой здесь?», «нет, вот маленьких собрал, а большого не нашел!» и т. д. Во всех этих случаях существительное о п у щ е н о, потому что оно было хорошо известно разговаривающим, и прохожий, даже и не зная, о чем идет речь, поймет все-таки, что говорят о предметах, а не о признаках только. Значит, здесь для него прилагательные заменят с у щ е с т в и т е л ь н ы е. В других случаях мы употребляем прилагательные в смысле существительных нарочно, чтобы не думать о каком-нибудь отдельном предмете, а только о всех предметах, имеющих данный признак. Например, в сказке о лисе и волке, в словах лисы: «битый небитого везет» существительное не названо, чтобы можно было думать не только о лисе и волке, но и о людях и о всяком живом существе. Точно так же существительное намеренно не называется в загадках, например: «криво-лукаво, куда побежало? — стрижено-брито, тебе дела нету» (река и обкошенный берег). То же самое и в пословицах: «богатому житье, а бедному вытье», «глупый осудит, а умный рассудит» и т. д. Вообще в прилагательных признак ведь изображен не сам по себе, а как заложенный в п р е д м е т е, и потому в нем заключено и с м у т н о е у к а з а н и е н а с а м ы й п р е д м е т, в котором заложен данный признак. Можно сказать, что в прилагательном есть н а м е к н а п р е д м е т, и если предмет настолько известен, что одного намека достаточно, или, если, напротив, он неизвестен, но говорящий и не хочет сделать его известным, а хочет только намекнуть на него, существительное опускается. В древнем прилагательном намек этот был еще сильнее, так как оно ближе стояло к существительному *). Таким образом искони всякое прилагательное

*) В древних индо-европейских языках прилагательные вообще только синтаксически отличаются от существительных, морфологически же (за исключением словообразования) п о ч т и с о в п а д а ю т с ними. При

могло употребляться и в смысле прилагательного и в смысле существительного. Огромное большинство прилагательных так и осталось с такой двойной службой (все нынешние прилагательные). Но некоторые прилагательные стали употребляться *преимущественно* в смысле существительных, а в смысле прилагательных были забыты. Так и образовались такие существительные, как нищий, прохожий, портной и т. д. При этом, так как переход прилагательных в существительные — явление сравнительно позднее, отчасти даже и сейчас происходящее, то многие слова сейчас стоят еще *на пути* от прилагательных к существительным, причем одни сделали уже большую часть пути, другие еще только вышли в путь, а некоторые стоят как раз на *полдороге*. Такие слова, напр., как «рабочий», «мастеровой», «больной», «приезжий», «ссыльный», «страстная», «столовая», «мороженое», прошли уже бо̀льшую часть пути, и очень редко говорят: «рабочий человек», «ссыльный поселенец», «страстная неделя», «столовая комната», «мороженое блюдо» (они уже даже сами нередко успели, сделавшись существительными, претерпеть опущение, срвн. «фабричный», вм. «фабричный рабочий», «холерный» вм. «холерный больной»). Наоборот, такие слова, как «заказное» в смысле «заказное письмо», «гербовая» в смысле «гербовая бумага» только еще начали переходить в существитель-

---

этом чем древнее язык, тем совпадение больше. В нашем языке теперь осталось уже совсем мало таких прилагательных, которые бы склонялись, хотя в некоторых падежах, как существительные (отцов, братнин, сестрин и т. д.), да и те мало-по-малу теряют такое склонение, и нередко приходится уже слышать: «братнин**ого** подарка» вместо «братнин**а** подарка», «братнин**ому**», вместо «братнин**у**». В древнерусском же языке *каждое* прилагательное могло склоняться по двум склонениям: либо так, как у нас сейчас (доб**рый**, добр**ого**, добр**ому** и т. д.), либо как существительные (добр, добр**а**, добр**у** и т. д.). Такое склонение живет до сих пор в народных говорах, в народных песнях («добр**а** молодца», «добр**у** молодцу», «на чуж**у** дальн**ю** сторонушку», «во чист**о** поле», «на син**е** море», «в ретив**о** сердце»), в немногих выражениях поговорочного характера («от мал**а** до велик**а**», «по добр**у**, по здоров**у**», «не по хорош**у** мил, а по мил**у** хорош», «средь бел**а** дня») да употреблялись еще сравнительно недавно в стихах, больше, впрочем, под влиянием церковно-славянского языка, чем народного русского (срвн. у Пушкина: «мы все сойдем под мрачн**ы** своды», «забыв надежды величав**ы**», «тебя я сонн**у** застаю», «с Жуковским пой кровав**у** брань и грозн**у** смерть на ратном поле...» и т. д.). В латинском, греческом и других древних языках совсем нет особого склонения для прилагательных,—все они склоняются как существительные.

ные. Наконец, такие слова, как «холерный», «тифозный» и т. д., стоят, кажется, на полдороге, и одинаково часто приходится слышать и «холерный» и «холерный больной».

В школьных грамматиках обыкновенно говорится, что при таких словах, как «холерный», «околоточный», «становой» и т. д., «подразумевается» то или иное существительное, но это не совсем верно. Каждый может на себе проверить, что когда он говорит, напр.: «я сегодня видел на улице холерного», он не держит совсем в уме ни слова «больной», ни слова «человек», а представляет себе только самого больного, им виденного. Точно так же, говоря об околоточном в дореволюционное время, никто не подразумевал слова «надзиратель», и многие даже не знали, что он так называется. Если отсутствие существительного случайно, и не утвердилось еще в языке (напр., в вышеприведенных подслушанных на улице фразах), то это отсутствие чувствуется, т. е. мы сознаем, что мы что-то опустили, хотя большей частью и не держим в уме опущенного слова. Если же отсутствие существительного общепринято, то мы этого отсутствия даже не замечаем, хотя бы здесь и было когда-то в языке существительное. Напр., в слове «портной», несомненно, опущены слова «швец» и «мастер», в слове «всенощная» опущено «служба», в слове «горничная» опущены «девка», «девушка», и тем не менее мы никакого опущения в этих словах не замечаем, потому что опускаем-то уже не мы: существительное опущено предшествовавшими поколениями. В других случаях мы потому не чувствуем опущения, что его никогда и не происходило. Несомненно, что при таких словах, как родной, больной, хромой, слепой, глухой и т. д., слова «человек» никогда и не было. Оно и сейчас при них кажется излишним, в древности же, когда прилагательное было гораздо предметнее и менее нуждалось в существительном, оно было совершенно не нужно. То же самое и в таких поговорках, как «богатому житье, а бедному вытье», «с сильным не борись, с богатым не судись», «стар да мал дважды глуп», «пьян да умен — два угодья в нем», «лежачего не бьют» и т. д. Про все такие случаи можно сказать, что тут, наоборот, в новое время стали нередко уже прибавлять слово «человек» (напр., «с умным человеком и поговорить приятно»), и это только потому, что наши прилагательные стали менее предметны, чем древние. Еще менее возможно, конечно, говорить об опущении существи-

тельного в таких словах, как мясное, рыбное, заливное, яровое, озимое, былое, прошлое и т. д., и в таких сочетаниях, как «старое старится, а молодое растет», «соединять приятное с полезным», «он знает это лучше моего», «я не могу опомниться после вчерашнего» и т. д. Во всех этих случаях мы не можем себе даже представить, какое слово тут могло бы быть опущено.

Так как причастие есть прежде всего прилагательное, то оно разделяет все свойства прилагательных, в том числе и способность переходить в существительные. Этим объясняются такие существительные, как: управляющий, заведующий, главнокомандующий, ученый, раненый, суженый, понятой, настоящее, прошедшее, минувшее, будущее, приданое, мороженое, жареное и т. д., и такие сочетания, как «умирающий застонал», «утопающий за соломинку хватается», «падающего поддержи», «он любит восставать против всего общепринятого, установленного», «горе побежденным!» и т. д.

Вот еще несколько литературных примеров на субстантивированные прилагательные и причастия:

> ... тревоги стона, звук мечей,
> и в роковом огне сражений
> паденье ратных и вождей. (Пушк.)

Здешний булочник забегал с объявлением, что сегодня частный именинник... (Пушк.)

При мне один умирающий все жаловался на то, что не хотят дать ему погрызть каленых орешков... (Пушк.)

> От ликующих, праздно болтающих,
> обагряющих руки в крови
> уведи меня в стан погибающих
> за великое дело любви! (Некр.)

Но все-таки он и его окружающие соблюдали свои давнишние привычки. (Л. Толст., из-за субстантивирования неясен падеж слова «его»: не то это винительный в смысле «люди, окружающие его», не то родительный в смысле «его близкие».)

Категория среднего рода получает в этом случае особый оттенок расширения понятия:

Старое старится, молодое растет. (Посл.)

Левин терпеть ее не мог за ее утонченное презрение ко всему грубому и житейскому. (Л. Толст.)

Просительница, штабс-капитанша Калинкина, просила о невозможном и бестолковом. (Л. Толст.)

Буланов. — Уж и тронуть нельзя. Свое, да не трогать!
Кто ж мне запретит?
Аксюша. — А если не ваше, если чужое, тогда что?
(Островск.)

Здесь средний род сознается не на-ряду с мужским и женским, как их отрицание, а как бы вне самой идеи пола: «старое», напр. (в первом примере), не обозначает: «ни старики, ни старухи», а обозначает **и** стариков, **и** старух, **и** всю природу, — все, что может вообще стариться, независимо от пола. Что касается родительного, дательного, творительного и предложного падежей субстантивированных прилагательных в этих случаях, то они интересны тем, что на них ясно видна вся мощь синтаксического начала языка при нехватке морфологических средств: все эти категории у прилагательных в мужском и среднем роде совпадают (только в именительном и сходном с ним винительном различаются «добрый» и «доброе»), и тем не менее в сочетании, положим, «просила о невозможном и бестолковом» мы ясно сознаем, что именительным к этим формам будут: «невозможн**ое**» и «бестолков**ое**», а не «невозможн**ый**» и «бестолков**ый**», так что все 6 падежей в их принадлежности среднему роду поддерживаются только одной формой (на **-ое, -ее**).

Приведенные примеры показывают нам, что существительные и субстантивированные прилагательные синтаксически во многом тождественны: и те и другие служат подлежащими в одних случаях и управляемыми словами в других, и те и другие присоединяют к себе прилагательные в порядке согласования (напр.: «один умирающий» в примере из Тургенева), и те и другие употребляются на равных правах в качестве однородных членов («ратных **и** вождей» у Пушкина, срвн. несубстантивированно: «ратных вождей»). Однако некоторые черты природы прилагательных и причастий все же дают себя и тут знать. Так, прилагательное и причастие все же продолжают определяться и наречием («праздно болтающих» у Некрасова; сочетание «просила о невозможном и бестолковом» могло бы звучать «о совершенно невозможном», тогда как при существительном необходимо было бы прилагательное «о совершенн**ой** невозможности»); причастие сохраняет свое управление («его окружающие» у Л. Толстого). Примеров типа: «знакомый-техник», «больной-паралитик», «нищий-калека», «пожарный-сосед» и т. д., т. е. таких, где бы прилагательное

из-за субстантивирования не подчинялось следующему за ним существительному, а было бы так наз. «приложением» (или тем, к чему второе слово «приложено»), нам не попалось, и это, конечно, не случайно. Язык должен их избегать, так как он привык подчинять прилагательное существительному в порядке согласования, и «знакомый-техник» нельзя было бы отличить от сочетания с обычным прилагательным: «знакомый техник». Только при обратном порядке нам известны субстантивированные прилагательные в роли сочиненных слов: «кум пожарный», «господин частный» (в смысле «частный пристав»), «отец благочинный», «товарищ-военный», «товарищ-заведующий», но никогда в этом смысле «пожарный кум», «частный господин», «благочинный отец», «военный товарищ», «заведующий товарищ». И это понятно, так как постановка прилагательного на втором месте, обычном для существительного, помогает понимать его субстантивированно, а постановка на первом месте, обычном для прилагательного, напротив, мешает такому пониманию. Все это показывает, что субстантивирование прилагательного даже и синтаксически не равняется полному превращению его в существительное, не говоря уже об известных словообразовательных оттенках (см. ниже).

Полезно еще сравнить субстантивирование прилагательного с обычными опущениями, столь распространенными в языке («Вы чай, или кофе?», «Я чай, а она кофе», «Мне крепкого, пожалуйста!», «Я сейчас!», «Он это сдуру», «Ты правей!», «Я тебя!», «Ты его в зубы!» и т. д.). Подобные опущения того, что дано в мысли обстановкой речи или общностью предыдущего опыта говорящих, составляют норму для языка и объясняются общим законом всякой нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил. Мы видели, что по происхождению своему и субстантивирование нередко является частным случаем такого опущения, именно опущением существительного («портной» из «портной швец», «закладная» из «закладная крепость» и т. д.). Может возникнуть вопрос, почему этот случай опущения мы выделяем в особую рубрику. Нужно признать, что в первый момент процесса субстантивирования, когда опущение существительного индивидуально, случайно, и когда говорящие держат в уме опущенное существительное, разницы между таким опу-

щением и всяким другим еще нет; но тогда оно и не является еще субстантивированием. В разговоре, напр., покупателя с приказчиком: «Покажите мне, пожалуйста, перчатки!» — «Вам к а к и е?» — «Ш е р с т я н ы е, в я з а н ы е». — «Д в о й н ы е?» — «Нет, о д и н а р н ы е. Только н е д о р о г и е, пожалуйста!» опущение существительного ничем не отличается от опущения глагола в таких сочетаниях, как: «А я его по уху!», или опущения существительного в таких сочетаниях, как «Идет. Ему коня подводят...» (Пушкин, «Полтава».) Как слова «по уху» в первом из этих примеров ни в коей мере не делаются глаголом от того, что выпущен глагол «ударил», как слово «идет» в примере из Пушкина ни в коей мере не делается существительным оттого, что выпущено существительное «Петр», так и слова «какие», «шерстяные» и т. д. в вышеприведенном примере еще нисколько не делаются существительными оттого, что опускается слово «перчатки». Но в том-то и особенность опущения существительных при прилагательных, что по мере того как опущение в каждом отдельном случае делается обычным, общепринятым для того или иного языкового круга, прилагательное в этом кругу начинает з а м е н я т ь существительное, т. е. существительное уже не мыслится здесь ни словарно, ни г р а м м а т и ч е с к и. При других опущениях этого не происходит. Сочетание, напр., «Я вас!» или «Я тебя!» (с интонацией угрозы) можно считать настолько же застывшим, общепринятым в русском языке, как любое сочетание с субстантивированным прилагательным. Однако слово «я» нимало не заменяет в нем глагола. Точно так же в поговорке «Метил в ворону, а попал в корову» слова «метил» и «попал» ни в какой мере не заменяют существительных. Напротив, в обоих случаях происходит г р а м м а т и ч е с к о е п о д р а з у м е в а н и е, т. е. в «Я вас!» примысливается к а к о й - т о глагол (хотя бы и весьма неопределенный со словарной стороны), а в «метил в ворону» и т. д. какое-то существительное (с той же оговоркой). Вот этого-то грамматического подразумевания, свойственного всякому опущению, и нет в установившихся случаях опущения существительных при прилагательных. Прилагательное здесь словарно как бы в б и р а е т в себя исчезнувшее существительное и начинает обозначать уже не только то, что оно обозначало раньше, когда было прилагательным, а еще и то, что обозначало это существительное. Так, если бы вышеприведенное опущение в разговоре покупателя с приказ-

чиком сделалось общепринятым, то слово «шерстяные» стало бы обозначать «шерстяные перчатки», так что для обозначения всякого другого шерстяного предмета необходимо было бы существительное («шерстяные чулки», «шерстяной галстук» и т. д.), а для перчаток оно бы стало ненужным; и не потому, что слово «перчатки» мыслилось бы при нем, а потому, что это значение з а к л ю ч е н о б ы л о б ы у ж е в с а м о м с л о в е «ш е р с т я н ы е». Что это действительно так, можно видеть на любом случае субстантивирования, происшедшем из опущения. Так, слово «столовая» обозначает как п р и л а г а т е л ь н о е только отношение к столу, и при нем могут быть (и при случае опускаться) самые различные существительные: столовая мебель столовая посуда, столовая скатерть, столовая комиссия и т. д. Но когда говорят просто «столовая» и не мыслят при этом н и к а к о г о с у щ е с т в и т е л ь н о г о, то это слово обозначает с а м о п о с е б е, б е з существительного, столовую комнату или кухмистерскую. Стало быть при субстантивировании прилагательного значение последнего суживается, и этим сужением и объясняется ненадобность для грамматической мысли существительного. Это сужение по сравнению со значением несубстантивированного прилагательного имеется и в тех случаях субстантивирования, когда нельзя исторически доказать опущения существительного. Слепыми могут быть и люди и животные, но «убежище для слепых» обозначает т о л ь к о людей, и это значение заключено здесь в самом слове «слепой» без подразумевания слова «люди». Когда же «слепой» обозначает н е ч е л о в е к а, становится обязательным прибавление существительного: «убежище для слепых животных». В этом и заключается отличие субстантивирования от простого опущения существительного.

Примечание. Подобное сужение значения встречается и при некоторых других стабилизованных опущениях. Так, опущение приименного р о д и т е л ь н о г о п а д е ж а с у щ е с т в и т е л ь н о г о вызывает иногда сужение значения управляющего существительного: срвн. «пара» из «пара платья» в смысле именно пиджака или сюртука и брюк без подразумевания слова «платья», «тройка» в смысле упряжи без подразумевания слова «лошадей» и др., опущение управляемого глаголом существительного вызывает сужение значения глагола: «пить» в смысле пьянствовать, «искать в голове» в смысле искать паразитов и т. д.

На-ряду с заменой существительного прилагательным можно до некоторой степени признавать и обратную замену прилагатель-

ного существительным. Мы имеем в виду, с одной стороны, то, что в школе называется «приложением» («гражданин Иванов», «товарищ-комендант», «сосед-немец»), с другой — так называемый «второй именительный» существительного при глаголе-связке («он был комиссар», «ты будешь учитель»). В обоих этих случаях два или более существительных обозначают **один и тот же реальный предмет.** А так как словарные значения этих существительных редко бывают при этом **одинаково предметны,** то обыкновенно представление об этом реальном предмете сцепляется с тем существительным, которое более **предметно,** другое же существительное (или другие) мыслится как предмет, **квалифицирующий** собой другой предмет, т. е. аналогично с тем, как мыслится прилагательное при существительном. Обычно видовое мыслится как квалификация индивидуального (напр., в «гражданин Иванов» реальный предмет мыслится в слове «Иванов», а квалификация — в слове «гражданин»), родовое — как квалификация видового (напр., в «товарищ-комендант» реальный предмет — «комендант», а квалификация — «товарищ»). В тех же случаях, когда оба понятия взаимно скрещиваются («брат-учитель», «студент-немец», «сосед-танцор», «татарин-извозчик») дифференциация обусловливается двумя факторами: 1) предметностью или непредметностью **корня** того и другого существительного: в «брат-учитель», напр., второе существительное больше годится для квалификационной роли, чем первое, потому что обозначает в корне признак, и все сочетание гораздо ближе к «учительствующий брат», чем, так сказать, к «братствующий учитель»; 2) реальными условиями фразы, т. е., прежде всего, значениями других слов словосочетания: в словосочетании, напр., «брат-учитель показал мне **свою школу»** слово «учитель» может **вопреки предыдущему** выделиться в сознании как основное, а «брат» — сделаться его квалификацией; в словосоч. «татарин-извозчик провел меня в мечеть» основным образом будет татарин, а в словосоч. «татарин-извозчик привез меня на пристань» — извозчик. В отдельных случаях, конечно, могут быть колебания, и очень часто, не зная индивидуальных условий фразы, трудно решить, как мыслилось данное словосочетание. Но нам здесь важно не то, **какое** именно из существительных в том или ином случае сознается так, а какое иначе, а то, что **никогда** или, во всяком случае, **почти** никогда оба существительных не созна-

ются одинаково, что всегда или почти всегда между ними есть то распределение ролей, о котором мы здесь говорили. И хотя это распределение зависит исключительно от лексики, грамматически же оба существительных совершенно равноправны и являют собой сочинительный, а не подчинительный тип связи (см. стр. 60 и сл.), однако, поскольку тут все же словарная сторона создает соотношение, параллельное соотношению между существительным и прилагательным, это явление должно быть учтено и в синтаксисе, тем более, что дифференцированное восприятие таких двух существительных сказывается в некоторых случаях на формах согласования того прилагательного или того глагола, который к ним обоим относится (см. гл. XIII, тип. словосоч. 8-й).

Говоря о «замене» одной части речи другой, не следует забывать, что «замена» вообще никогда не равняется полному превращению одной части речи в другую. Адэкватности здесь не может быть. Особенно ясно это на только что рассмотренных явлениях. Существительное, употребляясь в смысле предмета, квалифицирующего другой предмет, все-таки остается, конечно, существительным. Возьмем, напр., фразу из Аксакова: «Хорош и клен с своими лапами-листами» и переделаем ее в такую: «хорош и клен с своими лапчатыми листами». В первой фразе «лапы», действительно, представляются нам не сами по себе, не отдельно, а как признак листов. Но это тем не менее все-таки «лапы», т. е. предмет со всеми его признаками: очертаниями, выпуклостью, шерстью, когтями и т. д. Все это мелькает у нас в уме, когда мы говорим «лапы-листы». Правда, один из этих признаков, именно очертания, вырезанность по краям, чувствуется гораздо сильнее всех других, почему мы и сравниваем листы с лапами. Но он все-таки не может совершенно вытеснить все другие. Напротив, когда мы говорим «лапчатые листы», этот один признак только и остается. В «лапчатые» нет уже ни телесности, ни шерсти, ни когтей, а только фигура, очертания. Значит в существительном и здесь, как всегда, изображается предмет, т. е. сумма признаков, а в прилагательном — один признак. Точно так же и наоборот, если мы употребляем прилагательное в смысле существительного, и если при этом то же прилагательное сохраняется еще в языке и в качестве прилагательного, то у нас не получается настоящего существительного, настоящего предмета. При слове «силач», напр., нам рисуется живой человек

со всеми признаками силача (с большими мускулами, с широкой грудью и т. д.), а при слове «сильный», употребленном в смысле существительного («с сильным не борись...»), какой-то неживой, отвлеченный человек, у которого вместо всех признаков человеческих только один: сила. Точно так же «богач», «бедняк», «подлец», «глупец» — это все живые люди со множеством признаков, а «богатый» «бедный», «подлый», «глупый» — это все какие-то отвлеченные люди с одним признаком, как бы заслоняющим от нас все другие. Только в том случае, если прилагательное совершенно исчезло из языка как прилагательное (что̀ произошло, напр., со словами «портной», «зодчий», «запятая», «насекомое» и др.), можно говорить о полном уподоблении его существительному. Но в этом случае не будет и «замены», а будет только «существительное с окончаниями прилагательного».

Переходные факты в области частей речи являются следствием того, что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и в связанных с ними ассоциативно словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую. Процесс этот вечен в языке, и в тех случаях, когда процесс для данного слова закончен, когда оно уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой «переходности» не видим. Но когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести. Отчасти к переходным случаям можно отнести и те случаи субстантивирования прилагательных, о которых мы говорили, что субстантивирование остановилось в них «на полдороге» (см. выше стр. 158). Но наиболее резко выражена и чаще всего встречается переходность в области наречий. Дело в том, что все наши наречия, кроме весьма немногих так называемых «первообразных» (как «здесь», «там», «тут», «тогда», «всегда» и некоторые др.) произошли сравнительно недавно, уже в славянскую эпоху, из прилагательных и существительных. Процесс перехода заключался здесь в так называемой «изоляции» какого-нибудь одного падежа существительного или прилагательного из общей системы склонения. «Изоляция» эта протекала, понятно, крайне медленно. Она вызывалась либо тем, что остальные падежи понемногу переставали употребляться, отмирали, либо тем, что они начинали употребляться

не в том значении всего слова, в котором употреблялся данный падеж, либо тем, что сам данный падеж начинал употребляться не в своем падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежи, либо тем, что он получал какое-нибудь *звуковое* отличие от остальных падежей *сверх* тех отличий, которые полагались ему как отдельному падежу, либо тем, что все остальные падежи получали это отличие, либо тем, что *предлог сливался с падежом* в одно целое понятие и тем вырывал его из системы, либо, наконец, *соединением* (и это чаще всего) всех или некоторых из этих факторов. Изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к *глаголу*, начинал обозначать признак признака и делался *наречием*. Все наши наречия (кроме первообразных) и по сию пору хранят на себе довольно ясные следы своего происхождения, так что без особого научно-исследовательского аппарата можно определить это происхождение. Так, все наречия на **-о** (типа «хорошо») явно сходны со *средним родом прилагательного*. Это, повидимому, бывший *винительный* падеж единственного числа среднего рода краткого *субстантивированного* прилагательного. Несколько сохранившихся случайно слов этого рода, как: «добро», «зло», «благо», «лихо», могут дать нам представление обо всей вымершей категории. Как «добро» обозначает *нечто* доброе, так «хорошо» обозначало *нечто* хорошее, «худо» — нечто худое, «красиво» — нечто красивое и т. д. (срвн. остатки таких слов в поговорках: «по добру, по *здорову*», «не по *хорошу* мил, а по милу хорош», «нет *худа* без добра» и т. д.). Таким образом «делает худо» обозначало первоначально «делает *худое*». Но так как все остальные падежи у этих слов пропали, то и этот винительный падеж перестал сознаваться как падеж. Так и возникло теперешнее понимание этих слов, т. е. определенный разряд наречий. Наречия на **-ски** и **-цки** произошли, повидимому, из *творительного* падежа множественного числа соответствующих прилагательных (бывшее «чьловѣчьскы», «звѣрьскы»). Деепричастия произошли из причастий, как разновидность наречий — из разновидности прилагательных (напр., тип «взяв», «погуляв» и т. д. есть бывший *именительный* падеж единственн. числа мужского рода причастий прошедшего времени, «взявши», «погулявши» — частью

бывший именительный падеж женского рода того же причастия, частью некоторые другие падежи других родов и чисел; тип «лежа», «беря» есть бывший именительный падеж мужского рода причастий настоящего времени и т. д.). Наречия типов «торжествующе», «взволнованно» образовались из соответствующих причастий уже в совсем недавнее время по образцу группы на -о. Все остальные наречия так ясно обнаруживают свое происхождение из прилагательных и существительных, что мы при чисто-статическом описании их уже принуждены были указывать на тот падеж, с которым однозвучна данная группа, или на тот падеж и тот предлог, из которых составлена она, или из которых была в свое время составлена (см. стр. 114). Нам остается, следовательно, только отослать читателя к этому месту книги. Но здесь нам важно не происхождение той или иной группы наречий, а констатирование того огромной важности факта, что этот процесс образования наречий из существительных и прилагательных продолжается и по сию пору. Следовательно здесь мы должны ожидать особенно большого урожая переходных фактов, т. е. таких наречий, которые либо очень мало отличаются от соответствующих падежей существительных и прилагательных с предлогами и без них, либо совсем не отличаются от них, причем в последнем случае и наступает для описывающего язык то недоумение, о котором говорилось выше. Так, прежде всего, часто слово, у которого какой-нибудь падеж сделался наречием, не успело еще исчезнуть из языка, и тогда этот изолированный как наречие падеж отличается от настоящего падежа или ударением (напр.: «бегóм» и «бéгом», «верхóм» и «вéрхом», «впервы́е» и «в пéрвые», «сегóдня» и «сегó дня́»), или по значению, вытекающему из связи («рано утром я вышел из дому» и «я доволен своим утром», «я капельку соснул» и «он капельку пролил», «ты тянешь за два кольца, а я заодно» и «он с ним заодно», «указывать навек Людовика XIV» и «утратить навек», «сдунуть пух с плеча» и «ударить сплеча», «попасть в заключение» и «сказать в заключение...», «верить в волю народную» и «натешиться вволю», «всматриваться в лет птиц» и «бить птицу влет» и т. д. *. Далее, при образовании наречия от существительного

* Орфография редко дает в этих случаях правильные указания, потому что очень отстает от языка. Мы во многих случаях писали до реформы

часто начавшаяся изоляция сказывается в том, что не всякое прилагательное возможно при данном существительном. Можно, напр., сказать: «ранним утром я отправился гулять»; но тяжело звучит «каждым утром я отправлялся гулять»; можно сказать «прекрасной лунной ночью», «вчерашней ночью», но неловко: «одной ночью» (в смысле: «однажды ночью»); можно сказать: «жарким летним днем хорошо спится», но нельзя: «это случилось самым длинным днем года» и т. д. В этом отношении каждое такое зарождающееся наречие чрезвычайно капризно, и тонкости синтаксиса переходят здесь в тонкости стиля. В наречиях, составленных из предлога с падежом, такую же роль играет возможность той или иной вставки между предлогом и падежом: можно сказать «на этих днях», но нельзя сказать «на наступающих вскоре днях», «на следующих днях»; можно сказать «под самый конец», но нельзя сказать в том же смысле «под печальный конец»; неловко звучит у Достоевскаго «в таких попыхах»; и т. д. Поэтому в отдельных случаях не всегда легко решить, имеем ли мы перед собой существительное, или наречие. Сравнивая, напр., два ряда сочетаний:

он говорил шопотом,	он говорил еле слышным шопотом,
лошадь бежала рысью,	лошадь бежала мелкой рысью,
я приехал утром,	я приехал ранним утром,
летом я буду отдыхать,	этим летом я буду отдыхать,

мы можем сказать, что в правых примерах мы имеем несомненные существительные, так как здесь сознание творительного падежа поддерживается прилагательными, стоящими тоже в творительном падеже, про левые же примеры

правописания раздельно несомненные наречия и даже такие, которые только как наречия и могут употребляться: по делом, как раз, точь в точь, с виду, на вид, под стать, на чеку, не прочь, до тла, в сердцах, то и дело, в духе, про себя (читать про себя), мало-по-малу, под ряд, в разбивку, во-первых, во-вторых, вó-время, вряд ли, едва ли. Реформированное правописание наше допускает в каждом таком случае двоякое начертание, слитное и раздельное, так что по современному письменному употреблению уже совершенно невозможно квалифицировать эти факты.

трудно решить, сознаются здесь творительные падежи или нет: здесь мы имеем еле зарождающиеся наречия. Степень этого приближения к наречию в каждом слове — своя, индивидуальная. Тут многое зависит от того, насколько употребительны другие падежи того же слова в том же значении. В слове «шагом», напр., творительный падеж, вероятно, сильнее сознается, чем в слове «рысью», потому что «шаг», «шага», «шагу», «шаги», «шагов», «шагам» и т. д. чаще употребляются, чем «рысь», «рыси», «рысей», «рысям» и т. д. Кроме того многое зависит и от того, кто, когда и где произнес эту фразу, и как он ее подумал. Спортсмен, напр., или человек, только что бывший на бегах, будет сознавать в слове «рысью» существительное, потому что будет думать о «рысях»; лингвист будет сознавать в слове «шопотом» существительное, потому что будет представлять себе шопот, как намеренно производимое трение выдыхаемого воздуха о края голосовой щели; другие же тут, наверное, будут сознавать наречия. Сюда же относятся и такие творительные, как: «вихрем ворваться», «столбом стоять», «волком смотреть» (так наз. творительный уподобления). В стихах, напр.:

> ... Поем и свищем и стрелой
> Летим над снежной глубиной. (Пушк.)

для того, кто воспринимает это сравнение и представляет себе хоть на миг стрелу, слово «стрелой» будет существительным; для того же, кто уловил из этой фразы только то, что они ехали быстро, это — наречие. Таким образом здесь мы вступаем уже в область индивидуального синтаксиса.

Не менее трудные для различения случаи переходных значений в области частей речи образуются в нашем языке вследствие процесса перехода причастий в обыкновенные глагольные прилагательные, а отчасти и деепричастий в обыкновенные глагольные наречия (хотя второй процесс гораздо реже и слабее первого). Мы видели уже, что причастия отличаются от прочих глагольных прилагательных последовательным изменением по видам, изменением по временам и залогам и, наконец, глагольным управлением. Если одно или несколько из этих отличий по тем или иным причинам атрофируются, причастие начинает переходить в глагольное прилагательное. Возьмем,

например, выражения: «блестящий оратор», «блестящее исполнение» и т. д. «Причастность» сознается здесь крайне бледно по следующим причинам: 1) только в исключительных случаях встречается это причастие в этом смысле в прошедшем времени (например, «исполнение этого виртуоза, *блестевшее* когда-то всеми лучами музыкального спектра, ныне потускнело»); таким образом изменение по *временам* здесь уже *почти* исчезло; 2) еще реже встречается здесь *совершенный вид* (что-нибудь вроде: «его *заблестевшая* к концу концерта техника», «его заблестевшее вдруг остроумие»); 3) изменения по *залогам* здесь и в самом глаголе нет; 4) потеря *управления* связана здесь с переносом значения, так как чем ближе в нашем представлении «блестящий» к «прекрасный», «великолепный» и т. д., тем меньше мы ощущаем потребность пояснить, *чем* именно «блестит» данный предмет. В результате «блестящий» и сделалось синонимом «великолепного», и сейчас это, может быть, на $^2/_3$ уже не причастие. Тем же процессом потери «причастности» захвачено сейчас (хотя в гораздо меньшей степени) и причастие «любимый», потому что редко говорят, *кем* любимый («это *его любимое* блюдо» гораздо чаще, чем «это любимое *им* блюдо»), и потому что других времен и других видов здесь нет (нельзя сказать ни «любленный», ни «полюбленный», ни «разлюбленный»), да и залоги выражены скупо (можно сказать «любящий», но почти нельзя сказать «любящий**ся**», «любивший**ся**»). В других случаях этот процесс дошел до конца или почти до конца. Так, уже *не причастиями* являются выделенные глагольные прилагательные в следующих сочетаниях: «*образованный* человек» (срвн. «союз, *образованный* металлистами в таком-то году»), «*преданный* друг» (срвн. «друг, коварно *преданный* своим другом»), «*вздернутый* нос» (срвн. «кирпич, *вздернутый* по блоку кверху»), «*измятые* черты лица» (срвн. «*измятая* постель»), «*избитая* истина» (срвн. «*избитый* мальчик»), «*крытый* навес» (не возникает мысли, кто и когда его «крыл»), «роскошно *одетый* человек» (не возникает мысли, *кем* одет), «*рытый* бархат», «*дутые* векселя», «*отпетый* негодяй», «усадьба, *расположенная* на горе», «человек, *предрасположенный* к чахотке» и т. д. Так возникают целые разряды глагольных прилагательных, происхождение которых в одних случаях еще довольно прозрачно,

но в других устанавливается лишь научным анализом. К случаям первого рода относятся такие прилагательные, как «печеный», «жареный», «вареный», «тушеный», «каленый», «соленый» (срвн. причастие «посоленный»), «золочёный» (срвн. причастие «вызолоченный»), «хвалёный» (срвн. причастие «расхваленный») и такие, как «литой», «налитой», «снятой», «понятой» (перешедшее в существительное), «развитой», «испитой», «проклятой» (срвн. «проклятущий» по образцу «большой — большущий») и т. д. К случаям второго рода относятся все глагольные прилагательные на **-ачий**, **-ячий**, **-учий**, **-ючий** (лежачий, стоячий, жгучий, линючий и т. д.) * и все глагольные прилагательные на **-лый** (усталый, прелый, мерзлый и т. д., см. стр. 129).

Процесс перехода деепричастий в глагольные и неглагольные наречия, как уже упомянуто, гораздо менее распространен в языке (вероятно потому, что сами деепричастия гораздо моложе. Обыкновенно он обусловливается потерей управления, т. е. тем, что данное деепричастие начинает часто употребляться в одиночку. Таковы, например, одиночные: шутя («чтоб не измучилось дитя, всему учил его шутя...», Пушкин), где связь с глаголом «шучу» уже почти не сознается, любя («бог женщине послал истерику любя», Достоевский), сидя, стоя, лежа (срвн. «вися», «торча», «держа» и т. д., отличающиеся и по ударению и по степени глагольности). И этот процесс может дойти до полной потери всего деепричастного значения, после чего деепричастие окончательно делается простым наречием. Таково, например, наречие «мóлча», потерявшее уже свое деепричастное управление (нельзя сказать: «мóлча про это» или «мóлча об этом») и вызвавшее даже образование нового деепричастия взамен прежнего, с новым ударением («молчà об этом»). Подобным же образом в настоящий момент образуется, по нашим наблюдениям, деепричастие «стоя́» («стоя́ на платформе советской власти...»), в связи с чем прежняя форма «стóя» отходит к наречиям. Таково же и наречие «зря», порвавшее совершенно по значению с глаголом «зрю».

---

* Русский народный язык (т. е. весь русский язык, кроме одного литературного наречия) не имеет совсем причастий: он все их перевел в прилагательные. Литературное же наречие заимствовало свои причастия из церковно-славянского языка. Этим и объясняются такие дублеты, как «стоячий — стоящий» (русскому **ч** соответствует во многих случаях церковно-славянское **щ**) и «хвалёный — хвáленный».

Здесь же надо упомянуть и о процессе перехода полных слов в служебные, создающем тоже большое число переходных случаев. Так, предлоги очень часто происходят из наречий. Предлог «кроме», например, в древне-русском языке мог быть и предлогом («лежать кроме ограды монастырской», «тяжко голове кроме плеч, худо телу кроме головы» из «Слова о полку Игореве») и наречием («яко упишася Деревляне, повела поити на ня, а сама отъиде кроме», т. е. в сторону), которое само произошло в свою очередь из местного падежа слова «крома» = край (срвн. современное уменьшительное «кромка»). Таким образом ход развития в этом слове такой: существительное →наречие →предлог. Точно так же предлоги «между» и «меж» произошли из наречий, которые сами произошли из существительного «межа» (по др. церк. слав. «межда»), предлог «среди» обнаруживает явное родство с наречиями «впереди», «спереди», «сзади», «позади» и с существительным «среда» и т. д. Отсюда понятно, что многие наши наречия употребляются то как наречия, то как предлоги («ядро лежит внутри» и «ядро лежит внутри ореха», «я приеду после» и «я приеду после обеда» и т. д.). Это — наречия, не успевшие еще сделаться предлогами. Их обыкновенно называют «предложными наречиями» (сравните «кроме» в древне-русском). Так как деепричастие есть разновидность наречия, то эта способность переходить в предлоги свойственна и ему. Сравните «благодаря» в значении «из-за», «вследствие»: «благодаря тебе», «благодаря этому случаю», даже «благодаря вывихнутой ноге», тогда как у Пушкина еще: «благодаря бога и барина» («Дубровский»), где обе формы — винительные падежи по аналогии с глаголом «благодарю» (в настоящее время говорят и «благодаря чего», и это опять-таки указывает на потерю деепричастного смысла в этом слове, так как из-за этой потери винительный падеж имен, обозначающих одушевленные предметы, был понят как родительный, и в таком понимании перенесен на имена неодушевленных предметов). В настоящее время мы назвали бы это слово «предложным деепричастием». Еще более «предложны» деепричастия «смотря» и «глядя» в сочетаниях, как «смотря по тому, сколько...», «смотря по вместимости», «глядя по состоянию», где получается, в сущности, сложный предлог (вроде «из-за» и «из-под»). Точно так же и союзы часто происходят из полных слов, и обыкновенно

из всевозможнейших грамматических разрядов (срвн. «хотя» из деепричастия «хотя» от глагола «хочу», «если» из «есть ли», «будто» из «будь то», «потому что» из «по+тому+что», «чтобы» из местоименного существительного «что»+частица «бы», союз «что» из того же местоименного существительного и т. д.). Поэтому посреди союзов и теперь есть слова, могущие быть то союзами, то знаменательными членами: «он е д в а успел усесться» и: «е д в а он успел усесться, карета тронулась», «он т о л ь к о ч т о вошел» и: «т о л ь к о ч т о он вошел, на него набросились» и т. д. Впрочем нужно заметить, что о происхождении важнейших и отвлеченнейших союзов, как «и», «но», «а», мы ничего не знаем, почему они и называются иногда «первообразными». Усилительные слова тоже происходят как из знаменательных членов («ведь» от «ведать», «то» от «тот—та—то», «это» от «этот—эта—это»), так и из д р у г и х с л у ж е б н ы х членов, именно из с о ю з о в («и», «да», «же», «даже» из «да+же»). Процесс образования усилительных слов тоже непрерывен в языке, и этим объясняются многие переходные явления. Так, усилительные слова, образовавшиеся из союзов, соединяют нередко в себе и усилительное и союзное значение («и т ы, Брут!», «он и в ч е р а здесь лежал, и с е г о д н я лежит», «я бы тебя спросил, д а в е д ь ты этого не з н а е ш ь»). Усилительные слова, образовавшиеся из наречий, сохраняют нередко следы самостоятельного значения и образуют что-то среднее между усилительной частицей и наречием. Таковы, напр., **уже** (срвн.: «там он стал у ж е у с т а в а т ь», «у ж е т а м он стал уставать», «у ж е о н стал там уставать, каково же было другим!») и **еще**, ясно сохранившие временно́е значение, **только** («т о л ь к о о н этого не делает», «он т о л ь к о э т о г о не делает», «он т о л ь к о н е д е л а е т этого, но одобряет»), сохраняющее прежнее количественное значение и т. д. В некоторых случаях усилительная функция едва начала развиваться, и слово является по преимуществу наречием («слишком», «едва», «очень», «донельзя» и т. д.).

На этом мы могли бы уже покончить с категориями частей речи, если бы не необходимо было присоединить сюда еще одно общее замечание. Когда подходят к частям речи с классификационной точки зрения, естественно стараются (и должны стараться) разместить в с е слова языка по тем или иным установленным данной классификацией рубрикам. Это обычно плохо удается, и исследователям приходится либо насильно втискивать некоторые

слова в непокрывающие их рубрики, либо придумывать новые, мелкие и не соотносительные с основными, рубрики. Наш подход, как видел читатель, совершенно иной. Мы не делим слова на разряды, а выделяем из языка группы слов и форм с одинаковым формальным значением. При таком методе нас не должно тревожить, если некоторые полные слова (речь идет в этих главах преимущественно о них, так как служебные слова удобнее рассматривать при обзоре форм словосочетаний, в «специальной части») не окажутся никакими частями речи. Ведь если все дело в значениях предмета, признака действенного, признака качественного и признака признака (а к этим именно четырем значениям мы свели понятие «частей речи»), то мы легко можем допустить, что в языке найдутся слова, не имеющие ни одного из этих четырех значений или имеющие бледный намек на несколько из этих значений. Все это будут невыкристаллизовавшиеся к данному моменту в отношении категорий частей речи слова языка, аморфные, так сказать, в этом отношении (не смешивать с бесформенными!), независимо от того, произошла ли эта аморфность вследствие потери того или иного значения, или вследствие того, что значение еще не приобретено. И такие слова в языке действительно есть. Выше при решении вопроса, существуют ли в языке бесформенные глаголы (стр. 108), мы уже видели, что такие слова, как «есть» и «нет» (в смысле «существует» и «не существует»), хотя и входят в очень близкую к глаголу категорию сказуемости (см. гл. X), но в самоё категорию глагольности не входят. Вот, таким образом, уже первые два примера «никакой» части речи. Таково же и слово «на» в смысле «бери», «возьми». Хотя оно имеет повелительный смысл («на книгу!»), но оно не обозначает признака, создаваемого деятельностью предмета, и потому не глагол (отметим по пути, что и школа не знала бы, куда его отнести). Сюда же, очевидно, попадут и упомянутые там же «надо», «можно», «нельзя», «жаль». Но сюда же можно отнести и ряд форменных слов, употребляющихся только в качестве присвязочных членов при безличном составном сказуемом: «стыдно», «больно», «жалко» (в смысле «жаль»), «нужно», «должно» и некоторые др. Обыкновенно эти слова считаются наречиями, но ведь нельзя сказать «он стыдно делает что-либо» (то же и для остальных примеров; «больно делает» можно сказать, но это значит «причиняет боль», и здесь «больно» отнюдь не характеризует действия, а обозначает лишь результат

его), и, следовательно, главного признака наречия, относимости к глаголу, здесь нет. Считать эти слова краткими прилагательными среднего рода тоже было бы натяжкой, так как не говорят или почти не говорят: «его поведение было д о л ж н о» и т. д. Для слова «нужно», правда, по внешности возможен такой оборот («здесь нужно было терпенье», «мне нужно масло»), но еще вопрос, какой падеж здесь у существительного, именительный или винительный (срвн. «мне нужно бутылку», «нужно в а с»). Слова эти до такой степени специализировались в роли присвязочных безличных сказуемых, что, употребляя их в других функциях, мы чувствуем какую-то неловкость и стремимся избегнуть ее либо употреблением других форм («он п о - д о л ж н о м у работает», «поведение его было д о л ж н о е»), либо переносом у д а р е н и я («ваше присутствие было н у ж н о́», в отличие от «вас было н у́ ж н о»), либо, наконец, постановкой синонима («ваше присутствие было необходимо»). Д о н е к о т о р о й с т е п е н и это можно сказать про все слова на -о, употребляющиеся в безличных предложениях при связке (весело, грустно, смешно, холодно, жарко, противно, гадко, приятно, светло, темно, тепло, удобно, легко, неудобно, неловко, тяжело, тошно и т. д.), так как в наречном употреблении они всегда в той или иной степени меняют значение (срвн. «мне холодно» и «он холодно отнесся ко мне», «ему неловко танцовать» и «он неловко танцует»), а в смысле среднего рода прилагательного мы, в сущности, избегаем их употреблять. От таких фраз, как «это животное противно», «это помещение холодно», «его поведение досадно» и т. д., веет сугубой книжностью. Мы предпочитаем у т о ч н и т ь нашу речь, обозначив прилагательное ему одному свойственной п о л н о й формой, хотя бы и с изменением структуры фразы («это животное противное», «это помещение холодное» и т. д.). Но для большей ясности мы выбрали выше такие слова, которые наиболее резко отличаются и от наречий и от прилагательных, при чем некоторые из них уже и в звуковом отношении порвали и с теми и с другими (нельзя, напр., сказать «дитя бо́льно», «это животное бо́льно»). Все это, стало быть, будут слова, не относящиеся ни к какой части речи. С другой стороны, есть в нашем языке и слова, относящиеся как бы сразу к д в у м частям речи, что возможно, конечно, только тогда, когда у слова нет р е з к и х признаков ни той, ни другой части речи. Мы имеем в виду с р а в н и т е л ь н ы е формы, образуемые от прилагательных:

умнее, смелее, белее, чернее, лучше, хуже, меньше, больше и т. д. В школьной грамматике их относят обычно и к прилагательным и к наречиям, трактуя их как разные слова: то «хуже», которое образовано от «худой», считается сравнительной степенью прилагательного, а то, которое образовано от «худо», считается сравнительной степенью наречия. Но так как никакой другой разницы между этими двумя «хуже» констатировать невозможно, и так как эта разница обусловливается исключительно ролью данной формы в словосочетаниях, то ясно, что дело идет об одном слове с двумя синтаксическими значениями. В научных трудах последнее время их принято считать наречиями, так как они, с одной стороны, могут употребляться при глаголе («он хуже работает», «он умнее ведет себя»), а, с другой стороны, под прилагательные они не подходят как слова несклоняемые. Но при этом приходится оговориться, что эти «наречия» очень часто употребляются при существительных как замена сравнительной степени прилагательных (которой у тех нет): «этот человек умнее тебя», «вы дали мне нитки хуже вчерашних». Но что же это за «наречия», которые так хорошо ладят с существительными? Ведь мы видели, что вся суть наречия именно в том, что оно несоединимо с существительным. Кроме того, что это за «замена», которая чуть ли не чаще, чем употребление в основном смысле? Ведь такие слова, напр., как «белее», «краснее», «чернее» и т. д. (все названия цветов), «крупнее», «мельче», «острее», тупее», «глаже», «рыхлее», «тверже», «мягче», «сырее», «суше» и т. д., в их буквальных значениях (обозначения формы и внутреннего состояния предметов) мы почти всегда применяем к предметам и почти никогда не применяем и не можем применять к действиям? Ясно, что здесь допускается огромная натяжка. Так как мы не определяли прилагательных как слов, склоняемых или изменяемых так-то и так-то, а определяли только как слова, имеющие формальное значение качественного признака, то мы смело могли бы отнести все эти слова к прилагательным, если бы по другому нашему определению (наречие = признак признака) они же не оказывались бы часто и наречиями. Следовательно, мы подходим на почве наших определений весьма близко к школьному пониманию этих слов, но с одной существенной оговоркой: это не две разных группы слов, как их трактует школа, а это одна группа слов.

с двояким синтаксическим употреблением. Но такая двоякость может быть только при неопределенности значения самих этих слов в синтаксическом отношении. В то время как формы «худо» и «худой» отчетливо мыслятся нами как выразители признака признака и признака предмета («худо» в значении краткого прилагательного — «платье — худо» — столь редко встречается в живом языке, что не отражается на понимании этой формы, взятой отдельно), в то время как даже бесформенное «вчера» резко противополагается в этом отношении форме «вчера**шний**», форма «хуже» не вызывает в нас ни того, ни другого представления порознь. Это значит, что ни прилагательное, ни наречие здесь еще не выкристаллизовались. Так как формы эти образовались совершенно так же, как формы наречий на **-о**, из определенного падежа склонявшихся раньше прилагательных сравнительной степени, утративших все остальные падежи, то мы можем, с генетической точки зрения, определить их как слова, отошедшие от прилагательных, но не примкнувшие к наречиям (из-за того, что они не связались исключительно с глаголами). Этим и объясняется их синтаксическая двусмысленность, их положение, так сказать, «между двух стульев». Стало быть про эти слова мы, в конце концов, должны сказать, что это ни прилагательные, ни наречия, а нечто более широкое и менее определенное. В дальнейшем мы их будем называть просто «сравнительными формами».

VIII. МЕСТОИМЕННОСТЬ.

Читатель уже давно заметил, конечно, что наши части речи не совпадают с традиционными частями речи школьных грамматик. По сравнению с ними у нас нехватает местоимения, имени числительного, предлога, союза и междометия. Относительно предлога и союза мы уже несколько раз намекали на то, что эти важные категории совершенно не соотносительны ни по значению (так как имеют исключительно синтаксическое значение), ни по звуковому выражению (так как состоят исключительно из бесформенных слов и обнаруживают свое значение лишь в соответствующих формах словосочетаний) с существительным, прилагательным, глаголом и наречием, так что объединять все эти категории под одним названием «частей речи» и рассматривать в одном отделе можно было бы только в угоду традиции. О предлоге и союзе, следовательно, у нас будет речь еще впереди. Также и междометие, не соотносительное, в свою очередь, ни с предлогом и союзом, ни с «частями речи», найдет себе место для описания в отделе о восклицательных предложениях (см. гл. XIX). Имя числительное, при всех своих важных особенностях не только в склонении, но и в синтаксическом употреблении (о чем опять-таки см. ниже в гл. XXIII), не составляет отдельной категории для нашей грамматической мысли, так как численные представления не отличаются принципиально от количественных представлений вообще, а эти последние, как и все представления наши, отливаются либо в форму предмета (единица, единичность, единство, множество, пара, тройка, тройственность, триединство, пятерка, пяток, дюжина, сотня и т. д.), либо в форму признака (единичный, единственнный одинарный, двойной, двойственный, двоякий, тройной, третичный и т. д.), либо в форму признака признака (дважды, вдвое, по-трое, вчетвером, на-четверо, вчетверо и т. д.). Если мы станем сравнивать «сто» и «сотню», «пять» и «пяток», «третий» и «тройной» (напоминаем читателю, что первые члены этих пар считались в школьной грамматике числительными, а вторые — обычными существительными и прилагательными), то мы найдем разницу только в степени отвлеченности, но не в способе представления. Вполне естественно,

что для счета в языках выработались наиболее отвлеченные представления, и что эта отвлеченность сказалась и на формальных значениях соответствующих слов (особенно счетных существительных, предметность которых, действительно, минимальна). Но ведь не всякие различия в формальных значениях образуют различия в частях речи. Ведь, напр., полные и краткие прилагательные («добрый» и «добр», «умный» и «умен») при всех своих важных различиях (между прочим также и в степени отвлеченности) остаются все же в одинаковой мере прилагательными. И как нет основания делать особую часть речи из кратких прилагательных, так же нет основания делать ее из наиболее отвлеченных (счетных) количественных слов, тем более, что при этом смешались бы в одну кучу три совершенно различных части речи: существительное, прилагательное и наречие (то, что наша школьная грамматика не считала счетных наречий «числительными», представляет непоследовательность вторичного порядка, так сказать «непоследовательность в непоследовательности»). Поэтому мы и предпочитаем вместо «числительных» говорить о счетных существительных, счетных прилагательных и счетных наречиях. Но остаются еще местоимения. Это тоже не часть речи, так как, совершенно аналогично с числительными, существуют местоименные существительные (я, ты, он, кто, что), местоименные прилагательные (мой, твой, какой, чей, иной, тот, этот и т. д.) и местоименные наречия (по-моему, по-твоему, как, так, иначе, где, здесь, там, тут и т. д.). Но эта группа имеет несравненно большее значение для нашей грамматической мысли, чем группа счетных слов, и понятием «местоимения» нам в дальнейшем придется непрерывно пользоваться. Поэтому здесь мы должны выяснить, что это за группа и как она относится к другим грамматическим группам.

Мы уже знаем, что существуют категории, которые мы назвали субъективно-объективными, и которые выражают различные отношения самого говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит. Таковы, как мы уже видели, категории времени, наклонения и лица в глаголе; таковы, как увидим ниже, категории вопроса, восклицания,

сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоимения представляют из себя такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит. В самом деле, что, напр., обозначает корень м-в словах: меня, мне, мной, мой, моя, мое, по-моему? Если отвлечься от того, что «меня», «мне» и «мною» — предметы, «мой» — признак, а «по-моему» признак признака, что создается не корнями, а формальными частями, то для корня останется только одно: указание на то, что мыслящий мыслит о самом себе, что он отождествляет предмет своей мысли с самим собой, считает, что то, о чем он думает, и он сам — одно. Больше ничего решительно эти слова не выражают. Точно так же корни слов: «ты», «тебя», «твой» «по-твоему» обозначают только, что мыслящий отождествляет предмет своей речи-мысли с адресатом ее, с предметом, к которому она обращена; корни слов: «он», «она», «его», «ему» и т. д. обозначают, что он не отождествляет предмета своей мысли ни с тем, ни с другим, т. е. мыслит его вне как себя, так и адресата; корни слов: «тот», «этот», «этакий», «такой», «так», «там», «тут» обозначают, что он отождествляет то, о чем он сейчас думает, с тем, о чем думал раньше или о чем предполагает думать впоследствии (причем различие между «тот» и «этот», «там» и «тут» есть опять-таки различие в самоориентации говорящего по отношению к сообщаемому, так как «этот» и «тут» обозначают ближайшее к говорящему, а «тот» и «там» — дальнейшее); корни слов: «себя», «себе», «свой», «свойственный», «по-своему» обозначают, что он отождествляет то, о чем он сейчас думает, с тем, что он раньше представлял себе, как «я», «ты» или «он»; корни слов: «иной», «другой», «особый», «особенный», «особенность», «иначе», «по-особому» обозначают, что он отделяет данный предмет мысли от предыдущих; корни слов: «кого», «кому», «чего», «чему», «какой», «который», «чей», «как», «когда» обозначают, что он не видит никакого отношения между данным предметом мысли и предыдущими, и ищет этого отношения; корни слов: «весь», «везде», «всюду», «всегда» и т. д. обозначают, что он объединяет в том, о чем он сейчас думает, то, о чем он по частям раньше думал или о чем собирается по частям после

думать и т. д. *. Обобщая все эти значения, мы и получаем значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит, т. е. значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них *совсем нет вещественного* значения, а что у них и основное значение — формальное и добавочное — формальное. Получается, так сказать, «форма на форме». Понятно, что в грамматике такая группа слов (имеющаяся, между прочим, в каждом языке и везде, понятно, в ничтожной пропорции по отношению ко всем другим словам языка) занимает совершенно особое положение: она *вне* грамматична в том смысле, что не подходит, взятая в целом, *ни под один* из грамматических рядов, так как все они создаются формами слов и словосочетаний, а она — *корнями* слов (поэтому же она не подходит и под понятие формальной категории слов, как оно выше у нас установлено, см. стр. 29); и в то же время она *сугубо* грамматична, так как по *значению* исключительно формальна, и так как корневое значение в ней *наиболее обще* и *наиболее отвлеченно* из всех грамматических значений. Если значения частей речи суть первообразы философских понятий субстанции, атрибута и акциденции (см. стр. 83), то значения местоимений являются первообразами таких понятий, как «яйность», «самость» (die Ichheit, die Selbstheit) и т. д. К тому же взаимоотношения между *отдельными* местоименными значениями так *сложны*, так *синтаксичны* и так *разнообразны* в отдельных языках (см. конец главы), что картина этих отношений непременно должна быть дана в описательном синтаксисе каждого отдельного языка. В то же время морфологические особенности этих слов так велики, что во многих языках (правда, *не* в русском) приходится говорить об особенном *местоименном* склонении. Все это и делает из этой группы особую, так сказать, *экстерриториальную*, но тем не менее крайне важную группу, живущую на «территории» грамматики.

Традиционная грамматика дает, как известно, классификацию местоимений по значению. Здесь мы должны дать ряд

* Относительно бесформенных местоимений: «тут», «там», «тогда», «когда» и т. д. понятие «корня» берется здесь в расширенном смысле, поскольку известные ассоциации между «кого», «кому», «как», «когда», с одной стороны, и «того», «тому», «так», «тогда» — с другой, все же существуют.

поправок к этой классификации, так как в традиционной грамматике здесь, как и в других отделах, смешиваются значения корней со значениями грамматических частей слов. Правда, значения корней здесь тоже грамматичны. Но тут важно отделить различия в них от различий в значениях аффиксов (в последнем отношении местоименные слова ничем не отличаются от слов неместоименных). Традиционная грамматика нарушает этот принцип, когда говорит, напр., о местоимениях «личных» (я, ты, он, мы, вы, они), «возвратном» (себя) и «притяжательных» (мой, твой, свой, наш, ваш), так как по значению корней «я — ты — он — мы — вы — они — мой — твой — наш — ваш» являются все личными, а «себя — свой» — возвратными, по значению же аффиксов «я — ты — он — мы — вы — они — себя» являются существительными, а «мой — твой — свой — наш — ваш» — прилагательными. Что же касается оттенка «притяжательности» в этих прилагательных, то он ничем в них особо не выражен и обусловлен только местоименным значением корней, так что еще вопрос, следует ли его особо выделять. Но уже во всяком случае если это делать, то к «притяжательным» следует причислить, конечно, и «чей», которое обычно считается вопросительным (уже по значению корня). Не теряя времени и места на дальнейшую критику традиционных групп, мы даем здесь следующие свои собственные группы:

1) личные местоимения: я (меня, мне, мной), мой, по-моему, ты, твой, по-твоему, он (она, оно, его, ему, ей и т. д.), егоный (народное), ейный (народное), по-его, мы (нас, нами, нам), наш, по-нашему, вы, ваш, по-вашему, они (их, им, ими), ихний (почти литературное), по-ихнему;

2) возвратные: себя (себе, собой), свой, по-своему;

3) указательные: этот, тот, сей, оный, здесь (вот? вон?), там, тут, туда, оттуда, тогда, оттого, затем, потому, поэтому, столько, такой, этакий, так, этак, вот какой, следующий, данный *;

4) обобщительные: всякий, каждый, какой-угодно, любой, всяко, по-всякому, всячески;

* Местоимение «он» может тоже быть указательным, когда оно относится не непосредственно к реальному третьеличному предмету речи, а к тому слову, которое этот предмет в предыдущей (или в более редких случаях в последующей) речи обозначает. Такое употребление этого местоимения в книжной речи даже чаще, чем личное.

5) совокупные: весь, целый (в смысле весь), везде, всюду, отовсюду, всегда;

6) выделительные: сам, самый, иной, иначе, другой (в смысле «иной»), по-другому;

7) вопросительные: кто? что? что за? какой? который? чей? сколько? где? куда? откуда? с каких пор? до каких пор? докуда? когда? зачем? отчего? почему? как?

8) относительные: те же, что и вопросительные, но в значении так назыв. союзных слов, служащих для соединения предложений (см. гл. XXVIII);

9) восклицательные: те же, что и вопросительные, но в значении восклицательных членов в восклицательных предложениях (см. гл. XIX);

10) неопределенные: некто, нечто, некоторый, некий, несколько, негде (устарелое, в смысле «где-то»), некогда (в смысле «когда-то»), кто-то, что-то, чей-то, какой-то, где-то, когда-то и т. д. (все вопросительные с частицей «то»), кто-либо, что-либо и т. д. (все вопросительные с частицей «либо»), кто-нибудь, что-нибудь и т. д. (все вопросительные с частицей «нибудь»), просто вопросительные с неопределенным значением («я всё дома; а ежели ко мне кто, я очень рада», Островск, «Кто кивер чистил, весь избитый, кто штык точил, ворча сердито...», Лерм.), «один» (не в счетном смысле, конечно, а напр., в сочетании: «один человек хотел быстро разбогатеть»), «известный» (когда говорится о неизвестном для беседующих, напр.: «при известных условиях воздух бывает в жидком состоянии»), «данный» (когда говорится о не данном фактически для беседующих, напр.: «в каждом данном случае условия будут свои», в тех же случаях, когда говорится о фактически данном, это, скорее, указательное местоимение, напр.: «при данных условиях невозможно работать»), «определенный» (когда фактически определение не произведено, напр.: «определенные причины всегда порождают определенные следствия»); последние 4 можно бы выделить в группу «определимо-неопределенных», так как здесь на-ряду со значением неопределенности имеется оттенок потенциальной определенности, или «определимости»;

11) отрицательные: никто, ничто, никакой, ничей, нигде, никогда, ни за что, нипочем и т. д., некто, некому, негде, (в смысле «нет места»), некогда (в смысле «нет времени»), незачем, неоткуда, некуда и т. д.

Укажем еще на то, что в языке постоянно происходят переходы отдельных слов из местоименных в неместоименные и обратно. Уже в предыдущих перечнях читатель вероятно ощутил слова «определенный», «данный», «известный» как недавние местоимения. Это видно из того, что те же слова могут употребляться еще и как неместоимения (напр.: «норма, определенная в таком-то году таким-то законом...» и т. д.). Сравним теперь с нашими выделительными местоимениями такие слова, как «оригинальный», «своеобразный», «особенный», «особенность», «особняком», «исключительный» и т. п. Не сводятся ли их значения, как и значения местоимений «иной», «другой», к формуле: «не такой, как другие», или «не так, как другие»? Точно так же слова «отдельный», «единственный», «собственный», «в одиночку», «изолированно» и т. д. будут сродни по значению выделительному местоимению «сам» (формула: «не с другими», а для «сам» — «без помощи других»); слова «общий», «вообще», «одинаковый», «сходный», «похожий», «подобный», «тождественный» и т. д. будут напоминать обобщительные местоимения, а слова «совокупность», «сумма», «совместный», «вместе», «соединение», «объединение», «аггрегат» и т. д. — совокупные местоимения. Однако, если мы возьмем от тех же корней такие слова, как общество, собственность, особняк, особа, мы легко заметим внедрение конкретных, реальных черт в их значения. Ясно, что границы между той и другой областью быть не может, и что местоимениями принято называть просто слова с предельно-отвлеченным значением того субъективно-объективного типа, который выяснен выше. Поскольку эта «предельность» исчезает и отвлеченность убывает, слово из местоимения делается неместоимением (срвн. вышеприведенные «собственность», «особняк», «особа», все образованные от возвратно-местоименного корня **с-**, срвн. еще «таковский» от «таков», всегда имеющее реальное значение: дурной, неважный, «потакать» = баловать), поскольку же отвлеченность возрастает, слово неместоименное приближается к местоименным и при достижении предела делается местоимением. И всегда между той и другой областью имеется обширная область промежуточных слов, в которой живут «кандидаты» на ту или другую «должность».

Чтобы дать представление о том, насколько местоименность врезывается в синтаксический строй языка, приведем несколько

крупнейших данных. Выше мы видели, что основным признаком категории существительности является способность входящих в нее форм присоединять к себе прилагательные в порядке согласования. И вот оказывается, что у местоименных существительных этой основной способности всякого существительного как раз н е т. Не говорится или п о ч т и не говорится «хороший я», «дурной он», «гадкий ты» в том смысле, как говорят «хороший человек», «дурной сон», «гадкий сосед» (обычно только при обособлении прилагательного, см. гл. XXII; исключительные факты необособленности прилагательного см. на стр. 222). И уже во всяком случае совершенно невозможно присоединение прилагательных к существительным «кто» и «что» (в сочетаниях типа: «к т о п е р в ы й пойдет туда?» прилагательное относится не только к «кто», но и к «пойдет», о чем будет речь ниже; в сочетаниях типа: «ч е г о х о р о ш е г о можно ждать от него?» скорее слово «чего» является прилагательным, а «хорошего» — субстантивированным прилагательным), и эта особенность вызывает целый ряд синтаксических последствий. Укажем хотя бы на полное изменение п р е д л о ж н о-п а д е ж н ы х сочетаний в тех случаях, когда в них входят местоимения. Между предлогом и существительным, от него зависящим, вообще всегда возможна вставка прилагательного с подчиненными ему членами и даже целого ряда прилагательных («в рощу», «в зеленую рощу», «в зеленеющую за отдаленной рекой рощу», «в прохладную, тенистую и благоухающую медовым запахом липы рощу» и т. п.). Но между предлогом и м е с т о и м е н н ы м существительным такая вставка невозможна, так как прилагательных (необособленных) эти существительные при себе не терпят. В сочетания «в нем», «к тебе», «для меня» и т. д. можно вставить, в лучшем случае, только местоименное же прилагательное «сам» («к самому тебе», «для самого меня», но более употребительно опять-таки «к тебе самому», «для меня самого» и уж во всяком случае «в нем самом»), а в сочетания «для которого», «без чего», «без кого» уже совершенно ничего нельзя вставить. Другой пример. Среди членов предложения мы различаем з н а м е н а т е л ь н ы е, или п о л н о з н а ч н ы е, выраженные полными словами, и с л у ж е б н ы е, выраженные частичными или служебными словами (предлоги, союзы и некоторые др., см. стр. 44). Различие между теми и другими принадлежит к числу наиболее к о н т р а с т н ы х в грамматике. И вот м е с т о и м е н и я

(относительные) ухитряются соединять в себе обе эти функции, так что, напр., местоимение «который» в сочетании: «человек, который здесь был, уехал» будет одновременно и подлежащим и «союзным словом». Понятно, что изучение относительных местоимений превращается при этих условиях в целый отдел синтаксиса, в изучение так назыв. «относительного» подчинения предложений. И так далее. Местоимения из-за своей отвлеченности везде являются «нарушителями порядка», везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи. И своеобразие этих случаев, как бы они ни были разнообразны, в конечном счете сводится к своеобразию природы самих местоимений. Вот почему мы и посвятили рассмотрению этой природы особую главу.

В заключение укажем на некоторые особенности возвратных местоимений, для которых в дальнейшем изложении не найдется места, так как они относятся одинаково к различным формам словосочетаний. Возвратные местоимения вообще относятся к таким местоимениям, которые можно было бы назвать по значению вторичными, не в смысле их происхождения, конечно, а в том смысле, что их значение уясняется только через сравнение с другими местоимениями. Эти последние в этом смысле можно назвать первичными. «Вторичными» в этом смысле оказываются очень многие местоимения. Так, мы уже упоминали, что «иной» и «другой» означают, в сущности, «не такой», «не тот»; «сам» означает «без помощи других» (здесь получается уже как бы вторая степень соотношения с местоимениями, или «третичное» по значению местоимение). Точно так же «всякий» обозначает, собственно: и тот, и тот, и тот... и т. д; до бесконечности, взятые порознь; «весь» обозначает: и та часть, и та часть, и та часть и т. д., взятые вместе. Относительные, восклицательные, неопределенные и отрицательные местоимения уже самыми звуками своими указывают на связь их значения с вопросительными местоимениями. Таким образом основными местоименными значениями, на которые опираются все другие, являются: личные, указательные и вопросительные. Возвратное местоимение, как уже указывалось на стр. 180, опирается в своем значении на личные местоимения. Но к тому, что там сказано об этом местоимении, необходимо сделать два важных дополнения.

1) В русском языке возвратность может опираться на все три лица, т. е. «себя» и «свой» могут обозначать тождество представляемого предмета с тем, что мыслилось ранее и как **я** (**я** беру **себе свой** хлеб), и как **ты** (**ты** берешь **себе свой** хлеб), и как **он** (**он** берет **себе свой** хлеб). В не-славянских индо-европейских языках возвратное местоимение может обозначать только тождество с тем, что мыслилось раньше, как **он**, т. е., проще говоря, может относиться только к третьему лицу. Следовательно по-немецки, английски, французски, латински, гречески и т. д. нельзя сказать «я беру себе свой хлеб», а можно только сказать «я беру мне мой хлеб», точно так же нельзя сказать: «ты берешь себе свой хлеб», а только «ты берешь тебе твой хлеб» (аналогично «мы берем нам наш хлеб», «вы берете вам ваш хлеб»). Что касается того, что ранее мыслилось как «они», т. е. как третье лицо множественного числа, то некоторые из этих языков допускают здесь возвратное местоимение («они берут себе свой хлеб»), другие же и здесь его не допускают, а требуют конструкции: «они берут **им их** хлеб» (или: «они берут себе их хлеб»). Есть даже такие языки (напр. немецкий), где возвратное прилагательное местоимение может относиться только к «он» и «оно», но не к «она»: немец говорит: «она берет себе **ее** хлеб» и не может сказать «она берет себе **свой** хлеб». Таким образом наша возвратность гораздо шире возвратности всех этих языков и вообще максимально широка. Вот несколько литературных примеров на возвратные местоимения в соотношении с 1-м и 2-м лицами обоих чисел:

Покой бежит меня; нет власти над собой. (Пушк.)

Я пережил свои желания,
Я разлюбил свои мечты... (Пушк.)

Ты для себя лишь хочешь воли... (Пушк.)

...Но тень мою любя,
Храните, рукопись, о други, для себя. (Пушк.)

«Теперь благослови, мать, детей своих». (Гог.)

«Разве я не понимаю, что по законам... тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня — свои...». (Островск.)

Это исконная особенность славянских языков. Современный литературный русский язык, правда, уже частично изменил этой особенности, как видно из следующих примеров:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком... (Пушк.)

Если б
я прежде вас узнал — с каким восторгом
мой сан, мои богатства, все бы отдал,
все, за единый благосклонный взгляд... (Пушк.)

Кляну коварные старанья,
преступной юности моей... (Пушк.)

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим... (Пушк.)

... Я так и вспыхну: сердцу больно,
Мне стыдно идолов моих. (Пушк.)

«Клянусь и перед богом, и перед вами, почтенное дворянство, я ничего не сделал моему врагу». (Гог.)

«Зевс Олимпиец! О! ты неумолим в своей ярости! Ты захотел наслать бич на мир, ты извлек весь яд, незаметно розлитый в недрах прекрасной земли твоей...» (Гог.)

«Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...» (Гог.)

... и вы не купите всей вашей черной кровью
поэта праведную кровь. (Лерм.)

Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни...
(Безыменский, «Партбилет».)

Все потому, что я сам врос
в рост
почки моей весенней. (Он же, «Весенняя прелюдия».)

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я — о шапке,
котиковой,
моей. (Он же, «О шапке».)

Растопырились пальцы луж.
Заграбастать хотят тротуары.
Эй, солнце, когда ты их поцелуешь
отсекающим твоим ударом? (Он же, «Деревня».)

Но это касается только личных прилагательных. Выбор между этими прилагательными, когда они употребляются в смысле «свой», и самим этим «свой», повидимому, совершенно свободен в настоящее время в литературном языке. И, как это бывает при каждом грамматическом синониме, на этот выбор наслаиваются уже и особые стилистические оттенки. Так, едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае: «В семье моей я мнил найти отраду, я дочь мою мнил осчастливить браком...», а в другом случае: «Кто ни умрет, я всех убийца тайный: я ускорил Феодора кончину, я отравил свою сестру царицу...» Во втором случае «свой» больше подходит, чем «мой», потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: «он отравил свою сестру», так что

«свой» намекает здесь на этих хулителей, а «мою» излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет. Точно так же у Лермонтова противопоставление: «всей в а ш е й черной кровью п о э т а праведную кровь» выходит сильнее, чем если бы было сказано: «всей с в о е й черной кровью». Однако такая двойственность конструкции возможна, повторяем, повидимому, только при прилагательных. Нам неизвестны случаи, когда бы с у щ е с т в и т е л ь н ы е «меня», «мне», «мной», «тебя», «тебе», «тобой», «нас», «нам», «нами», «вас», «вам», «вами» употреблялись в смысле «себя», «себе», «собой». И если бы даже одиночные случаи здесь и нашлись (что, конечно, вполне возможно в исключительных условиях), они не устранили бы того факта, что сочетания «я люблю одного м е н я», «ты заботишься только о т е б е», «вы пришли к в а м домой» и т. д. звучат совершенно не по-русски, тогда как «люби ближнего с в о е г о как самого себя» и «люби ближнего т в о е г о как самого себя» звучат уже сейчас почти одинаково по-русски. Кстати, в последнем примере как раз очень ярко выявляется эта разница между прилагательными и существительными: сказать: «люби ближнего т в о е г о как самого **тебя**» было бы невозможно. Таким образом относительно местоимения «себя» можно сказать, что оно, в отличие от неславянских языков, д о л ж н о у нас относиться ко всем трем лицам; относительно же местоимения «свой» нужно сказать, что оно, в отличие от тех же языков, лишь м о ж е т относиться ко всем трем лицам, прямое же его значение — отношение к третьему лицу.

2) В тех случаях, когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся к о н к у р е н ц и е й н е с к о л ь к и х т р е т ь и х л и ц, к о д н о м у из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что в отличие от п е р в о г о лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и от в т о р о г о лица, которое всегда едино для д а н н о г о п р е д л о ж е н и я, т р е т ь е лицо может мыслиться п е р е м е н н о на протяжении даже одного и того же предложения. В предложении, напр.: «К о м е н д а н т велел д в о р н и к у отнести вещи ж и л ь ц а» мыслятся три разных третьих лица. И вот если мы прибавим к этому предложению возвратное местоимение («комендант велел дворнику отнести вещи жильца к с е б е»), то возникает двусмысленность (к коменданту или к

дворнику?). Правда, одно из трех третьих лиц здесь оказывается совершенно неправомочным: мы никак не можем понять это «себе» как относящееся к жильцу (было бы сказано «к нему»). На этом сказывается важная особенность значения возвратного местоимения, которой мы до сих пор не имели случая коснуться: оно может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действия или состояния, выраженных в слове, подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение. В данном случае, напр., «жилец» не является субъектом ни действия, выраженного в слове «велел», ни действия, выраженного в слове «отнести», а поэтому возвратное местоимение никак не может к нему относиться. Но остаются все же два подчиняющих местоимение действия с двумя разными субъектами («велел» и «отнести», «комендант» и «дворник») — и вот потому-то выражение это и является само по себе абсолютно двусмысленным. В жизни, конечно, обстановка, а в литературе контекст (иногда очень отдаленный) вызывают в нас должное понимание, хотя нередки и недоразумения на этой почве. Социальная функция местоимений, разряда, наиболее ярко воплотившего в себе две основные сущности языка: отвлеченность и социальную обусловленность, делается здесь столь тонкой, что «рвется». В русском языке эти двусмысленности в пределах данного предложения обостряются еще тем, что возвратное местоимение может тут относиться, как мы только что видели, ко всем трем лицам. В известном, напр., стихотворении Пушкина:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?

контекст заставляет относить слово «своей» к слову «певца» (которое как глагольное существительное совмещает здесь в себе и действие и субъект его); мы представляем себе, конечно, что этот певец поет о своей печали. Но в других условиях контекста мы могли бы относить «своей» и к слову «вы» как субъекту другого действия того же предложения (слыхали), т. е. понимать этот вопрос, как «слыхали ли вы за рощей глас певца вашей печали?» Грамматически это выражение опять-таки абсолютно двусмысленно. В тех языках, где вместо «вашей» нельзя сказать «своей», этой двусмысленности не могло бы

возникнуть. Точно так же выражение «он застал меня в своей комнате» может иметь два смысла, потому что «меня» может восприниматься как субъект того состояния, которое извлекается здесь из значения слова «застал». Таким образом выражение это может быть уточнено в двух направлениях: «он застал меня в его комнате» и «он застал меня в моей комнате» *. Опять-таки в языках, где вместо «моей» нельзя сказать «своей», эта двусмысленность невозможна. Но, с другой стороны, в этих языках оказываются возможными двусмысленности возвратных местоимений в таких случаях, в каких по-русски они невозможны. Так, французский и немецкий языки не имеют родительного падежа от слова «он» и заменяют его возвратным местоимением «свой». Поэтому они не различают понятий «его» и «свой»: немецкое sein и французское «son» равняются этим русским двум словам (беря «свой», конечно, только по отношению к 3-му лицу). Таким образом предложения «он берет свою шляпу» и «он берет его шляпу» во французском и немецком звучат одинаково, и только по контексту или обстановке можно судить, что значит в них возвратное местоимение. Если в русском языке можно, при всех двусмысленностях его возвратности, все же констатировать, что возвратность эта никогда не может относиться к субъекту другого предложения, то относительно немецкого и французского этого утверждать нельзя. Впрочем, надо заметить, что наша «точность» в этом пункте тесно связана с нашей «расплывчатостью» в предыдущем пункте, так как при способности возвратного местоимения относиться ко всем трем лицам оно должно замкнуться в пределы одного предложения, чтобы не лишиться совсем значения. Если бы это было иначе, то, напр., в стихотворении Пушкина «К морю» после слов «ты катишь волны голубые и блещешь гордою красой» поэт мог бы сказать «свой грустный шум, свой шум призывный услышал я в последний раз», а это уже отдает бессмыслицей. Социальная обусловленность языка исправляет здесь неопределенность одного пункта определенностью другого.

* Весьма возможно, что именно потребность в уточнении таких выражений и положила начало употреблению у нас личных прилагательных на месте праславянских возвратных; ср.: «Я никому не запрещаю играть мои пьесы» (К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве», фраза, приписанная Л. Н. Толстому), где «свои» давало бы двусмысленность.

IX. СКАЗУЕМОСТЬ.

Возьмем ряд случайно вырванных из связи полных слов:

белую, вчера, стариков, море, зелень, сплю, написанным, ушедший, работать, убирайтесь, смехом, рыбу, нельзя, голова, небольшую, приехали, август, бумаги, придя, берегись, добрыми, учиться, вечный, стыдно, Москва, богат, уйдите, красненького, умна, рысью, жаль, синий, убили.

Попробуем прочитать этот ряд ровным, монотонным голосом, или, еще лучше, молча, по возможности *отвлекаясь от интонации*. Мы заметим, что не все слова покажутся нам *одинаково* безжизненными, *одинаково* отрывочными, бессмысленными. Найдутся слова, которые покажутся выражением не *представлений* только, изолированных из процесса мысли, а целых *мыслей*. Таковы следующие слова в этом ряду:

сплю, убирайтесь, нельзя, приехали, берегись, стыдно, богат, уйдите, умна, жаль, убили.

Читая *эти* слова под ряд мы замечаем в каждом из них какую-то особую *полновесность*, уподобляющую их не словам, а целым *фразам*. Конечно, «фразы» эти остаются однословными, отрывистыми, во многом неясными (напр., «приехали» требует пояснения, *кто* приехал; «нельзя» возбуждает вопрос, чего нельзя делать и т. д.). Но все-таки это не то, что:

белую, вчера, стариков, море, зелень, написанным, ушедший, работать, смехом, рыбу, голова, небольшую, август, бумаги, придя, добрыми, учиться, вечный, Москва, красненького, рысью, синий.

В последних словах, если произносить их как *слова* только, не думая о тех фразах, из которых они могли быть вырваны, нет никакой *мысли*. Напротив, в *каждом* из *первых* мы ясно ощущаем отдельную мысль, и притом совершенно независимо от того, каким голосом мы их произносим и произносим ли вообще, или только думаем про себя. Вот этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой *мысли*, называется в синтаксисе *сказуемым*. Сказуемость — это грамматическая *категория*, и притом *важнейшая* из категорий, так как в ней тесно сцепляются *речь с мыслью*. Как всякая

категория, она может выражаться разными звуковыми способами. Всматриваясь в те слова, в которых мы выше заметили оттенок сказуемости, мы находим среди них: 1) глаголы во всех временах и наклонениях, 2) слова, которые замечательны тем, что, не будучи наречиями, т. е. не обозначая признака признака, употребляются тем не менее только при глаголах, и притом не при всяком глаголе, а почти исключительно при глаголе «быть» (нельзя было — нельзя будет, стыдно было — стыдно будет, богат был — богат будет, умна была — умна будет, жаль было — жаль будет). Некоторые из них могут употребляться еще и при нескольких других глаголах (казался богат, сделалась умна). Об этих глаголах мы будем говорить подробно впоследствии (см. гл. X), пока же заметим только, что они называются глаголами-связками и замечательны тем, что сливаются со своим присвязочным словом в единое целое, являющееся в речи составным выражением все той же сказуемости. В некоторых случаях такое составное выражение можно даже просто приравнять к простому глагольному выражению, напр., «богат станет» = «разбогатеет», «умна сделается» = «поумнеет», «стыдно было» или «стыдно стало» = «стыдился», «устыдился» и т. д. Таким образом в категории сказуемости мы находим какую-то связь с категорией глагольности и притом не глагольности вообще, а именно той части ее, которую мы выше назвали собственно-глаголом. Обратим внимание, что не только глагольные слова вообще, но даже причастия, деепричастия и инфинитивы в нашем списке не производили впечатления выражения мысли, т. е. не проявляли оттенка сказуемости. Они в этом отношении как будто ничуть не рознились от других слов. Напротив собственно-глаголы и слова, сливающиеся в единое целое с собственно-глаголами, оказываются все выразителями категории сказуемости. Что для второй из этих двух групп важна при этом именно их связь с собственно-глаголами даже в тех случаях, когда по особым причинам глагола при них нет (срвн. те же одиночные «жаль», «нельзя», «богат», «умна»), делается особенно ясно из сравнения полных прилагательных с краткими. «Богатый», «умная» производят впечатление отдельных «безмысленных» слов, таких же, как все остальные в нашем последнем списке.

«Богат», «умна» — выражают целые мысли. Как это объяснить? Из значения самих этих слов и их форм мы этого никогда не могли бы понять. Но если мы вспомним о связной речи, то увидим, что «богатый» и «умная» могут быть и при глаголе-связке и без глагола-связки, и притом при глаголе-связке они бывают в литературном языке не очень часто («был богатый», «стала умная» говорится реже, чем «был богат», «стала умна»), а без глагола-связки встречаются на каждом шагу («это был когда-то богатый фабрикант», «умная женщина не станет с ним спорить» и т. д.). «Богат» же и «умна», напротив, в тех сочетаниях, в которых употребляются без связки «богатый» и «умная», совсем не могут употребляться (нельзя сказать по-литературному «это был когда-то богат фабрикант», «умна женщина не станет с ним спорить» и т. д.), а употребляются только либо при связке, либо в сочетаниях, аналогичных связочным («фабрикант был богат», «фабрикант будет богат» и «фабрикант богат»). Ясно, что свою сказуемость они берут именно из этой присвязочности, т. е. из особой внутренней связи с особым разрядом глаголов, глаголами-связками. От постоянной связи с глаголами, притом связи особо тесной, не такой, какой вообще связываются в речи слова друг с другом, и от невозможности связаться с каким-либо другим словом они, так сказать, «оглаголились», вернее, «осказуемились», так как восприняли они от глагола не всю его сущность (признака, создаваемого деятельностью предмета, они все же не выражают), а одну его только сторону, именно способность выражать мысль, быть сказуемым. Таким образом категория сказуемости хотя и не совпадает с категорией глагольности (принимая во внимание участие в первой категории присвязочных слов, а также ряд фактов, о которых ниже), однако оказывается теснейшим образом связанной с ней. Можно сказать, что глагольность, поскольку мы пока отвлекаемся от интонационного момента, лежит в основе сказуемости. Но, быть может, есть еще слова в языке не собственно-глаголы и не присвязочные, которые способны были бы выражать мысль? Нам известно в регулярном употреблении только три таких слова в русском языке: «есть» (в смысле «существует»), «нет» (в смысле «не существует») и «на!» (в смысле «возьми»). Первые два связаны с глаголом происхождением: это бывшие глаголы.

(«есть» — бывшее 3-е лицо ед. ч. настоящего времени от глагола «есмь», а «нет» — сокращение из «несть», а это последнее — из «не есть»). В отношении времени и наклонения они и сейчас стоят в связи с глаголом, так как образуют как бы настоящее время изъявительного наклонения к глаголу «был — буду». Третье представляет из себя вообще очень оригинальное слово совершенно первобытного типа, тесно связанное с жестом. «На!» это не значит просто «возьми» (хотя ему свойственно, между прочим, даже и глагольное управление: «Вот, на-ка тебе бумаги-то, на!» Островск., «Трудовой хлеб», «На торбу-то» В. Шишков, «Пейпус-озеро», «На тебе ершок, свари ухи горшок», «на тебе, убоже, что мне не гоже»), потому что, если книга лежит на столе, и я хочу, чтобы мой собеседник ее взял, я не могу просто сказать: «нá книгу!», а я должен взять книгу в руки и протянуть ее ему. Таким образом «на» означает, собственно: «возьми то, что я тебе протягиваю». Это слово принадлежит как будто бы не современному языку, а той гипотетической эпохе в развитии языка, когда каждый речевой акт должен был сопровождаться жестом и составлял лишь часть этого общего жесто-речевого социального знака. В то же время обратим внимание и на то, что и это «исключение из исключений» все же мыслится в тесной связи с категорией глагольности, так как входит по значению в категорию повелительного наклонения. С этим «на!» аналогичны в известном смысле некоторые побудительные бесформенные слова: эй! ну! * и некоторые указательные бесформенные слова: вот! вон! (в указательном смысле, а не как часть словосочетания «пошел вон!»). Аналогичны они тем, что так же тесно связаны с жестом, как оно, и потому тоже не могут быть приравнены к простому «слову» как исключительно-звуковому знаку отдельного представления. Но мы отказываемся

---

* Существует еще целый ассортимент побудительных слов, служащих исключительно для общения человека с животными: «нно-оо! тпру! (у ямщиков), брысь!» и т. д.; но все эти слова стоят вне языка как системы социальных знаков человеческого общежития. Не считаем мы также словами и звукоподражаний вроде: «колокольчик динь-динь-динь», «мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом, и прочь» (Пушк.). Здесь нет членения на звуки и значение, свойственные слову, так как здесь все значение в звуках.

в них видеть сказуемость, так как не видим в них соответствия акту мысли. Ведь в «эй!» и в «ну!» кроме волевого акта ничего не выражено. В них нет того представления, которое дает материал для мысли, и которое заключено в слове «на!» в значении «вручения» (или «взятия»). В словах «вот!» и «вон!» уже как будто есть представление о бытии того или иного предмета или явления, а это представление при известных условиях может послужить основой для мысли (см. ниже), но оно здесь до такой степени связано с жестом, что помимо жеста, повидимому, не может быть вскрыто; недаром в словосочетаниях эти слова не являются полновесными членами, а только вспомогательными, служебными словами: «вот и грачи прилетели», «вон человек идет!», «вот он с просьбой о помоге обратился к мудрецу», «вот мудрец перед Додоном стал и вынул из мешка золотого петушка» (Пушк.) и т. д. (о сочетаниях без глагола: «вот грачи!», «вон человек!» см. ниже). Точно так же не являются знаками отдельных представлений слова вроде «ау!», «алло!», которые отличаются от «эй!» и «ну!» только обоюдосторонностью выражаемого в них волевого импульса. Наконец, со всеми этими словами (обычно причисляемыми ошибочно к междометиям) аналогичны и междометия, поскольку и те тоже не являются знаками отдельных представлений. Если бы мы включили в наш первоначальный «набор» слов такие слова, как «ах!» или «ой!», то заметили бы и на них ту же печать какой-то особой полновесности, какого-то отдельного переживания, которую вскрыли в «сказуемостных» * словах. Но переживание-то это целиком относится к области чувства, а не к области мысли. Здесь опять-таки нет основного элемента мысли — представления, а, стало быть, нет и самой мысли, нет сказуемости. Итак, если исключить слова «есть», «нет» и «на!», и если отвлечься от интонации (см.

* Сказуемое иначе называется «предикат» (от лат. praedicare — высказывать, заявлять, praedicatum — «высказанное»), а самый процесс выражения мысли посредством «сказуемостных» слов и форм — «предицированием», или «предикацией». Латинский термин представляет здесь то преимущество, что позволяет образовать «легковесное» прилагательное «предикативный» взамен русского крайне тяжеловесного «сказуемостный». Условимся здесь с читателем, что в дальнейшем, когда нам нужно будет прилагательное, совсем не будем употреблять русского термина, а только иностранный, который читатель должен привыкнуть переводить на русский язык.

ниже), то мы можем сказать, что сказуемость построена на глагольности. Это не должно нас удивлять после того анализа глагольности, который мы проделали в гл. VI. Мы видели, что в глаголе (имеем в виду собственно-глагол) есть особый волевой оттенок, отличающий его от всех других частей речи. В то же время оттенок этот наслаивается в нем не на жест, как в словах «эй!» и «ну!», а на определенное представление, выраженное словарной частью слова (ид-и! чит-ай! и т. д., берем повелительное наклонение для наиболее наглядного сопоставления с «эй!» и «ну!», хотя, конечно, волевой оттенок связан с категорией наклонения во всем ее объеме, см. стр. 96). Таким образом в глаголе и только в глаголе мы имеем то сцепление воли с представлением, которое рождает мысль. Психология учит нас, что процесс мышления тем именно и отличается от простой ассоциации представлений, что в нем мы соединяем наши представления, а не они соединяются в нас. Здесь имеет место сознательный выбор представлений и сознательный контроль над соответствием или несоответствием их самих и их взаимоотношений с действительностью (срвн. значение категории наклонения), здесь происходит работа (недаром многие ленятся думать), а всякая работа связана с волевым импульсом. Если многие мысли столь просты, что не кажутся нам результатом этой внутренней работы (напр., мысль, что «снег бел», что «огонь жжется», что «один да один — два»), то это объясняется только тем, что эту работу мы проделали в самом раннем возрасте, когда впервые продумали эти мысли, и с тех пор привыкли пользоваться результатами этой работы, не вспоминая о самой работе. Итак, мысль есть активное соединение представлений, а глагол выражает действие, т. е. активное отношение предмета к своему признаку. Нельзя не видеть здесь полного соответствия. Очевидно, именно такое соотношение представлений (соответствующее, конечно, наблюдениям над собственными действиями и действиями животных) и должно было дать первый материал для мысли, создать языковую мысль.

Теперь мы должны вернуться к нашему исходному пункту — к ряду слов, помещенному на стр. 193, и попробовать прочитать их уже не с монотонной «словарной» интонацией, а с одной из трех живых фразных интонаций, т. е. с повество-

вательной (неудачный, старинный термин для обозначения простого сообщения мысли своему собеседнику, лучше бы «сообщительный»), вопросительной или восклицательной. Представим себе, что мы, проходя по улице, случайно услышали что-нибудь вроде: «Белую?» или «Белую!» или «Белую.», «Вчера?», «Вчера!», «Вчера.», «Стариков?», «Стариков!», «Стариков.» и т. д., и попробуем воспроизвести голосом эти интонации. При таком чтении окажется, что каждое слово выражает мысль, каждое слово перестает быть «словом» только, а делается целой фразой. Правда, фразы эти все будут еще более усеченными и еще более загадочными, чем фразы, состоящие из одного предикативного слова. Но все же это будут отнюдь не «безмысленные» слова, как они звучат при чтении их в словаре. Таким образом мы открываем новый способ выражения категории сказуемости: интонацию. Способ этот, конечно, присутствует всегда в речи, и предикативные слова тоже никогда не произносятся тем безжизненным способом, каким мы произносили их в самом начале. Но нам необходим был этот эксперимент, чтобы убедиться, что есть слова, которые самой формой своей или самим значением всего слова (в случае бесформенности) выражают отдельный акт мысли, или категорию сказуемости. Выделивши этот способ, мы можем теперь перейти к интонационному способу и спросить себя, в каком же отношении друг к другу находятся эти два способа выражения одной и той же категории. Оказывается, что ни в каком. Интонационный способ есть не что иное, как особый вид ударения, которые мы делаем на одном из слов фразы. Ударение это обычно называется «логическим», но на самом деле по происхождению своему оно может быть и логическим, и психологическим, и до некоторой степени грамматическим (см. ниже), и даже чисто-ритмическим (когда во фразе не выделяется никакого логического или психологического центра), и потому его лучше всего называть безразличным в отношении происхождения термином: «фразное ударение». Так вот именно фразное ударение, объединяющее и обусловливающее в интонационном отношении всю фразу, но помещающееся только на одном ее слове, и является выразителем того, что фраза эта сказана не говорильной машиной и не с экспериментальным удалением мысли из речи, а является естественным выражением чело-

в е ч е с к о й м ы с л и (то, что ударение это может быть воспроизведено эхом, попугаем, фонографом, конечно, не меняет дела). Ударение это имеет 3 основных вида: повествовательный, вопросительный и восклицательный. В тех случаях, когда вся фраза состоит из одного слова, оно, конечно, помещается на этом единственном слове (см. выше фразное произношение отдельных слов). Когда же во фразе несколько слов, оно может поместиться на л ю б о м полном слове. Так, мы можем сказать: «Ты б е л у ю бумагу купил?» (если нам важно узнать, например, «белую» или «серую»), но можем сказать и так: «**Ты** белую бумагу купил?» (бумага куплена, мы ее видим, но не знаем, кто купил), и так: «Ты белую б у м а г у купил?» («белая бумага» — цельный центральный образ, а ударение делается на существительном как на подчиняющем слове; случай, когда бы этот образ расчленился, и важно было бы узнать, белую б у м а г у, или белую л и л и ю, или белого з а й ц а и т. д., конечно, был бы исключительным), и, наконец, так: «Ты белую бумагу к у п и л?» (было условлено, что купят белую бумагу, и надо удостовериться, выполнено ли это). То же в повествовательном и восклицательном тоне: «У нас вчера был с п е к т а к л ь», «У нас вчера б ы л спектакль» (важно был или не был), «У нас в ч е р а был спектакль» (а не третьего дня), «У н а с вчера был спектакль» (а не у вас). Нельзя сказать, чтобы выбор слова для фразного ударения с о в е р ш е н н о не зависел от грамматических причин (сравните пример с «белой бумагой», где существительное притягивает к себе ударение предпочительно перед прилагательным, сравните то же в сочетаниях «спокойной н о ч и!», «приятного с н а!», «добрый д е н ь!» и т. д.). Но нельзя уловить определенной связи между этим выбором и с о б с т в е н н о-г р а м м а т и ч е с к о й с к а з у е м о с т ь ю, т. е. той сказуемостью, которая выражается формами глагола или словами, связанными с этими формами. Если бы эти 2 способа совпадали, то ударение всегда делалось бы на глаголе или присвязочном слове, и только на них. Если бы эти способы стояли в каком-либо легко определимом отношении, то можно было бы ждать, что, например, ударение может быть только на глаголах, причастиях, деепричастиях и инфинитивах («глагол» в широком смысле) или только на словах, п о д ч и н е н н ы х глаголу, и т. д. На самом деле ударение может быть на к а ж д о м полном слове. Весьма возможно и даже вероятно, что какое-нибудь соотношение здесь

все-таки есть. Нам думается, например, что ударение на глаголе (в широком смысле) и слове, зависящем прямо или косвенно от глагола, должно требовать для себя, при прочих равных условиях, меньшей силы, чем ударение на каком-либо другом слове. Гипотезу эту мы основываем на том, что в этом случае фразно-интонационный фактор (в его внутренней сущности) и грамматический фактор совпадают (сравните сказанное на стр. 53 и сл. о формах сотрудничества этих факторов в речи), а в том случае, когда ударение делается на подлежащем или зависящем от него неглагольном слове,— расходятся, тянут в разные стороны. Во втором случае интонационный фактор как будто бы должен громче (и в переносном и в буквальном смысле) заявить о себе. Но, это, конечно, лишь робкое предположение, которое должно быть проверено точными наблюдениями или даже специальными экспериментами (на приборах). Пока же нам важно здесь то, что прямого и ясного соотношения между обеими сказуемостями, интонационной и, скажем, глагольной, мы не находим. А если так, то, рассматривая сказуемость как грамматическую категорию, мы должны устранить пока интонационный способ из поля наблюдения. Он нам не важен, раз он не связан с формами сказуемости. Если мы и можем им воспользоваться, то только для оттенения и еще большего уразумения формальной сказуемости. Это мы и сделаем сейчас. Как раз на таких фразах, как «Белую!», «Стариков?» и т. д., мы можем окончательно удостовериться в том, что глагольной категории самой по себе и известным образом связанным с ней категориям свойствен оттенок выражения процесса мысли независимо от интонации. В самом деле, как можем мы понять такое «белую» как целую мысль? Только восприняв это слово как недоговоренную фразу, причем недоговоренность эта объяснялась бы тем, что остальные элементы фразы были сказаны тут же, в соседних фразах, и присутствовали в уме говорящего при произнесении этого «белую» («подразумевались» по школьной терминологии). Чаще всего это бывает при ответах на вопросы: «Какую бумагу он купил?» — «Белую». Но возможно и в других случаях, например: «Поди, пожалуйста, возьми у меня со стола бумагу, и принеси сюда. Белую. А то там разные есть». Во всех таких случаях мы имеем дело с опущением слов (см. стр. 160). И вот, прибавляя к такой однословной фразе слово за словом другие слова, которые могли бы ее восполнить, мы заме-

чаем, что пока мы не прибавим глагола или присвязочного слова (или, в известных случаях, слов «есть», «нет» и «на!»), фраза будет оставаться неполной, не выражающей своим собственным смыслом целой мысли, а выражающей ее лишь интонацией. Сколько бы мы слов ни прибавили, дело не изменится. Но стоит нам прибавить предикативное слово и хотя бы только его одно — сразу получится выражение мысли, независимое от интонации. Так, мы можем сказать: «белую бумагу», «белую меловую бумагу», «белую меловую бумагу первого сорта» (прибавляем сразу целые словосочетания, так как иначе эксперимент затянулся бы), «белую меловую бумагу первого сорта, купленную вчера на складе Центробумтреста и приготовленную для издательства «Новый путь», «белую меловую бумагу, купленную вчера на складе Центробумтреста и приготовленную для издательства «Новый путь», наш новый сотрудник», «б. м. б., к. в. н. с. Ц. и. п. д. и. «Н. п.», н. н. сотрудник, придя утром на службу», «б. м. б., к. в. н. с. Ц. и. п. д. и. «Н. п.», н. н. с., п. у. на службу и вызвавши рабочих» и т. д. и т. д. Фраза будет оставаться неполной и в некоторых случаях еще менее понятной (из-за невозможности применить законченную фразную интонацию), чем когда перед нами было одно слово. Но стоит нам прибавить: «взвесил», или «отослал», или «перевез», или «потерял» и фраза делается законченным выражением мысли независимо от интонации («б. м. б., к. в. н. с. Ц. и. п. д. и. «Н. п.», н. н. с., п. у. н. с. и в. р., взвесил). И если бы мы с самого начала прибавили только это одно «взвесил», получилось бы то же несомненное (хотя и с опущением) и не зависящее от интонации выражение мысли: «Белую взвесил». Такой же результат получился бы и от прибавления словечка «на!»: «На белую!». Слов «есть» и «нет» и присвязочных слов здесь нельзя прибавить из-за винительного падежа слова «белую», но, например, если бы было «белая», то, прибавляя: «белая есть», «белая больна», «белая продана», мы получили бы такие же выражения мысли, как при прибавлении глаголов: «белая лежит», «белая пропала» и т. д. Такие же эксперименты можно было бы производить с любым непредикативным словом, и они убедили бы нас, что слова эти, даже когда они составляют сами по себе фразу и несут на себе предикативное ударение, почти всегда тянутся к настоящему пре-

дикату (сказуемому) и без него не в силах создать выражения отдельной мысли. Если же они при помощи интонационного фактора и кажутся таким выражением, то только при условии подразумевания при них предиката, который потенциально, в скрытом виде, должен быть везде, где есть отдельная языковая мысль.

Теперь наступает третий фазис в нашем изучении категории сказуемости. Мы только что сказали, что непредикативные слова «почти всегда» тянутся к предикату. Вот это «почти» должно теперь здесь быть расшифровано. Для этого мы сперва должны вернуться к нашему исходному пункту, к первому списку слов. Мы уже знаем теперь, что в нем есть слова предикативные и непредикативные. Непредикативные для собственно-грамматического (не интонационного) выражения акта мысли нуждаются, как это мы только что выяснили, в прибавлении к ним предикативных слов. Но обратим внимание на два типа непредикативных слов: 1) на имена существительные (или субстантивированные прилагательные) в именительном падеже и 2) на инфинитивы. Возьмем, положим, для первого разряда слова «море», «август», «Москва» (см. список на стр. 192). Первое из этих слов возьмем в такой связи:

Море. Тропики. Абсолютный штиль. Пароход наш быстро и плавно скользит по водяному зеркалу. Береговые скалы с самыми причудливыми очертаниями сменяют друг друга.

Мы имеем перед собой довольно распространенную форму начала рассказа. Слово «море» (так же как и следующие: «тропики», «штиль») не принадлежит к числу предикативных. Поэтому оно нуждается в особой предикативной интонации (здесь разновидности повествовательной), которая и помогает ему выразить отдельную мысль. Но нуждается ли оно в дополнении его глаголом, или присвязочным словом, или словами «есть», «нет» или «на!», как мы это видели на слове «белую» и «белая»? Пробуя прибавлять возможные здесь без изменения смысла предикаты, убеждаемся, что оно не только не тянется к ним, но, напротив, не выносит их присутствия. Прежде всего мы, конечно, должны исключить предикаты, вносящие новое содержание в данную мысль, т. е. что-нибудь вроде: «море сверкает», «море пенится», «море прекрасно», «море видно» и т. д. Это было бы как раз тем «изменением смысла», которое недопустимо при подобного рода экспе-

риментах, так как мы явно вышли бы тогда из рамок «подразумевания». Если же отказаться от таких дополнений, то останется только о д н о возможное дополнение: «море е с т ь» (или «море б ы л о», если бы дальше рассказ велся в прошедшем времени). Но нам, разумеется, незачем доказывать, что т а к сказать н е л ь з я. Перед нами о с о б о е значение категории и м е н и т е л ь н о г о п а д е ж а, которое мы назовем э к з и с т е н ц и а л ь н ы м, или (по-русски) б ы т и й н ы м. К слову «море» здесь потому нельзя прибавить «есть», что оно само уже, с в о и м и м е н и т е л ь н ы м п а д е ж о м обозначает с у щ е с т в о в а н и е. В таком же смысле можно употребить и второй из приведенных в списке именительных падежей существительного («август»), например:

Август. Некоторые березы уже начали желтеть. Птицы давно уже вывели своих птенцов и т. д.

или

Август! Скоро занятия! Как быстро пролетело лето!

и третий («Москва»), например:

Москва. Носильщики, вокзальная суетня... Вот я иду по московским улицам...

В одном из этих случаев, правда фразеологически, возможно прибавление глагола, именно в первом примере с «августом»: «был август» или «стоял август». Но как раз такое прибавление и влечет за собой потерю того бытийного значения, которое ощущается при безглагольности. Когда мы говорим «был август», слово «август» делается обычным подлежащим, совершенно параллельным следующему подлежащему «березы» («был август, начали желтеть березы»), и никакого особого оттенка существования в нем уже нет. Когда же мы говорим: «август.», то мы ощущаем это приблизительно, как «перед нами август» или «вот август», т. е. представление об августе мыслится в плоскости б ы т и я. Нам могут возразить, что в иной плоскости и вообще мудрено что-либо мыслить, что нельзя же мыслить что-либо в плоскости н е б ы т и я! И это будет совершенно верно. Мысль о бытии чего-либо есть именно самая общая и самая элементарная мысль в мыслительном аппарате человека. Но ведь в языке мы можем выражать и н е м ы с л и, а просто отдельные п р е д с т а в л е н и я без этого оттенка их подлинной реальности, их соответствия действительности. И как раз именительный падеж

существительного нередко имеет и такое значение. Прежде всего он имеет его (правда, с присоединением еще оттенка призыва) во всех тех случаях, когда заменяет звательную форму других языков, т. е. в случаях так называемого «обращения». Правда, чтобы обращаться к кому-нибудь с речью, надо представить его себе слушающим и, следовательно, существующим. Но сплошь и рядом нам достаточно именно одного представления об этом, причем мы наверное знаем, что предмет, к которому мы обращаемся с речью, не способен нас слышать (обращение к неодушевленным предметам, к отвлеченным понятиям), или не может за дальностью расстояния (обращение к отсутствующим), или даже просто не существует (обращение к покойникам, к мифическим существам в устах неязычников). Когда Пушкин обращался к домовому («Поместья мирного незримый покровитель, тебя молю, мой добрый домовой...»), он знал, что домовых не существует. Когда он обращался к Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов...») или к только что умершему Наполеону («О ты, чьей памятью кровавой... Надменный, кто тебя подвигнул?..»), он знал, что они умерли. Само собой разумеется, что для развития особого специфического оттенка реальности здесь нет почвы. И действительно, мы видим, что обращения, когда они относятся не к реальным предметам, тесно граничат с простым напоминанием себе предмета, с представлением себе его. Так, в известном стихотворении Пушкина:

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?

стоит только переменить интонацию, примерно, так:

Мечты, мечты...
Где ваша сладость?

и «мечты» перестанет быть обращением, а будет просто именительным представления. Именно на этом-то именительном, сравнивая его со случаями, приведенными выше (см. стр. 202), мы и убеждаемся в наличности в языке особого именительного бытийного. Вот еще несколько случаев, когда именительный не обозначает ни обращения, ни существования, ни действующего предмета (подлежащее), ни предмета, квалифицирующего другой предмет (приложение и именительный предикативный), а только напоминание о предмете, представление о нем:

«Воспоминания! Как острый нож оне». (Гриб.)

Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс)
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал... (Пушк.)
Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе,
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! (Пушк., «Евгений Онегин», ср. с обращением в предыдущем стихе и с именительным бытийным, который мог бы тут быть, если бы это слово относилось к Лариным, подъезжающим к Москве.)

«Человек! Это звучит гордо». (М. Горький, «На дне», слова Сатина.)

Полицмейстер у нас был очень замечательный и глубоко врезался мне в память. Александр Александрович Тришатный. Невысокий, полный... (Вересаев, «Воспоминания», «Новый мир», 1927 г., IV.)

На этих примерах мы видим, что такого рода именительный склонен переходить в «словесный» именительный, т. е. в напоминание не столько о предмете, сколько о слове, его обозначающем (срвн. у Пушкина: «как много в этом звуке...», у Горького: «это звучит...»). Но нам сейчас это не важно, а важно то, что здесь является именно представление в его чистом виде, не осложненное идеей существования. Особенно это ясно у Вересаева, где мы имеем, так сказать, психологический комментарий к данной форме в предыдущих словах «врезался мне в память» и в общем характере произведения (воспоминания). Несомненно, пишущий представлял себе при этом именительном не одни имя, отчество и фамилию (хотя они и имеют здесь несколько больший вес, чем обычно), но и их реального носителя. Однако идеи существования самой по себе здесь абсолютно нет, потому что предмет только вспоминается. Это совсем не то, что собственные имена в авторских ремарках драматических произведений, вроде:

Действие третье. Комната первого действия. Явление I. Анна Андреевна, Марья Антоновна (стоят у окна в тех же самых положениях). (Гог., «Ревизор».)

То, что автор поставил глагол при этих собственных именах в скобки, показывает, что эти имена для него не нуждались в предикации, что он мыслил их самих предикативно. А так как ни о каких признаках этих предметов здесь не может быть речи (признаки даны в скобках), то предицирующим моментом здесь мог быть только единый и всеобщий признак всякого пред-

мета — бытие. Так как именно этот признак важнее всего для драматурга, стремящегося воплотить на сцене свои образы, то ремарки, описывающие декорации и обстановку, состоят обычно из ряда таких именительных (примеры см. в гл. XVI). Но особенно яркий и обильный образчик таких именительных дает нам известное стихотворение Фета:

Шопот, робкое дыханье,
трели соловья,
серебро и колыханье
сонного ручья...

Кстати, на нем поучительно сравнить этот именительный с именительным обычного подлежащего, чтобы еще раз убедиться в его «бытийном» своеобразии. «Примыслим» глаголы к этим именительным, скажем, положим, так: «шопот, робкое дыханье и трели соловья слышатся в кустах», «серебро и колыханье сонного ручья мерцают в воздухе» — и мы сразу заметим, что оттенок существования в именительных пропал. С этим именительным в теснейшей связи стоит указательный именительный, связанный с указательным жестом. Когда мы указываем на дерево и говорим: «Ворона!», мы обычно не мыслим при этом никакого предиката, вроде «сидит», «клюет», «велика» и т. д., и не чувствуем никакой потребности в предикате. Следовательно и здесь предикативное значение (и притом именно бытийное, потому что никакого другого значения при отсутствии наличных и подразумеваемых предикатов быть не может) заключено в самой форме именительного падежа. Нам могут возразить, что указательный жест может сопровождать любое слово и любую форму. Я могу, указывая на здание вдали, сказать: «Там!», или: «С утра!», или: «Василия блаженного!», или: «Наркомюста!». Но все эти восклицания будут нуждаться в предикате, причем одни могут быть восполнены предикатом глагольным (первые два: «Там встретимся», «с утра стреляют»), а другие — как раз предикатом, выраженным бытийным именительным (последние два: «Храм Василия блаженного!», «Здание Наркомюста!»). И по прибавлении этого именительного получится та же законченность, какую мы получаем, когда прибавляем к слову «белую» глагол «взвесил». Такой именительный, уже по одной связи своей с жестом, должен считаться примитивнейшим и древнейшим (в литературе он возможен только при авторской ремарке относи-

тельно жеста или при словах «вот» и «вон», которые делаются при нем служебными). Надо думать, что литературный бытийный именительный есть именно литературная трансформация этого чуть ли не «биологического» именительного: автор с помощью его как бы у к а з ы в а е т читателю описываемый предмет. Наконец сюда же принадлежит и именительный вывесок, заглавий книг, надписей на зданиях, объявлений. Указательный жест заменяется здесь помещением писанного слова в определенном, социально-обусловленном месте, по большей части в непосредственном соседстве с самим предметом, в этом слове обозначенном. Эти именительные окрещены кое-кем в литературе термином «назывные», и этот термин у с л о в н о можем принять и мы с оговоркой, что сущность их в нем не отражается. Когда мы из окна вагона указываем собеседнику на промелькнувший мимо неизвестный ему город, и говорим, положим: «Весьегонск!», мы можем думать либо, что «этот город называется «Весьегонском», либо, что «здесь находится Весьегонск». Стало быть, здесь возможно, между прочим, и «назывное» значение. Но это потому, что мы можем при данных условиях предположить в слушателе интерес т о л ь к о к и м е н и и, настраиваясь, так сказать, на его лад, предполагая с его стороны вопрос «как называется?», н а з в а т ь ему город. Писатель же, выставляя на книге название своего произведения, никогда не может предполагать у читателя такого чисто-назывного интереса, так как такой интерес сможет получиться только п о п р о ч т е н и и книги. Приступая к чтению книги, читатель интересуется с о д е р ж а н и е м ее и в заглавии видит намек на это содержание или даже сжатое выражение его. Это отношение читателя знает, конечно, и писатель (срвн. у Помяловского в «Мещанском счастье»: «Так где же счастье? — спросит читатель: — в заглавии счастье о б е щ а н о» *. Значит, название книги всегда есть н е ч т о б о л ь ш е е, чем название. Тем более это надо сказать про название товаров на вывесках магазинов. Но как бы ни решать вопрос о сущности этих именительных, несомненно одно: они тоже не нуждаются в присоединении к ним предикативного слова, потому что сами выражают мысль. Таким образом мы нашли целых 3 значения у категории именительного падежа (тесно связанные друг с другом), при которых формы, принадлежащие к этой категории, выражают м ы с л ь, причем проис-

* Разрядка наша.—*А. П.*

ходит это с помощью интонации (первое значение), жеста и интонации (второе значение), обстановки и интонации (третье значение), но не с помощью подразумеваемого предиката, как во всех других непредикативных словах и формах.

Ту же особенность мы можем найти и в инфинитивах в некоторых случаях их употребления. Так, например, бывшие в нашем первоначальном списке (стр. 192) инфинитивы «работать» и «учиться» мы можем представить себе в такой связи:

Слава богу, здоровье восстановлено, все препятствия устранены. Теперь — работать, работать и работать!
Учиться? — Нет-с, не желаю, всему научен, баста!

Мы, конечно, могли бы дополнить эти инфинитивы другими предикативными словами, например: «нужно работать», «решил работать», «примусь работать» и т. д., «прикажете учиться?», «нужно учиться?» и т. д. Но такое дополнение выходит за пределы того, что мы называли «подразумеванием». Уже самое разнообразие возможных здесь дополнений показывает, что ни одно из них не держится в уме при произнесении инфинитивов, что всеми ими мы хотим только выразить те оттенки, которые заключены в самих инфинитивах. Правда, и тут дело опять не в самой инфинитивной форме, а в интонации, так как написанное, например, на бумаге «работать» не вызывает само по себе непременно такого понимания (можно понять его как обрывок фразы: «ушел работать», «хочу работать» и т. д.). Но в соединении с определенной интонацией эта форма может так же не нуждаться в предикативном слове, как и именительный падеж. Что форма эта заключает в себе самой значение предикативности, особенно ясно из того, что она может употребляться в придаточных предложениях с союзом «чтобы», где к ней уж решительно невозможно «примыслить» никакого глагола: «я пришел, чтобы поесть»; «я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие» (Гоголь). Вставка: «чтобы можно было поесть» или «чтобы я мог поесть» уже абсолютно недопустима. Здесь эта форма (правда, в неразрывной связи с союзом «чтобы») перестает даже уже нуждаться в услугах интонации: она и в письменной речи, прочтенная глазами (поскольку это вообще возможно), может быть понята только предикативно.

Итак, среди непредикативных слов и форм мы нашли два разряда форм особого рода. Они, будучи сами по себе непредикативными, в соединении со специфическими предикативными интонациями перестают нуждаться в предикативном восполнении. Этим они резко отличаются от всех остальных непредикативных слов. Возникает вопрос, куда же их отнести: к предикативным или непредикативным словам? Выше (стр. 53 и след.) мы видели, что интонационные средства языка могут двояко относиться к собственно-грамматическим средствам: они могут более или менее случайно наслаиваться на них и могут органически сочетаться с ними. Последнее мы и имеем как раз в данном случае. Сам по себе именительный падеж не имеет ни бытийного, ни указательного, ни назывного значения (доказательство — те случаи, когда он обозначает простое представление, см. стр. 203 и след.), и сами по себе интонации, которые при нем в этом случае употребляются, тоже не имеют такого значения (доказательство — употребление их и при других оборотах). Вместе же они создают именно такие значения. Точно так же в инфинитиве самом по себе нет значений ни желания, ни необходимости, ни возможности и т. д. (см. подробный обзор в гл. XVII), и нет этих значений (по крайней мере в такой степени четкости и дифференциации) и в тех интонациях самих по себе, какие тут применяются. В соединении же того и другого средства зарождаются именно эти значения. Ясно, что здесь мы имеем как раз тот случай, который мы в свое время квалифицировали как равноправное участие интонации в образовании грамматических значений, и что поскольку речь идет не о слове или форме, самих по себе, а о комбинациях их с определенными интонациями, все такие случаи предикативны.

Стало быть, в итоге, в категорию сказуемости мы включаем: 1) собственно-глаголы, 2) сочетания глагола-связки с целым рядом форм и бесформенных слов, о которых речь будет ниже (см. гл. XI и XII), и, в известных случаях, одни эти формы и бесформенные слова, без глагола-связки, 3) несколько бесформенных слов, стоящих по значению в связи с глаголами («есть», «нет», «на!»), 4) именительные падежи существительных в бытийном, указательном и назывном значениях и в сочетании с соответствующими интонациями, 5) инфинитивы в целом ряде значений, о которых речь ниже, и в сочетании с соответствующими

интонациями. Все эти слова и словосочетания мы будем называть в дальнейшем сказуемыми, различая простое сказуемое (слово) и составное сказуемое (словосочетание).

На этом мы могли бы уже покончить с общей частью книги и перейти к специальной части — обзору форм словосочетаний русского языка. Но всякий обзор требует предварительной ориентировки. Не придавая классификационному моменту в грамматике самодовлеющего исследовательского значения, мы все же не можем не обосновать нашего обзора на той или иной предварительной, чисто-ориентировочной классификации форм словосочетаний. Разумеется, формы словосочетаний можно классифицировать по самым различным признакам. Так как словосочетания могут состоять из двух или нескольких слов, то можно различать двухсловные, трехсловные и т. д. словосочетания, причем параллельным «однословным» разрядом оказались бы те слова с формами словосочетаний, которые мы условились выше тоже называть словосочетаниями. Далее, так как отношения между словами в словосочетании могут выражаться различными внешними способами (аффиксы, служебные слова, интонация, порядок слов), то можно и по этим способам классифицировать словосочетания, устанавливая в этом случае, разумеется, ряд смешанных групп (так как одно и то же отношение может быть одновременно выражено разными способами). «Однословные» словосочетания при такой классификации, понятно, совсем не находят себе места. Обе указанные классификации опираются на внешние признаки форм словосочетаний, совершенно не касаясь их значений. Поэтому мы отказываемся строить на них наши основные подразделения (хотя в более мелких группировках и будем ими пользоваться). Основные подразделения должны быть проведены, думается нам, по признаку значений форм словосочетаний, а среди этих значений на первое место должно быть поставлено то значение, для выражения которого вообще и существуют-то самые формы словосочетаний да и весь язык вообще—значение выражения мысли, или сказуемость. По признаку обладания или необладания этим значением мы разделим все словосочетания на: 1) словосочетания, имеющие в своем составе сказуемое или указывающие своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящие из одного сказуемого; все такие словосочетания мы бу-

дем называть предложениями; 2) словосочетания, имеющие в своем составе два или несколько сказуемых или два или несколько словосочетаний, указывающих своим формальным составом на опущенные сказуемые, или состоящие из одних сказуемых; все такие словосочетания мы будем называть сложными целыми (более обычный термин — «сложное предложение»); 3) словосочетания, не имеющие в своем составе сказуемого и не являющиеся сами сказуемыми. Первый вид словосочетаний (предложения) распадется опять-таки по способу выражения в нем сказуемости на 3 рубрики: 1) глагольные предложения (сказуемое — глагол или глагол-связка с присвязочным членом), 2) номинативные предложения (сказуемое — именительный падеж существительного, и сам термин берется нами условно от латинского названия этого падежа — nominativus), 3) инфинитивные предложения (сказуемое — инфинитив). Первая из этих групп — глагольные предложения — опять-таки по значению и выражению в ней сказуемого подразделится взаимно-пересекающимися делениями на: 1) а) предложения с простым сказуемым и б) предложения с составным сказуемым и 2) а) предложения личные, б) безличные, в) неопределенно-личные, г) обобщенно-личные. С другой стороны, все предложения вообще по разным признакам, рассмотрение которых последует уже в специальной части, подразделятся на следующие все время взаимно-пересекающиеся группы: 1) распространенные и нераспространенные, 2) полные и неполные, 3) утвердительные и отрицательные, 4) повествовательные, вопросительные, восклицательные и повелительные. В качестве дополнений к изучению этих видов предложений будут рассмотрены «обособленные слова и группы» и «словосочетания со счетными существительными». В качестве переходной группы между предложениями и сложными целыми будут рассмотрены слитные предложения. Сложные целые подразделятся по способу сочетания в них отдельных предложений на сложные по способу сочинения и по способу подчинения. Наконец, словосочетания, лишенные совершенно сказуемости, распадутся на: 1) словосочетания, выражающие чистые представления (см. стр. 203 и след.), возможны были бы термины: «репрезентативные», «имажинативные», «идейные», «воспроизводительные»), 2) звательные словосочетания, 3) вводные словосочетания,

4) междометные словосочетания (в огромном большинстве однословные).

Во всей этой схеме термин «словосочетание» берется в ограниченном объеме, именно в смысле законченного словосочетания, т. е. такого, которое не входит в порядке согласования, управления или примыкания в состав другого словосочетания. Но мы уже знаем, что в каждом более чем двухсловном словосочетании мы можем различить незаконченные и в то же время несамостоятельные словосочетания, входящие в состав данного и зависящие от той незаконченной части его, которая является самостоятельной и не отличается по составу от законченных словосочетаний (например, в словосочетании «я пишу эту записку» можем различить несамостоятельные словосочетания «пишу эту записку» и «эту записку», зависящие от самостоятельного словосочетания «я пишу», см. стр. 37 и 64). Обзор форм этих несамостоятельных словосочетаний естественно отойдет к той из установленных выше групп, которая по природе своей должна быть представлена многословными словосочетаниями: к распространенным предложениям. Внутри этой группы будет проведен обзор всех тех двухсловных словосочетаний, из которых она может состоять. Обзор этот будет покоиться уже в значительной степени на классификации по способу выражения отношений между словами.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

X. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРОСТЫМ СКАЗУЕМЫМ.

Нужда пляшет, нужда скачет. (Посл.) *
Глупый осудит, а умный рассудит. (Посл.)

Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели. (Некрас.)

Как видно из примеров, предложения эти состоят из двух слов: из существительного в именительном падеже (или субстантивированного прилагательного в том же падеже) и согласованного с ним глагола. Значение глагола как сказуемого в этих словосочетаниях, а равно и общее значение категорий времени и наклонения, создающих здесь сказуемость, достаточно выяснены в «Общей части». Здесь нам остается выяснить: 1) значение другой части словосочетания — именительного падежа существительного, или так называемого п о д л е ж а щ е г о, 2) способы согласования глагольного сказуемого с подлежащим, 3) бесформенные и иноформенные подлежащие и согласование с ними сказуемых, 4) особенности в употреблении времен и наклонений сказуемого.

Значение подлежащего определяется всецело значением глагольного сказуемого. Последнее обозначает, как мы видели, признак, создаваемый деятельностью предмета. Но если в «нужда пляшет» сказуемое «пляшет» обозначает признак, создаваемый предметом, обозначенным в слове «нужда», то, очевидно, в слове «нужда» обозначен предмет, создающий признак, выраженный в слове «пляшет». К этому и сводится значение подлежащего. Поскольку мы признали, что в с я к и й глагольный признак есть прежде всего признак д е й с т в е н н ы й, мы можем это значение выразить и короче. Если сказуемое обозначает действие, производимое предметом, то подлежащее обозначает д е й с т в у ю щ и й п р е д м е т.

Относительно с о г л а с о в а н и я глагольного сказуемого с подлежащим нужно прежде всего заметить, что э т о согласование носит менее п о д ч и н и т е л ь н ы й характер, чем согласование прилагательного с существительным. Причина

---

* В этом и подобных ему примерах мы отвлекаемся пока от того, что изучаемые предложения составляют части сложного целого.

этого явления коренится в особенностях категории сказуемости. Слово, самое главное для выражения процесса мысли, оказывается подчиненным другому слову, потому что обозначает признак, а не предмет! Здесь заключена известная антиномия, известное столкновение основ языка, и странно было бы, если бы это столкновение не отразилось на внешних фактах. И действительно, мы находим в формах согласования глагола значительную долю противоречащей самой идее согласования самостоятельности. Эти-то случаи мы и должны здесь рассмотреть.

Наиболее самостоятельна форма лица в глаголе и особенно 1-го и 2-го лица. Это видно из того, что формы эти нередко употребляются и без подлежащего (т. е. без слов «я», «ты», «мы», «вы»), например:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгий стройный вид... (Пушк.) *

Люблю тебя, законченность сонета... (Бальм.)

Приветствую тебя, пустынный уголок... (Пушк.)

Сижу за решеткой в темнице сырой. (Пушк.)

Хочу быть гордым, хочу быть смелым... (Бальм.)

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу! (Бальм.)

Приемлю боль — как благостыню,
Благословляю бытие... (Бальм.)

Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто! (Брюс.)

Поверишь ли? ну, право, был он с гору. (Крыл.)

Вон видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит?.. (Крыл.)

Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной. (Пушк.)

Шумим, братец, шумим. (Грибоед.)

Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. (Лермон.)

Преглупый народ! — отвечал он. — Поверите ли? Ничего не умеют... (Лерм.)

Сказуемое здесь кажется вполне самостоятельным, не нуждающимся в подлежащем. Во многих из приведенных примеров

* Во всем этом отделе примеры даются и на распространенные предложения, так как в отношении согласования сказуемого с подлежащим между распространенными и нераспространенными предложениями нет никакой разницы. То же и в последнем отделе главы.

читатель, знавший их раньше, вероятно, впервые заметит, что нехватает слов «я», «ты» и т. д. Самое большее, если мы заметим здесь некоторую энергичность, быстроту или взволнованность речи, но именно с этой-то точки зрения слова «я», «ты», «мы» и «вы» оказываются прямо неуместными: вставляя их, мы получим речь более вялую, разжиженную, спокойную, но ничем не более ясную (например: «Я люблю тебя, Петра творенье», «Я сижу за решеткой в темнице сырой» и т. д.). Еще чаще отсутствует подлежащее при повелительном наклонении, и здесь это уже становится правило. Мы не говорим: «ты уйди!», «ты отстань!», «вы садитесь!» и т. д., а всегда: «уйди!», «отстань!», «садитесь!» и т. д. Если здесь и встречаются личные слова, то только в следующих особых случаях: 1) когда по логическим или стилистическим условиям фразы личные слова оказываются у д а р н ы м и (и в э т о м случае они необходимы, конечно, и при всяком наклонении, не только повелительном), например:

> **Ты** с басом, Мишенька, садись против альта,
> **Я**, прима, сяду против вторы... (Крыл.)
>
> Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
> но **ты** останься тверд, спокоен и угрюм. (Пушк.)
>
> **Ты**, Никодим, **ты**, Сергий, **ты**, Кирилл,
> **вы** все — обет примите мой духовный... (Пушк.)
> Ты, солнце святое, гори! (Пушк.)

2) когда говорящий желает придать с м я г ч а ю щ и й оттенок своему приказанию, приблизить его к у в е щ а н и ю, например:

> **Ты** постой, постой, — сказал Степан Аркадьевич, улыбаясь и трогая его руку...
> **Ты** мне скажи откровенно, — продолжал он, достав сигару и держась одной рукой за бокал, — **ты** мне дай совет...
> ... Да, но без шуток, — продолжал Облонский, — **ты** пойми...
> (Л. Толстой.)
>
> ... Да **вы** попробуйте, да потом скажите... **Вы** только попробуйте: этот кусок — тот же городничий. (Гог.)

3) когда говорящий преисполнен враждебными эмоциями по отношению к адресату, но облекает их не в порывистую, а в торжественную, ритмически-замедленную интонационную форму, требующую соответственной полноты выражения («Будь т ы проклят!», «Пропади т ы пропадом!», «Сгинь т ы, сила окаянная!» и т. д.)

Все это касается лишь первых двух лиц. В отличие от них пропуск подлежащего в 3-м лице создает явную несамостоятельность

глагола, согласованность его с отсутствующим подлежащим, например:

Идет... ему коня подводят. (Пушк.)

Глядит, уж в комнате светло... (Пушк.)

...Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том, о сем... (Пушк.)

Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет... (Пушк.)

Во всех этих случаях мы ясно сознаем, что подлежащее опущено. В третьем лице множественного числа связь с предыдущей речью еще более тесна, потому что, лишенная подлежащего и оторванная от предыдущего, форма эта может быть понята безлично. Так, предложения:

Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают? (Пушк.)

Куда глядят? Чего хотят? (Майк.).

...придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и... разойдутся. (Гриб.)

могут быть приняты только или за неполные, или за особого рода безличные (с неопределенным множественным подлежащим), и человеком, не знающим предыдущего, скорее всего будут приняты именно за последние.

Разница эта между первыми 2-мя лицами и 3-м лицом объясняется тем, что при первых двух лицах в качестве подлежащего возможны только слова «я», «ты», «мы» и «вы», т. е. слова, у которых основное значение сводится к понятию лица речи (см. гл. VIII). Таким образом основное значение этих слов совпадает с формальным значением глаголов в формах лица. Понятно, что одно может заменять другое. Если в сочетании «я иду» дважды выражено одно и то же, то понятно, что один из этих личных элементов может отпасть, не оставив на своем месте существенного пробела. Напротив, в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово «он», но и тысячи других слов со всевозможными значениями. Понятно, что опущение такого слова сознается как пропуск чего-то важного.

Впрочем, и в первых 2-х лицах подлежащее все же большею частью употребляется, несмотря на свою ненужность.

Это бывает не только при спокойном тоне речи, когда в наличности подлежащего можно было бы усмотреть именно оттенок спокойствия, но и в случаях противоположного характера, например:

> **Я** умру! На позор палачам
> Беззащитное тело отдам! (Полеж.)

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мновения, как я. **Я** иду, **я** иду, **я** ухожу, **я** меняю, и изменяюсь **сам** (Бальм.)

> **Я** хочу порвать лазурь
> Успокоенных мечтаний.
> **Я** хочу горящих зданий,
> **Я** хочу кричащих бурь! (Бальм.)

> **Я** буду счастлив, **я** буду молод,
> **Я** буду дерзок, **я** так хочу! (Бальм.)

> **Ты** хочешь знать, что видел я
> На воле? (Лерм.).

> Уж **мы** пойдем ломить стеною,
> Уж постоим **мы** головою
> За родину свою! (Лерм.)

> «О чем шумите **вы**, народные витии?
> Зачем анафемой грозите **вы** России? (Пушк.)

Таким образом присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как н о р м у, а отсутствие их как отступление от нормы, имеющее всякий раз свои причины и свой смысл. С этой точки зрения в предложениях типа «люблю тебя, Петра творенье» глаголы приходится, очевидно, признать все-таки н е с а м о с т о я т е л ь н ы м и, согласуемыми с о т с у т с т в у ю щ и м и м е с т о и м е н и я м и, хотя несамостоятельность эта, конечно, минимальна. Только в п о в е л и т е л ь н о м наклонении трудно настаивать на таком понимании, так как употребление местоимений при нем, напротив, является исключением. Поэтому при повелительном наклонении нормально уже не подлежащее, а сказуемое является абсолютно подчиняющим членом (как во всех безличных, инфинитивных и номинативных предложениях, см. ниже). И предложения типа «иди!», «идите!» являются, таким образом, единственным случаем о д н о с л о в н о с т и рассматриваемых словосочетаний, тогда как предложения типа «иду», «идешь», «идем», «идите» мы все же относим к д в у с л о в н ы м н е п о л н ы м предложениям (см. гл. XX).

В других языках, имеющих глагольные формы лица (латинский, древне-греческий и другие), личные слова употребляются т о л ь к о при особом у д а р е н и и н а н и х. Таким образом употребление н е у д а р я е м ы х личных

слов составляет важную особенность русского языка. Явление это, по всей вероятности, стоит в связи с отсутствием глагола в таких сочетаниях, как: «я дома», «я добр», «ты здесь», «ты богат», «ты не в духе» и т. д. (см. гл. XII), а также с отсутствием формы лица в нашем прошедшем времени (я читал — ты читал — он читал). Во всех этих сочетаниях личные слова необходимы, потому что иначе нельзя узнать лица. А из них они могли перебраться и в такие сочетания, где они ненужны.

Самостоятельность формы числа в глаголе проявляется в том, что глагол иногда не согласуется в числе с подлежащим. Именно, если подлежащее стоит в единственном числе, а вещественное значение его резко множественно, то сказуемое может стоять во множественном числе. Так, мы говорим: «пять человек идут сюда», «шесть человек пришли» и т. д., хотя слова «пять», «шесть» и т. д. по форме своей, собственно, существительные единственного числа, как «кость», «мякоть», «пыль и т. д., и в древнерусском языке еще сохраняли даже свой женский род («о чом жо ты не искал... в ту шесть лѣтъ», «хлѣбъ дорогъ бысть... всю десять лѣтъ», из «Материалов для словаря древне-русского языка» И. И. Срезневского). Точно так же и «тысяча человек идут», хотя «тысяча» уже совершенно правильное существительное, имеющее и род и оба числа («тысяча» и «тысячи»). Это так называемое «согласование по смыслу». Изредка оно встречается и при других, не численных подлежащих, например:

Вокруг стоит стража, на плечах топорики держат. (Пушк.)

Большая часть в нем, правда, были волки. (Крыл.)

...Стали увеличиваться число праздников... (С. М. Соловьев, «Записки».)

Я совершенно не понимаю тех, кто, пострадав ночью в лесу, начинают вопить... («Русск. сл.», 1912 г., № 199, Яблоновский.)

...под угрозами тех, кто еще недавно говорили со славянами тоном небрежного приказания... («Русск. ведом.», 1913 г., № 269, М. А. Осоргин.)

...Часть мужиков перережут друг друга («Накануне», 1918 г. № 6, С. И. Карцевский.)

Часть анархистов вошли в помещение ночной типографии... («Русск. ведом.», 1917, № 126, Политич. изв.)

В то время когда масса наших братьев героически умирают. («Русск. ведом.» 1917 г., № 178.)

...несколько разочарованы те, кто находили возможным... («Русск. ведом.», 1914, № 278.)

И в этом виноваты те, к т о, потерпев поражение на выборах, затем с т а л и вопить... («Русск. ведом.», 1914, № 271.)

Может быть именно в этом главная причина той несомненной неудовлетворенности, с какой б о л ь ш и н с т в о зрителей у ш л и со спектакля. («Русск. ведом.», 1914, № 69, Н. Эфрос, «Спектакль пушкинских дней».)

В древне-русском языке явление это было гораздо более распространено. Так, в летописях такие слова, как: «дружина», «братия», «народ», «множество», а также названия отдельных народов («русь», «чудь», «меря», «мурома» и т. д.) п о ч т и в с е г д а сочетаются со множественным числом глагола («къде с у т ь д р у ж и н а наша», «д р у ж и н а смеятися н а ч н у т ь», «и д у т ь р у с ь», «н а р о д д в и г н у ш а с я»=двинулись, «о с т а н о к людей и д о ш а»=шли и т. д.). То же и в былинах (например, в былине об Илье Муромце: «п р и ш л и к нему н и щ а б р а т и я», «н и щ а б р а т и я у И л ь и с п р а ш и в а л и» и т. д.), а отчасти и в современном народном языке. Сюда же относится и то множественное, которое ставится при нескольких подлежащих, имеющих каждое форму единственного числа («князь И г о р ь и О л ь г а на холме с и д я т», «однажды л е б е д ь, р а к да щ у к а везти с поклажей воз в з я л и с ь»), или даже при одном подлежащем, если действующих лиц по смыслу все-таки несколько («на солнышке П о л к а н с Барбосом лежа г р е л и с ь»).

Наименьшей самостоятельностью из всех трех категорий согласования сказуемого обладает категория согласования в р о д е (в прошедшем времени и сослагательном наклонении). Это объясняется, конечно, прежде всего, тем, что при согласовании в роде неизбежно отсутствует согласование в л и ц е (которого у прошедшего времени нет). В то время как настоящее и будущее времена в формах 1-го и 2-го лица почти не нуждаются, как мы видели, в подлежащем, а в форме 3-го лица нуждаются в нем лишь для обозначения самого предмета, но не для обозначения лица, форма прошедшего времени, не имея лица, в с е г д а нуждается в нем. Слова «я», «ты» и «он» здесь необходимы (не говоря уже о словарном обозначении для 3-го лица), и без них предложение явно неполно. Но и в этом отделе согласования можно усмотреть некоторые признаки самостоятельности, именно в случаях все того же «согласования по смыслу». При таких словах, как: «пьяница», «лакомка», «каналья», «проныра», «неряха» и т. д., сказуемое всегда согласуется в роде «по смыслу», т. е. в сущности не согласуется совсем, а стоит вполне самостоятельно; про мужчину мы

скажем: «пьяница пришел», а про женщину: «пьяница пришла», и перепутать род нам здесь совершенно немыслимо. Не то в прилагательном, где встречаются такие выражения, как: «он такая пьяница», «такая неряха», «большая лакомка», «большая каналья» и т. д. В народном и старинном языке такое согласование прилагательного встречается еще чаще, и там даже такие слова, как: «голова», «детина», «судья», «калика», обозначающие только мужчин, могут сочетаться с женским родом прилагательных («городская голова», «детинушка приезжая», «калика перехожая», «судья праведная»). Срвн. также у Островского: «я так считаю, что ты м о я глава» (в обращении к мужу), «может, и пригодится на к а к у ю - н и б у д ь н е в е ж у - г о с т я» (оба примера из «На бойком месте»). Во всех таких случаях прилагательное, очевидно, вопреки смыслу, рабски следует за формой существительного. В прошедшем же времени глагола такого согласования даже в былинах почти не встречается, и это показывает, что здесь форма рода обладает некоторой самостоятельностью. Такое же значение имеет род глагола и при подлежащих «я» и «ты». Так как подлежащие эти сами по себе стоят вне родовых категорий (форм рода у них нет, а прилагательные с ними почти несоединимы, так что и по этому признаку их рода определить нельзя), то в сочетаниях «я пришел» и «я пришла» род глагола употребляется только п о с м ы с л у, т. е. с о в е р ш е н н о с а м о с т о я т е л ь н о. Впрочем и прилагательные при них, поскольку они возможны, должны употребляться самостоятельно. Если бы фразу из «Подростка» Достоевского: «Ведь **этакий я** только один и есть!» (издание Маркса, стр. 46) говорила женщина, она, конечно, сказала бы: «Ведь **этакая я** только одна и есть» (срвн.: «Как будто бы в меня вселялась другая, посторонняя мне женщина, а я, **настоящая я**, только с ужасом прислушивалась и приглядывалась к ней...», Рунова, «Лунный свет»). В последнее время, в связи с выдвижением женщин на всех поприщах, доступных раньше только мужчинам, в русском языке явилась большая потребность в употреблении самостоятельного женского рода глагола, так как названия разных специальностей и должностей не всегда допускают образование женского рода с недвусмысленным значением. «Докторша», «профессорша», «дворничиха», «мельничиха», «купчиха» и вообще все имена на **-ша** и на **-иха** (а также и некоторые другие, как «императрица», «королева», «монархиня») могут обозначать и ж е н лиц, выполняющих соот-

ветствующие функции, и самих этих лиц (недвусмысленное значение имеют здесь: 1) существительные на -ка: лекарка, знахарка, институтка, лаборантка и т. д.; 2) существительные на -ица, -чица, -щица, -ница, образованные от мужских существительных на -ец, -чик, -щик, -ник, -тель: чтица, истица, летчица, заводчица, фальцовщица, факельщица, учительница, надзирательница, привратница и т. д.; 3) некоторые иностранные слова: поэтесса, актриса, директриса). Отсюда такие факты, как:

Аспирант Р. С. Лившиц была в командировке для изучения вопроса о вечной мерзлоте в Сибири в течение двух месяцев. («Дзержинец», № 67, 22 мая 1927 г., лучше было сказать «аспирантка»).

Сюда приехала вице-президент университетской федерации английской рабочей партии Фрида Атлин. («Изв. ЦИКа СССР и ВЦИКа», № 166, телегр. Тасс из Баку от 22 июля; можно было, хотя и с оттенком вольности, сказать «вице-президентка».)

В разговорном языке нам также приходилось уже слышать: «товарищ вышла», «управдел сказала» и т. д. На этих случаях как раз легче всего наблюдать и самостоятельную сторону значения рода глагола и его согласовательную сторону. Обычно мы в таких случаях чувствуем затруднение: сказать «вышел» про женщину невозможно, но и сочетать слово «товарищ» со словом «вышла» тоже неловко. Отсюда стремление в большинстве случаев предпослать глаголу собственное имя («товарищ Соколова вышла», «товарищ Надя вышла», «профессор Валентина Афанасьевна Озерова... работала в глубине этой тихой лаборатории», «Огонек», № 17, от 24 апреля 1927 г., роман «Большие пожары»), хотя бы даже тоже не имеющее формы женского рода («товарищ Рабинович вышла», «товарищ Кирейко вышла»). В последнем случае сказывается давняя привычка соединять женский род глагола с иностранным несклоняемым женским именем («мадам пришла», «леди сказала», «Бланш пела» и т. д.). А эти последние факты опять-таки указывают на известную долю самостоятельности в роде глагола, хотя в этом случае опять-таки и прилагательное употребляется самостоятельно («милая Бланш», «милая мадам», «милый Рабинович» и «милая Рабинович»). Но что разница между глаголом и прилагательным все же сознается, ясно из того, что «добрая товарищ» русский человек ни в каком случае не может сказать, а «товарищ вышла», хотя и с некоторым стеснением, но может. Интересны также в этом отношении следующие места из «Шинели» Гоголя: «Нужно знать, что

одно значительное лицо (последние слова в самом тексте выделены курсивом по соотношению с предыдущим текстом, где чиновники советуют Акакию Акакиевичу пойти к «одному значительному лицу») недавно сделался значительным лицом...», «Что, что, что? — сказал значительное лицо...», «значительное лицо, кажется, не заметил» и т. д. На протяжении шести страниц, посвященных этому персонажу, ни разу не встречается глагола в среднем роде в применении к «значительному лицу». Что же касается прилагательных, то кроме «значительное» и «одно» встречается еще «бедное»: «Бедное значительное лицо чуть не умер», и «которое»: «но мы однакоже совершенно оставили одно значительное лицо, которое, по-настоящему, едва ли не был причиною...» (впрочем, обособленные прилагательные нигде не согласуются, как и глаголы: «значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание...», «но значительное лицо, совершенно впрочем довольный домашними семейными нежностями...» и т. д.). В то же время наряду с «значительное лицо», непрерывно употребляется и «значительный человек», так что получается впечатление, что реальный мужской род мог совершить здесь победу над прилагательным только при помощи перемены рода существительного, а перед устранением согласования оказался бессилен.

Мы так долго и так подробно останавливались на исключениях из закона согласования глагольного сказуемого с подлежащим, что у нас возникает опасение, как бы читатель не усумнился в действительности самого закона, как бы он не подумал, что согласование сказуемого с подлежащим вообще фикция. Ведь всякое согласование тем и отличается от случайного, с грамматической точки зрения, совпадения, диктуемого вещественными условиями фразы, что оно постоянно, что оно не зависит от вещественных условий. В сочетании «я беру книгу» можно усмотреть сходство в числе не только между словами «я» и «беру», но и между словами «я» и «книгу». Но это не будет согласование, потому что можно сказать: «я беру книги». В сочетании «он — учитель» имеется, по утверждению школьных грамматик и некоторых ученых, согласование в роде между обоими существительными. Но наш анализ отрицает вообще в существительных способность к грамматическому согласованию (см. гл. V), а сходство рода для нас в данном случае будет не согласованием, а совпадением, диктуемым веществен-

ными условиями фразы (т. е. тем, что мужчина не может быть женщиной). Грамматически же сочетание «он — учительница» само по себе возможно (например, при исполнении актером женской роли учительницы, при шутливом отождествлении и т. д.). Является вопрос, не могут ли и случаи сходства сказуемого с подлежащим в лице, числе и роде, быть простым совпадением, а не согласованием? Ведь одно только численное преобладание случаев сходства над случаями несходства еще не гарантирует подлинного согласования, так как оно может тоже диктоваться вещественными условиями (подобно тому как во фразе «он — учитель» вещественные условия в подавляющем большинстве случаев требуют тождества родов). Но на самом деле факт согласования сказуемого с подлежащим можно и должно обосновывать совсем не на статистических данных, а на других соображениях. Прежде всего тут показательно само впечатление несамостоятельности, которое производит на нас всякая изолированная форма глагола и которое связано в ней со значением признака (см. гл. VI). Такие слова, как «идет», «стоит», «шел», «стоял», явно ищут себе подлежащего в нашем сознании, и это особенно ясно при сравнении их со словами «стол», «человек», которые отнюдь не ищут себе сказуемых (правда, здесь повелительное наклонение — исключение, а 1-е и 2-е лицо изъявительного наклонения почти исключения). А затем, и это самое главное, есть длинный ряд случаев, где сказуемое вопреки вещественному значению тянется за подлежащим в своих формах лица, числа и рода. Так, говоря о себе в третьем лице («ваш покорнейший слуга просит вас...», «Ох, какой ведь я на этих господ крутой человек... у Михайлы Иванова вот какой характер: где увидит он этакого щелкопера, так руки и чешутся, чтоб дать барину урок...», Писемский, «Ипохондрик», Каноркч о самом себе; «Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев!», Островский, «Лес», Несчастливцев о самом себе; особенно часто в детском языке и в языке дикарей в переводных произведениях), мы никогда не поставим глагола в первом лице. В тех языках, где третье лицо служит формой вежливости, вместо второго, как в немецком, глагол тоже всегда ставится вслед за подлежащим в третьем и никогда во втором. Говоря о своем единственном собеседнике в третьем лице (особая «манера говорения», как бы оценивающая роль и действия собеседника со стороны: «Чем хвалится, безумец!»,

Пушкин, «Борис Годунов», реплика Марины к Дмитрию о нем же; «Что она говорит!.. Это ужасно! Что она говорит?!», Чехов, «Вишневый сад», реплика Трофимова к Любови Андреевне о ней же; «Ошеломил, да и говорит: из головы выкиньте!», Островский, «Волки и овцы», реплика Мурзавецкой к Беркутову о нем же) мы никогда не поставим глагола во втором лице *. Далее, при существительных, вещественно множественных, а по форме числа единственных (так наз. «собирательных») глагол тоже почти всегда (исключения см. выше) следует в числе за существительным: «березняк растет», «ельник растет», «бабьё болтает», «офицерьё сдрейфило», «молодежь поумнела», «кулачество боится», «компания поехала за город», «буржуазия эмигрировала», «военщина задает тон», «профессура единогласно признает», «Изо всех щелей... скакала к ним неунывающая солдатня (Вячеслав Шишков, «Пейпус Озеро»), «Публика усиленно называла друг друга «товарищи», что было нелепо» (В. Шульгин, «1920 год», речь идет о скрывающихся белых), «Всему этому, конечно, большая часть знакомых князя не верила» (Писемский), «...большинство дворян ходило по зале» (Л. Толстой), комиссия, правительство, правление, бюро, партия, дирекция, собрание, сходка, митинг и т. д. находит, постановляет и т. д. (обычная официальная форма), и т. д. и т. д. (то же, конечно, и при всяких синекдохах и метонимиях: «с запада немец прет, с юга—турок», «там дальше сплошь сосна растет», «нынче студент иной пошел», «Франция ликует», «вся Москва удивляется» и т. д.). Обратно, при подлежащих, формально множественных, а вещественно единственных или безразличных, сказуемое стоит всегда (по крайней мере исключения нам неизвестны) во множественном числе: «сумерки спустились на землю», «ворота отперлись», «сани сломались» и т. д. Сюда же принадлежит и множественное вежливости при «вы», множественное скромности при авторском «мы», множественное величия, в манифестах (сейчас, понятно, в русском языке не находящее себе применения), множественное насмешки («мы сегодня покапризничали немного», сказанное про ребенка, «Исправническому учителю сюртуки дарить так есть на что, а брату вы-

---

* Единственное известное нам исключение — употребление сказуемого при титулах: «ваше сиятельство», «ваше превосходительство» и т. д.: «... я мог надеяться, что ваше превосходительство оцените». (Островск., «Богатые невесты».)

тертой шубой каждый день тычем глаза», Писемск., «Ипохондрик», Канорич про сестру). Наконец, при подлежащих, обозначающих неодушевленный предмет, сказуемое в формах рода вообще не зависит от вещественных условий и, следовательно, здесь сходство с подлежащим может быть только грамматическое. При подлежащих, обозначающих одушевленные предметы, но не людей, а животных, сказуемое тоже всегда рабски следует за подлежащим («собака бежала» — «пес бежал», «ворона каркала — ворон каркал», то же при «лошадь» и «конь», «малиновка» и «зяблик», «гусеница» и «червяк» и т. д. совершенно независимо от половых отличий, хотя бы они и были известны в каждом отдельном случае говорящему). И только при именах людей род глагола, как мы видели выше, делается почти самостоятельным. Но и тут возможны случаи согласования вопреки вещественным условиям (при словах «лицо», «особа», «персона», «талант», «гений», «бездарность» и т. д.: «и эта бездарность посмела сказать!», «вас хвалила одна особа», хотя бы говорящий и относил это к мужчине) и, собственно говоря, гоголевский мужской род при подлежащем «значительное лицо» едва ли не недостаток гоголевского языка. Нам, по крайней мере, более «русским» представляется здесь согласование: «значительное лицо рассердилось», «умерло» и т. д.

Конечный наш вывод получается, таким образом, не в пользу высказанного некоторыми учеными мнения, что согласование с подлежащим построено на начале параллелизма и не заключает в себе подчинения. Всякое согласование (равно как и всякое управление и примыкание, см. гл. V) основано на подчинении, и сказуемое ровно настолько согласуется с подлежащим, насколько оно подчинено ему. Мера же этого согласования и этого подчинения у глагольного сказуемого, действительно, несколько ниже, чем у прилагательного.

Особое положение в вопросе о согласовании простого сказуемого с подлежащим занимают: 1) словосочетания с повелительным наклонением глагола, 2) словосочетания с усеченной формой глагола (прыг, хвать и т. д.), 3) словосочетания с бесформенным сказуемым. К этим случаям мы и переходим.

Форма единственного числа повелительного наклонения («иди», «стань», «делай») отличается такой универсальностью в отношении лица и числа, что с трудом можно здесь гово-

рить, как это говорится обычно, о формах второго лица единственного числа. Прежде всего продолжается еще до некоторой степени древнее употребление этих форм в смысле третьего лица единственного числа повелительного наклонения (срвн. в церковном языке: «буди воля господня», и «милостив буди ко мне грешному», где форма на -и является то вторым, то третьим лицом). По крайней мере нас нисколько не смущают и не задерживают при чтении такие факты из языка классиков, как:

Но чорт его несет судить о свете:
попробуй он судить о сапогах. (Пушк.)

Его пример будь нам наукой... (Пушк.)

Благодарствую, сказала:
бог тебя благослови... (Пушк.) *

... пришли ее (тетрадь) мне, Феба ради,
и награди тебя Амур. (Пушк.)

И гром еще не грянул, боже правый!
Так подыми ж (бросает сыну перчатку), и меч нас рассуди.
(Пушк., «Скупой рыцарь».)

Утешь вас бог, как сами вы сегодня
утешили несчастного страдальца. (Пушк., «Дон Жуан».)

А женщина, что бедная наседка,
сиди себе да выводи цыплят. (Пушк.)

... пред вами суд и правда, всё молчи... (Лерм.)

Спи, кто может, я спать не могу. (Некр.)

Тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий так нищий, ну и проси милостыню, а с горя по кабакам шляйся. (Островск., «Волки и овцы», реплика Мурзавецкой о ее племяннике).

Чмокнуть-то губами не велико дело... А то есть дело, которое совсем другого рода; тогда уж мать смотри только. (Островск.)

Хоть весь свет суди меня, а вот что думаю... (Островск.)

Вот он теперь поговори со мной. Я его... (Он же.)

А он служи хорошенько, я его завтра за это молоком накормлю. (Он же.)

А мучаете вы человека так, от скуки. И сиди-то он смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки... (Он же.)

Степень осознания этих форм в их третьеличном значении в таких поговорочных выражениях, как «чорт возьми», «чорт подери», «дьявол его побери», «помогай вам бог», «пошли вам бог», «дай вам бог», «разрази меня господь», «убей бог мою душу», «убей

---

* Понимание формы «бог» как звательной для пушкинской эпохи абсолютно исключено. В настоящее время форма эта может пониматься и звательно, а бывшая звательная форма «боже» является уже, кажется, чистым междометием.

меня гром», «пропадай моя телега» и т. д., трудно определить. Несомненно, древнее значение здесь затуманилось, что видно из таких случаев, «как лопни глаза», «отсохни у меня руки и ноги», где форма эта стала относиться уже и ко множественному числу, что первоначально было невозможно. Затемнение этой формы здесь должно было произойти вследствие потери звательной формы, так что сейчас какое-нибудь «чорт его возьми», даже расчлененное (шутливо) сознанием, сбивается на обращение к чорту в смысле: «чорт! возьми его!». В древнем языке такое понимание было невозможно, так как была особая звательная форма, и в этом смысле звучало бы: «чорте! возьми его!»). Однако и сейчас в некоторых поговорочных выражениях понимание именительного падежа как обращения невозможно: «будь, что будет!», «спасайся, кто может», «пропадай все», «пропади он пропадом», «убирайся он к чорту» и т. д., и это показывает, что третьеличное понимание продолжает здесь еще кой-какую жизнь. Но где такое понимание сохранило все свои древние права и даже расширило их — это в случаях условного смысла повелительных форм («приди он ко мне, я бы ему помог») и в случаях внезапного смысла их («а он возьми да и выкинь тут штуку», оба случая еще будут рассматриваться ниже в отношении замены в них форм наклонений). Здесь третьеличное понимание и употребление прямо уже преобладает над второличным. И замечательно, что и здесь формы эти одинаково служат и для единственного и для множественного числа («подвернись они мне под руку, я бы им показал!», «обещай они мне хоть горы золотые, я на это дело не пойду!»).

Далее существует и перволичное понимание и употребление этих форм во всех трех смыслах (повелительном, условном и внезапном) и опять-таки для обоих чисел:

Не будь **я** Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата (Фонвиз.)

...и будь не **я**, коптел бы ты в Твери. (Гриб.)

...и шевелится эпиграмма
во глубине моей души,
а мадригалы им пиши. (Пушк.)

Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместиях своих.
Не смей согнать ленивца. Рад не рад,
корми его; не смей переманить
работника. (Пушк.)

Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого, меня бы как раз обманули. (Гог.)

Вам хорошо, а я сына в университете содержи, малых в гимназии воспитывай, так мне першеронов не купить. (Л. Толстой.)

Хорошо углядели во-время, догнали, а не углядимы? (Гл. Успенский.)

Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся. (Островск.)

Имей я хоть миллионы, но если не вижу таких глаз, таких ласк — я нищий. (Островск.)

Какой срам? Срам-то бывает у богатых, а мы как ни живи, никому до того дела нет. (Островск.)

А начни я говорить, вы застыдитесь и убежите. (Он же.)

Если все носят такие платья, так я, хоть умри, а надевай. (Островск.)

... Пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, так... матери родной лишитесь. (Островск.)

Наконец, существует и употребление этой формы в смысле второго лица множественного числа, и притом в прямом повелительном смысле:

Я затяну, а вы не отставай. (Крыл.)

Прощай, хозяйские горшки! (Крыл.)

Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан... (Пушк.)

Не умели с хорошими людьми жить, так на себя пеняй. (Островск., «Не все коту масляница», обращение Ахова в Кругловой и Агнии.)

В середине лета «Почем-Соль» получил командировку на Кавказ.
— И мы с тобой.
— Собирай чемоданы. (Анатолий Мариенгоф, «Роман без вранья», обращение к двоим.)

Такой синтаксический универсализм этих форм (причем ни в одном из вышеприведенных случаев у нас не появляется таких ощущений грамматической нескладицы, как, положим, при «товарищ вышла», при «большинство говорят», при экспериментальном «я идешь», «он иду») вполне соответствует морфологической изолированности их: ведь там, где есть только одно лицо, нет, в сущности, и его, так как все грамматические категории соотносительны (срвн. в дальнейшем безличные, морфологически «одноличные», глаголы). Поэтому мы бы затруднились, в конце концов, признать самое значение второго лица за этими формами. Тем более трудно настаивать на согласовании их в лицес подлежащим, даже в случае присутствия при них слова «ты».

Нам могут возразить, что формы множественного числа повелительного наклонения («идите!», «станьте!», «делайте!»), напротив, отличаются абсолютной однозначностью в отношении лица и числа, хотя и стоят в системе спряжения столь же изолированно. Эти формы никогда и ни в каком смысле не употребляются при подлежащих других лиц и других чисел (нельзя сказать: «придите они ко мне, я бы им помог» и т. д.). Но дело в том, что морфологическая их изолированность, в сущности, мнимая. Ведь они имеют тот самый исключительный аффикс -те, относительно которого мы уже замечали (см. выноску на стр. 130), что это не обычный для русского языка аффикс, а скорее «наставка» агглютинативного типа, и что поэтому грамматическая функция его максимально явственна в русской грамматической системе. Немудрено, что формы эти сознаются в крепчайшем единении с соответствующими формами изъявительного наклонения («идете», «станете», «делаете»), тем более, что в огромном количестве случаев произошло даже полное совпадение в звуках: «горите», «велите», «кричите», «будите», «родите», «дурите» и т. д. (правда, ощущаемое в настоящее время как дефект языка, срвн. новообразование «звóните», явно стремящееся дифференцировать двусмысленное «звоните»). Таким образом изоляции тут в сущности нет, несмотря на отсутствие остальных лиц. Впрочем, первое лицо тут, в сущности и есть («идем!», «станем!» см. ниже), так что и с этой точки зрения изоляция не полная. В результате для этих форм повелительного наклонения приходится признать: 1) значение второго лица множественного числа, 2) известную (конечно минимальную) согласовательную силу их в тех случаях, когда при них бывает подлежащее.

По соотношению с ними, может быть, есть некоторая доля значения второго лица и у форм «иди! — стань! — делай!», и во всяком случае есть значение единственного числа.

Совсем особое положение занимает первое лицо множественного числа повелительного наклонения в русском языке («пойдем!», «ляжем!» и т. д.). Прежде всего оно чрезвычайно интересно тем, что, совпадая морфологически с 1-м лицом множеств. числа изъявительного наклонения, синтаксически резко отделено от него. Затем интересны и способы, которыми осуществляется это отделение. Способы эти таковы: 1) обязательное

отсутствие слова «мы», 2) особая «пригласительная» интонация. Кажется, нет в нашем языке* более резкого примера органического слияния собственно-грамматических и интонационных средств для производства одного цельного эффекта, как в данном случае. В самом деле, в присутствии слова «мы» пригласительная интонация невозможна. Нельзя сказать «мы пойдем!» в том смысле, в каком говорится «пойдем!». Так как отсутствие в словосочетании какой-либо формы, создающее определенное значение, мы можем считать нулевым признаком данного словосочетания (подобно тому как отсутствие аффикса в отдельном слове мы считаем нулевым аффиксом, поскольку это отсутствие создает определенное значение), то можно сказать, что здесь нулевая (по отношению к формам слов) форма словосочетания вместе с определенной интонацией создают значение повелительного наклонения. В том же смысле употребляются еще 3 формы словосочетания: 1) «пойдем**те**!», «ляжем**те**!» и т. д. с той же интонацией, 2) «давай ходить!», «давай лежать!», 3) «давай**те** ходить!», «давай**те** лежать!» Само собой разумеется, что о согласовании глагола с подлежащим здесь не может быть речи, раз само подлежащее обязательно отсутствует. Вот несколько литературных примеров на эти сочетания:

То клик один во всех устах:
«идем, оставим жен и домы!» (А. Майков.)
... и вымолвить хочет: «Давай улетим!» (Пушк.)
Ты мне надоел. Давай стреляться! (Островск.).

Что я сказал, то и будет: я даром слова не говорю. Поедемте ужинать! (Островск.)

Поедемте, маменька, куда-нибудь; какого здесь чорта не видать! (Писемск.)

Совершенно не приходится говорить о согласовании сказуемого с подлежащим и в тех случаях, когда сказуемым является так называемое «отглагольное междометие», как: прыг, бац, хвать, толк, стук, хлоп, цап, царап, верть, порх, скок, трах, хрясь, тресь, шмыг и т. д.:

...тихохонько медведя толк ногой... (Крыл.)
Хвать друга камнем в лоб... (Крыл.)

---

* Впрочем, совершенно то же и во французском: allons! и nous allons.

...разинет когти хитрых лап
и вдруг бедняжку ц а п-ц а р а п. (Пушк.)

«Ни она тебя г р ы з ь, ни она тебя ш п ы н ь» — отзывались о ней горничные. (Тург.)

...потом печатает: и в Лету б у х! (Пушк.)

Княгинюшка, мужчина, что петух:
Кири-куку! М а х-м а х крылом и прочь. (Пушк.)

Прежде всего здесь надо отвести школьное название «отглагольные междометия». Первая половина этого термина верна, вторая совершенно не верна. Междометия обозначают чувствования (эмоции), эти же слова обозначают п р е д с т а в л е н и я, как и все слова языка, кроме междометий. Затем следует признать их даже ф о р м е н н ы м и, несмотря на их корневое звучание. Дело в том, что их крайняя у с е ч е н н о с т ь имеет ясное и, что очень редко в языке, непосредственно-с и м в о л и ч е с к о е значение: она обозначает усеченность самого действия и в части случаев звука, сопровождающего это действие (а слова эти могут образовываться, конечно, т о л ь к о от действенных глагольных корней, а не от корней, обозначающих состояние). А раз отсутствие аффикса имеет значение, то мы должны признать нулевой аффикс или нулевую форму. Спрашивается, в какую же к а т е г о р и ю отнести эту форму? Нам думается, что это должна быть в и д о в а я категория, так как дело идет о «распределении действия во времени» (сравн. стр. 126). И мы назвали бы эту категорию у л ь т р а - м г н о в е н н ы м видом русского глагола. К глаголам на **-нуть** с мгновенным значением (как «прыгнуть», «скакнуть» и т. д.), от которых они почти исключительно образуются, они относятся, как превосходная степень прилагательного к сравнительной. Когда мы говорим «прыг», вместо «прыгнул», мы хотим выразить ограниченность проявления движения во времени и символизируем ее при этом обычно еще и особой артикуляцией звуков (напряженной) и особой интонацией. Но этот ультрамгновенный вид отличается от всех остальных русских видов тем, что стоит в стороне от системы спряжения, что не имеет ни лица, ни числа, ни рода («я прыг», «вы прыг», «он прыг», «она прыг»). Правда, время и наклонение за ним до некоторой степени можно признать, так как слова эти н и к о г д а не обозначают ни одновременных с речью, ни будущих фактов (если мы даже употребили бы их в картине будущего,

напр.: «я пойду к нему, задам ему этот вопрос, и если он не ответит — бац его по роже! и уйду», то и тут это было бы *прошедшее* в смысле будущего, см. ниже о замене времен) и никогда не обозначают нереальных фактов (предположения или приказания). Но ведь категории времени и наклонения к *согласованию* не имеют отношения. Таким образом *согласовательных* форм у этих слов нет, и мы должны определить внешнее строение этих предложений несколько иначе, чем мы это сделали в начале главы для огромного большинства случаев: это уже не «именительный падеж существительного+*согласуемый* с ним глагол», а «именит. пад. существительного+*примыкающий* к нему глагол» (*почти* в таком же положении и предложения типа «ты иди», «ты стань», «ты ступай» и обсолютно в таком же типа: «я ступай», «они ступай» и т. д.). Что глагол здесь *связан* с именительным, ясно из того, что именительный не имеет ни бытийного, ни назывного и т. д. значений, а имеет ясное значение *подлежащего* (см. примеры выше); что он подчинен именительному, ясно из сугубой несамостоятельности этих глагольных форм (при повелительном наклонении типа «они ступай» несамостоятельность создается абсолютной необходимостью здесь подлежащего); наконец, что он *примыкает* к именительному, вытекает из самого понятия «примыкание», которое есть *всякая обнаруженная и доказанная в языке подчинительная связь двух слов между собой, не являющаяся ни согласованием, ни управлением* (см. стр. 68).

Наконец, не может быть речи о согласовании и при *бесформенном* сказуемом (сло́ва: «есть», «нет», и «на!»). Впрочем, слово «нет» в данном случае отпадает, так как оно возможно только в *безличных* предложениях (нет хлеба — не было хлеба — не будет хлеба). Остаются, следовательно, только «есть» и «на!»:

Коня! — *На*, дурень, вот и конь. (Пушк.)
И *ноты есть* у нас, и *инструменты есть*... (Крыл.)
... скажи: *есть память* обо мне,
есть в мире *сердце*, где живу я. (Пушк.)
Я — год назад — сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — *я есть*! (Игорь Север.)

Предложения с «на!», конечно, совершенно параллельны предложениям с повелительным наклонением. Они также по

существу однословны (поскольку не распространены, конечно). Предложения же с «есть» заставляют на себе на мгновение остановиться. Здесь не только нет согласования, но и нет глагола, и то же время есть подлежащее (так как сказуемое все же примыкает здесь к именительному падежу). Это влечет за собой изменение в значении подлежащего. Подлежащее в этом случае обозначает уже не «действующий предмет», а только предмет, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом. Определение это важно тем, что оно включает в себе и более узкое определение, данное выше, и годится уже абсолютно для всех видов подлежащего, в том числе и для подлежащего при составном сказуемом (см. след. главу).

От бесформенных сказуемых перейдем к бесформенным подлежащим. Мы уже знаем, что есть в языке синтаксические существительные (стр. 76 и след.), у которых значение предметности связано не с их собственными формами, а с формами тех словосочетаний, в которые они вступают («пари», «Гепеу» и т. д.). Само собой разумеется, что когда такое существительное оказывается членом того двучленного словосочетания, которое здесь рассматривается, оно принимает на себя функцию уже не просто предметности, а действующего предмета, т. е. подлежащего («пари держится», «Гепеу постановило»). При этом надо различать два случая: 1) бесформенное слово по самому значению своему предметно, т. е. обозначает или реально-предметное (кенгуру, кофе, колибри и т. д.) или опредмеченное (пари, антраша, Гепеу, Чека и т. д.) представление; в этом случае значение подлежащего определяется не только формой словосочетания, но и значением самого бесформенного слова; 2) бесформенное слово по значению своему непредметно: «Далече грянуло ура» (Пушк.), «Авось да небось доводят до того, что хоть брось», «Так вот в ушах и долбит и стучит это: ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...» (М. Волошин), «И служит в русском языке то союзом, то усилительной частицей», «Ваше «но» меня обескураживает» и т. д. Нетрудно видеть, что второй случай по объему употребления гораздо уже первого: это только предложения со словесными или вообще звуковыми представлениями в качестве подлежащих. В то же время он и принципиально отличается от случая первого рода,

так как здесь значение подлежащего определяется уже исключительно формой словосочетания. Само по себе, напр., «ти-та-та» или «та-та-та», конечно, не вызывает представления ни о каком члене предложения; но в примере из М. Волошина оно сознается как подлежащее, потому что целый ряд других признаков этого словосочетания (личный смысл глаголов «долбит», «стучит», несамостоятельный смысл слова «это», интонация и т. д.) вынуждают такое понимание. Это как будто бы не обычное подлежащее, а только какой-то случайный суррогат, какой-то заместитель подлежащего.

Само собой разумеется, что в положении такого «словесного» заместителя может оказаться любое слово языка и, следовательно, и форменное слово, но с парализованными, так сказать, на данный случай в отношении значения формами, напр., «авось» да «живет» до добра не доводят», «ее последнее «прости» продолжало звучать у меня в ушах», «виноват» употреблялось раньше в качестве извинения очень часто», «извиняюсь» вытесняет сейчас «виноват» и т. д., и даже любое словосочетание, напр., «давалось «Без вины виноватые», «в Художественном театре репетируется «На всякого мудреца довольно простоты» и т. д. Во всех таких случаях мы можем говорить об иноформенных подлежащих. И даже в тех случаях, когда это словосочетание образует само по себе целое предложение (2-ой из наших примеров), вряд ли можно здесь говорить о сочетании предложений и считать одно из предложений неполным-бесподлежащным, а другое — заместителем для него подлежащего. Нам кажется, что нужно различать такие случаи, как: «недаром говорится: «на всякого мудреца довольно простоты» (об этих случаях мы еще не раз будем говорить в дальнейшем) и такие, как: «в театре дается «На всякого мудреца довольно простоты». В первом случае пословица эта берется во всем своем значениии, т. е. именно как выражение определенной мысли, как предложение. Во втором случае она преимущественно — этикетка, название, т. е. не отдельное предложение, а иноформенное подлежащее.

В употреблении форм согласования глагольного сказуемого при бесформенном или иноформенном подлежащем надо различать те же две рубрики, которые установлены выше относительно самого подлежащего. Если подлежащим

является настоящее синтаксическое существительное, то сказуемое в отношении числа употребляется самостоятельно, согласно вещественным условиям, т. е., в сущности, не согласуется ни с чем: «пальто висит» и «пальто висят», «колибри летит» и «колибри летят», «пари заключается» и «пари заключаются», «губоно постановило» и «губоно постановили». В отношении рода в прошедшем времени в применении к животным, пол которых нам известен, тоже, кажется, употребляется самостоятельная форма: «шимпанзе съел» и «шимпанзе съела» про самца и самку. В случае же неизвестности пола употребляется только мужской род: «какаду прилетел», «колибри умер», и в этом можно уже видеть признаки согласования, поскольку именно бесформенность подлежащего устраняет идею женского рода (мужской род функционирует здесь как своего рода нулевой или общий в пределах одушевленности, срвн. обязательный мужской род прилагательного и глагола при слове «кто»: «кто пришел?», «Кто виноват, Анна или Мария?», а не кто пришла?», «кто виновата?»). В применении к людям возможна, конечно, только самостоятельная форма сказуемого: «Гейне пришел» и «Гейне пришла». Наконец, в применении к другим именам (не людей и не животных) возможно уже только грамматическое употребление рода, причем опять-таки возможны четыре случая: 1) сказуемое стоит в среднем роде (наиболее частый случай), причем этот средний род связан именно с бесформенностью подлежащего: «Ай-Петри высилось», «пари заключалось», «Капри спало», «Тимбукту проснулось», «антраша удалось», «эркаи постановило» и т. д. (часто эта форма сказуемого поддерживается еще окончанием -о или -е бесформенного существительного: пальто, бюро, кофе, желе, губоно и т. д.); 2) сказуемое стоит при географических именах в том роде, какой имеет подразумевающееся нарицательное существительное: можно сказать и «Капри спал» и «Тимбукту проснулся», но в таком согласовании будут обязательно невидимо присутствовать «остров», «город»; можно сказать «Миссисипи текла» (и, кажется, только так и можно сказать), но это потому, что Миссисипи — «река»; 3) сказуемое стоит в том роде, какой имеет соответствующее слово иностранного языка, из которого заимствовано русское слово: «кофе вскипел», «пальто висел» (слышано нами в молодости). Это случай исключительного характера и касается только ультра-интеллигентского употребления; 4) сказуемое при сокращенных словах стоит в том роде, какой имеет основная часть сокращения, развернутая в полное слово: «губоно постановил» (имеется в виду «отдел»), «эркаи постановила» (имеется в виду «комиссия») и т. д. Все это относится к настоящим синтаксическим существительным. Что же касается второй нашей рубрики «словесных» или «звуковых» подлежащих, то здесь возможны только формы: 3-го лица единственного числа для настоящего и будущего времени («раздается ура») и среднего рода единственного числа для прошедшего времени («раздалось ура»). Это типичная форма согласования с не возбуждающим никаких численных и родовых представлений подлежащим. Единственное известное нам исключение — тот случай, когда в подлежащем этого рода есть именительный падеж. Говорят: «ставился «Гамлет», «ставятся или ставились «Волки и овцы», «ставились «Без вины виноватые», «ставились «Ткачи» (хотя, кажется, возможно и «ставилось «Гамлет» и во всяком случае «ставилось «Волки и овцы» и т. д.). Но исключение это, в сущности, мнимое. Дело в том, что здесь иноформенное подлежащее случайно оказывается уже не иноформенным, а имеет как раз подходящую для данного словосо-

четания форму, которая и используется глаголом для целей согласования. Таким образом, поскольку именительный падеж благодаря «словесному» его значению не сознается здесь как именительный подлежащего, употребляются формы согласования при иноформенном подлежащем; поскольку же сознается — обычные формы согласования. Характерно, что слова: «пьеса», «драма», «комедия», «водевиль», «фарс» и т. д. никогда не подразумеваются в этих сочетаниях, и совершенно невозможно сказать «ставилась «Волки и овцы» *.

Говоря об иноформенном подлежащем, нельзя не упомянуть о тех, при простом сказуемом крайне редких, случаях, когда на месте подлежащего по общим условиям формы словосочетания оказывается инфинитив, напр.:

Пить чай в трактире имеет другое значение для слуг. (Герцен.)

Дело в том, что для нее и ее брата не представляло никакого интереса играть отдельно... (Л. Андреев.)

Возбуждать любопытство — сильно льстило его самолюбию. (Из примеров С. Бородина, «Пособие», стр. 64.)

Так как при составном сказуемом это случается гораздо чаще, то в следующей главе нам еще придется остановиться на этом явлении. Пока же заметим только, что: 1) инфинитив здесь не является настоящим подлежащим, т. е. обозначением «предмета, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом» (ведь «пить», «играть» и т. д. не «предметы», срвн. «питье», «игра» и т. д.), а только словом, к которому относится сказуемое, т. е. заместителем подлежащего; 2) заместительство это есть, тем не менее, факт грамматический, а не только логико-психологический, так как формы согласования глагола (см. примеры) здесь именно те, которые употребляются при бесформенных и иноформенных подлежащих; 3) форма инфинитива сама по себе не безразлична для такого заместительства, так как из всех глагольных форм единственно инфинитив, по самой природе своей, способен на некоторое (минимальное) приближение к существительному (см. стр. 151), и следовательно «иноформенность» здесь совсем иного рода, чем в предыдущих случаях,

---

* Уже в период корректуры книги нам попалось выражение: «Таким образом «Коварство и любовь» оказалась не только любовной, но и коварной пьесой» (К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»). Трудно решить, чем объясняется здесь женский род глагола: антиципацией ли слова «пьеса», или влиянием слова «любовь». Но в обоих случаях наше основное утверждение остается, по существу, непоколебленным.

тем более, что инфинитив имеет здесь реальное, а не «словесное» значение; 4) случаи эти надо тщательно отделять от тех гораздо более многочисленных случаев, когда инфинитив стоит при безличном глаголе («стоит поехать», «следует заняться», «наскучило сидеть» и т. д.); случаи этого последнего рода, равно как и переходные факты, сюда относящиеся, будут рассмотрены при безличном предложении (см. гл. XIV), здесь же пока надо отметить, что не может быть, конечно, речи о замещении подлежащего несовсем подходящей для него формой, когда сказуемое совсем не нуждается в подлежащем; стало быть в этих последних предложениях инфинитив употребляется в одной из своих собственных функций, а не как заместитель подлежащего.

Переходя к не согласовательным формам глагольного сказуемого, мы остановимся только на формах, образующих категории времени и наклонения, так как категории вида и залога свойственны не одному собственно-глаголу и достаточно рассмотрены нами в «Общей части». Общие значения времен и наклонений нами также уже изучены, и нам нужно только анализировать некоторые второстепенные оттенки этих значений. Начнем с времен.

В каждом из трех времен можно различать по два второстепенных оттенка, смотря по тому, приурочивается ли деятельность подлежащего к определенному моменту, или к целому периоду времени. Сравним попарно сочетания: «вчера он пел в концерте» и «он в молодости пел», «она поет, и звуки тают...» и «она недурно поет, рисует...», «сегодня вечером он будет петь» и «через год он будет петь хорошо». В нечетных глаголах обозначен отдельный момент в деятельности предмета, названного в подлежащем, предшествующий, совпадающий или последующий по отношению к моменту речи; в четных обозначен целый период деятельности, тоже предшествующий, совпадающий или последующий по отношению к моменту речи. Можно сказать, что в четных примерах значение категорий времени расширено по сравнению с левыми, что тут мы имеем особого рода расширенное прошедшее, расширенное настоящее, расширенное будущее. Собственно, в русском языке оттенки эти не различаются, так как для обоих оттенков служат одни и те же формы (есть языки,

где имеются параллельные формы для того и другого оттенка). Но мы тем не менее сочли нужным указать на эту двойственность в значении каждого времени потому, что из нее легко объясняется очень распространенное во всех языках и в том числе в русском употребление настоящего времени для обозначения деятельности, совершающейся всегда, во все времена. Мы имеем в виду такие случаи, как: «человек дышит легкими, а рыба — жабрами», «земля вращается вокруг своей оси», «водород легко соединяется с кислородом», «сказуемое согласуется с подлежащим», «нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет», «науки юношей питают» и т. д. Обычно считается, что здесь нет совсем значения настоящего времени, что это особый вид вневременного глагольного представления. Но вряд ли это так. Можно думать, что мы сознаем здесь все-таки настоящее время, но расширенное до крайних пределов. Как в сочетаниях: «я пою», «я танцую», «он заикается», «она играет на бирже» и т. д. настоящее время расширено, иной раз, до пределов целой жизни человека и тем не менее несомненно сознается как настоящее (потому что разница между «он заикается», «он в детстве заикался» и «этот ребенок будет заикаться» все-таки остается), так в сочетаниях типа: «водород соединяется с кислородом» настоящее время расширено до пределов жизни и опыта всего человечества. В сущности, и другие времена могут употребляться в таком же смысле, как показывают такие пословицы, как: «наш пострел везде поспел», «поспешишь — людей насмешишь» и т. д. И на пословицах как раз лучше всего видно, что каждое время сохраняет при этом свое основное значение: ведь не все равно, сказать: «поспешил — людей насмешил», «спешишь — людей смешишь», или «поспешишь — людей насмешишь», хотя с логической стороны все три такие поговорки выражали бы совершенно одно и то же. Именно логическая сторона таких выражений и заслоняет от нас, повидимому, категорию настоящего времени. В таких же выражениях, как: «водород легко соединяется с кислородом», сюда присоединяется еще и научное содержание их (понятие закономерности явлений природы, вечности материи и т. д.), совершенно несовместимое со значением настоящего времени, но, конечно, уж совершенно не касающееся грамматики.

Из второстепенных оттенков наклонений мы можем указать здесь на следующие оттенки так назыв. «сослагатель-

ного» (лучше бы «условного» или «предположительного») наклонения:

1) простой возможности независимо от тех или иных условий, напр.:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое...? (Былина об Илье Мур.)

Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?. (Гог.)

2) возможность условной, т. е. зависящей от условия, выражаемого обычно условным придаточным предложением с союзами «если бы», «когда бы» и т. д.

Словом, если бы Чичиков встретил его так принаряженного у церковных дверей, то дал бы ему медный грош... (Гог., другие примеры см. при условн. союзах.)

3) самого условия, что бывает сравнительно редко, так как условие, как только что сказано, обычно выражается условными союзами:

Убил бы он меня, убил бы его, — я все бы перенесла, я все бы простила... (Л. Толст.)

Был бы снег — он давно б растаял,
Были бы лебеди — они б улетели...
(Пушк., Песн. зап. слав.)

4) желания:

... и не пил бы и не ел,
все бы слушал да глядел. (Пушк.)

Две недели назад проиграл, в декабре проиграл. Скорее бы все проиграл, быть может, уехали бы из этого города. (Чех.)

По отношению ко второму лицу этот оттенок может переходить в оттенок совета, напр.:

... ты, горлинка, ловила б мошек,
полакомить несчастных крошек... (Крыл.)
Сидели б вы себе спокойно там. (Пушк.)

а по отношению к 3-му лицу (или при безличности) в оттенок прямого долженствования:

Я, милейший Алексей Федорович, как можно дольше на свете намерен прожить, было бы вам известно... А в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу — это было бы тебе известно... (Дост.)

Было бы мне после ужина не садиться... Поужинать бы, да и уехать. (Чех.)

Если лень колокольчик поправить, так, по крайней мере, в прихожей бы сидел, когда стучатся... (Дост.)

5) цели (очень редко, потому что всегда употребляется специальный союз цели: «чтобы»).

... приказал собрать совет,
в котором всякий б ы, хоть словом не кудрявым,
но с толком лишь согласно здравым,
свое представил «да» иль «нет»... (Крыл.)

Относительно морфологической стороны сослагательного наклонения мы считаем не лишним отметить здесь, что это не составные формы, а простые с передвижным аффиксом: в составной форме обе части сохраняют свое значение (сравни «буду любить», «сказал было», «идет себе»), в данных же формах («ходил бы», «ходила бы» и т. д.) первая часть теряет начисто свое значение прошедшего времени, и благодаря этому она сцепляется по смыслу с частицей «бы» так же прочно, как аффикс с основой в отдельном слове. Но замечательно, что физически никакого сцепления нет: частица «бы» может быть в каком-угодно (в пределах фразы) отдалении от своего глагольного компонента, равно может следовать за ним и предшествовать ему (сравни последний пример из Крылова), может переноситься мыслью с одного компонента на целый ряд других («Если б были деньги, я бы поехал за границу, посмотрел тамошние театры, накупил книг по театру...»). Максимальная физическая разъединенность при максимальной смысловой объединенности — вот особенность этих форм.

Переходя к повелительному наклонению, мы должны отметить, что специальные оттенки создаются в нем исключительно интонационными средствами. Собственно говоря, формы «иди», «идите» и т. д., взятые вне интонации, равно способны выражать и приказ, и просьбу, и совет, и т. д., и т. д., и следовательно не выражают ничего этого, а лишь простое побуждение к действию (поэтому термин «побудительное наклонение» был бы гораздо более точен, чем «повелительное»). Так как, однако, интонационные средства языка по условиям места не найдут в этой книге для себя самостоятельного отдела, то мы перечисляем эти оттенки здесь. Сюда принадлежат:

простое побуждение:

Ну, что? Ну, рассказывайте: что и как там? (Гог.)

Погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведем его на расправу к приказчику. (Пушк.)

Представьте себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лет семидесяти... (Тург.)

просьба:

... если случится муки брать ржаной или гречневой, или круп, или скотины битой, так уж, пожалуйста, не обидь меня. (Гог.)

... если ты меня любишь, сбегай туда поскорей, и положи вот это кольцо в дупло... (Пушк.)

Ах! няня, сделай одолженье...
Но видишь... Ах! не откажи... (Пушк.)

мольба:

Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней!.. Матушка, спаси твоего бедного сына! (Гог.)

Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женой. Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — ...не принуждайте меня, я не хочу итти замуж... (Пушк.)

позволение:

... По шкурке, так и быть, возьмите;
а больше их не троньте волоском. (Крыл.)

Круглова. Много очень воли ты забрала. Агния. Заприте. (Островск., «Не все коту масляница».)

увещание:

Не плачь, дитя, не плачь напрасно... (Лерм.)

Свет ты мой! Послушай меня, старика, напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится... скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть. (Пушк.)

предостережение:

... да смотри же, чтоб никто тебя не видал. (Пушк.)

Берегись! — сказал Казбеку
седовласый Шат. (Лерм.)

Долбежин из-под стола показал ему кулак и проговорил тихо: «только срежься, я тебя!» (Помяловский.)

приказание:

Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя в зашеи прогоню. (Пушк.)

Ну, ребята, — сказал комендант: — теперь отворяй ворота, бей в барабан... (Пушк.)

шутливое или ироническое побуждение:

Шутите, шутите! А вы думаете мне без борьбы досталось это уважение? (Островск.)

Круглова. Много очень воли ты забрала. Агния. Заприте. Круглова. Болтай еще! (Островск.)

Кричи еще шибче, чтоб соседи услыхали, коли стыда в тебе нет. (Островск.)

На-ряду с второстепенными оттенками в значениях категорий времени и наклонения нам надо еще описать факты так называемой замены времен и наклонений. Времена и наклонения часто употребляются одни вместо других, и этих фактов нельзя смешивать с предыдущими. Если мы говорим, напр.: «завтра я уезжаю», то здесь ни форма настоящего времени не принимает оттенка будущего времени (потому что это по существу для настоящего времени невозможно), ни форма будущего вре-

мени не принимает оттенка настоящего времени (потому что формы будущего времени здесь и нет совсем). Здесь просто имеется полное противоречие между значением формы и реальными условиями речи. Такие противоречия вообще очень распространены в языке, и объясняется это тем, что реальные условия часто гарантируют верное понимание, и у говорящего является желание воспользоваться формальным значением как чистой формой, сознательно наложить определенный оттенок на неподходящее для него содержание. Так, в данном случае слово «завтра» (введенное нами из-за условий письменной речи; в живой речи могло бы быть просто «я уезжаю», и если бы это было сказано в постели или в ванне, или за обедом, то обстановка охраняла бы от буквального понимания) гарантирует, что слушающий представит себе будущий акт. И в то же время этот будущий акт при помощи формы настоящего времени представлен говорящим, как настоящий, и сделано это для того, чтобы наслоить на обозначение будущего акта оттенок той доподлинности, несомненности, осязаемости, которая есть всегда у настоящего времени и которой, по существу дела, не может быть у будущего. Таким образом здесь категория настоящего времени не только не теряет и не видоизменяет как-либо своего значения, а, напротив, выступает в своем основном значении особенно ярко, и яркость эта создается как раз противоречием между ней и реальными условиями речи, подобно тому как смех на похоронах или плач на балу всегда будут восприняты резче, чем при других обстоятельствах. Для исследователя и экспериментатора такие случаи незаменимы, так как здесь как бы экспериментирует сам язык. Психологические источники такого «экспериментирования» очень разнообразны и могли бы послужить темой отдельного исследования (срвн. такие же явления в области словаря: обращения «старина», «старуха» к молодым людям и даже детям, обращение «молодой человек», которое применяет в «Шинели» «значительное лицо» к Акакию Акакиевичу, обращения «дурочка», «дурачок» в качестве ласки, применение крестьянских слов «мужик», «парень», «баба» к лицам иных классов и даже к иностранной аристократии и т. д.; в области грамматики мы этим путем объясняем, между прочим, возникновение в известных случаях имен женского рода для обозначения мужчин: «воевода», «судья»

и т. д., хотя в ряде других случаев мы выводим эти факты метафорического и метонимического употребления соответствующих существительных). Здесь же нам только надо подчеркнуть, что дело идет не о дифференциации значений, а о противоречии их действительности. Так как, однако, случаи эти тоже могут делаться типическими, и каждый язык обладает своими типами расхождения синтаксических значений с действительностью, то и они, поскольку они именно типичны, а не случайны, должны входить в описательный синтаксис. Вот важнейшие случаи замены времен для русского языка:

1) Настоящее вместо прошедшего для изображения прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя:

Из шатра,
толпой любимцев окруженный,
выходит Петр. (Пушк.)

В доме вдовы Мымриной, что в Пятисобачьем переулке, свадебный ужин. Ужинает 23 человека... (Чехов.)

Это так назыв. «настоящее историческое» (старинное название, объясняющееся частостью этой замены у античных историков), но вернее было бы назвать его настоящим «рассказа» или настоящим «живописным». Оно очень распространено и в обыденной речи, которая переходит на него всякий раз, как превращается из разговора в рассказ: «Знаете, что со мной случилось? Иду я вчера по Кузнецкому и вижу...» и т. д.

2) Настоящее вместо будущего для изображения воображаемых в будущем фактов как бы происходящими в момент самого представления их себе:

То я воображаю себя уже на свободе, вне нашего дома. Я поступаю в гусары и иду на войну. Со всех сторон на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмах — убиваю другого, третьего. (Л. Толст., «Детство»; весь абзац проведен в настоящем времени, тогда как предыдущий абзац, рисующий мечту ребенка о том, как он пойдет к отцу и будет с ним прощаться навек, весь проведен в будущем времени.)

Ну, представьте себе, что вы меня любите немножко... мы живем душа в душу... Вот в одно прекрасное утро я говорю вам: «папаша... отпустите меня денька на три на богомолье». Вы, разумеется, сначала заупрямитесь, я покоряюсь вам безропотно. Потом изредка повторяю свою просьбу... вы... наконец отпускаете. Без меня начинается в доме ералаш... Но вот однажды... я говорю вам... в тот же день к вечеру я незаметно исчезаю, и никто не знает, то есть никто не скажет вам, куда. Проходит день, другой... (Островск., «Волки и овцы», комбинация из реплик Глафиры с пропуском реплик Лыняева.)

Это настоящее по оттенку живописности совершенно однородно с предыдущим, но употребляется гораздо реже его, так как рассказывать о воображаемом будущем случается гораздо реже, чем о фактическом прошлом. В разговорной речи оно тоже возможно после слов «положим», «предположим», «думаю», «воображаю», «представляю себе» и т. д. (напр., «я думаю вот о чем: ну, хорошо, ну, я беру это место, отказываюсь от своей воли, выполняю все его глупые предписания... а дальше что?»). И при этом оно часто и в разговоре и в литературе непосредственно следует за настоящим предыдущего типа (срвн. пример из Толстого или такой случай: «я бывало мечтаю: вот я выхожу замуж, уезжаю в Москву...» и т. д., первое настоящее и там и тут заменяет прошедшее, а следующие — будущее).

3) Прошедшее вместо будущего для изображения предполагаемых в будущем фактов как бы уже прошедшими:

> Жизнь наше скоротечна, а любовь еще скоротечнее, особенно у богатых женщин. Полюбит, ну и блажен, во всем довольстве; а вдруг увидит офицера, и разлюбила, и опять в бедность. (Островск., «Богатые невесты».)
>
> Ипполит. Собственно, мне некогда-с... За получением еду. Круглова. Подождут. Ипполит. С векселями ждут-то, а не с деньгами. Полчаса промешкал, и лови его в Красноярске. (Он же, «Не все коту масляница»).

То же и в разговорной речи после слов «положим», «предположим»: «Ну, хорошо, ну, положим, я вышел из университета, положим, поступил куда-нибудь на службу, а дальше что?» Сюда же относится и ироническое предположение: «Да, так я и отдал тебе эти деньги! Шей карман!» или «Еще бы! Так я и послушался тебя!» По основному смыслу эта замена совершенно однородна с предыдущими. Это — прошедшее живописное.

4) Будущее вместо прошедшего для изображения прошедших фактов как будущих по отношению к другим прошедшим, представленным как настоящие:

> Вырвет старый Тарас седой клок из своей чуприны и проклянет день и час, в который породил на позор такого сына. (Гог.)
>
> Шиллер и Гете станут в центре его симпатий лишь позже... (О Жуковском, акад. А. Н. Веселовский, «В. А. Жуковский».)

Встречается только в литературе и преимущественно в биографиях. Оно тоже «живописное» и опирается це-

ликом на настоящее живописное. В плане прошедшего могут устанавливаться те же три точки зрения, что и в общем плане. Если определенные прошедшие факты образно утверждены в сознании как настоящие, то предшествующие им должны представляться прошедшими, а следующие за ними — будущими.

5) Настоящее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в будущем фактов как бы происходящими в момент речи:

... Вы не отказываетесь от мазурки?.. — Не отказываюсь, — возразил Владимир Сергеич... — Прекрасно. Мы завтра деремся. (Тург., «Затишье».)

Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная (смеется). Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще... (Чех., «Три сестры», реплика Ирины.)

Это настоящее очень распространено в разговорной речи для обозначения твердого решения: «Решено: в будущем году я поступаю в университет» и т. д.

6) Прошедшее вместо будущего для изображения наверное ожидаемых в близком будущем фактов как бы уже прошедшими:

Круглова. Ну, я спать пошла. Агния. С богом. (Круглова уходит.) (Островск., «Не все коту масляница».)

Бери кулек, догоняй- я на рынок пошел. (Уходит). (Островск., «Горячее сердце».)

... то, что я сделался рабочим, по ее мнению, не предвещало ничего хорошего.

— Пропала твоя головушка! — говорила она печально... (Чех.)

— Ох, батюшки! — вздыхала за дверью старуха. — Пропала твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде! (Чех.).

Цель этой замены — выразить полную уверенность или решимость, так что она однородна с предыдущей заменой и относится к ней, как превосходная степень прилагательного к сравнительной. На почве этой замены произошли, между прочим, повелительные обороты с «пошел!» (во всех родах и обоих числах: «пошла вон!», «пошли вон, дураки!» в «Женитьбе» Гоголя).

7) Будущее вместо настоящего от глагола «быть» для обозначения фактов, реально существующих в момент речи, но имеющих раскрыться сознанию только после речи:

Вы кто же будете? Иностранец, что ли? (Островск., «Лес»).

А вы-то кто же такой будете? (Он же, там же).

Это будущее по значению можно было бы назвать «распознавательным», так как оно указывает на то, что факт, реально сознаваемый как современный (в расширенном смысле) моменту речи, не распознан; распознание предвидится в будущем и образно отождествляется с самим бытием факта. По социальному употреблению можно бы назвать его «будущим школьников», у которых оно в большом ходу («пятью двенадцать будет шестьдесят» и т. д.).

В школьных грамматиках к заменам времен относят обычно и такие факты, как:

Как царица отпрыгнет,
да как ручку замахнет,
да по зеркальцу как хлопнет,
каблучком-то как притопнет! (Пушк.)

Но в сей толпе суровой
один меня влечет всех больше. С думой новой
всегда остановлюсь пред ним и не свожу
с него моих очей. (Пушк.)

Зимой бывало в ночь глухую
заложим тройку удалую,
поем и свищем — и стрелой
летим над снежной глубиной. (Пушк.)

В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него. Придет в клуб, садится в конце стола... Прислугу всю с ног собьет; человек пять так и бегают около него. (Островск.)

Они определяются там как замена прошедшего или настоящего будущим. Однако будущее здесь не имело бы смысла будущего времени, а мы видели уже, что при всякой замене времен на первый план в грамматическом сознании выступает не то реальное время, которое заменено, а то образное время, которое заменяет реальное. Здесь же «будущее» время обозначало бы нередко факты, предшествующие тем фактам, которые образно представлены как настоящие («заложим тройку удалую — поем и свищем... и летим...»). Никакое воображение не может так перевернуть соотношение времен. Поэтому объяснения таким фактам нужно искать в том, что формы эти обозначают не будущее, а настоящее совершенного вида. Мы уже говорили в своем месте о том, что значение настоящего времени вообще плохо мирится со значением совершенного вида, но что такое соединение значений все-таки возможно (см. стр.127). Теперь мы прямо можем сказать, что везде, где контекст

или обстановка ясно предостерегают от понимания непрошедших форм совершенного вида как будущих, они понимаются как настоящие (т. е. согласно своему происхождению, так как до образования категории совершенного вида это были формы настоящего времени). Это особый вид мгновенного настоящего. Поскольку оно употребляется обычно в рассказе о прошлых событиях, оно является настоящим живописным, и в этом смысле можно и здесь говорить о замене. Но, по существу, оно не связано с такой ролью и может употребляться и в смысле «настоящего» настоящего (срвн. пример из Островского и на 127 стр.). Прибавление слова «бывало» преобразует здесь совершенный вид в многократный *, но не уничтожает и значения совершенного вида: «бывало приду» и «бывало прихожу» остаются совершенным и несовершенным видами, как и сами «приду» и «прихожу», только, так сказать, «омногокраченными», переведенными в категорию многократности. Но во всяком случае во всех этих фактах нет ни на йоту будущего времени.

Переходя к замене наклонений, мы встретимся только с двумя рубриками:

1) Повелительное наклонение вместо сослагательного для обозначения условно предполагаемых фактов:

> Проходи поп, барин,
> волоска не тронем. (Кольц.)

* Под категорией «многократного» вида мы понимаем здесь формы со значением вторичной прерывности действия во времени, т. е. такой прерывности, которая объясняется не условиями самого процесса, а намеренным разделением процесса на ряд повторных, ничем не связанных между собой актов, отделенных друг от друга случайными и значительными промежутками времени. Мы видели выше (стр. 120), что в таких формах, как «летал», «носил», «ездил», уже есть прерывность. Но она совсем не такова, как в «летывал», «нашивал», «хаживал». Такие формы, как «похаживал», «поглядывал», «заглядывал», мы, согласно только что данному определению, не считаем «многократными», а лишь разновидностью несовершенных. Настоящие «многократные» глаголы отличаются в русском языке еще тем, что употребляются только в прошедшем времени (нельзя сказать: «хаживаю» и «буду хаживать») и притом только в значении давно-прошедшего (нельзя сказать: «я на этой неделе хаживал к нему»). Таким образом категории вида и времени здесь оригинальнейшим образом переплетаются. Можно сказать, что у нас есть особое давнопрошедшее время, но только от многократного вида, или что у нас есть многократный вид, но употребляется он только в давно-прошедшем времени.

... Ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты, — все б я тебя пожалела, а то выгнали свои же товарищи за мелкие гадости... (Островск.)

Уж, брат, как ты там ни хитри, — шалишь, безответная моя голова... Уж он как там ни мудри, Кинтильян-то Семеныч, а уж... (Тург.)

(Другие примеры см. стр. 229—230). Эта замена существенно отличается от выше рассмотренных. Значение повелительного наклонения совсем не так резко отграничено от значения сослагательного наклонения, как значения времен друг от друга. Поэтому здесь необходима помощь интонации, чтобы получился условный, а не прямой повелительный смысл. У Кольцова мы, напр., могли бы прочитать:

Проходи, поп, барин!
Волоска не тронем.

и никакой замены не было бы. Здесь только пунктуация и связанный с ней способ чтения создают условный смысл. В других случаях к этому присоединяются еще словарные условия фразы (напр., невозможность для именительного падежа, к которому относится повелительное наклонение, обозначать лицо, которому приказывают), обстановка (напр., физическое отсутствие того лица, к которому могло бы относиться приказание), союзы, не мирящиеся со значением побуждения («как ни», «хоть»). Но все эти средства факультативны, тогда как интонация (именно восходящая интонация придаточного предложения) необходима. Поэтому и можно сказать, что интонация здесь участвует в создании значения условности наравне с чисто грамматическими средствами (см. стр. 55 и след.). И «заменой» случай этот является, в сущности, только с внешней точки зрения. По существу же это — особая форма словосочетания, принадлежащая к категории условности. Те следы повелительного значения, какие здесь остаются, имеют, главным образом, стилистическое значение (разговорный стиль, эмоциональная окраска).

2) Повелительное наклонение вместо изъявительного для обозначения внезапных и неожиданных фактов:

... тот от бедности да от горького житья и прельстись на деньги-то... (Островск.)

Ну, обыкновенно их господское дело, и приглянись ему эта наша принцесса. (Он же.)

Это явление сравнительно редкое. Повествовательное значение требует и здесь для себя обязательной поддержки со стороны: 1) интонации, 2) усилительных служебных слов: «и», «возьми и», напр.: «а он возьми и скажи» (глагол «взять» во всех таких случаях, равно как и в таких, как «взял да и умер», «взял да и заболел», приближается к служебному слову с видовым значением внезапного приступа к действию). Без таких слов оборот этот, кажется, не встречается совсем.

XI. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОСТАВНЫМ СКАЗУЕМЫМ.

Я был озлоблен, он угрюм... (Пушк.)

Сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатление; впечатление было хорошее. (Л. Толст.)

Не видишь разве ты? Покойник был дурак. (Крыл.)
Добро, будет старуха царицей. (Пушк.)

Наташа была в восторге... (Л. Толст.)

И сердце стало из стекла,
и в нем так тонко пела рана... (М. Волошин.)

События... бывали редки. (Бор. Пильняк.)

Я буду счастлив, я буду молод,
я буду дерзок, я так хочу. (Бальм.)

Дом стоял необитаемый. (Мережковский.)

Словосочетания эти, как видно из примеров, состоят из именительного падежа существительного (или субстантивированного прилагательного) в значении подлежащего и особого предикативного словосочетания, носящего название составного сказуемого. Словосочетание это состоит в свою очередь из глагольной связки и полнозначного слова, которое условно можно называть «вторым» членом составного сказуемого, или присвязочным членом, или вещественным членом (см. ниже), или, наконец, имея в виду аналогию его с так наз. «второстепенными» членами распространенных предложений (см. гл. XIII), — второстепенным предикативным членом.

Так как значение подлежащего в основе своей здесь то же, что и в словосочетаниях предыдущей главы и отличается лишь постольку, поскольку значение составного сказуемого отличается от значения простого (см. ниже), так как, далее, согласование глагольной связки с подлежащим и все значения времен и наклонений здесь абсолютно те же, то изучение этих словосочетаний сведется, очевидно, к изучению: 1) самих понятий глагольной связки, второстепенного предикативного члена и составного сказуемого, 2) различных видов второстепенных предикативных членов, 3) различных видов глагольных связок.

Понятие глагольной связки легко выясняется на таких сопоставлениях, как:

Он *был* сегодня у нас.	Он *был болен.*
Представление *будет.*	Представление *будет дано.*
Он там *был.*	Он там *был механик.*
Я верю, что это, действительно, *будет.*	Я верю, что это *будет хорошо.*
Ура! Он *остается!*	Он *остается тем же,* чем был.
Он *оказался* дома.	Он *оказался плутом.*
Он *показался* на минуту.	Он *показался* мне *стариком.*
Он *является* всегда первым.	Он *является представителем* реализма в литературе.
Эти деньги *считаются* медленно.	Эти деньги *считаются негодными.*
Полотно *делается* изо льна.	Он *делается невыносим.*
Он *становится* на ноги.	Он *становится умнее.*
Фабрика *стала.*	Она *стала странная*

и т. д.

Во всех *правых* примерах мы замечаем изменение значения глагола в сторону большей *отвлеченности.* В последних примерах это ярче всего, и с них лучше всего начать изучение этого явления. В предложении «фабрика стала» глагол означает переход из подвижного состояния в неподвижное, прекращение движения. Но это значение *совершенно не подходит* к предложению «она стала странная». Что же означает глагол в этом втором предложении? Предположим для ясности, что раньше было сказано, что «она была всегда весела, жизнерадостна» и т. д. Тогда мы получим, на первый взгляд, значение такое: переход из состояния «веселости» в состояние «странности». Но на самом деле о первом из этих состояний мы узнаем из слов предыдущего предложения, а не из самого слова «стала». О втором состоянии мы тоже узнаем из слова «странная», а не из самого слова «стала». Что же означает *само слово «стала»?* Очевидно, просто переход из *какого-то* состояния в *какое-то,* или, иначе говоря, *переход из одного состояния в другое.* Сравним теперь это значение со значением того же слова в предложении «фабрика стала»: «пере-

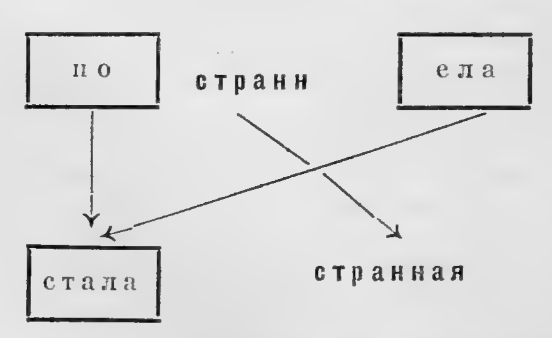
ход из подвижного состояния в неподвижное» и — «переход из одного состояния в другое». Мы видим, что второе значение относится к первому, как алгебраическое количество к арифметическому числу: оно является обобщением первого. Во всяком глаголе, выражающем переход из одного состояния в другое, выражены и те состояния, которые при этом сменяются (одно косвенно, а другое — прямо): разозлился=из незлого сделался злым, заснул = из бодрствующего сделался спящим, высох = из влажного сделался сухим и т. д. В глаголе же «стал» в сочетаниях типа «она стала странная» выражен только самый переход, а выражение состояний отошло к другим словам. Нетрудно видеть, что из этого слова при такой перемене значения ушло все вещественное, и осталось все формальное. Ведь, конечно, в глаголе, напр., «заснуть» вещественным значением являются именно идеи бодрствования и сна, а формальным — переход из одного из этих состояний в другое. А только один этот «переход» и остался в глагольной связке «стала». Впрочем, осталось, конечно, и значение времени («стала», а не «станет»), и значение наклонения («стала», а не «стала бы»), и значение числа («стала», а не «стали»), и значение рода («стала», а не «стал»), а если бы это было будущее время («станет странная»), то осталось бы и значение лица. Все эти значения вместе со значением перехода из одного состояния в другое и образуют формальную сторону во всех глаголах этого типа. Итак, «стала» в сочетании «она стала странная» обладает только формальными значениями и совершенно лишено вещественного значения. В этом и состоит переход из глагола «стать» в глагольную связку «стать». Если мы припомним значение предлогов, союзов, усилительных, отрицательных, вопросительных и повелительных слов (стр. 44 и след.), то увидим, что глагольная связка — это просто один из видов служебных слов, вообще лишенных вещественного значения. От остальных служебных слов она отличается только своей формenностью и связанной с этим способностью быть и неслужебным словом. Как связка, она по значению — чистая форма, абсолютная форма, как и все другие служебные слова (см. там же). Но как глагол, она имеет основу и окончание, и, следовательно, может иметь в известных случаях и вещественное и формальное значения, как всякий глагол и как

всякое полное форменное слово. Но тогда уж она будет, конечно, другим словом. Глагол «стать» и глагольная связка «стать», это разные слова.

С понятием глагольной связки неразрывно связаны понятия присвязочного слова и составного сказуемого. Глагольная связка «стать» потому не имеет вещественного значения, что она как бы отдала его другому слову, в нашем случае слову «странная». Это будет ясно из следующих сопоставлений:

постраннела — стала странная
поглупела — стала глупая
поумнела — стала умная
и т. д.

В результате получается цельное сочетание из одного служебного слова и одного полного, аналогичное в этом отношении таким словосочетаниям, как «на столе», «без обеда», «не умеет», «читал ли» и т. д. И это сочетание все целиком соответствует отдельному акту мысли, т. е. входит в категорию сказуемости, образуя составное сказуемое. Соотношение между простым глагольным сказуемым и составным можно наглядно представить следующей схемой:

из которой видно, что глагольная связка соответствует формальным частям простого глагольного сказуемого, а присвязочное слово — материальной его части. И такое соответствие создается именно сцеплением, внутренним и до некоторой степени внешним (интонация и порядок слов см. ниже), глагольной связки с присвязочным словом. Сам по себе глагол «стала» мог бы и не быть связкой (пример см. выше). Само по себе прилагательное «странная» могло бы и не быть присвязочным словом (напр., «ко мне подошла

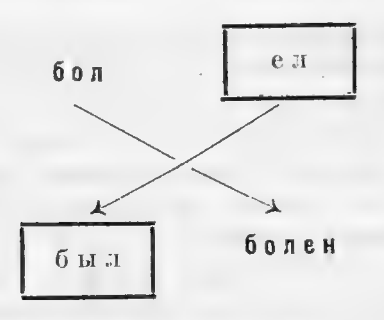
какая-то странная девушка»). Но в сочетании друг с другом они одновременно делаются: один связкой, а другое — присвязочным словом. В этом и заключается сущность категории составного сказуемого.

Поняв эту сущность на глаголе «стать», мы можем проследить ее и на всех других глагольных связках (см. примеры на стр. 253). На глаголах «становиться», «делаться» и «считаться» (мы идем от конца нашего столбца примеров к началу его) мы не будем останавливаться, так как здесь исчезновение вещественного значения при превращении этих глаголов в связки так же ярко, как и в глаголе «стать» (ведь «он становится зол» не обозначает, что он при этом становится на ноги, «вода делается холодной» не обозначает, что кто-то делает воду холодной и т. д.). В глаголе «являться» разница уже несколько тоньше, так как глагол этот сам по себе, по своему вещественному значению, несколько отвлеченнее предыдущих глаголов, а понятно, что чем отвлеченнее вещественное значение, тем труднее заметить его исчезновение (все равно как уход толстяка внешне заметнее ухода худощавого). Глагол этот означает: показывать себя, обнаруживать свое бытие, действовать на наши органы чувств, давая нам знать о себе (имеются в виду все чувства, так как «являться» может и свет, и звук, и запах, и ветер, и вкус). Но все же, как ни тонко это значение, мы можем заметить, что в выражении: «он является представителем реализма в литературе» его нет. И яснее всего это можно ощутить на тех случаях, когда это значение при том же внешнем строении словосочетания имеется или, по крайней мере, может иметься. Так, если бы мы сказали: «он является представителем от профсоюза», то это могло бы иметь два смысла: 1) он — представитель от профсоюза, его избрал профсоюз как своего представителя, 2) он приходит к нам сюда представителем от профсоюза или он появляется у нас в качестве представителя от профсоюза. В первом случае глагол «является» — связка, во втором — нет. В первом случае нет значения появления, прихода, воздействия на наши внешние чувства своим видом, голосом и т. д., во втором — есть. Кстати, на этом примере можно наблюдать и роль интонации в этого рода различениях. Если мы захотим выразить, что он приходит к нам как представитель, то мы, при спокойно-повествовательном тоне и при отсутствии особо-резкого фраз-

ного ударения, сделаем легкое ударение и на глаголе, как на всяком другом полном слове: «он является представителем», как «он является к нам франтом», «он приходит франтом» (срвн. у Островского в «Лесе»: «Барином я сюда явился, барином и уеду», реплика Несчастливцева). Если же мы хотим выразить только, что он — представитель, то мы при тех же общих интонационных условиях скажем: «он является представителем», т. е. ослабим ударение ниже обычного на связке, соответственно усилим на присвязочном слове и сольем оба слова в одну ритмическую группу. Этим мы и выразим символически, что вещественное значение из глагола «является» улетучилось, и что он прильнул как служебное слово к существительному. Вот еще пример на тот же глагол в роли простого сказуемого:

Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
иль маской щегольнет иной?

и в роли глагольной связки: «Онегин является своего рода Мельмотом, космополитом, Гарольдом». В романе дело идет о приезде, о возвращении Онегина, и поэтому глагол здесь, по всей вероятности (случай, конечно, двусмысленный из-за тождества конструкции, см. ниже о творительном предикативном), — не связка. В нашей же переделке значения приезда нет, и потому — это связка. Следующие глаголы нашего столбца: «показаться», «отказаться», «остаться» приблизительно равны по отвлеченности глаголу «являться», и мы прямо переходим к последнему глаголу — «быть». Если глагол «являться» обозначает: обнаруживать свое бытие, «казаться» — обнаруживать свое внешнее, не-истинное бытие, «оставаться» — продолжать свое бытие, то «быть» уже обозначает само это бытие, и только его. Это самый отвлеченный глагол и самое отвлеченное полное слово в языке вообще (не считая местоимений, конечно). Ведь «бытие» — это самый общий признак вещей. И все-таки в выражении «он был болен» в глаголе «был» даже и этого наиболее общего значения нет. «Он был болен» совсем не обозначает «он существовал как больной», а обозначает просто «он болел», т. е. и тут получается соотношение:

Следовательно и здесь перед нами — составное сказуемое.

Итак:

Глагольная связка есть **глагол, не имеющий вещественного значения и соответствующий одной формальной стороне глагольного сказуемого.**

Присвязочный член, или предикативный второстепенный член, есть **полное слово, соответствующее вещественной стороне глагольного сказуемого.**

Составное сказуемое есть **сочетание глагольной связки с второстепенным предикативным членом в их органической связи**, вытекающей из предыдущих определений.

Отметим еще одну черту составного сказуемого, не вошедшую в определение, так как она важна лишь для некоторых видов его. Предикативный второстепенный член в составном сказуемом относится всегда не только к связке, но и к подлежащему. Это вытекает из того, что он соответствует в предложении части глагольного сказуемого (см. выше). Поскольку этим членом является прилагательное («он был добрый» или «добр»), в этом нет ничего замечательного, так как прилагательное вообще тянется к существительному, и тут нам приходится, наоборот, отметить, что из-за предикативности оно частично отрывается от подлежащего и соединяется со связкой. Поскольку же предикативным членом оказывается не прилагательное, предикативность обусловливает противоположное смещение отношений: в сочетании «он действовал умнее» сравнительная форма относится только к глаголу, а в сочетании «он был умнее» — и к глагольной связке и к подлежащему; в сочетании: «он работал без очков» предложно-падежное сочетание относится только к глаголу, а в сочетании «он был без оч-

к о в» — и к глагольной связке и к п о д л е ж а щ е м у (как бы равняясь: он был «безочкастый»). И так во всех тех случаях, когда присвязочный член — не прилагательное.

До сих пор мы намеренно сосредоточивались на сходстве наших сочетаний по значению с простыми глагольными сказуемыми. Нам нужно было выяснить, почему это «составные с к а з у е м ы е». Теперь мы должны обратить внимание на первую половину этого термина, вникнуть в то изменение значения, которое создается тем, что это — «с о с т а в н ы е сказуемые». Ведь, собственно говоря, все наши приравнения этих сочетаний к глаголам были не совсем точны. «Постраннела», напр., не совсем равняется «стала странная», потому что можно сказать и «стала странн**ая**», и «стала странн**а**», и «стала странн**ой**», и «стала странн**ее**». «Ленился» не совсем равняется «был ленив», потому что можно сказать и «был ленив**ый**», и «был ленив**ым**», и «был ленив**ее**», и «был ленив**ец**», и «был ленив**цем**», и все эти сочетания, конечно, отличаются друг от друга по значению (анализ см. ниже в этой же главе). Другими словами, приравнивая какое-либо из этих сочетаний к простому глаголу, мы искусственно отвлеклись от значения формы в т о р о г о ч л е н а этих сочетаний. В наших схемах (см. выше) мы приравняли в е с ь этот второй член к о с н о в е глагола (по**страннел**а= стала **странная**, «**болел**»=был **болен**), и в этом и заключалась неточность. Ведь ясно, что о с н о в е глагола соответствует только о с н о в а же этого второго члена (по**страннел**а=стала **странн**ая), а формальные части второго члена вносят добавочные значения в сочетания. Значит, составное сказуемое не только внешне, но и внутренно с л о ж н е е простого сказуемого. В нем есть все то, что в простом сказуемом+еще то, что дает данный второстепенный член. И в самом начале книги, поясняя разницу между прилагательным и глаголом, мы как раз исходили из сопоставления резко р а з л и ч н ы х выражений: «был ленив» — «ленился», «был белый» — «белел» и т. д. Правда, мы тогда намеренно сосредоточивались на прилагательном и отвлекались от связки, т. е. не охватывали всего сочетания в его целом. Но то, что нам это так легко было сделать, показывает, что целое это не настолько уже цельно и неразложимо, что прилагательность слова «ленив» все-таки мощно дает знать о себе, и что глагольность слова «был» нисколько не подавляет ее. Как человек, летящий на аэроплане с помощью посторонней силы,

вложенной в его машину, не превращается в птицу, а остается все тем же тяжелым, неспособным к полету человеком, так и прилагательное, подкрепленное глагольной силой слова «был», остается все тем же прилагательным, с тем же значением постоянства и неподвижности. Правда, человек вместе с аэропланом летит, подобно птице; правда, прилагательное вместе с глагольной связкой играет в предложении роль сказуемого, подобно настоящему глаголу. Но как полет человека с аэропланом во многом отличается и всегда будет отличаться от полета птицы, так и предикативная функция прилагательного с глагольной связкой отличается от функции настоящего глагола. То же и в еще большей степени относится и к сочетаниям: «существительное со связкой», «наречие со связкой». В каждом из этих сочетаний мы имеем соединение грамматической природы данного предикативного члена с грамматической природой глагола. И общее значение составного сказуемого уж только с большей натяжкой можно было бы определить как «создание предметом своего признака». Поскольку «был ленив» и «будет ленив» имеют значения времени и наклонения, они имеют и это значение (см. стр. 96). Но поскольку тут замешана форма «ленив», мы ощущаем здесь не «создание» признака, а спокойное обладание признаком. В «он был ленивец» мы имеем уже соотношение между двумя предметами, из которых один, правда, все же сбивается на признак другого (см. ниже). Значение «создания» признака здесь, конечно, еще меньше, а на первый план выступает значение тождества между двумя разными предметами («он» и «ленивец»). Соответственно и значение подлежащего в этих предложениях уже осторожнее будет определить более обще, чем мы это делали раньше. Это — не «действующий предмет», а «предмет, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом» (срвн. стр. 23).

Переходим к описанию различных видов второстепенных предикативных членов. Здесь встречаются следующие категории: 1) краткое прилагательное: «он был умен»; 2) краткое страдательное причастие: «он был уважаем», «был ранен», «был убит»; 3) полное прилагательное в именительном падеже: «впечатление было хорошее»; 4) полное прилагательное в творительном падеже: «он сделался добрым»; 5) сравнительная форма: «он был добрее»; 6) существительное в именительном падеже: «ты будешь командир»; 7) существи-

тельное в творительном падеже: «ты будешь командиром»; 8) существительное в разных косвенных падежах с предлогами и в родительном без предлога: «он был из немцев», «был с характером», «был большого ума» (без прилагательного не употребляется, см. ниже); 9) наречие: «был навеселе», «это было по-моему». Для удобства обозрения и запоминания приведем все эти разряды к одному словесному примеру. Тогда получится следующая табличка:

1) Он был весел.
2) » » развеселен, веселим.
3) » » веселый.
4) » » веселым.
5) » » веселее.
6) » » весельчак.
7) » » весельчаком.
8) » » из весельчаков.
9) » » навеселе.

Каждый из этих разрядов требует особого изучения.

1) Краткое прилагательное:

И равен был неравный спор... (Пушк.) *
Но тяжко будет им похмелье,
но долог будет сон гостей... (Пушк.)

Этот тип составного сказуемого может быть в известном смысле противопоставлен всем остальным типам (кроме ближайшего) по свойству той формы, которой выражен здесь второстепенный предикативный член. Форма эта занимает совершенно особое положение в русском языке. Прежде всего она замечательна тем, что она несклоняемая: косвенные падежи здесь в настоящее время уже совершенно исчезли (см. выноску на стр. 155). А так как всякая форма сознается только по сравнению со смежными формами, то и именительный падеж здесь очень потускнел. Он может просвечивать в этих словах только по сравнению с такими прилагательными, как: «отцов», «братнин», «сестрин», «тот», «этот» и т. д., где нет совсем полной формы. Но так как эти последние частью составляют особую категорию

* Как и в предыдущей главе, мы в целях облегчения подбора примеров вводим и распространенные предложения в тех пунктах описания, где они тождественны с нераспространенными.

по значению (так наз. «притяжательные»), так что для нас краткость окончания их ассоциирована с этим особым их значением, частью же склоняются совсем неправильно («тот», «этот»), то в сущности слова «равен», «добр» и т. д. с такими прилагательными не ассоциируются, почему и являются почти беспадежными. Недаром школьники затрудняются находить здесь именительный падеж, и если находят, то скорее по заранее выученной формуле: «добрый, ая, ое, добр, а, о», чем на почве самонаблюдения. В некоторых случаях (где, правда, действуют еще особые условия) эта беспадежность сказывается особенно ярко. Возьмем, напр., прилагательные: «рад», «должен», «намерен»: «я вам очень рад», «он должен мне 2 рубля», «он намерен завтра приехать». Кто даже из взрослых образованных людей различит здесь именительный падеж прилагательного? Не сочтет ли их всякий скорее за какие-то глаголы, хотя и это будет достаточно нелепо, так как у них нет ни времени, ни наклонения, ни лица? * Беспадежность выступает здесь воочию. В связи с этим стоит и другая, еще более важная особенность кратких прилагательных: они могут быть в литературном языке только присвязочными (об опущении связки см. ниже) и вне сочетания со связкой употребляться не могут. Нельзя сказать: «добр человек пришел», «важна новость распространилась» и т. д. Всем этим и объясняется та специфическая предикативная роль этих прилагательных, которая была оттенена выше (см. гл. IX) уже при выяснении самого понятия сказуемости. Прилагательное предикативно здесь не только потому, что стоит при связке и соответствует вещественной части того глагольного сказуемого, которое могло бы быть при данном подлежащем, а предикативно само по себе, по самой форме своей. И ни порядок слов, ни ритм, ни интонация, ни какие-либо другие вспомогательные признаки не играют здесь уже ровно никакой роли. В сочетании, напр., «и равен был неравный спор» полная форма создала бы бессмыслицу («и равный был неравный спор»), краткая же прекрасно выражает антитезу; в сочет. «но тяжко будет им похмелье» полная форма, в связи с данным порядком слов и наличностью приглагольного члена «им», могла бы пониматься и не предика-

---

* В нашей школьной практике были случаи, когда хорошие ученики принимали эти слова за глаголы.

тивно («тяжкое будет им похмелье» в смысле: «им будет тяжкое похмелье»), краткая же форма может быть понята только предикативно и т. д. Вот почему прилагательные эти и следует выделить в особую рубрику **собственно-предикативных**, или **морфологически-предикативных** второстепенных членов, а составные сказуемые этого рода — в рубрику морфологически-составных сказуемых. Все остальные типы (кроме ближайшего) можно было бы назвать неморфологическими типами составных сказуемых. К последним же надо отнести и сочетания с краткими прилагательными, не имеющими предикативного значения. Мы имеем в виду такие прилагательные, как: «братнин», «сестрин», «отцов», «тот», «этот», «весь» и т. д. Хотя они и кратки, но кратки, так сказать, только поневоле, только потому, что у них нет полной формы, и с этой своей краткостью они могут выступать и в роли самых обыкновенных прилагательных («братнин подарок», «тот человек»). Понятно, что в них краткость не могла приобрести того особого предикативного смысла, какой выработался в прилагательных типа «добр» *.

Полезно остановиться еще на некоторых пунктах различия между формами «добрый» и «добр», еще резче оттеняющих значение краткой формы по сравнению с полной. Пунктов этих мы наметим три: 1) говорится: «какой он был добрый!», но: «как он был добр!», «он был такой добрый», но: «он был так добр» и т. д.; это значит, что полное прилагательное, несмотря на свое предикативное положение здесь, настолько сознается отдельным прилагательным, что может, как и всякое прилагательное, субстантивироваться и иметь при себе другое прилагательное в порядке согласования («такой добрый»); напротив, краткое прилагательное уже не терпит при себе другого прилагательного, а сочетается, подобно сказуемому, только с наречием («так добр», как «так любит»); 2) можно сказать: «он был готов на все», «он был способен на обман», «он был склонен к пьянству» и т. д., но нельзя сказать: «он был готовый на все», «был способный на обман», «был склонный к пьянству» и т. д.; значит краткая форма, подобно сказуемому, обладает управлением (и притом даже «сильным» управлением, так как сочетания: «он был способен», «был склонен» и т. д. без управляемого имени кажутся неполными), а полная в этом положении совершенно лишена управления; 3) в сочетаниях «он был способный», «он был больной» и т. д.

* Относительно стихотворного языка пушкинской эпохи, а частью и непосредственно за ней следующей, нужно, впрочем, добавить, что здесь степень предикативного понимания краткой формы была еще не так предельна, как сейчас, потому что в стихах в то время краткая форма довольно часто употреблялась и непредикативно (см. выноску на стр. 155).

форма времени в связке указывает на целый период деятельности подлежащего, а отдельного момента этой деятельности обозначать не может (нельзя сказать: «он был в тот момент больной»); сочетания же: «был болен», «был способен» и т. д. одинаково подходят и для того и для другого: можно сказать и «он был всегда болен», и «он был в тот момент болен»; значит полное прилагательное своей прилагательностью, своей пассивностью уменьшает активность формы времени в связке; краткое же прилагательное такого влияния не оказывает.

Все это показывает, что краткое прилагательное за самое последнее время резко изменило свою синтаксическую физиономию. Вследствие своего обязательного соседства со связкой, т. е. сказуемостью, и полного разрыва со всеми другими членами предложения, оно само, как мы уже говорили на стр. 194, — осказуемилось. А то, что оно при этом ни на йоту не оглаголилось (см. там же), делает его еще интереснее. В нем мы имеем совершенно новый тип сказуемости, совершенно новый способ выражать человеческую мысль. Здесь язык начинает выходить за пределы глагольности и начинает выражать в своей мысли отношение сосуществования, обычно открываемое только надъязыковым мышлением. Правда, то же соотношение выражается и в других предикативных сочетаниях («был добрый», «был добряк», «был добрее» и т. д.), а в предикативном существительном язык даже выходит на простор почти всех тех отношений, какие вообще способны выразить падежи существительного («книга была **его**», «это письмо было **ему**», «наш разговор был о **нем**» и т. д.); но там все это достигается неморфологическими средствами (изменение значения глагола, порядок слов, интонация и ритм), здесь же выражается морфологически. Любопытно, что этот результат был получен не творческим усилием языка, а только утратой склонения кратких прилагательных, т. е. совершенно пассивно.

Стилистическая разница между обеими формами еще более велика, чем синтаксическая, и так интересна, что мы не можем не коснуться ее здесь, хотя она и выходит за пределы нашей задачи. Краткая форма в ее исключительно-предикативном значении есть явление чисто-литературное. Народный язык не знает такого употребления этой формы (хотя самоё форму очень знает и во многих местностях употребляет даже предпочтительно перед полной). Это придает краткой форме оттенок большей книжности, отвлеченности, сухости и иногда категоричности, чем это свойственно полной форме. В «Трех сестрах» Чехова есть три однородных реплики: Ирина говорит Маше (во 2-м акте): «Ты, Машка, злая»; Ольга говорит ей же (в 3-м акте): «Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини пожалуйста». Наконец, Маша говорит немного спустя (не в связи с предыдущим) Ольге: «Э, глупая ты, Оля». Все три реплики отнюдь не враждебны. Это — по-родственному, по-дружески. Но сказать: «ты зла», «ты глупа» есть уже оскорбление, и тем тоном, каким говорятся вышеприведенные реплики у Чехова, этого сказать нельзя. В частности, в данном контексте это было бы абсолютно невозможно. Здесь мы видим в краткой форме бо́льшую категоричность, бо́льшую оторванность от реальных условий речи, отвлеченность. «Ты зла» — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно разговорный стиль. А это все связано с исключительной книжностью данной формы.

2) Краткое страдательное причастие:

Все сказки, которые только могла запомнить ключница Кирилловна, были мне пересказаны. (Пушк.)

Нами ты была любима
и для милого хранима... (Пушк.)

Здесь будет город заложен
на зло надменному соседу... (Пушк.)

Сочетания эти, конечно, тоже являются морфологически-составными сказуемыми, так как причастие в них имеет краткое окончание. Краткость эта здесь еще важнее, чем в предыдущем случае, так как она связана с самой причастностью прилагательного: при переходе краткой формы в полную («был забытый», «был заброшенный», «был любимый» и т. д.) причастие здесь обязательно переходит в непричастное прилагательное. Но так как причастная форма делает здесь прилагательное глагольным и потому еще более предикативным, так как, далее, сочетания эти, хотя и не всегда, но в целом ряде случаев синтаксически параллельны возвратному залогу глагола в его страдательном значении («был пересказываем»=«пересказывался», «был забыт»=«забылся», «был открыт»=«открылся» и т. д.), то мы и выделяем эти сочетания из общего разряда морфологически-составных сказуемых. Их лучше всего было бы назвать причастными составными сказуемыми. Сочетания эти в школьных грамматиках считаются обыкновенно составными формами страдательного залога. Но составная форма есть нечто застывшее; в ней обе образующие ее формы ни внешне, ни по значению не способны к разъединению и каким-либо изменениям. Здесь же причастие может изменять форму времени независимо от времени связки («был уважаем» и «был уважен», «будет уважаем» и «будет уважен», то же и при пропуске связки: «он уважаем» и «он уважен»), может терять причастное значение и переходить в краткое прилагательное («усадьба была расположена на горе», «он был очень учен», «он был красиво причесан, завит, расфранчен», «был весь разбит, истерзан»), может переходить в полное прилагательное (примеры см. выше), может стоять и не при глаголе, а при деепричастии («будучи уважаем», «быв уважаем») и т. д. Все это показывает, что перед нами не отдельная форма (хотя бы и составная), а скорее форма словосочетания.

Причастия нестрадательные (на «-щий и «-вший») в предикативных сочетаниях в настоящее время почти не употребляются (см., впрочем, стр. 319). Если и говорят: «он был знающий», «был сознающий», то здесь причастие сбивается на обыкновенное прилагательное. Сказать же: «он был знающий это», где управление падежом гарантировало бы причастность прилагательного, — нельзя. Еще более исключительными представляются нам сочетания вроде: «Евграф Жмакин, учитель танцев, был неизменно весел и летающ (Леонов, «Барсуки») с новообразованной краткой формой причастия. В древнерусском языке это были, напротив, самые употребительные сочетания. В летописях, напр., читаем (в дословном переводе): «если будете в любви между собой, бог будет с вами и покорит вам противников ваших, и будете мирно живущие; если же будете ненавистно живущие в войнах и ссорящиеся, то погибнете сами и погубите землю отцов своих», «и был владеющий Олег полянами...», «Болеслав же был сидящий в Киеве...» и т. д. Обороты эти совершенно вымерли, оставив след, кажется, только в таких полулитературных сочетаниях, как: «он был выпивши», «был не выспавшись» (см. стр. 319), где причастие уже перешло в деепричастие.

3) Полное прилагательное в именительном падеже:

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. (Л. Толст., «Анна Карен.»)

Она перебрала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. (Там же.)

Третий круг, наконец, где Анна имела связи, был собственно свет... свет... с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же. (Там же.)

Цель его энергии была самая недостойная. (Там же.)

Запряженные в сохи и бороны лошади были сытые и крупные. Работники очевидно были семейные: двое были молодые, в ситцевых рубахах и картузах; другие двое были наемные... (Там же).

Усы его и брови были черные... (Лерм.)

И добрая она была у тебя?.. (Тург., «Маша».)

Утверждали тоже, что Версилов не только сам желал, но даже настаивал на браке с девушкой, и что соглашение этих двух неоднородных существ, старого с малым, было обоюдное. (Дост.)

...улыбка была до того добрая, что видимо была преднамеренная. (Дост.)

Лицо ее было усталое, озабоченное... (Дост.)

Удивлялся я тоже не раз и его лицу: оно было на вид чрезвычайно серьезное (и почти красивое), сухое... (Дост.)

Письма присылались в год по два раза, не более, и были чрезвычайно одно на другое похожие. (Дост.)

... а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные... (Дост.)

Но смириться нельзя, и она не сдается.
Из цветистой становится тусклая, бледная.
(Бальм., «Бабочка».)

Будь — единый, непохожий,
нашей силы не желай. (Брюс., «К. Д. Бальмонту».)

Я был смущенный и веселый. (А. Блок.)

Голосок у Танечки был звонкий, ровный, сладкий, вкрадчивый... (Ф. Солог.)

...глазки у нее были такие ясные... (Ф. Сsolог.)

Мы намеренно привели примеры в большем числе, чем обычно, чтобы снять с этого сочетания обвинение в нелитературности, взведенное на него школьными грамматиками. Не говоря уже о тех случаях, где полная форма прилагательного обязательна, потому что соответствующей краткой нет («дом был каменный», «публика была деревенская»), сочетание это довольно обычно и для всех вообще прилагательных, хотя преобладающей формой здесь и является, действительно, повидимому, краткая. От предыдущих типов тип этот отличается тем, что он, в отношении прилагательного, не морфологичен, т. е. что у прилагательного здесь нет собственной формы сказуемости. В то же время от ближайшего следующего типа он отличается тем, что прилагательное здесь согласовано в падеже с подлежащим (в ближайшей рубрике у нас будет: «был веселым», т. е. форма прилагательного без согласования), а от всех остальных типов — тем, что тут именно прилагательное, а не иная часть речи. Все это вместе взятое создает синтаксическую двусмысленность этих сочетаний, так как прилагательное здесь может быть принято и за непредикативное, т. е. за обычное прилагательное при подлежащем, как при всяком существительном. Очевидно все дело сведется здесь к значению глагола: если глагол имеет полное вещественное значение, то эти прилагательные непредикативны, а если глагол есть связка, то они предикативны и образуют с ним составное сказуемое. Так, если бы вместо «глазки у нее были такие ясные...» (пример из Ф. Солог.) было сказано: «были у нее такие ясные глазки...» или «у нее были такие

ясные глазки», то, конечно, мы восприняли бы «были» как равное «существовали», «имелись», т. е. как простое сказуемое, а «ясные» как простое непредикативное прилагательное при подлежащем. Точно так же, если бы вместо «лошади были сытые и крупные» (прим. из Л. Толстого) было сказано: «были лошади, сытые и крупные» или «были сытые и крупные лошади», синтаксический смысл резко изменился бы. Из наших переделок на первый взгляд может показаться, что решающим признаком является здесь порядок слов: всякий раз как мы отрываем глагол от прилагательного, он перестает быть связкой; всякий раз как мы отрываем прилагательное от глагола и возвращаем его на его естественное место перед подчиняющим его существительным, оно перестает быть предикативным. На самом деле порядок слов, при всей его важности в данном случае, все же не является решающим, как он и вообще никогда в русском языке не является решающим признаком (см. стр. 57). Дело в том, что и непредикативное прилагательное может отделяться от своего существительного и передвигаться на самый конец фразы, если только на нем лежит особое ударение. Сравним такие сочетания, как: «городок он себе выбрал для житья небольшой», «платья она носит всегда самые дорогие», «развлечений он не имел там никаких» и т. д. Такая же перестановка возможна, понятно, и в именительном падеже: «поместье ему досталось огромное», «война предстояла жестокая, кровопролитная», «лес горел казенный, а не частный», «дерево там стояло высокое, удобное» и т. д. Теперь представим себе такую же перестановку при глаголе «быть». Вместо: «у меня было большое, хорошее имение», мы, говоря в том же тоне, очевидно, скажем: «имение у меня было большое, хорошее»; вместо: «у нее были такие ясные глазки», скажем: «глазки у нее были такие ясные»; вместо: «в тот день была какая-то странная погода», скажем: «погода была в тот день какая-то странная» и т. д. Читатель, верно взявший тон, заметит, что тут только перестановка, что глагол «был» тут не превращается в связку, а остается полновесным глаголом-сказуемым со значением бытия, существования. А между тем по формам своим и по расстановке их эти сочетания в точности совпадают с предикативными. Ясно, что сочетания эти вообще допускают двоякое понимание: «погода была прекрасная» мы

можем понимать то как: «погода+была прекрасная», то как: «погода была+прекрасная». Все зависит от того, с какими сочетаниями мы ассоциируем в данный момент наше сочетание. Если мы его ассоциируем с другими предикативными сочетаниями («была прекрасна», «была прекрасной», «была прекраснее»), то мы ощутим «была» как связку и будем сознавать здесь предикативное сочетание. Если же мы его ассоциируем с обычными глагольными сочетаниями («была прекрасная погода», «стояла прекрасная погода»), то будем сознавать «была» как сказуемое и все сочетание только как перестановочное. Так как разница тут, по существу, психологическая, то никакое объяснение, понятно, не может представить дела вполне наглядно; читатель сам должен вызвать у себя в сознании последовательно то и другое понимание и путем особой внутренней передвижки убедиться, что здесь не одна форма словосочетания, а две резко различных.

Что касается внешних признаков той и другой формы, то они, несомненно, есть и в большинстве случаев (а может быть и всегда) ясно диктуют слушателю то или другое понимание; но они очень сложны и еще не изучены. Кроме уже упомянутого признака — порядка слов, который хотя и не решает дела, но все же имеет свое значение (срвн., напр., «погода в тот достопамятный день как нарочно была прекрасная» и «погода была в тот достопамятный день как нарочно прекрасная», в первом случае мы больше склоняемся к предикативному пониманию, потому что «была» и «прекрасная» стоят рядом, а во втором случае — к «перестановочному», потому что «погода» и «была» рядом), здесь можно указать еще на следующие:

1) Наличность зависящего от глагола косвенного падежа существительного или наречия, делающая его более тяжеловесным и мешающая ему превратиться в связку. Сравним сочетания: «усы его были черные» и «усы у него были черные». В первом случае перед нами несомненное предикативное сочетание, во втором же мы можем сознавать и простую перестановку сочетания: «у него были черные усы». И это только потому, что во втором случае при глаголе есть управляемое существительное, отягощающее его («у него были», как «у него имелись», «у него существовали»), а в первом такого существительного нет. Точно так же в сочетании «погода была тогда прекрасная» глагол может скорее быть принят за полновесное сказуемое, чем в сочетании «погода была прекрасная», потому что «тогда» опять-таки придает больший вес глаголу и мешает сознавать его как связку.

2) Наличность другого прилагательного при подлежащем: «первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное». Здесь возможно только предикативное понимание, потому что при подлежащем уже есть нормальное и на нормальном месте стоящее прилагательное, и перестановка сознаваться не может.

3) Присутствие личного местоимения («я», «ты», «он») в качестве подлежащего. Так как эти местоимения почти никогда не имеют при себе обычных прилагательных (см. стр. 185), то сочетание, напр., «я был смущенный и веселый» уж никак не может сознаваться как перестановка сочетания: «был (т. е. существовал) смущенный и веселый я», а только как сочетание с предикативным определением.

4) Ритм и интонация сочетания. Это наиболее общий, наиболее важный и в то же время наиболее трудный для изучения признак. Надо думать, что ритмическое расчленение таких сочетаний следует за психологическим, т. е. что, напр., в сочетании: «погода была прекрасная» слово «была» ритмически примыкает то к слову «прекрасная» («была прекрасная»), то к слову «погода» («погода была»), в зависимости от того, сознается ли предикативное сочетание, или перестановка. Точно так же сочетание: «глазки у нее были такие ясные» произносится то как: «глазки у нее |были такие ясные», то как: «глазки у нее были| такие ясные». Соответствено меняется и интонация.

4) Прилагательное в творительном падеже:

Честность давала ему право быть безжалостным... и он был безжалостным... (Тург.)

Положение Оренбурга становилось ужасным. (Пушк.)

Жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносной, но даже приятной. (Пушк.)

... все казались довольными — и вежливо разговаривали между собой... (Тург.)

... красивое безбородое лицо извозчика казалось печальным и хмурым. (Тург.).

Значение творительного падежа в этих сочетаниях мы выясним ниже при описании субстантивной их разновидности («был командиром», «является представителем» и т. д.). Здесь же заметим только, что 1) с формой этой всегда связан оттенок субстантивирования прилагательного (как, впрочем, отчасти и в предыдущей рубрике, см. стр. 263), так как, поскольку это прилагательное предикативно, оно не терпит при себе существительного (иначе существительное взяло бы предикативность на себя: «он был безжалостным человеком»), а в то же время и само не является подлинным существительным (мы имеем в виду ведь не такие факты, как «был портным», «был зодчим», которые все отходят, конечно, к нашей 7-й рубрике); 2) в сочетании этом мы имеем интересное соединение управления и согласования. Творительный падеж есть здесь падеж управляемый, так как он связан здесь именно с субстантивированием прилагательного: прилагательное стоит в том падеже, в котором стояло

бы существительное, которое оно заменяет («был добрым» потому что «был добрым человеком» и «был добряком»). Число же и род здесь согласованные, и согласование это происходит с подлежащим, потому что расхождение между прилагательным и подлежащим в роде и числе здесь ни при каких словарных и вещественных условиях невозможно (нельзя сказать: «он был доброю» или «он был добрыми»). Это раздвоение нам не мешает заметить, так как оно встретится нам еще не раз на протяжении книги. Относительно оттенка субстантивирования можно еще заметить, что при связке «быть» (при которой этот оборот вообще очень редок, сравн. примеры) оно кажется больше, а при таких связках, как «делаться», «становиться», «казаться», требующих в настоящее время преимущественно творительного падежа (см. ниже), — меньше. «Он был добрым» ощущается более субстантивированно, чем «он сделался добрым» или «он казался добрым». И это потому, что в первом случае творительный падеж не мотивирован связкой, одинаково терпящей и творительный и именительный, и мы воспринимаем этот творительный целиком в плане сочетаний: «он был добряком», «был добрым человеком»; во втором же случае эта ассоциация проходит лишь частично, так как в другой части осознание творительного поглощается требованиями самой связки.

5) Сравнительная форма:

Онегин, я тогда моложе,
я лучше, кажется, была... (Пушк.)

«Так ты боишься, что жена-то умней тебя будет, когда ты состаришься?» — «Не то что умней, а вороватей». (Островск.)

Так как сравнительная форма имеет функцию и прилагательного и наречия, а прилагательное само может иметь при глаголах, бывающих связками, две функции, предикативную и непредикативную, то у этой формы получаются три функции: 1) наречия, 2) предикативного прилагательного, 3) непредикативного прилагательного. Различие между наречным и адъективным * смыслом, как наиболее резкое, диктуется, главным

* Adjectivum = прилагательное. Так как русские грамматические термины по большой части не дают полной возможности образовывать от них прилагательные, то мы систематически пользуемся в этих случаях латинскими терминами: «предикативный» вместо «сказуемостный», «субстантивный» вместо «существительностный», «адъективный» вм. «прилагательностный».

образом, словарем. Если глагол не может быть связкой, или если сама сравнительная форма имеет вещественное значение времени и места, то она употребляется как наречие: «он пришел раньше», «это происшествие было раньше», «завтра обед будет позже, чем обычно», «пожар был к нам ближе, чем к вам», «поезд был дальше, чем мы думали»,— во всех этих случаях мы склоняемся больше к наречному восприятию, и даже глагол «быть» получает здесь полновесный смысл (вроде: «происшествие произошло раньше», «поезд стоял ближе» и т. д.). В отдельных случаях этого рода возможен, конечно, и адъективный смысл, но в общем формы с вещественным значением времени и места именно в силу этих значений легче воспринимаются как приглагольные признаки, чем как признаки предметов. Это видно из того, что при метафорическом употреблении этих слов, когда значения времени и места бледнеют, происходит сдвиг глагола в сторону связки, а сравнительной формы в сторону прилагательного. Сравним: «он был ближе к вокзалу, чем к пристани» и «он был ближе к большевикам, чем к меньшевикам». В первом случае «был» ясно сознается как «находился», во втором — оно приближается к связке, потому что само слово «ближе» получает более отвлеченное значение партийной квалификации. Но здесь местное значение еще поддерживается предлогом «к». Если же мы скажем без этого предлога: «он был мне ближе, чем она», то уже получим настоящую связку и полную аналогию с сочетанием «он был мне более близок, чем она». В тех случаях, когда сравнительная форма имеет качественное вещественное значение, функция ее определяется значением глагола: в сочет. «он действовал умнее» она является ясным наречием, а в сочет. «он был умнее» — ясным прилагательным. Но так как форма эта в ее адъективном значении не имеет сама по себе предикативного смысла (срвн. «человека умнее я не видывал», другие примеры в гл. XIII), то здесь в известных случаях возможна та же двусмысленность, что и в рубрике 3-й. Так, сочетание «у меня были яблоки крупнее» может означать: «у меня были более крупные яблоки» и «у меня яблоки были более крупны». Факторы, способствующие тому или другому пониманию, здесь те же, что и в рубрике 3-й, но к ним присоединяется еще один фактор: неспособность данной формы к согласованию с существитель-

н ы м. Этот фактор толкает ее во многих случаях к предикативности, потому что связь с глагольной связкой у нее легче налаживается, чем связь с существительным. Так, в случаях, когда глагол «быть» и сравнительная форма стоят р я д о м («у меня яблоки б ы л и к р у п н е е»), и после «быть» нет резкой паузы, которая сделала бы из сравнительной формы обособленное слово, возможно, повидимому, т о л ь к о предикативное понимание.

6) С у щ е с т в и т е л ь н о е в и м е н и т е л ь н о м п а д е ж е.

Ты б у д е ш ь ц а р ь земли родной. (Пушк.)
... ученье д е л а л о с ь на время твой к у м и р... (Пушк.).
Для старика б ы л а з а к о н
ее младенческая воля. (Пушк.)
... три клада
в сей жизни б ы л и мне о т р а д а.
И первый к л а д мой честь б ы л а,
клад этот пытка отняла;
другой б ы л клад невозратимый
ч е с т ь дочери моей любимой... (Пушк.)

Но мгновенье б ы л о — т р е п е т, взоры б ы л и — с т р а х. (Брюс.)
Я не знал, к т о б ы л и мои товарищи... (Тург.)

Значение именительного падежа здесь довольно трудно определить. Мы уже говорили в своем месте (стр. 163), что в тех случаях, когда два однопадежных существительных обозначают один и тот же предмет, словарные значения создают обычно между ними соотношение предмета и признака. В данных словосочетаниях в эту же сторону клонит и значение глагольной связки. Если эта связка, как чистая глагольность, обозначает, что такой-то предмет (подлежащее) производит такой-то свой признак (присвязочное слово), то этим для присвязочного слова, в данном случае существительного в именительном падеже, диктуется значение признака. Однако и м е н и т е л ь н о м у п а д е ж у как таковому мы этого значения все-таки приписать не можем, так как значение это обще для в с е х присвязочных форм, и так как с тем же значением употребляются и д р у г и е падежи существительных (см. следующие рубрики). Приписывать именительному падежу значение признака из-за его совпадения с именительным падежом подлежащего мы также не можем, так как это значило бы признать за ним то же с о г л а с о в а н и е в п а д е ж е, какое имеется у прилагательных (где именно оно вместе с согласованием в числе и роде и создает значение признака). А мы вообще отрицаем за падежными формами суще-

ствительных способность согласоваться. К тому же именительный падеж вообще не способен сам по себе выражать никаких грамматических отношений. Это — категория самодовлеющая, категория максимально асинтаксическая. Однако раз мы признали, что в роли подлежащего именительный падеж, из-за того, что к нему относится сказуемое, получает синтаксическое значение действующего предмета, то и в именительном предикативном, из-за того, что он относится к связке, может быть вскрыто особое синтаксическое значение. И это значение должно быть отлично от значений других предикативных падежей. Нам думается, что это значение можно было бы определить как отношение постоянного тождества (или, м. б., лучше «вневременного тождества») того предмета, который обозначен именительным предикативным с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего. Значение это мы извлекаем из сравнения этого именительного с творительным предикативным. Этот последний тоже обозначает тождество одного предмета с другим («он оказался Иваном Ивановичем Сюргучевым», «всякий элемент бывает газом, жидкостью и твердым телом», «земля была когда-то расплавленной массой»), но тождество непостоянное, временное. Эти два оттенка — постоянства и временности — мы можем уловить, если будем попеременно сосредоточиваться на сочетаниях с одним и тем же словарным содержанием, напр.: «он был комиссар» и «он был комиссаром». В первом случае «комиссарство» представляется нам чем-то совпадающим с «ним», адэкватным «ему», так что представление наше о «нем» как будто бы исчерпывается представлением об его комиссарстве (он=комиссар). Во втором случае мы сознаем комиссарство как нечто внешнее, случайное, временное. От этого случая неотделимо сознание, что он мог бы быть и чем-нибудь другим, помимо комиссарства. В тех же оттенках мы можем убедиться, подставляя в различные сочетания на место именительного творительный. Оказывается, что не всегда и не везде можно произвести подобную подстановку. Можно, напр., сказать: «его любимое развлечение было — игра в шахматы» и «игра в шахматы была его любимым развлечением», но нельзя сказать: «его любимое развлечение было игрой в шахматы»; точно так же нельзя сказать: «отрада была тремя кладами», «закон был ее младенческой волей», «столица была тогда

Москвой», «этот человек был им» и т. д., но можно сказать: «три клада были мне отрадой», «ее воля была законом», «Москва была столицей», «он был этим человеком». Всматриваясь во все эти сочетания, мы замечаем, что в них предикативное имя связано постоянными узами с подлежащим, составляя часть содержания его (его развлечение состояло в игре в шахматы, для него «закон» состоял в воле, «Москва» как название есть постоянный отличительный признак одной из столиц и т. д.), почему здесь и невозможен творительный. Стоит же нам изменить содержание понятий или вещественные условия речи так, чтобы предикативное имя могло стать во временные отношения к подлежащему, — и творительный станет возможен: если предположим переименование Москвы, то можем сказать: «столица была тогда Москвой» (срвн. «Ленинград был еще тогда Петроградом»), если допустим переселение душ, то можем сказать: «этот человек был им», и т. д. Ясно, что именительный обозначает вневременное тождество, а творительный — временное. Но, конечно, и тут читатель не должен забывать, что речь идет о формах, об оттенках, т. е. о том, как что-либо представляется, а не что представляется. Противоречия между формой и содержанием и тут на каждом шагу. Ведь, напр., «комиссарство» есть безусловно временное состояние человека, а не постоянное, и, следовательно, в сочетании «он был комиссар» нечто временное изображено как постоянное. С другой стороны, в сочетаниях: «он был почтительным сыном», «осел останется ослом, хотя осыпь его звездами» — нечто постоянное изображено как временное (впрочем, во втором случае элемент временности, кажется, всегда имеется в соседних словах, срвн. «почтительным», «останется»). Такие противоречия, конечно, неизбежны, раз одну и ту же мысль можно выразить двумя способами и раз выбор того или иного способа производится, как всякий грамматический выбор, полусознательно.

Это значение постоянного, или абсолютного тождества создается, конечно, совпадением падежей подлежащего и предикативного имени, но оно не заключает в себе ни на йоту преобладания одного из тождественных предметов над другим, что должно было бы быть при согласовании. Преобладание уже идет не из категории именительного падежа, а из общей категории присвязочности. Можно сказать, что отношение необратимости или подчиненности создается здесь исключительно глагольной связкой. Поскольку же мы обращаем отношение, выраженное глагольной связкой, делается обратимым и отношение между

именительными: «закон был воля» — «воля была закон», «столица была Петроград» — «Петроград был столица» и т. д., и нет ни одного сочетания, которое не допускало бы такого обращения (срвн. сочетания с творительным).

В примерах, данных на стр. 273, мы намеренно подобрали такие факты, где формы согласования глагола-связки ясно определяли бы, где подлежащее и где предикативный член. Но не всегда так бывает. Если связка стоит в настоящем или будущем времени, и оба именительных падежа третье-личны, то мы не можем сказать, с каким именно именительным согласована связка. Так, если бы в нашем первом примере вместо «ты будешь царь» было сказано «он будет царь» или «Мазепа будет царь», то мы бы не имели объективного основания, оставаясь при данном сочетании, утверждать, что здесь связка «будет» согласуется в лице именно с первым существительным, а не со вторым. Если связка стоит в прошедшем времени, и оба существительных одинакового рода (напр., «он был царь»), то перед нами та же загадка относительно согласования в роде. Формы числа не выручают почти никогда, потому что они по вещественным условиям почти всегда совпадают у обоих именительных («он был—будет комиссар», но «они были—будут комиссары», такие случаи, как «Афины были столица Аттики», конечно, крайне редки). Таким образом здесь получается огромный процент синтаксически-двусмысленных сочетаний, причем двусмысленность эта совсем не та, что в рубриках 3-й и 5-й. Там возможно было двоякое понимание глагола: как простого сказуемого и как связки. Здесь присутствие двух именительных, обозначающих один и тот же предмет, при глаголе, могущем быть связкой, совершенно гарантирует связочный смысл глагола; принять одно из существительных за так наз. «приложение» здесь невозможно, как читатель может убедиться из нижеследующих примеров. Но зато здесь не ясно, какой из именительных — подлежащее, а какой — присвязочный член. Вот литературные примеры этого рода:

... я стал наперсник осторожный
моих неопытных друзей. (Пушк.)

... где пасмурный Бешту, пустынник величавый..
был новый для меня Парнас. (Пушк.)

Но в самом деле победитель
был рок, упорный мой гонитель. (Пушк.)

Покойный дедушка... был род бабушкина дворецкого. (Пушк.

В то время был еще жених
ее супруг... (Пушк.)

... петушок мой золотой
будет верный сторож твой... (Пушк.)

Ребенок этот со своим наивным взглядом на жизнь был компас, который показывал им степень их отклонения... (Л. Толст.)

Странная девушка была эта Варвара. (Тург.)

Как и при всякой синтаксической двусмысленности, проистекающей от недостатка морфологических средств, вспомогательное значение приобретают здесь: 1) порядок слов, 2) интонация, 3) ассоциации со смежными формами словосочетаний или с той же формой словосочетания при другом словарном составе. А все эти факторы, вместе взятые, стоят в теснейшей связи со словарным составом данного словосочетания. Но прежде чем мы рассмотрим каждое из этих вспомогательных средств, мы должны точно установить, в чем они нам должны здесь помочь, какое синтаксическое отношение они должны вскрыть. Ввиду того, что сказуемость — понятие не только грамматическое, но и психологическое в том смысле, что процесс мысли можно рассматривать и в отрыве от грамматических средств языка, многие ищут в таких случаях психологического сказуемого, т. е. слова, обозначающего психологически главное представление. Правда, без внешних признаков и тут нельзя обойтись, так как дело идет все же о словах, о внешних проявлениях мысли. Но единственным внешним признаком является при таком подходе фразное ударение, так как именно оно отмечает всегда психологически главное слово, отражающее на себе акт мысли (см. стр. 198 и след.). В пределах нераспространенного предложения анализ был бы при таком подходе необычайно легок. Надо было бы только найти, какой из именительных несет на себе фразное ударение. Он и был бы предикативным членом, а другой именительный — подлежащим. С этой точки зрения, напр., в предложении «я стал наперсник» (см. первый пример) предикативным членом будет «наперсник», а подлежащим «я», а в предложении «**я** стал наперсник» (могло бы быть сказано, если бы двое спорили о том, кто именно стал наперсник: «я стал наперсник, а не ты») предикативным членом будет «я», а подлежащим «наперсник». В распространенном предложении этот способ различения можно было бы, правда, применить только в том случае, когда ударение падает на один

из именительных, в тех же случаях, когда оно падает на другие слова и формы (а оно ведь может вообще быть на любом слове, см. там же), он оказался бы бессилен. Далее, процесс мысли можно рассматривать и не с психологической, а с логической стороны, как процесс образования суждения. А в каждом суждении есть два понятия: то, о чем мыслят в данном случае (логическое подлежащее), и то, что́ мыслят (логическое сказуемое). Первое всегда есть видовое понятие или индивидуальное, а второе — родовое понятие. Многие (преимущественно школьные грамматики) подходят именно с этой стороны к рассматриваемым сочетаниям, игнорируя совершенно языковые признаки. С этой точки зрения, в предложении «я стал наперсник» подлежащее всегда будет «я», а предикативный член всегда «наперсник», потому что «я» всегда индивидуально. Мы не пойдем в этой книге ни по тому, ни по другому пути. Для нас сказуемое, согласно предыдущему, будет всегда либо глагол, либо сочетание глагольной связки с предикативным членом, либо определенные бесформенные слова, а подлежащим тот именительный падеж, к которому относится сказуемое. При простом сказуемом это будет именительный падеж, с которым согласуется глагол, при составном — тот, с которым согласуется связка, при бесформенном — тот, к которому примыкает бесформенное слово. Так как в данном случае перед нами предложения с составными сказуемыми, то дело, очевидно, сведется к тому, с каким именительным согласована связка. А так как внешне этого в данных словосочетаниях определить нельзя (из-за чего и возник весь этот пункт нашего изложения), то важнейшим вспомогательным средством из перечисленных на стр. 277 для нас будет третье средство: ассоциация с теми смежными словосочетаниями и формами словосочетаний, где это согласование внешне определимо. Подобно тому как управление одним существительным другого, когда они оба стоят в одинаковых падежах («я был у учительницы сестры») распознается при помощи смежных форм словосочетаний («я пришел к учительнице сестры»), подобно тому как различие между именительным и винительным падежом («платье задело весло») распознается при помощи той же формы словосочетания, но с другим словарным составом («юбка задела весло» и «юбку задело весло»), причем все эти смежные словосочетания

предполагаются, конечно, наличными фактами живой речи, сопутствующими данному словосочетанию в ассоциативном порядке, а не изыскиваются искусственно, — подобно этому мы в праве будем и здесь к рассматриваемым словосочетаниям подбирать аналогичные с целью определить, с каким именительным согласовалась бы связка при более благоприятных морфологических условиях. Это и будет главный наш способ. Порядок слов, интонация и чисто-психологический и логический анализ будут интересовать нас преимущественно со стороны тех противоречий, в которые они могут становиться с грамматическим анализом. Потому что цель наша — найти грамматическое подлежащее и грамматический предикативный член.

Итак, применяя наше третье средство, мы предположили бы, напр., для первого из выше приведенных примеров (см. стр. 276) следующие смежные формы словосочетаний: 1) «**я** стан**у** наперсник...», «**ты** стан**ешь** наперсник», «**мы** стан**ем** наперсники», «**вы** стан**ете** наперсники», 2) «**я** стал наперсник**ом**, «**мы** стали наперсник**ами**». Так как во всех этих случаях несомненнейшим подлежащим по грамматическим признакам является местоименное существительное, то мы примем его за подлежащее и в исследуемом словосочетании, а «наперсник» определится, таким образом, как предикативный член. Обращаясь к порядку слов, мы видим, что он здесь абсолютно свободен, т. е. допускаются все те перестановки, какие могут быть сделаны из трех элементов (я стал наперсник — ст. я нап. — нап. ст. я — я нап. ст. — нап. я ст. — ст. нап. я). И так как условия согласования и замена именительного творительным остаются при всяком порядке те же, то ясно, что порядок слов сам по себе для распознания подлежащего и предикативного члена безразличен. Но так как у данных словосочетаний, как и у всех наших свободных словосочетаний, есть все же излюбленный порядок слов, по отношению к которому всякий другой порядок сознается как перестановка, и так как при этом излюбленном порядке подлежащее стоит на первом месте, связка — на втором и предикативный член — на третьем, то мы можем сказать, что порядок слов здесь поддерживает те грамматические ассоциации, о которых сказано выше. То же можно сказать и об интонации: фразное ударение здесь, конечно, падает на слово «наперсник».

Но если бы было сказано «**я** стал наперсник» (см. выше), грамматические ассоциации остались бы те же («**я** стану наперсник», «**ты** станешь наперсник» и т. д.), и следовательно «я» попрежнему было бы подлежащим, а «наперсник» — предикативным членом. Значит, интонация здесь противоречила бы тому, что дают ассоциации, но не изменила бы их. И если бы даже и порядок слов и интонация соединились в борьбе против показаний смежных словосочетаний, если бы было сказано: «а наперсник-то стал **я**, а не ты!», то оба эти признака были бы сокрушены силой ассоциаций со смежными словосочетаниями. Нетрудно видеть, что анализ этот может быть обобщен для всех словоочетаний, где одним из именительных являются слова: «я», «ты», «мы», «вы». Эти слова всегда вызывают согласование глагола в лице и числе, какова бы ни была их психологическая роль и потому всегда являются подлежащими. Можно сказать: «спаситель ваш буд**у я**», «учитель мой буде**шь ты**», «наследники ваши буд**ем мы**», но нельзя сказать: «спаситель ваш буд**ет я**», «учитель мой буд**ет ты**», «наследники ваши буд**ут мы**». Точно так же можно сказать: «спасител**ем** вашим буду **я**», но нельзя сказать «спаситель ваш будет мною»*. Таким образом грамматический анализ и собственно-психологический** могут в данном случае приводить к противоположным результатам. Логический анализ,

---

* При совершенно исключительных условиях контекста это сочетание, впрочем, возможно. Оно означало бы: 1) что под «спасителем» разумеется определенное отдельное физическое лицо и притом не «я», и 2) что это лицо временно отожествляется со «мною», и относительно его утверждается, что оно будет действовать, как «я», или что оно вселится в меня (как в фантастических рассказах), или что оно будет изображать меня на сцене. Срвн. такие сочетания, как: «он был нашим Сократом», «ты будешь нам вторым Пушкиным», «я вам не Василий Иванович, чтобы прикрывать ваши грехи». Но в этом случае подлежащим уже, несомненно, будет «спаситель», потому что связка будет согласоваться с ним, а местоимение будет обязательно стоять в творительном (нельзя сказать в этом смысле ни «спаситель буду я», ни «спаситель будет я», а только «будет мною»). Психологические и интонационные условия и тут безразличны (они тут те же и в тех же модификациях, что и при обычном смысле), а грамматический сдвиг создается исключительно логическим сдвигом: «я» из индивидуального понятия делается родовым, «спаситель» из родового — индивидуальным.

** Говорим именно так, а не просто «психологический», потому что для нас каждый грамматический факт есть тем самым факт психоло-

напротив, приводит здесь к тем же результатам, что и грамматический (даже и в исключительных случаях, см. выноску), но из этого, конечно, не следует, что второй может быть подменен первым. Даже если бы грамматические подлежащее и предикативный член всегда и везде абсолютно совпадали с логическим подлежащим и сказуемым (чего на самом деле нет, см. ниже), и тогда мы должны были бы открывать их независимо друг от друга: первые на основании грамматических признаков, а вторые — на основании логических.

В нашу задачу, конечно, не может входить полный анализ всех наших примеров, потому что нам важен здесь м е т о д, а не результаты. Поэтому мы бегло коснемся еще только двух-трех примеров. Во втором примере мы произведем с л о в а р н ы й эксперимент: вместо «пасмурный Бешту» скажем, положим, «розовая Юнгфрау». Словосочетание примет тогда вид: «где розовая Юнгфрау... была новый для меня Парнас», и этим вопрос о подлежащем легко разрешается. Аналогично можно бы разрешить и третий случай: «победитель была судьба» (попутно и «судьба была победителем», «рок был победителем», а не «победитель был роком»). Но тут уже мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Дело в том, что порядок именительных здесь как раз о б р а т н ы й намеченному выше пониманию, интонационно-психологические данные тоже о б р а т н ы е (фразное ударение на «рок», представление о «победителе» дано в мысли раньше и соответствует так назыв. «психологическому подлежащему»), и сила этих двух факторов при отсутствии таких ясных согласовательных факторов, какие бывают при личных местоимениях, создает то, что еще вопрос, как было бы сказано: «победитель была судьба» или «победитель б ы л судьба». Первая форма нам представляется более вероятной. Но возможна, кажется, и вторая. В этом случае мы имели бы полное противоречие между логической структурой и грамматической, так как логически, конечно, здесь подлежащими будут включаемые понятия «рок» и «судьба», а сказуемым включающее—«победитель» (в смысле: нечто, одержавшее победу над чем-то другим). Но такие противоречия в языке н е р е д к и. Из примеров, данных на стр. 273, такое

гический в широком смысле слова, а внутри «психологического» мы различаем «грамматико-психологическое», составляющее предмет изучения в грамматике, и «с о б с т в е н н о-психологическое», или «о б щ е-психологическое», подлежащее ведению психологии.

противоречие мы находим в примере из «Полтавы»: «другой б ы л клад невозвратимый ч е с т ь дочери моей любимой». Здесь мы имеем интересный грамматический р а з н о б о й: два совершенно тождественные логически и психологически предложения сконструированы в противоположных направлениях: «первый клад б ы л а честь» и «другой клад б ы л честь дочери» (формулируем факты схематически). Логически, конечно, в обоих случаях подлежащее «честь», так как она включается в более общее понятие «клада» (т. е. ценности вообще). За логикой следует и оборот с творительным: «честь была кладом», а не «клад был честью» (этот оборот, кстати сказать, в с е г д а следует за логическими отношениями, и им прямо можно пользоваться для быстрого отыскания видового и родового понятий). Но психологически тут все перевернуто: порядок именительных по отношению к логике обратный, ударение на логических подлежащих «ч е с т ь» и «честь д о ч е р и» (при добавочных ударениях, правда, на подчиненных «кла̀ду» прилагательных «первый» и «другой»), логическое сказуемое (клад) дано в мысли раньше и образует психологическое подлежащее. И вот в одном случае грамматика следует за логикой («честь была»), а в другом — за психологией («клад был»). На стр. 274 нами был дан искусственный пример (взятый, правда, у одного из синтаксистов): «его любимое занятие было игра в шахматы». Здесь тоже логическое подлежащее — «игра в шахматы» (более частное понятие), а логическое сказуемое — «любимое занятие» (более общее, срвн. «игра была занятием», но не «занятие было игрой»). Психологическая конструкция, отражаемая порядком слов и интонацией, здесь тоже обратна логической. Грамматика и здесь следует за психологией, а не за логикой, хотя с равным правом могло бы быть сказано: «его любимое занятие была игра в шахматы». Вот еще несколько примеров такого противоречия между грамматикой и логикой:

...в о с х и щ е н и е других б ы л а та м а з ь колес, которая была необходима для того, чтоб ее машина совершенно свободно двигалась... (Л. Толст.)

С в а д ь б а Наташи... б ы л о последнее радостное с о б ы т и е в старой семье Ростовых. (Он же.)

... все это с п о к о й с т в и е б ы л а одна чистая л и ч и н а. (Писемск.)

Последние ч и с л а октября б ы л о в р е м я самого разгара партизанской войны. (Л. Толст.)

Подставляя экспериментально оборот с творительным («восхищение было мазью», но не «мазь была восхищением»), читатель

убедится, что здесь связка везде согласуется со словом, выражающим логическое сказуемое, а не логическое подлежащее. В школьных грамматиках анализ в таких случаях производится логически, а чтобы соблюсти интересы грамматики, вводится правило, что связка может согласоваться и не с подлежащим, а с предикативным членом. Но ясно, что этим самым понятия подлежащего и предикативного члена в их грамматическом смысле перевертываются вверх дном, так как подлежащее и есть как раз то, с чем согласуется глагол или связка (см. выше). Для нас, конечно, в сочет. «первый клад была честь» подлежащее будет «честь», а в сочет. «второй клад **был** честь дочери» подлежащее будет «клад», и аналогично во всех остальных примерах. Но если так, то можем ли мы найти наверняка подлежащее в том нашем исходном примере, из-за которого мы сделали это длинное отступление: «победитель был рок»? Выходит, что мы хотим решить вопрос на основании не самого данного сочетания, а аналогичного («победитель была судьба»), что́ уже представляет известную гипотетичность. А затем оказывается, что само-то это аналогичное сочетание не может быть построено наверняка, что тут возможны две формы словосочетания («победитель была судьба» и «победитель был судьба»). Этим гипотетичность возводится, так сказать, в квадрат. Таким образом мы видим, что анализ при помощи аналогичных сочетаний (а ведь это единственное наше средство) здесь далеко не так прост, как при нахождении управления в однопадежных существительных или отличении винительного падежа от именительного. Ассоциация с творительным предикативным не решает дела, так как сам этот признак может противоречить в известных случаях признаку согласования связки, для нас важнейшему, основному. А признак согласования связки может нередко двоиться. Все это заставляет признать, что́ чисто грамматических признаков, отличающих подлежащее от предикативного члена, во многих из этих случаев никакими экспериментами отыскать нельзя (логические, конечно, всегда легко определимы), и мы должны категорически признать такие предложения синтаксически-двусмысленными. Но двусмысленность эта, напоминаем, заключена в довольно узкие пределы: это во всяком случае предложения с составным сказуемым и с существительным в именительном

падеже на месте предикативного члена. Мы только не можем сказать, какое из двух существительных в именительном падеже является в них этим членом и какое — подлежащим. Предоставляем читателю самому на остальных примерах убедиться в легкости нахождения логического подлежащего и сказуемого и в трудности, порой даже невозможности, нахождения грамматических подлежащего и предикативного члена.

После всего здесь сказанного читателю легко будет предвидеть, как мы отнесемся к связочным предложениям со словом «это», весьма затрудняющим синтаксистов. В предложениях: «это был стол», «это был способ выгодно устроиться», «это была обычная борьба великодушия с тщеславием» и т. д. согласование связки со вторым существительным обязательно. Сказать: «это было стол», «это было борьба» и т. д. по-русски нельзя. Это и решает для нас дело в том направлении, что второе существительное здесь всегда подлежащее (даже и при «будет»: «это будет стол», по аналогии с «был»). Логически, понятно, всегда наоборот: «это» как индивидуальное понятие — подлежащее, а второй именительный как родовое — сказуемое. Психология (вместе с порядком слов) здесь всегда совпадает с логикой (психологически «это» — исходный пункт, т. е. подлежащее, а второй именительный — важнейший образ, т. е. сказуемое), и грамматика всегда противоречит и психологии и логике. Что касается самого слова «это», то его можно толковать и как предикативный член (по схеме: «стол был это») и как выделительную частицу (по схеме: «это птица летит»). В последнем случае этот тип уже выходит из рамок связочных предложений и становится обычным глагольным предложением («это был стол», как «это летела птица»). Все дело в том, приписывать ли глаголу «быть» полновесное значение, или лишь связочное. Настаивать на том или другом из этих толкований мы не решаемся. Вернее всего, что, в связи с условиями интонации, возможен и тот и другой смысл.

7) Существительное в творительном падеже:

Покупка Чичикова сделалась предметом разговоров. (Гог.)

Я раб и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц... (Брюс.)

Значение этого творительного уже выяснено отчасти в предыдущей рубрике. Но так как он аналогичен некоторым типам творительных, употребляющимся в распространенном предложении в качестве простых второстепенных членов (непредикативных), то мы должны коснуться здесь этих аналогий и, в связи с этим, вопроса о происхождении творительного предикативного.

Творительный предикативный — одна из важнейших синтаксических особенностей балтийско-славянских языков *. Ни по-французски, ни по-немецки, ни по-английски, ни на каком другом языке, кроме славянских и балтийских, нельзя сказать: «он был рабом», а только: «он был раб». Особенность эта возникла на почве таких сочетаний, как:

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду. (Пушк.)

А помните, я вчера, входя, мертвецом отрекомендовалась? (Дост., «Бесы»)

Третьего дня, когда я вас всенародно обидела, а вы мне ответили таким рыцарем, я приехала домой и тотчас догадалась»... (Там же.)

«Конечно, не догадается», — решительным дурачком подхватил Петр Степанович... (Там же.)

Смотрела такою тихонькою, одета была, как девочка...
(Ф. Сологуб.)

Во всех этих сочетаниях глагол является не связкой, а глаголом-сказуемым (хотя и побледневшим нередко в значении, срвн. последний пример), а творительный — особым творительным, тоже характерным для славянских языков и ближе всего стоящим к творительному способа («пойти войной», «стоять лагерем», «лететь вереницей», «писать каракулями» и т. д., см. в гл. XIII). В отдельных случаях он обозначает то должность, чин, занятие и т. д. («служил капитаном», «работала закройщицею»), то сравнение («она Ленорой при луне со мной скакала на коне», Пушк.), то превращение («там верстою небывалой он торчал передо мной», «... и застывает ввечеру густой, прозрачною смолою», Пушк.). Но оттенки эти, кажется, зависят только от вещественной стороны речи: если мы, напр., в сочетании «он служил капитаном» сознаём в творительном значение должности, а в сочетании «он служил козлом отпущения» — сравнение, то это только потому, что должность капитана существует, а должности козла отпущения нет; если мы в сочет.: «отчего мой дух вампиром сатану поет и славит»? (Бальм.) сознаем сравнение, а не превращение, то только потому, что не верим в оборотничество и т. д. Все эти случаи составляют в сущности одну синтаксическую единицу, которую мы назовем «творительным полупреди-

* Ближайшими родичами славянских языков являются так называемые «балтийские» языки, т. е. языки литовский, латышский и вымерший прусский.

к а т и в н ы м» *. Сюда же непосредственно примыкают и такие случаи употребления творительного, как:

Суконцо-то ведь аглицкое!.. купил я его еще м и ч м а н о м и сшил из него мундир... (Гог.)

Я помню, ты д и т е й с ним часто танцовала... (Грибоед.)
Р е б е н к о м он упрям был и резов... (Огар.)

Преображенским о ф и ц е р о м, стоя на карауле в Зимнем дворце, князь Валерьян увидел однажды... (Мережковск.)

хотя здесь резче выделяется особый временнóй оттенок (напр., у Грибоедова «дитей»=только «в детстве», «во времена детства», и никакого р е б я ч е с т в а обозначать не может). Кроме того здесь нет того с л и я н и я с глаголом, которое в большей или меньшей степени есть во всех предыдущих примерах (срвн. «мичманом сшил», «офицером увидел», «дитей танцовала» и — «работала закройщицею», «участвовал солдатом», «застывает смолою»). Творительный этот можно было бы назвать «в р е м е н н ы́ м п о л у п р е д и к а т и в н ы м». Во всех этих сочетаниях творительный отличается от творительного способа тем, что по с м ы с л у относится не только к сказуемому, но и к п о д л е ж а щ е м у. В то время как в сочетании, напр., «он пошел в о й н о й» творительный выражает отдельный предмет, нисколько не сливающийся в мысли с «ним», в сочетании «он пошел в о е в о д о й» творительный сливается в мысли с подлежащим вследствие того, что в е щ е с т в е н н о с о в п а д а е т с н и м («он» и «воевода» — одно и то же лицо). Точно так же в стихах Брюсова:

Д в о р ц а м и и х р а м а м и, легок и пышен,
Весь г о р о д вставал из прибоев и пен.

творительные держатся в мысли отдельно от подлежащего, потому что каждый из них в отдельности не равняется вещественно подлежащему, в стихах же Пушкина:

* Так как творительный этот бывает и от существительных и от прилагательных (срвн. последний пример из Ф. Сологуба), и так как сравнительная форма может замещать прилагательное во в с е х его функциях, то возможна и п о л у п р е д и к а т и в н а я с р а в н и т е л ь н а я ф о р м а, напр.: «Тентетников стал замечать, что на господской земле все в ы х о д и л о как-то х у ж е, чем на мужичьей...» (Гог.), «Он в е р н у л с я из путешествия о б р а з о в а н н е е, н а ч и т а н н е е, но не у м н е е.» Это, таким образом, уже четвертое значение этой формы (см. стр. 271).

Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы.

творительные полностью совпадают с подлежащими. Вот это-то вещественное совпадение с подлежащим и оказало огромное влияние на судьбу этого творительного. Вследствие этого совпадения он мог в известных случаях терять свое первоначальное значение способа действия и приобретать значение временного тождества того предмета, который выражен в творительном, с тем, который выражен подлежащим. Так, в сочетании «он пошел в поход воеводой» творительный обозначает в огромном большинстве случаев не способ хождения (т. е. не то, что он выступал воеводой, держался, как воевода), а должность, т. е. известную сумму признаков, присущую скорее «ему», чем его «хождению». Точно так же в сочетании: «яд... застывает ввечеру густой, прозрачною смолою» творительный обозначает не столько способ застывания, сколько результат его, т. е. опять-таки сумму признаков, оказавшихся у предмета в результате его деятельности. В связи с этим и глагол теряет нередко в таких случаях ту или иную долю своего вещественного значения (см. выше). Вот этот-то творительный, по значению своему уже в сущности предикативный, но еще сочетающийся с полновесным или почти полновесным глаголом, и мог легко переноситься в настоящие предикативные сочетания с глагольными-связками, так что вместо: «он был воевода» или «он стал воевода» стали говорить: «он был воеводой», «стал воеводой» по образцу: «пошел воеводой». Так и произошел творительный предикативный.

Творительный предикативный принадлежит к числу явлений, прогрессивно развивающихся в славянских языках. При этом, так как он по значению близко соприкасается с именительным предикативным (выражения: «он был капитан» и «он был капитаном» сознаются как параллельные), то, распространяясь, он нередко вытесняет этот именительный. Это вытеснение проходит красной нитью через всю историю русского литературного языка. При многих связках именительный теперь уже совершенно невозможен (нельзя сказать, напр.: «он явился обманщик», «дело это представляется спорное», а только: «явился обманщиком», «представляется спорным»), первоначальным же падежом был здесь именительный.

При связке «кажусь» Пушкин и Грибоедов употребляли еще иногда именительный («хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти», «она казалась хладный идеал тщеславия», «она казалась верный снимок du comme il faut», «...чтоб, кроме вас, ему мир целый казался прах и суета»), для нас же сейчас здесь именительный уже странен. При связках: «стану», «становлюсь», «делаюсь» нам тоже уже больше нравится творительный, чем именительный, и восклицание, напр., Сквозника-Дмухановского: «такой дурак теперь сделался, каких свет не производил!» для нас уже в сущности устарело; мы бы сказали, вероятно: «таким дураком теперь сделался» (срвн. другие примеры из Пушкина на стр. 273 и 276—277 с архаическим именительным предикативным). Совершенно уже архаически звучит у Пушкина: «останься тайный страж в наследственной сени» («Домовому»). При этом есть разница в темпе процесса между существительными и прилагательными. Именительный прилагательного (особенно в краткой форме) дольше противустоит натиску творительного, чем именительный существительного. При многих связках именительный существительного уже невозможен, а именительный прилагательного еще возможен. Так, напр., можно сказать: «он остался такой же, как был», но нельзя или почти нельзя сказать: «он остался комиссар», можно сказать: «он казался добр», но нельзя сказать: «казался добряк» и т. д.

Описанное вытеснение предикативного именительного творительным можно рассматривать как частный случай общего стремления индо-европейских языков заменять параллельные конструкции непараллельными. Этим создается, по мнению некоторых ученых, более сложная и более многостепенная зависимость членов друг от друга или, так назыв. «синтаксическая перспектива», в силу которой слова располагаются как бы на разных планах грамматического сознания. В результате речь выливается в более сложные синтаксические формы, синтаксически дифференцируется. Сюда можно отнести такие явления, как замена прилагательных управляемыми существительными (срвн. древне-русские: «чтение книжное», «слух христов», «страх иудейский», «ограбление монастырское», «взятие псковское» и современные: «чтение книг», «слух о Христе», «страх перед иудеями», «ограбление монастыря», «взятие Пскова» и т. д.), и такие, как замена двух параллельных однопадежных существительных существительными, подчиненными друг другу (срвн. у Котошихина: «о гонцах о принимании», «о таких судьях о наказании» — теперешним: «о принимании гонцов», «о наказании судей», срвн. также у античных писателей: «пою подвиги и мужа», «силой и оружием», «с надеждой и с наградой» = современным: «подвиги мужа», «силой оружия», «с надеждой на награду»). Но в частности

описанная выше замена именительного творительным могла вызываться и другими причинами, напр., стремлением избегнуть синтаксической двусмысленности. Мы уже видели, что грамматическая дифференциация подлежащего и предикативного именительного крайне слабо развита в нашем языке (срвн. четкую дифференциацию этих категорий во французском и английском при помощи порядка слов), и что на этой почве возможны двусмысленности. Творительный же являлся в иных случаях прекрасным средством избегнуть этой двусмысленности; срвн.: «да будут камни хлебы» и «да будут камни хлебами» или «хлебы камнями», «мужик работник был прямой» (Крыл.) и «мужик работником был прямым» или «работник мужиком был прямым».

8) Существительное в разных падежах с предлогом и в родительном без предлога.

а) Окна в избенках были без стекол. (Гог.)

С Анной Федоровной батюшка был в ссоре. (Дост.)

С утра он с своей партией был на ходу. (Л. Толст.)

б) Он казался нрава тихого и скромного... Пушк.)

Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды (Л. Толст.)

Впрочем, он был весьма хорошего общества, хорошей фамилии, хорошего воспитания и хороших чувств... (Дост.)

Анализ значений всех этих падежей и предложно-падежных сочетаний мы откладываем на тот срок, когда будем рассматривать их как части распространенного предложения, так как и в предикативной и в непредикативной функции значения эти абсолютно тождественны (кроме, конечно, самой предикативности). Поэтому здесь мы можем ограничиться только очень немногим. Относительно рубрики «б» заметим только, что формально она выходит за пределы данной главы: родительный предикативный не употребляется без прилагательного и поэтому в нераспространенном предложении встретиться не может. И в этом его важное отличие от такого же родительного в непредикативном употреблении, где он, хотя и редко, но встречается и без прилагательного. Можно сказать не только: «человек твердых правил», «большого ума», «слабой мысли» и т. д., но и «человек правил», «человек воли», «человек долга». Сказать же: «он был долга» (без прилагательного) нельзя. Точно так же нельзя или почти нельзя сказать «дом был отца», несмотря на полную распространенность родительного принадлежности в непредикативном употреблении (единственный известный нам случай:

«портрет был Ленина», В. Шульгин, «1920 год»). Только родительный от местоимения «он» может употребляться предикативно: «дом был его», «был ее», «был их», очевидно, по аналогии с «дом был мой, твой, наш, ваш» (литературный пример нам встретился только при нулевой связке: «тот их, кто с каменной душой прошел все степени злодейства.» Пушк., «Братья-разбойники»). Относительно рубрики «а» нужно только заметить, что предикативная роль предложно-падежного сочетания обусловливается преимущественно значением предлога, именно тем, что он не имеет здесь пространственно-временно́го значения, а всегда более отвлеченное (срвн. «на ходу» и «на крыше», «в ссоре» и «в амбаре» и т. д.). Вследствие этого и глагол «был — буду» не может иметь значения нахождения, пребывания где-либо, а это и делает сочетание предикативным. В некоторых случаях, впрочем, и пространственное значение предлога так модифицируется, что глагол переходит в связку: «он был в пиджаке», «был в одной рубашке», «кот-Мурлыка был в сапогах» (срвн. «часы были в пиджаке», «кот был в сапоге», в смысле «залез в сапог»), а с другой стороны, некоторые отвлеченные значения предлогов не превращают глагола в связку: «дело было в недостатке угля», «дело было в том, что...», «причина была в том, что...». Многие из таких предложно-падежных сочетаний суть зарождающиеся наречия («на ходу», «на ногах», «в духе», «в ударе», «в праве»), так как отвлеченное значение предлога вообще располагает к слиянию его с именем (срвн. настоящие наречия, как: «свысока», «сгоряча», «втихомолку», «наудалую» и т. д., где предлог почти всегда отвлеченен). Но это уже составляет переход к следующему разряду.

9) Наречие:

Кирила Петрович был великий хлебосол и... каждый вечер был навеселе... (Пушк.)

Это было очень кстати.

Предикативными могут быть только качественные или принявшие качественный смысл наречия, а не обстоятельственные. Ведь если наречие обозначает время, место, поводы и т. д., то глагол «был — буду» уже не может иметь значения связки, а должен обозначать пребывание, присутствие (был вчера, был там, был зачем-то). Кроме того наречие, относясь через посредство связки к подлежащему, является в этих сочетаниях

заместителем прилагательного. А обстоятельственные наречия, поскольку они сохраняли бы и здесь свое значение, не обозначали бы «признаков» в собственном смысле слова и потому наименее пригодны были бы для такого заместительства.

Интересно отметить, что формены е качественные наречия (на **-о** и на **-ски**) как раз не могут быть предикативными; нельзя сказать: «он был весело», «он был по-русски», «он был мастерски». Повидимому, значение признака действия в них так сильно, что не может сочетаться с отвлеченностью связки. Кроме того они и не нужны были бы при связке, так как тогда они относились бы к подлежащему, а в этой роли их вполне заменяют те прилагательные, от которых они образованы. Единственным исключением является, кажется, наречие «хорошо» при подлежащем «это» («это хорошо», «это было хорошо»). Форма эта так часто употребляется изолированно в наречном смысле («хорошо!» в смысле простого согласия) и так редко (м. б. даже никогда?) в качестве прилагательного («ваше поведение было хорошо»), что она, вероятно, и в сочетаниях «это хорошо» сознается как наречие, а не как прилагательное.

Некоторые глаголы и при обстоятельственных наречиях могут терять часть своего вещественного значения. Так, в сочетаниях «он целый день сидит дома», «он сидит в гостях» глагол не обозначает сплошного сидения, а скорее только пребывание, присутствие (хотя не случайно все-таки говорится «сидит» дома, а не «ходит» дома или «лежит» дома, очевидно взят фактически преобладающий признак), так что побледнение вещественного значения тут несомненно. То же и в сочетании «он ходит босиком», которое может иметь смысл в «у него нет обуви» и не обозначать непременно самого хождения. Тут же возможны и предложно-падежные сочетания: «ходил всегда в широких шароварах», «ходит в рубахе-косоворотке», «сидел без денег» и т. д. Случаи эти совершенно аналогичны таким, как «гвоздь служит штопором» и «он вернулся умнее» (в смысле «более умным», а не «более умным способом»), и если мы там отмечали полупредикативный творительный и полупредикативную сравнительную форму (см. выноску на стр. 286), то здесь мы должны отметить полупредикативное наречие и полупредикативные предложно-падежные сочетания.

Частичное побледнение вещественного значения глагола приобретает особый синтаксический смысл, когда на месте полупредикативного члена оказывается прилагательное в именительном падеже или в краткой форме. Мы имеем в виду такие словосочетания, как «он ходит сон-

ный», «он вернулся пьян» и т. д. Сочетание глагола с прилагательным носит здесь совершенно иной характер, чем в случаях полупредикативных существительных и наречий. Хотя побледнение значения глагола здесь такое же, как и там, ничуть не больше, но сама связь глагола с прилагательным совсем не та, что связь его с косвенным падежом существительного или наречием. Ведь глагол нормально сочетается с этими последними категориями, и поэтому в сочетаниях «пришел щеголем», «пришел навеселе» и т. д., кроме побледнения глагола и несколько более тесного слияния его из-за этого с его обычным компонентом, ничего особенного отметить нельзя. В сочетаниях же: «пришел веселый», «пришел весел» мы имеем огромный синтаксический сдвиг: прилагательное покидает свою нормальную точку опоры — существительное — и сцепляется с глаголом. Вдобавок, в части этих случаев, именно при краткости формы, оно имеет морфологический признак предикативности и, следовательно, уже никак не может быть названо «полупредикативным». Поэтому прилагательные в этих сочетаниях мы вынуждены считать уже прямо предикативными. А если так, то и глагол не может считаться здесь сказуемым, а только связкой, и все сочетание должно назваться составным сказуемым. Как же, однако, быть с вещественностью глаголов в этих сочетаниях? Ведь мы назвали в своем месте глагольной связкой лишь глагол, потерявший дочиста свое вещественное значение (см. стр. 258). А в сочетаниях: «он пришел веселый», «он ходит сонный», «он упал мертвый», «он спит одетый» и т. д. в глаголах обозначена все-таки не только формальная их сторона (создание признака, выраженного предикативным членом), а и самое настоящее, хотя и побледневшее, хожденье, паденье, спанье и т. д. Здесь мы имеем один из бесчисленных случаев переходных рубрик в языке, который вообще «не делает скачков». И описывающему остается только жертвовать в таких случаях чистотой своих определений и схем ради верности передачи фактов и создавать комбинативные группы и термины. Так поступим и мы, признав здесь особый вид связки: вещественную связку и особый вид составного сказуемого: вещественное составное сказуемое. Вот литературные примеры этого рода:

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
что дышит он недолгий век,
что слаб умрет, как слаб родился? (Пушк.)

... и светел ты сошел с таинственных вершин... (Пушк.

... Досада его изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые... доходили до Дубровского исправленные и дополненные. (Пушк.)

Он увидел свою бричку, которая стояла совсем готовая... (Гог.)

А иногда он проснется такой бодрый, свежий, весёлый... (Гонч.)

Всю ты жизнь прожила нелюбимая... (Некр.)
Барин пришел — поздравляет с покупкою,
барыня бродит такая унылая... (Некр.)

Сюда народ, тобой любимый,
своей тоски неодолимой
святое бремя приносил
и облегченный уходил! (Некр.)

Я вскочил с постели бодрый, выспавшийся... (Вересаев.)

Я могу пробродить здесь до самого утра и все-таки ворочусь домой недовольный и печальный. (Верес.)

Все с ней здоровались первые. (Б. Лазаревский.)

В убежище он вернулся совершенно пьяный. (Куприн.)

Александра Ивановна сидела багровая от ярости... (Ф. Сологуб.)

Досадно было, зачем оставила башмаки и идет босая. (Ф. Сологуб.)

И вот стою ослепший я... (Брюс.)
Я стою оцепенелый... (Городецкий.)

Мы намеренно удлинили ряд примеров и цитировали большее число авторов, чтобы показать, что сочетания эти, кажущиеся многим вульгарными (по крайней мере при полной форме прилагательного), вполне обычны и в литературном языке. И даже можно сказать, что они здесь гораздо обычнее сочетаний с творительным падежом, считающихся более «правильными»: нельзя было бы, напр., сказать: «идет босою», «сидела багровою от ярости», «стою ослепшим», хуже было бы у Некрасова: «и облегченным уходил», у Гоголя: «бричка стояла готовою» и т. д., так что именительный здесь во многих случаях даже «правильнее» творительного. В общем сочетания эти построены совершенно так же, как сочетания: «был белый» или «был бел». И даже та двойственность, которую мы отметили в сочетаниях типа: «погода была прекрасная», сохраняется и здесь. В сочетании, напр., «в чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый» (Пушк.) прилагательное

«убитый» можно относить либо всецело к существительному «богатырь», сознавая здесь только перестановку сочетания: «убитый богатырь лежит», что здесь, в стихах, особенно уместно (срвн.: «вот далмат пришел ко мне лукавый»... из «Пес. зап. слав.»), либо и к глаголу «лежит», понимая все сочетание как: «богатырь лежит убитый». Трудно было бы определить, какие именно глаголы способны вступать в такие сочетания, а какие неспособны. Правда, чаще всего в них вступают непереходные глаголы, как: «сижу», «бегу», «лежу», «сплю» и т. д., потому что непереходный глагол, как ни с чем, кроме подлежащего, в предложении не связанный, легче может вступить в связь с прилагательным, чем переходный, для которого эта связь явится уже добавочной и второстепенной (главная связь у него — с его управляемым существительным). Однако мы встречаем и такие факты:

Хорошо, что говорю это не седой и измученный, а полный силы... (Яремич, «Михаил Александрович Врубель», из письма самого Врубеля.)

И чего вы так беспокоитесь? Неужто из самолюбия, что вас женщина первая бросила, а не вы ее? (Дост.)

Федор Павлович узнал о смерти своей супруги пьяный. (Дост.)

Федор Павлович... вышел к ней пьяненький... (Дост.)

Кити возвращалась домой, в Россию, излеченная. (Л. Толст.)

Они показывают, что такая двойная связь для переходного глагола возможна, и в отдельных случаях здесь возможен даже и собственно-переходный глагол (срвн. пример из Яремича и первый пример из Достоевского). Таким образом при случае все глаголы способны образовывать такие сочетания, и граница между глаголом-сказуемым и глаголом-связкой здесь уже перестает быть словарной и делается чисто-функциональной. Что касается прилагательных, то и тут дело обстоит приблизительно так же: всякое прилагательное может при случае попасть в такое сочетание. Но тут все же надо выделить пять прилагательных, особенно часто употребляющихся в таком смысле, способных с любым глаголом образовать такие сочетания и, при условии определенного порядка слов, кажется, никогда не имеющих иного смысла. Это — «сам», «весь», «один», «первый», «последний». «Брат пришел один», «брат пришел сам», «брат пришел первый», «брат пришел последний» и «батальон пришел весь» всегда будут сказаны и поняты предикативно.

Вещественные составные сказуемые были чрезвычайно распространены в древне-русском и других древних языках, и там в них употреблялись не только прилагательные и страдательные причастия, но и действительные причастия и существительные. Вот несколько примеров этого рода (в дословном переводе): «дьявол, который не перестает воюющий против рода христианского...», «он кончил строящий церковь» (=кончил строить), «Святослав сидит княжащий», «половцы возьмут пришедшие землю русскую», «они не испугались имеющие двух князей», «княгиня сидела вдова», «знаю, что ты от бога пришел учитель» и т. д. У Пушкина еще встречается как намеренный архаизм (в устах Пимена в «Борисе Годунове», передающего в свою очередь речь Грозного): «прииду к вам преступник окаянный и схиму здесь честную восприму» («вместо современного «приду преступником») и, кажется, как ненамеренный: «и я родился мещанин» (в «Моей родословной»), хотя в последнем случае некоторые издания ставят перед «мещанин» запятую (предполагает чтение: «и я родился— мещанин»). В современном народном языке тоже еще встречается здесь именительный (срвн. у Островского: «ты — человек хороший, а они вышли ребята так себе», «Пучина», д. 3-е). В греческом, латинском и санскрите мы часто находим сочетания: «стоял прямой», «пришел ранний», «ушел поздний», «ушел ночной» (в дословном переводе), что приходится переводить: «стоял прямо», «пришел рано» и т. д. *. Некоторые даже считают вещественные составные сказуемые исконными и предполагают, что глагол вообще функционировал сперва в языках в качестве вещественной связки, из которой впоследствии развивались, с одной стороны, настоящие глаголы-связки, а с другой — настоящие глаголы-сказуемые. С этой точки зрения теперешняя способность любого глагола приобретать при случае характер связки и вступать в предикативные сочетания есть лишь остаток основной, исконной функции глагола. Но есть и другая гипотеза, гораздо более вероятная, выводящая, наоборот, вещественную связку из нормального глагола-сказуемого. Согласно этой гипотезе в индо-европейском пра-языке существовало два типа полных предложений: 1) глагольные, как: «нужда скачет», «травка зеленеет» и т. д.; 2) безглагольные, как: «сколько голов, столько умов», «один ум хорошо, а два—лучше», «с миру по нитке, голому рубашка», «кума с возу, куму легче», «богатый в пир, убогий в мир» (=по миру), «утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех» (загадка о возрастах жизни), «много — сытно, мало — честно», «дорого да мило, дешево да гнило» и т. д. Среди последних были и сочетания, состоящие из двух именительных, т. е. типа: «он — добрый», «собака — животное», «бедность не порок», «старость не радость» и т. д. В сочетаниях этих тогда еще не сознавалось никакого опущения, как сейчас (см. ниже), потому что это был просто элементарный тип предложения, в котором соотношение между подлежащим и сказуемым выражалось не морфологически, а только порядком слов, тип, существовавший до появления глагольного типа и оставшийся и при нем. С течением времени оба типа

* Таким образом на месте древних: «кончил строящий», «побежал испугавшийся», «пришел победитель», «пришел ранний» мы имеем: «кончил строить», «побежал испугавшись», «пришел победителем», «пришел рано», т. е. во всех четырех случаях вместо параллельной конструкции непараллельные. Срвн. гипотезу об общем ходе синтаксического развития языков на стр. 288.

начали смешиваться: во второй тип стали вставляться глаголы, так что рядом с типом «он есть» (=существует) и «он человек» появился смешанный тип «он есть человек». Вот в этих-то смешанных сочетаниях глаголы и получили значение связок, и те из них, которые чаще всего употреблялись в таких сочетаниях, сделались настоящими связками. С точки зрения этой гипотезы вещественные составные сказуемые уже не исконны, а вторичны: они характеры для эпохи наибольшего смешения глагольного и безглагольного типов.

Выяснивши понятие вещественной связки, мы, собственно говоря, выполнили уже тот пункт нашего задания, который говорил об изучении разных видов глагольных связок (стр. 252), потому что кроме вещественных связок существуют только уже известные нам «настоящие» глаголы-связки: быть, казаться, оказываться, являться, оставаться, считаться, делаться, становиться, стать. Однако эти «настоящие» тоже не все равны по степени отвлеченности, и всего вернее будет разделить их в этом отношении на две неравные группы: в одной будет глагол «быть», а в другой — все остальные. Только один глагол «быть» является идеальной связкой, т. е. связкой, абсолютно лишенной словарной индивидуальности. И это объясняется тем, что он и в несвязочном-то виде обозначает самое общее понятие человеческой мысли (см. стр. 257). Все остальные связки сохраняют крупицы словарных значений, правда, совпадающих по большей части с формальными значениями других глаголов (см. там же). Таким образом мы можем различать 3 вида глагольных связок: 1) отвлеченную связку «быть», 2) полувещественные связки: «казаться», «считаться» и т. д. и 3) вещественные связки: все непереходные глаголы, а отчасти и переходные.

На особом положении стоят две бесформенные связки русского языка: «есть» (не смешивать с полновесным «есть» в смысле существует») и «суть». В отношении отвлеченности значения они, конечно, целиком примыкают к первому из только что установленных разрядов, т. е. к связке «был—буду». Они просто обозначают настоящее время изъявительного наклонения к этой связке. Но они — не глаголы, так как не имеют ни лица, ни числа, ни формы вообще. Нужно различать два вида употребления этих связок:

1) собственно-литературное употребление в научной, публицистической, ораторской, вообще не беллетристической речи, напр.:

... площадь квадрата есть функция длины его стороны, а объем шара есть функция его диаметра. (Гренвиль, «Дифференц. исчисл.».)

Итак, производное постоянного е с т ь н у л ь. (Там же.)

Дифференцирование и интегрирование с у т ь д е й с т в и я взаимно обратные. (Гренвиль, «Интегр. исчисл.».)

Так как беллетристика включает в себя, наравне с жизнью, все элементы речи, то, конечно, такое употребление этих связок встречается и в беллетристике, напр.:

Известно воззрение: преступление е с т ь протест против ненормальности социального устройства. (Дост.)

Брак это е с т ь такое дело... Это не то, что взял извозчика да поехал куда-нибудь. (Гог.)

В исторических событиях так называемые великие люди с у т ь ярлыки, дающие наименование событию... (Л. Толст.)

но оно встречается именно в тех местах ее, где автор или выводимое им лицо р а с с у ж д а е т, т. е. где по существу вводится научный язык. И в разговорной речи оно встречается, но тоже всегда с р е з о н е р с к и м оттенком. В этих случаях связки эти употребляются в их и с к о н н о м смысле 3-го лица ед. и мн. числа. Это употребление — к н и ж н о е.

2) Употребление в н а р о д н о й речи, попадающее, конечно, в качестве «чужой речи» и в литературу, напр.:

Вдруг в голову взойдут такие мысли: ч т о я т а к о е за человек на свете е с т ь. (Островск.)

Ведь т ы один только там в о и н-т о и е с т ь. (Островск.)

Мы сейчас вам покажем, какой в ы ч е л о в е к е с т ь. (Чех.)

Это не с у т ь в а ж н о (слышано нами неоднократно).

Мы видим, что в ж и в о м, н е книжном употреблении слова эти так же разноличны и разночисленны, как и полновесное «есть» в смысле «существует» («у меня есть к н и г а» — «у меня есть к н и г и» — «у меня есть т ы, моя опора» и т. д.). Отсюда заключаем, что «правильное» употребление этих связок в случаях 1-го рода создано, а отчасти и поддерживается з н а н и е м, что это есть особый случай э т и м о л о г и ч е с к о г о употребления слов, утерявших форму.

XII. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ЧЛЕНОМ И НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ.

Теперь мы обратимся к особому разряду предложений, построенных по тому же плану, как только что рассмотренные, но не имеющих глагольной связки. Таблица, помещенная на стр. 261, могла бы иметь и такой вид:

1) Он весел
2) » развеселен, веселим
3) » веселый
4) » веселым (??)
5) » веселее
6) » весельчак
7) » весельчаком (?)
8) » из весельчаков (в духе, в ударе, с характером, из немцев, без пиджака и т. д.).
9) » навеселе

О рубриках с вопросительными знаками в скобках мы скажем ниже, а пока заметим основную особенность этих сочетаний: полный параллелизм с сочетаниями предшествующей главы. Даже отдельные падежи предикативных существительных (п. 8) в точности повторяются и там и тут. Но в то же время здесь нет того, что делает их предикативными, нет г л а г о л ь н о й с в я з к и, к которой они могли бы примкнуть. И возникает вопрос: как квалифицировать эти словосочетания, к какому разряду форм словосочетаний отнести их? Прежде всего вопрос этот надо тщательно отделить от вопроса о п р о и с х о ж д е н и и здесь безглагольности. Последнее не может еще считаться вполне выясненным. Конечно, ближайшей причиной безглагольности является полная утрата форм настоящего времени глагола «был — буду». В древне-русском языке все эти формы имелись и употреблялись («есмь» или «есми», «еси», «есть», «есм» или «есмы», «есмо», «есме», «есмя», «есте», «суть»), но в настоящее время от них осталось в живом употреблении только одно «есть», которое перешло в разряд бесформенных слов. Естественно, таким образом, что там, где д о л ж н о б ы б ы т ь настоящее время от этого

глагола, мы его не находим. Но, с другой стороны, отсутствие связки в третьем лице обоих чисел (т. е. форм «есть» и «суть», как раз наидольше сохранившихся в качестве бесформенных слов) довольно обычно для этих сочетаний уже в древнейших памятниках русской письменности, и весьма вероятно, что эта древнейшая наша безглагольность восходит к пра-индоевропейской безглагольности (см. стр. 295—296). Но, повторяем, вопрос о том, был ли здесь когда-нибудь глагол, или нет, никоим образом не предрешает вопроса, как здесь сейчас сознается отсутствие глагола, какое место в современном синтаксическом сознании занимают эти сочетания. Этот последний вопрос наталкивается на некоторые затруднения. Прежде всего психологически это безусловно полные высказывания. От таких предложений, как: «тише!», «ты куда?», «я сейчас!», и т. д. (см. стр. 160) их надо отделить самым решительным образом. Там известные элементы мысли не находят себе словесного выражения. Здесь все облекается в слова, подчас с особой, исчерпывающей полнотой (напр.: «я — твой господин, а ты — мой слуга», Пушк., «Капитанская дочка»). Там необходимым дополнением является обстановка речи или предыдущий опыт говорящих. Здесь ни то, ни другое не при чем. Да иначе и быть не может: там недостает полных слов, а здесь — частичного слова, связки, не имеющей, как мы видели, никакого реального значения. Ни о каком «подразумевании», ни о каком «опущении» даже здесь в настоящее время не может быть и речи (хотя бы исторически это и было так). Школьная вставка в эти предложения словечка «есть» скорее всего обусловлена историческими (м. б. лже-историческими, см. выше) соображениями и сравнением с западно-европейскими языками, чем ассоциацией с теми случаями, когда у нас сейчас это слово употребляется в качестве связки (см. предыд. главу). Кроме того для перволичных и второличных сочетаний она невозможна. Обычай ставить здесь черту тоже условен и большей частью не отражает живого произношения (да к тому же все больше и больше выводится). Если бы на месте связки действительно производилась пауза или какой бы то ни было ритмический раздел, то это можно бы было, пожалуй, счесть за симптом того, что какой-то дефект речи сознается. Но на самом деле такая пауза или такой раздел для этих сочетаний не характерны. Такие сочетания, как: «какая ты нынче странная!», «ты — раб, ты — трус, ты — армянин» (Пушк.), «я—

царь, я — раб, я — червь, я — бог!» (Держ.), «мой дядя самых честных правил» (Пушк.), «бедность не порок», «старость не радость» и т. д., произносятся самым обычным образом, с одним сильнейшим ударением на предикативном члене и безо всякой паузы (знак черты в примерах из Пушкина и Державина не отражает живого произношения). Если здесь и встречается пауза или раздел, то по совершенно другим причинам: то как остановка перед важнейшим словом речи («а философ — без огурцов», Крыл.), что бывает и при связке («но мгновенье было — трепет, взоры были — страх», «это чувство было — зависть»), то как выражение противоположения мыслей («я — твой господин, а ты — мой слуга», «мы — пророки... ты — поэт!»), что тоже возможно и при глаголе («я работаю, а ты бездельничаешь»). Таким образом ни внешне, ни внутренне сочетания эти не обнаруживают как будто бы никаких дефектов. А между тем с чисто-грамматической точки зрения это — недифференцированная речь, это — нанизывание форм друг на друга без всякой связи, это — элементарный, первобытный, до-грамматический тип высказывания. Спрашивается, каким же образом, при той степени грамматической и синтаксической дифференциации, какой вообще достигла наша речь и в частности при той степени развития глагольности, которая ее отличает, возможны и даже очень распространены безглагольные и большей частью даже совсем не дифференцированные грамматически высказывания? И, что еще страннее, каким образом высказывания эти на общем глагольном фоне современной речи могут сознаваться полными, обычными, не имеющими никаких грамматических дефектов? Разгадка лежит, по нашему мнению, все в той же способности языка создавать нулевые формы, о чем мы немало уже говорили в предыдущем. Вдумываясь в безглагольное сочетание: «он командир», мы замечаем, что, несмотря на отсутствие глагола, здесь сознаются все те же категории времени и наклонения, которые составляют сущность глагольности. «Он командир» это значит, что «командирство» его имеет место сейчас, в настоящее время, и что это не предположение и не желание мое, а факт (изъяв. накл.). Обе категории мы сознаем здесь так же ясно, как если бы глагол был налицо. И даже та замена других времен настоящим временем, о которой мы говорили на стр. 245 и след., возможна и здесь. В сочетании: «еще один экзамен,

и он — командир» безглагольность заменяет будущее, как в сочет.: «завтра я уезжаю», в сочет.: «перед ним встали картины прошлого: вот он командир...» безглагольность заменяет прошедшее, как в сочет.: «иду я вчера по Октябрьскому проспекту и вижу...» Точно так же и то расширение значения, которое способно претерпевать настоящее время, возможно и здесь: в сочет.: «прапорщик не офицер, курица не птица, женщина не человек» безглагольность имеет то же значение, что настоящее время в сочет.: «водород соединяется с кислородом». Мы видим, что это пустое место, это отсутствие глагола функционирует в языке как настоящее время изъявительного наклонения глагола. И объяснить это можно только тем же, чем мы объяснили тот факт, что слово «стол» функционирует и сознается, как именительный падеж ед. ч. м. р. существительного, несмотря на отсутствие окончания. И тут и там мы имеем нулевой признак, нулевую форму. Разница только в том, что там в основе лежали ассоциации между словами, а здесь — между словосочетаниями, там была нулевая форма слова, а здесь — нулевая форма словосочетания. Там была схема:

стол-	пол-	дом-
стола	пола	дома
столу	полу	дому
столом	полом	домом

и т. д.

а здесь для категории времени:

он	—	весел	ты	—	печален	она	—	зла
он	**был**	весел	ты	**был**	печален	она	**была**	зла
он	**будет**	весел	ты	**будешь**	печален	она	**будет**	зла

а для категории наклонения:

он	—	весел	ты	—	печален	она	—	зла
он	**был бы**	весел	ты	**был бы**	печален	она	**была бы**	зла
(ты)	**будь**	весел	(ты)	**будь**	печален	(ты)	**будь**	зла

Правда, вертикальные ряды здесь гораздо короче, чем там. Но для осознания формы это не так важно. Формы категории рода, напр., в прилагательных и глаголах зиждятся как раз

на таких трехчленных рядах (умен — умна — умно, ходил — ходила — ходило) и при этом один из членов (мужской род) как раз нулевой. Кроме того те же соотношения повторяются во множественном числе (они веселы — они были веселы и т. д.), а в отношении предикативного члена каждый из этих рядов может быть помножен на девять (он весел, веселый, веселее, весельчак и т. д. — он был весел, веселый, веселее, весельчак и т. д., см. выше), и это создает систему ассоциаций, гораздо более сложную и коррелятивно-спаянную, чем система аффиксов родов и даже падежей. В такой системе безглагольные сочетания неминуемо должны сознаваться как особое видоизменение глагольных, а сама безглагольность — как нулевой признак с глагольным значением *. Этим и объясняется, что сочетания эти кажутся нам грамматически-нормальными. Этим также объясняется и то, что школьная подстановка в эти сочетания словечка «есть» так легко усваивается детьми и так осмысленно применяется: она соответствует определенному

---

* В древне-русском языке отсутствие связки в 3-м лице, независимо от того, было оно исконным, или вторичным, тоже было, повидимому, нулевым признаком с глагольным значением, только более узким — со значением именно третьего лица глагола. С этим интересно сопоставить, что третье лицо глагола не имеет окончания во многих русских говорах («несе», «иде», «знае», вместо «несет» и т. д.), в некоторых других славянских языках и в литовском языке. Таким образом в области нулевого обозначения третьего лица параллелизм форм слов и форм словосочетаний бьет в глаза. А то, что в русском языке это нулевое обозначение с 3-го лица расширилось до глагольности вообще, — это может быть сопоставлено с богатой дифференциацией предикативных членов в нем (см. выноску на стр. 295). Что нулевой способ обозначения прикрепился именно к настоящему времени, а не к прошедшему и не к будущему, это тоже вполне параллельно прикреплению его в других случаях к третьему лицу, а не к 1-му или 2-му. Настоящее время есть такая же нулевая категория по отношению к прошедшему и будущему, какой является 3-е лицо по отношению к 1-му и 2-му (см. стр. 31). Этим путем, думается нам, можно объяснить загадочное исчезновение из русского языка форм «есмь», «еси» и т. д. Правда, его объясняют иные появлением личных местоимений при глаголах первого и второго лица. Но тогда как объяснить само это появление местоимений? Утрата в языке форм «есмь» и т. д. и появление местоимений обнаруживаются в памятниках параллельно и одновременно, и неизвестно, что что вызвало. Мы склонны самое появление местоимений объяснять выходом из употребления форм «есмь» и т. д., а это последнее явление — стремлением к нулевому обозначению нулевых категорий глагола с отвлеченным значением.

факту их грамматического сознания и хотя выражает этот факт грубо и изломанно (потому что нельзя же ведь было бы, напр., сказать, что в слове «стол» «подразумевается» окончание, да еще какое-нибудь определенное окончание, напр., бывшее здесь в индо-европейском пра-языке), но все же покоится на прочном психо-грамматическом основании.

Таким образом как в словах: стол, пол, дом и т. д. мы говорили о нулевой формальной части слова, так здесь мы будем говорить о нулевом формальном элементе словосочетания, именно о **нулевой связке.** А раз связка все-таки есть, то есть и предикативный член, есть и сказуемое (назвать его «составным» мы все же не решаемся и предпочли бы термин «сказуемое с нулевой связкой»), а следовательно есть и предложение. Вот почему эти безглагольные словосочетания мы назвали в заглавии главы глагольными предложениями.

Само собой разумеется, что раз дело идет о глагольности, т. е. о предложении, то на помощь приходят на каждом шагу и другие грамматические и грамматико-интонационные признаки, связанные с предложением. Так, словосочетание «человек в пиджаке» мы можем осознать как отдельное предложение с нулевой связкой не только из-за ассоциации с «он был в пиджаке» и т. д., но и: 1) из-за того, что перед этим словосочетанием или ничего не было сказано, или было сказано законченное предложение (срвн. «это был человек в пиджаке», где то же словосочетание уже не образует предложения), 2) из-за того, что после этого словосочетания или ничего не было сказано, или началось новое предложение (срвн. «человек в пиджаке устал»), причем огромное значение приобретает часто союз, начинающий новое предложение («человек в пиджаке, потому что ему холодно»), 3) из-за интонации отдельного законченного предложения. Все эти факторы присутствуют всегда в речи, но в данном случае мы их считаем вспомогательными, так как они обслуживают осознание предложений вообще и не связаны с сущностью именно данного типа предложений. Ассоциации же со смежными формами словосочетаний (=нулевая сказка) заключают в себе именно эту сущность. Впрочем, влияние интонации будет прослежено нами ниже при каждой отдельной рубрике.

Заметим попутно, что совершенно ту же роль и при помощи тех же средств играет в нашем языке и отсутствие полновесного глагола «был—буду» в смысле существования, присутствия. Когда мы говорим: «Иванов дома», «Ив. на вокзале», «идите сюда, я в кухне!», «ничего не поделаешь, зав в отпуску», «вы не знаете, где NN?», «он у зава, с докладом пошел» и т. д., мы ясно сознаем здесь значение настоящего времени изъявительного наклонения глагола «быть». На-ряду с нулевой связкой мы признаем, таким образом, и полновесное нулевое глагольное сказуемое.

Относительно нулевой связки нам нужно еще предупредить читателя, что далеко не все ученые согласны с таким пониманием этого рода словосочетаний. Наряду с изложенным здесь есть и два иные взгляда. Одни ученые признают все такие словосочетания, кроме словосочетаний с кратким прилагательным («он весел»), т. е. все остальные восемь типов наших («он веселый», «он весельчак» и т. д.) «неграмматическими предложениями», так как, с одной стороны, мы имеем здесь выражение акта мысли, а с другой стороны, тут нет тех грамматических форм, которые бы выражали этот акт. Первое создает то, что это—предложения, а второе то, что это — неграмматические предложения. Но в таком взгляде, как мы уже говорили об этом по поводу «неграмматических» существительных (см. стр. 76—77), явно сказывается засилье морфологии над синтаксисом. Под «грамматическими» формами здесь разумеются только формы отдельных слов, но не формы словосочетаний. С нашей точки зрения эти предложения можно было бы назвать «неморфологическими» (как и нулевые «формы» слов: «стол», «дом» и т. д.) но никак не «неграмматическими». И наличность грамматического начала здесь обнаруживается помимо воли авторов уже в том, что они говорят все-таки о предложениях, т. е. употребляют грамматический (или во всяком случае долженствующий быть в грамматике грамматическим) термин. Второй взгляд состоит в том, что это — грамматические предложения с настолько же ясно выраженными подлежащим, сказуемым и соотношениями между ними, как и в глагольных предложениях, но с той лишь разницей, что все это выражено не формами слов, а интонацией и порядком слов. Только для части словосочетаний нашего п. 6 («он весельчак») делается исключение. Эти словосочетания делятся на два разряда: в одних из них признается твердый порядок слов в связи с тем, что одно из существительных обозначает признак другого: «Иванов портной», «я механик», «он столичная штучка» (Гог.), «дуракам богатство — зло» (Остр.) и т. д. Этот порядок слов, т. е. постановка слова, обозначающего признак, на втором месте, и считается признаком согласования сказуемого с подлежащим. В других признается свободный порядок слов в связи с тем, что оба существительных обозначают предметы: «Нестор — отец русской истории», «женщина совсем другое дело» (Гог.), «язык мой — враг мой», «цель войны — убийство» (Л. Тостой) и т. д. Нельзя сказать: «портной — Иванов» (в смысле «портной есть Иванов»), «механик — я»

«столичная штучка — он», «зло — дуракам богатство», но одинаково можно сказать и «Нестор — отец русской истории» и «отец русской истории — Нестор», и «женщина совсем другое дело» и «совсем другое дело женщина», и «язык мой враг мой» и «враг мой язык мой», и «цель войны — убийство» и «убийство — цель войны». В словосочетаниях второго рода порядок слов не может быть признаком согласования сказуемого с подлежащим; они выделяются в особую рубрику «предложений тождества» и квалифицируются как предложения с несогласованным составом наравне с такими, как «пустяки осталось» «осталось копейка» (так же квалифицируются и связочные сочетания этого рода, когда нет признаков согласования связки с одним из существительных: «начинатель войны был Наполеон» — «Наполеон был начинатель войны»). Таким образом по этому взгляду во всех наших девяти разрядах, кроме части разряда 6-го, грамматическим признаком сказуемости является ударение на втором слове, причем одинаково важно и то, что это ударное слово всегда второе, и что это второе слово всегда ударное: «он весел», «он любим», «он умный», «он заведующий», «он лучше», «он механик», «он командиром», «он из немцев», «он навеселе». Как видит читатель, при этом взгляде синтаксические признаки интонации и порядка слов уже не игнорируются, а прямо приравниваются к морфологическим признакам (расширенное понимание понятия «согласование»). Но к этому взгляду мы тоже не можем примкнуть, так как значение интонации и порядка слов здесь, по нашему мнению, переоценивается. Относительно интонации мы не раз уже указывали, что за исключением нескольких, вполне определенных случаев, когда определенная интонация соединяется с определенной грамматической конструкцией для создания нового грамматического значения, всякая интонация вообще может наслаиваться на любую конструкцию. В частности, относительно предикативной интонации (т. е. фразного ударения) мы тоже уже видели, что она может быть на любом слове словосочетания, и следовательно считать слово «умнее» в словосочетании «он умнее» сказуемым только потому, что на него падает предикативное ударение, было бы так же ошибочно, как считать его сказуемым на этом основании в такой связи: «Я сложнее выдумал задачу, а он умнее». И вообще при таком толковании эти предложения ничем не отличались бы от безглагольных неполных, где тоже всегда есть слово с фразным ударением (которое ни один автор не решится признать сказуемым). То же и относительно порядка слов. Нам не известно ни одного случая, когда эти словочетания имели бы абсолютно твердый порядок слов. Можно сказать и «умнее он» и «портной Иванов» и «из немцев он» и «навеселе он» и т. д., напр.: «вы говорите, что умнее он, а я утверждаю, что умнее она», «среди них есть один портной и один сапожник: портной — Иванов, а сапожник — Бондаренко» и т. д. А раз нет обязательного порядка слов, то не может быть речи и о сочетании этого признака с интонационным в один твердый признак. Вообще всякое такое словосочетание допускает четыре модификации в отношении интонации и порядка слов: 1) «Как по-вашему: он умнее или только хитрее?», 2) «Как по-вашему: он умнее или она?», 3) «Как по-вашему, умнее он или только хитрее?», 4) «Как по вашему, умнее он или она?». То же разумеется и в таких случаях, как «Нестор — отец русской истории» («Нестор — отец русской истории, а не Карамзин», «Нестор — отец русской истории, но отец, ограничившийся только порождением ее» и т. д.) с той только разницей, что здесь ударения могут быть и

на других словах, число перестановок тоже возрастает, а число комбинаций перестановок с местом ударения уже может быть вычислено только логарифмически. Мало того, всякое двухсловное сочетание, даже и не глагольного типа и не являющееся частью такого типа, а, напр., номинативное, может иметь те же 4 модификации («Хорошая погода!», «Хорошая погода!», «Погода хорошая!», «Погода хорошая!»), потому что их может иметь в русском языке всякое сочетание из двух полных слов. А четыре комбинации являются здесь только потому, что большего их числа при двух словах не может быть. Разница же между «он умнее», «Иванов портной» и т. д., с одной стороны, и «Нестор — отец русской истории» — с другой, здесь только в количестве шансов на ту или иную комбинацию, зависящем от словарных и логических условий. При одних словарных условиях создается неравенство шансов, другими словами, определенные сочетания слов чаще встречаются при одних комбинациях интонации и порядка, чем при других. При других словарных условиях создается равенство этих шансов. Но эта разница, конечно, относительная, а не абсолютная (идеальное равенство шансов вообще вряд ли существует, а преобладание одной модификации над другой может быть выражено любой величиной), да к тому же и проистекает она только из неграмматических источников. Если мы вспомним еще, что те же 4 модификации возможны и для настоящих глагольных предложений, описанных в главе X («птица летит», «птица летит», «летит птица», «летит птица»), то мы окончательно убедимся, что предикативное ударение и порядок слов, хотя и могут вступать в известное соотношение с грамматической сказуемостью (срвн. стр. 279 и след.), но сами по себе признаками этой сказуемости быть не могут. Напротив, согласование глагольной связки и ассоциативное соотношение данных словосочетаний с теми, где имеется это согласование, дает опору для грамматического анализа их как предложений.

Переходим к расчлененному описанию этих предложений, которое будем вести, конечно, в порядке предыдущей главы.

1) Краткое прилагательное:

Мазепа мрачен. Ум его
смущен жестокими мечтами... (Пушк.)
Люблю ваш гнев. Таков поэт. (Пушк.)

И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы? (Островск.)

Морфологическое отличие этого типа от всех остальных здесь то же, что и в сочетаниях предыдущей главы. Но значение настоящего времени (во всех его разновидностях, срвн. настоящее «живописное» в 1-м примере, настоящее «постоянное» во 2-м примере, настоящее момента речи в 3-м примере) и изъявительного наклонения, конечно, не дает возможности рассматривать эти словосочетания изолированно от связочных и видеть в прилагательном настоящее сказуемое, а не присвязочный член.

2) Краткое страдательное причастие:

Мазепа мрачен. Ум его
смущен жестокими мечтами... (Пушк.)

Мы знаем: не единый клад
тобой в Диканьке укрываем. (Пушк.)

Здесь надо отметить особый оттенок в сочетаниях с прошедшим причастием, получающийся в результате совместного действия значения настоящего времени в нулевой связке и прошедшего времени в причастии (что́, кстати, послужит лишним доказательством присутствия здесь значения настоящего времени). Сочетания эти, отмечаемые в школьных грамматиках как прошедшее время страдательного залога, имеют смысл не чисто прошедший и обозначают такие прошедшие факты, которые результатом своим упираются в настоящий момент, в момент речи. Это прошедшее результативное, существующее во многих языках для всех залогов. Сейчас никто не скажет «Цезарь убит» (кроме, конечно, историка и беллетриста, переносящегося и переносящего своего читателя в ту эпоху), а скажут «Цезарь был убит». Напротив, про Воровского и Войкова в день их смерти все говорили, конечно: «Воровский убит», «Войков убит», и в настоящее время можно еще так говорить, и даже уместно так говорить при обзоре нашего международного положения или состояния белогвардейских сил в данный момент. И это потому, что смерть Цезаря уже никак не может задеть нас своими непосредственными результатами, а смерть Воровского и Войкова вполне ощутительно задевает. Точно так же «заседание отложено» означает не только тот факт, что заседание не состоялось, а и то, что оно еще будет, что говорящий ждет его, что оно в данный момент является только отложенным, но не отмененным. А «заседание было отложено» означает только факт отсрочки заседания в прошлом, и вполне возможно такое сочетание: «заседание было отложено, а потом было совсем отменено». Нетрудно видеть, что все дело здесь в комбинации времени причастия со временем нулевой связки. «Заседание отложено» имеет смысл: заседание сейчас, в данный момент, является отложенным в прошлом.

3) Полное прилагательное в именительном падеже:

«Все мое», сказало злато... (Пушк.)

С развратным городом не лучше ли проститься,
где все продажное: законы, правота... (Пушк.)

Творцу молитесь: он могучий... (Пушк.)

Но цензор гражданин, и сан его священный!
Он должен ум иметь прямой и просвещенный... (Пушк.)

«Какая ты нынче странная!» сказала ей Долли. «Я?.. Ты находишь? Я не странная, но я дурная». (Л. Толст.)

«Э, глупая ты, Оля! Люблю — такая, значит, судьба моя. Доля моя такая». (Чех.)

... только все это женино*, и все еще при жизни отдано племянницам. (Островск., затрудняемся определить, какое из двух прилагательных, «все» или «это», надо здесь считать субстантивированным существительным и подлежащим.)

Сердце болит, танбовская я. Дочка у меня там осталась. (Б. Пильняк.)

Значение вспомогательных средств языка — интонации, контекста, словопорядка, лексики — здесь еще больше, чем при соответствующих связочных сочетаниях, так как там наличность связки обеспечивала во всяком случае то, что данное сочетание — предложение, и вспомогательные средства определяли только, является ли в них глагол связкой, или полновесным сказуемым. Рассматриваемые же здесь сочетания сами по себе могут быть в известных случаях и не предложениями, а частями распространенных предложений, так как состоят только из существительного и согласованного с ним прилагательного. Так, сочетание «все мое» (1-й прим.) могло бы быть частью предложения: «все мое лучше твоего», сочетание «все продажное» (2-й прим.) могло бы быть частью предложения: «все продажное имеет цену», сочетание «сан его священный» (5-й прим.) могло бы быть частью предложения: «сан его священный должен почитаться» и т. д. Поэтому, напр., в последнем случае** предикативность прила-

---

* Напоминаем читателю, что термин «краткое прилагательное» мы употребляем условно в смысле: «такое краткое прилагательное, к которому имеется в языке соответствующее полное». Притяжательные прилагательные с кратким окончанием приходится в этом смысле называть «полными».

** Полная форма здесь, собственно, несколько коробит нас ввиду чисто-литературного, вне-житейского содержания этой фразы. Мы бы ожидали от Пушкина: «сан его священ» (именно так, а не «священен» согласно данным других стихов). Едва ли не продиктована здесь полная форма потребностью рифмы. Впрочем, возможно, что для Пушкина вообще дифференциация между кратким и полным прилагательным не была еще так резка (сравн. употребление кратких прилагательных в непредикативном смысле).

гательного создается следующими факторами: 1) интонацией всего словосочетания как законченного, 2) отсутствием в этом законченном словосочетании другого такого слова, которое по формам своим больше подходило бы для предикативной роли, 3) тем, что перед ним кончается предложение (срвн. особенно роль союза «и», важную здесь потому, что предыдущее предложение тоже безглагольно), а после него начинается новое предложение. Кроме того, даже и в тех случаях, когда мы имеем перед собой несомненное предложение, здесь может возникнуть двоякое понимание категории именительного падежа, а в связи с этим и согласованного с ним прилагательного. Именно, именительный падеж может пониматься здесь и не как подлежащее, а как именительный бытия, представления, названия, указания, воззвания, словом, во всех тех значениях, которые мы частью объединяем в главе о «номинативных» предложениях (гл. XVI), частью же относим к словосочетаниям, не образующим предложений и их частей (гл. XXI). Наконец, он может пониматься здесь и как подлежащее при отсутствующем сказуемом и как предикативный именительный при отсутствующем подлежащем (примеры на все эти случаи см. в соответствующих главах). Все те факторы, которые приведены на стр. 269 — 270, и которые склоняют к связочному или несвязочному пониманию предложений типа «погода была прекрасная», действуют и здесь; при этом огромное значение (как, впрочем, и в том отделе) приобретают личные местоименные существительные. Так как они не терпят при себе простых, непредикативных прилагательных, то такие сочетания, как «ты странная», «я дурная», «глупая ты», «он могучий», «я тамбовская» уже никак не могут сознаваться не предикативно (срвн. «женщина странная», «женщина дурная», «глупая Ольга», «фактор могучий», «крестьянка тамбовская»), и даже никак не могут сознаваться неглагольно (экзистенциально, номинативно и т. д.). Это могут быть только связочные предложения с нулевой связкой. Ясность синтаксического значения создает здесь и частость употребления полных предикативных прилагательных именно при личных существительных (срвн. примеры выше). Но в общем все-таки именно в этой рубрике особенно часты случаи, затрудняющие синтаксиста. Мы, напр., затруднились бы определить выделенное сочетание в следующей реплике из «Трех сестер» Чехова:

Кулыгин. Сейчас уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную...

В данной связи это как будто бы обращение к жене. Но Кулыгин так часто в других местах драмы говорит про жену в предикативных конструкциях («она добрая» и т. д.), что трудно было бы с решительностью отстаивать здесь именно звательное понимание. Совершенно смешанное употребление мы имеем в таких случаях как:

Говори, окаянная твоя душа, где слямзил?.. Говори, подлец. (Е. Карпов.)

Да, ненасытная твоя душа, ужли тебе мало еще? (Островск.)

Словосочетания эти здесь, несомненно, являются предложениями, но в то же время в том предложении, в которое они вставлены, они столь же несомненно играют роль обращений. Это яркий пример синтаксического синкретизма в языке.

4) Полное прилагательное в творительном падеже. Литературными примерами на этот случай мы не располагаем. В соответствующем пункте связочных сочетаний мы уже говорили, что при связке «быть» этот творительный встречается крайне редко. А так как нулевая связка есть только настоящее время связки «быть» (все остальные связки имеют не нулевое настоящее время: являюсь, кажусь, считаюсь и т. д.), то редкость таких сочетаний определяется уже этим. Но кроме того творительный даже и от существительных-то при нулевой связке довольно редок (см. ниже, п. 7) и связан с особыми словарными условиями. Понятно, что прилагательное, являющееся здесь заменой существительного, должно встречаться еще реже. Из разговорной речи нам известны здесь обороты вроде: «он заведующим», «он у нас в звене старшим», «он земским» (в смысле «земским начальником», записано в дореволюционную пору), «Иванов пока исполняющим должность» и т. д. Оттенок субстантивирования во всех этих случаях очень резок.

5) Сравнительная форма:

За что ж виновнее Татьяна? (Пушк.)

«... грамотный мужик-работник тебе же нужнее и дороже». — «Нет, у кого хочешь спроси... грамотный как работник гораздо хуже». (Л. Толст.)

Так как форма эта при отсутствии глагола не может быть понимаема как наречие (за исключением случаев явного опущения вроде: «ты скорее работаешь, а я—с п о р е е»), то сочетания эти, несмотря на морфологическую дефективность, синтаксически, кажется, всегда вполне определенны.

6) Именительный падеж существительного:

Хвала для вас докучный звон... (Пушк.)
Стишки для вас одна забава... (Пушк.)
Что слава? Яркая заплата
на ветхом рубище певца. (Пушк.)

Я — твой господин, а **ты** — мой слуга. (Пушк.)
«Парень овца, я вам скажу». (Островск.)

Вне условий контекста и интонации сочетания эти не менее многозначны, чем сочетания п. 3. Так, напр., сочетание «поэт художник» может быть и тем, что мы изучаем в данный момент («поэт — художник»), и двойным подлежащим («поэт-художник преображает наблюдаемое по законам художественной правды»), и двойным предикативным именем («Пушкин — поэт-художник»), и двумя подлежащими при одном сказуемом («поэт, художник, музыкант — все они должны...», и двумя предикативными именительными при одной связке («он был поэт, художник, композитор...»), и, наконец, двойным обращением («поэт-художник! ты должен...»), или двумя обращениями: («поэт, художник, музыкант! К вам обращаюсь я...»). Но в определенных условиях контекста, обстановки и интонации здесь сомнительных случаев, вероятно, меньше, чем при прилагательном, так как слияние двух существительных в словосочетаниях непредикативного типа обставлено гораздо более сложными словарными условиями, чем слияние прилагательного с существительным (см. стр. 75). Что касается различения подлежащего и именительного предикативного в этих предложениях, то оно, конечно, может происходить только по ассоциации со связочным типом, и здесь возможны те же два случая синтаксической определенности и неопределенности, что и там, в зависимости от соотношения лиц, чисел и родов в обоих существительных. Выше даны только такие примеры, где ассоциации легко определяют, где подлежащее и где предикативный член («хвала была звон», «стишки были забава», «я буду твой господин» и т. д., сочетание «что слава?» мы объясняем как «что была слава?»,

хотя, кажется, возможно было бы и «что было слава?»). А вот такие примеры, где они, напротив, ничего не могут определить:

Вертоград моей сестры
вертоград уединенный... (Пушк.)
Ветулий римлян царь! (Пушк.)
Привычка душа держав. (Пушк.)

Уж очень он за свою хлеб-соль обидчик. (Островск., замечательно разговорное «очень», дифференцирующее сущ. «обидчик» как предикативное, так что двузначности здесь, пожалуй, и нет.)

Таким образом и эти предложения можно определить как двузначные, синтаксически не вполне дифференцированные.

Предложения с «это» при отсутствии глагола («это стол», «это способ устроиться» и т. д., срвн. стр. 284) всецело зависят в своей квалификации от квалификации слова «это»: если считать его выделительной частицей, то это — номинативные предложения (см. гл. XVI), если же считать его полным словом, то это — связочные предложения с подлежащим во втором именительном и предикативном членом в слове «это» (срвн. там же).

7) Творительный падеж существительного:

а) Ах, этот человек
всегда причиной мне ужасного расстройства! (Гриб.)

В нем каждой капли слез и крови ты виной! (Крыл.)

Всему виною — моя вечная необдуманность. (Тург.)

... вы, ваши слова тому причиной. (Тург.)

И, кажется, — продолжал Герман, — я причиною ее смерти. (Пушкин.)

Поверьте (совесть в том порукой),
супружество нам будет мукой. (Пушк.)
Но мне порукой ваша честь,
и смело ей себя вверяю... (Пушк.)

... вот это верно, бог тебе порукой. (Островск.)

б) Дружба дружбой, а служба службой. (Послов.).

Я уж и сначала догадывалась, что... уроки-то уроками, а цель у вас другая. (Чернышевск.)

... мне казалось всякий раз, что культура культурой, а татарин все еще бродит в нем. (Чех.).

У нас идеи идеями, но если бы теперь, в конце XIX века, можно было взвалить на рабочих еще также наши самые неприятные физиологические отправления, то мы взвалили бы... (Чех.)

Изберу я себе из бедных, говорит, повиднее. Ей моего благодеяния всю жизнь не забыть... Девка-то девкой, да и поломаюсь досыта. (Островск.)

Поклоны-то поклонами, эту эпитимию мы выдержим; но для убеждения нужна и словесность. (Островск.)

Свобода свободой, а все же надо делать что-нибудь; без этого нельзя. (Островск.)

... родство родством, а дело делом... (Островск.)

в) А тетушка? все девушкой, Минервой? все фрейлиной Екатерины первой?» (Гриб.)

Худо тому дому, где жена попом, а муж дьяконом. (Послов.)

Итак, вот вы у себя в деревне, наконец, — хозяйкой. (Тург.)

Он у нас судьей теперь. (Тург.)

Еще покуда женихами, так каждый вечер и возят, и возят подарки. (Островск.)

Мы бы такую труппу составили... Я кассиром... (Островск.)

г) Руки граблями, ноги вилами. (Погов.)

Нос крючком, брови шатром, рот жемочком. (То же.)

И точно: конь передо мною,
скребет копытом, весь огонь,
дугою шея, хвост трубою. (Пушк.)

Галстук веревочкой, жилетки не было вовсе... (Чех.)

Предложения эти мало распространены в нашем языке. Повидимому, значение временного тождества двух предметов, которое мы вскрыли в этом творительном (см. стр. . .), плохо мирится со значениями настоящего времени. Из трех его основных значений (1) совпадение времени действия с моментом речи, 2) совпадение времени действия с более или менее растянутым периодом, в средине которого помещается момент речи, и 3) совпадение времени действия с вечностью) первое и третье не могут быть использованы этим творительным, так как тождество мгновенное схватывается говорящим обычно после факта и, следовательно, отливается в форму прошедшего времени, а тождество вечное противоречит самому значению этого творительного. Для нас внутренно-противоречивы были бы сочетания: «водород — газом», «физика — наукой», «человек — животным» (хотя, между прочим, в польском языке при том же исконном значении творительного такие сочетания приобрели право гражданства). Остается, следовательно, только часть тех случаев, где может употребляться именительный предикативный, но и эта часть слабо использована. С исторической точки зрения это вполне понятно, так как творительный предикативный, как мы видели, принадлежит к числу прогрессивно развивающихся явлений русского синтаксиса. В этом участке языка он, стало быть, еще не успел развиться. В разделе «а» наших примеров мы видим, что он связан с определенными

словами: вина, причина, порука. Казалось бы, что в том же смысле можно сказать: «ваша болезнь следствием пьянства», «грязь источником заразы», «это событие основой дальнейшего», но нам такие выражения неизвестны. Если они и встречаются, то крайне редко, тогда как «он виной» и «он причиной» вполне обычны. Здесь, следовательно, творительный ограничивается пока несколькими отдельными словами. Совершенно иного рода случай «б». Здесь, напротив, каждое слово может быть употреблено, но зато здесь должны быть: 1) словарное совпадение именительного подлежащего и творительного предикативного, 2) уступительное значение всего предложения по отношению к следующему предложению, начинающемуся противительным союзом (исключение из 2-го пункта — 2-е предложение первого и последнего из наших примеров, но это особый подтип, где творительный 2-го предложения подражает творительному первого предложения.). Это очень своеобразная форма словосочетания, вполне живая и абсолютно всеобщая. Любое существительное, как уже сказано, может быть повторено вслед за именительным падежом в творительном с тем же значением («теория теорией, а...», «бисквит бисквитом, а...», «Ванька Ванькой, а...» и т. д.; личные местоимения, как всегда, на отлете, может быть на этот раз по морфологическим причинам: «я мной», «мы нами» не давало бы того тавтологического звучания, которое здесь не без участия). Что же это за значение? Нам думается, что при объяснении этой формы словосочетания надо исходить из случаев тавтологических именительных предикативных, вроде: «Лень и есть лень, слабость и есть слабость, — других названий у меня нет» (Чех.), «Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шершавого животного» (Чех.). Сочетания эти и в живой речи очень употребительны. Здесь перед нами любопытный случай сосредоточения внимания говорящих на значении отдельного слова, случай языкового самонаблюдения, производящегося в процессе говорения. Когда мы говорим «налог есть налог», «война есть война» и т. д. (то же и в других падежах и в несколько иной синтаксической форме, срвн. французскую поговорку: «на войне, как на войне», или у Островского: «Свадьба, как свадьба. Обвели да и повезли...»), то мы первое существитель-

ное употребляем как всякое другое слово речи, т. е. не делая его объектом наблюдения, не думая о том, что оно именно значит в его отдельности от остальной речи. Это значение есть для нас лишь часть значения всей фразы, частичный образ в составе сложного образа. Второй же раз мы употребляем то же существительное в каком-нибудь определенном, большей частью более у з к о м, чем предполагаемый у собеседника или у 3-го лица, смысле, кажущемся нам при этом и с т и н н ы м значением данного слова. Это есть как бы попытка обратить внимание слушателя на данное слово и побудить его понимать его именно так, как понимает говорящий. Но это понимание для самого говорящего при произнесении п е р в о г о существительного еще не ясно, а при произнесении второго делается ясным. Предицирование и выражает здесь процесс у я с н е н и я с е б е с а м о м у и с л у ш а т е л ю значения слова (или понятия, так как языковая сторона и логическая здесь неразрывно слиты). Само собой разумеется, что это уяснение происходит в порядке языкового мышления, а не научного, и поэтому значение слова осознается здесь подчас очень своеобразно (напр., самодур-купец времен Островского мог бы сказать «купец есть купец» в том смысле, что он должен устраивать дебоши в ресторанах, Дон-Жуан мог бы сказать «муж есть муж» в том смысле, что его надо обманывать, и т. д.), и во всяком случае всегда до известной степени субъективно. Но, конечно, всегда должна быть и объективная сторона, поскольку это язык. Так вот, сочетания «дружба дружбой» и т. д. и имеют, прежде всего, смысл такого уяснения понятия + еще противоположение результатов этого уяснения содержанию следующего предложения (о т д е л ь н о употреблять таких сочетаний нельзя, они в с е г д а связаны с противительным сочинением). Конкретизируя это толкование, мы скажем, что первый наш пример (см. стр. 312) обозначает приблизительно следующее: «хотя дружба есть «дружба», т. е. нечто, располагающее к снисходительному отношению к промахам друга, но служба есть «служба», т. е. нечто, связанное с неукоснительным исполнением обязанностей (в данном случае оба предложения однородны в этом отношении); второй пример обозначает: «хотя уроки были «уроки», т. е. нечто вам полезное, однако цель у вас была другая» и т. д. Возникает только вопрос: при чем тут именно т в о р и т е л ь н ы й падеж? Ведь больше всего здесь подходил бы именно и м е н и т е л ь н ы й падеж (которым мы и пользовались при

нашей расшифровке), так как предложения эти обозначают как раз вечное, по мнению говорящего, тождество слова и его истинного значения; это идеальные предложения тождества. Мы должны сознаться, что объяснить эти словосочетания из значения самого творительного падежа мы не в силах, и думаем, что творительный здесь развился вопреки своему исконному значению за счет своего синтаксического синонима — именительного предикативного (подобно тому как это произошло в польском в сочетаниях типа «водород — газом»). А стимулом для такого развития могло послужить стремление к грамматической дифференциации, являющееся на-ряду с противоположным стремлением к грамматическому уподоблению (срвн. явления согласования, такие явления, как «маленький мальчик», дойти до края» и мн. другие) одним из основных внутренних факторов развития языка. Повторение двух именительных подряд, особенно при отсутствии связки (недаром мы вставляем между двумя именительными в таких случаях всегда связку «есть»: «жена есть жена» и т. д.), смущало, казалось странным вследствие словарного совпадения, и удобным выходом являлась замена именительного как-никак очень близким по значению творительным. Переходя к разделу «в», мы находим здесь совершенно противоположную картину. Здесь творительный блещет, так сказать, своими собственными красками, он обозначает временное и только временное состояние. На стр. 298 при выражении «он весельчаком» мы поставили в скобках вопросительный знак. И действительно, так сказать по-русски нельзя, потому что «весельчак» обозначает характер, а характер трудно себе представить меняющимся. А вот «он шутом» сказать можно, потому что это должность или, во всяком случае, функция, т. е. нечто специфически временное (срвн. наличность временны́х указаний почти в каждом примере: «всё», «наконец», «теперь», «покуда» и т. д.). Если случай «в» можно, таким образом, назвать творительным предикативным временно́й функции, то случай «г» является уже тв. предикативным сравнения. Здесь опять творительный начинает выходить за пределы своей временно́й роли, поскольку сравнением могут определяться постоянные свойства предмета (напр., наружность человека). В общем, все 4 рубрики — суженные, обусловленные словарем (в рубр. «б» обусловленность

заключается в необходимости повторения слова), в отличие от сочетаний творительного с «был» и «буду», где может быть употреблено любое существительное.

8) Разные падежи существительных с предлогами и родительный падеж без предлога:

а) Не в силах Ленский снесть удара... (Пушк.)

«Нет, он с ним не в ладах», подумал про себя Чичиков. (Гог.)

Я, господа, не против образования, но и не за него. (Островск.)

Бог не без милости, казак не без счастья. (Он же.)

б) Царь этот не чурбан, совсем иного нраву... (Крыл.)

Я, может быть, лично и других идей... (Дост.)

Он ваших лет и уж, кажется, надворный советник. (Островск.)

Сочетания эти абсолютно тождественны с соответствующими связочными сочетаниями и потому не вызывают на замечания.

9) Наречие:

Глякось — какую я себе бабу везу. — Да, баба ничего, — зевая, ответил целовальник. (Слепц.)

Сама прочь от родных, так и от нас ничего хорошего не жди... (Островск.)

Сочетания эти, так же как и сочетания п. «а» предыдущей рубрики, иногда бывает трудно отличить от неполных предложений, потому что ведь и наречие и предложно-падежное сочетание могут относиться к опущенному полновесному глаголу или предикативному прилагательному. В предыдущем издании мы, напр., дали на эту рубрику такой пример:

Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... (Лерм., считаем «в самом деле» одним словом).

Теперь нам ясно, что пример был дан ошибочно. Здесь перед нами неполное предложение с опущенным предикативным членом, потому что «в самом деле» никак не может даже через посредство связки относиться к «я», а только к опущенному предикативному прилагательному («чем каков я в самом деле»). Это опущенное прилагательное сознается здесь по соотношению со словами «хуже» и «лучше», а эти последние формы функционируют здесь на правах прилагательных, соотносительных с предикативными («считают меня худшим, лучшим», срвн. «я считаюсь худшим, лучшим», соотношение это будет еще нами в дальнейшем рассматриваться). Таким образом сочетание «я в самом деле»

ассоциируется здесь не с сочетаниями «я был в самом деле» и «я буду в самом деле» (которые, впрочем, тоже могли бы пониматься только в смысле «я присутствовал, я находился в самом деле», т. е. как несвязочные), а с сочетаниями: «я таков в с. д.» «я лучше в самом деле», «я был лучше в сам. д.» и т. д. Но в этом случае трудность еще разрешима. А бывают случаи, когда ассоциации двоятся, когда трудно с уверенностью сказать, как понималось сочетание при его произнесении или написании. В разговорном языке существуют, напр., ходячие вопросительные предложения: «Ну, как вы?», «Как дела?» (срвн. у Л. Толстого в «Войне и мире»: «Ну, что она, как?», сказал Пьер»). Сочетания эти могут рассматриваться как сокращенные: «как вы себя чувствуете?», «как живете?», «как идут дела?» и т. д. (происхождение их, по всей вероятности, именно таково). Но могут они рассматриваться и сквозь призму сочетаний «каковы вы?», «каковы дела?» Наречие «как», вследствие постоянного опущения здесь глагола, притянулось к подлежащему и может сойти и за предикативное. Во многих случаях здесь уже трудно было бы мыслить полновесный глагол, потому что сочетание образовано сразу без глагола, по определенному образцу («Как здоровье?», «Как практика?», «Как работа ваша?»). То же затруднение и с наречием «так» в сочетаниях: «да, это так», «это, действительно, так». С одной стороны, они ассоциируются с такими, как: «это обстоит так», «это обстояло так», «это было так» (в смысле обстояло, происходило, а не в смысле связки), с другой стороны — с такими, как «это хорошо», «это было хорошо», где глагол — несомненная связка. Яснее те случаи, когда «так» обозначает «без причины» или «без цели»: «Вы почему вскрикнули? Я так», «Что с тобой? Ты плачешь? — Нет, я так» (срвн. в «Войне и мире»: «А вы кто же, не из докторов?» — Нет, я так», отвечал Пьер»). Как ни расплывчато здесь значение наречия, все же оно никак не может, по нашему мнению, относиться к подлежащему, а только к какому-то опущенному сказуемому (вроде: «это я делаю так», «это я нахожусь здесь так»), опущение часто и компенсируется как раз словом «это»: «это я так»).

В остальном сочетания эти совершенно однородны с соответствующими связочными.

В заключение укажем на несколько редких видов предикативных членов, для которых мы располагаем столь

немногими примерами, что нам затруднительно было разбивать их на группу связочных и группу с нулевой связкой. Сюда относятся:

1) Деепричастия:

Кроме того ожидал, стоя в уголку, и все время потом оставался стоя — молодой паренек... (Дост.)

Семинарист, Алеша и послушник оставались стоя. (Дост.)

Ты в своем разуме или рехнувшись? (Островск.)

До света запершись и, кажется, все мало? (Гриб.)

Все были выпивши; что говорено, забудется... (Островск.)

Сочетания с прошедшим деепричастием очень распространены в народной речи (между прочим и с деепричастием на-мши: «был выпимши», «был разумшись» и т. д.). В литературной же они, собственно говоря, не допускаются и попадают в нее обычно в качестве «чужой речи» (срвн. примеры выше). Некоторые из них, впрочем, обычны и в разговорном языке интеллигентов («был выпивши», «был не выспавшись»). Разница между «был выпивши» и «выпивши» та же, что между «заседание было отложено» и «заседание отложено» (см. стр. 307)

2) Нестрадательные причастия:

Круглое лицо его было иззябшее и помятое. (Ал. Н. Толстой.)

Когда расходились, Наташа была усталая, разбитая и жаждущая сна. (Потапенко.)

3) Инфинитивы:

По приезде на станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. (Пушк.)

Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания... (Пушк.)

Долг мой повиноваться приказу. (Пушк.)

Грушницкого страсть была декламировать. (Лерм.)

Ее обязанность была не только самой быть подле умирающего брата, но и ... (Л. Толст.)

Первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает. (Лерм.)

Предикативная роль инфинитива здесь достаточна ясно определена, с одной стороны, невозможностью понимать наличный (или нулевой) глагол как полновесный, с другой стороны — согласованием этого глагола с именительным падежом существительного («забота была», «страсть была», «обязанность была»). Однако при отсутствии глагольной связки, при будущем времени его («долг наш будет защищать крепость),

а также в некоторых случаях и при прошедшем времени (см. ниже) возникает вопрос, чем считать инфинитив: предикативным членом или заместителем подлежащего. В самом деле, мы знаем уже (см. стр. 238), что при простом сказуемом на месте подлежащего бывает иногда инфинитив. Но при составном сказуемом это бывает даже чаще, чем при простом, напр.:

Быть судьей, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшей степенью, доступной для писателя. (Пушк.)

Проводить целые часы в его обществе, быть с ним наедине, слушать его рассказы — стало для меня истинным наслаждением. (Тург.)

Первым делом дедушки было в тот год построить мельницу. (Акс.)

...пудриться, по ее словам, было для нее смертью. (Тург.)

... выкупиться на волю было его заветной мечтой. (Гонч.)

Первым его распоряжением было уволить Терку. (Писемск.)

Во всех этих случаях подлежащная роль инфинитива не может возбуждать никаких сомнений, так как, с одной стороны, мы имеем здесь типичные предикативные сочетания («было делом», «казалось степенью», «стало наслаждением» и т. д.) и притом не безличные, а с другой стороны, единственной формой, к которой могли бы быть отнесены эти сочетания по признаку согласования связки, является инфинитив (мы уже знаем, что при иноформенном подлежащем глагол в прошедшем времени стоит в среднем роде). В таком случае возникает вопрос, на каком основании утверждаем мы, что, положим, в предложении:

долг мой повиноваться приказу.

«долг» будет подлежащим, а «повиноваться» предикативным членом, а не наоборот. Тот же вопрос возникает и для сочетания: «долг мой будет повиноваться приказу» и для сочетания: «дело мое было повиноваться приказу», где форма «было» уже может толковаться не только как форма согласования с подлежащим «дело», но и как форма согласования с иноформенным подлежащим «повиноваться». Конечно, если бы мы признавали за порядком слов, именно за постановкой того или иного из кандидатов в предикативные члены на втором месте, предикативную силу, то вопрос решался бы крайне легко: в сочетании: «долг мой повиноваться» подлежащим было бы «долг», а предика-

тивным членом — «повиноваться», в сочетании же «повиноваться — мой долг» соотношение было бы обратное. Но в своем месте мы отвергли показательную силу и интонации и словопорядка в этих случаях, и аргументы, приведенные там, как будто бы подходят и к данной рубрике. Таким образом для огромного большинства этих словосочетаний (для всех, кроме тех, где есть связка женского или мужского рода прошедшего времени) возникает вопрос, не отнести ли их к той же рубрике синтаксически недифференцированных до конца предложений, или предложений с двоякими возможностями, к которой мы отнесли предложения типа «наш век торгаш». На этот вопрос мы можем ответить здесь только расчлененно соответственно различным видам самих этих предложений. Прежде всего относительно предложений с существительным на первом месте и с инфинитивом на втором мы должны обратить внимание на то, что, в отличие от аналогичных предложений с двумя именительными, порядок слов здесь при наличии связки тесно связан с формами согласования глагола. В то время как в тех предложениях возможны были такие комбинации, как: «первый клад мой честь была... второй был клад невозвратимый честь дочери моей любимой», в этих предложениях возможна только одна форма словосочетания: «долг мой был повиноваться», сказать же: «долг мой было повиноваться» — нельзя. Это заставляет нас считать и бессвязочные предложения этого типа по аналогии их со связочными (на которой мы вообще основываем наш анализ) достаточно дифференцированными в отношении подлежащего и предикативного члена. Не следует думать, что мы при этом отказываемся от раньше установленного положения, что только признак согласования связки помогает отличить в таких случаях подлежащее от предикативного члена, а что порядок слов для этой цели безразличен. Напротив, мы и здесь настаиваем на том же принципе и признаем «долг» подлежащим только потому, что «долг» был повиноваться». Но так как с такой именно формой согласования в данном случае неразрывно связан такой именно порядок слов, то косвенно мы можем опереться здесь и на порядок слов и признать, что при таком-то порядке слов вследствие такой-то его согласующей силы первый член всегда будет подлежащим. То же, разумеется и в предложениях типа: «долг мой будет повиноваться» по аналогии их с прошедшим вре-

менем. Но совсем иное дело будет в тех случаях, когда инфинитив стоит на первом месте. Можно одинаково сказать и «повиноваться было мой долг» и «повиноваться был мой долг». В этих случаях, стало быть, порядок слов не может дать никаких указаний, и эти случаи при отсутствии связки или при будущем времени ее приходится признать двузначными. Наконец, в сочетаниях с существительным среднего рода («мое дело было повиноваться» и «повиноваться было мое дело») никакой порядок слов ни при какой форме связки (нулевой, прошедшей или будущей) не может дать, по понятным причинам, никаких указаний, и эти случаи надо тоже (во всех трех временах) отнести к двузначным.

Не следует забывать еще и о том, что инфинитив — категория особая, способная в соединении с определенными интонационными признаками выражать всю сказуемость целиком без помощи собственно-глагола, что существуют особые инфинитивные предложения (см. стр. 208 и гл. XVII). И в некоторых из рассматриваемых здесь случаев расчлененность (вообще несколько бо́льшая здесь, чем при других видах предикативных членов) достигает такой степени, что является возможность считать инфинитив с подчиненными ему членами (если они есть) отдельным инфинитивным предложением, замещающим предикативный член или подлежащее для неполного связочного предложения (подлежащее со связкой без предикативного члена или предикативный член со связкой без подлежащего). Такое впечатление производит, напр., на нас сочетание:

Окликнуть его, воротить — был бы напрасный труд. (Гонч.)

где даже глагол «был бы» из-за отсеченности инфинитивов и возможности понимать их как условные инфинитивные предложения (если бы окликнуть, если бы воротить) начинает смахивать на полновесное сказуемое. Еще более возможным становится такое толкование в бессвязочных сочетаниях этого рода, когда инфинитив стоит на первом месте и распространен зависящими от него членами настолько, что мысль невольно сосредоточивается на нем самом, симптомом чего является и ритмический раздел между частями словосочетания, напр.:

Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. (Тург.)

Если принять во внимание, что неполные предложения с именительным падежом в качестве предикативного члена к отсутствующему подлежащему чрезвычайно распространены в нашем языке (сюда принадлежат, напр., все ругательства типа: «дурак!», «нахал!», «идиот!» и т. д., см. также примеры в гл. XX), и что подлежащим к таким предложениям как раз часто служит все содержание предшествующей речи (примеры см. там же), то соблазн видеть здесь два предложения (одно инфинитивное и одно неполное) становится еще больше. Дальнейшей стадией расчленения этих словосочетаний является тот случай, когда при только что указанных синтаксических условиях вторая часть имеет еще вдобавок частичку (или подлежащее?) это, напр.:

Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? (Лерм.)

Прожить по-барски — это дворянское дело, это только дворяне умеют. (Л. Толст.)

Как бы ни смотреть здесь на слово «это», видеть ли в нем особое подлежащее (что уже безусловно превращало бы вторую часть в отдельное предложение), или только соединительное или выделительное служебное слово типа: «это птицы летят» — в обоих случаях расчлененность этих словосочетаний так велика, что понимание их как обыкновенных простых двучленных предложений наталкивается на серьезные затруднения. Но если во всех этих случаях мы не решаемся сказать здесь последнего слова и признаем возможным все-таки оба толкования (по крайней мере, если считать «это» частицей), то в нижеследующем случае, который в данной связи нам необходимо прихватить, мы уже решительно становимся на сторону толкования этих словосочетаний как двучленных сложных целых. Мы имеем в виду те случаи, когда при отсутствии связки имеются два инфинитива, так что один как будто бы стоит на месте подлежащего, а другой на месте предикативного члена, напр.:

Жизнь прожить — не поле перейти.

Недотерпеть — пропасть
Перетерпеть — пропасть. (Некрас.)

Жениться — перемениться. (Послов.)

В карты, сударь, играть не лапти плесть. (Сухово-Кобыл.)

Не обманывать себя человеку — не жить ему на земле. (Тург.)
Говорить-то с вами — только слова тратить. (Островск.)
Чай пить — не дрова рубить. (Послов.)
Сватать не хвастать. (Л. Толст., «Власть тьмы»).

Правда, и эти случаи, м. б., не все однородны. И здесь имеется на-ряду с полной расчлененностью и прямой необходимостью понимать первый инфинитив как условное придаточное инфинитивное предложение (срвн. особенно примеры из Некрасова и Тургенева) полная слитность (срвн. последний пример, напоминающий такие поговорки, как «старость не радость», «скупость не глупость»). Однако здесь основная наша аналогия с предложениями связочного типа начинает настолько хромать (ведь почти не говорится «жениться было перемениться» и «жениться будет перемениться»), а в то же время обе половины словосочетания уже настолько удалены от обычного связочного типа (ведь в конце концов при толковании одного из инфинитивов как подлежащего, а другого как предикативного члена мы имели бы двух заместителей и ни одного подлинного члена), что более осторожным нам представляется видеть здесь сочетание инфинитивных предложений. Случаи же большой интонационной слитности встречаются, как увидим ниже, и при сочетании обычных глагольных предложений при их особой краткости. Однако и тут сложность языковых явлений не дает возможности быть до конца категоричным. Мы только что сказали, что предложения эти со связкой почти не употребляются. Это «почти» было вынуждено следующими двумя известными нам фактами:

Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели. (Пушк.)

А приехать к вам во второй раз было бы наверное губить вас. (Чернышевск.)

Аналогично строятся сочетания с двумя инфинитивами и со словом «значит» между ними, напр.:

... Ревновать значит унижать и себя и ее... (Л. Толст.)

Автор считает, что подходить к вопросам учета эффективности и социального состава как к вопросам академическим и кабинетным значит не учитывать роли системы с.-х. кредита в организации народного хозяйства Союза... (из газет).

Эти словосочетания уже довольно часты, и редкость таких случаев, как два вышеприведенных, тем и объясняется, что вместо

«было», «будет», «было бы» обычно говорится здесь «значило», «значит», «значило бы». Спрашивается, как же быть с этими словосочетаниями? Нам думается, что и здесь нам надо стремиться к той же сложности и гибкости наших схем, какими отличается сам язык, а не к их упрощению. Наличие связки (а равно и слова «значит», которое мы в этом случае приравниваем к связке) возвращает нас опять в лоно связочных предложений, и эти случаи мы склонны были бы толковать как предложения с инфинитивным подлежащим и инфинитивным же предикативным членом, отказываясь, однако, от решения вопроса, какой именно из инфинитивов является тем или другим.

4) Именительный падеж существительного или прилагательного с союзом «как».

У нас так-то было с одной, вся, как свинцом налитая, сделалась. (Островск.)

Мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная. (Чех.)

Этот оборот, кажется, и не так уж редок, и только случайно, вероятно, у нас нет на него больше примеров. Срвн. особенно со связками «делаться», «становиться» во всевозможных технических описаниях и наставлениях («вы ее разварите, и она сделается как масло», «высушите, — и сделается как камень»). Да и со связкой «быть» он, кажется, распространен, только связан с последующим пояснением: «он как чурбан: бровью не пошевелит», «он как флюгер: куда ветер, туда и он». Срвн. также тавтологические: «жена как жена», «свадьба как свадьба». Он интересен тем, что неопровержимо доказывает полную невозможность понимать союз «как» всегда как начало нового предложения. В самом деле, такое понимание обязывает подразумевать в этом предложении сказуемое по аналогии с предшествующим предложением («работает как каторжный» = «работает, как работает каторжный»), в данном же случае это невозможно («сделался как камень» не равняется: «сделался, как сделался камень», или «как делается камень», а просто=«сделался камнем»). Запятые в этих сочетаниях по большей части не отражают живого произношения.

5) Сочетание именительного предикативного с тавтологическим творительным усиления для выражения одного понятия:

Идол стал болван болваном. (Крыл.)
.. из гостей домой
пришла свинья-свиньей. (Крыл.)
Вот и с отцом с матерью живет, а сирота-сиротой. (Островск.)

6) Различные бесформенные слова, не подходящие ни под какую часть речи:

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница. (Лерм., «ничего» не является ни родительным, как в сочетании «он ничего не видит», ни наречием, как в сочетании «он поет ничего» в смысле «недурно».)

Да и голова у меня сегодня что-то не того-с. (Тург.)

Не-ет, с вами беда. Подальше от вас. Нет, вы, господа, ой-ой-ой. (Тург., «ой-ой-ой» здесь не междометие, так как не выражает чувства.)

... их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду еще не выходило слово из таких уст, а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто — ого-го. (Гог.)

... думала усовестить его, снисходительно доказывая, что долг долгу розь... (Пушк., существительное женского рода = разница, от которого остался только именительный падеж и только в предикативном употреблении, почему значение части речи крайне побледнело.)

Замечательна многозначность и расплывчатость русского слова «ничего». Мы различаем здесь: 1) наречие в см. «недурно»: «он работает ничего», «он поет ничего», в этом же смысле и предикативное наречие, см. прим. на стр. 317, 2) род. пад. от существительного «ничто»: «он ничего не ест», 3) бесформенный присвязочный член (прим. см. выше), 4) бесформенное сказуемое, сбивающееся, однако, все-таки на род. пад. от «ничто»: «Полюбил (он) ее, вижу. И она, заметно, ничего. Посватался, благословили». (Чех.), «Когда он болен, его раздражает музыка. Поди, спроси. Если он ничего, то сыграю»; здесь «ничего» скорее напоминает: «ничего не имеет против», «ничего не возражает», «ничего не делает против», чем какую бы то ни было характеристику подлежащего; еще более ясен родительный неполного предложения в одиночном «ничего!» в смысле «сойдет!», «успеется!» и т. д. (из «ничего плохого не случится»), 5) наречие в смысле «нисколько»: «Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия. Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно»... (Островск.), «Я вас давно знаю, вы ничего не изменились...» (Островск.), «Читаю и книжки, — отвечал Саша, — я люблю читать. — Сказки Андерсена?— Ничего не сказки, а всякие книги». (Ф. Сол.). Между 3-м и 4-м значением разница может быть уловлена часто только на основании очень большого контекста. Напр., во 2-м примере из Чехова «ничего» могло бы быть и присвязочным членом в смысле «он сегодня неплох, здоров сравнительно» (в этом смысле это слово может обозначать среднюю степень любого качества: «этот больной

очень плох, а тот ничего», «эта бумага очень жестка, а та ничего» и т. д.), но общий контекст «Дяди Вани» скорее располагает понимать это как «если он ничего не будет возражать», «если не будет ворчать». Или, напр., у Писемского в следующем сочетании из «Ипохондрика»: «Вы вот все говорили: маменька... Маменька, вот видите, ничего-с» слово «ничего» могло бы само по себе обозначать и неглагольный признак (если бы, напр., раньше говорилось, что маменька больна); но из контекста мы знаем, что дело было в том, как маменька отнесется к сватовству своего сына. Следовательно, здесь опять смысл «ничего не возражает». Слово «того», «того-с» уже абсолютно универсально и служит, в сущности, затычкой для говорящего, когда он затрудняется в выборе слова (говорят также «это», «этот», «этого», сравн. у Гоголя про Акакия Акакиевича).

Встречаются, вероятно, и иные бесформенные слова при связках, случайно не попавшие нам на глаза. Трудность определения части речи обусловлена здесь тем, что присвязочную функцию способны выполнять различные части речи. Когда бесформенное слово стоит на месте подлежащего или управляемого существительного, мы смело можем назвать его синтаксическим существительным (см. стр. 76 и след.), когда оно стоит при существительном как обозначение признака предмета, мы называем его прилагательным, когда оно стоит при полновесном глаголе, мы называем его наречием. Но когда оно при связке, мы не можем сделать выбора, потому что в данных синтаксических условиях встречаются все части речи (кроме собственно-глагола).

XIII. ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛИЧНЫЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Всю дорогу на кладбище мокрые трубы хрипели старинный вальс... (Николай Никитин, «Обояньские повести».)

С Тихоном монах был в чем-то несогласен... (М. Горький, «Дело Артамоновых».)

Как видно из примеров, словосочетания эти заключают в себе как самостоятельные части уже известные нам из предыдущих глав словосочетания («трубы хрипели», «монах был несогласен») и кроме того ряд других несамостоятельных словосочетаний («мокрые трубы», «хрипели старинный вальс», «хрипели вальс», «старинный вальс», «хрипели всю дорогу», «дорогу на кладбище» и т. д.). Таким образом кроме подлежащего и сказуемого в таких предложениях оказываются: 1) управляемые второстепенные члены (косвенные падежи существительных с предлогами и без них), 2) согласуемые второстепенные члены (непредикативные и несубстантивированные прилагательные), 3) примыкающие второстепенные члены (наречия, деепричастия, инфинитивы) *. «Второстепенность» всех этих членов следует понимать, разумеется, не в логическом и не в психологическом смысле (потому что в этом смысле важнейшим является слово, несущее на себе фразное ударение, а им может быть любое пол-

---

* В синтаксической литературе существуют особые термины для каждой из этих рубрик. Первая рубрика именуется «дополнением», вторая — «определением», в третьей наречие и деепричастие — «обстоятельством», относительно инфинитива же нет установившейся терминологии («второстепенное сказуемое», «дополнительный глагольный член»). Термины эти представляют известное удобство как сокращенные обозначения соответствующих понятий (кроме терминов для инфинитива, которые, наоборот, являются удлиненными обозначениями), но они представляют и большие неудобства, так как: 1) в школьных грамматиках они применялись до сих пор в совершенно ином смысле, 2) сами по себе они очень неудачны, 3) не будучи ничем иным, как сокращенными обозначениями установленных выше понятий, они внушают читателю мысль, что выражают какую-то другую сторону дела, помимо понятий второстепенного предмета, второстепенного (покоящегося) признака, признака признака и действия, отвлеченного от деятеля. Между тем никакой другой стороны здесь нет. В настоящей книге делается попытка обойтись совсем без этих добавочных терминов.

ное слово предложения, см. стр. 199), а в грамматическом, т. е. в смысле зависимости их (прямой или косвенной) от одного из членов основного словосочетания (подлежащего или сказуемого). Помимо факта зависимости тут важен еще самодовлеющий характер этого самого основного словосочетания и не самодовлеющий характер всех остальных словосочетаний распространенного предложения. Если бы дело было в одной зависимости членов друг от друга, то глагольное личное сказуемое тоже должно бы было быть признано второстепенным членом, так как оно зависит от подлежащего. Но дело тут не просто в зависимости, а в зависимости от членов словосочетания, отличающегося особой внутренней цельностью и самостоятельностью. Словосочетание это может обходиться без тех членов, которые называются «второстепенными» («трубы хрипели», «монах был несогласен»). Напротив, остальные словосочетания распространенного предложения не могут обходиться без подлежащего и сказуемого (в известных случаях просто без сказуемого), и если они фактически обходятся («Спокойной ночи!», «Карету мне!», «Полцарства за коня!» и т. д.), то это одна видимость, внешность: подлежащее и сказуемое, а в известных случаях одно сказуемое, невидимо присутствуют в этих словосочетаниях, мыслятся, подразумеваются, хотя всякая попытка словарно восполнить их («желаю спокойной ночи», «обещаю полцарства за коня») и производит впечатление неуместной конкретизации. Присутствие это чисто-грамматическое, т. е. подразумеваются не столько слова, сколько недостающая форма словосочетания: «именительный падеж + согласуемый с ним глагол» и другие разновидности этой формы (им. пад. + составное сказуемое, именительный, бытийный, самостоятельный инфинитив, безличный глагол). По этим формам словосочетания равняются все остальные формы, к ним пригоняются, от них сознаются зависящими, хотя бы и в их отсутствии, и в этом смысле все остальные члены словосочетаний и должны называться второстепенными.

Само собой разумеется, что комбинации сочетаний второстепенных членов друг с другом и с главными членами в распространенном предложении могут быть бесконечно разнообразны. Чтобы разобраться в этом разнообразии, удобнее всего разбивать распространенные предложения на двухсловные словосочетания («хрипели вальс», «старинный вальс»)

и т. д.) и объединять однородные двухсловные словосочетания в типы таких словосочетаний. Все дальнейшее описание и сведется у нас к систематическому обзору этих типов.

ТИП 1-й. Глагол+управляемое существительное (или субстантивированное прилагательное). Так как управление может осуществляться здесь двумя способами, одним только падежным аффиксом существительного или аффиксом+предлог, то тип этот разбивается на 2 подтипа, которые мы ниже и опишем отдельно. Но прежде чем перейти к расчлененному описанию, мы должны сказать несколько слов о тех сторонах этих словосочетаний, которые одинаково свойственны обоим подтипам.

Прежде всего зависимость падежа существительного от глагола (в одних случаях от его словарной стороны: «вижу что», «смотрю на что», «иду по чему», в других — от его формальной стороны: «просматриваю что», «надеюсь на что», «обхожусь без чего») проявляется одинаково в обоих видах словосочетаний. Правда, в предложных сочетаниях создается впечатление зависимости падежа существительного от предлога, так как в огромном большинстве случаев употребление того или иного предлога обусловливает употребление того или иного падежа (или, как говорят, всякий предлог требует какого-нибудь одного падежа, только пять предлогов: **в**, на, **о**, за и под требуют двух падежей, а два предлога: **с** и по — трех падежей), но дело в том, что сам-то предлог зависит от глагола, так что, напр., глагол «въехать» требует непременно предлога «в», глагол «отказаться» — предлога «от», глагол «подойти» — предлога «под» или «к» и т. д. Мало этого, в тех случаях, когда предлог способен сочетаться с двумя или тремя разными падежами, выбор падежа зависит опять-таки от глагола: «въехать» можно только во что, а «находиться» — только в чем, «лежать» можно только на чем, а «налечь» только на что и т. д. Таким образом управление падежом в обоих случаях исходит от глагола, только в одном случае глаголом определяется прямо падеж, а в другом случае глаголом определяется предлог, а уже предлогом — падеж. Вот почему в первом случае говорят о непосредственном, а во втором — о посредственном управлении: глагол здесь управляет падежом посредством предлога.

Далее, и в тех и в других сочетаниях мы одинаково различаем сильное и слабое управление. Под «сильным» управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь. Все предыдущие примеры были как раз примерами на сильное управление. Если «вижу» управляет винительным падежом и не может сочетаться с предлогом «на» («вижу что», но не «на что»), а «смотрю», наоборот, управляет преимущественно предлогом «на» («смотрю на что») и гораздо реже беспредложным винительным («смотрю картины» в смысле «осматриваю»), то это не случайно: «смотрю» обозначает процесс зрительного восприятия, а «вижу» — результат этого процесса (срвн. «слушаю» и «слышу», известно, что можно «смотреть» и не «видеть», «слушать» и не «слышать»). Вполне естественно, что название предмета, уже воспринятого зрительным процессом, уже вошедшего в сознание, ставится в непосредственную связь с глаголом («вижу что»), а название предмета, на который еще только направлен процесс, ставится в связь со словом, выражающим эту направленность («смотрю на что»), если же мы говорим «смотрю выставку», «смотрю картины», то вместе с беспредложными винительными сюда прокрадывается и результативное значение глагола: глагол уже обозначает здесь не чистый процесс (срвн. «глазею»), а процесс с результатом. Сравним, далее: «ем что», «врежу чему», «повреждаю что», «присматриваюсь к чему», «высматриваю что» и т. д. Во всех этих случаях между глаголом и падежом или предлогом с падежом оказывается необходимая связь (анализ которой здесь, конечно, по условиям места, не может быть проведен), и это сказывается в том, что нельзя сказать «ем чему», «присматриваюсь во что» и т. д. Теперь сравним со всеми этими сочетаниями сочетание: «умер 22 февраля». Есть ли здесь необходимая, внутренняя связь между родительным падежом выделенного существительного и значением глагола (вещественным или формальным)? Конечно, нет. Это сказывается в том, что на место «умер» можно подставить любой русский глагол, потому что всё решительно можно

проделать 22 февраля. Точно так же сочетание предлога с с творительным падежом хотя и может в известных случаях вступать во внутреннюю связь с глаголом («спорю с кем», «ссорюсь с кем», «мирюсь с кем»), но может и не вступать («стою с кем», «чихаю с кем», «умираю с кем» и т. д.), потому что нельзя себе представить такого действия, которое нельзя было бы проделывать, или состояния, которое нельзя было бы переживать совместно с кем-нибудь другим. Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно — всеобще, что оно приложимо к любому глаголу. Вот такую-то зависимость существительного или предлога от глагола мы и будем называть слабым управлением.

Слабо-управляемые члены распространенного предложения имеют некоторые особенности по сравнению с сильно-управляемыми, а именно:

1) Отнесение их к тому или иному слову часто зависит от порядка слов. В сочетании: «человек в белой шляпе пошел с нами» мы можем отнести сочетание «в белой шляпе» не только к глаголу, но в некоторых случаях и к слову «человек», так что сочетание это будет характеризовать данного человека; в сочетании же: «человек пошел с нами в белой шляпе» мы отнесем его уже только к глаголу. В сочетании: «жаркое из кролика уже приготовлено» мы объединим мысленно слова: «жаркое из кролика», а в сочетании: «жаркое уже приготовлено из кролика» — слова: «приготовлено из кролика». Так как слабо-управляемый член не связан прочно ни с каким определенным словом, то он и тяготеет всегда к ближайшему слову. Напротив, сильно-управляемый член никогда не теряет связи с тем словом, которым оно управляется, как бы далеко оно ни было отодвинуто от него. В сочетаниях: «пишу записку» и: «пишу тебе на ужасной бумаге, ужасным пером, которое мне едва удалось достать у твоего вечно заспанного, долго ничего не понимавшего сожителя, при полной почти темноте, потому что некогда дожидаться, пока он соблаговолит зажечь лампу, записку» зависимость слова «записку» от слова «пишу» одинаково ясна в обоих случаях.

2) Там, где порядок слов не дает прямых указаний, огромное значение приобретают вещественные значения слов

и обстановка речи, вообще неграмматические причины, которые не имеют никакого значения при сильном управлении. Так, в предложении: «ешь пирог с грибами» мы отнесем сочетание «с грибами» к слову «пирог», а в предложении: «ешь блины с икрой» отнесем такое же сочетание «с икрой» к сказуемому «ешь». И это, конечно, не по грамматическим причинам, а только потому, что грибы — в пироге, а икра — на поверхности блина.

3) Слабо-управляемые члены, вследствие все той же слабости сцепления своего с другими словами, легко отрываются от других слов и переходят в разряд обособленных членов предложения (см. далее гл. XXVI), чего с сильно-управляемыми никогда не бывает.

4) Слабо-управляемые члены часто бывают сцеплены не с отдельными словами, а с целыми словосочетаниями, напр.: «Чтоб ты мне не смела высовываться из двери, пока я не приду!», «Чтоб ты мне вела себя прилично!» (приказания матери ребенку, записанные нами дословно), где дательный падеж невозможно понимать как зависящий исключительно от глаголов «смела» и «вела».

5) Слабое управление создает иногда прямую двусмысленность словосочетания, разрешаемую только вещественными условиями и контекстом. Так, сочетания: «я знал его ребенком», «я видел его ребенком» одинаково могут обозначать и то, что я в то время был ребенком, и то, что он в то время был ребенком.

С другой стороны, в области сильного управления можно различать разные степени силы, т. е. разные степени той необходимости связи между падежом (или предлогом с падежом) и глаголом, которую мы нашли в сильном управлении. Так, напр., между глаголом «лежать» и предлогом «на» с предложным или местным падежом («лежать на кровати», «на полу») известная связь несомненно есть (срвн. «пить чай на кровати», «разговаривать на кровати» и т. д., где связи уже никакой нет), но она ничтожна по сравнению с такими случаями, как «настаивать водку на апельсине», «настаивать на своих правах». В первом случае глагол по своему значению (определенное положение в пространстве) связан с целым рядом предлогов и падежей с пространственным значением (лежать на чем, в чем, при чем, у чего, под чем, за чем и т. д.), и с тем же рядом связан всякий глагол, обозначающий то или иное положе-

ние в пространстве (стоять, висеть, торчать, выситься, сидеть и др.). Во втором случае мы имеем индивидуальное сцепление именно данного глагола с данными предлогом и падежом, при чем никакой другой предлог или падеж в порядке сильного управления здесь невозможен (в порядке слабого управления, понятно, известные падежи и предлоги могут быть при каждом глаголе, так как в этом сущность слабого управления: можно «настаивать на своих правах» на кровати, 22 февраля, с товарищем, в детстве и т. д.). В одном случае перед нами минимум необходимой связи, в другом — максимум. И между полным отсутствием ее («слабое» управление) и максимальным присутствием столько же промежуточных пунктов, сколько точек в линии. Язык и тут «не делает скачков».

Явление сильного и слабого управления по отношению к глаголам создает деление их на переходные и непереходные. Переходными мы называем глаголы, способные в той или иной мере к сильному управлению (примеры см. выше), а непереходными — неспособные к нему (жить, умирать, расти, чихать, кашлять, потеть и т. д.). В зависимости от того, управляет глагол падежом или предлогом с падежом можно различать непосредственно-переходные и посредственно-переходные глаголы. Непосредственно-переходные глаголы могут, далее, делиться на более мелкие разряды в зависимости от того, каким именно падежом они управляют. Одни управляют родительным падежом (боюсь, опасаюсь, пугаюсь, слушаюсь, стыжусь и др.), другие — дательным (даю, дарю, угождаю, нравлюсь и др.), и так далее. Многие глаголы принадлежат одновременно к двум из этих разрядов, так как управляют за раз двумя падежами (двойное управление): даю кому что, запрещаю кому что, предпочитаю чему что, желаю кому чего, лишаю кого чего, угождаю кому чем и т. д. Некоторые глаголы соединяют при этом непосредственное управление с посредственным: завидую кому в чем, мщу кому за что, разочаровываю кого в чем и т. д. Наконец, некоторые глаголы управляют в разных случаях разными падежами (двоякое управление) с соответствующим изменением падежного значения: «ищу место» (определенное, заранее намеченное) и «ищу места» (какого-нибудь), «прошу деньги» (ранее данные взаймы или вообще, о которых раньше

условились) и «прошу денег» (с оттенком неопределенности, без предварительного уговора) и т. д. Глаголы, управляющие винительным падежом, теснее связаны со своим падежом, чем все другие глаголы, потому что этот падеж возможен только при глаголе и глагольном слове, а все другие падежи возможны и при глаголе и при имени. В то время как все другие падежи при замене глагола отглагольным существительным или прилагательным остаются без изменения («достигаю берега» и «достижение берега», «угождаю отцу» и «угождение отцу», «угодный отцу», «шью иглой» и «шитье иглой» и т. д.), винительный падеж переходит при этом обязательно в родительный («запрещаю прогулку» и «запрещение прогулки», «шью шубу» и «шитье шубы») или в сочетание к+дательный («люблю отца» и «любовь к отцу», «презираю врага» и «презренье к врагу»), почему и получается, что при существительном и прилагательном винительный абсолютно невозможен *. А этим создается более тесная связь между винительным и управляющими им глаголами. В предыдущем, когда нам надо было выделить силу синтаксического сцепления при управлении, мы пользовались именно этими глаголами, как наиболее показательными (см. пример на стр. 332). Так как под «переходностью» мы условились понимать именно эту способность глагола вступать в тесную связь со своим управляемым падежом, то, очевидно, эти глаголы являются «переходными» по преимуществу, почему их и следует выделить в особый разряд **собственно-переходных** глаголов. Собственно-переходные глаголы составляют особую группу, резко отделяющуюся некоторыми чертами от других переходных глаголов. Так, они: 1) не могут быть возвратными; нет ни одного возвратного глагола, который сочетался бы с винительным падежом без предлога в порядке сильного управления, 2) могут обозначать только действие как в аффиксах спряжения, так и в основе; нет ни одного глагола, обозначающего в основе состояние, который был бы собственно-переходным, 3) обладают исключительной способностью образования возвратного залога со страдательным значением, а также страда-

* Такие выражения, как «реклама, шум, фейерверк, закидыванье танками воюющую с нами Европу...» («Русск. вед.», 1914, г., № 226, «экстренное приложение») — кажутся нам совершенно случайными и противоречащими духу живого языка.

тельных причастий (см. стр. 136); все другие глаголы на это неспособны.

Категория переходности и непереходности глаголов имеет обратное значение по отношению к категории возвратности и невозвратности (в широком смысле этих слов). Мы видели, что самое общее значение нашего возвратного залога сводится к тому, что им устанавливается особая связь между процессом и его производителем помимо связи самого «производства» процесса, и что эта связь устанавливается за счет связи с тем предметом, который испытывает на себе воздействие процесса (с «объектом»). Стало быть чем меньше связи с объектом и чем больше связи с субъектом, тем больше возвратность. А чем больше связи с объектом и чем меньше связи с субъектом, тем больше переходность. Ясно, что это категории взаимно-обратные: то, что для одной отрицательно, то для другой положительно, и обратно. Это как бы две стороны одной и той же категории. Этим и объясняется, что обе они объединяются в том, что в школе называется «залогом». Что касается того, что внешние средства выражения у обеих категорий совершенно различны (у одной исключительно форма слова, у другой исключительно формы словосочетаний), то в настоящее время, приравнивая синтаксические и морфологические средства языка полностью друг к другу, мы не склонны придавать этому большого значения.

Так как собственно-глагол, причастие, деепричастие и инфинитив в отношении управления абсолютно тождественны (см. стр. 152 и след.), то нет никакого смысла строить из этих 4-х случаев при описании 4 различных рубрики. Поэтому в нижеследующем описании слово «глагол» будет пониматься в широком смысле слова (см. там же).

Переходя от управляющего глагола к управляемому падежу, мы должны напомнить читателю, что под отдельным падежом существительного мы понимаем ряд форм, объединенный комплексом разнородных, но одинаково повторяющихся в каждой из этих форм значений и имеющий хотя бы в части этих форм собственную звуковую характеристику (см. стр. 29). Соответственно мы признаем в современном русском пять главных управляемых падежей (родительный, дательный, винительный, творительный и предложный) и два добавочных (количественный: «сыру — колбасы — соли — сыров — колбас — солей» и местный: в лесу́ — в воде — в грязи́ — в лесах, водах, грязях). Добавочными мы называем последние два падежа потому, что формы, составляющие звуковую характеристику этих падежей, образуются от сравнительно немногих основ, от большинства же основ употребляются в значении количественного падежа формы родительного падежа (хле́ба — колбасы—соли и т. д.), а в значении местного падежа—формы пред-

ложного падежа (в столе — в воде — в лошади и т. д.). Некоторые падежи имеют собственную звуковую характеристику только в одной из составляющих их форм. Таковы: количественный падеж, отличающийся от родительного только формой на -у от слов мужского рода («сыру», но «масла», «воды» и т. д. в том же значении), и винительный падеж, отличающийся от именительного и родительного только формой на -у в единственном числе от слов женского рода на -а («воду», но «стол», «человека», «окно», «мать», «кровать», «столы», «людей», «óкна», «матерей», «кровати»).

Впрочем, осознание винительного падежа поддерживается не только этой единственной формой, но и двойственностью ее замены, т. е. тем, что в одних и тех же сочетаниях типа: «я вижу сестру» встречается на месте винительного падежа то форма именительного, то форма родительного падежей. Это постоянное колебание между двумя заменительными формами как бы подчеркивает для нас их заменительность, напоминает, что обе они здесь не на своем месте. Самый выбор заменительных форм здесь тоже в высшей степени интересен и своеобразен: он стоит в связи с так называемой «одушевленностью» или «неодушевленностью» предмета, т. е. с тем, свойственно предмету произвольное движение или несвойственно; в первом случае заменительной формой служит форма родительного, во втором —именительного («я вижу брата» и «я вижу стол», «братьев» и «столы», «сестер» и «метлы», «матерей» и «кости»). Исключение составляет только единственное число слов женского рода на ь, где заменительная форма всегда есть форма именительного (я вижу мать, дочь, свекровь, лошадь лань, рысь, вышь и т. д.). Но так как таких слов со значением одушевленных предметов крайне мало, то это не может изменить того замечательного факта, что в русском языке (а в той или иной степени и во всех славянских языках) существуют особые категории одушевленности и неодушевленности, и что русский человек в своем грамматическом мышлении все предметы мира делит на эти два разряда. Небезынтересно отметить и тут разницу между грамматическим и логическим мышлением. Деля всю природу на одушевленную и неодушевленную, мы на каждом шагу грамматически относим к неодушевленному миру то, что логически отнесли бы к одушевленному, и наоборот. Мы говорим, напр., с одной стороны: «смотреть на Марса», «на Юпитера», «свергнуть идолов», «загнать шара в лузу», «найти гриба», «опираться на бронзового льва», «вылепить двуглавого орла», «схватил ближайшего к нему замкового нумера» (т. е. ближайшего солдата, из приказа начальника артиллерийского управления «Русск. вед.», 1916 г., № 56), «синее море... качает белых барашков» (Б. Зайцев, «Дальний край»), а с другой стороны: «увидеть народ», «разбить войско», «смотреть полки», «верить в божество», «превратиться в чудовище», «нанять подмастерье», «выйти в люди», «поступить в офицеры», «понапрасно ты кутала в соболь соловьиное горло свое» (Некрас.) и т. д. Одни из этих «исключений» объясняются исторически, как архаизмы, так как здесь форма родительного падежа, сравнительно недавно взявшая на себя в славянских языках эту заменительную роль, еще не успела, по тем или иным причинам

вытеснить именительно-винительную форму («увидеть народ», «верить в божество», «поступить в офицеры»), другие — психологически, как намеренное о ж и в л е н и е предмета («загнать шара», «найти гриба») или как колебание в понимании слова вследствие двойственности его значения («смотреть на Марса», «вылепить орла», «качает барашков» «кутала в соболь»).

При установлении отдельных значений одного и того же падежа мы будем руководствоваться следующим методологическим принципом: не устанавливать больше значений, чем сколько это н е о б х о д и м о для объяснения того или иного факта. Так как значения падежей теснейшим образом связаны с вещественными значениями и управляющих слов и управляемых (см. стр. 51), то исследователь подвергается соблазну наделать здесь столько рубрик, сколько их можно установить для вещественных значений одного из сочетаемых элементов и другого, прибавив еще рубрики, образуемые комбинациями тех и других случаев. Так, установив, положим, значение о р у д н о с т и для творительного падежа в сочетаниях «рубить топором», «пилить пилой» и т. д., он может усмотреть новое значение в сочетаниях «схватывать мыслью», «чуять сердцем», «понимать умом», так как здесь и само «орудие» и обращение с ним совершенно иные, и опять-таки новое в сочетаниях: «действовать подкупом», «добиваться чего силой, терпеньем», «очаровывать кого остроумием» и т. д. В первом случае можно было бы говорить о творительном «умственного орудия», во втором — о творительном «средства». Мы сознательно отказываемся от этого пути, так как считаем его методологически нецелесообразным. Ведь на этом пути н е т п р е д е л а для дробления значений (напр., можно было бы различать «умственное» и «чувственное» орудие, средства физические, экономические, социальные и т. д., и т. д.), а в то же время все это совершенно не нужно, так как все эти факты прекрасно объясняются одним о р у д н ы м значением творительного, которое, к а к в с я к о е я з ы к о в о е з н а ч е н и е, может быть более или менее конкретным или отвлеченным. Совсем другое дело сочетание, положим, «лететь в е р е н и ц е й», где орудное значение уже совершенно неприменимо (летят крыльями или моторами, а не вереницей), и где и мы признаем особое значение. Но, напр., между «петь хором» и «лететь вереницей» мы не найдем в отношении значения творительного падежа никакого различия, несмотря на полное различие вещественных значений в обоих компонентах. Таким образом мы будем

стремиться не к индивидуализации значений в угоду словарю, а к обобщению их, памятуя, что хотя соотношения между формальными и вещественными значениями и должны быть анализируемы грамматистом, однако самый анализ этот предполагает отделение изучаемых соотносящихся величин, а при таком отделении грамматические значения неминуемо должны оказаться общими по самому существу грамматики.

После всех этих предварительных замечаний мы можем перейти и к самому описанию данных форм словосочетаний, которое, по условиям места, к сожалению, сведется к беглому и сухому перечню относящихся сюда случаев, вдобавок еще во второй своей части (именно в предложных сочетаниях) и неполному, так как эти случаи отличаются особенно большим разнообразием.

Подтип 1-й. **Беспредложные** сочетания. **Винительный** падеж.

а) Винительный внешнего объекта:

> Возьмет он руку, к сердцу жмет,
> из глубины души вздохнет... (Гриб.)
>
> Ты знаешь край, где все обильем дышит... (А. Толст.)

Значение винительного в этих словосочетаниях издавна принято определять как название предмета, на который непосредственно переходит действие, выраженное в глаголе (отсюда и термин «переходные» глаголы, применяемый многими только к глаголам этого рода словосочетаний, и наш термин «собственно-переходные»). И хотя это определение буквально подходит только к тем случаям, где выражено физическое воздействие на предмет (бить, брать, дергать, тянуть, везти, вести, трясти, одевать, покрывать и т. д.), однако лучшего определения для этой группы нет, да и не нужно. Все дело тут, как и вообще в грамматике, в образе. Как «чернота» есть образный предмет, «белеет» — образное действие, «кусается» — образная возвратность, «скажет» — образная мгновенность и т. д., так в «я знаю арифметику», «я люблю отца», «я утоляю жажду» выражен образный переход действия на предмет, который, кстати, тут тоже часто бывает образным («арифметика», «жажда»). И то, чем сочетания «бью собаку» и «люблю отца» грамматически сходны, заключается только в этом значении «перехода» и не в чем ином.

б) Винит. результата:

А дуги гнут с терпеньем и не вдруг... (Крыл.)
Беда, коль пироги пачнет печи сапожник,
а сапоги тачать пирожник... (Крыл.)

Здесь, конечно, имеется тот же переход действия на объект, но особенностью этих словосочетаний является некоторая иррациональность названия объекта по отношению к действию. Собственно говоря, гнут не дуги, а дерево, которое по мере воздействия на него, обозначенного в слове «гнуть», делается «дугой», пекут не пироги, а тесто с начинкой, которые по испечении делаются «пирогами» и т. д. Таким образом здесь скрывается очень древняя (еще пра-индо-европейская) метонимия. В грамматическом же отношении здесь к значению перехода присоединяется значение создания того предмета, на который переходит действие; самый переход может здесь осуществляться только по мере создания предмета. Срвн. еще: «строить дом», «шить платье», «рыть канаву» и т. д.

в) Винит. содержания:

Надо, господа, дело делать! Надо дело делать! (Чехов, репл. профессора в «Дяде Ване».)

Не шутку шутить, не людей смешить
к тебе вышел я теперь, бусурманский сын! (Лерм.)

Срвн. также: песни петь, думу думать, клич кликать, век вековать, горе горевать, а также и не тавтологические: говорить речь, говорить слово, обдумывать план, играть свадьбу, танцовать польку и т. д. Все, что сказано о предыдущем разделе, относится и сюда, и разница тут только в том, что там имеется оттенок результата, так как действие оставляет за собой материальные следы (дуга, пирог, дом и т. д.), здесь же предмет существует только во время самого действия: «дело» возникает во время «деланья» и прекращается вместе с ним, «песня» — во время «пения» и т. д. (некоторые из этих сочетаний, впрочем, могут сознаваться и в плане значения «а», если имеется в виду тот или иной установившийся образец действия, напр., петь такой-то романс, танцовать такой-то модный танец; здесь самый шаблон действия представляется внешним объектом). Обе последние рубрики объединяются обычно в рубрику «винительного внутреннего объекта» в противоположность «винительному внешнего объекта» (рубр. «а»). А все три вместе могут и должны

быть объединены в рубрику сильно-управляемого винительного (другие названия: «прямой винительный», «прямой объект», «прямое дополнение»), в отличие от всех следующих случаев. Значение непосредственного перехода действия на объект равно свойственно всем трем, почему и глаголы этих сочетаний во всех 3-х случаях являются собственно-переходными, и все 3 случая равно допускают страдательный оборот: «рука берется», «дом строится», «дело делается»; если некоторые обороты рубрики «в», как «горе горевать», «век вековать», и кажутся непереводимыми в страдательный залог, то только потому, что мы имеем тут цельные, застывшие, шаблонные сочетания, вообще с трудом модифицируемые, поскольку же мы будем их синтаксически членить и соответственно ассоциировать с остальными, сочетания «горе горюется», «век векуется» представятся нам вполне нормальными.

г) Винительный времени:

α) Так играли они и лето и зиму, весну и осень. (Л. Андр.)

Я без души
лето целое все пела. (Крыл.)

β) Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели. (Лерм.)

Срвн. также: «сию минуту», «сию секунду», «этот раз», «прошлый раз» и перешедшие уже в наречия «сейчас», «вечор».

В первой из этих подрубрик винительный обозначает, что весь период времени, названный в существительном, заполнен действием, названным в глаголе, во второй — что только одна определенная часть этого периода заполнена им. В первом значении винительный этот употребляется нередко (особенно со словами «весь», «целый»), во втором — он доживает свои последние дни, сменяясь наречиями, творительным времени («нынешней ночью»), винительным с предлогом **в** («**в** тот год осенняя погода стояла долго на дворе», Пушк., в просторечии еще и теперь говорят иногда в этом смысле без предлога: «тот год»). Только с прилагательным «каждый» утвердился в этом смысле винительный без предлога: «каждую ночь, я просыпаюсь в 2 часа», «каждый день он купается».

д) Винительный места:

α) винит. протяжения:

Всю дорогу на кладбище мокрые трубы хрипели старинный вальс... (см. стр. 328).

Срвн. также: «шел версту», «шел пять верст», «ров был пять верст длиной», «тысячу шагов шириной» (в последнем случае винительный предикативен).

β) винит. пункта:

Домишко старенький край города стоял. (Крыл.)

Значения той и другой подрубрики совершенно параллельны временны́м (с которыми частично и смешиваются: «хрипели всю дорогу» едва ли не значит «во время всей дороги», а не «на протяжении всей дороги») и кроме того указаны в названиях. Вторая подрубрика совершенно устарела.

е) Винительный количества:

Книга стоит рубль. Я был у него пять раз, тысячу раз и т. д. Двадцать раз я тебе говорил!

Круг употребления этого винительного крайне ограничен (кажется, только при «стоить» и в сочетаниях с «раз»). Впрочем, такие случаи, как «шел пять верст», «сидел два часа», можно рассматривать как количественно-временно́е и количественно-местное значение. Все три последние рубрики должны быть объединены в одну слабо-управляемую, или непереходную рубрику. Дело в том, что здесь винительные только обозначают время, место и количество проявления глагольного признака, но отнюдь не обозначают предмета, на который переходит действие. Это ясно из того, что: 1) они употребляются одинаково и при переходных и при непереходных глаголах (не только «пел ночь», но и «лежал ночь», «спал ночь» и т. д.), а некоторые из них даже только при непереходных («стоил рубль»), 2) когда они стоят при переходном глаголе, при нем же возможен и винительный объекта («пел песню всю ночь»), 3) при переводе в страдательный оборот только этот объектный винительный может попасть в подлежащее, а отнюдь не слабо-управляемый («песня пелась всю ночь», но не «вся ночь пелась»). Правда, при прибавлении к глаголу префиксов **про-**, **вы-** становится возможен и страдательный оборот с временны́м, местным и количественным подлежащим: прошел версту — пройдена верста, проспал день — про́спан день, вышагал версту — вышагана верста, но именно поскольку он возможен, постольку мы относим эти случаи к винительному объекта (случайно временно́го, местного и количественного), а не к винительным времени, места и количества.

Оттенок, вносимый префиксом, как раз и создает здесь переход действия на предмет. Что касается выражения «век вековать», где переход осуществляется и без префикса, то выражение это, поскольку оно членится, ассоциируется, как мы уже видели, с «думу думать», «шутки шутить» и т. д., а не с «век работать», «век гнуть спину» и т. д. В последних случаях «век» приближается к наречию «вечно» («вечно работать» и т. д.), тогда как «вечно вековать» звучит абсурдом; тут «гнется спина», а не «век», «работается работа», а не «век», тогда как там «векуется» именно «век». Таким образом хотя последние 3 рубрики и прикованы словарно исключительно к названиям мер времени и места и к счетным словам, однако дело тут не только в этих значениях, а и в характере отношения их к глаголу.

Родительный падеж.

а) Родительный удаления при глаголах: избегать, бежать (устарело в этой конструкции), убегать (тоже), сторониться, удаляться (тоже), чуждаться, отвращаться (устарелое), лишать, лишаться, бояться, пугаться, робеть, страшиться, трусить, трепетать, стыдиться, краснеть, конфузиться, стесняться, дичиться и др.:

... она... избегала его разговора. (Лерм.)

Одна лишь я любви до смерти трушу. (Гриб.)

Значение — предмет, от которого направлено движение, выраженное (реально или потенциально) в глагольной основе. Заменяется в настоящее время во многих случаях предложными конструкциями («бежать от чего», хотя у Пушкина еще очень часто «бежать чего»: «бежал он их беседы шумной», «ты ласк моих бежишь» и т. д., точно так же «удаляться от чего», «отвращаться от чего»).

б) Родительный при собственно-переходном глаголе, имеющем при себе отрицание:

Я не люблю насмешливости модной... (Некр.)

Каково бы ни было происхождение этого родительного (одни возводят его к родительному удаления, другие — к родительному количественному, см. ниже), по современному своему значению он ближе всего к предыдущему, так как зависит от цельного восприятия глагола вместе с его отрицанием, так что получается

сходство между, положим, «не люблю» и «сторонюсь», «избегаю» и т. д. Это видно из того, что при отделении глагола от отрицания вставочным словом или словами (причем отрицание уже и внутренно перестает относиться к глаголу, а относится к вставке) этот родительный становится невозможен: нельзя сказать: «я не очень-то люблю насмешливости», «я не часто пишу письмà» (срвн. «я не пишу письмà»), «я не каждый день чищу зубов» (срвн. «я не чищу зубов каждый день») и т. д. Впрочем, значение этого родительного в настоящее время крайне побледнело вследствие полного смешения его с винительным. Хотя школьная грамматика и узаконивает при отрицании только один родительный, но это не соответствует современному употреблению. Уже у Пушкина мы нашли несколько десятков случаев употребления винительного в этих сочетаниях («галоп не прыгаешь в собраньи», «и не услышат песнь обиды», «если б ус не пробивала уж лихая седина» и т. д.), в настоящее же время винительный здесь совершенно обычен, и в употреблении его мы не можем уловить никакой разницы между ним и родительным. Еще более эти падежи смешиваются, когда они зависят не от глагола с отрицанием, а от инфинитива, который сам зависит от глагола с отрицанием («не хочу покупать бумаги» и «не хочу покупать бумагу», «не надеюсь получить жалованья» и т. д.); в этом случае винительный, кажется, даже преобладает. Хотя в памятниках употребляется при отрицании исключительно родительный, однако сомнительно, чтобы живой язык мог провести когда-либо такое исключительное употребление: ведь при постановке существительного перед глаголом говорящий может не держать еще в уме при произнесении существительного глагола с отрицанием, и тогда падеж неизбежно будет винительный («эту бумагу... я не возьму»). По всей вероятности оба падежа употреблялись здесь первоначально в разных значениях (винительный — в своем обычном, а родительный — либо в количественном, либо в отделительном, смотря по происхождению) и только впоследствии смешались в употреблении. Во всяком случае и сейчас этот родительный строго соотносителен с винительным объекта в утвердительных оборотах: «пел песню всю ночь» — «не пел песни всю ночь», а никак не «всей ночи», т. е. только винительный объекта переходит при отрицании в родительный, а не винительный времени, места и количества (впрочем, возможно:

«не сидел дня», «не сидел пяти часов» по аналогии с переходными случаями, причем родительный уже вызывает представление о переходности глагола; «книга не стоит рубля» может объясняться иначе, см. ниже родительный «цены»).

в) Родительный цели при глаголах: ждать, желать, искать, домогаться, добиваться, достигать, надеяться, жаждать, хотеть, требовать, просить, чаять, спрашивать (в смысле требования или просьбы), клянчить, выпрашивать, выспрашивать, вымаливать и др.

Комендант, раненый в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. (Пушк.)

Я видел все, всего достиг. (Брюс.)

Значение этого родительного прямо противоположно значению родительного удаления: он обозначает предмет, на который или к которому направлено действие. Так как, однако, значение это однородно со значением винительного падежа («предмет, на который переходит действие»), то различие между тем и другим, поскольку оно еще сознается у нас (а надо заметить, что оба падежа уже издавна стали здесь смешиваться, так что уже у Пушкина находим: «и неизбежную разлуку в уныньи робком ожидать», у Лермонтова: «я цель свою достиг» и т. д., в настоящее же время они уже безнадежно спутаны, срвн. «что ты хочешь?», «чего ты хочешь?» и т. д.), выяснится лишь из ближайшей рубрики, к которой данная всецело примыкает.

г) Родительный количественный, или разделительный:

... и сердце жгучих ласк вкусило,
и ум речей мудрее книг. (Брюс.).

Дай вам бог здоровья и генеральский чин. (Тург.)

Дай шаечки, когда вымоешься. (Помяловский.)

Я из него отбивных котлет изготовлю. (Островск.)

... я подавал ей в постель что-нибудь, например, ростбифа... (Чех.)

Родительный этот обозначает, что предмет не во всем объеме или не все время подвергается действию, выраженному в глаголе. Поэтому он называется также родительным неполного объективирования. Иногда эта неполнота выражается, повидимому, даже не в раздели-

тельности (объемной или временнóй), а в том, что самый факт перехода действия на предмет возбуждает сомнения, напр.:

Заклад! А где мне взять заклада, дьявол? (Пушк.)

и этим данные словосочетания соприкасаются с рубр. «б» (род. при отрицании). Значение, указанное выше, выступает в этих сочетаниях тем яснее, что падеж здесь не связан с определенным разрядом глаголов, а может вообще употребляться при очень многих собственно-переходных глаголах наравне с винительным, но со специальным разделительным значением (брать, взять, купить, продать, доставать, запасать, жалеть, беречь, прятать, носить, возить, присылать, складывать, копить, собирать и т. д. что и чего). Впрочем, некоторые префиксы по самому своему значению обусловливают преимущественное употребление родительного (попить, поесть, почитать, послушать, посмотреть и т. д. чаще чего, чем что), а некоторые даже исключительно связаны с родительным (наесться, напиться, начитаться, насмотреться, наговориться, наговорить, накупить и т. д. только чего, «наесться что» нельзя, в сочетт. «наговорить граммофонную пластинку», «напеть мелодию» префикс имеет, конечно, совершенно иные значения). В тех случаях, когда возможны оба падежа, винительный, по сравнению с родительным, приобретает добавочный оттенок определенности, выражаемый во многих языках определенным членом, срвн.: «просить денег» и «просить деньги» (о которых уже что-то известно), «купить хлеба» и «купить хлеб» и т. д.

д) Родительный цены при глаголах «стоить», «заслуживать» (но не «заслужить», сюда же и родительный при прилагательном «достойный»):

... Марья Алексевна молчала, — а чего ей это стоило? (Чернышевский.)

Этот поцелуй, Юлия Павловна, дорого стоит. (Островск.)

Я от души тебе желаю, ты стоишь счастья... (Чех.)

Этот ребенок заслуживает награды (но при «заслужил» только винительный).

е) Родительный предикативный — см. стр. 289 и 317.

ж) Родительный даты:

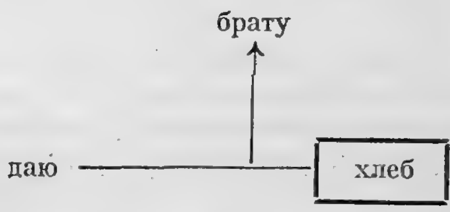
Пушкин умер 1837 года, января 29 дня. (Жук.)

Еще недавно этот родительный имел более широкое употребление. Говорили «вчерашнего дня» («вчерашнего дня случилась за городом драка», Гог., сравн. наречие «третьего дня»), «прошлого года», но в настоящее время все иные временные обозначения кроме даты обслуживаются творительным времени (см. ниже) и главным образом предложными сочетаниями.

з) Затрудняемся поместить в какую-либо рубрику родительный при глаголах: касаться, держаться, придерживаться (для этих т р е х можно было бы говорить о родительном к р а я, или г р а н и ц ы), слушаться и слушать (в том же смысле) к о г о («слушаться м а т е р и»), спрашиваться к о г о.

Дательный падеж.

Этот падеж гораздо более целостен по своим значениям, чем все остальные. В сущности, он имеет только одно значение, именно то, которое принято называть значением д а л ь н е й ш е г о о б ъ е к т а, или к о с в е н н о г о объекта (можно и «п о б о ч н о г о» объекта). Это значение выступает ясно т о л ь к о п р и т е х г л а г о л а х, которые одновременно управляют и в и н и т е л ь н ы м (давать кому что, говорить кому что, делать кому что и т. д.). В самом деле, в сочет., напр., «даю брату хлеб» действие направлено н а д в а предмета одновременно, на хлеб и на брата. Но на хлеб оно не только н а п р а в л е н о, но и д о с т и г а е т н е п о с р е д с т в е н н о этого предмета, охватывает его, двигает его, владеет им, тогда как брат непосредственно действием не задевается; это именно только адресат, только пункт, куда н а п р а в л е н о действие. Еще более ясна эта разница в «п о с ы л а ю ему деньги», «варю тебе суп», «стелю вам постель», «чищу кому сапоги» и т. д. (в сочет. «обещаю тебе деньги», «объясняю ему урок» и т. д. обращение с предметом, выраженным винительным падежом, заключает в себе о б р а з н о е воздействие на предмет, см. стр. 339). Схематически это соотношение может быть выражено так:

Если же сопоставить дательный с родительным неполного объективирования, то так:

В тех случаях, когда глагол требует только дательного (льстить, мстить, завидовать, улыбаться, кланяться и др., см. ниже), это значение, естественно, бледнеет, так как само по себе пребывание объекта на некотором расстоянии от деятеля не препятствует образному сближению его с деятелем (срвн. «люблю отца» и т. д.). Поэтому такие случаи, как «грожу ему» и «ругаю его», выхваченные из своих синтаксических рядов, могут казаться однородными, и может даже казаться, что «ругаю» еще менее требует физического общения, чем «грожу» (ругать можно, не обращаясь к адресату, а грозить нельзя). Но это опять будет уклонение из мира форм в мир вещественности. Показательно то, что нет ни одного глагола, требующего дательного падежа, значение которого было бы необходимо связано с физическим воздействием на предмет или хотя бы с прикосновением к нему (при «давании» адресата должна коснуться вещь, которую дают, а не сам дающий, в «давать пощечину» касание обусловлено смыслом существительного, а не глагола), тогда как при управлении винительным или родительным падежами это на каждом шагу (касаюсь, бью, шевелю, трогаю, щиплю, глажу, двигаю, ерошу, толкаю и т. д. и т. д.). Это и дает основные значения голой направленности действия для дательного падежа и направленности с достижением и даже с физическим воздействием (полным или неполным) для винительного и родительного (в части его значений). А последнее значение может, наслаиваясь на иное содержание, переходить, в общем порядке, в чистый образ.

Таким образом употребление дательного может быть разделено не по значениям (значение у него одно, только иной раз оно редуцируется синтаксическими условиями до неуловимости), а по конструкциям, в которые он вступает, и поскольку дело идет здесь о личных глагольных предложениях

(дательный в инфинитивных и безличных предложениях см. в соответств. главах), таких групп только две:

1) дательный, связанный с глаголом специальным его управлением. Сюда относятся глаголы: вредить, угождать, потакать, льстить, кадить, грозить, угрожать, мстить, прощать, помогать, позволять, запрещать, препятствовать, удивляться, завидовать, радоваться, смеяться, улыбаться, молиться, кланяться, служить, прислуживаться, внимать, мешать, давать, посылать, говорить, шептать, намекать, кричать, сообщать, писать, учить (чему), поучать, наставлять, удовлетворять, предпочитать (что чему, кого кому), являть, показывать, доказывать, напоминать, советовать, отвечать, завещать, оставлять, подражать, уподоблять(ся) и др. Этот дательный можно назвать «сильно-управляемым».

2) Дательный, случайно вступающий в связь с глаголом (в конце концов каждое действие и состояние, поскольку последнее регулируется сознанием, можно адресовать кому-либо) и, по большей части, зависящий не от одного глагола, а от целого словосочетания, иной раз многословного:

Наш витязь старцу пал к ногам... (Пушк.)
... схватив ей руку, говорит... (Пушк.)
...Ростов сердился, когда ему шутили о княжне Болконской. (Л. Толст.)

Срвн. также примеры на стр. 333. Это — «слабо-управляемый» дательный, и он как раз и выражает наиболее ярко значение этого падежа.

Примечание. На почве этого дательного развилась составная форма возвратного залога («тут каждый стих глядит себе героем», «ее бранят — она себе молчит», Пушк.), см. стр. 45.

Творительный падеж. Здесь опять встречаем ряд частью однородных (и переходящих друг в друга), частью совершенно разнородных значений:

а) Творительный орудия (в широком смысле слова):

Пелагея ткнула его кулаком в бок. (Гонч.).
... и сели на лужок под липки
пленять своим искусством свет. (Крыл.)

Интересно отметить этот творительный в таких сочетаниях, где логически был бы более уместен винительный прямого объекта: бросать камнями, махать руками, брызгать водой, дышать

злобой, пышать огнем, здоровьем, плакать горькими слезами, пахнуть (и пахну́ть) вином, ароматами и т. д. В некоторых из этих случаев возможны оба падежа как стилистические синонимы («швырять камни» и «швырять камнями»). Первоначальным падежом является здесь винительный, а творительный — особенность славянских языков.

б) Творит. действующего лица в страдательных оборотах:

Чины людьми даются,
а люди могут обмануться. (Гриб.)

Значение это однородно с предыдущим, но что особый оттенок тут все-таки есть, мы заключаем из того, что употребление названий лиц в смысле простого орудия производит особое, отличное от данных оборотов впечатление, напр.:

Необходимо было осветить это дело лицом, солидарным с духом журнала. («Русск. вед.», 1914, № 61, речь П. Струве, как редактора, на суде.)

в) Творит. причины:

... случалось ли, чтоб вы, смеясь, или в печали,
ошибкою добро о ком-нибудь сказали? (Гриб.)
... нет нелепицы такой,
которой бы ваш друг с улыбкой
не повторил стократ ошибкой. (Пушк.)

Срвн. также: «случаем», «пьяным делом», «грешным делом» (хотя «малым делом» — уже способ) — совершенно отмирающая рубрика (вытесняется предложными сочетаниями: «по ошибке», «за ненадобностью», «от удара» и т. д.). Применение ее в чистом виде производит крайне странное впечатление, напр.:

Этим фактом считают, что штурм с юго-западной стороны не так труден. («Русск. вед.», 1915, № 29, телегр. = вследствие этого факта.)

Впрочем, сюда подходят сочетания творительного с глаголами болезни: болеть чахоткой, мучиться астмой, страдать плевритом и т. д. Но как и во всех стойких сочетаниях, словарно ограниченных, значение падежа здесь крайне бледно (срвн. побледнение его в предложных сочетаниях по тем же причинам вследствие слияния с предлогом).

г) Творит. способа:

... Иван Иванович... обыкновенно помещается на клиросе и очень хорошо подтягивает басом. (Гог.).

... Ариадна прислала моему отцу письма на душистой бумаге, написанные прекрасным литературным языком. (Чех.)

Срвн.: итти войной, походом, стоять лагерем, лететь стаей, вереницей, треугольником, итти толпой, писать каракулями, крупным почерком, стоять боком, лицом к кому, ехать третьим классом, поставить что концом вверх, ногами вверх (где, правда, способ обозначен сочетанием творительного с наречием) и т. д. Отметим еще творительный тавтологический с прилагательным: «жить полной жизнью», «умереть неестественной смертью», «спать крепким сном», «болеть тяжелой болезнью», «любить великой любовью», «смеяться горьким смехом» и соответствующие нетавтологические: «ходить большими шагами», «говорить резкими словами» и т. д. Без прилагательного эти творительные могли бы обозначать частью орудие, частью причину, но без прилагательного они совершенно бессмысленны (как, впрочем, и некоторые из предыдущих примеров, срвн.: «ехать классом», «писать почерком»), а вместе с прилагательным выражают, несомненно, способ действия. Отношение их к винительному тавтологическому («шутки шутить» и т. д., см. выше) то же, что отношение оборота «швырять камнями» к «швырять камни», и по происхождению этот творительный — тоже славянская замена индо-европейского винительного.

д) Творит. усиления: криком кричит, стоном стонет и т. д. Тавтология без прилагательного (см. выше) создает здесь усилительный смысл, но сочетания эти крайне редки, так как обычно творительный заменяется наречием (или переходит в него): «нá крик кричит», «ходуном ходит», «ревмя ревет», «ливмя льет», «в лежку лежит» и т. д.

е) Творит. полупредикативный — описан уже на стр. 285 и след.; здесь мы должны только отметить случаи, когда он относится не к подлежащему, а к прямому объекту:

... и пену из власов струею выжимала. (Пушк.)
Я видел твой корабль игралищем валов... (Пушк.)

ж) Творит. предикативный — см. стр. 284. и след. Этот творительный тоже может относиться не к подлежащему, а к прямому объекту: «его сделали комендантом» (при «он сделался комендантом»), «его считают умным» (при «он

считается умным») и т. д. Термин «предикативный» присваивается ему в этих случаях, в сущности, условно, по соотношению с предикативными оборотами, так как в состав сказуемого он здесь не входит (то же относится и к предыд. рубр.).

з) Творит. «ограничения» (старинное название) в сочетаниях: пополнеть лицом, станом, походить на кого лицом, манерами, взглядом, всем телом, окрепнуть духом, волей, характером, упасть духом, ослабеть телом, нервами и т. д. Настоящая сфера применения этого творительного — при прилагательных (слаб духом, сильный волей и т. д., см. стр. 379). Он однороден частью с творительным причины, частью с творит. способа, но все же имеет и собственную физиономию, обозначая предмет как частичную область применения признака, выраженного в глаголе или прилагательном.

и) Твор. пути:

Лесом частым и дремучим,
по тропинкам и по мхам,
ехал всадник. (А. Майк.)

к) Твор. времени:

Дело происходило уже осенью, в Ницце. (Чех.)

Творительный обозначает здесь заполнение действием лишь части периода, обозначенного во временно́м существительном, или даже отдельного момента («зимой застрелился»), а не всего периода (срвн. второе временно́е значение у винительного). Обе последние рубрики словарно ограничены существительными со значением места и времени.

л) Как и у других падежей, существует ряд стойких сочетаний глаголов с творительным, где слияние падежа с глаголом в один образ и отсутствие возможности сравнить один падеж с другим (при том же глаголе) делает значение почти неопределимым. Сюда относится творительный при глаголах: владеть, управлять, пренебрегать, увлекаться, заниматься, интересоваться, наслаждаться, гордиться, чваниться, тщеславиться, хвастаться, распоряжаться, заведывать и др.

Количественный падеж по значению и упореблению полностью совпадает с родительным падежом в его разделительном значении («напиться чаю», «купить табаку» и т. д.) и, собственно, только в форме на **-у** (**-ю**) должен быть при-

знаваем особым падежом, такие же формы, как «выпить воды», «намазать масла на хлеб», «насыпать соли», с равным правом могут считаться и количественными падежами и родительными в количественном (разделительном) значении.

Подтип 2-й. **Предложные** сочетания.

Так как основным выразителем отношения между предметом и действием мы считаем в этих случаях п р е д л о г, а не аффикс существительного, то располагаем обзор в порядке п р е д л о г о в, отмечая попутно при предлогах, требующих нескольких падежей, модификации значения, обусловливаемые различием в падежах.

В с в и н и т е л ь н ы м, п р е д л о ж н ы м и м е с т н ы м:

а) Пространственное значение: направление действия в н у т р ь предмета (при винительном) или осуществление его в н у т р и предмета (при предложном и местном):

А в т р а к т и р, говорят, п р и в е з л и теперь свежей семги. (Гог.)

В о р а н ж е р е я х уже п о с п е л и персики и сливы... (Чех.)

Само собой разумеется, что вещественная разница между «в ящике», «в воде», «в деревне», «в кресле», «в постели» и т. д. грамматики не касается, так как «он сидел в к р е с л е» и «деньги были спрятаны в к р е с л е между пружинами» г р а м м а т и ч е с к и тождественны (срвн. «сидел **в** кресле» и «сидел н а кресле», реально тождественные, а грамматически как раз совершенно разные). Точно так же и п е р е н о с н ы й смысл этой рубрики, поскольку он обусловлен т о л ь к о отвлеченными значениями глагола, существительного или того и другого («вмешивался **в** преподавание», «находился **в** затруднении»), не должен нас здесь занимать, так как к а ж д ы й предлог с пространственным значением способен на такой перенос при тех же словарных условиях. Замечание это относится и ко всему дальнейшему.

б) Временно́е значение: осуществление действия в один из моментов или в одну из более крупных частей того периода, который обозначен в существительном:

Однажды в студеную зимнюю п о р у
я из лесу в ы ш е л. (Некрас.)

Снег в ы п а л только в я н в а р е
на третье в н о ч ь. (Пушк.)

Разница между винительным, с одной стороны, и предложным и местным — с другой, повидимому, чисто фразеологическая. Говорят: «в детстве», «в молодости», «в ночи» (устарел.), «в январе», «в начале», «в конце», «в XX веке», но «в бытность прапорщиком», «в холеру», «в среду», «в праздник», «в эпоху», «в тот вечер», «в тот день», «в то время» и т. д. (нельзя сказать ни «в январь» ни «в четверге», а в некоторых случаях возможен с тем же значением только предлог «на»: «на каникулах», «на святках»). В некоторых случаях возможны оба падежа («в тот год» и «в том году», «в пост» и «в посту»), и мы должны сознаться, что как раз тут, где двойственность должна бы выручить, мы не в состоянии определить разницу в значении (хотя и ощущаем ее). Но необходимо отметить еще особое временно́е значение этого предлога уже исключительно с винительным падежом: выполнение того или иного действия в пределах периода времени, указанного в существительном: сделал работу в час, в день, в пять дней. Значение это связано со значением законченности действия в глаголе, и поэтому при глаголах несовершенного вида (если только не имеется особое значение многократности, см. ниже), а также и совершенного, но без значения законченности этот оборот невозможен: нельзя сказать в этом смысле: «он говорил в два часа», «он поговорил в два часа» («он делал это в два часа» при том же значении предлога = «он делывал это в два часа», причем значение многократности превращается в значение суммы законченных актов: сделал + сделал + сделал и т. д.). Таким образом при этих глаголах значение предлога категорически обусловливается видовы́м значением глагола как первое из вышеуказанных временны́х значений («говорил в два часа» может означать только момент говорения). При глаголах же совершенного вида со значением законченности получается двусмысленность («он сделал это в два часа» = либо «в момент, когда было 2 часа», либо «в пределах двух часов»), разрешаемая только словесным окружением.

в) Отношение тождества с другим предметом в каком-нибудь признаке (или вообще) через посредство глагольной связки (предикативное сочетание, только с винительным):

Алексей был в батюшку. (Пушк.)
А рука-то в ведро величиной. (Гог.)

Срвн. с предлогом с («рука с ведро», «с батюшку ростом»), где не тождество, а приближение и притом только по одному какому-нибудь признаку.

г) Способ действия (только с винительным):

> И русский Н, как N французский
> произносить умела в нос... (Пушк.)

Значение способа связано с частичным переходом в наречие (вставка прилагательного невозможна или очень ограничена). Срвн.: в разбивку, в разброд, во весь дух, в карьер, в перемежку и т. д. См. также стр. 114.

д) Цель действия (только с винительным):

> ... Я так много пережил..., что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат... (Чех.)
> Быль молодцу не в укор. (Посл.)

Это тоже исходный пункт для образования наречий и полунаречий: в прок, в отместку, в починку, в стирку (отдать), в рост (деньги отдать) и т. д.

е) Отметим еще две модификации основного пространственного значения, связанные с особенностями припредложного существительного:

α) «Поступить в дворники», «служить в дворниках». Образования эти почти не выносят вставки прилагательного (возможны главным образом «профессиональные» прилагательные: «поступить в волостные писаря», «служить в кухонных мужиках» и т. д.) и сохранили в винительном падеже архаическую форму («в дворники», а не «в дворников»), и тем не менее мы бы затруднились их назвать наречиями ввиду ясности предложного и падежного управления (интересный пример промежуточной рубрики).

β) «После обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника», Пушк. Хотя особенность отношения обусловлена тут всецело значением существительного, однако само применение предлога «в» при таком пространственном соотношении (человек в бороде, в бакенбардах, т. е. целое в части, а не часть в целом) столь своеобразно, что заслуживает упоминания. Впрочем, и при названиях частей одежды имеется часто то же своеобразие («в сапогах», «в галстуке», «в шляпе» по аналогии с «в рубашке», «в платье», срвн. «NN сидел в шляпе» и «котенок лежал в шля-

пе»), и отсюда, вероятно, и стали говорить «в очках» и даже «в усах».

В ряде стойких словосочетаний, где при данном глаголе возможен только предлог **в** («сомневаться **в** чем», «отчаиваться **в** чем», «играть **во** что» и т. д.), значение его, по общему правилу, столь бледно, что эти случаи мы и здесь и в дальнейшем будем оставлять без внимания.

На с винительным, предложным и местным: а) действие охватывает поверхность предмета, различие между падежами совершенно то же, что и в предыд.: поставить на стол, стоять на столе, влезть на крышу, стоять на крыше, упасть на землю, быть на земле; кроме того с винительным имеет частное пространственное значение передвижения к верхней части поверхности того предмета, который выражен винительным: итти на гору, лезть на дерево *; во многих сочетаниях смешивается с предлогом **в** (срвн. «**на** кухне» в смысле «**в** кухне», «**в** гору» в смысле «**на** гору»), однако в большинстве случаев все-таки основной образ легко восстановить («**на** дворе», как «**на** площади», и «**во** дворе», как в огороженном месте, «**в** Крыму», как «**в** Москве», и «**на** Кавказе, **на** Урале, **на** Алтае», как «**на** горе»); б) временно́е значение, по большей части, в отличие от предыд., различное при винит. и при предложно-местном: «ехать на каникулы», «жить на каникулах в деревне»; в первом случае действие направлено на весь срок, обозначенный в существительном, во втором — то же значение, что при предлоге «в» (см. стр. 353), при творительном времени (см. стр. 352), при винительном времени во второй его разновидности (см. стр. 341); в) цель действия (с вин.): подарить на память, выставить на поруганье, послать на гибель — исходный пункт для образования наречий (на́ смех, на удалую и т. д.); г) средство действия (кажется, только в деньгах, только с вин.): купить на рубль, жить на скудные средства.

Отметим для обоих рассмотренных предлогов различие между предложным и местным: разойтись в луге (при попытке совершить сделку), остановиться на пруде (при чтении лекций), сойти с ума на крóви, разочароваться в лесе,

---

* Начиная с этого пункта, мы принуждены ради сбережения места отказаться в этом разделе от литературных примеров.

нуждаться в г р я́ з и (лечебной) и — разойтись в л у г у, кататься на п р у д у, быть в к р о в и́, мечтать в л е с у, жить в г р я з и́. Местный падеж не выносит н и м а л е й ш е г о п е р е н о с а з н а ч е н и я, и поэтому во избежание буквального (пространственного) смысла приходится в известных случаях употреблять предложный падеж.

Под с в и н и т е л ь н ы м и т в о р и т е л ь н ы м. Действие направлено в пространство (при винительном) или происходит в пространстве (при творительном), находящемся н и ж е предмета, обозначенного в существительном, и в то же время в районе его нижней поверхности (под стаканом, под облаком, под стакан, под облако) или по близости от нее (под гору, под горой). Но при именах г о р о д о в, как и при самом слове «город», означает просто непосредственную близость («жить под Москвой», «воевать под Казанью») и непосредственное приближение («подъезжая п о д И ж о р ы», Пушк., вероятно метонимического происхождения из «под с т е н а м и Казани», «под с т е н ы Казани»). Творительный здесь, как и в некоторых следующих предлогах, функционирует в совершенно том же значении, что и предложно-местный при предыдущих предлогах, и это показывает, насколько атрофируются значения падежей при предлогах. б) Временно́е значение, только с в и н и т е л ь н ы м (под вечер, под праздник, ему под сорок). Предлог обозначает непосредственное предшествование (срвн. пространственное значение при именах городов) тому времени, которое обозначено в существительном. в) «Танцовать под музыку», «петь под рояль», «засыпать под рассказы». Предлог обозначает, что действие, выраженное в глаголе, сопровождается действием, выраженным прямо или метонимически («под рояль»=«под игру на рояли») в существительном (только с в и н и т е л ь н ы м). г) «Петь под Шаляпина», «стричься под польку» (второе уже стало наречием). Предлог обозначает, что действие, выраженное в глаголе, уподобляется действию лица, обозначенного в существительном (только с в и н и т е л ь н ы м). д) «Под острым углом», «под таким-то градусом широты и долготы» — т о ч н ы е математические и географические пространственные обозначения (только с т в о р и т е л ь н ы м).

Над с т в о р и т е л ь н ы м. Значение о б р а т н о е значению предлога «под» (в формулу вместо «ниже» подставить «выше»). Временно́го значения не имеет. Остальные значения

все более или менее легко объясняются из пространственного (властвовать над кем, смеяться над кем и т. д., срвн. быть под властью чьей-либо; сидеть над задачей, думать над вопросом, срвн. понимать, подразумевать под словами то-то и то-то).

За с винительным и творительным. а) Действие направлено в пространство (при винительном) или происходит в пространстве (при творительном), находящемся по ту сторону предмета, обозначенного существительным. При этом реальное значение слов «по ту сторону» может видоизменяться в зависимости от условий контекста (анализ которых опускаем) в трех направлениях: 1) «та» сторона может быть более удаленной, чем «эта», по отношению к наблюдателю, которым в огромном большинстве случаев бывает сам говорящий («я стоял у реки; за рекой простирались...»), а изредка лицо, обозначенное как наблюдатель предыдущей речью («представьте себе, что вы стоите на берегу реки; за рекой простираются...»); 2) «та» сторона может быть более удаленной, чем «эта» по отношению к какому-либо постороннему предмету помимо наблюдателя («спрятался за дерево или за деревом от выстрелов, от лучей солнца»); 3) «та» сторона может быть тыльной стороной предмета («я стоял за ним в очереди», «за мной была река», «я стоял у него за стулом»). В некоторых случаях значение это индивидуализируется до полного разрыва с основным значением («сидеть за столом», «сесть за стол» означает сидеть или сесть у стола лицом к нему), в других переходит сверх того в отвлеченные значения разных степеней отвлеченности (сидеть за книгами, за работой и т. д.). б) При глаголах, связанных в своих вещественных значениях с идеей прикосновения к предмету (брать, хватать, держать, тянуть, привязывать, ловить, дергать, теребить, рвать и т. д.), этот предлог с винительным падежом обозначает, что действие касается той части какого-либо предмета, которая обозначена в винительном: «схватить за голову», «дергать за хвост», «вытащить за волосы» и т. д. (срвн. «взять кувшин за ручку», где еще проглядывает основное значение). в) Временные значения: α) с творительным: «это случилось за обедом, за ужином» — предлог означает то же, что предлоги и аффиксы в сочетаниях: «в январе», «в холеру», «на каникулах», «вечером», «прошлый раз», но употребляется в этом смысле только с очень немногими существи-

тельными, ассоциативно связанными с теми существительными, при которых он имеет пространственное значение («за обедом», потому что «за столом», но нельзя сказать ни «за часом», ни «за годом», и т. д.); «годы идут за годами», «он умывается за мной» — предлог означает, что действие совершается после такого же действия того предмета, который обозначен в творительном; β) с винительным: «гулял за час до захода солнца», «вернулся за день до пожара» — предлог означает, что действие отдалено от какого-нибудь события, выраженного существительным в родительном падеже с предлогом «до», предшествующим ему периодом времени, выраженным в винительном, зависящем от данного предлога; вместо «до» с родительным может быть и «перед» с творительным («за день перед кончиной»), но во всяком случае значение это необходимо связано с явным или подразумеваемым сочетанием, обозначающим то событие, от которого отсчитывается назад посредством предлога «за» время, обозначенное в винительном; «сделал работу за год», «за два часа» — то же значение, что и у предлога «в» во втором из разобранных выше случаев (см. стр. 354), и с той же зависимостью от видового значения глагола, но с оттенком длительности процесса, противоречащим этому значению. Это второе временно́е значение так же относится к первому значению, как и второе временно́е значение предлога «в» с винительным к первому его значению: при глаголах несовершенного вида или совершенного, но без оттенка выполнения действия, оно невозможно, а при глаголах совершенного вида с оттенком выполнения действия получается двусмысленность («сделал за час до чего-либо» или просто «за час»), определяемая контекстом. в) Значение цели: «пошел за доктором», «за грибами» и т. д. Такие случаи, как «гнался за врагом», представляют промежуточную ступень между этим значением и пространственным. г) Значение препятствующей причины: «за отсутствием кого-либо», «за неимением комнаты», «за дальностью расстояния» и т. д. д) Значение принадлежности (только в очень немногих оборотах): «имение числится за ним», «осталось за ним» (отсюда и «замужем»). е) Значение долгового обязательства: «за тобой пять рублей». Последние 4 значения все связаны с употреблением творительного падежа. ж) Значение заместительства: «расписываться, получать деньги, распоряжаться за кого-либо» (также и предикативно: «он у нас

за доктора»). з) Значение защиты кого-либо и тесно связанное с ним значение отстаиванья чего-либо: «вступиться за кого», «быть за равноправие женщин» (противоположность — «против»). и) Значение причины, приписываемой чьим-либо действиям, обозначенным прямо или косвенно (метонимически) в существительном («наградить за храбрость», «наказать за упрямство», «за чашку» в смысле «за разбитие чашки»). Последние 3 значения связаны исключительно с употреблением винительного падежа.

Перед с творительным: а) Пространственное значение — обратное значению предлога «за» (в формулу вместо «по ту сторону» вставить «по сю сторону»). б) Временнóе значение: «перед Рождеством», «перед рассветом» — предлог обозначает непосредственное предшествование времени, выраженному в существительном. Все остальные значения, кажется, легко объясняются как отвлеченные метафоры пространственного значения («он перед ним ничто», «иметь преимущества перед кем» и т. д.).

Против с родительным. Пространственное значение является частным случаем такого же значения предыд. предлога: действие совершается не только «по сю сторону» предмета, названного в родительном, но и на перпендикуляре к его лицевой или продольной стороне: «стоять против NN», «против лошади», «против дома», «против канавы». Временнóго значения не имеет. Переносные значения либо приобретают дополнительный оттенок враждебности («воевать против турок», «быть против брака»), либо являются чистой метафорой («он щенок против меня»).

У с родительным. а) Пространственное значение: «сидеть у окна», «у стены» и т. д. Предлог обозначает, что действие происходит вблизи предмета, названного в родительном, но без того оттенка непосредственной и целевой близости, который есть у предлога «при» (срвн. «у дома находился огород» и «при доме находился огород»). б) Особого временнóго значения у этого предлога, кажется, совсем нет. В таких сочетаниях как: «вот мы и у праздника!» значение предлога абсолютно тождественно с предыдущим, а временнóй его характер объясняется только временны́м значением существительного. в) Значение принадлежности в широком смысле слова: «у него есть именье», «у него были гости» и т. д. Объем идеи «при-

надлежности» здесь так же широк, как и у родительного приименного («дом отца», «гости отца») и у притяжательных прилагательных («отцов дом», «отцовы гости»). В тех немногих случаях, когда предлог в этом значении синонимичен с предлогом «за» («именье осталось за ним», «именье осталось у него»), он отличается от этого предлога большей связью данного своего значения с пространственным, так что «у него» больше обозначает пространственную сторону принадлежности, а «за ним» — юридическую. г) При глаголах, связанных прямо или косвенно с идеей о т д е л е н и я (отнимать, брать, хватать, ловить, красть, похищать, занимать, просить, требовать, спрашивать, выпытывать, домогаться, добиваться и т. д.), предлог этот обозначает, что действие относится к тому предмету или лицу, от которых что-либо отделяется или может отделиться: брать у кого, просить у кого и т. д.; в этом значении он синонимичен с предлогом «от» («брать от кого» и т. д.), но отличается от него тем, что данное значение связано у него со значением принадлежности, чего нет у предлога «от», так что, напр., «отнять **у** него» обозначает не только отделение, но и нарушение принадлежности («у него что-то было, и это что-то отнимается»), тогда как «отнять **от** кого» обозначает чистое отделение.

С с т в о р и т е л ь н ы м. а) С о п р о в о д и т е л ь н о е значение («итти с кем» и т. д.); в зависимости от вещественного значения существительного, стоящего в творительном, получаются добавочные значения: α) участия предмета, обозначенного этим существительным, в данном действии как с у б ъ е к т а действия («пью чай с товарищем»), β) участия того же предмета как о б ъ е к т а действия («пью чай с сахаром»), γ) характеристики действия («пью чай с удовольствием»); но общее значение сопровождения довольно ясно сквозит во всех этих случаях. б) В р е м е н н о́ е значение: «уехать с рассветом», «поумнеть с годами» и т. д. Предлог обозначает, что действие совершается о д н о в р е м е н н о с отрезком времени, выраженным в творительном, при чем основной оттенок сопровождения проглядывает и здесь.

С с р о д и т е л ь н ы м. а) П р о с т р а н с т в е н н о е значение: α) общее о т д е л и т е л ь н о е значение: «двинуться с места», «ветер дул с полей», «поезд сошел с рельс», «с лица сошел загар» и т. д.; в этом значении предлог этот синонимичен с предлогами «из» и «от», но от предлога «из» он отличается тем, что обозначает отделение от п о в е р х н о с т и предмета, а не

изнутри его (срвн.: «встать с постели» и «встать из постели»), так что получается грамматическая пропорция: **с : из = на : в** (см. стр. 353 и 356); от предлога же «от» он отличается тем, что обозначает отделение от предмета после предшествовавшего соприкосновения с ним, тогда как в предлоге «от» самом по себе такого добавочного оттенка нет (срвн. «туман поднимается с земли» и «т. п. от земли»); β) частное значение передвижения к нижней части поверхности того предмета, который выражен в родительном: итти с горы, с лестницы, лезть с дерева (противоположность — «на» с винительным в частнопространственном значении). б) Временно́е значение: «заснуть с вечера», «помнить с детства»; предлог обозначает, что действие имеет начальным моментом период времени, выраженный в существительном; интересно, что приглагольное отрицание при этом неизбежно сливается с глаголом в одно понятие, так как связь отрицания с глаголом отсчитывается все от того же начального момента: «с детства не играл», вообще говоря, не равняется простому отрицанью факта игры с детства (хотя иногда и может равняться ему, напр., в такой связи: «играл он с детства или нет? — Нет, не играл»), а обозначает утверждение «неигры» с детства (срвн. такие положительные понятия, как «не люблю», «ужасно не люблю» в смысле ориспытываю неприязнь, «не боюсь» в см. осмеливаюсь и т. д., орфография не идет здесь за смыслом). в) Значение причины в сочетаниях полунаречного характера: с горя, с радости, со скуки и т. д. (срвн. настоящие наречия: ссердцов, сослепу, сдуру и т. д.). г) Значение способа в сочетаниях полунаречного характера: «взять с боя», «рубить с плеча» и т. д. (срвн. настоящие наречия: «смаху», «сразу», «свысока» и т. д.).

С с винительным. Общее значение можно определить как отношение приблизительности; конкретно оно проявляется в трех модификациях: α) предлог обозначает, что действие простирается приблизительно на то расстояние, которое указано в винительном (прошел с версту, луга тянутся с версту); β) предлог обозначает, что действие длится приблизительно то время, которое указано в винительном (мы сотрудничаем с год, не видались с год, отрицание так же сливается с глаголом, как в предыдущем случае); γ) предлог обозначает приблизительное сходство в каком-либо признаке предмета, выраженного винительным, с предметом, выраженным в подлежащем:

«он с меня ростом», «этот кусок весом с пуд» и т. д. (только в предикативном и приименном употреблении и, кажется, только для признаков величины и массы; творительный ограничения необходим).

Без с родительным. Значение этого предлога обратно значению предлога **с** с творительным и может быть определено как отрицание сопровождения. Само собой разумеется, что и модификации здесь те же: *а*) предмет, указанный в родительном, не участвует в действии как субъект («пью чай без товарища»), β) тот же предмет не участвует в действии как объект («пью чай без сахара»), γ) тот же предмет не участвует в действии как характеристика его («пью чай без удовольствия»). Приглагольное отрицание сливается с отрицательным смыслом предлога в утверждение: «не хожу без палки»=«хожу с палкой».

Из с родительным. а) Пространственное значение: вылить воду из стакана, выйти из леса и т. д. Предлог обозначает, что действие направляется извнутри предмета, названного в родительном. В зависимости от вещественных значений глагола и существительного получается ряд модификаций и метафор, которые мы вынуждены оставить здесь без рассмотрения (смотреть из окна, стрелять из ружья, курить из трубки, он был из немцев, заключать, понимать из намеков и др.). б) Временно́е значение (крайне редкое) в полной аналогии с пространственным показывает, что начальный момент действия заключен внутри периода времени, указанного в родительном («обычай идет из старины», «она вышла из тех лет, когда...»); но по большей части тут дело идет о наречиях и полунаречиях («искони», «исстари», «измлада», «из году в год» и др.). в) При глаголах, связанных с идеей оформления того или иного материала (ковать, варить, шить, ваять, лепить, строить, устраивать, сооружать, приготовлять, клеить, выпиливать, складывать и т. д.), этот предлог обозначает, что оформляется тот материал, который назван в родительном: сшить белье из полотна, отлить статую из бронзы, испечь хлеб из белой муки (и отвлеченно: сложить песню из слов) и т. д. Значение а здесь еще довольно ясно просвечивает, так как для приготовления вещи надо вынуть часть материала из общей массы его. г) Значение причины: отказаться из вежливости, сделать что-нибудь из любви к кому и т. д. Здесь получаются в некоторых случаях четыре сино-

нимических выражения; так, напр., одинаково можно сказать; сделал что-нибудь **из** страха, **со** страха (чаще «со страху»), **от** страха и **из-за** страха. Последнее сочетание легко отмежевывается от остальных, так как причинное значение здесь совершенно оторвано от пространственного (выглядывать из-за забора) и из-за этого максимально отвлеченно (почти = «вследствие страха»); из остальных трех сочетание с «из» имеет оттенок первопричины или отдаленной причины (соответственно пространственному значению предлога: первопричина как исходный пункт развившегося события), сочетание с «с» сбивается на наречие, сочетание с «от» обозначает просто причину без всяких добавочных оттенков как в сторону конкретности, так и в сторону отвлеченности. д) Значение способа — только в немногих полунаречных выражениях: изо всей силы, изо всей мочи.

Из-за с родительным. а) Пространственное значение синтезируется из пространственных значений каждого из предлогов в отдельности, так что «из» дает значение направленности действия из глубины (не всегда изнутри) предмета, а «**за**» — с «той» стороны предмета: солнце вышло из-за туч, выглядывать из-за занавески и т. д. б) Причинное значение — см. предыдущий предлог.

Из-под с родительным. Имеет только пространственное значение (с модификациями, разумеется), синтезирующееся из пространственных значений каждого из предлогов, как в предыдущей рубрике: выглядывать из-под занавески, кровь пошла из-под ногтей и т. д.

К с дательным. а) Пространственное значение можно было бы назвать «соединительным» или «достигательным»; предлог обозначает, что действие совершается в направлении предмета, названного в дательном, и имеет целью соединиться с ним или достичь его (подойти к воде, ехать к горе и т. д.); от значений предогов «в» и «на» с винительным это значение отличается тем, что конечным моментом здесь является простое соседство с предметом, тогда как в предлоге «в» таким моментом является пребывание внутри предмета, а в предлоге «на» — на поверхности его (срвн. «подойти к воде», «войти в воду», «лечь на воду»). Конечно, и здесь множество метафорических сочетаний: прислушиваться к чему, обращаться к кому с речью и т. д. (срвн. влюбиться в кого, смотреть на кого), при-

чем значение достижения ослабевает и иногда совсем отпадает (стать к кому лицом, повернуться к кому). б) Временно́е значение тесно связано с «достигательной» стороной пространственного значения; предлог обозначает, что действие происходит на границе периода времени, названного в дательном: к вечеру, к утру (срвн. «перед вечером», «перед утром», где одно близкое предшествование без идеи временно́го примыкания); при этом в зависимости от вещественных значений возможны два случая: *α*) чистое временно́е значение без оттенка цели: «к утру скончался», «к двум часам похолодало», β) временно́е значение с оттенком цели: «справился со всеми делами к часу», «прибежал к 3-му звонку», «пришел к обеду». Последний пример уже переводит нас в следующую рубрику. б) Значение цели: «приготовить к обеду рябчика», «это вышло к общему удовольствию», «это служит к моему оправданию»; значение это заключено, как зародыш, в пространственном значении (см. выше), и потому многие сочетания могут иметь двоякий смысл, целевой и нецелевой (срвн. «пришел к обеду» в смысле чисто-временно́м и в смысле целевом); но в тех случаях, когда ни пространственный, ни временно́й смысл невозможны (срвн. выше 2-й и 3-й примеры), следует признать и отдельное значение цели.

От с родительным. а) Пространственное значение можно назвать «отделительным» или «удалительным»; оно прямо противоположно пространственному значению предыдущего предлога (предмет, названный в существительном, обозначает исходный пункт, а при предлоге «к» — конечный пункт): удаляться от берега, итти от столба и т. д.; при глаголах, не связанных с идеей движения, может обозначать одно удаление без отправления от исходного пункта (подобно тому как «к» при таких же глаголах обозначает одно приближение без достижения конечного пункта): отказаться от чего, удерживаться, сторониться от чего, а также один исходный пункт без последующего удаления: скажите ему от меня..., отличаться от чего или кого, в этой картине есть нечто от примитивов. б) Временно́е значение совершенно аналогично пространственному: предлог обозначает, что время, названное в существительном, есть начальный момент действия: от роду не играл (со слиянием отрицанья с глаголом в одно понятие), от младых ногтей привык и т. д.; но так как с абсолютно тем же значением употребляется предлог «с» с родительным (см. выше),

то для данного предлога остались только немногие полунаречные обороты («от роду», «год от году», «день ото дня», «от века»); сказать же: «я не был там от прошлого года» вместо «с прошлого года» неудобно. в) Значение причины: погибнуть от пожара, страдать от грубости нравов и т. д. (сравнение с предлогами «из», «из-за» и «с», см. выше). г) Значение способа — только в полунаречных выражениях: сказать от души, от чистого сердца. д) При глаголах «лечиться» и «выздороветь»: лечиться от чахотки и т. д. — частная форма словосочетания со значением предлога, близким к отделительному.

Для с родительным — имеет только одно значение и притом **не** пространственное и **не** временно́е. Значение это можно определить как однородное со значением дательного падежа (см. стр. 347), но отличающееся от него «отдаленностью» или «косвенностью» объекта еще на одну ступень, так что возможна пропорция: значение «для» с родительным так относится к значению дательного, как значение дательного к значению винительного. Если в сочетании «он дал мне это» слово «это» обозначает ближайший объект, а «мне» — дальнейший, то в сочетаниях «он дал мне это для тебя» или «он дал мне это для удобства» выделенные слова обозначают еще более удаленный от действия, еще более косвенный объект. Если дательный падеж есть, коротко говоря, падеж адресата, то «для» с родительным есть категория «косвенного адресата» (срвн. именно такой смысл этих форм в адресах: такому-то для такого-то). Из-за близости этого значения к значению дательного происходит нередко смешение оборотов: говорят безразлично: «сделай для меня это» и «сделай мне это», «я для вас друг» и «я вам друг» и т. д.; но это не значит, чтобы эти выражения были тождественны.

Ради с родительным — имеет тоже только одно значение, по существу совпадающее со значением «для», но отличающееся от него еще большей косвенностью объекта. Характерно, что «ради» с родительным уже никак не может смешаться с дательным: нельзя сказать: «я ради вас друг» в выше указанном смысле, а только: «я ради вас друг чей-либо»; «сделай ради меня» тоже очень далеко от «сделай мне». Можно даже представить себе такую конструкцию: «сделай мне это для Ивана Ивановича ради Петра Петровича», где значения относятся друг к другу по пропорции:

«Ради» с родительным: «для» с родительным=«для» с родительным : дательный=дательный : винительный.

До с родительным. а) Пространственное значение: итти до леса, проводить до двери; предлог обозначает, что действие имеет пределом своего распространения предмет, названный в родительном; если вместо «предел распространения» подставить «предел развития действия», то получим то, что иногда выделяют в отдельное значение степени: напиться до чортиков, испугаться до смерти и т. д.; хотя это значение и не пространственно, но оно так четко связано с пространственным, что мы не считаем нужным помещать его особо. б) Временно́е значение совершенно аналогично пространственному: предлог обозначает, что действие имеет временны́м пределом своего развития период времени, указанный в родительном («работал до обеда», «встал до рассвета»). При этом он не обозначает ни непосредственного временно́го примыкания к этому периоду, как предлог «к» («встал к рассвету»), ни близкого предшествования, как предлог «перед» («встал перед рассветом»), а только одно предшествование, так что можно сказать: «Владимир Мономах был до Николая Второго», сказать же «Владимир Мономах был перед Николаем Вторым» неудобно. Для обозначения обратного временного предела (т. е. при отсчитывании времени действия обратно к моменту его возникновения) употребляется предлог «по» с предложным (по окончании, по приезде, см. ниже) и главным образом предложное наречие «после».

Кроме с родительным имеет только одно значение, не пространственное и не временно́е: он обозначает, что предмет, названный в родительном, отделяется в мысли по своему отношению к действию от другого предмета или ряда других предметов, тут же названных и стоящих в том же отношении к действию («люблю всех кроме тебя»). Но это общее значение модифицируется, как это ни странно, в два прямо противоположных друг другу варианта. Именно: «люблю всех кроме тебя» может означать: «люблю всех, а тебя не люблю» и может означать: «люблю тебя и сверх того всех». Стало быть само выделение предмета, названного в родительном, из ряда других предметов может иметь два значения: 1) отрицательное, т. е. устранение связи между данным предметом и действием в отличие от других предметов, 2) положительное, т. е. чистое

выделение, обособление данной связи в отличие от связей других предметов. В первом случае получается первый из вышеуказанных вариантов, а во втором — второй. Впрочем, если имеется не выделение предмета из ряда других предметов, а только отделение одного предмета от другого, то возможен только второй вариант: «люблю его кроме тебя», «ем огурцы кроме арбузов», «запираю на ключ кроме щеколды» и т. д.

Вместо с родительным имеет только одно значение; предлог этот обозначает, что предмет, названный в родительном, вытесняется из своей связи с действием другим предметом, тут же названным: «пью вместо чаю кофе», «ко мне пришел вместо Иванова Петров».

Между, меж с родительным и творительным, причем разницы в значениях между обоими сочетаниями нет, а только сочетание с родительным в настоящее время уже несколько устарело. а) Пространственное значение; предлог обозначает, что действие происходит в пространстве, ограниченном с обеих сторон или с разных сторон предметами, названными в родительном или творительном множественного («ехал между деревьев», «между деревьями») или в двух или нескольких родительных-творительных единственного («ехал между лесом и пашней», «меж леса и пашни»); только в очень редких случаях возможен один творительный единственного, и в этих случаях предлог уже имеет другое значение, тождественное со значением предлога «среди» (см. ниже): «между делом», «между разговором», «между прочим». б) Временно́е значение совершенно аналогично пространственному, с той только разницей, которая обусловлена разницей между самими временем и пространством: в пространстве может быть много ограничительных пунктов, во времени — только два; поэтому здесь возможны только два творительных-родительных единственного (между днем и ночью, между обедом и завтраком); сочетания же вроде «между концертами NN было несколько интересных» уже переводит нас в следующую рубрику.

Среди с родительным. а) Пространственное значение; предлог обозначает, что действие происходит в одном из пунктов площади, занятой предметом, названном в родительном: жить среди леса, найти гриб среди сухих листьев; но при родительном множественного (жить среди людей, ехать

среди деревьев) получается, по понятным причинам, очень большая близость к значению предыдущего предлога, чем и объясняется их смешение в некоторых случаях. б) Временно́е значение совершенно аналогично пространственному: среди зимы, среди лета.

Через и **чрез** с винительным. а) Пространственное значение; предлог обозначает, что место, названное в винительном, служит только средой (и очень часто препятствующей средой), в которой совершается действие, а не пунктом направления: итти через лес; просунуть палку через решетку. б) Временно́е значение; предлог обозначает, что действие происходит тотчас по прошествии периода времени, названного в винительном: через год я куплю лошадь, через неделю мне исполнится 20 лет; срвн.: «после его отъезда (или «по его отъезде») я куплю лошадь», где оба срока сами по себе так же растяжимы, как и при предлоге «до» (см. стр. 367); оттенок немедленного следования создался в предлоге «через», вероятно, идеей временного препятствия (по аналогии с пространственным препятствием), преодоление которого обусловливает наступление действия. в) Значение причины (несовсем литературное): это случилось через него, через вас (чаще про неблагоприятные события в связи со значением препятствия).

Сквозь с винительным имеет то же пространственное значение, что и «через», но с оттенком преодоления бо́льших препятствий, представляемых средой: пройти сквозь огонь и воду и медные трубы, продеть нитку сквозь ушко, разглядеть что сквозь занавес, срвн. через занавес, пробираться сквозь чащу, срвн. через чащу.

О, об с винительным. а) Пространственных значений два: одно более древнее, сохранившееся лишь в очень немногих выражениях: «итти рука об руку», «(об)виться о дерево, о шею» — предлог обозначает, что действие происходит вокруг предмета, названного в винительном; другое значение, более новое и более распространенное, имеет место при глаголах, связанных с идеей столкновения: удариться, ткнуться, толкнуться, хватить, треснуть и т. д. чем обо что; предлог обозначает, что действие встречает препятствие в предмете, названном в винительном. б) Временно́е значение; предлог (в весьма немногих выражениях) обозначает, что действие происходит

приблизительно в то время, которое названо в винительном: о сю пору, об эту пору.

О, об с предложным. Пространственное значение, бывшее еще в праславянском языке (срвн. в древне-церковно-славянском «сѣдѣахѫ о немь» — сидели вокруг него), исчезло; остатком его (однако с чрезвычайно неопределенным значением) является предикативное (и приименное) употребление в таких сочетаниях, как «дом был **о** семи этажах», «змей был **о** трех головах», тоже весьма редкое. Временно́е значение тоже почти вымерло (срвн. у Крылова: «**о** Рождестве была у нас пирушка»). В настоящее время этот предлог с этим падежом употребляется только после глаголов речи и мысли и выражений, с ними однозначных (говорить, рассказывать, сообщать, убеждать, уговаривать, советоваться, внушать, торопить, напоминать, слушать, спрашивать, читать, писать, знать, думать, полагать, судить, помнить, забывать, делать доклад, приносить весть, составлять закон, издавать распоряжение и т. д.), и означает, что предмет, названный в предложном, есть именно предмет данной речи или данной мысли (говорить, писать и т. д. о чем или о ком). Отметим еще, что местный падеж в этом последнем значении никогда не употребляется (нельзя сказать: «говорил о лесу́», «о крови́») тогда как в вышеуказанных отмирающих конкретных значениях он встречается (напр., у Островского: «о посту как-то великом я говел»).

Про с винительным имеет то же значение, что и **о, об** с предложным (говорить про войну, думать про урожай), и хотя какую-то внутреннюю разницу между этими синонимами мы ощущаем, но определить ее затрудняемся. Кроме того изредка и преимущественно в народной речи «про» с винительным синонимично с «для» с родительным: «припасено про вас всякого добра», «это не про вашу честь» и др.

При с предложным (никогда с местным). а) Пространственное значение — непосредственная близость действия к предмету, названному в предложном, по большей части с оттенком целевого или причинного соотношения: при саде была пасека, при трупе был найден револьвер (срвн. «у трупа» или «около трупа»). б) Временно́е значение — одновременность действия с периодом, указанным (прямо или метонимически) в предложном: это было

при окончании войны, он служил при Петре Великом в сенате.

По с дательным. а) Пространственное значение: 1) предлог обозначает, что действие происходит на поверхности предмета, названного в дательном, но не на всей поверхности, а лишь в отдельных пунктах, или, во всяком случае, не одновременно на всей поверхности: ходить по лугу, ерзать по кровати (срвн. ерзать на кровати), по полю разбросали навоз (срвн. на поле разбросан навоз); 2) при глаголах, связанных с идеей удара (ударять, стучать, бить, колотить и т. д.), он обозначает, что удар поражает предмет (тоже по большей части не по всей поверхности), названный в дательном: ударить по доске, по столу и т. д. б) Временно́е значение — обычно с дательным множественного: не спать по ночам, ходить по утрам; предлог обозначает, что действие происходит в периоды времени, названные в дательном множественного, с перерывами между ними; более редко значение одновременности при ед. числе существительного: по седьмому году научился читать, работал по весне. в) Значение распределительное: клевал по зернышку, ездил по гостям, получал по рублю в день, им дали по рублю; предлог обозначает, что действие многократно переходит на предмет, названный в дательном, который сам при этом материально всякий раз возобновляется. г) Значение причины действия, заложенной в его субъекте: делал что-нибудь по рассеянности, по глупости и т. д. (срвн. предлоги «с», «от» и «из-за», которые могут обозначать и внешнюю причину: «не спал от звона», «из-за звона», «вещуньина с похвал вскружилась голова», Крыл.). д) Значение соответствия или сообразности: «эта дачка по тебе», «костюм сшит по рисунку», «доклад сделан по Бухарину», «я знаю его по работе в комиссии». Отметим, что в этом значении невозможен перенос ударения на предлог, часто встречающийся при пространственном значении: «бродил по́ лугу», но «по лу́гу судил и о пашне»; сказать «по́ лугу судил» нельзя. То же, впрочем, и при многих других предлогах: «на̀ нос» может иметь только пространственное значение (срвн. про лекции по ото-рино-ларингологии: «профессор перешел с гортани на но́с», а не «на̀ нос»), «за̀ ночь» — только временно́е (срвн. «я высказываюсь за но́чь»). Вообще отвлеченные значения не мирятся с переносом ударения на предлог.

По с винительным. а) При счетных словах употребляются в значении пункта «в» предыдущей рубрики: «нам дали по два рубля», «мы обедаем группами по пять человек в каждой» (но и «по пяти человек», и так даже литературнее). б) Значение предела: увяз по щиколотку, завернул бутылку в бумагу по горлышко; предлог в этом значении синонимичен с предлогом «до» с родительным («увяз до щиколотки», «завернул бутылку до горлышка»), но, кажется, содержит в себе оттенок подчеркнутой предельности в связи с употреблением в некоторых гиперболических выражениях («сыт по горло», «увяз по уши в долгах», «работает только по конец пальцев» про лентяя у Даля); во всяком случае употребляется в отличие от «до» очень редко и лишь в особых фразеологических условиях. в) Значение цели: пойти пó воду, по грибы; употребление тоже ограничено очень немногими сочетаниями и этим отличается от употребления предлога «за» в том же значении (см. стр. 359).

По с предложным имеет только одно временнóе значение, выше уже разобранное (см. стр. 367); в сочетаниях «скучать, тосковать, сохнуть, страдать, болеть душой по ком» предлог слишком связан со слишком малым числом глаголов, чтобы выявлять собственное значение; распределительное значение имеется только в одном сочетании: «почем».

В заключение этого обзора напомним еще раз читателю, что он сделан, так сказать, «с высоты птичьего полета». Не только значения не исчерпаны, но даже и управление дано не всё. Так, напр., предлоги «перед» и «над» управляют в немногих случаях и винительным: «выскочить перед публику» (Купр.), «Волжанковая палочка все надходит над свою цель» (Лесков, «Островитяне»), «по» может управлять и родительным («по коих мест», «по сих мест») и т. д. Но этого рода факты, имеющиеся у нас во множестве, слишком исключительны, чтобы быть уместными в данной книге.

Сочетания предложных наречий с управляемыми существительными (подле реки, возле леса, после обеда, вокруг поля и т. д.), требующие столько же места для анализа, мы принуждены выпустить.

ТИП 2-й.

Существительное (или субстантивированное прилагательное) + управляемое им непосредствен-

но или посредственно другое существительное (или субстантивированное прилагательтельное).

Так как тип этот мы не будем разбирать так же подробно, как предыдущий, то мы объединяем здесь в одной рубрике и предложные и беспредложные сочетания. Здесь возможны два основных случая: 1) Существительное управляет тем же падежом или тем же предлогом с падежом, что и однокоренной с ним глагол, или глагол, сходный с ним по вещественному значению, или глагол, могущий часто сталкиваться с ним в словосочетаниях. Во всех этих случаях управление при существительном равняется по управлению глагольному. Так, сочетания: «мщенье врагу», «рубка топором», «боязнь отца», «тоска по родине», «въезд в город», «снисхожденье к врагу», «игра с болваном», «приезд перед рассветом» и т. д., и т. д. абсолютно параллельны сочетаниям: «мщу врагу», «рублю топором», «боюсь отца», «тоскую по родине», «въезжаю в город» и т. д. (первая из вышеуказанных разновидностей). Далее, «недостаток в муке» аналогичен сочетанию «нуждаюсь в муке», «настойчивость в требованиях» аналогична сочетанию «упорствую в требованиях» (хотя «настаиваю на требованиях»), «исследование о Мальтусе» аналогично сочетанию: «пишу о Мальтусе» (хотя «исследую о Мальтусе» нельзя сказать); это вторая из вышеуказанных разновидностей. Наконец, сочетания «береза на краю оврага завяла», «кофта с кружевами висит в шкафу» аналогичны сочетаниям «береза растет на краю оврага», «кофта сшита была с кружевами» (третья из вышеуказанных разновидностей). Нетрудно видеть, что во всех этих случаях нет ничего специфически, так сказать, присубстантивного. Сочетания эти, конечно, тоже должны изучаться, но не со стороны значений предлогов и падежей (с этой стороны они не дали бы нам ничего нового после обзора глагольных сочетаний), а со стороны своих соотношений с глагольными сочетаниями. Какие именно падежи и предлоги с падежами способны переноситься с глаголов на существительные, с каких глаголов, на какие существительные и при каких синтаксических условиях происходят эти переходы, какие смены управления здесь встречаются — все это могло бы быть и должно быть исследовано и описано в труде большего масштаба, чем данный. Здесь же мы, дав общее представление об этом подтипе, переходим прямо к следующему подтипу. 2) Существительное управляет не тем падежом

или не тем предлогом с падежом, каким управляет соответствующий по корню или по общему значению глагол, или не имеет в своем управлении вообще никаких соответствий с глагольным управлением. В обоих случаях получается специально присубстантивное управление, которого мы еще не касались, и на котором поэтому нам придется несколько задержаться. Здесь мы тоже устанавливаем три рубрики.

1) Родительный присубстантивный.

а) Родительный принадлежности (дом отца, ножка стола и т. д.). Понятие «принадлежности» здесь надо понимать в крайне расширенном, «грамматическом» смысле, объединяющем три формальные группы: родительный принадлежности, одно из значений предлога «у» (см. стр. 360) и так называемые «притяжательные» прилагательные (братнин, отцов, мой). Все эти три группы имеют абсолютно тождественное значение, образно формулируемое как «принадлежность». До какой степени широко здесь это понятие, можно судить по таким случаям, как «комната Чехова в Историческом музее», «храм Василия Блаженного», «драма Шекспира», «типы Мольера», «Мефистофель Гете», «Мефистофель Гуно», «Мефистофель Шаляпина», «братнина рассеянность», «братнина судьба», «мои убеждения», «мой носовой платок», «моя жена», «мой черный человек» (в «Моцарте и Сальери», слова Моцарта), «а где же наш Иван Иванович?», «надоели вы мне с вашей «Царской невестой!» и т. д. Но как ни расплывчато данное отношение, вряд ли его можно считать, как нам раньше казалось, отношением присубстантивности вообще, так как в этом же типе словосочетаний можно найти и другие значения в отношениях, и, стало быть, это значение чем-то от них отличается. Вернее всего, кажется, принять «принадлежность» в качестве образного ядра, характеризующего всю группу, как мы это сделали по отношению к образу «перехода» действия на объект (см. стр. 339).

б) Родительный определительный: «тип скупца», «трубка мира», «скажи, придешь ли, дева красоты...» (Пушк.), «покойный дедушка был род бабушкина дворецкого» (Пушк.), «хороший экземпляр гориллы», «идея всеобщего братства» и т. д. Это отношение уж никак не может быть сведено к принадлежности хотя бы по одному тому, что оба существительных здесь вещественно более или менее слиты, тогда как значение принадлеж-

ности требует д в у х предметов, из которых один «принадлежал» бы другому (срвн. примеры предыдущей рубрики). Если родительный предыдущей рубрики соответствует притяжательным прилагательным, то этот родительный соответствует н е притяжательным относительным прилагательным («трубка мира» = как бы «мирная трубка», «идея братства», как бы «братственная идея» и т. д., срвн. «идея войны» и «военная идея», детальное изучение требовало бы здесь установления типов связей этого родительного с прилагательными). В отдельных случаях возможно, может быть, и то и другое толкование, но важно, что есть случаи, н е д о п у с к а ю щ и е определительного толкования (напр., «дом отца»), и есть случаи, не допускающие «принадлежностного» толкования (напр. «идея братства»). Это и дает право на установление двух рубрик. Ко второй из них относятся, вероятно, и ходовые сочетания типа: «наркомат внутренних дел», «министерство труда», «общество покровительства животным», «кружок шахматной игры», «партия реванша», «комедия интриги» и т. д., квалифицируемые некоторыми авторами как «родительный о б о з н а ч е н и я»; хотя здесь в некоторых случаях и получается физическая раздельность предметов (напр. «министерство почты и телеграфа» и особенно «министр почты и телеграфа»), однако принадлежности предмета, названного в управляющем существительном, предмету, названному в управляемом, здесь вскрыть нельзя («дом» принадлежит «отцу», но министр не принадлежит телеграфу, а скорее наоборот, если понимать под «телеграфом» телеграфные д е л а); значение же о п р е д е л е н и я и здесь вполне подходит.

в) Р о д и т е л ь н ы й с у б ъ е к т а д е й с т в и я: «л ю б о в ь о т ц а к детям», «п о б е д а П е т р а Великого над шведами», «покровительство богача», «замыслы временщика», «пенье Собинова», «игра Шаляпина», «лежанье Обломова», «пребывание делегатов в Москве» и т. д. Обе предыдущие рубрики не имели никакой связи с глагольным управлением. В данной же рубрике можно установить следующее соотношение: всякое глагольное существительное требует для выражения субъекта действия р о д и т е л ь н о г о п а д е ж а. По значению этот родительный, собственно, мог бы войти в рубрику родительного принадлежности как его разновидность (принадлежность действия деятелю); но так как он добавочной стороной своего значения соприкасается со следующей рубрикой, мы предпочли его выделить.

г) Родительный объекта действия: «завоевание Мексики», «рубка леса», «сушка плодов», «заготовка хлеба» и т. д. Этот родительный связан только с собственно-переходными глаголами и соответствует приглагольному винительному (рублю лес — рубка леса). Он уже никак не может быть приравнен ни к родительному принадлежности (завоевание не «принадлежит» Мексике), ни к родительному определительному («завоевание Мексики» мыслится не как вид завоевания, а как факт завоевания), и значение его сводится именно к переходу действия, выраженного в управляющем существительном на предмет, выраженный в управляемом. В тех случаях, когда в родительном имя неодушевленного предмета (как во всех предыдущих примерах), сочетания эти однозначны. Когда же родительным обозначен одушевленный предмет, они двузначны, так как предмет этот может быть мыслим не только как объект, но и как субъект действия (смешение с предыдущей рубрикой): «любовь отца» иногда значит то же, что «любовь к отцу», «преследование рабочих и крестьян» (из газет) обычно означает, что рабочих и крестьян преследуют, хотя значение субъекта действия навязывается уму и делает этот оборот неприятным. В отдельных случаях словарные условия могут и тут предопределять смысл (напр. «наказание ребенка» естественно дает объективный смысл, а «проповедь пастора» — субъективный), однако остается немало двусмысленных сочетаний (вроде вышеприведенного из газетного языка), которыми язык, несомненно, тяготится, и которые, так сказать, тянутся к внешней дифференциации.

д) Родительный количества (при окончании на у просто количественный): рюмка вина, чашка чаю, ведро воды и т. д. Значение абсолютно тождественно со значением родительного количества при глаголах (см. стр. 345). Этот родительный уже опять не связан с глагольными существительными (в таких случаях, как «питье чаю», «раздача денег» происходит, понятно, совмещение этой рубрики с предыдущей).

2) Дательный присубстантивный:

... стыдливость в девушке он считал не только остатком варварства, но и оскорблением себе... (Л. Толст.)

Это была книга Тиндаля о теплоте. Он вспоминал свои осуждения Тиндалю за его самодовольство в ловкости производства опытов... (Л. Толст.)

...жил семейно, имея при себе свою давно уже овдовевшую дочь, в свою очередь мать двух девиц, внучек Михайлу Макаровичу. (Достоевск.)

У всякого было самое верное известие, всякий имел список убитым и раненым... (Пушк.)

Как видно из примеров, дательный этот встречается и при неглагольных существительных, причем управление глагола меняется (оскорбляю себя — оскорбление себе, осуждаю Тиндаля — осуждение Тиндалю, списываю убитых и раненых — список убитым и раненым) и при неглагольных (внучек Михаилу Макаровичу). В обоих случаях дательный сохраняет то самое значение, какое он имел в тех сочетаниях, откуда он перенесен в данные сочетания. А перенесен он в них в первом случае из сочетаний со слабо-управляемым дательным (см. стр. 349), т. е. с таким дательным, который зависит не от глагола, а от целого словосочетания или общего смысла фразы («наношу оскорбление кому, высказываю осуждение кому или чему»), а во втором случае из сочетаний составного сказуемого с дательным (она мне внучка, он мне брат, он был друг Михаилу Макаровичу, преимущественно при именах родства, дружбы, соседства). Дательный этот является конкурентом родительного присубстантивного, причем в именах родства, дружбы, соседства он почти целиком уступает свои права родительному («пришла внучка Михаилу Макаровичу» звучит, собственно, необычно, и у Достоевского этот дательный связан с обособлением слова «внучек», из-за которого оно все же немножко ближе к предикативности), а в глагольных именах нередко выдерживает конкуренцию из-за той двусмысленности родительного при глагольных существительных, о которой только что было сказано (напр., «осуждения Тиндалю» яснее чем «осуждения Тиндаля»).

3) Присубстантивное сочетание: к+дательный существительного:

При этом известии он... почувствовал припадок этого странного, находившего на него чувства омерзения к кому-то... (Л. Толст.)

Во время нападения матери на отца она пыталась удерживать мать... чувствовала стыд за мать и нежность к отцу за его... доброту... (Л. Толст.)

Срвн. также: любовь к отцу, ненависть к врагу, милость к падшим, презрение к изменнику, уважение к товарищу, внимание

к словам учителя, доверие к другу и т. д. Соответствующие глаголы (если они имеются) управляют или винительным (люблю отца и т. д.), или дательным без предлога (доверяю другу). Сочетание это является довольно обычной заменой родительного объекта действия в тех случаях, когда его можно смешать с родительным субъекта.

Само собой разумеется, что присубстантивными могут считаться также и все падежи и предложно-падежные сочетания, употребляющиеся как предикативные, так как предикативные члены всегда относятся к подлежащим (см. стр. 258) и, следовательно, одной стороной своего значения всегда присубстантивны. А так как между предикативным и непредикативным смыслом их существуют большие колебания из-за возможности понимать глагол то как связку, то как полновесное сказуемое, причем во втором случае предикативный член может сделаться уже чисто-присубстантивным, то между предикативностью и присубстантивностью существует постоянный обмен формами. Если в сочетании «хвост у этого кота всегда трубой» творительный сознается предикативно, а в сочетании «у этого кота хвост трубой» может сознаваться и не предикативно (в смысле «имеется хвост трубой»), то отсюда один шаг до сочетаний: «этот кот имел хвост трубой», «этого кота отличает хвост трубой», где присубстантивность предикативной формы уже несомненна. И обратно, если какое-нибудь предложно-падежное сочетание с непространственным значением давно оторвалось от глагола и часто употребляется присубстантивно (напр. сочетание с предлогом «без»: «я видел корову без хвоста», «на нем была фуражка без козырька»), то при помощи модификации сочетания с глаголом «быть» оно легко перебирается в предикативные («его фуражка была без козырька»). Таким образом все предикативные формы являются в то же время и присубстантивными, и очень многие присубстантивные — предикативными (исключения обусловлены: 1) необходимостью отвлеченного значения для предикативности, чтобы глагол «быть» не получил значения существования, и 2) специальными привычками языка, см. стр. 290). Отсюда такие сочетания, как: «мне дали кусок в три фунта весом», «он надел шляпу котелком», «я познакомился с одним инженером из немцев», «он съел арбуз чуть не с ведро величиной» и т. д.

ТИП 3-й.

Прилагательное + управляемое им непосредственно или посредственно существительное (или субстантивированное прилагательное).

Прилагательные сами по себе, поскольку они не связаны прямо или косвенно (иногда лишь в прошлом языка) с глагольностью, не способны к управлению. Достаточно припомнить все прилагательные, обозначающие цвет (белый, красный и т. д.), форму (круглый, прямоугольный и т. д.), величину (большой, малый и т. д.), вкус (сладкий, кислый и т. д.), запах (розовый, фиалковый и т. д.), консистенцию (твердый, рыхлый и т. д.), температуру (горячий, холодный и т. д.), а также все относительные прилагательные (осенний, конский, братнин), чтобы убедиться в этом. Единственными управляемыми формами при прилагательных как таковых являются: 1) творительный «ограничения» (см. стр. 352), который зато уже является специально прилагательным по самому своему значению (слабый духом, сильный волей, высокий ростом, красивый лицом, белый телом и т. д., правда, опять-таки преимущественно при предикативных прилагательных: «был бел телом, высок ростом» и т. п.), 2) родительный количественный множественного числа (или единственного от имен собирательных) с предлогом «из» при превосходной степени: лучший из нас, мудрейшая из жен, храбрейший из батальона и т. д. Во всех остальных случаях, говоря об управлении, приходится иметь в виду почти исключительно нынешние или бывшие глагольные прилагательные (не причастия!). И здесь можно различать те же два основных случая, что и в предыдущем типе: 1) управление прилагательного тождественно с управлением соответствующего глагола: сердитый, злой на кого или что — сержусь, злюсь на кого или что, усталый от чего — устаю от чего, склонный к чему — склоняю к чему, покорный чему — покоряюсь чему и т. д., 2) управление прилагательного не тождественно с управлением глагола: сведущий в чем — ведаю что, знакомый кому или чему — знаю кого или что, падкий на что — падаю на что, во что, через что, сквозь что и т. д., полный чего или чем — «наполняю» только «чем», чуждый чего или чему — «чуждаюсь» только «чего» и т. д. Но во 2-м из этих случаев нельзя установить таких крупных типов

приадъективности, какие мы установили для присубстантивности. Поэтому изучение этого типа должно свестись к детальному изучению соотношений прилагательных с глаголами, неуместному в наших рамках. Приведем лишь несколько литературных примеров на него:

Пора покинуть скучный брег
мне неприязненной стихии... (Пушк.)
Глядит, невольно страха полный... (Пушк.)
... его нашел уж на столе,
как дань готовую земле. (Пушк.)

... Для нее вы будете случаем позлословить, а здесь вы возбудите другие, самые хорошие и противоположные злословию чувства... (Л. Толст.)

... Коля, почти изо всех младший..., предложил, что он ночью... ляжет между рельсами ничком... (Дост.)

Из темного леса, навстречу ему,
идет вдохновенный кудесник,
покорный Перуну старик одному... (Пушк.).
Тут был на эпиграммы падкий
на все сердитый господин... (Пушк.).
И синего моря обманчивый вал
в часы роковой непогоды,
и пращ, и стрела, и лукавый кинжал
щадят победителя годы... (Пушк.)
... Они все те же;
все тот же их знакомый слуху шорох... (Пушк.)

ТИП 4-й.

Сравнительная форма + управляемый ею родительный падеж существительного (или субстантивированного прилагательного):

... бег санок вдоль Невы широкой,
девичьи лица ярче роз... (Пушк.)

Не упал ли тебе миллион с неба? Нет ли у тебя жениха богаче меня? (Островск.)

Я их презрел. Ниже каблука своего считаю, вот где. (Остр.)

Не ей чета, и красивее ее найду. (Островск.)

Родительный имеет здесь специальное значение предмета, обладающего в меньшей степени, чем какой-то другой предмет, качеством, обозначенным в вещественной части сравнительной формы. Значение это выработалось из отделительного значения, так как процесс сравнения переживается в языке как процесс перехода мысли от одного предмета к другому (срвн. предлог «от» при сравнительных формах во многих языках: украинские «слащій від меду», «гіршій від перцю», то

же в польском и сербском). Наравне с родительным употребляется здесь и союз «чем» с именительным («лица ярче чем розы», «нет ли у тебя жениха богаче чем я»), причем такой оборот очень близок к сочетаниям с союзом «как» (см. ниже), и может быть тоже в известных случаях признан не отдельным предложением, а членом предложения. В тех случаях, когда сравнительная форма функционирует не как прилагательное, а как наречие, т. е. когда она относится не к существительному, а к глаголу («я люблю ее больше тебя», «я вижу его чаще вас», «он играет лучше Гофмана»), родительный приобретает здесь несколько иное значение: он обозначает уже не предмет, обладающий качеством меньшей степени, а предмет, менее участвующий в данном действии по отношению к признаку его, обозначенному в сравнительной форме, чем другой предмет. А так как при переходных глаголах участие предмета в действии может быть двоякое, как субъекта и как объекта, то отсюда вытекает полная двусмысленность этих оборотов при переходных глаголах: «я люблю ее больше тебя» может означать «больше чем ты» («родительный субъекта при сравнительной форме») и «больше чем тебя» («родительный объекта при сравнительной форме»), «вижу его чаще вас» может означать и «чаще чем вы» и «чаще чем вас», и т. д.

ТИП 5-й.

Составное сказуемое + управляемое им непосредственно или посредственно существительное (или субстантивированное прилагательное).

Тип этот не самостоятелен, так как складывается из трех последних типов (брат учителя — он был брат учителя, готовый на все — он был готов на все, лица ярче роз — лица были ярче роз). Но все же здесь следует отметить особую частость дательного присубстантивного при именах родства, дружбы, соседства и вообще близости физической или духовной (он был мне брат, друг, помощник, наперсник; я был этому свидетель, очевидец и т. д.), который вне составного сказуемого употребляется, как мы видели, очень редко. Кроме того можно отметить слабо-управляемые винительные времени, места и количе-

ства (см. стр. 341—342), употребляющиеся при составных сказуемых так же, как при простых (еще одна черта слабого управления!): «я был спокоен всю ночь», «всю дорогу», «он должен мне тысячу рублей».

ТИП 6-й.

Прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное (или субстантивированное прилагательное): белый цветок, хорошему человеку и т. д. Сочетания эти столь всеобщи и столь часто уже затрагивались, что о них почти нечего сказать. Упомянем только, что: 1) согласование по смыслу (т. е. с вещественной стороной существительного) встречается и здесь, хотя и реже, чем в глаголе (срвн. у Пушкина «балованный дитя свободы», у Островского: «ну, а как твой-то чадо» и вообще «чадо» про мужчин всегда у Островского с мужской формой прилагательного), 2) при наличии предлога перед данной группой он иногда повторяется и внутри группы («Раз у тесовых у ворот с подружками своими сидела дéвица...», Пушк.), что́ в разговорном языке является диалектизмом (повторение здесь предлога свойственно народным говорам), а в литературе — специальным стилистическим приемом для придания народного колорита.

ТИП 7-й.

Существительное (или субстантивированное прилагательное) + примыкающая к нему сравнительная форма:

... девичьи лица ярче роз... (Пушк.)

Нет ли у тебя жениха богаче меня? (Островск.)

Сравнительная форма функционирует здесь как прилагательное. Однако отсутствие форм согласования, несомненно, стесняет говорящего, что видно из того, что он: 1) часто прибегает к описательной форме: «лица более яркие, чем розы», «жениха более богатого», 2) изредка прибегает к обособлению: «один из спутников, помоложе, отвечал...» (Гонч.)

ТИП 8-й.

Однопадежные сочиненные сочетания. Тип этот разбивается на два подтипа:

1) Цельные сочетания из сочиненных существительных. Это то, что в школе называется «приложением» + то, к чему оно «приложено» (гражданин Иванов, князь Курбский, злодейка-тоска, красавица-дочь и т. д.). В своем месте (стр. 162 и след.) мы уже указывали на то, что словарные условия создают здесь в большинстве случаев преобладание одного представления над другим, аналогичное грамматическому преобладанию существительного над прилагательным. Здесь нам остается только добавить, что в некоторых случаях имеются и грамматические признаки такого преобладания, правда локализирующиеся уже вне данного словосочетания. Именно, когда при данных существительных имеется общее им всем прилагательное или глагол в прошедшем времени, то согласование в роде (при разнородности их) вынуждено считаться только с одним из них, и то существительное, с которым прилагательное или глагол согласуются в роде, можно считать в известной мере грамматически преобладающим над своим конкурентом: «премудрый крыса Онуфрий» (Жук.), «будущий человек-дрянцо» (Гог.), «самой товарищу Федоровой» («Свобода России», 1918, № 7), «собака «Шарик» прибежала», «пароход «Революция» пришел» и т. д. Изредка на то же указывают и формы числа глагола и прилагательного: «город Афины отличался», «мы приближались к славному городу Афинам», «деревня «Дубровки» вся сгорела». Правда, при именах лиц показания глагола аннулируются, а показания прилагательного ослабляются тем, что глагол всегда, а прилагательное иногда имеет самостоятельную форму рода (в сочетаниях «женщина-врач пришла», «я пойду к нашей женщине-врачу» женский род глагола и прилагательного может объясняться вещественными причинами), а при неличных именах и то и другое несколько ослабляется влиянием порядка слов (стремление согласующегося члена согласоваться с ближайшим именем, напр.: «Ферапонтов был толстый... мужик, с толстыми губами, с толстою шишкой-носом...», Л. Толст., где согласование по всей вероятности вызвано порядком слов). Однако в тех случаях, когда согласование противоречит при именах лиц вещественным условиям, а при неличных именах влиянию ближайшего имени, можно видеть в формах согласования уже несомненный показатель преобладания одного из сочиненных существительных над другим. Но гораздо чаще случаи, когда вообще этот побочный признак отсутствует (прилагательного

совсем нет, глагол стоит в настоящем или будущем времени, оба существительных одного рода), и в этих случаях, с грамматической точки зрения, подчинения нет. В тех же случаях (наиболее частых), когда одно из существительных обособляется (см. гл. XXII), подчиненно-сочиненным является, независимо от словарных условий, обособленное существительное, поскольку самое обособление всегда связано с уподоблением придаточным предложениям, т. е. с подчинением.

Так называемые «несогласуемые» приложения школьных грамматик касаются фактов двух родов: 1) Названий разных предметов, употребляемых именно как названия, т. е. как обрывки речи человека, впервые назвавшего их: «мы приехали на пароходе «Революция», «я член общества «Долой неграмотность» и т. д. Случаи эти однородны со «словесными» иноформенными подлежащими (давалось «На всякого мудреца довольно простоты» и т. д., см. стр. 237), но там оставались следы формальной связи, почему мы и признали там заместители подлежащих; здесь же мы скорее склонны видеть примыкающие «словесные» члены (под термином «словесный» имеем в виду то, что здесь элемент речи является не как знак отдельного от него реального представления, а сам образует одновременно и реальное представление и знак его); 2) такие сочетания, как «я князь-Григорию и вам фельдфебеля в Вольтеры дам», «послушать, так его мизинец умнее всех и даже князь-Петра» (Гриб.), «Кто царь-колокол подымет, кто царь-пушку повернет?» (Глинка) и т. д. Срвн. также: бой-баба, козырь-девка, горе-охотник, плакун-трава, иван-чай, Москва-река, которые никогда не склоняются раздельно— «бой-бабы», а не «боя-бабы» и т. д.), и народно-поэтические: «в Дунай-реке», «Инсус-Христа», на «Фавор-горе» и т. д. Это просто уже сложные слова, а не словосочетания, так как они склоняются слитно и не допускают разделения и вставки прилагательных. Так же мы понимаем и сочетания: «у Петр Ивановича», «к Михаил Петровичу» и т. д., и подтверждение своего взгляда видим в интересных образованиях притяжательных прилагательных от этих слов: «Михаил-Петровичево посещение», «Петр-Иванычева шляпа» (срвн. у Леонова в «Барсуках» и притом не в чужой речи: «Сергей-Остифеичеву кровь»), даже «Анна-Михайловнина шуба», из чего можно заключить, что и вообще сочетание имени с отчеством образует не словосочетание, а сложное слово.

К «однопадежным сочетаниям», конечно, не следует относить эмфатических повторений существительного в том же падеже, вроде: «Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображенье», «Нет, Лепорелло, нет, она свиданье, свиданье мне назначила». (Пушк.) Что совпадение падежей само по себе не имеет здесь никакого грамматического значения, ясно из того, что любая форма и любой член предложения могут подобным образом повторяться: «Там, там под сенью кулис младые дни мои неслись», «Забыв войну, потомство, трон, один, один о милом сыне в уныньи горьком думал он», «... и не проходит жар ланит, но ярче, ярче лишь горит». (Пушк.)

2) Раздвоенные сочетания существительного и прилагательного:

Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую. (Посл.)

А это ничего, что свой ты длинный нос
и с глупой головой из горла цел унес? (Крыл.)

Разумеется, с точки зрения Прокофия, видевшего его в оборванной шубе и пьяного, он — презренный человек. (Л. Толст.)

Константин с помощью Маши уговорил его никуда не ездить и уложил спать совершенно пьяного. (Л. Толст.)

Он думал об одном, что сейчас увидит ее не в одном воображении, но живую, всю, какая она есть в действительности... (Л. Толст.)

Если бы Чичиков встретил его так принаряженного где-нибудь у церковных дверей, то дал бы ему медный грош... (Гог.)

Выгнал сотник свою дочку босую из дому... (Гог.)

Признаюсь, я очень удивился, услышав ее (собачку) говорящую по-человечески. (Гог.)

Это еще милость, когда сварят его живого в котле... (Гог.)

Я нашел его у ворот сидящего на скамейке. (Лерм.)

Мы пошли к Сильвио и нашли его на дворе сажающего пулю на пулю... (Пушк.)

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения. (Пушк.)

Они... все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных... (Пушк.)

Я нашел его окруженного нашими офицерами... (Пушк.)

Бесов вообще рисуют безобразных... (Лерм.)

... И ласточку свою, предтечу теплых дней,
он видит на снегу замерзшую. (Крыл.)

Приходила нянька и, взяв его с коленей матери, уносила сонного в постель. (Гонч.)

Когда Федю пьяного привозили домой... («Русск. мысль», I, 1915, П. Кочевой, «Земное»).

Привезли его из каких-то теплых мест, уж не знаю, только связанного. (Островск.)

Сочетания эти представляют скудные остатки бывшего когда-то очень распространенным оборота «двойного винительного», состоявшего не только из существительного и прилагательного, как в наших примерах, но и из двух существительных и употреблявшегося не только при личных местоименных существительных, как почти во всех наших примерах, но и при любых существительных (срвн. следующие сочетания из памятников в дословном переводе: «кого, отче, благословишь на свое место пастыря нам и учителя?», «кого ты нам прикажешь на свое место игумена?», «Олег причину представил материну болезнь», «кланяемся тебе и хотим тебя иметь себе отца и игумена»,

«имея ее утеху и заступницу», срвн. также у раннего Пушкина: «тебя младенцая ласкал» из стих. «Дочери Карагеоргия»). Собственно говоря, эти сочетания, как не принадлежащие уже современному литературному языку, могли бы быть обойдены нами, если бы не два собстоятельства: 1) происшедшая в них замена второго винительного творительным («муж жену любит здоровою» и т. д.) очень поучительна при сравнении с аналогичной заменой именительного предикативного творительным (см. стр. 284 и след.) и расширяет эту важную синтаксическую характеристику славяно-балтийских языков (в з.-европейских языках здесь так же невозможен творительный, как и в предикативных оборотах) и 2) три прилагательных: один, сам, весь, весьма распространенных в языке, и по сию пору продолжают употребляться в винительном, а не в творительном (нельзя сказать: «я видел его одним, самим, всем», а только «видел его одного, самого, всего»). Наряду с двойным винительным из древних языков известны и другие двойные надежи, от которых слабые следы опять-таки дожили и до наших дней, как видно из следующих примеров:

Я, говорит, то самое дело сделал и нож тебе под голову сонному подложил. (Л. Толст., двойной дательный.)

Она должна была опуститься до действительности, чтобы наслаждаться им таким, каков он был. (Л. Толст., двойной творительный.)

Коль до когтей у них дойдет,
то, верно, льву не быть живому... (Крыл., двойной дат. при инфинитиве, где тоже уже чаще находим творит: «льву не быть живым».)

И нищему не то, чтоб пить иль наедаться —
дай бог здоровому с двора убраться. (Крыл.)

Мне должно было стрелять первому. (Пушк.)

Вронский уже не мог чувствовать... досады на него за то, что он, приехав в полк, пришел не к нему первому. (Л. Толст.)

В живом в нем не было здесь проку никакого... (Крыл., двойной предложный.)

Ведь не раз я думала, что тоскую о нем о живом больше, чем о мертвом... («Русск. мысль», 1913 г., II, «Лунный свет», Руновой.)

Он у меня же у подсудимого деньги таскал взаймы! (Дост., отсутствие запятых заставляет предположить двойной падеж.)

За исключением двойного дательного все двойные падежи связаны здесь с личными местоименными существительными, и тут мы опять должны вспомнить, что существительные эти не приемлют прилагательных в обычном порядке, и что, таким образом, присоединить к ним прилагательное возможно только либо в порядке двойного падежа, либо в порядке обособления. Прила-

гательные «один», «сам» и «весь» и тут составляют исключение в том смысле, что употребляются в двойных конструкциях не только при личных местоименных, но и при других существительных: «я говорил с братом с о д н и м» (в смысле «наедине»), «я к начальнику к с а м о м у пойду» и т. д. Особенность всех этих сочетаний по сравнению с типом 6-м (прилагательное + существительное) состоит в том, что падеж прилагательного здесь н е п о д ч и н е н падежу существительного, к которому оно относится, а подчинен прямо г л а г о л у наравне с самим существительным. «Муж жену любит здоровую» ощущается как «любит жену» + «любит здоровую», а не как «любит здоровую жену» (срвн. ритмический показатель — два ударения, и на существительном и на прилагательном, в одном случае, и одно ударение, либо на существительном, либо на прилагательном — в другом). В связи с этим между прилагательным и существительным устанавливается особое отношение п р е д и к а т и в н о с т и, приближающее это сочетание к сочетанию «муж жену любит, к о г д а о н а з д о р о в а». Точно так же «я видел его всего» приближается к «я видел его, п р и ч е м о н б ы л в и д е н в е с ь», «он у меня же у подсудимого деньги таскал» приближается к «у меня же, к о г д а я б ы л п о д с у д и м ы м» и т. д. Вторые падежи так и называются часто «предикативными» наравне с именительным и творительным предикативными, хотя, конечно, прав у них на такое название, собственно, нет, так как в состав сказуемого они не входят. Вернее всего видеть здесь нечто вроде того, что мы ниже называем обособлением (см. гл. XXII), т. е. такое выражение категории сказуемости исключительно интонационными средствами, которое связано с определенными синтаксическими условиями и потому не может быть приравниваемо к обычному разнобою интонационной и формальной сказуемости. Но в то время как обособление характеризуется интонационным в ы д е л е н и е м известных групп, здесь дело идет о частичном интонационном р а з д в о е н и и предложения и об интонационном п а р а л л е л и з м е. Тут мы подходим уже и ко второму отличию этих сочетаний — не от 6-го типа, а от предыдущего подтипа. В сочетаниях предыдущего подтипа, поскольку нет обособления, ударение в с е г д а на о д н о м из сочиненных элементов («гражданин И в а н о в», «красавица з о р ь к а в небе загорелась», «п ч е л у-работницу напой» и т. д., и это, с одной стороны, символизирует то преобладание одного из существительных

над другим, о котором говорилось выше, а с другой стороны, объединяет оба падежа в нечто цельное. В данных же словосочетаниях, напротив, по самой их сущности, более уместны два ударения, и это символизирует полное равноправие прилагательного и существительного и связанное с этим раздвоение фразы. Если мы в pendant к «муж жену любит здоровую» скажем: «муж жену любит работницу» и сравним это сочетание с сочетанием «пчелу-работницу напой», то поймем вполне разницу между нашими подтипами. Заметим еще, что цельность первого подтипа и раздвоенность второго характеризуется не только ритмически, но и 1) возможностью вставки во втором подтипе одного или целого ряда членов между сочиненными элементами (срвн. примеры на стр. 386) и 2) обязательностью в некоторых случаях повторения предлога (срвн. там же последний и 3-й с конца примеры, в которых без повторения предлога нельзя было обойтись).

ТИП 9-й.

Однопадежные сочиненно-подчиненные сочетания с союзом «как» между падежами:

1) Как человек разумной середины,
он много в сей жизни не желал... (Некр.)

В Риме, как в государстве, слишком многое осталось от цивилизации и мудрости языческой. (Дост.)

Он... как светский и умный человек, постарался быть с нею... особенно любезным. (Л. Толст.)

2) Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя, как писателя. (Чех., запятая взята из изд. Маркса, см. ниже.)

Я признаю его как ученого, но не как поэта...

Если оценивать Жуковского исключительно как переводчика, то...

Если мы подойдем к Жуковскому только как к переводчику, то...

Как видно из примеров, сочетания эти могут иметь двоякий смысл. В первой группе примеров значение союза осложнено (с помощью обособляющей интонации, см. гл. XXII) особым оттенком соответствия или сообразности, так что «как» приблизительно равняется «как и подобает», «как и можно было бы ожидать» и т. д. (напр., «в Риме, как это было естественно в государстве...»). Во второй группе примеров этого осложнения нет, и сравнительное значение союза выступает в

чистом виде. Однако и там и тут есть две особенности, объединяющие оба случая: 1) обязательная однопадежность, сознаваемая как выразительница определенного соотношения между однопадежными членами, 2) невозможность толковать второй падеж как особое придаточное предложение с союзом «как». Дело в том, что такое толкование могло бы быть основано только на подразумевании при этом «как» отдельного сказуемого, заимствуемого из главного предложения, что́ иногда и возможно при этом союзе (напр.: «он поет, как артист» можно, хотя может быть и не обязательно, толковать как «он поет, как поет артист» *. Но в вышеприведенных фактах такое подразумевание (по крайней мере без перемены наклонения глагола) прямо невозможно (предоставляем читателю на соответствующих подстановках самому убедиться в этом). Во второй группе случаев выявляется кроме того слишком резкое соответствие этих сочетаний сочетаниям со вторыми падежами «признаю его как ученого, но не как поэта» равняется древнему «признаю его ученого, но не поэта» и современному «признаю его ученым, но не поэтом») и полная невозможность сделать интонационный раздел (запятая здесь в настоящее время некоторыми издательствами принципиально отвергнута). Несомненно, мы здесь имеем синтаксическую пропорцию:

«признаю его как ученого» : «он признается как ученый» = «признаю его ученым» : «он признается ученым».

А тип: «он признается как ученый», «он вскочил как ошпаренный», «он стоит как дурак», «он спит как убитый» и т. д. есть не что иное, как вещественная разновидность («вещественное составное сказуемое») того типа составного сказуемого с союзом «как», который мы уже отметили на стр. 325 : «он был как сумасшедший», «мясо сделалось как мочала» и т. д. Таким образом мы получаем здесь, с одной стороны, однопадежность как признак сочинения, а с другой стороны, связь посредством союза «как», сохраняющего и здесь, конечно, свое необратимое (срвн. «мясо сделалось как мочала» и «мочала сделалась как мясо», «я понимаю поэта как трибуна» и «я понимаю трибуна как поэта») и потому подчиняющее значение. Вот почему мы и назвали эти сочетания «сочиненно-подчиненными».

---

* Некоторые авторы считают и тут «подразумевание» слишком искусственным и видят во всех одиночных членах с союзом «как» подчинение посредством союза внутри предложения.

ТИП 10-й.

Глагол + примыкающий к нему инфинитив («хочу писать», «прошу сесть», «не мешайте заниматься» и т. д.). Главной особенностью этих сочетаний является побледнение вещественного значения глагола, аналогичное побледнению его в составных сказуемых, и перенесение центра тяжести на инфинитив, аналогичное опять-таки перенесению центра тяжести в составных сказуемых на присвязочный член (почему некоторые авторы и говорят здесь об инфинитивной связке и о двойном сказуемом). В самом деле, сравнивая:

Он собирается на охоту.	Он собирается охотиться.
Он дал денег.	Он дал знать о себе.
Он пошел в лес.	Тут он пошел расписывать свои приключения.
Он сел в кресло.	Он сел заниматься.
Он бросил работу.	Он бросил работать.

И т. д.

видим, что в правых примерах глагол легковеснее, отвлеченнее, чем в левых, и что он приобретает тут те же, напоминающие глагольную категорию вида, оттенки, что и в предикативных сочетаниях (см. стр. 253 и след.). Так, в сочет.: «он собирается охотиться» глагол обозначает не столько самые сборы, сколько намерение, готовность, вообще предварение действия (срвн. видовой оттенок в словах: «запродажа», «запродать», «запросить», «загадать»); в сочетаниях: «пошел расписывать», «сел заниматься» ясен оттенок начала действия, в сочетании: «бросил работать» — конца действия и т. д. Иногда это изменение значения глагола при инфинитиве приводит к точно таким же результатам, как и изменение значения при предикативных членах. Так, напр., глагол «стану» и там и тут утратил полностью все свое значение «стояния» и в обоих случаях имеет чисто видовое начинательное значение («стал комиссаром», «стал писать»). В связи с этим возникает и тут особая синтаксическая цельность. Как «стал комиссаром» не равняется: «стал + комиссаром» (т. е. стал в позу комиссара, остановился по-комиссарски), так и «стал писать» не равняется: «стал + писать» (т. е. остановился, чтобы писать). Здесь, при инфинитиве, эта цельность может вести даже к образованию особой состав-

ной формы. Таковы, напр., древне-русские: «иму дѣлати», «хочю дѣлати», «начьну дѣлати», имевшие смысл обычного будущего времени, таково малорусское «му робити», уже перешедшее даже в простую форму: «робитиму», таково же и наше будущее сложное: «буду делать» (срвн. также: «заседание имеет быть...», «погода хочет разгуляться»). Конечно, степень этого слияния глагола с инфинитивом в отдельных случаях очень различна. Если на одной стороне стоят такие сочетания, как: «му робити» или «буду писать», где слияние дошло до своего предельного пункта, то на другой стороне мы видим такие сочетания, как : «позаботился приготовить», «приказал запрячь», «распорядился убрать», где слияние совершенно незаметно. Но есть основание полагать, что в большей или меньшей степени (может быть иногда в чисто-потенциальном виде) оттенок этот присущ всякому сочетанию глагола с инфинитивом. Именно, вдумываясь в причину тех превращений, которые претерпевает здесь глагол, мы найдем, что тут все дело в инфинитиве, и притом не в глагольности его значения самой по себе, как это можно было бы предположить, а только в том, что инфинитив уже не существительное. Вещественное значение глагола вообще связано теснейшим образом с его управляемым существительным. В сочет.: «пошел в лес», «сел в кресло» управляемые существительные своими вещественными и своими падежными значениями (винительный направления движения) поддерживают в глаголах их исконные вещественные значения. Вот этой поддержки-то инфинитив и не может дать глаголу, так как он перестал быть существительным, перестал быть тем предметом, с которым связано действие, а получил совершенно особое и в высшей степени отвлеченное значение. Понятно, что и действие, лишенное объекта и в то же время остающееся переходным, становится отвлеченнее. Конкретное «давание», хотя бы и не руками («дает бал»), переходит в отвлеченное понятие причинения («дает знать», «дает почувствовать»), потому что нет предмета, который бы можно было «дать», хотя бы и отвлеченного. А раз так, раз все дело в отсутствии существительного и в «обессиливающем», так сказать, влиянии инфинитива, то ясно, что в большей или меньшей степени оттенок этот должен сопровождать всякое столкновение глагола с инфинитивом.

Само собой разумеется, что между «д а ю понять», «д а ю щ и й понять», «д а в а я понять» и «д а т ь понять» нет в этом отношении ни малейшей разницы, и что, следовательно, и в этом типе, как в типе 1-м, мы должны понимать термин «глагол» в широком смысле слова.

В отношении связи приглагольного инфинитива с другими членами предложения сочетания эти представляют два принципиально различных типа. На одной стороне стоят такие сочетания, как «хочет учиться», «ленится думать», «любит барствовать» и т. д., а на другой такие, как «просит прийти», «заставляет лежать», «убеждает бросить». В первых инфинитив связан как выразитель действия через посредство глагола с подлежащим; во вторых — с управляемым членом. Это инфинитив субъекта и объекта (срвн. аналогичные явления для родительного при сравнительной форме, стр. 381, для творительного с предлогом **с**, стр. 361, для творительного предикативного и полупредикативного, стр. 351—352). Инфинитив объекта связан всегда с побудительным значением основы подчиняющего глагола.

Относительно «примыкания» инфинитива надо заметить, что этот термин отнюдь не обозначает в данных сочетаниях (в отличие от других инфинитивных сочетаний, см. два следующих типа) слабости синтаксической связи (что́, впрочем, ясно и из всего предыдущего анализа). Напротив, существует це́лый ряд глаголов, которые требуют инфинитива при себе, потому что при переходном значении основы они порвали со всеми управляемыми существительными (обычно кроме существительного «что» и субстантивированного прилагательного «это») и связались исключительно с инфинитивами. Таковы, напр., глаголы «смею», «могу», «умею», «пытаюсь», «пробую» (в том же смысле), «собираюсь», «предполагаю» (в том же смысле), «велю», «приказываю». Можно сказать: «что я умею?» и «я умею это» (при некоторых даже эти существительные неудобны, напр. «что я могу?» звучит несовсем литературно) — и только. Нельзя сказать: «я умею дело», а только «умею делать» и т. д. Получаются особого рода инфинитивно-переходные глаголы, и «примыкание» инфинитива при них столь же сильно, как и самое сильное управление. По сравнению с обычным примыканием эти случаи следовало бы называть сильным примыканием. Наряду с инфинитивно-переходными гла-

голами отметим и сочетания: считаю нужным, признаю полезным, уместным (со средним родом субстантивированного прилагательного) и т. д., требующие инфинитива.

ТИП 11-й.

Существительное + примыкающий к нему инфинитив:

... охоты властвовать примета... (Пушк.)

Уменье входить в положение других было одной из лучших черт в характере царя. (Ключевский.)

Срвн. также «свойство краснеть», «обычай праздновать Рождество», «искусство притворяться», «желание нравиться», «отказ помочь», «надежда приехать», «способность работать» и т. д. В одних случаях присоединимость инфинитива объясняется связью его с соответствующими глаголами («желанье нравиться» при «желает нравиться»), в других — с прилагательными («способность работать» при «способный работать»), в третьих — принадлежит им самим по себе («свойство краснеть»).

ТИП 12-й.

Прилагательное + примыкающий к нему инфинитив:

Дрожат, готовы грянуть, струны... (Пушк.).

На фабрике-то у нас елехтор немец, Вандер, и такой-то злой пить, что кажется, как только утроба человеческая помещает... (Островск.)

Срвн. также: склонный прощать, способный работать. Сочетания эти менее распространены, чем предыдущие.

ТИП 13-й.

Составное сказуемое + примыкающий к нему инфинитив: «я рад вас видеть», «он готов пожертвовать для нее всем» и т. д. С одной стороны, сочетания эти определяются способностью участвующих в них прилагательного и существительного присоединять к себе инфинитив («готовый пожертвовать» — «он готов пожертвовать»), с другой стороны, в целом ряде случаев составное сказуемое само по себе, уподобляясь соответствующему простому, требует инфинитива: «не дурак выпить», «мастер обмануть» и т. д. (по аналогии с «умеет выпить»).

ТИП 14-й.

Глагол + примыкающее к нему наречие. См. стр. 109 и след.

ТИП 15-й.

Прилагательное + примыкающее к нему наречие (обычно в обратном порядке), см. там же.

ТИП 16-й.

Существительное + примыкающее к нему наречие. На стр. 76 и 117 уже было указано, что сочетания эти всецело обусловливаются глагольностью существительного. Такие сочетания, как:

Из окна напротив высунулась голова. (Тэффи.)

считаем совершенно исключительными.

ТИП 17-й.

Глагол (в широком смысле слова) + примыкающее к нему деепричастие:

... произнеси его, тоскуя... (Пушк.)
Кольцо катится и звенит,
жених дрожит, бледнея... (Пушк.)

Другие примеры см. в гл. XXII в связи с вопросом об обособлении деепричастия.

ТИП 18-й.

Наречие + примыкающее к нему наречие (порядок обратный).

Нет, это я его маленько ушиб, второпях, — ответил Тихон глухо громко и шагнул в сторону. (Горьк.)

Он очень охотно пошел мне навстречу.

ТИП 19-й.

Связочные, но не предикативные сочетания:

Если бы я хоть немножко могла быть похожа на вас. (Л. Толст.)

Она чувствовала, что нынешний вечер... должен быть решительный в ее судьбе. (Л. Толст.)

Как, быв честным котом до этих пор... (Крыл.)
... свидетелями быв вчерашнего паденья... (Пушк.)

... одной картины я желал быть вечно зритель... (Пушк.)
Я... конечно, могу быть обманута... (Островск.)
... надо только быть откровенной. (Он же.)
Самым ярким администратором в этом смысле является некий майор Николаев, бывший в продолжение семи лет начальником Дуйского поста. (Чех.)

Сочетания эти с морфологической стороны не образуют особой рубрики: они распадаются частью между типами данной главы, частью между типами составных сказуемых (гл. XI). Но мы считали нужным о них упомянуть, потому что синтаксически они на особом положении: глагол (в широком смысле слова) является в них связкой (ведь «быть» не значит здесь «существовать»), второй член их морфологически абсолютно тождествен с присвязочными членами составных сказуемых (см. примеры) и в то же время это не составные сказуемые, потому что глагол здесь не собственно-глагол. Это именно «непредикативные сочетания с глагольной связкой и с присвязочным членом». Именительный присвязочный и здесь звучит нередко архаизмом, так как в живой речи заменен творительным (срвн. у Пушкина «быть зритель» на месте современного «быть зрителем»).

XIV. ГЛАГОЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Все рассматривавшиеся до сих пор предложения строились по шаблону: «именит. падеж существительного + согласуемый с ним глагол или глагольная связка». Правда, не во всех разбиравшихся предложениях шаблон этот был выдержан. Хотя вопрос о неполных предложениях пока еще не был рассмотрен (см. гл. XX), но нам приходилось уже сталкиваться и с такими предложениями, где отсутствовала п е р в а я половина этого шаблона («люблю тебя, Петра творенье», «любит — не любит»), и с такими, где отсутствовала вторая («ты куда?», «я тебя!»). Но во всех таких случаях мы по окружающим формам легко могли воссоздать недостающие. В случае отсутствия подлежащего мы видели в сказуемом признаки с о г л а с о в а н и я с этим отсутствующим подлежащим или, по крайней мере, н а м е к а на согласование (при повелительном наклонении), в случае отсутствия глагола видели приглагольное существительное или наречие, вызывавшие представление о глаголе. И мы подводили без колебаний все такие сочетания под тот же шаблон, подобно тому как, найдя в поле скелет птицы без черепа, мы узнали бы в нем обычный птичий скелет и не предположили бы существования особой породы безголовых птиц. Теперь мы переходим к совсем иному синтаксическому шаблону, к предложениям, в которых н е м о ж е т быть подлежащего по самому их строению, подобно тому как не может быть головы у бесчерепного позвоночного — ланцетника. Это так называемые «безличные» предложения. Для того чтобы понять, что это такое, необходимо знакомство с понятием б е з л и ч н о г о г л а г о л а, к которому мы и переходим.

В каждом индо-европейском языке существуют глаголы, которые морфологически образуют совершенно особую, резко отличную от всех остальных глаголов, группу. Именно, в то время как глагол есть прежде всего слово, изменяющееся по лицам и числам, а в прошедшем времени у нас в русском языке по родам и числам, существует целый ряд глаголов, которые не и з м е н я ю т с я по этим категориям. Таковы, напр., у нас глаголы: «светает», «вечереет», «моросит», «смеркается», «тошнит», «нездоровится», «неможется», «спится», «дремлется», «хочется»

и др. У них существует только одна форма 3-го лица единственного числа, а в прошедшем времени — среднего рода единственного числа («светало», «смеркалось», «спалось» и т. д.). Форм «светаю», «светаешь», «светал», «светала» и т. д., «сплюсь», «спишься» и т. д. — нет. А так как всякая форма сознается лишь по ассоциации с двумя рядами форм (см. схему на стр. 13), здесь же одного ряда (вертикального) недостает, то, очевидно, и самая форма 3-го лица единственного числа (а в прошедшем времени среднего рода единственного числа) должна сознаваться в этих глаголах крайне смутно. Она может просвечивать в них только по сравнению с существующим горизонтальным рядом, т. е. с такими формами, как: «работает», «читает», «пишет», «ленится», «веселится» и т. д. Но стоит только сопоставить «работает» и «светает», «веселится» и «спится», чтобы убедиться, что глаголы эти сознаются совсем иначе. «Светает» и «спится» это не настоящее 3-е лицо единственного числа, а какое-то неясное, как бы потерявшее свой обычный третьеличный облик. Точно так же «светало» и «спалось» не настоящий средний род единственного числа. В отношении других категорий эти глаголы ничем не отличаются от всех прочих, т. е. имеют и времена («светает» — «светало» — «будет светать»), и наклонения («светает» — «светало бы» — «пусть светает» *, и виды («рассветало» — «рассвело»), и отчасти залоги («светает» — «смеркается»). Но все эти формы последовательно проводятся все по тому же ненастоящему 3-му лицу единственного числа и ненастоящему среднему роду единственного числа. Вот такие-то глаголы и выделяются в особую категорию **безличных**, а все остальные глаголы получают, по сравнению с ними, название **личных** глаголов.

Теперь посмотрим, какое значение получает безличный глагол в связной речи. Так как он имеет формы времени и наклонения, создающие сказуемость, то он должен образовать в предложении сказуемое. Но так как у него нет настоящих форм согласования сказуемого с подлежащим (лицо, число и в прошедшем времени род), приурочивающих выраженную временем и на-

---

* Простая форма повелительного наклонения («светай!») тоже возможна, но только в условном смысле: «светай в те дни немножко раньше, я давно уже был бы с добычей» или в смысле внезапности: «и привелось мне на ту пору быть у сестры».

клонением деятельность к определенному деятелю, то получается сказуемое совсем особого рода: оно изображает деятельность без деятеля, или деятельность, оторванную от своего деятеля. Понятно, что оно не только не может иметь при себе никакого подлежащего, но не может и намекать на какое-либо определенное подлежащее, так как намек этот делается при помощи форм согласования, а этих форм у него нет. Очевидно, это будет особый «бесподлежащный» тип предложения, в которых «бесподлежащность» — не случайное явление, а составляет самую их сущность. С внутренней стороны эти предложения можно определить, как **предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли.** С внешней стороны, как синтаксический шаблон, они определятся, как: **«несогласуемый ни с чем глагол»** или, в случае распространенности: **«несогласуемый ни с чем глагол + зависящие от него второстепенные члены»**. Это совершенно особая группа форм словосочетаний и особая формальная категория русского языка. Так как глаголы, образующие эти предложения, искони назывались безличными, то и самые предложения называются безличными.

Термины: «безличный» глагол и «безличное» предложение очень не точны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может. Лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них 3-м лицом. 3 лица — это три основные точки языкового сознания, как 3 времени — три основные точки внутреннего восприятия. И как не может быть «четвертого», «пятого» и т. д. лица, так не может и совсем не быть лица в мысли. Даже и с неязыковой точки зрения по крайней мере два лица необходимы: «я» и «не я». «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность). И действительно, вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы 3-го лица. Как бы ни устранялся из мысли в выражении «светает» деятель, производящий свет, он во всяком случае не кажется скрытым во мне или в человеке, с которым я говорю, а, напротив, может и должен быть скрытым где-то вне нас обоих. «Светает» — это неизвестно кто (и даже самый вопрос «кто?» невозможен), но это во всяком случае не я и не ты. К тому же приводит и чисто-морфологический анализ этой формы: «светает» во всяком случае скорее может ассоциироваться с «работа**ет**», «пиш**ет**», «чита**ет**», чем с «работа**ю**», «работа**ешь**», «работа**ем**» и т. д. Ясно, что поскольку лицо должно вообще мыслиться в глаголе, оно мыслится здесь как третье. Но мыслится-то оно с минимальной ясностью. Интересно также сопоставить безличный глагол с

инфинитивом: «света**ет**» и «света**ть**», «смерка**ется**» и «смерка**ться**», «тошни**т**» и «тошни**ть**» и т. д. По сравнению с инфинитивом в безличном глаголе сознается нечто вроде лица. Инфинитив совершенно безличен или, лучше сказать, «внеличен». В безличном же глаголе есть известный минимум лица, известный намек на лицо. Можно сказать, что при устранении какого бы то ни было лица из глагола неизбежно остается и должно остаться сознание, какое именно лицо устранено. Поэтому наиболее точным названием было бы: «глаголы с устраненным третьим лицом» и «предложения с устраненным третьим лицом». Но стоит ли вводить эти длинные, неуклюжие термины? Не лучше ли воспользоваться древнейшим и привычнейшим термином, оговорив его условность? Что касается термина: «бессубъектные предложения» (по-русски — «бесподлежащные»), употребляемого некоторыми учеными, то он нам представляется не менее условным, чем термин «безличное», потому что: 1) под него подойдут и неполные предложения с опущенным подлежащим типа: «любит — не любит», 2) сама по себе полная «бесподлежащность» для глагольных предложений так же невозможна, как и полная «безличность». Раз «подлежащный» тип глагольных предложений существует в языке, то «бесподлежащные» глагольные предложения могут сознаваться только на фоне «подлежащных» и только сравнительно с ними. Сознанию того, что какая-то форма устранена, неизбежно должно сопутствовать и смутное представление о том, какая это была бы форма. А если так, то и термин «бесподлежащное предложение» тоже должен бы быть развернут в «предложение с устраненным подлежащим». Очевидно, в одном слове сущности этих предложений не выразишь, а в таком случае лучше всего оставить старинный условный термин.

Безличные предложения имеются во всех индо-европейских языках и были, несомненно, уже в индо-европейском пра-языке. Поэтому о происхождении древнейших из них мы ничего не знаем. Характеризуя их в предыдущем как предложения «с устраненным подлежащим», мы не хотели этим сказать, что подлежащее в них было когда-то устранено, а только, что оно сейчас сознается как устраненное. Однако есть некоторые общие соображения, заставляющие предположить, что определение наше верно и исторически, т. е. что безличные предложения возникли из личных, а не наоборот. Прежде всего доязыковая мысль основана на ассоциации двух представлений и поэтому всегда двучленна. Было бы очень странно, если бы в языке для нее сразу избрана была одночленная форма. Далее, если мы вдумаемся в такие безличные предложения, как: «его громом убило», «его молнией убило», «дождем помочило», «градом побило», «чтоб тебя язвило!», «куда его понесло?» и т. д., стоящие ближе к нам по времени возникновения и потому ярче обнаруживающие для нас свой синтаксический смысл (о них у нас будет речь дальше), то заметим, что подлежащее устраняется в них как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. В некоторых случаях ближайшая причина была даже налицо (напр., град, дождь), и тем не менее язык изобразил ее только как орудие какой-то другой, отдаленной, причины (градом побило = посредством града, а что побило — неизвестно). Создав эти предложения на-ряду с личными: «град побил», «дождь помочил», человек выразил ими, что истинная причина явления ему неизвестна. Вот это-то

искание истинной причины явления и признание ее неизвестной и лежит, повидимому, в основе всех безличных предложений. А если так, то образование безличных предложений никак не может быть отодвинуто в первобытную эпоху языка, так как они знаменуют собой первое зарождение критической мысли, первую попытку критически разобраться в окружающем. На-ряду с безличными предложениями, представляющими нередко известное неизвестным, существует в языке (и особенно древнем и народном) целый ряд выражений, где, наоборот, неизвестное представлено как известное. Таковы выражения: «свет светит», «гром гремит», «тьма тьмит», «темень темнится», «туча тучится», «стук стучит», «чудо чудится» и т. д. Вот эти-то выражения легче приписать древнейшему периоду языка, так как они указывают на первоначальную, мифическую причину явления, на мифического деятеля, производящего его. Устранение этих-то подлежащих и могло создать безличное предложение. Таким образом предложение, напр., «светает» могло возникнуть на месте «свет светает», предложение «вечереет» на месте «вечер вечереет» и т. д. То, что для нас сейчас эти предложения кажутся пустой тавтологией, не может умалить их роли в древнейшие эпохи, так как мы смотрим на них с высоты нашего современного языкового сознания, в котором уже огромную роль сыграли и огромное место заняли безличные предложения. Кроме того в отдельных случаях мы и до сих пор не замечаем этой тавтологии, по крайней мере, если не вдумываемся в то, что говорим («гром гремит», «ветер веет», «свет светит»). Наконец, важно также и то, что многие виды безличных предложений возникали из личных уже в позднейшую, доступную исследованию эпоху (напр., наши «спится», «дремлется» и т. д., см. дальше). Таким образом безличные предложения, повидимому, отнюдь не есть остатки чего-то убывающего в языке, а, наоборот, нечто все более и более растущее и развивающееся. Можно прямо сказать, что история новых языков есть история вытеснения личного предложения безличным. И это стоит в связи с общим вытеснением **имени глаголом**. Так, мы видели, что в целом ряде случаев на месте древнего причастия (т. е. глагольного имени) употребляется теперь уже глагол («ибо сам он знал, что хотящий сделать», «так отступили они от того, что сказавшие» и т. д.). В другом ряде случаев древние предикативные сочетания с предикативными именами распались на самостоятельное «сказуемое-глагол + зависящий от него второстепенный член» («кончил строящий церковь» = «кончил строить», «сказывалась пришедшая из другого города»=«сказывалась пришедшей» и т. д.). Припомним также все более и более распространяющееся в новейшей литературе опущение подлежащего, превращающее порой целые страницы в ряд неполных бесподлежащных предложений (примеры см. в гл. XX). Сюда же, может быть, относится и пристрастие футуристов к образованию новых глаголов: «оэкранить», «отрелить», «орозить», «олунить», «онебесить», «крылить», «крылышковать», «желудеть» и т. д. Во всех этих случаях деятельность берет верх над деятелем. Интересно сопоставить с этим развитие энергетизма в современных физике и химии, отступление на второй план понятия материи по сравнению с понятиями силы и энергии — сопоставление, показывающее, что ход развития научной и художественной мысли есть лишь частный случай хода развития человеческой мысли вообще, отражающегося прежде всего и шире всего в развитии языка.

Безличные глаголы русского языка делятся на две неравные и неодинаковые по происхождению группы: на глаголы типа: «светает», «вечереет», «дождит», «моросит» и т. д., очень немногочисленные и определившиеся, как особый тип, еще в индо-европейском пра-языке, и на глаголы типа: «спится», «дремлется», очень многочисленные и сложившиеся окончательно в особую безличную категорию уже в самом русском языке. В настоящее время категория эта уже всеобща, т. е. форму эту можно образовать от каждого глагола (мне читается, говорится, работается, лежится, чихается и т. д., и т. д., вплоть до любого, хотя бы и необычного, но всегда возможного новообразования), за исключением глаголов возвратных. От возвратных глаголов форма эта совсем не образуется: нельзя сказать: «мне сегодня торопится», «мне умывается», «мне веселится», «мне смеется» и т. д. Причина та, что в глаголах типа «спится» частица «ся» теперь уже почти не имеет возвратного значения, а создает именно самую безличность, да еще, в огромном большинстве случаев, придает особый оттенок легкости действия («мне говорится»=«мне легко говорить»). Таким образом, если для образования от глагола «спит» безличной формы с указанным оттенком надо прибавить специальное безличное «ся» («спится»), то для образования такой же формы от глагола «торопится» надо было бы прибавить еще одно «ся». Но повторение одного и того же аффикса, хотя бы и в разных значениях, вообще не известно в нашем языке (такие случаи, как народное «иттить» и литературные «пойтиться», «обойтиться», создались именно из-за того, что первый аффикс инфинитива, в связи с некоторыми особенностями корня этого глагола, перестал уже сознаваться как аффикс и слился с корнем). Вот почему и нельзя сказать в указанном смысле: «мне торопится». По этой же причине мы все глаголы этого типа считаем безличными, хотя те из них, которые образованы от переходных глаголов (читается, пишется, говорится, работается и т. д.) имеют и другие лица («читаюсь», «читаешься», «читается» и т. д.): частица «ся» в их безличной форме означает совсем не то, что в личной (срвн.: «мне сегодня читается» и «этот автор много читается»). Вот несколько литературных примеров на безличные глаголы обоих типов:

а) Ах, в самом деле рассвело! (Гриб.)

Уж совсем завечерело, когда мы возвратились домой. (Тург.)

Уже совсем вызвездило, когда он вышел на крыльцо. (Тург.)
Уже давно смеркалось. (Пушк.)
Признаться, у меня на сердце захолонуло... (Тург.)

b) ... И верится, и плачется,
и так легко, легко... (Лерм.)
Туда, сюда — а дома не сидится... (Пушк.)

Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной. (Кольц.)

Мне поется
у колодца... (Брюс.)

... Умение, ловкость, знание придут сами собою. Только бы не переставалось «хотеть». (Дост.)

Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх... (Гог.)

О, как глубоко и радостно вздохнулось Санину, как только он очутился у себя в комнате... (Тург.)

Кроме предложений с безличными глаголами, к безличным следует отнести и предложения с личными глаголами, употребленными в смысле безличных. На первом месте здесь следует поставить такие глаголы, в которых безличная форма настолько уже оторвалась от личных форм, что, в сущности, стала отдельным безличным глаголом. Таков, напр., глагол «ломит», когда он обозначает боль. Хоть и есть глагол «ломлю» — «ломишь» — «ломит» и т. д., но ясно, что безличная форма «ломит» по значению уже совершенно оторвалась от общей системы спряжения. Внешним признаком этого разрыва служит то, что именительный падеж тут уже невозможен: нельзя сказать «рука ломит», а только «руку ломит». Так же далеко и значение глагола «рвет» в безличном употреблении («его рвет») от того же глагола в личном смысле («рвет цветы»). Таковы же глаголы: «колет», «режет», «дергает», «зудит», «сосет», «жжет», «сводит», «тянет», «подмывает» и т. д., относящиеся к внутренним ощущениям человека, «морозит», «подмораживает», «темнеет», «меркнет», «парит» и т. д., относящиеся к явлениям природы, «следует», «стоит», «приходится», «приведется», «хватает», «достает», «будет» (в смысле «хватит» или «довольно») и т. д., относящиеся к человеческому быту. Всё это, в сущности, безличные глаголы, только по звукам совпадающие с соответствующими личными. Как и при безличных глаголах, подлежащее при них невозможно. Если мы поставим при них хотя бы неопределенное подлежащее («что-то»), то и это подлежащее все-таки не будет подлежащим, а превратится в наречие: «у меня что-то глаз режет» крайне редко обозначает, что у меня

нечто режет глаз, а обычно — что у меня почему-то режет глаз (срвн. в личных предложениях: «он что-то похудел», «у меня жена что-то заболела», а также см. соответствующее употребление местоимения «что» в вопросительных предложениях в гл. XIX). Далее следуют такие случаи, когда один и тот же глагол, без резкого изменения своего вещественного значения, может быть употреблен то лично, то безлично, причем в последнем случае на безличность ясно указывают другие формы из состава того же предложения. Сравним, напр.:

Голова трещит.	**В** голов**е** трещит.
Ухо болит.	**В** ух**е** болит.
Сердце щемит.	**На** сердц**е** щемит.
Сено пахнет.	Сен**ом** пахнет.
Дерево придавило.	Дерев**ом** придавило.
Солнце выжгло.	Солнц**ем** выжгло.
И т. д.	И т. д.

Во всех правых предложениях подлежащее невозможно, потому что то, что могло бы быть им, выражено управляемым существительным, а подлежащее устранено из мысли, как неизвестное. Сюда же можно отнести и такие случаи, где хотя и нет параллельной личной конструкции, однако вещественный смысл фразы обусловливает безличность: «в ухе звенит», «в голове шумит», «в глазах мутится», «в животе вертит» и т. д. (нельзя сказать «ухо звенит» и т. д., «живот вертит» сказать можно, но «живот» будет здесь винительным падежом, а не именительным). Во всех таких случаях глагол сам по себе терпит подлежащее, но данное сочетание его не терпит. Наконец, третью ступень близости к предложениям с безличным глаголом могут составить те случаи, где и данный глагол терпит при себе подлежащее, и данное сочетание терпит его, и где тем не менее подлежащего нет, а глагол сознается как безличный. Возьмем, напр., восклицание: «дует!» или «здесь дует!» В огромном большинстве случаев оно понимается как безличное, хотя подлежащее здесь не только возможно, но и на каждом шагу употребляется («ветер дует», «здесь ветер дует»). При этом разницы в вещественном значении между тем и другим «дует» нет ни малейшей, и все дело сводится только к одной безличности, которая поэтому и

выступает здесь особенно рельефно. Или возьмем такое сочетание у Тургенева:

Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи...

Кто обдаст? Куст? Нет. Хотя здесь свободно можно было бы по смыслу заимствовать подлежащее из предыдущего предложения, однако что-то говорит нам, что не «куст обдаст», а просто «обдаст». Здесь особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления. Но, с другой стороны, именно в этой группе случаев и бывает иногда трудно решить, личное перед нами предложение, или безличное, так как здесь безличные предложения вплотную подходят к неполным личным (с опущенным подлежащим). Все дело тут, очевидно, только в том, сознаются лицо и число данного глагола как категории согласования сказуемого с подлежащим, или нет, ибо безличное предложение есть прежде всего несогласуемый ни с чем глагол. Поясним это на примере. Представим себе, что мы напряженно прислушиваемся к приходу определенного, известного нам лица и, заслышав стук в дверь, говорим: «стучит!» Здесь уже наверное подлежащее как слово «подразумеваться» не будет, т. е. у нас в уме не будет ни слова «он», ни имени и отчества нашего знакомого, а будет, скорее всего, реальный его образ, фигура и лицо его. И тем не менее предложение будет личное, потому что сказуемое будет относиться к какому-то образу (здесь даже не языковому), и отношение это будет выражено формами, обычно употребляющимися для согласования. В зависимости от свойств этого образа (один или несколько человек, мужчина или женщина) мы должны были бы сказать «стучат!», или «постучал!», или «постучала!». Напротив, в тургеневском «стучит!» в «Записках охотника» такого образа у говорящих по всей вероятности не было. Если бы они к чему-нибудь относили свое «стучит!», то они скорее бы говорили: «стучат!», потому что с самого начала у Филофея, а потом и у обоих гвоздем засела мысль о разбойниках. Но в том-то и дело, что они хотели выразить своим восклицанием только самый стук, самое явление стука, а причину оставить невысказанной, придав ей тем самым характер таинственности. Если в нашем первом «стучит!» мы сознаем, что это кто-то

стучит, то в тургеневском нам кажется, что это «с а м о» стучит. Путем особой внутренней передвижки мы можем понимать это «стучит!» то так, то этак, то лично, то безлично. Но не всегда так легко определить, как в данных примерах, имеем мы безличное предложение, или неполное. Особенно затруднительны в этом отношении сочетания с некоторыми возвратными глаголами страдательного значения, если безличность в них не связана с тем оттенком легкости действия, о котором мы говорили выше. Мы имеем в виду такие глаголы, как «говорится» (не в смысле «мне говорится», т. е. я в говорливом настроении), «считается», «делается», «случается», «ведется», «предполагается», «думается», «видится», «представляется», «кажется», «оказывается», «обнаруживается», «снится»,«мерещится», «чудится», «нравится», «чувствуется» и т. д. С одной стороны, здесь возможны такие выражения, как: «у нас в доме говорится по-французски», где, как в тургеневском «стучит», мысль сосредоточена на самом процессе говорения и совершенно отвлечена от того, что говорится, «это ему так только представляется», «это вам только кажется» (в смысле этого на самом деле нет), где тоже все внимание сосредоточено на глаголе, и где в связи с этим слово «это» может и не быть подлежащим, а лишь особой пояснительной частицей (как в: «это почтальон пришел», «это дверь скрипнула»). С другой стороны, вполне обычны и такие сочетания, как: «недаром говорится пословица...», «вспомните, что говорилось тогда об этом деле», «все это мне представляется совсем иначе», «в его словах мне показалось что-то подозрительное» и т. д. Дело в том, что глаголы эти по самому смыслу их почти не приходится употреблять в других лицах, кроме 3-го («я говорюсь», «ты говоришься» — формы исключительные), да и в 3-м-то лице подлежащее при них бывает чаще всего в среднем роде единственного числа, т. е. неопределенное («это», «что-то», «все» и т. д.). Творительный действующего предмета при них тоже очень редок (обороты вроде: «это всеми говорится», «мною считается...», «вами предполагается» и т. д. крайне тяжелы), а при некоторых из них даже и невозможен (нельзя сказать: «мною думается», «мною видится»). Это еще более отрывает их от нормального личного типа страдательных предложений («дом строится плотником»). В результате у них у всех и оказывается известный уклон в сторону безличности, и каждый отдельный глагол и отдельный

случай употребления его представляет из себя бо́льшую или меньшую степень этого уклона, от полной «личности» до полной безличности включительно. Разобраться в каждом отдельном случае и в отдельных группах случаев тут не так-то легко. Упомянем лишь об одной группе наиболее частой и наиболее спорной, когда то, что по смыслу могло бы быть подлежащим, выражено отдельным придаточным предложением: «недаром говорится, что дело мастера боится», «мне нравится, что у вас показывают приезжающим все в городе» (Гог.), «и снится ей все, что в пустыне далекой... прекрасная пальма растет» (Лерм.), «у нас уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь» (Гриб.) и т. д. Нам думается, что если смотреть на безличность как на «устранение» из мысли подлежащего, то безличными главных предложений здесь никак нельзя назвать. Ведь здесь подлежащее не только не устраняется, но, напротив, даже ищется мыслью: в то время как в вышеприведенном: «у нас говорится по-французски» все внимание сосредоточено на самом процессе говорения, здесь внимание, напротив, всецело отвлечено от процесса говорения в сторону того, что говорится. Другими словами, глагол здесь мыслится не сам по себе, не изолированно, а соотносительно с чем-то, т. е. лично, и предложения эти приходится признать, очевидно, не безличными, а неполными, и именно из того разряда неполных предложений, где недостающий член заменяется отдельным предложением (см. гл. XX). Впрочем, вполне однообразного решения вопроса мы бы и здесь не рекомендовали, потому что и здесь все зависит от степени безличности глагола. Возможно, что в отдельных глаголах степень эта так высока (напр., в таких, как: «кажется», «думается»), что они, несмотря на явное логическое соотношение со своим придаточным предложением, синтаксически сознаются изолированно, т. е. безлично.

Теперь приведем несколько литературных примеров на личные глаголы в роли безличных, располагая их, сообразно с предыдущим изложением, в порядке убывающей безличности.

Морозит; завтра Рождество.
Но меркнет, меркнет в вышине... (Грот.)

Еще нигде не зарумянилась заря, но уже забелелось на востоке. (Тург.)

С к в о з и л о, — дверь и окно стояли настежь. (Ф. Сологуб.)

... он говорил о ней шутя, как оно и с л е д у е т светскому человеку. (Тург., «оно» — особое безличное частичное слово, а не подлежащее.)

Он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него о т д а е т немного водкою. (Гог.)

... на маленькие и съеженые его глазки навертывалась слезинка, губы его п о д е р г и в а л о. (Тург.)

Д о м ч а л о нас к пристани в час предвечерний... (Брюс.)

Тихо с в е т и т по всему миру: то месяц показался из-за горы. (Гог.)

Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины... Прислушаешься, — и как будто нет ничего, а з в е н и т. (Тург.)

Я их проиграл, потому что так мне в з д у м а л о с ь, а тебе советую не умничать... (Пушк.)

Но все тихо; это верно п о к а з а л о с ь ему. (Гог., «это» — скорее частичное слово, чем подлежащее.)

Прежде Мите н р а в и л о с ь здесь, — он входил сюда с уважением и робостью... (Ф. Сологуб.)

Среди личных глаголов, могущих употребляться в безличном смысле, необходимо отметить глагол «быть», который и здесь проявляет свои две основных особенности: 1) имеет нулевое настоящее время изъявительного наклонения, 2) может быть и полным глаголом в смысле бытия, существования, и глаголом-связкой. Вот пример на первую из этих функций, проведенный для обнаружения б е з л и ч н о г о н у л е в о г о с к а з у е м о г о по всем трем временам и двум наклонениям:

Там б ы л о работы на две недели.
Там работы на две недели,
Там б у д е т работы на две недели.
Там б ы л о б ы работы на две недели.

А вот пример на вторую функцию, проведенный по тем же категориям, для обнаружения б е з л и ч н о й н у л е в о й с в я з к и:

Мне б ы л о холодно.
Мне холодно.
Мне б у д е т холодно.
Мне б ы л о б ы холодно.

Таким образом в соответствии с личным глаголом «был — буду» здесь выступает безличный глагол «б ы л о — б у д е т». Впрочем, относительно нулевой формы нужно заметить, что в некоторых случаях при значении б ы т и я (н е связочном)

здесь необходима замена ее бесформенными словами «есть» и «нет» (в смысле «не существует»), тогда как при личных оборотах нам неизвестны случаи такой необходимости. Так, предложение:

«Сожалеть ему было о чем, стыдиться — нечего» (Тург.)

может быть сказано в настоящем времени только с помощью слова «есть»: «Сожалеть ему есть о чем, стыдиться — нечего». Нулевой глагол здесь невозможен («сожалеть ему — о чем»). Точно так же во всех отрицательных безличных предложениях со сказуемым «было — будет» (см. ниже) необходимо в настоящем времени слово «нет» (из «не есть»), в котором отрицание неотделимо от бывшего глагола:

У меня не было времени.
У меня нет времени.
У меня не будет времени.

Таким образом бесформенные замены глагола «быть» в настоящем времени при безличности играют значительно бо́льшую роль, чем в личных предложениях. Относительно предикативных членов при связке «было — будет» мы должны напомнить то, что сказано было о них на стр. 174—175. Некоторые из них бесформенны и не относятся и по значению ни к какой части речи («нельзя», «жаль»), а некоторые, примыкающие внешне по своему окончанию -о и по основе к наречиям и кратким прилагательным среднего рода («можно», «должно», «стыдно», «больно»), не совпадают по значению ни с теми, ни с другими. Есть среди этих слов и существительные («пора, «время», «досада»), но опять-таки отличающиеся от настоящих существительных как раз постольку, поскольку употребление их связано с безличной конструкцией. Есть и причастия («было найдено», «было убито»), но и тут категория рода оказывается затронутой в своем значении безличным употреблением. Поэтому мы условимся здесь называть все предикативные слова при безличной связке безлично-предикативными членами, имея в виду, что особое «безлично-предикативное» значение равно свойственно всем им, причем сверх него многие имеют значения наречий, существительных, причастий, некоторые же не имеют никакого другого значения.

До сих пор мы говорили о безличных глаголах и ничего не говорили о безличных предложениях, как бы молчаливо предполагая, что безличное предложение есть просто безличный глагол с зависящими от него в обычном порядке членами. Однако на примере таких сочетаний, как «в голове трещит» и «громом убило», мы могли уже видеть, что часто само безличное значение глагола зависит от строения того предложения, в котором он является сказуемым. Это бывает во всех тех случаях, когда личный глагол употреблен в смысле безличного, а таких случаев в языке гораздо больше, чем случаев с собственно-безличными глаголами. Во всех этих случаях описание уже не может ограничиться констатированием того факта, что личный глагол принял безличное значение, а должно показать, какая именно конструкция, какая форма словосочетания вызвала такую перемену в значении глагола. А это значит, что от типов безличных глаголов оно должно перейти к типам безличных предложений. Двух из этих типов мы уже коснулись при выяснении самого процесса употребления личного глагола в смысле безличного. Это: 1) обозначение различных процессов, происходящих внутри человеческого тела, посредством соответствующего глагола 3-го лица (а в прошедшем времени среднего рода) и существительного в винительном падеже или в разных падежах с разными предлогами: руку тянет, руку сводит, под сердцем давит, в желудке жжет, во рту горит, в глазах мелькает, в голове отдает, подмышкой чешется, в колене зудится и т. д. (иные из них имеют соответствующие личные обороты: «колено зудится», «рот горит» и т. д., другие возможны только в безличном виде, так как личный оборот резко изменяет смысл: «рука тянет», «глаза мелькают» обозначают чужую руку и чужие глаза); 2) обозначение различных стихийных явлений (природы и социальной жизни) посредством соответствующего глагола в тех же формах и существительного в творительном падеже: громом убило, водой унесло, рекой унесло, дождем зальет, снегом занесет, песком засыплет, ветром снесет, цветами пахнет, революцией пахнет, бунтом грозит и т. д. (творительный обозначает орудие безличного действия, всегда возможен личный оборот: «гром убил», «вода унесла» и т. д.). Вот несколько литературных примеров на оба случая:

1) Душа сгорит, нальется сердце ядом,
как молотком, стучит в ушах упреком... (Пушк.)

Вон опять начало давить под ложкою... (Писемск., глагол с инфинитивом образуют безличное «двойное сказуемое», см. мелкий шрифт на стр. 422 и след.)

В ушах у гостя затрещало,
и закружилась голова. (Крыл.)

2) В прежни годы,
когда бедой отечеству грозило,
отшельники на битву сами шли... (Пушк.)

Нет ни в чем удачи:
то скосило градѣм,
то сняло пожаром... (Кольц.).

Иногда в том же смысле и без творительного, напр.:

... то его уносило в древний мир, и он рассуждал об эгинских мраморах... (Тург.).

Ворошилова вдруг прорвало... (Тург.)

Теперь перейдем к описанию других безличных форм словосочетаний, которых мы наметим всего семь:

1) Безличное составное сказуемое, состоящее из безличной связки (при глаголе «было — будет» в настоящем времени нулевой) и безлично-предикативной формы на -о: «было весело», «стало тепло», «сделалось грустно», «будет смешно» и т. д. Как добавочные формы, не обязательные, но характерные для этих сочетаний, надо отметить еще: 1) дательный падеж существительного: «мне было весело», «вам скучно», «ребенку холодно» и т. д. и 2) инфинитив: «весело кататься», «поздно ехать» и т. д. Вот литературные примеры на эти сочетания:

Лучи заката догорали,
и было так тепло, тепло. (К. Р.).

... но сгустившийся туман покрыл все, и стало опять темно. (Гог.)

Было так светло, на всем дворе лежали ясные и бледные отблески солнечных лучей... (Ф. Солог..)

Так высоко,— а девочка наклоняется, кричит и смеется. (Ф. Солог..

а также с дательным падежом:

Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо! (Брюс.)

Мне стыдно ваших поздравлений,
мне страшно ваших гордых слов! (Брюс.)

... но совестно ли стало ей самой при людях, или от чего-то другого стало горько..., только она поспешно... направилась выходить. (Дост.)

и с инфинитивом:

Прежде, давно, в лета моей юности... мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту... (Гог.)

Не жить, как ты, мне стало больно... (Лерм.)

Хорошо мне здесь лежать
на грядах, недавно взрытых. (Брюс.)

Теперь уж мне влюбиться трудно,
вздыхать неловко и смешно,
надежде верить безрассудно,
мужей обманывать грешно. (Пушк.)

Безлично-предикативный член здесь всегда более или менее близок по значению к наречию, хотя в некоторых случаях как обычное наречие не употребляется, а только как безлично-предикативный член (напр. «совестно», «стыдно», «грешно»). В некоторых случаях сама безличная предикативность создает, повидимому, какое-то отличие в значении по сравнению с наречием. Срвн. «он смешно ходит» и «мне было смешно». Однако с наречием эта категория все же во многих случаях почти сливается, тогда как от прилагательного среднего рода ее надо отделить самым решительным образом. Если мы в сочетании «было тепло» попробуем понимать форму «тепло» как средний род краткого прилагательного (тепел, тепла, тепло), то тотчас же натолкнемся на вопрос: «что было тепло?», т. е. переведем безличное предложение в неполное личное. Или сравним, напр.: «течение было холодно» и «в воде было холодно», «его занятие весело» и «ему весело», «его лицо грустно» и «ему грустно», «здание светло» и «в здании светло» и т. д. Мы видим, что в личных оборотах везде сознается прилагательное, а в безличных нечто, близкое к наречию. Это и понятно, если принять во внимание, что в предикативном прилагательном есть формы согласования с подлежащим, неизбежно указывающие на присутствующее или отсутствующее подлежащее, и что особой формы с потерей согласования наподобие безличных глаголов у прилагательных нет. Поэтому они и не могут пониматься безлично. Наречие же, как не имеющее форм согласования, как раз подходит к безличности. Это проводит определенную грань между рассматриваемым типом безличности и такими неполными личными предложениями, как: было известно, было очевидно, ясно (не о погоде, конечно), достоверно, несомненно, понятно, уместно, свойственно, прилично, полезно,

здорово, подло, честно, дурно (не о тошноте, конечно), умно, глупо и т. д. В сочет. напр.: «было известно» слово «известно» никак не может быть принято за наречие (тем более, что такого наречия как раз и нет в русском языке), и в связи с этим сочетание явно нуждается в подлежащем (ч т о было известно? э т о было известно, твое п о в е д е н и е было известно). При этом, как и в предложениях типа: «недаром говорится, что дело мастера боится», на месте подлежащего чаще всего оказывается ц е л о е п р и д а т о ч н о е п р е д л о ж е н и е («известно, ч т о с л о н ы в д и к о в и н к у у н а с», «ясно, ч т о и з э т о г о н и ч е г о н е в ы й д е т»), а иногда и и н ф и н и т и в («о б м а н ы в а т ь — дурно», «человеку свойственно о ш и б а т ь с я»). И этот инфинитив надо отличать от того инфинитива, о котором говорилось выше. Сочетания: «мне было холодно ехать» и «мне было свойственно краснеть» при полном внешнем сходстве глубоко различны внутренно. В первом предложении форма среднего рода единственного числа связки (было) имеет значение не среднего рода и не единственного числа, а безличности, в связи с чем «холодно» может пониматься только как безлично-предикативный член, а инфинитив — только как примыкающий член. Во втором предложении форма среднего рода единственного числа связки имеет свое буквальное значение, т. е. обозначает с о г л а с о в а н и е с п о д л е ж а щ и м среднего рода единственного числа, а форма именительного падежа единственного числа среднего рода прилагательного (свойственно) еще более подкрепляет это значение, так что инфинитив оказывается как раз на месте этого предуказанного и глаголом и прилагательным подлежащего. И, следовательно, сказуемое здесь л и ч н о, а инфинитив есть з а м е с т и т е л ь п о д л е ж а щ е г о (срвн. стр. 238 и след.) К тому же ведут и все остальные пункты различия между нашими примерами. В первом примере инфинитив может быть опущен, и предложение останется полным («мне было холодно»); во втором — опущение инфинитива ведет к явной неполноте («мне было свойственно»). В первом примере подлежащее невозможно (нельзя сказать: «ч т о было холодно?»); во втором — необходимо («ч т о было свойственно?»). В первом примере дательный падеж («мне») не связан ни со словом «было», ни со словом «холодно» в отдельности, а только с о б о и м и с л о в а м и в м е с т е («холодно было»), т. е. с с а м о й б е з л и ч н о й к о н с т р у к ц и е й, соответствуя дательному других безличных предложений («мне было

холодно», как: «мне нездоровилось», «мне хотелось» и т. д.); во втором примере дательный падеж зависит исключительно от прилагательного «свойственно», управляющего вообще, во всяком положении, дательным падежом («доброта была ему свойственна», «вы, со свойственной вам деликатностью...» и т. д.), и, следовательно, отнюдь не указывает на безличность. В первом примере дательный связан, кроме того, еще и с инфинитивом, как производитель того действия, которое указано в инфинитиве («мне было холодно ехать» близко к: «мне приходилось ехать», «мне хотелось ехать» и т. д., см. дальше рубрику 3-ю); во втором примере дательный зависит опять-таки только от прилагательного, а от инфинитива так же отделен, как был бы отделен и от подлежащего («мне свойственно краснеть», как: «мне свойственна эта черта»). Коротко говоря, в первом примере все цельно и безлично, во втором — все распадается на две части (подлежащее и сказуемое) и все лично.

Мы намеренно сопоставили 2 наиболее различных выражения, чтобы выяснить обе возможные здесь формы сочетания в их резком отличии друг от друга. Но не всякое сочетание настолько типично, и не во всяком так легко разобраться. В наших примерах анализ облегчался тем, что первое сочетание своим вещественным значением обусловливало безличность («холодно», явление природы), а во втором — был редкий случай прилагательного, не имеющего соответственного дублета-наречия («свойственно»). В тех же случаях, когда вещественный смысл одинаково допускает и личное и безличное понимание, а форма на «о» тоже одинаково может пониматься и как наречие и как прилагательное, форма сочетания неизбежно двоится. Тут все сводится к ассоциациям данного предложения с той или другой формой сочетания. Такие предложения, как: «бесчестно было так поступать со мной», «глупо было бы не воспользоваться случаем», «интересно было бы знать...», «полезно отметить...» и т. д., а тем более такие, как: «так поступать — бесчестно», «не воспользоваться случаем было бы глупо», «гулять полезно» и т. д. (с инфинитивом перед предикативным сочетанием), всегда колеблются между безличным и личным смыслом, смотря по тому, ассоциируем мы их в момент произнесения с типом: «мне холодно кататься», «мне больно прикоснуться» и т. д., или с типом: «твое поведение бесчестно», «такой поступок был бы глуп»,

«моцион полезен» и т. д. Определенного «рецепта» различения здесь дать нельзя, так как каждое сочетание глубоко индивидуально, а можно указать только определенную грамматическую пропорцию: чем дальше форма на «о» от среднего рода прилагательного, тем безличнее связка и тем дальше инфинитив от функции подлежащего; чем ближе форма на «о» к среднему роду прилагательного, тем более лична связка и тем ближе инфинитив к функции подлежащего.

Нужно, впрочем, добавить, что живой разговорный язык решительно стремится к пониманию формы на «о» как н а р е ч и я и, в связи с этим, к безличности всех этих сочетаний. В сущности, живой язык тяготится той двойственностью значения, которая создалась в форме на «о», и выходит из затруднения тем, что или избегает совсем кратких прилагательных в среднем роде (такие сочетания, как: «это здание хорошо», «это животное мало», «платье легко» и т. д., крайне редки и явно книжны) или, там, где их избежать невозможно, смешивает их с наречиями*). В таких сочетаниях, как: «это хорошо», «это полезно», «это мне очень приятно». «Но ведь что, главное, в ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчас только... выпущена из какого-нибудь пансиона или института...» (Гог.), «не хорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят...» (Гог.), и т. д., мы, в сущности, сознаем в первый момент н а р е ч и е и, только призвав на помощь школьные грамматические воспоминания или другие языки соображаем, что здесь д о л ж н о быть прилагательное. Возможно, что формы краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке, и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это. А если так, то в разговорном, по крайней мере, языке в с е эти предложения безличны. Правда, на это можно возразить, что раз форма эта и как н а р е ч и е мирится в известных случаях с подлежащим (э т о хорошо), то в предложениях типа: «гулять полезно» инфинитив может быть заместителем подлежащего, хотя бы «полезно» и было наречием. Но дело в том, что инфинитив вообще очень плохая замена для подлежащего, он слишком характерен и слишком глаголен для этого, и эту роль можно признавать за ним только по нужде, только тогда, когда окружающие формы непререкаемо указывают на личный характер предложения и настоятельно требуют подлежащего. А единственной такой формой, не допускающей безличного понимания, и является в этих сочетаниях форма со значением краткого прилагательного в среднем роде. Раз этой формы в разговорном языке нет, то и заместительный инфинитив в нем

---

* Срвн. также попытки интеллигентской речи различать ту и другую категорию с помощью места ударения: «он ест ма́ло» и «это животное мало́», «это здание ви́дно» (винит. пад.+безлично-предикативн. член) и «это здание видно́» (именит. пад.+согласованн. прилаг.), «вольно́ ему фордыбачить!» и «его поведение слишком во́льно» (хотя и «он ведет себя слишком во́льно») — попытки, не имеющие успеха, так как исторически унаследованные ударения дают слишком мало материала для такого различения, и так как различить, в сущности, надо т р и категории (прилагательное, наречие и безлично-предикативный член).

в таких сочетаниях невозможен *. Исключением являются только те очень немногие случаи, где форма на «о» как наречие совсем не употребляется («известно», «свойственно»), и где поэтому приходится признавать заместительный инфинитив или заместительное придаточное предложение.

В сочетаниях с нулевой связкой огромное значение, как и в личных оборотах, приобретает интонация и контекст. Такие сочетания, как «весело кататься», «поздно ехать», «хорошо лежать» и даже «мне хорошо лежать», «нам поздно ехать», могут быть и не предложениями, а частями предложений, напр.: «не всегда вы будете весело кататься», «поздно ехать — опасно», «мне велено хорошо лежать» (в см. не шевелиться), «доктор велел мне хорошо лежать», «он запретил нам поздно ехать». Но в таком контексте, напр., как: «Кончено! Поздно ехать! Место потеряно», положение между двумя предложениями в связи с законченно-восклицательной интонацией категорически определяет ассоциации с «поздно было ехать» и «поздно будет ехать», т. е. нулевую связку.

Так как безлично-предикативный член здесь близок к наречию или даже совпадает с ним, то им может быть и сравнительная форма, замещающая всегда и везде, во всех функциях, и наречие и прилагательное:

Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже». (Тург.)

Жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить. (Тург.)

Честолюбие было возбуждено в нем сильно, а деятельности и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его! (Гог.)

... меньше будет ей терпеть,
легче будет умереть. (Пушк.)

Но именно из-за этого универсализма сравнительной формы связи с безличностью оборота у нее уже нет ни малейшей. «Холодно», «тепло», «стыдно», «грустно», «хорошо», «плохо» срослись с безличностью настолько, что даже отдельно взятые понимаются прежде всего как безлично-предикативные члены с нулевой связкой. А если еще при них есть фактическая связка («было холодно», «станет грустно» и т. д.), то колебаний синтаксического смысла быть не может. Напротив, «станет

* Для знающих по-латыни напомним, что в errare humanum est разница между humanum и humane, как раз отсутствующая в русском языке, особенно подчеркивает заместительную роль инфинитива.

грустнее», «будет веселее» могут сами по себе быть и неполными личными («он станет грустнее», «она будет веселее») и безличными предложениями, и самая безличность связки определяется здесь только из контекста.

2) Та же конструкция с бесформенным словом в качестве безлично-предикативного члена. Все эти предложения уже безусловно безличны, так как о смешении безлично-предикативного члена с согласуемым прилагательным здесь не может быть речи. Отметим следующие употребляющиеся здесь виды бесформенных слов:

а) Можно, должно, надобно, надо, нужно и нек. др.:

> Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
> волной и бездной должно опьянеть... (Брюс.)

Есть такие мгновенья в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо. (Тург.)

Полно врать, — прервал я строго... (Пушк.)

> ... мне должно после долгой речи
> и погулять и отдохнуть... (Пушк.)
> ... сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
> и полно мне писать. (Пушк.)

По крайности дома свой зверинец будет; за деньги можно показывать. (Островск.)

> ... не нужно золота ему,
> когда простой продукт имеет. (Пушк.)

Хотя все эти слова оканчиваются на **-о** и образованы большей частью от прилагательных, но каждое из них уже резко порвало и с наречиями и с прилагательными, и специализировалось в безлично-предикативной функции. В некоторых случаях этот разрыв обнаруживается в морфологических данных (напр., для «можно» не существует совсем соответствующего прилагательного «можный» и «можен», а только «возможный» и «возможен»), в других случаях — в семасиологических (срвн. «полно врать» и «это блюдце полно воды», «он полно изложил события»), в третьих — в синтаксических (срвн. винительный или родительный при «нужно»: «нужно воду», «нужно воды», столь обязательные при нем, что даже «мне место нужно», «мне платье нужно», кажется, функционируют только как безличные обороты). Интересно в некоторых случаях сочетание предикативности с побудительным смыслом («полно», «довольно»). В некоторых слу-

чаях окончание -о случайно, и слово не происходит от прилагательного («надо» из «надобѣ», а это из «на добѣ»).

б) Жаль, пора, время, льзя (устарелое), нельзя, охота, неволя, лень, досада, смех, грех, досуг, недосуг и т. д.:

Мне было жаль бедного старика... (Пушк.)

И охота было не слушаться... (Пушк.)

Про нынешних друзей льзя молвить не греша,
что все они не стоят ни гроша. (Крыл.)

Но, барин, не пора ль за дело приниматься? (Крыл.)

И чувствую я, что не следей разговаривать, а запретить ей... не могу. (Тург.)

Нельзя нам мига отдохнуть... (Брюс.)

Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить... (Фонвиз.)

Всего, что знал еще Евгений,
пересказать мне недосуг... (Пушк.)

Пора, пора! Рога трубят... (Пушк.)
Шутить не время. Дай ответ... (Пушк.)

Безлично-предикативные члены эти произошли из именительного падежа существительного и утратили свою существительность именно благодаря соединению с безличным глаголом. В древне-русском языке подобное соединение встречалось довольно часто: «стало на крестьянский род великий глад», «пришло трус на землю», «ухватило его некая сила», «пало туча велика снежная», «загорелось свеча в церкви» и т. д. Как исключение, такое соединение встречается и теперь, напр., у Достоевского: «вот и вышло тогда первая моя штука...», «...но в Мите на этот счет вдруг оказалось страшная гордость...», у Пушкина: «и праздномыслить было мне отрада». На последнем примере мы как раз замечаем, как соседство безличного глагола сказывается на существительном: оно начинает походить на наречный безлично-предикативный член рубрики 1-ой: «было отрада» сбивается в сознании на «было отрадно». Таким-то образом и произошли безлично-предикативные члены этого типа. Но в отдельных случаях процесс достиг разных стадий. В таких словах, как «жаль», «льзя», «нельзя» (срвн. существительное «по-льза», где древнейший корень тот же), только научный анализ открывает бывшие существительные (срвн., впрочем, разговорное «такая жаль!», выдающее в

этом слове бывшее существительное женского рода). В таких, как «пора», сознается резкая разница между «пора было запрягать» и «была та смутная пора, когда Россия молодая... мужала с гением Петра»; однако связь между «пора»-существительным и безличным «пора» еще не окончательно порвалась и может быть иной раз подмечена. Наконец, в таких словах, как: «лень», «охота», «время», «смех», «досада» и т. д., процесс только что начался, так что говорят и «охота было» (безлично), и «охота была» (лично), и «смех было смотреть» и «смешно было смотреть» (избегая слова «смех» как безличного члена), и «мне ужасно лень» и «Какая вам лень жить! Ах, какая лень!» (Чех., «Дядя Ваня»). Очевидно, слова этого рода, как ни трудно их отделить здесь от предыдущих, еще почти существительные даже и в безличных оборотах.

Прим. — Вероятно, из этих предложений слова эти попали в такие сочетания, как: «я страх люблю кататься верхом», «смерть люблю музыку», «он был очень хорош для живописца, не любящего страх господ прилизанных и завитых...» (Гог.), «смерть люблю узнать, что есть нового на свете» (Гог.), «и ужас как она ревнива!» (Пушк.) и т. д., где они уже функционируют как настоящие наречия.

в) Некогда, некуда, неоткуда, нечего, негде, незачем и т. д.

Стало быть, — решил Калитин, большой неохотник до сельской тишины, — в деревню таскаться незачем. (Тург.)

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего. (Пушк.)

Но тестю некогда глядеть, смотрит ли кто в окошко, или нет. (Гог.)

Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая! (Апухт.)

Слова эти произошли из обычных местоименных наречий: «когда», «где», «куда» и т. д. и отрицания «не», образовавшегося из «не-есть» (как в «нет»), так что «не есть когда» давало «некогда», «не есть куда» — «не куда» и т. д. (этимологическая орфография здесь была бы: «нѣ куда», «нѣ когда» и т. д.). Глагол здесь первоначально был не связочным, а полновесным безличным глаголом, и предложений было два, а не одно (срвн. утвердительные обороты: «есть, куда пойти», «было, когда сделать», «будет, где ночевать» и разговорные отрицательные: «не было, где лечь», «не было, куда стать» и т. д.). И только слияние наречия с отрицанием и образование этим путем безлично-предикативного члена, примкнувшего уже к глаголу, а не к ни-

финитиву (срвн.: «не было, куда стать» и «некуда было стать»), превратило глагол в безличную связку. То же, впрочем, и в предыдущей рубрике: «охота была» и «охота было» одинаково сознавались, как «охота существовала», пока соединение именительного падежа с безличным глаголом вообще казалось возможным. По мере же того как именительный падеж переходил в безлично-предикативный член, глагол превращался в связку.

3) Причастное безличное составное сказуемое, т. е. безличная связка «было — будет»+страдательное краткое причастие на -о:

Про батарею Тушина было забыто. (Л. Толст.)

Как мало прожито, как много пережито! (Надс.)

Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. (Гог.)

Царь. Гонца схватить. Семен Годунов. Уж послано в догоню. (Пушк.)

Разница между «было забыто» и «забыто» здесь, конечно, та же, что и в соответствующих личных предложениях (см. стр. 307). Инфинитив возможен и при этих сочетаниях, напр.:

... Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса. (Гог.)

Ермолаю было приказано доставлять... тетеревей и куропаток. (Тург.)

Для всего этого предположено было собраться у полицеймейстера... (Гог.)

Пусть знают все, что ряд столетий
России ведать суждено! (Брюс.)

Хотя о понимании формы на -о, как наречия, здесь уже не может быть и речи, однако и эти предложения имеют большой наклон к безличности, и «заместительное» толкование инфинитива и в них не необходимо. Дело в том, что ассоциации этих оборотов с личными крайне слабы, так как подлежащее первых двух лиц в них почти не употребляется (нельзя сказать: «я был приказан», «ты была приказана», редко говорится: «я был поручен», «ты была поручена», и т. д.), а в 3-м лице подлежащее бывает по преимуществу неопределенное, в среднем роде («это мне было приказано», «это было поручено» и т. д.). В результате причастие слилось здесь со связкой теснее, чем в обычных причастных составных сказуемых, и вследствие безличности связки получилась как бы составная безличная форма страдательного

залога, параллельная глаголам: говорится, считается, предполагается, думается и т. д. («было говорено» — «говорилось», «было предположено» — «предполагалось» и т. д., см. стр. 265 и 405). Форма на -о потеряла свое значение согласования со средним родом существительного, и вследствие этого стали возможны страдательные сочетания и от непереходных глаголов, в качестве специальной безличной формы: было сижено, хожено, езжено, плакано, спано и т. д.; здесь именительный подлежащего уже невозможен. В исключительных случаях здесь возможен даже винительный падеж того слова, которое по смыслу должно быть подлежащим («советов тысячу надавано полезных» (Крыл.), что́ уже совершенно отрывает эти формы от личного страдательного залога *. Но в отдельных случаях и здесь возможен еще личный смысл, особенно в оборотах книжного характера с последующим придаточным предложением, замещающим подлежащее: «было точно установлено, что...», «было доказано, что...», «было обнаружено, что...» и т. д.

4) Безличный (или личный со значением безличного) глагол+дательный падеж существительного (не всегда)+инфинитив:

> Я подданным рожден, и умереть
> мне подданным во мраке б надлежало. (Пушк.)

Именно в такой день случилось мне быть на охоте. (Тург.)

Стоит только ночью сесть на паперть на церковную, да на дорогу глядеть. (Тург.)

... вам не прийдется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака... А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается отдать вам последний поклон... и сказать...: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» (Тург.)

Он много написал на своем веку, и ему не удалось увидеть ни одного своего произведения изданным. (Тург.)

Дательный существительного хотя и не обязателен, но существенен для этих оборотов, так как связан с самой безличностью их, и его надо отличать от случайного дательного, могущего быть при инфинитиве. Так, в сочет.: «мне остается отдать вам последний поклон» первый дательный относится одинаково и к глаголу и к инфинитиву, а вернее к сочетанию

---

* В украинском языке эта форма словосочетания расцвела пышным цветом: «за мое жито та мене й побито», «його вибрано на вчителя» и т. д.

того и другого («остается отдать»), второй же — только к инфинитиву «отдать». Первый возможен только в безличных оборотах и соответствует дательному при безличных глаголах («мне снится», «мне хочется»); второй — вполне возможен и в личном предложении («хочу отдать вам»). Первый соответствует подлежащему личного предложения («мне хочется» — «я хочу», «мне остается отдать» — «я отдам»); второй и там и тут является управляемым членом («мне остается отдать вам» — «я отдам вам»). Поскольку такой безличный оборот сознается в связи с соответствующим личным, первый можно было бы называть, в отличие от второго, дательным действующего предмета, понимая такой термин, конечно, так же условно, как и термин: «творительный действующего предмета», применяемый к сочетаниям со страдательным значением сказуемого («дом строится плотником»).

Сюда же принадлежат и сочетания полновесного безличного глагола «было — будет» с таким же дательным и инфинитивом, а сверх того часто и с местоимениями некого, некому, некем, не о ком, нечего (отличать от «нечего» в п. 2, «в»), нечему, нечем, не о чем, происшедшими, как и соответствующие безлично-предикативные члены, из: «не есть кого», «не есть кому» и т. д.:

Сожалеть ему было о чем, стыдиться — нечего. (Тург.)

И точно, не на что было жаловаться. (Тург.)

И скучно, и грустно, и некому руку подать... (Лерм.)

... в деревне тебе некого было благоговейно выслушивать, некому удивляться, некого любить... (Тург.)

... Да долго ль будет
мне с ним возиться? (Пушк.)

... сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях... (Тург., и здесь и в предыдущем примере «долго» не безлично-предикативный член, а обычное наречие, потому что «было — будет» — не связка, а полновесное сказуемое со значением: «приходилось — придется» или «предстояло — предстоит»).

Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куда класть. (Фонвиз.)

Увы, все гибнет: кров и пища!
Где будет взять? (Пушк.)

... меньше будет ей терпеть,
легче будет умереть. (Пушк.)

Молодость-то наша и так не красна; чем ее вспомнить будет? (Островск.)

Некоторые из относящихся к этой рубрике глаголов, если рассматривать их сами по себе, вне данных сочетаний, представляют интересный пример переходного состояния между «личностью» и безличностью. Резко отличаясь по значению в своем личном употреблении от безличного («он предстоит пред судом» и «мне предстоит ехать»), они тем не менее в своем последнем значении могут употребляться и лично («мне предстоит поездка») и даже во множественном числе («мне предстоят хлопоты»). Так как в этом значении 1-е и 2-е лица неупотребительны (не приходится говорить в этом смысле: «я предстою», «ты предстоишь»), то получается особый разряд «одноличных» глаголов, употребляющихся в 3-м лице обоих чисел и допускающих при себе подлежащее (т. е. не безличных). Таковы же глаголы: «подобает», «полагается», «удается» («вам подобает почет» и «подобают почести», «полагается награда» и «полагаются прогоны» и т. д., формы же «подобаю», «подобаешь», «полагаюсь», «полагаешься» неупотребительны). Таковы же и многие из глаголов, описанных выше на стр. 405: говорится, думается, видится, представляется и т. д. Возможно, что «одноличность» есть вообще переходное состояние глагола между «личностью» и безличностью, и что и нынешние безличные глаголы были когда-то «одноличными».

Так как во многих из этих сочетаний глагол, таким образом, сам по себе терпит подлежащее («предстоит поехать» и «предстоит поездка», «удалось поехать» и «удалась поездка», «случилось поехать» и «случилась поездка»), то может возникнуть вопрос, все ли эти предложения безличны и не следует ли и здесь прибегать иногда к «заместительному» инфинитиву? По нашему мнению, нет. Инфинитив, как мы уже говорили, так мало приспособлен для какого бы то ни было заместительства и так характерен сам по себе, что заместителем подлежащего его можно признавать только там, где подлежащее необходимо, где безличный смысл невозможен (см. стр. 411 и след.). Здесь же, напротив, глагол всегда явно тяготеет к безличности, и инфинитив, сам безличный, конечно, не устраняет, а поддерживает в нем этот безличный оттенок. «Предстоит поехать» отражается в нашей мысли совсем не так, как: «предстоит поездка», а как: «приходится поехать», «стоит поехать» и т. д., где глагол уже совсем безличен. Отношение этих оборотов к соответствующим личным напоминает отношение оборота: «убило громом» к: «убил гром». Как там предложение никак не может быть личным, потому что то, что единственно могло бы быть подлежащим, выражено творительным падежом существительного, так здесь предложение не может быть личным, потому что то, что могло бы быть подлежащим, выражено инфинитивом.

Предложения трех рассмотренных до сих пор рубрик в точности соответствуют составным конструкциям личных предложений. Именно, предложения первой, второй и третьей рубрик соответствуют личным

предложениям с составным сказуемым (гл. XI и XII), а предложения четвертой рубрики — личным предложениям с «двойным» сказуемым (см. стр. 390). В общем получается полный параллелизм личного и безличного предложений как двух основных типов нашего грамматического мышления.

5) Отрицательные предложения с личным непереходным глаголом в роли безличного и с управляемым существительным в родительном падеже:

Не было ни гроша, да вдруг алтын. (Погов.)

... нигде не мерцал огонек; не слышалось никакого звука. (Тург.)

Ни облачка на небе не бродило. (Жуковск.)

Ожидаемой помощи не приходило. (Пушк.)

И не будет на свете ни слез, ни вражды
ни бескрестных могил, ни рабов,
ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
ни меча, ни позорных столбов. (Надс.)

Срам-то бывает у богатых: а мы как ни живи, никому до того дела нет. (Островск., «нет» — бесформенная замена безличного глагола с отрицанием.)

Про черный день нет песни у меня. (Полонск.)

Спина хранит следы ремня,
и язвам нету исцеленья! (Майков, «нету» в смысле «не существует» можно считать литературным, но «нету», как противоположность утверждению «да», — диалектизм.)

Предложения эти безличны только при отрицании. По устранении отрицания они переходят в личные: «не было гроша» — «был грош», «не слышалось ни звука» — «слышался звук», «не будет слез и вражды» — «будут слезы и вражда» и т. д., причем на месте родительного оказывается подлежащее. Таким образом отсутствие подлежащего связано здесь именно с этим родительным, а сам родительный — с отрицанием, как в оборотах: не вижу сестры, не читаю книги, не ем мяса и т. д.

Какие именно непереходные глаголы употребляются в таких оборотах, а какие не употребляются, сказать довольно трудно. Язык в этом отношении очень капризен. Нельзя сказать «этого человека здесь не спало», «его здесь не лежало», «не сидело», «второй роты не ходило», но можно сказать, «его здесь не оказывалось», «второй роты не приходило», «птиц больше не появлялось» и т. д. Во всяком случае, как ясно из примеров, этот оборот далеко не всеобщий. Не менее трудно определить степень обязательности безличного построения в тех или иных случаях. Но все же тут можно установить известные ориентировочные пункты. Прежде всего для настоящего времени глагола «был — буду» иного пути кроме безличного здесь нет,

так как здесь есть одно только бесформенное «нет»: вместо «у меня нет денег» употребить личный оборот, не вводя иного глагола, невозможно. Затем для глагола «был — буду» в прошедшем и будущем времени, если кроме отрицания «не» есть еще какой-либо отрицательный член в предложении, («ни», «никакой», «ни один») безличность тоже можно считать почти обязательной. Нельзя (или почти нельзя) сказать: «у меня не был в кармане ни один грош», «не были никакие деньги», «не будут на свете ни слезы, ни вражда» (пример из Надсона) * и т. д. Правда, при постановке именительного в начале личный оборот делается уже более возможным: «ни один грош не был у меня в кармане», но при этом происходит резкое изменение смысла: так сказать можно только про определенные предметы (напр., если бы говорилось о ранее известных грошах). «Ни одного гроша не было» обозначает безденежье, и «гроши» сами по себе тут не при чем. «Ни один грош не был» обозначает, что ни одного из тех грошей, о которых ранее говорилось, не было, хотя, быть-может, были и рубли и тысячи рублей. При отсутствии повторного отрицательного члена личный оборот с тем же глаголом делается уже довольно обычным, но опять-таки только при определенности подлежащего. Одинаково можно сказать и «Иванов не был» и «Иванова не было», но сказать «хлеб не был» можно только про определенный хлеб, о котором раньше говорилось, про хлеб же вообще можно сказать только «хлеба не было». Наконец, все другие глаголы, кроме «был — буду», уже совершенно свободно, и, кажется, при всяких условиях допускают и личный и безличный обороты (поскольку они вообще допускают второй). Можно, кажется, сказать: «ни звук не доносился, ни свет не проникал» (хотя опять-таки с постановкой именительного на первое место и с параллельным оборотом рядом; отдельно сказать: «ни звук не доносился» нельзя, так же как и: «не доносился ни звук, не проникал ни свет») и уж во всяком случае можно сказать: «никакой звук не доносился», «ни один звук не доносился». В общем можно, стало быть, указать ряд условий, способствующих безличности, и ряд условий, препятствующих ей. Первыми будут: 1) наличие глагола «был — буду», 2) наличие других отрицательных членов в том же предложении (особенно частицы «ни»), 3) постановка глагола перед именительным или родительным падежом, 4) оттенок неопределенности в существительном, стоящем в этих падежах. Вторыми будут: 1) наличие других глаголов, 2) отсутствие повторных отрицательных членов, 3) постановка именительного или родительного падежа перед глаголом, 4) оттенок определенности в существительном, стоящем в этих падежах. При этом, как и в оборотах с родительным на месте винительного при отрицании, современный язык и здесь не допускает родительного при отрыве отрицания от глагола. Нельзя сказать: «здесь не всегда было людей», а только «не всегда были люди», «не везде было встреч», а только «не везде были встречи» (срвн. 344 стр.). Таким образом к условиям, способствующим безличности, надо прибавить еще и необходимые для нее условия: 1) возможность вообще для данного глагола вступать в этот оборот (см. выше), 2) физическая цельность сочетания отрицания с глаголом. При переходных глаголах такой безличный оборот уже абсолютно невозможен, и никогда не был возможен, потому что тогда получилось бы два родительных: родительный на месте подлежащего и родитель-

* Едва ли по-русски звучат разговорно-интеллигентские сочетания: «не был ни один человек», «не была ни одна душа».

ный на месте прямого винительного («брат читал книгу» — «брата не читало книги»), что не могло бы быть понятным.

6) Отрицательные предложения со страдательным безличным составным сказуемым и с управляемым существительным в родительном падеже:

Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть, а бабьей глупости меры не положено. (Островск.)

... так из избы не вынесено сору. (Крыл.)

Разрушено уже почти все, но взамен не создано ничего. (Чех., «Дядя Ваня».)

7) Личный глагол в роли безличного или безличное страдательное причастное составное сказуемое+количественное наречие (или равнозначное предложно-падежное сочетание):

В последние пять лет он много прочел и кое-что увидел, много мыслей перебродило в его голове... (Тург.)

... у нас много дворянских имений в конец разорено бабами. (Островск.)

... мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело!» (Тург.)

Как в каждой настоящей семье, в лысогорском доме жило вместе несколько совершенно различных миров... (Л. Толст.)

...Много слуг и казны
под замками лежит. (Кольц.)
Иль было ей восторгов мало? (Брюс.).

Работы оставалось еще, по крайней мере, на две недели... (Гог.)

Внизу лестницы сидело по одному часовому... (Гог.)

... мне на нужду посылается, сколько нужно... Сколько нужно, столько и пошлется... (Островск.)

Кавалеров-то у нас один, другой — обчелся, гулять-то не с кем. (Островск., нулевой глагол и целое поговорочное выражение на месте количественного наречия.)

На месте наречия может быть и существительное с количественным значением, т. е. или численное, или такое, как «тьма», «пропасть», «бездна», «масса» и т. д.

Нас было двое: брат и я. (Пушк.)
Мне было тогда двадцать один год. (Л. Толст.)
Всех офицеров скакало семнадцать человек. (Л. Толст.)
Народу съехалось пропасть... (Тург.)
Публики сегодня пришло целая бездна... (Дост.)
Если никто не помешает, то кончу. Пустяки осталось. (Чех.)

Но тут уже получается нечто среднее между личным и безличным предложением: глагол имеет безличный смысл

(ни с чем не согласован), а при нем есть подлежащее (имен. пад.). Очевидно, это предложения типа: «пришло трус на землю» (см. стр. 417), удержавшиеся в языке только в тех случаях, когда подлежащее имеет количественный смысл. Такие предложения можно было бы назвать «безличными предложениями с именительным количества». Они употребляются на-ряду с личными: «пять человек пришли» и «пять человек пришло» одинаково обычны.

О происхождении предложений последнего рода так же, как и старинных предложений, сюда относящихся («пришло трус на землю»), был высказан взгляд, что это — переходный тип от личного предложения к безличному, когда сказуемое уже сделалось безличным, а подлежащее еще не успело исчезнуть (что такие предложения встречаются и сейчас, не противоречит этому, так как «поверхность языка», по меткому выражению одного автора, «пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов»). Но нам такой взгляд представляется лишенным исторической перспективы. Ведь такой переходный тип мог образоваться только в русском языке, где прошедшее время изменяется по родам; в настоящем и будущем времени («приходит трус на землю», «придет трус на землю») такой переходный тип немыслим, потому что неразличим. А как же образовались безличные предложения в других языках, где прошедшее время не изменяется и не изменялось по родам? Да и вообще происхождение безличности приходится отнести к пра-язычной поре, и, следовательно, факты одного древне-русского языка (к тому же не очень древние) не могут иметь решающего значения. Гораздо более вероятно, что предложения эти есть просто плод смешения личного и безличного оборотов в такую эпоху языка, когда оба типа предложений были уже вполне развиты.

В заключение отметим еще присутствие во многих безличных конструкциях словечка «оно», которое не нарушает безличности оборота, так как является скорее всего служебным словом для обозначения самой безличности, а не подлежащим:

Оно б не худо
шляхетские нам вольности иметь. (Островск., «Димитрий самозванец»).

Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно. Островск., «Пучина».)

Только все-таки хорошо оно, что так произошло. И дурно оно было, и хорошо оно было. (Дост.)

Гурмыжская. Я... предоставила его собственным средствам. Бодаев. Оно покойнее. (Островск.)

Оно, правда, совестно немного обыгрывать старух. (Гонч.)

Здесь мы имеем в русском языке зачатки оборота, развившегося в немецком, французском и английском как специальная форма безличности (es regnet, il pleut, it rains).

XV. ГЛАГОЛЬНЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ И ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Предложения, о которых будет здесь речь, стоят как бы по середине между личными и безличными предложениями. Таковы, прежде всего, предложения со сказуемым в 3-м лице множественного числа (а в прошедшем времени просто множественного числа), как, напр.:

Говорят, что три короля объявили войну царю нашему. (Гог.)

Уж сколько раз твердили миру,
что лесть гнусна, вредна... (Крыл.)

Однажды играли в карты у конногвардейца Наумова. (Пушк.)

... его судили... осудили, лишили чинов, дворянства, сослали в Сибирь. Потом простили... вернули. (Тург.)

Часу в пятом купали команду. На воду спускали парус, который наполнялся водой, а матросы прыгали с борта, как в яму. Но за ними надо было зорко смотреть... Нечего было опасаться, что они утонут..., но боялись акул. (Гонч.).

К купальщикам тихо подкрадывалась акула. Их всех выгнали из воды, а акуле сначала бросили бараньи внутренности... а потом кольнули ее острогой... (Гонч)

Во всех этих предложениях нет подлежащего, и это отсутствие подлежащего имеет в них совершенно особый смысл, отличающий их и от неполных предложений с опущенным подлежащим и от безличных. От неполных предложений они отличаются тем, что подлежащее здесь не может быть взято ни из обстановки речи, ни из предыдущей или последующей речи, как это всегда бывает в неполных предложениях. Представим себе, что два человека увлеклись каким-нибудь разговором перед общей прогулкой и задерживают остальных. Если кто-нибудь спросит: «почему мы не идем?» все посмотрят на разговаривающих и скажут: «Да вот, всё говорят!» Хотя здесь подлежащего нет, и нельзя даже сказать, что оно «подразумевается», потому что произнесшие эту фразу не держали, вероятно, в уме ни имен этих двух людей, ни слов: «они», «эти люди», «эти двое» и т. д.; но представление, соответствующее подлежащему, здесь было, и очень ясное, потому что дано было в обстановке речи. Точно так же в «Бесах» Пушкина

Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают?

мы прекрасно знаем из предыдущего, кто поет, кто хоронит и кто выдает замуж, хотя самого слова «бесы», может быть, и не держим в уме при чтении этих строк. В обоих случаях получаются предложения личные, но недосказанные, неполные. Теперь сопоставим с ними предложения нашего нового типа: «в парламентах много говорят», «в этой церкви хорошо поют», «его завтра хоронят» и т. д. В них действующее лицо далеко не так ясно, как в предыдущих, и эта неясность как раз очень важна для них. Мы могли бы перечислить, кто в парламентах говорит (депутаты, министры, монарх), кто в церкви поет, кто хоронит, но такое перечисление совершенно исказило бы фразу. В то время как в прежних предложениях добавление опущенного подлежащего создало бы в худшем случае лишь стилистическую неловкость (потому что ввело бы лишнее слово), здесь оно бы стерло самый синтаксический облик фразы, изменило бы строй ее. И это потому, что оно уничтожило бы тот оттенок неопределенности, в котором тут все дело. Другими словами, здесь подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено, как неизвестное, неопределенное. Иногда это значение прямо даже противодействует обычному заимствованию подлежащего из соседних предложений (срвн. 1-й пример из Гончарова, где рядом с «они утонут» сказано «боялись акул», и при этом ясно сознается, что «боялись» не «они», а кто-то другой). Этим-то предложения эти и отграничиваются от неполных предложений и приближаются к безличным. Но, с другой стороны, и от безличных предложений они тоже резко отличаются. В то время как в предложениях типа: «светает» или «вечереет» форма 3-го лица единственного числа теряет свое прямое значение, в этих предложениях лицо и число глагола сохраняют все свое обычное значение: в предложении: «в этой церкви хорошо поют» третье лицо указывает, как и всегда, на то, что действует не говорящий и не слушающий, а тот, о ком говорят, а множественное число — что действует не один предмет, а несколько. Все, как в самом обыкновенном глаголе. Таким образом при сравнении с безличными предложениями эти предложения оказываются личными, а при сравнении с обычными личными предложениями выделяются неопределенно-

с т ь ю подлежащего. Вот почему их и можно назвать **неопределенно-личными.**

Сюда же относятся обычно (хотя и с меньшим правом) предложения со сказуемым в о 2-м л и ц е е д и н с т в е н н о г о ч и с л а, каковы следующие:

Тише е д е ш ь, дальше б у д е ш ь. (Посл.)
Л ю б и ш ь кататься, л ю б и и сапочки возить. (Посл.)

Много других еще примеров в голову приходит, — да всего не п е р е с к а ж е ш ь. (Тург.)

Г л я д и ш ь и не з н а е ш ь, идет или не идет его величавая ширина... (Гог.)

Звон мгновенья — когда его л ю б и ш ь, как я — из области надземных звонов. (Бальм.)

Для понимания этих предложений надо прежде всего принять во внимание, что в н и х ч а с т о б ы в а е т и п о д л е ж а щ е е, т. е. слово «ты», напр.:

Вот, не доедем, да и только, домой! Что т ы п р и к а ж е ш ь делать? (Гог., «Ревизор».)

Наскучило итти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и т ы так ш м ы г н е ш ь, что тебя никакой дьявол не сыщет. (Там же.)

Фелицата. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких... потому она сама из очень простого звания взята. Зыбкина. Скоро ль т ы его н а й д е ш ь такого! Фелицата. И я тоже говорю. Где т ы нынче н а й д е ш ь богатого да неразвязного? (Островск., ни та, ни другая из говорящих не имеют в виду друг друга.)

причем общий характер фразы остается совершенно тот же. В таких случаях мы имеем не только л и ч н о е, но, вдобавок, еще и п о л н о е предложение с самым настоящим подлежащим. И тем не менее некоторой неопределенности этого подлежащего отрицать невозможно. Несомненно, что «ты» здесь означает не то, что обычно. Мало того, и к о с в е н н ы е падежи слова «ты» могут принимать сами по себе особый как бы «безличный» смысл, напр.:

Грубая черная одежда, по крайней мере, оригинальна и обращает на т е б я внимание. (Островск., «Волки и овцы», репл. Глафиры о себе самой.)

Вы, Флор Федулыч, стало быть, женской натуры не знаете... Так т е б я и подмывает... (Он же.)

Стой твердо, потому один отвечать будешь... У т е б я есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну и шабаш... (Островск., «Пучина», сентенция на тему о независимости человека от среды.)

В чем же особенность всех этих предложений и чем она объясняется? Дело в том, что к а ж д о е слово вообще может

употребляться в общем и в частном значении. Говоря: «дайте мне хлеба!» я могу иметь в виду какой-угодно хлеб, и тогда это слово будет мной употреблено в общем значении, а могу иметь в виду тот хлеб, на который сейчас смотрю, или о котором собеседник уже знает — и тогда это слово будет иметь частный смысл. Человек, входящий впервые в ворота какого-нибудь дома и желающий «видеть дворника», употребляет слово это совсем не в том смысле, в каком употребляет преддомком, когда велит позвать к себе дворника. Первый представляет себе дворника вообще, а второй только данного дворника. Или сравним еще слово «завтра» в обычном употреблении (для нас, напр., сейчас это 19 июня 1927 г.) и в стишке: «завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят», где оно обозначает всякое «завтра». Хотя каждое слово вообще может употребляться в обоих смыслах, однако есть слова, которые употребляются преимущественно в общем смысле (бытие, субстанция, наука, искусство, религия, нравственность и т. д.), и есть слова, употребляющиеся преимущественно в частном смысле (вчера, завтра, рядом, напротив, наискось, насквозь и т. д.). Личные слова, по понятным причинам, принадлежат как раз ко второму разряду. Ведь «я» всегда обозначает того, кто говорит, а говорить может только данный, индивидуальный человек, а не человек вообще, «ты» всегда обозначает того, кому говорят, «мой» всегда указывает на индивидуальное «я», «твой»—на индивидуальное «ты» и т. д. Крайне редко мы говорим о нашем «я» вообще, о временах, когда не будет ни «моего», ни «твоего», и т. д. Вот этот-то крайне редкий общий смысл и придан слову «ты» в предложениях рассматриваемого типа. Как в предложении: «человек смертен» под «человеком» разумеется не какой-нибудь определенный человек, а всякий человек, человек вообще, так в словах Осипа: «Ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет» под словом «ты» разумеется не тот «ты», который слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий «ты», «ты» вообще. Разница только в том, что к слову «человек» такое обобщение вполне подходит, а к слову «ты» оно мало подходит. Мы видим, таким образом, что неопределенность подлежащего в этих предложениях объясняется совсем не так, как в предложениях предыдущего типа. Там подлежащее опускалось, а здесь ему только придается особый обобщающий оттенок,

отнимающий у него индивидуально-личный характер. Это — обобщенно-личные предложения. Понятно, что предложения эти еще менее примыкают к безличным, чем предыдущие: ведь они, по существу, ничем не отличаются от таких вполне личных предложений, как: «человек смертен», «соловей поет лучше всех птиц» и т. д. И если их все же полезно выделить в особую категорию, то только потому, что из всех наших личных слов именно «ты» специализировалось в этой обобщительной роли, так что можно сказать, что предложения эти представляют собой излюбленную форму личного обобщения в русском языке, и это составляет важную его синтаксическую особенность. Что и другие лица способны к этому, ясно из таких случаев, как: «еду-еду — следу нету, режу-режу — крови нету» (лодка и весло), «я мыслю — следовательно существую», где обобщено 1-е лицо единственного числа, «метил в ворону, а попал в корову», «либо пан, либо пропал», «пьян да умен — два угодья в нем», «кавалеров-то у нас один, другой — обчелся», где обобщено 3-е лицо единств. числа, «охотно мы дарим, что нам не надобно самим» (Крыл.), «там хорошо, где нас нет», где обобщено 1-е лицо мн. ч., «ищите, и дастся вам», «не заботьтесь о завтрашнем дне», где обобщено 2-е лицо мн. ч. (предполагаем эти фразы, как сентенции, а не в их евангельском контексте, где они относятся к окружающим), «по платью встречают, по уму провожают», «от кого чают, того и величают», где обобщено 3-е лицо мн. ч. (тип, внешне совпадающий и потому трудно отделимый от предыдущего типа). Особенно часто встречается обобщение 1-го лица единств. числа в рассуждениях вроде следующего: «Всякий себе сам виноват. Коли **я** добрый человек да имею свой разум, так что́ мне приятели? А коли **я** дурак, ...да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать». (Островск.) Но типичным в этом отношении является для русского языка все-таки второе лицо единственного числа.

Что касается опущения самого слова «ты» в таких предложениях, то о нем говорить не приходится, так как личные существительные 1-го и 2-го лица вообще могут опускаться, когда в них нет прямой надобности (см. стр. 216), и опущение это с безличностью ничего общего не имеет.

Сюда же надо отнести и обобщительное повелительное наклонение единств. числа в предложениях вроде следующих:

Безумец я! Что ж я испугался?
На призрак сей п о д у й — и нет его. (Пушк.)

Вот поди ж ты. О т ы м и у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет... (Островск.)

Теперь и в люди выйдет, и нос подымет, вот что обидно-то. А ты п р е с м ы к а й с я всю жизнь. (Островск., «Богатые невесты», реплики Пирамидалова о себе самом.)

А по-нашему, матушка, по-купечески: у ч и с ь , как знаешь, хоть с неба звезды х в а т а й, а ж и в и не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено. (Островск.)

З н а й край, да не п а д а й. На то человеку разум дан. (Островск.)

А ты вот тут м а й с я всю ночь. (Островск., «Горячее сердце», Силан о себе самом.)

Трудно сказать, насколько именно сознается здесь в т о р о е лицо (см. стр. 227 и след.). Но обобщительный оттенок здесь наиболее ярок, так как повелительное наклонение единственного числа уже по самой природе своей (многоличность) как бы создано для выражения этого оттенка. Впрочем, при слове «ты» оттенок 2-го лица несомненен.

Оба рассмотренных типа предложений представляют из себя несомненно две особых разновидности к а т е г о р и и л и ц а в русском языке и, соответственно с этим, две особых ф о р м ы м ы ш л е н и я говорящего по-русски человека. Что это действительно так, ясно особенно из таких случаев, где эти формы вступают в конфликт с самым содержанием мысли и где благодаря этому ф о р м а выступает особенно отчетливо. А такие случаи у нас на каждом шагу, так как предложения эти, наравне с подлинными безличными предложениями, все больше и больше развиваются в языке за счет обычных личных предложений. Так, хотя в предложениях типа: «говорят» подлежащее опускается, как неизвестное, однако подобным же образом на каждом шагу опускается и вполне известное говорящему подлежащее: «тебе г о в о р я т, что нельзя, а ты все свое!», сказанное тем самым лицом, которое говорит, что нельзя («Г о в о р я т тебе, Непутевый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили», Островск., «какие ты глупости говоришь, давай, когда в е л ят...», Писемск., в обоих случаях говорящий говорит о себе самом), «вас п р о с я т подождать», передаваемое прислугой, «звонок испорчен, п р о с я т стучать», вывешенное на двери, «и щ у т дельного приказчика» в газетном объявлении, «Вам ж е л а ю т добра и п р е д у п р е ж д а ю т вас...» в анонимном письме и т. д. В предложениях второго, обобщительного типа в форму обобще-

ния облекаются нередко чисто-личные факты, носящие глубоко интимный характер, как, напр., у Л. Толстого:

После молитвы завернешься, бывало, в одельяце... Вспомнишь... о Карле Ивановиче и его горькой участи...и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «дай бог ему счастья... я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь в угол пуховой подушки и любуешься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолишься о том, чтобы бог дал счастья всем... повернешься на другой бок... и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

или у Лермонтова:

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

В этих случаях обобщительная форма сочетания получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем мостом, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его на показ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто-личной форме. Такова же роль и обычного авторского «мы», употребляемого не только в тех случаях, где автор действительно может мысленно слиться с читателем, и где обобщение уместно, но и в чисто-автобиографических сообщениях. И тут личное прячется под выработанные в языке обобщительные формы.

XVI. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Под этим условным обозначением мы объединяем все те предложения, в которых сказуемым является, по нашему мнению, именительный падеж существительного, и в которых по самой природе их не может быть ни подлежащего, ни глагольного сказуемого. Прежде чем перейти к отдельным видам этих предложений, мы должны выяснить одну общую черту их, отделяющую их от неполных предложений с подлежащим и с опущенным сказуемым — предложений, к которым они по внешности довольно близко подходят. Чертой этой является обязательное отсутствие специфически приглагольных членов. Так, если мы возьмем любое описание сцены в начале драматических произведений, напр.:

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветной скатертью, и т. д. (Островск. «Не все коту масляница», действ. I.)

то из данных предложений только первое может быть названо номинативным, хотя глаголов нет и в остальных. В самом деле, если бы мы, напр., признали номинативным и второе предложение, то мы бы решительно не знали, что нам делать со словами «в глубине». К чему они относятся? К слову «дверь» они хотя вообще и могли бы относиться (срвн. «дверь в глубине заперта, а дверь по правой стене открыта»), но в данной связи, несомненно, не относятся. Это ясно хотя бы из сравнения этого сочетания с сочетанием «в переднюю», которое явно относится к слову «дверь». Стало быть это сочетание относится к какому-то глаголу или какому-то составному сказуемому («идет», «видна», «виднеется» и т. д.). И хотя фактически в таком контексте сказуемое никогда не употребляется, хотя в отдельных случаях невозможно даже придумать никакого слова для заполнения этого пустого места, однако мы все же считаем его синтаксическим «местом», указываемым словами «в глубине», и потому не подводим этого предложения под рубрику номинативных. Таким же указанием на опущенный глагол служат нам слова «слева от зрителей» во 2-м предложении. И

так далее. Таким образом присутствие наречия или косвенного падежа существительного, если только эти члены не мыслятся приименно при самом именительном, служит для нас признаком неполного предложения, а не номинативного. Но нужно все-таки отметить, что чем труднее восполняются такие неполные предложения глаголом, и чем менее нуждаются они в нем, тем ближе они к номинативным. Пределом такой близости являются, кажется, предложения с приглагольным членом в начале, паузой противопоставления после него и именительным после паузы:

И вот, рядом с этим беззаветным героизмом, с этой преданностью долгу — самое беззастенчивое хищничество.

И вот за все мои жертвы — одна черная неблагодарность.

Все это сопровождалось явно антипартийной фракционной работой, принявшей за последнее время совершенно исключительные размеры. Вместо выполнения обязательств соблюдения партийной дисциплины, взятых на себя оппозицией 16 октября, печатание и распространение фракционной литературы, организация явно фракционной декларации 84 с неслыханными клеветническими обвинениями против партии, выступление т. Троцкого на ИККИ, единодушно охарактеризованное ИККИ как антипартийное и грубо фракционное, выступление т. Зиновьева 9 мая 1927 года на непартийном собрании с апелляцией против партии к беспартийным, нарушившее все традиции большевистской партии и элементарную партийную дисциплину. Наконец, на заседании президиума ЦКК т. Троцкий выдвинул совершенно неслыханные клеветнические обвинения партии в термидорианстве. («Правда», 1927, № 143 (3077.)

В последнем примере пауза, правда, не показана, но, судя по общему построению фразы, она более чем вероятна. Кроме того в этом примере очень рельефно средние предложения выделяются из двух крайних, глагольных предложений. В предложениях этого рода бытийность именительного сильно дает себя знать несмотря на приглагольное вступление, быть-может, потому, что это вступление не имеет здесь конкретно-пространственного значения (срвн. наши первые примеры). Далее, напоминаем читателю, что сказуемость этой главы ничего не имеет общего с глагольностью, а следовательно, и с категориями времени и наклонения. Поэтому и значения прошедшего или будущего времени и косвенных наклонений тоже переводят этого рода предложения в неполные, напр.:

И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей богу, мороз. (Гог.)

...Постой, постой; день только, день один:
и казней нет, и всем свобода... (Пушк.)

Хотя в некоторых из выделенных предложений совсем нет приглагольных членов, однако значение прошедшего времени в первом примере и значение будущего с оттенком косвенного наклонения во втором не дают возможности видеть здесь номинативные предложения. Правда, абсолютно вне временно́го плана идея бытия, повидимому, тоже не может быть воспринята, и потому все номинативные предложения воспринимаются все-таки под знаком настоящего времени (примеры см. ниже). Но настоящее время, как «нулевое» и еще вдобавок способное в высшей степени к «расширению» (см. стр. 239—240), наименее нарушает их номинативный характер. Наконец, неполными, а не номинативными являются эти предложения и в том случае, если именительный в них явно относится к слову предыдущей речи или представлению, вызванному ею, в качестве предикативного члена (напр.: «Я их ужо! Десятого повешу, разбойники!», Пушк., другие примеры см. на стр. 459).

За всеми этими ограничениями номинативные предложения довольно употребительны в нашей речи и разделяют все свойства глагольных предложений: они могут быть и распространенными (и притом значительно, см. некоторые примеры ниже), и отрицательными, и утвердительными, и восклицательными, и вопросительными, и повествовательными, и слитными, и неслитными. Разновидностей их, как мы уже знаем, три:

1) Экзистенциальные (бытийные) предложения:

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит в даль. Кругом все степь да степь. (Бун.)

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей... (Чех.)

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин... (Чех.)

... они тотчас: Разбой! Пожар!
и прослывешь у них мечтателем опасным.
Мундир! Один мундир!.. (Гриб.)

А? Бунт? Ну так и жду содома! (Гриб.)

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую... Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел. (Островск., «Лес», действ. I).

Предложения эти надо отличать от однородно построенных словосочетаний, выражающих представления, а не мысли (см. стр. 204 и след., а также 464 и след).

2) Указательные предложения:

Вот мельница. Она уж развалилась... (Пушк.)

Вот тебе и кавалер, не я искала, сама обрящила. (Островск.)

Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов, со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлович Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харлампий Спиридоныч Дымба! Осип Лукич Бабельмандебский! И прочие, и прочие... (Чех., «Свадьба».)

Конечно, польское правительство не могло не знать о их деятельности. И вот, наконец, вчерашняя тяжелая весть... («Вечерняя Москва» № 127 (1038), «Памяти тов. Войкова».)

Предложения эти очень распространены в обиходном языке и редки, по понятным причинам, в литературном. Те из них, в которых при слове «вот» имеется дательный падеж («вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», «вот вам и поездка!»), мы не причисляем из-за этого дательного падежа к глагольным: дательный кажется нам зависящим здесь не от опущенного глагола, а от самого слова «вот». Само же это слово чрезвычайно трудно определить синтаксически. Оно, несомненно, подобно побудительным словам и междометиям (см. стр. 195 и след.) выражает волевой момент, свойственный предикации, но оно ничего не называет, оно — местоименно. Кроме того оно способно приставляться к любому глагольному предложению («Вот Иван Андреич идет!», «Вот нехотя с ума свела!», Гриб.), и, стало быть, наравне со словами «вон» и «это» является лишь служебным словом. Но там, где нет глагола, оно берет на себя часть его высказывательной силы и разделяет как будто бы предикативность с именительным падежом. С другой стороны, через предложения с глаголом «был—буду» («Вот был мастер-то!», «Вот будет потеха!») оно притягивает эти предложения к глагольным. Считаясь однако с огромной распространенностью этих предложений именно в безглагольном виде и с сравнительной редкостью здесь форм прошедшего и будущего времени глагола «быть», мы относим их к номинативным, отмечая, что роль сказуемого здесь как бы делится между именительным падежом и указательным словом.

3) Назывные предложения. Примеры излишни, так как их легко найти на любой книжной обложке, на любой магазинной вывеске. Что они совершенно параллельны глагольным предложениям, ясно из тех нередких случаев, когда на их месте имеются глагольные предложения («Бедность не порок».

«Свои люди, сочтемся», «Здесь бреют и кровь отпускают» и т. д.). Возможна и комбинация из номинативного и глагольного предложения («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Управляемые существительные и предложно-падежные сочетания в них ощущаются как приименные («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Больные в Ялте», «Роман с контрабасом», «Случай из практики», «Господин из Сан-Франциско»), и на них как раз очень удобно наблюдать различие между приглагольными и приименными группами этого рода (срвн. «Больные в Ялте», как название романа, и то же сочетание, как глагольное предложение в смысле «больные находятся в Ялте»). Только в части этих предложений (надписи пароходов, железнодорожных станций и т. д.) именительный падеж обозначает только название (см. стр. 207), и как раз эти случаи наиболее сомнительны в смысле включения их в категорию сказуемости.

XVII. ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Сказуемым в этих предложениях мы признаем и н ф и н и т и в с а м п о с е б е, вне его отношений к собственно-глаголу или глагольной связке. В отличие от предыдущего разряда сказуемость здесь г л а г о л ь н а я, и потому имеется, как норма, и член, обозначающий д е я т е л я. Член этот — д а т е л ь н ы й падеж существительного при инфинитиве, и этот дательный надо и тут отличать от дательного, зависящего от инфинитива в общем порядке («как м н е сказать е м у о вас?», при обычном словопорядке первый дательный — дательный действующего лица, второй — обычный). Предложения эти очень распространены в русском языке и чрезвычайно разнообразны по оттенкам в значении инфинитива (всегда связанным с интонационными отличиями). Мы попытаемся сгруппировать эти оттенки следующим образом:

а) Предложения с оттенком о б ъ е к т и в н о й н е о б х о д и м о с т и действия (=безличным: «предстоит», «суждено», «придется» и т. д.):

К о м у назначено-с, н е м и н о в а т ь судьбы! (Гриб.)
Весть важная! и если до народа
она дойдет, то б ы т ь г р о з е великой! (Пушк.)
Недотерпеть — п р о п а с т ь,
перетерпеть — п р о п а с т ь!.. (Некр.)

Прощайте же! Как д в у м к о н ц а м сего палаша н е с о е д и н и т ь с я в одно и н е с о с т а в и т ь одной сабли, так и н а м, товарищи, больше н е в и д а т ь с я на этом свете! (Гог.)

Как ни тепло чужое море,
как ни красна чужая даль,
не е й п о п р а в и т ь наше горе,
р а з м ы к а т ь русскую печаль! (Некр.)

Поскольку предстоящее зависит от человеческих усилий, к этому оттенку может примешиваться оттенок л е г к о с т и или т р у д н о с т и д е й с т в и я, особенно в отрицательных предложениях:

Н е н а г н а т ь т е б е бешеной тройки! (Некр.)
... Вряд ц а р ю Б о р и с у
с д е р ж а т ь венец на умной голове. (Пушк.)
И собак тоже развели... Н и п р о й т и, н и п р о е х а т ь! (Чех.)

Вам хорошо, а я сына в университете содержи, малых в гимназии воспитывай, так мне першеронов не купить. (Л. Толст.)

Чудилось в нем нечто отвратительное... как бы налет какой-то, паутина или слизь, которая противна и которую никак не стряхнуть. (Ф. Солог.)

b) Предложения с оттенком субъективной необходимости действия (=безличным: «должно», «подобает», «полагается» и т. д.), часто в большей или меньшей степени повелительные:

Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать. (Фонвиз.)

Про эти дела тесть не ее, а меня спрашивать! Не жена, а муж отвечает. (Гог.)

Кому ж, как не отцу, смотреть за своею дочкой! (Гог.)

«Да, господа, — заговорил князь, обращаясь ко всему собранию...— Вы знаете, сегодня в театре Вержембицкую вызывать». (Тург.)

Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху... (Гог.)

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома, что очень рад. (Гриб.)

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать! (Гриб.)

c) Предложения с оттенком желаемости действия:

Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... (Лерм.)

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда... (М. Вол.)

Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц... (М. Вол.).

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока... (М. Вол., все три строфы стихотворения из таких инфинитивов.)

Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
и слышать отзвуком далеким
удары ног и щелк хлыста! (Брюс., «На скачках»).

d) Восклицательные предложения со всевозможными оттенками чувства, столь же разнообразными, как и в обычных восклицательных предложениях:

Боже! Погасить искру огня, может быть, развившегося бы в величии и красоте, может быть, исторгнувшего бы также слезу умиления и благодарности! (Гог.)

Шутить, и век шутить! Как вас на это станет?.. (Гриб.)

Наплевать на ваши отчеты, и никакому чорту я не обязан, — проводил его Шатов... (Дост.)

Проклятые, вы, вы сгубили нас!
Не выдержать и трех минут отпора! (Пушк.)

Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави! (Фонвиз.)

Что ж? Умереть, так умереть! потеря для мира небольшая... (Лерм.)

А! каблуками бить, да еще браниться! (Л. Толст.)

е) Восклицательно-вопросительные предложения с оттенками колебания, нерешительности, растерянности:

Как им петь, как говорить про лихие дела? Пан их Данило призадумался... (Гог.)

Куда деваться от княжен! (Гриб.)

Хоть убей, следа не видно;
сбились мы. Что делать нам! (Пушк.)

Любить... но кого же? на время — не стоит труда... (Лерм.)

... взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «кому теперь есть, — говорит, — наступило светопреставление. (Тург.)

Если оттенок колебания очень слаб, то вопросительно-восклицательной интонации может и не быть, а только специфическая «нерешительная» интонация. Таковы повседневные: «пойти, соснуть что ли...», «пойти, посмотреть, что он делает...» и т. д.

f) Вопросительные предложения без какого-либо ясно выраженного специфического оттенка в инфинитиве:

Что мол вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите. (Тург.)

Чудное дело! Чего ему быть невеселым?.. (Тург.)

Отчего ему упасть? — сказал Федя: — он остережется... (Тург.)

Это тесть! — проговорил пан Данило: — зачем и куда ему итти в эту пору? (Гог.)

Я ведь до зимы не доживу... К чему понапрасну людей беспокоить? (Тург.)

Что к родным писать? Помочь — они мне не помогут... (Тург.)

Хотя зачатки того или другого из выше перечисленных оттенков можно было бы уловить и здесь, однако несомненно, что инфинитив здесь менее характерен, менее выразителен, чем в предыдущих примерах. И это стоит в связи с вопросительностью этих предложений, так как центр тяжести переходит в них на вопросительный член, что и обесцвечивает инфинитив.

Каждый из перечисленных здесь оттенков может еще комбинироваться со всеми оттенками сослагательного наклонения, так как в каждом таком предложении

возможна частица «бы», как остаток сослагательной формы бывшего здесь когда-то глагола:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Кабы знать могли они, что творилось с Гришею. (Некр.).

Не креститься бы тебе,—говорит,—человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней. (Тург.)

Пораздумай ты путем,
не раскаяться б потом. (Пушк.)

Нам бы, братцы, так полетать... (Горьк.)

Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку. (Гог.)

Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати что ли? (Гог.)

Кроме того, так как каждое такое предложение может быть и придаточным, т. е. попасть в подчиненное по отношению к другому предложению положение, то на него могут наслаиваться и все оттенки подчиненности (причина, цель, условие и т. д., см. гл. XXVIII):

Дело состояло только в том, чтобы переменить... кое-где глаголы из первого лица в третье... (Гог.)

Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость, чтобы перерезать нам дорогу к запорожцам. (Гог.)

... внизу стоят казаки и думают, как бы влезть им... (Гог.)

Вид кабинета, если осмотреть там все повнимательнее, поражал... запущенностью и небрежностью. (Гонч.)

Недотерпеть — пропасть,
перетерпеть — пропасть! (Некр.)

Что ж? Умереть, так умереть!.. (Лерм.)

Не креститься бы тебе, — говорит, — человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней. (Тург.)

В части своей, именно в тех случаях, когда при инфинитиве имеется дательный действующего лица, а при переводе в прошедшее или будущее время вставляется глагол «было — будет» («не нагнать тебе бешеной тройки!» — «не нагнать тебе было бешеной тройки!»), предложения эти сопредельны с соответствующими глагольными безличными предложениями (глава XIV, рубр. 4). Но ввиду того, что будущее время глагола «быть» здесь встречается крайне редко из-за омонимии с личными предложениями этого рода (напр., «что будет делать?» почти не употребляется при довольно обычном «что было делать?», так как первое предложение сбивается на личное бесподлежащное), да и прошедшее далеко

не ко всем им подходит (предоставляем читателю самому, переводя наши примеры в прошедшее время, убедиться в этом), мы предпочитаем квалифицировать такие предложения как глагольные безличные только при ф а к т и ч е с к о м п р и с у т с т в и и глагола «было—будет». С другой стороны, в части случаев эти предложения граничат и с л и ч н ы м и глагольными предложениями, именно в тех случаях, когда возможен именительный действующего предмета (напр., «А! каблуками бить, да еще браниться!», Л. Толст., могло бы быть дополнено словом «ты»: «А! т ы каблуками бить, да еще браниться!»). В этих случаях можно говорить о неполных предложениях типа: «люди пахать, а мы руками махать» (см. стр. 461), лишенных не только сказуемого, но и подлежащего.

Совершенно особым и своеобразным видом инфинитивных предложений являются одиночные инфинитивы, тавтологические по отношению к следующему за ними глаголу, напр.:

Что к родным писать? П о м о ч ь они мне не п о м о г у т... (Тург.)

Ну уж, господин Хлынов, ты к у р а ж и т ь с я — к у р а ж ь с я, а в чужое дело не лезь... (Островск.)

А, слышь, б и т ь никогда не б и в а л,
разве только под пьяную руку. (Некр.)

В одних случаях эти инфинитивы ясно сознаются как отдельные инфинитивные придаточные предложения (вроде: «а н а с ч е т т о г о ч т о б б и т ь — не бивал», «к о л и к у р а ж и т ь с я — куражься», срвн. у Грибоедова: «Когда в делах, я от веселья прячусь, к о г д а д у р а ч и т ь с я — д у р а ч у с ь»); в других столь же ясно выходят из рамок данной главы, играя роль в ы д е л и т е л ь н о г о с р е д с т в а для глагола. Дело в том, что самые обычные наши выделительные средства: постпозитивная частица «то» и постановка слова на п е р в о м месте к глаголу не применимы (срвн.: «писал-то он р е д к о», «говорил-то он это совсем н е в а м», где частица «то» выделяет не глагол, а приглагольный член, «летают ядра, свищут пули», где постановка на первом месте ослабляет глагол, а не выделяет), и отсюда развитие таких оборотов, как: «читать-то он читает, а писать еще не пишет», «болтать болтает, а дела делать не делает». Интонационная цельность показывает, что инфинитив здесь скорее особый усилительный член того же предложения, чем отдельное предложение. Пределом такого внедрения этого рода инфинитива в бывшее «главное» предложение представляется нам выражение: «з н а т ь не знаю, в е д а т ь не ведаю». Здесь уже усилительная функция приобретает словарный характер (=совершенно не знаю), а о самостоятельном предицировании нет и помина, что символически отражается на полном изменении интонационного типа (полное слияние инфинитива с глаголом, отсутствие восходящей интонации, сильное ударение на инфинитиве).

XVIII. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Сравнивая попарно предложения: «гроза прошла» и «гроза не прошла», «он уехал в Москву» и «он уехал не в Москву», «я интересуюсь этой книгой» и «я интересуюсь не этой книгой», «он это говорил» и «не он это говорил», приходим к выводам: 1) первые и вторые предложения материально тождественны, т. е. содержат один и тот же комплекс материальных представлений, 2) формально они различны, так как отношения между представлениями в них не одинаковы, 3) различие это выражено не формами отдельных слов (которые и в тех и в других предложениях абсолютно одинаковы), а формами словосочетаний, и притом не порядком слов и не интонацией (которая, во всяком случае, может быть здесь абсолютно одинакова), а исключительно присутствием во вторых предложениях особого бесформенного словечка «не», имеющего чисто-формальное значение. Значение это принято определять термином «отрицание», и, таким образом, формы словосочетаний 2-го рода образуют в языке категорию отрицания. Сущность этой категории, имеющей колоссальное психологическое и, главным образом, логическое значение (ведь утверждение и отрицание взаимно обусловливают друг друга, а где нет утверждения, там нет и истины, там нет и человеческой мысли), с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, т. е. сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слов и словосочетаний, реально не существует. Так, в предложении «гроза не прошла» словечко «не» обозначает, что связь между представлением о грозе и представлением о миновании ее, выраженная обычными для данного случая языковыми средствами («гроза не прошла»), не реальна, т. е. что ей в природе ничто не соответствует. Точно так же в предложении «он уехал не в Москву» отрицается реальность связи между представлением об его отъезде и представлением о Москве (хотя связь сама по себе выражена теми же средствами, какие употребляются и в случаях признания ее реальной: «уехал не в Москву»), в предложении «я интересуюсь

не этой книгой» отрицается реальность связи между представлением о моем интересе и той ч а с т ь ю сложного представления об «этой книге», которая выражена словом «этой» и т. д. Значение это должно напомнить читателю значение категории к о с в е н н ы х н а к л о н е н и й, т. е. повелительного, условного, желательного и т. д. Там тоже связь между двумя представлениями, выраженными в подлежащем и в вещественной части сказуемого, обозначается как м ы с л и м а я только, а не реальная. Но разница между той и другой категорией получается все-таки огромная. Прежде всего категория косвенных наклонений относится не к связи между всякими двумя представлениями, а только к связи между представлением о глагольном признаке и представлением о предмете, который этот признак производит. Затем нереальность связи между этими двумя представлениями выражается в этой категории не прямо, а косвенно: выражаются, собственно, в о з м о ж н о с т ь, ж е л а т е л ь н о с т ь, н е о б х о д и м о с т ь и т. д. связи, а нереальность уже только в ы т е к а е т из этих значений, так как предполагать, желать или требовать того, что на самом деле уже производится, невозможно. В категории отрицания, напротив, выражается п р я м а я н е р е а л ь н о с т ь без всякого отношения к идеям возможности, необходимости и т. д. При помощи этой категории мы можем объявлять нереальными и такие связи, которые на самом деле обладают абсолютной реальностью («курица не птица, женщина не человек»), и такие, реальности которых и без того никто не предположил бы («железо не камень», «дерево не железо»). Но, при всех этих отличиях, категория отрицания все же входит в ту же рубрику «субъективно-объективных» категорий (см. 102 стр.), что и категория наклонения, потому что и она обозначает не отношения между представлениями, а отношение г о в о р я щ е г о (и слушающего, конечно, поскольку он понимает, т. е. воспроизводит всю речевую психику говорящего) к этим отношениям. Отношение между представлением о грозе и представлением о ее миновании с а м о п о с е б е абсолютно одинаково и в «гроза прошла» и в «гроза не прошла». Оно диференцируется говорящим только постольку, поскольку он в первом предложении квалифицирует его как реальное, а во втором как нереальное. Этим он и высказывает с в о е с о б с т в е н н о е отношение к этому отношению.

Категория отрицания стоит еще в определенном и очень своеобразном отношении к категории сказуемости. Именно, только отрицание, стоящее при сказуемом, делает всё высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла высказывания. Если я говорю, что я интересуюсь «не этой книгой», то ясно, что я все-таки какой-то книгой интересуюсь; если я говорю, что это сделал «не он», то я мыслю при этом, что это сделал кто-то другой и т. д. Положительный смысл таких предложений особенно ясно выступает в народной поэзии, в так называемых отрицательных сравнениях:

Не сырой дуб к земле клонится,
не зеленые листочки расстилаются, —
расстилается сын перед батюшком,
он и просит себе благословеньица.

Здесь в первых двух предложениях слушателю, несмотря на отрицание, ясно рисуется, как что-то перед чем-то расстилается, т. е. мыслит он нечто положительное. Такие предложения с положительным сказуемым, но с отрицательной частицей при другом члене, можно называть частно-отрицательными, а предложения с отрицательным сказуемым обще-отрицательными или собственно-отрицательными предложениями. Составные сказуемые и предикативные члены при нулевой связке абсолютно тождественны в этом отношении с простыми сказуемыми, так что какое-нибудь «курица не птица», «я не механик» сознаются так же отрицательно в отношении всей мысли, как и «гроза не прошла», а «не я механик, а ты» сознается так же положительно, как «не гроза прошла, а ливень».

Различие в силе того отрицания, которое стоит при сказуемом, и тех отрицаний, которые стоят при других членах, является косвенным подтверждением тех наблюдений, которые мы сделали над нашими языковыми переживаниями при самом вскрытии в языке категории сказуемости (см. гл. IX). Если бы мы еще сомневались в объективной ценности этих наблюдений (а есть ученые, которые в ней сомневаются), то это различие должно окончательно укрепить нас в наших выводах. В самом деле, если только относящееся к сказуемому отрицание создает отрицательную мысль, то значит только сказуемое и выражает мысль. Особенно поучительно в этом

отношении сравнение обще-отрицательных предложений с такими частно-отрицательными, где отрицание стоит при подлежащем: «он не ходит» и «не он ходит», «он не добр» и «не он добр». В обоих типах отрицается реальность связи между подлежащим и сказуемым. Но в одном типе это делается в отношении сказуемого, а в другом в отношении подлежащего, т. е. в одном мыслится, что такое-то сказуемое не связано с таким-то подлежащим («он не ходит»), а в другом — что такое-то подлежащее не связано с таким-то сказуемым («не он ходит»). И вот, первый тип оказывается собственно-отрицательным, а второй скрывает в себе утверждение («значит, кто-то другой ходит»). Стало быть отношение сказуемого к подлежащему совсем не то, что подлежащего к сказуемому. Первое заключает в себе отношение к реальности (через посредство категории наклонения), почему отрицание его и создает полную нереальность. Второе, как и всякое другое отношение в языке, не заключает в себе отношения к реальности, почему и отрицание его создает только нереальность данной связи, но не нереальность самой мысли.

До сих пор мы ограничивались в наших примерах только одним средством выражения категории отрицания: частицей «не». Но необходимо отметить, что в русском письменном языке отрицательных частиц две: **не** и **ни**, причем последнее всегда равняется по значению «не+и» или «и+не». Кроме того они входят в состав некоторых полных слов, как: **нет** (в смысле «не существует»), **нельзя, никто, ничто, никакой, ничей, никуда, нигде, некого, некому** и т. д. Эти слова по их отрицательной роли в предложении можно называть отрицательными членами предложения, и их во всяком случае следует отличать от таких слов, как: неправда, неурожай, неловко, неприятный и т. д., где отрицательная частица слилась с основными словами уже в нечто новое, положительное (ведь «неправда» не есть только «не+правда»).

Главная особенность наших отрицательных предложений по сравнению с романскими, германскими и др. индо-европейскими языками заключается в том, что в одном и том же предложении у нас очень часто бывает несколько отрицательных частиц и отрицательных членов, напр.: «я нигде, никогда не видал ни его, ни его брата», «никто никогда не скажет...», «он не произнес ни слова» и т. д. В других языках

повторение отрицания если и бывает, то чаще всего создает положительный смысл, так же как и у нас в тех случаях, где повторяется частица «не»: «не могу не сознаться»=должен сознаться, «не может не попасть»=попадет, «его некому не любить»=все любят, «я не бога не принимаю... я мира, им созданного... не принимаю...» (Дост.)=бога мог бы принять, и т. д. В тех же случаях (как раз наиболее частых), когда добавочным отрицанием является «ни» или слова, имеющие в своем составе это «ни» («никто», «никогда» и т. д.), повторение отрицания может создавать только усиление отрицательного смысла, а никак не ослабление его. Срвн. слабое отрицание в вопросе: «не говорил ли он когда-нибудь...?» и решительное в ответе: «он не говорил никогда...», частичное отрицание в: «он не говорил словечка» (в смысле: одного определенного словечка, о котором раньше шла речь) и общее в: «он не говорил ни словечка» (то же усиление создается, впрочем, часто и одной интонацией, без помощи частицы «ни»: «словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой», Гриб.). Объясняется это исключительно своеобразной природой этого нашего «ни», которое никогда не является по значению только отрицанием, а всегда есть союз+отрицание (см. гл. XXIV) или усилительная частица+отрицание (см. гл. XXXIII). Другой особенностью славянских отрицательных предложений является родительный падеж на месте винительного («не вижу дерева», «не люблю лжи»), что было уже рассмотрено в главе XIII, и тот же родительный на месте именительного («не было денег», «не проходило дня»), что было рассмотрено при безличном предложении.

Нулевой категорией к категории отрицания служит категория утверждения, не имеющая, как и бо́льшая часть нулевых категорий, собственных средств выражения (если не считать слова «да», стоящего всегда вне синтаксических связей, см. гл. XXI). Предложения, не заключающие в себе отрицательных членов, сознаются как утвердительные.

Особую разновидность отрицательных предложений составляют такие предложения (всегда с частицей «ни»), как «сколько я ни говорил ему, он не послушался», «куда ни обернешься, везде видишь горы», «где бы я ни очутился, везде я сумею устроиться» и т. д. Они составляют особенность русского языка и замечательны тем, что по смыслу они, собственно, утвердительны. Ведь «сколько я ни говорил ему» показывает, что я го-

ворил, и даже много, «где бы я ни очутился» показывает, что я предполагаю, что мог бы во многих местах очутиться и т. д. Отрицание забрело сюда, повидимому, из соседнего отрицательного предложения, и первоначальным побуждением к этому могло служить желание выразить то противоречие, которое всегда имеется здесь между предложением с «ни» и следующим предложением (я много говорил, а он не послушался; другие люди умеют устраиваться в отдельных местах, а я — всюду, куда попаду, и т. д.). Таким образом первоначально отрицание, вероятно, относилось здесь не к содержанию данного предложения, а к той связи, которой оно было связано с последующим. В настоящее время здесь, может быть, и нет уже совсем отрицательного смысла, а только уступительно-обобщительный («хотя я все возможное говорил...», «хотя бы я везде перебывал...»), так что «ни», может быть, является здесь чистым подчинительным союзом (уступительным). В зависимости от того, признавать здесь сейчас отрицательный оттенок, или не признавать, предложения эти можно было бы выделить в группу отрицательно-обобщительных или уступительно-обобщительных.

Интересную разновидность отрицательных предложений образуют также такие случаи, как: «Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь, Я давал — не давал золотой перстенек...» (Некр.), «ты им объясни: что вот купил я, деньги бросил большие, так чтоб знали они... ну, в ноги не в ноги, а чтоб было в них это чувство...» (Островск.), «Колдун не колдун, а слово знает» (Островск.), «это спрашивает офицер — не офицер, ну, словом, то, что у них заменяет офицера» (В. Шульгин, «1920 год») и т. д. Во всех этих случаях соединение двух тавтологических предложений, одно из которых утвердительное, а другое отрицательное, создает значение слабого отрицания: «давал не давал» обозначает «несовсем давал», «в ноги не в ноги» обозначает «несовсем в ноги» и т. д. Повидимому, значение это произошло из разделительного сочетания таких предложений, т. е. из такого, где бессоюзие имело первоначально смысл так называемых «разделительных» союзов («или — или», «не то—не то», «либо—либо» и т. д., см. гл. XXVII). Об этом мы заключаем из таких случаев, как: «волей неволей», «готов не готов — все равно подавай», «Не смей согнать ленивца! Рад не рад — корми его...» (Пушк.). Здесь разделительный смысл выступает еще довольно ясно («волей или неволей», «рад или не рад»). В сочетаниях же, приведенных выше, к этому смыслу присоединяется еще слияние обеих возможностей, положительной и отрицательной, в один средний факт: «давал не давал» не обозначает уже: «или давал, или не давал», а обозначает: делал умеренно и то и другое, или, как мы выше квалифицировали: «несовсем давал». Рубрику эту можно было бы назвать рубрикой нерешительно-отрицательных предложений.

XIX. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ И ПОВЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Мы говорим всегда зачем-нибудь, с какой-нибудь целью. Если мы говорим только для того, чтобы сообщить свои мысли другому, то такую речь можно назвать повествовательной речью. Если мы говорим для того, чтобы, сообщая свои мысли, в то же время выразить и чувства, овладевающие нами по поводу этих мыслей, наша речь будет восклицательной. Наконец, если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать побудительной речью. Последний случай разбивается на два: мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос — речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, — речь повелительная.

Существование всех этих видов отношения говорящего к своей речи обнаруживается в специальных формах словосочетаний, именно в так наз. «вопросительных», «восклицательных» и «повелительных» предложениях. Все они образуют соответствующие формальные категории языка, и все эти категории являются «субъективно-объективными», так как выражают различия не в отношениях между словами, а в отношениях говорящего к своей речи. Категория «повеления», конечно, теснейшим образом связана с категорией повелительного наклонения глагола, рассмотренной нами в другой связи. Категория «повествования» является нулевой категорией по отношению к остальным и соответственно не имеет особых средств выражения (такие слова, как «итак», «и вот» и т. д., выражают чистое «повествование» в буквальном смысле слова, тогда как термин «повествовательное предложение» надо понимать расширенно в смысле «предложение сообщающее»). Следовательно нам нужно здесь изучить только признаки вопросительных и восклицательных предложений и те дополнительные признаки повелительных предложений, которых мы не могли касаться раньше.

Вопросительные предложения отличаются следующими признаками:

1) В них могут быть особые частичные слова, так наз. вопросительные частицы, служащие только для внесения в предложение вопросительного смысла: **ли, разве, ужели, неужели.**

2) В них могут быть особые вопросительные члены предложения, являющиеся по значению полными словами с самостоятельным смыслом и в то же время служащие для выражения вопроса. Таковы вопросительные местоименные существительные: **кто** и **что** (второе также в смысле наречия причины, напр.: «что ты ржешь, мой конь ретивый?», Пушк., «что вы такой герцогиней смотрите?», Островск., и в смысле обще-вопросительном перед каким бы то ни было вопросом: «ну что, где он оказался?», «что ж, ты набил мне папиросы?» Островск., «что, купил колачика?» Л. Толст.), несклоняемое **что за**, составляющее одно слово, несмотря на отделимость частей («а что он за человек?», «что за человеку помогал ты?»), вопросительные местоименные прилагательные: **какой, чей, который** и вопросительные местоименные наречия: **куда, как** (кроме своей прямой функции имеет еще функцию переспроса в виде вступления к недоуменному повторению предыдущих слов собеседника, напр.: «Телятев. ...завтра свезут меня к Воскресенским воротам. Лидия. Как к Воскресенским воротам?» или: «Дурнопечин. Дай мне, братец, бумаги, которые я тебе отдал в Москве убрать. Никита. Какие бумаги? Дурнопечин. Как какие бумаги?» примеры из Островского и Писемского), **где, куда, откуда, когда, почему, сколько** и т. д.

3) В них может быть измененный порядок слов, при котором то слово, к которому преимущественно относится вопрос, ставится в начале («хотел ли ты этого?» «этого ли ты хотел?», «ты ли хотел этого?»).

4) В них может быть, а при отсутствии предыдущих признаков должна быть особая вопросительная интонация, характеризующаяся особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос, напр.:

ты вчера был с ним в театре? *

* Все чертежи всюду даны в крайнем упрощении. На самом деле и линия повышения и линия понижения всегда изломаны. В данной фразе,

или:

ты в ч е р а был с ним в театре?

или:

ты вчера был с н и м в театре?

или:

ты вчера был с ним в т е а т р е?

или:

ты вчера был с ним в театре, или она?

причем общая интонационная фигура оказывается в одних случаях восходяще-нисходящей (первые 3 случая), в других просто восходящей (4-й случай) и в третьих просто нисходящей (5-й случай). И эта последняя интонация все-таки резко отличается от нисходящей повествовательной интонации, так как начинается таким высоким тоном, какого не может быть при повествовании, почему и п о н и ж е н и е сказывается здесь гораздо резче, чем там.

Описанная интонационная форма употребляется только для выражения ч и с т о г о в о п р о с а, т. е. такого, ответ на который по своему содержанию абсолютно не предвидится спрашивающим. Но существует еще целый ряд интонационных форм для выражения таких вопросов, ответ на которые более или менее

напр., интонация слова «вчера» уходит глубоко вниз вплоть до уровня заключительных слогов фразы. Кроме того в чертежах не учтена так называемая с л о г о в а я интонация, т. е. скольжение тона в пределах у д а р н о г о г л а с н о г о сильнейшего слова (в данном случае, стало быть, гласного **ы** слова «был»), являющаяся, в сущности, главным выразительным средством. При вопросе эта интонация р е з к о в о с х о д я щ а я, причем голос, взлетев, так сказать, высоко вверх на одном звуке, п о и н е р ц и и продолжает восходить и на соседнем слоге, который, вопреки смыслу, является самым высоким пунктом вопросительного предложения. Все эти неточности допущены совершенно сознательно из опасения, что точный чертеж без пространного комментария, для которого здесь нет места, только запутает читателя.

рисуется говорящему уже в момент вопроса, напр.: «Ведь ты был вчера в театре?», «Ага, не нравится?», «Так ты что ж, денег захотел?» и т. д. Все эти формы, описывать которые мы здесь по условиям места не можем, носят переходный характер от вопроса к сообщению и тем более приближаются к простому сообщению, чем яснее спрашивающий представляет себе ответ. Предложения эти по их интонации (которая и одна, без таких словечек, как «ведь», «ага» и т. д., может выражать уверенность в определенном ответе, на что примера без интонационных чертежей дать, конечно, невозможно) можно было бы назвать вопросительно-повествовательными.

Восклицательные предложения:

1) могут иметь особые слова-междометия (ах! эй! увы! и т. д.), о значении которых будет сказано дальше;

2) могут иметь особые восклицательные члены, являющиеся полными словами с самостоятельным значением и в то же время вносящие в предложение восклицательный смысл: **кто, что, что за, какой, который, чей, куда** (иногда и не в пространственном смысле: «куда на выдумки природа таровата!», Крыл.), **как, куда как** («ни на волос любви! куда как хороши!», Гриб.) **сколько, сколь** и т. д. (те же, что и в вопросительных предложениях, с некоторыми вариантами);

3) могут, а при отсутствии предыдущих признаков должны иметь особую восклицательную интонацию, чрезвычайно разнообразную, смотря по тому, какое именно чувство желает выразить говорящий (срвн., напр.: «Какой светильник разума угас!» Некрас., «Га! какой рев и вой! Это земля завыла от страха...» Тург., «Маменька, папенька сказал, чтобы вы... Ах, какой пассаж!», «Ах, боже мой! Какие ты, Антоша, слова отпускаешь!» Гог., «Какие низости!» Софья у Гриб., «Смотри ты, какой пышный!» Гог., где при одном и том же восклицательном слове «какой» каждое восклицание имеет свою особую интонацию). Впрочем, разнообразие это касается, собственно, только тембровой стороны, которая и является здесь основным выразительным средством. Что же касается мелодии, то она довольно однообразна и характеризуется более высоким, чем при повествовании, но более низким, чем при вопросе, произношением сильнейшего слова.

Повелительные предложения:

1) могут иметь особые повелительные частичные слова, служащие для внесения побудительного смысла в предложение: **ка** («поди-ка сюда, возьми-ка это!»), **ну ка** («ну ка, посторонись!»), **нутка** («вы, нынешние, нутка!», Гриб.), **пусть, пускай** («квартальный поручик, он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту!», Гог., «пусть помнят все, что ряд столетий России ведать суждено...», Брюс., даже и при первом лице: «явись, волшебница: пускай увижу вновь...», Пушк., «Оставь, пусть я плачу...», Островск., при 3-м лице нередко соединяется с формальным словом «его», относящимся не к глаголу, а именно к «пускай», «пусть»: «пускай его спит!», «пусть его говорит!»), **да** (устаревшее: «да умирится же с тобой и побежденная стихия...», Пушк.), **давай, давайте** («давай играть в костяшки, — сказал ему Хорь», Помял., «И отлично. Давайте поедем!», Чех.) и т. д.;

2) могут иметь сказуемое в повелительном наклонении (самый обычный случай);

3) могут, а при отсутствии предыдущих признаков должны иметь особую побудительную интонацию, различающуюся смотря по тому, выражается ли приказание, просьба, совет, убеждение, спокойное предложение и т. д., и т. д., но во всяком случае резко отличную от вопросительной и восклицательной интонации (срвн. восклицательную интонацию у Гоголя: «боже, погасить искру огня, может быть развившегося бы в величии и красоте!...» и повелительную в обращении к слугам: «погасить огни! запереть двери!»). Примеры на разные виды повелительной интонации см. на стр. 242 и след.

XX. НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Под неполными предложениями мы будем понимать такие предложения, в которых нехватает, по сравнению с рассмотренными до сих пор конструкциями предложений, одного или нескольких членов. Нехватка эта определяется, прежде всего, формальным составом (в широком смысле слова, т. е. с учетом и внешней и внутренней стороны формы) того или иного неполного словосочетания. Так, не сопровождаемый глаголом именительный падеж существительного, поскольку в нем нет значений, описанных в гл. XVI, или значения, имеющего быть описанным в гл. XXI, обязательно указывает либо на опущенный при нем согласуемый глагол, являясь, таким образом, подлежащим неполного предложения, либо на опущенный другой именительный падеж и согласуемую с ним связку, являясь предикативным членом; не сопровождаемый глаголом косвенный падеж существительного, поскольку он по своему значению приглаголен, указывает на отсутствующее сказуемое, а через него и на подлежащее (если сказуемое лично); не сопровождаемое существительным прилагательное, поскольку оно само не замещает существительного (субстантивирование), указывает на отсутствие существительного; и т. д. Неполными могут быть, таким образом, не только предложения, лишенные главных членов (подлежащего или сказуемого или и того и другого), но и предложения, лишенные второстепенных членов, поскольку это лишение определяется формальным составом предложения. Напр., переходный глагол, если он употреблен именно в переходном смысле, а в то же время не имеет при себе управляемого им падежа («он убил», «он дал»), будет сказуемым неполного предложения, хотя бы подлежащее, как в наших примерах, и было налицо. Или, напр., второе из двух следующих предложений: «Белый хлеб предоставлю вам, Настасья Кирилловна, есть по гостям, а я ем свой черный» (Писемский, «Ипохондрик») будет неполным, хотя имеет не только главные члены, но и два второстепенных. И неполным оно будет потому, что глагол «ем» употреблен здесь в переходном смысле и, следовательно, нуждается в существительном в винительном падеже, а прила-

гательное «черный» не является здесь обще-понятной заменой существительного (срвн. «черные» в смысле «черносотенцы», как это слово нередко употреблялось до революции) и, следовательно, не может заменить этот винительный падеж. Неполными могут быть, следовательно, и нераспространенные и распространенные предложения, и глагольные и неглагольные (срвн., напр., инфинитивные неполные предложения: «Принять его, позвать, просить...!», Гриб., «в стакан воды подлить... трех капель будет...», Пушк., «Скупой рыцарь», о яде для отравления скупого рыцаря, номинативные неполные предложения в надписях на коробках с товаром: «хромовые», «шевровые», «рантовые» на коробках с ботинками, «шоколадные», «ромовые» на коробках с конфетами и т. д.), и личные глагольные и безличные (напр. «нехватает», требующее родительного падежа, «не спится», требующее дательного). Что касается такой неполноты, на которую сам по себе состав данного предложения ни в какой мере не указывает, а которая вытекает только из соотношения данного предложения с предыдущим или последующим (напр. «Александр умер в таком-то году», причем раньше говорилось об Александре Македонском), а так же такой неполноты, которая вытекает только из эмоциональной стороны речи («Нет, уж терпенья моего нехватает... Женю я его... Уж суди меня бог, а я его женю», Островск.) или только из случайной прерванности ее («Отведи г. офицера... Как ваше имя и отчество, мой батюшка?», Пушк.), то ее мы не будем учитывать в нижеследующем описании, как случайную и не создающую особой формы словосочетания.

Из факторов, создающих неполноту предложений, два уже упоминались неоднократно. Это — заимствование слов из окружающей речи (предыдущей или последующей, см. ниже) и замена их реальными представлениями из обстановки речи или предыдущего общего опыта говорящих. Здесь должны быть прибавлены еще три: 1) выражение представления, соответствующего недостающему члену, целым соседним предложением или целой группой их; 2) достаточность вещественных и формальных значений членов самого неполного предложения для возбуждения образа, соответствующего отсутствующему члену; 3) возможность выражения тех или иных представлений интонационными средствами. Примеры на 1-й случай мы видели уже при описании смежных

с безличными предложений типа: «не даром говорится, что дело мастера боится» (см. стр. 405). Примером на 2-й случай можно взять хотя бы следующее место из «Горя от ума»:

Молчалин на̀ лошадь садился: ногу в стремя,
а лошадь — на дыбы,
он об землю — и прямо в темя.

Здесь во всех выделенных предложениях глаголы в своей вещественной стороне не заимствуются из контекста и обстановки речи, а берутся из вещественных значений слов тех же словосочетаний («ногу в стремя» предопределяет нечто вроде «вдел», «вставил», «об землю» предопределяет «ударился» и т. д.). Точно так же в стихе из «Евгения Онегина»:

Он в залу. Дальше: никого.

недостающие сказуемые в выделенных предложениях берутся из самих этих предложений, тогда как невыделенное неполное предложение опирается в вещественном значении своего опущенного сказуемого на предыдущее предложение (само по себе «дальше» могло бы обозначать и совсем другое, напр. «читает дальше», «пишет дальше»). Примером на 3-й случай может служить:

Только вы с ним поосторожнее; он плут, большой руки. (Островск.)

Хотя здесь опущен глагол «был — буду», и притом в связочном его смысле, а не полновесном, однако это предложение не может считаться полным, так как обычно только настоящее время изъявительного наклонения этого глагола опускается в русском языке, здесь же опущено повелительное наклонение («будьте поосторожнее»). И такое опущение оказалось возможным только благодаря наличию повелительной интонации, отличающей это предложение от такого, напр.: «оба вы так же грешны, как и я; только вы с ним поосторожнее, умеете концы в воду хоронить...»

Степень осознания неполноты неполного предложения обратно пропорциональна степени его типизации, о чем мы говорили уже на стр. 160 и след. Укажем здесь, в добавление к сказанному там, на такие неполные предложения, как: «что с вами?» «что с ней?» (в смысле: не чувствует ли она себя дурно?), «будет!»

(в смысле «довольно будет», напр.: «будет с тебя пряников!»), «кто кого?» (в смысле «кто кого одолел?»), «чья взяла?» (в том же смысле), «смотри в оба!», «он ни слова», всевозможные пожелания: «покойной ночи!», «доброго здоровья!» и т. д., поздравления: «с новым годом!», «с приездом!» и т. д. Это все такие неполные предложения, которые в полном виде употребляются или исключительно редко (напр., «что с вами происходит?» * в смысле «что с вами?»), или, во всяком случае, реже, чем в неполном. Понятно, что неполнота их вскрывается лишь грамматическим анализом. Это — стационарные неполные предложения. Описание их и отделение от обычных неполных предложений относится скорее к фразеологии, чем к синтаксису. Синтаксис должен лишь указать, каких членов вообще может недоставать в неполных предложениях и с какими синтаксическими условиями связана та или иная недостача. Мы распределим наше описание по следующим рубрикам (по условиям места крайне общим):

1) Личные распространенные или нераспространенные предложения с простым или составным сказуемым или с предикативным членом при нулевой связке без подлежащего:

Могучий Олег головою поник
и думает... (Пушк.)

Вот в такие-то минуты Пака и оставался один. Был такой тихий и послушный, что совсем не опасались оставлять его одного: никуда же не уйдет и уж наверное ничего не должного не сделает. (Ф. Солог.)

---

* На этом примере удобно вникнуть в принципиальное отличие исторического и статического изучения явлений языка. Принимая во внимание выражения: «что с вами было?» и «что с вами будет?» в том же смысле вопроса о самочувствии и переживаниях собеседника (все 3 выражения возможны, конечно, и в бытийном смысле, напр.: «что с вами было на охоте, берданка или дробовик?»), можно с уверенностью сказать, что никакого иного глагола, кроме «быть», здесь никогда и не было, а следовательно, с исторической точки зрения, может быть здесь никогда ничего и не опускалось (см. стр. 299). Но в системе современного языка здесь сознается опущение, так как глагол «быть» только в значении существования, бытия (а также и связочном) имеет нулевое настоящее время, как особый способ обозначения, в значении же «происходить», «случаться», которое он здесь исключительным образом имеет, он, как и всякий другой глагол, требует для себя настоящего времени, и от отсутствия такового и происходит ощущение опущения (характерно, что нельзя сказать в этом смысле: «что с вами есть?»). Во всей этой главе понятие опущения трактуется исключительно статически.

Любила музыку она
не потому, что в моде... (Некр.)

Да какое дело (у Ахова), окромя, что ворчать ходить, да чтоб не спали? Ненавистник! (Островск.)

Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. (Островск.)

Глядишь и не знаешь, идет, или не идет его величавая ширина... (Гог.)

Нигде не темнеет, не густеет гроза... (Тург.)

Что я было принял за рощу, оказалось темным и круглым бугром... (Тург., подлежащее замещено целым соседним предложением.)

Когда бывало, чтобы кто-нибудь что-нибудь продал, и ему бы не сказали сейчас же после продажи: «это гораздо дороже стоит»? (Л. Толст., подлежащее замещено группой последующих предложений).

«Талант, талант!» звучало у него в ушах. (Гонч., «Обрыв», подлежащее замещено предыдущим предложением, которое само могло бы быть неполным, но, кажется, скорее номинативное экзистенциальное.)

Как видно из примеров, заимствование подлежащего может происходить и не из ближайшего предложения, а из более или менее отдаленного, причем подлежащее может переноситься мыслью из предложения в предложение (и притом минуя некоторые предложения) на любое расстояние (прим. из Ф. Сологуба). Далее, член, заимствуемый как подлежащее, может и не быть подлежащим в том предложении, из которого он заимствуется («любила музыку она не потому, что в моде»). Наконец, из 7-го и 8-го примеров видно, что заимствование может происходить не только из предыдущих предложений, но и из последующих. Это объясняется тем, что известный комплекс предложений может быть предварительно весь целиком охвачен мыслью, и член, общий им всем и смутно рисующийся уже при первых предложениях, может окончательно выкристаллизоваться в словесную форму лишь впоследствии. Все эти условия заимствования одинаково относятся ко всем видам неполных предложений.

Сюда же принадлежат, конечно, и предложения с опущенными местоименными личными подлежащими («я», «ты», «мы», «вы»), и притом не только при прошедшем времени или предикативном члене («пришел, увидел, победил», «виноват» и т. д.), но, по нашему толкованию, и при настоящем и будущем времени глагола (см. стр. 216 и след., там же и примеры).

Особо следует отметить предложения с предикативным существительным в именительном падеже, нулевой связкой и подлежащим, заимствованным из всего содержания предыдущей речи, напр.:

К несчастью, мысли не приходили мне в голову — и в целые два дня надумал я только следующее замечание:

Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию.

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. (Пушк., «Истор. села Горюх.»)

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... (пропускаем ряд предложений). Солдаты весело разговаривали между собой, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! (Пушк., «Метель».)

«Кто сильнее, тот и прав, — продолжал отец наставительно. — Борьба за существование». (Ф. Сологуб.)

Я, например, прочитал в одной статье такую формулировку: «Сейчас перед крестьянством стоит задача обратить в «капитал» свои завоевания в революции, т. е. полностью воспользоваться свободой мелкого производителя». Ошибка. Товарищ дает эту формулу без критики. («Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», доклад т. Каменева на VII Мосгубсъезде.)

Оппозиция указывала, что вследствие повторных хороших урожаев в стране накопились крупные хлебные избытки, доходящие, вероятно, до трех четвертей миллиарда пудов. Указание правильное. Деревня, действительно, обладает серьезным страховым фондом «на черный день». Эти излишки, — продолжает оппозиция, — следует изъять путем займа, который надо принудительно разместить между кулаками. Предложение, чреватое самыми пагубными последствиями. («Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», № 183.)

Случаи эти мы выделяем потому, что их легко смешать с номинативными экзистенциальными или указательными предложениями (особенно с последними).

2) Личные распространенные или нераспространенные предложения с подлежащим без сказуемого (простого или составного):

Закурив трубки, мы уселись — я у окна, он у затопленной печи... (Лерм.)

Вот ты поминутно мне, что я глуп. (Дост.)

Мне все послушно, я же — ничему». (Пушк.)

Татьяна в лес; медведь за нею... (Пушк.)

Все-то вы, как я посмотрю, дурак на дураке сидит и дураком погоняет. (Писемск., «Ипохондрик», сказуемое замещено целым предложением.)

И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз... (Гог.)

«А у ней опять жар», думаю я про себя. (Тург.)

Ненастный день. Дорога прихотливо
уходит в даль. Кругом все степь да степь. (Бун.)

Предложения последних примеров содержат в себе опущенный глагол с очень бледным вещественным значением, более или менее приближающимся (а иногда и вплотную подходящим) к значению бытия. Но разница между этими предложениями и номинативными бытийными все же остается, и в свое время она была нами указана (см. стр. 434—435). Как особую разновидность выделим здесь предложения с приглагольным инфинитивом, намечающим отсутствующее сказуемое:

Люди пахать, а мы руками махать. (Погов.)

Это все дрянь, чем набивают головы ваши: и академии, и все те книжки... — я плевать на все это! (Гог.)

И царица хохотать,
и плечами пожимать,
и подмигивать глазами,
и прищелкивать перстами,
и вертеться подбочась.... (Пушк.)

Взяли, связали, да в город, да полтора года и просидел немец в тюрьме... Жена — хлопотать! (Гог.)

Ты — смеяться надо мной? Ах, ты, молокосос! (Островск.)

Предложения эти отличаются от тех, где отсутствующее сказуемое намечается приглагольным существительным или наречием, тем, что намек на вещественную сторону сказуемого здесь идет не только из инфинитива самого по себе, а и из интонации и ритма предложения. В таких предложениях, как: «жена — хлопотать», мы имеем особую тягучую интонацию нараспев, выражающую длительность процесса, в таких, как: «я плевать на это!», особый короткий и резкий ритм, выражающий решимость, и т. д.

3) Предложения личные или безличные, распространенные или нераспространенные с предикативным членом, но без глагольной (даже и нулевой) связки:

Я был озлоблен, он — угрюм. (Пушк., срвн. это отсутствие связки, связанное с прошедшим временем, с отсутствием ее в полных предложениях, имеющим всегда значение настоящего времени.)

Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже. (Тург.)

Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку..., да будет солдат, а не шаматон в гвардии. (Пушк.)

Все-таки с ним нужно поласковее. (Островск., опущена инфинитивная связка «быть».)

4) Те же предложения с глагольной связкой, но без предикативного члена:

Анна Петровна и теперь осталась, как тогда была, дама видная. (Чернышевск.)

Случай этот гораздо более редок, чем предыдущий, и, кажется, возможен только в придаточном предложении. Впрочем, срвн: «Он оказался как мать родила», «парень был — косая сажень в плечах» и т. д. Литературными примерами этого рода мы не располагаем, но это, по всей вероятности, чистая случайность.

5) Те же предложения с переходным глаголом в качестве сказуемого или с таким составным сказуемым, которое управляет определенным падежом существительного, но без этого падежа:

И все подняли кубки. Не поднял лишь один,
один не поднял кубка, Михайло князь Репнин. (А. Толст.)

Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса... (Бальм., управляемое существительное замещено целым предложением.)

Дорого-любо, кормилица-нива,
видеть, как ты колосишься красиво. (Некр., то же замечание.)

Сюда же относятся и те случаи, когда сказуемое требует инфинитива, а его нет, напр.:

Герцог (сыну). Как смели вы?... Барон. Ты здесь! Ты, ты мне смел!... (Пушк., «Скупой рыцарь».)

Но если преданность еще покажут
такую же, велю их батогами. (Островск.)

6) Те же предложения с несубстантивированным прилагательным и без существительного, к которому это прилагательное относится:

Белесова. ... Где эти серьезные, высоконравственные люди находят по себе женщин... ну, жен, что ли?
Цыплунов. Там же, где и все...
Белесова. Но ведь им нужно добродетельных, серьезных, то есть бесстрастных... (Остр., субстантивир. прилагательное обозначало бы людей вообще, здесь же имеются в виду только женщины, жены.)

Мы наш, мы новый мир построим... (Интернац.)

Причиной этого случая неполноты может быть только восполнение из контекста или обстановки. Поскольку опущенное существительное является подлежащим или управляется переходным глаголом или соответствующим предикативным сочетанием, рубрика эта, понятно, совпадает в своих фактах с предыдущими.

До сих пор шла речь о недостаче одного члена. Но само собой разумеется, что один и тот же факт может подходить одно-

временно под несколько наших рубрик, т. е. что в предложении может нехватать и подлежащего, и сказуемого, и управляемого члена, и т. д. Особенно это ясно на ответных предложениях («Когда ты напишешь письмо управляющему? — Завтра»). Изучать все эти комбинации в данном, и без того крайне конспективном, изложении вопроса, разумеется, нет ни малейшей возможности, и мы приведем только два-три литературных примера:

Мир гробу их! Приближься, Курбский. Руку! (Пушк.)

Не знаю, как теперь, но в детстве мне часто случалось... слышать этих кликуш. (Дост.)

Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ждать. (Ф. Сологуб.)

В заключение напомним, что словосочетания без сказуемого, рассмотренные в этом отделе, мы признаем отдельными предложениями по двум признакам: 1) по их формальной соотносительности с полными предложениями, т. е. по тому, что одиночное наречие, положим, нам представляется обязательно относящимся к какому-то глаголу, одиночный именительный, поскольку он себе не довлеет, тоже к какому-то глаголу и т. д. (этот признак нам представляется важнейшим: неполные предложения, хотя их в разговорной речи, несомненно, гораздо больше, чем полных, в сознании нашем всегда равняются по полным), 2) по их интонации, ничем не отличающейся от интонации полных предложений (этот признак представляется нам вспомогательным, так как та же интонация может принадлежать и отдельным отрезкам внутри предложений и некоторым сложным целым, см. стр. 526—527).

XXI. СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, НЕ ОБРАЗУЮЩИЕ НИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, НИ ИХ ЧАСТЕЙ.

В этой главе мы должны объединить большое количество явлений, по существу совершенно разнородных, но связанных между собой указанным в заглавии свойством. Слова и словосочетания, сюда относящиеся, с одной стороны, не являясь сказуемыми и не включая сказуемых в свой состав, не образуют предложений, а, с другой стороны, не будучи связаны с какими-либо предложениями в порядке согласования, управления и примыкания, не образуют и частей этих предложений. Интонационно они то составляют отдельные фразы (по большей части однословные), то примыкают к соседним предложениям, помещаясь иногда даже в самой середине их. Но и в этом случае они остаются элементами, внутренно чуждыми приютившему их предложению, подобно пуле, попавшей в организм. Причины этой несвязанности с предложениями для каждой из ниже намечаемых групп разные. Мы различаем здесь следующие случаи:

1) Именительный падеж существительного, не имеющий ни одного из тех значений, которые до сих пор были рассмотрены, а обозначающий изолированные представления тех предметов, которые этими существительными названы:

Ах, Франция! Нет в мире лучше края! (Гриб.)

Иван. Он говорит, что более не может
взаймы давать вам денег без заклада.
Альбер. Заклад! А где мне взять заклада, дьявол! (Пушк.)

Дон Гуан (задумчиво). Бедная Инеза!
Ее уж нет! Как я любил ее!
Лепорелло. Инеза! — Черноглазую... О, помню. (Пушк.)

Но Скалозуб? Вот загляденье! (Гриб.)

Это означало с его стороны... что ему жаль меня, что он... хочет... ободрить меня и уверить в своем покровительстве. Добрый и наивный Нурра! (Дост.)

Правда: комнатка твоя выходила в сад; черемухи, яблони, липы, — сыпали тебе на стол,... свои легкие цветки; ...иногда заезжал к тебе старый друг из Москвы... но одиночество, но невыносимое рабство учительского звания, невозможность освобождения, но бесконечные осени и зимы, но болезнь неотступная... (Тург.)

Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... Но власть... Но бедствия народны... (Пушк.)

Кажется, сюда же относится и очень распространенный (особенно в разговорной речи) именительный, подхватываемый в ближайшем предложении словом «он» (или словом «этот» с повторением именительного):

К в а р т а л ь н ы й п о р у ч и к, о н высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. (Гог.)

Э т и б е с с о н н ы е н о ч и,... п р о в е д е н н ы е з а с т а н к о м, сколько жизни, сколько радости приносили о н и нам... («Железнодорожник», 1927, № 1, В. Фин, «Еще четыре».)

Против такого понимания этих именительных можно возразить, что, произнося их, говорящий уже знает, что он собирается строить предложение и что этот именительный понадобится ему либо в качестве подлежащего, либо в качестве предтечи подлежащего, поскольку предвидится, что он будет сменен словом «он». Стало быть это не именительный представления, а недоговоренное предложение, состоящее из одного подлежащего (или из подлежащего с его группой подчиненных слов). Однако и против этого можно возразить, что самое недоговариванье имеет здесь целью как раз выделение данного представления, помещение его в фокус внимания н е з а в и с и м о от предуготовляемой для него роли подлежащего. Нам лично чаще всего приходилось слышать этот именительный от наших учителей в лекционные часы с университетской кафедры. Нередко им предшествовали слова «этот» или «вот этот», «так вот этот», напр.: «вот это постепенное о б е д н е н и е римского крестьянина времен республики, о н о привело к тому...», «эта романтическая л и т е р а т у р а начала XIX века в Германии, о н а влияла...» и т. д. По употреблению его этот именительный, кажется, даже можно было бы назвать «лекторским» именительным: так часто он встречается в лекторской речи. Каков же генезис его там? Мы думаем, что он возникает из желания в ы д е л и т ь данное представление и тем о б л е г ч и т ь предстоящее соединение этого представления с другим. Мысль преподносится при этом как бы в два приема: сперва выставляется на показ изолированный предмет, и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет ч т о - т о сказано, и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль. То, что в лекторской речи делается для облегчения слушателя, то в разговорной речи может делаться говорящим для облегчения

самого себя. Говоря «квартальный поручик», гоголевский городничий мог еще совершенно не знать, что́ он о нем скажет и в какой форме скажет. Если бы это было имя неодушевленного предмета, то оно могло бы оказаться в дальнейшем и не в роли подлежащего, напр.: «этот стол, пусть его поставят в передней». Словом, употребляя такой именительный, говорящий, может быть, просто вызывает в себе то или иное отдельное представление с целью подготовки материала для предстоящей мысли. Если бы это было так, то эти именительные во всяком случае были бы ближе к именительным представления, чем к именительным неполных предложений. Впрочем, в некоторых случаях, как напр.:

Мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной воле, эта мысль меня не покидала... (Пушк.)

Пророчество Вагнера о том, что отныне всякая музыка, полагающая в самой себе свою цель, обречена на бесплодие, — это пророчество оказалось простым недоразумением. («Русск. мысль», 1913, VI, Эйгес.)

...и тот, кто принимает на себя это водительство, он несомненно берет на себя громадную ответственность. (Там же, Жданов.)

эти именительные, повидимому, необходимо признать неполными предложениями, так как в одних из этих случаев намерение говорящего сделать их в дальнейшем подлежащими слишком ясно сказывается в том, что они имеют при себе особые придаточные предложения (первые два примера), а в других пониманию их как именительных представления препятствует, сверх того и местоименность (3-й пример).

Сюда же, может быть, относятся и те именительные, которые предшествуют сочетаниям слова «это» со вторым именительным (типа: «математика — это наука серьезная», срвн. стр. 323), хотя роль подлежащего для них предуготовляется как будто бы больше, чем для предыдущей группы.

Совсем другое приходится сказать о таких случаях, как:

Но свет... жестоких осуждений
не изменяет он своих... (Пушк.)

Но сладкий поцелуй свиданья...
его я жду; он за тобой... (Пушк.)

Здесь самая интонация указывает на неоконченную мысль (в художественном тексте эта неоконченность может быть, между прочим, и предвиденной, как прием). В связи с этим и именительный сам по себе нисколько не характерен для данных

сочетаний, потому что неоконченное предложение может начинаться каким угодно членом, напр.:

Но вдруг... о радость! Косогор! (Пушк.)

Да нешто их тут всех... Много их. Такой черноватый... (Островск.)

Следовательно в этих случаях именительный является членом неоконченного предложения и все сочетание — неполным предложением.

Некоторые инфинитивы и инфинитивные группы можно было бы толковать аналогично с именительными представления. Сюда относятся, главным образом, инфинитивы, которые дальше подхватываются словом «это», напр.:

Шутить и век шутить! Как вас на это станет? (Гриб.)

Прожить побарски — это дворянское дело, это только дворяне умеют. (Л. Толст.)

Но словосочетания эти до такой степени связаны с несомненнейшими инфинитивными предложениями (именно условными придаточными: «недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть»), что мы не решаемся отрывать их оттуда. Может быть только для восклицательных сочетаний этого рода при условии намеренного отрыва в мысли действия, выраженного инфинитивом, от его возможного производителя (наш первый пример) следует принять это толкование.

2) Именительный падеж существительного, обозначающий лицо или предмет, к которому обращаются с речью — так наз. «обращение». Основной смысл этого именительного — побудительный: побудить слушателя слушать, обратить его внимание на речь говорящего. Но уже в разговорной речи эта функция тесно переплетается с функцией квалификации самого слушателя, так что получается нечто среднее между обращением и именительным предикативным с опущенным «ты». Сюда относятся все случаи ласки, мольбы, ругательств («Голубчик! сделай ты мне это!», «Милая! Хорошая! не слушай его!», «Благодетели! Спасите!», «Мерзавец! как ты смел?», «Пошел вон, дурак!» и т. д.). В литературной же речи группа обращения часто делается эстетическим или риторическим центром, вбирает в себя максимум мысли и чувства автора, как это видно из следующих примеров:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил... (Пушк.)

Надменный, кто тебя подвигнул? (Пушк.)

Друг мой, брат мой, больной и страдающий брат!
Кто б ты ни был, не падай душою! (Надс.)

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
и императоры, как дети. (Брюс.)

Таким образом вещественно обращение может быть теснейшим образом связано с остальной речью. Однако формально основная его роль побуждения (кстати сказать, совершенно тождественная с побудительными словами «эй», «ну», «ну-тка» и т. д.) не дает ему возможности вступить с каким-либо членом предложения, при котором оно стоит, в связи согласования, управления или примыкания, и оно остается, какой бы распространенности оно ни достигало, посторонней для данного предложения группой. Что же касается возможности самому образовать предложение, то для этого оно оказывается недостаточно самостоятельным. Побудительный смысл не дает здесь места бытийному смыслу, который один только мог бы придать именительному падежу значение отдельной мысли. Срвн. также сказанное на стр. 204.

В некоторых случаях книжной речи, вследствие недостаточности и недостаточной гибкости наших знаков препинания, трудно отделить обращение от обособленного члена однопадежной группы (см. стр. 492 и след.). Так, в сочетт. типа: «люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид...» (Пушк.), «приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья, где льется дней моих невидимый поток...» (Пушк.), «люблю тебя, законченность сонета, с надменною твоею красотой...» (Бальм.) и т. д., выделенные существительные можно принимать то за винительные падежи, сочиненные со словом «тебя», то за именительные, как обращения. Знаки препинания тут ничего не говорят, потому что восклицательный знак есть у нас в то же время и знак отделительный, так что в средине сложного предложения его поставить неудобно, запятая же может толковаться и так и этак. Но, понятно, в устной речи то и другое понимание различаются по интонации, хотя надо сознаться, что разница в отдельных случаях может быть довольно тонка (предоставляем читателю понаблюдать над собой в этом отношении). Таким образом

анализ здесь всецело зависит от чтенья, а чтенье от вкуса. Впрочем, насколько нам приходилось наблюдать, «звательное» понимание здесь решительно преобладает. Еще труднее разобраться в таких случаях, как: «а вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов, пятою рабскою поправшие обломки игрою счастия обиженных родов! Вы, жадною толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи! Таитесь вы под сению закона...» (Лерм.), «а ты, Сокол, ты, раб, змея, за дерзкий, хитрый свой намек получишь гибельный урок!» (Лерм.), «но вы, мучители палат, легкоязычные витии; вы, черни бедственный набат, клеветники, враги России! Что взяли вы?..» (Пушк.) и т. д. Здесь интонация обращения, вначале очень ясная, по мере удаления от личного слова («ты» или «вы») и разрастания оборота, постепенно переходит в интонацию параллельного обособленного члена, потому что звательная интонация, по самому существу дела, приспособлена только для кратких сочетаний, и выдержать ее на большом протяжении невозможно. Чем дальше отстоит такой именительный от личного слова, тем дальше он от обращения и тем ближе к обособленному члену. Кроме того может возникнуть вопрос о том, как понимать здесь само личное местоимение: как оторванное от последующего подлежащее или как именительный представления (см. стр. 463), или опять-таки как обращение? Что личные слова вообще могут быть обращениями, ясно из таких случаев, как: «эй ты! поди сюда!», «о ты, чьей памятью кровавой...» (Пушк.) и т. д. Но в рассматриваемых случаях связь личного слова с последующим сказуемым так тесна, что вернее, кажется, признать здесь подлежащее, несмотря на восклицательный знак и на повторение того же подлежащего в дальнейшем. Наконец, следует отметить и такие сочетания, как: «угрюмый сторож муз, гонитель давний мой, сегодня рассуждать задумал я с тобой» (Пушк.). Они интересны тем, что, несмотря на несовпадение падежей существительных и местоимения («сторож», «гонитель» и «тобой»), тоже допускают двоякое понимание и, соответственно, двоякое произношение. Применяя к ним обособляющую интонацию с резким повышением голоса, мы получаем сочетание типа: «вечно-холодные, вечно-свободные, нет у вас родины, нет вам изгнания» (см. стр. 495). Применяя же звательную интонацию, получаем обращение.

Впрочем, второе понимание и произношение, кажется, вероятнее и обычнее первого. Но двойственность, совершенно не переданная на письме, все же остается.

3) Вводные слова и словосочетания. Их можно разбить на три разряда:

а) слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли, верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он осуществления ее или нет и т. д.: конечно, вероятно, наверное, очевидно, положим, предположим, допустим, кажется, помнится, думается, разумеется, повидимому, чай, знать, да (напр., «да, он пришел», не смешивать с союзом, усилительным словом и повелительным словом), нет (напр., «нет, он не пришел», не смешивать с полным словом «нет»= не существует, напр., «у нас нет перьев»), может быть, должно быть, пожалуй, чего доброго, по всей вероятности, к сожалению, к счастью, благо, к несчастью, слава богу, ей богу, право, ради бога, пожалуйста, бог знает, шут знает, чорт возьми, признаюсь, признаться, знаете, понимаете, видите, видите ли и т. д.;

б) слова и сочетания, показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой: мол, де, дескать, будто бы, будто (употребляющееся и как союз, см. гл. XXVIII), говорят, слышно, по словам такого-то, по мнению, по рассказам, по свидетельству такого-то и т. д.;

в) слова и сочетания, выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами: итак, значит, следовательно, действительно, подлинно, точно, кстати, правда, впрочем, напротив, наоборот, мало того, помимо того, словом, одним словом, коротко говоря, собственно говоря, так сказать, вообще, в общем, в частности, главное, наконец, в конце концов и т. д.

Вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли. Дело в том, что вводные слова и сочетания образуются из так наз. вводных предложений, т. е. предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически. Такие предложения употребительны и в настоящее время, напр.:

... В красивом лице ее чуть брезжил тот огонек, который, Кити чувствовала, когда-то освещал ее всю. (Л. Толст.)

... Она была в туалете, который, она знала, шел к ней... (Л. Толст.)

Я всякому, ты знаешь, рад. (Гриб.)
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась... (Пушк.)
Буран, мне казалось, еще свирепствовал. (Пушк.)

Нетрудно видеть, что путем недоговаривания таких предложений и получаются вводные выражения (напр.: «я всякому, знаешь, рад», «буран, казалось, свирепствовал»). При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (срвн., напр., «видите ли», когда нечего видеть, «одним словом», когда употребляется очень много слов, «слава богу», «ради бога», «бог знает», «чорт возьми» в устах человека неверующего и т. д.). Если это первоначальное значение совершенно исчезнет (часто в связи с соответствующим звуковым усечением), то получится частичное слово, и таких слов немало между вводными словами (конечно, да, нет, чай, знать, мол, де, дескать и т. д.). Эти частичные слова отличаются от прочих частичных слов только тем, что, соответственно своему происхождению, не вступают в связь ни с одним из членов данного предложения и потому не являются членами его, хотя бы даже служебными.

Вводные частичные слова могут употребляться и в качестве ответа: «ты был там?» — «да», «видел его?» — «нет», «пойдешь еще раз?» — «конечно» и т. д. («да» и «нет» даже чаще употребляются в изолированном виде, чем во «вводном»). Так же употребляются на каждом шагу и даже не в ответах, а в качестве междометий, разные виды божбы, ругательств, извинений и т. д. Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы и неполными. Это только фразы, т. е. интонационные единицы, но не грамматические. Когда мы на вопрос: «приехал ли он?» отвечаем «да», мы отнюдь не мыслим при этом: «да, он приехал», как толкуется нередко в школе, а только одно «да». Другими словами, у нас нет при этом никакой мысли, а следовательно и никакого предложения: мы высказываем только утверждение, т. е. утвердительное отношение наше к высказанной ранее мысли. Подобным же образом могут употребляться и вопросительные частичные слова (напр., одиночные: «разве?», «неужели?») и повелительные («пусть!», «пускай!»), потому что и они выражают отношение говорящего к той или иной (своей или чужой) мысли.

4) Междометия. Инородность их в организме предложения ясно и полно объясняется тем, что это — знаки чувствований, а не представлений. Все остальные слова языка (кроме однородных в этом отношении с междометиями побудительных слов) — знаки представлений. Таким образом вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемость они способны наименее из всех описанных здесь разрядов, так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложненное выражением процесса мысли.

XXII. ОБОСОБЛЕННЫЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ.

Сравним два сочетания:

Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого. (Л. Толст., «Анн. Кар.»)	Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого.

Оба сочетания на первый взгляд синтаксически совершенно совпадают друг с другом. Но если *вслушаться* внимательно в произношение, то обнаружится большая разница в *интонации* и *ритме*. В левом сочетании голос, прежде всего, повышается до первой запятой, затем переходит на низкую ноту и резко повышается к слову «вы» («что» звучит гораздо ниже, чем «вы»), затем снова переходит на низкие ноты и в третий раз повышается вплоть до «добротой», с этого же места понижается равномерно до конца. Таким образом интонация левой фразы выразится *приблизительно* (см. выноску на стр. 451) так:

я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого.

Сравнивая с этой интонацией интонацию правого сочетания, замечаем, что там после первого повышения сразу начинается равномерное понижение до самого конца. Значками это можно изобразить так:

Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого.

Кроме того есть разница и в ударениях. В первой фразе 4 сильных ударения: «я *удивляюсь*, что *вы*, с вашей *добротой*, не *чувствуете* этого»; во второй только 2: «я *удивляюсь*, что вы с вашей супругой не *чувствуете* этого». Таким образом разница в интонации и в ритме между обоими сочетаниями очень большая, и мы вправе спросить себя, не имеем ли мы тут *двух разных форм словосочетания* (см. стр. 46 и след.), другими словами, не имеет ли эта разница грамматического *значения*? Для решения этого

вопроса вслушаемся в следующее простое сочетание с повествовательной интонацией:

Когда я пришел к нему, его не было дома.

Здесь мы тоже находим повышение вплоть до запятой и последующее понижение по схеме:

когда я пришел к нему, его не было дома.

Перевернув предложения, находим то же:

его не было дома, когда я пришел к нему.

Заменив подчинительный союз сочинительным, находим то же

я пришел к нему, а его не было дома.

И в обратном порядке:

его не было дома, а я пришел к нему.

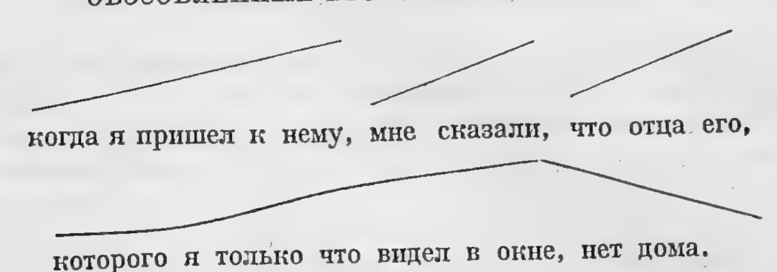
Вставляя между этими двумя предложениями третье, находим уже два повышения голоса с последующим понижением:

когда я пришел к нему, мне сказали, что его нет дома.

Вставляя еще одно предложение, получаем еще одно повышение:

когда я пришел к нему, мне сказали, что он просил, чтоб я подождал.

Наконец, вставляя четвертое предложение не между предпоследним и последним, а в середину последнего, получаем еще на одно повышение больше:

Из всего этого можно сделать следующие выводы: 1) Внутри сложного целого может быть *столько* повышений, сколько предложений, и 2) если какое-нибудь предложение попадает в середину другого, то число повышений увеличивается на 1, так как перед этим вставным предложением получается добавочное повышение. А из этих выводов можно сделать окончательный и важнейший для нас вывод, что повышения голоса в сложном целом могут быть связаны с *грамматическим* дроблением его, именно с *границами* предложений, и связаны по очень простому закону: *сколько границ, столько повышений*. Ударения также могут быть связаны с дроблением на предложения: в каждом из разобранных сочетаний было *столько сильных ударений, сколько предложений*, а в последнем было на одно ударение больше из-за того, что перед вставным предложением появилось лишнее ударение. Обращаясь теперь к нашим первым примерам, мы видим, что в сочетании:

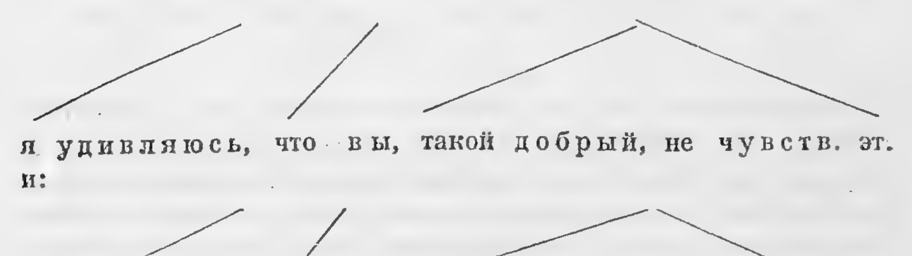
Я *удивляюсь*, что *вы*, с вашей *добротой*, не *чувств.* эт.

сочетание «с вашей добротой» интонируется *как отдельное предложение*, как бы *вставленное* в предложение «что вы не чувствуете этого» (срвн. лишние ударения и повышения на «вы» и на «добротой», играющие роль пограничных пунктов между отдельными предложениями в сложных целых). Напротив, в сочетании:

Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого

сочетание «с вашей супругой», формально абсолютно тождествен-

ное с первым, не интонируется подобным образом. Вдумываясь в причину этой разницы, замечаем, что она связана с внутренним различием в отношениях данной группы к ее словесному окружению. Именно, в сочетании «с вашей добротой» предлог «с» имеет значение не простой совместности, как в сочетании «с вашей супругой», а совместности, характеризующей данный предмет, как если бы было сказано «вы, такой добрый...» или: «вы, который так добры...», и выражается этот оттенок в отношении, конечно, ударением и повышением на слове «вы». Далее, по отношению к последующим словам у сочетания «с вашей добротой» тоже есть особая связь, выражаемая ударением и повышением на слове «добротой» и имеющая значение противопоставления этой «доброты» отсутствию чувствительности у адресата («с вашей добротой не чувствуете»), как если бы было сказано: «...несмотря на то, что вы так добры, не чувствуете этого», или «... даже будучи так добры, не чувствуете этого». Никаких этих добавочных оттенков в отношениях нет, конечно, у сочетания «с вашей супругой» во втором из наших начальных примеров. Приходим, следовательно, к выводу, что интонационные модификации, открытые нами в первом из этих примеров, не внешни, не случайны, а создают действительно особую форму словосочетания. При этом: 1) форма эта может наслаиваться на разные виды членов в распространенном предложении, как видно из сочетаний:

я удивляюсь, что вы, такой добрый, не чувств. эт.

и:

я удивляюсь, что вы, будучи так добры, не чувств. эт.,

так что в одних случаях особо интонируется управляемый член (наш основной пример), в других — согласуемый член (первый из только что данных примеров), в третьих — примыкающий член (второй из них); 2) форма эта имеет

во всех этих случаях одно и то же значение определенной а н а л о г и и данных словосочетаний с отдельными п р и д а т о ч н ы м и п р е д л о ж е н и я м и, как это видно из следующих словосочетаний:

я у д и в л я ю с ь, что в ы, который так д о б р ы, не ч у в с т в. эт.

или:

я у д и в л я ю с ь, что в ы, хотя вы так д о б р ы, не ч у в с т в. эт.,

причем аналогия наблюдается и в и н т о н а ц и и и в х а р а к т е р е с в я з е й с окружающими словесными массами, так что первый признак является в н е ш н и м в ы р а ж е н и е м второго. Вот такой-то второстепенный член (или группу членов, синтаксически в о з г л а в л я е м у ю таким членом) мы будем называть о б о с о б л е н н ы м в т о р о с т е п е н н ы м ч л е н о м. Итак:

Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и параллельно в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению.

В отношении интонации необходимо иметь в виду еще следующие дополнительные замечания:

1) Если обособленный член не имеет при себе зависящих от него членов (т. е. если обособлено только о д н о с л о в о), то повышения голоса не происходит, но зато выдерживаются по обеим сторонам этого члена небольшие п а у з ы, напр.:

И на чужой скале, за синими морями,
З а б ы т ы й, он угас один... (Лерм.)

Однажды, о с е н ь ю, на возвратном пути с отъезжего поля, я простудился и занемог. (Тург., предполагаем чтение с соблюдением запятых.)

Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, н а с т о я щ и х, к которому они все принадлежали... (Л. Толст.)

Он останется прав, а меня, п о г и б ш у ю, еще хуже, еще ниже погубит... (Л. Толст.)

Повидимому, ритм речи требует, чтобы на всякую обособленную группу членов тратилось определенное и всегда одинаковое количество времени (приблизительно столько же, сколько тратится на отдельное, средних размеров, предложение). А так как здесь вся группа состоит из одного слова, то остаток времени должен заполниться паузами. Равным образом и ударение делается на таком члене гораздо более сильное, чем обычно, так как запас выдыхательной силы, идущий обычно на несколько слов, уходит здесь весь на одно слово.

2) Если обособленная группа попадает в *начало* предложения, то ударение и повышение, предшествующие им, по понятным причинам отпадают («*придя домой*, я встретил...»).

3) Если обособленная группа попадает в *конец* предложения, то повышение, которое приходится на самоё обособленную группу, отпадает, так как конец повествовательного предложения обязательно должен быть занят понижением («я увидел человека, *бывшего у меня ранее*»).

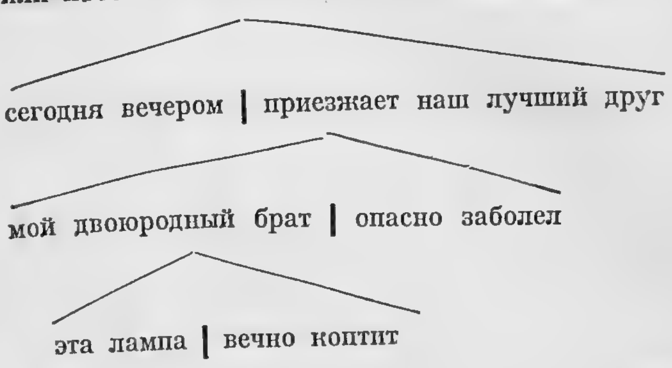
4) Если обособленная группа отделена от начала предложения *только частичным словом* (б. ч. союзом), то предшествующие ей повышение и ударение отпадают, так как на частичном слове ни того, ни другого не делается («согласитесь, *что, не зная дороги*, я не мог попасть...», «все так, *но, с вашей добротой*, вы должны понять...»). Запятая, принятая в этих случаях после союза и составляющая камень преткновения для школьников, совершенно условна и живого произношения не отражает.

В последних трех пунктах обособленные группы опять-таки совершенно параллельны отдельным придаточным предложениям.

Как видно из пп. 2-го и 3-го, явление обособления может сводиться в интонационном отношении к простой *двучленности* распространенного предложения, и эту двучленность не следует смешивать со *случайным* интонационным членением распространенного предложения. Дело в том, что двучленное произношение распространенных предложений вообще очень развито в языке, причем *любая* группа слов может обособиться от *любой* другой. Я могу сказать (в наставительном тоне):

вот эту записку | передай дворнику

или просто в тоне оживленного сообщения:

Мало того, даже и *нераспространенные* предложения произносятся иногда двучленно (срвн. торжественное произношение сочетаний: «жребий | брошен», «перчатка | поднята», «заседание | открывается» и т. д.). Собственно говоря, и эта двучленность до *некоторой* степени связана с формальным строением словосочетания, так как нельзя было бы, напр., интонировать: «вот эту | записку передай дворнику», «мой двоюродный | брат сегодня заболел» и т. д., и в то же время и эта двучленность *не беззначна*: она свидетельствует о *раздельном* внимании нашем к той и к другой части предложения (срвн. особенно членение двусловных сочетаний). Но в ней нет *аналогии* той или иной обособившейся в произношении части с *отдельными придаточными предложениями*, нет того *параллелизма* интонации и *характера синтаксических связей*, который составляет сущность обособления. Связь между винительным падежом слова «записку» и глаголом «передай» при двучленном произношении предложения «вот эту записку передай дворнику» остается, по существу, *та же*, что и при одночленном. Связь же между деепричастием и глаголом в сочетании «он лег, не обращая внимания на окружающих» и в сочетании «он лег не раздеваясь» *не одна и та же*: в первом сочетании к общему значению отношения деепричастия к глаголу присоединяется еще оттенок каких-то *особых* отношений между данным деепричастием и данным глаголом, выражаемый в других случаях сочетанием предложений («...причем не обращал внимания», «...потому что не обращал внимания» и т. д.). Соответственно, двучленное интонирование в первом

случае всегда факультативно, и если и становится необходимым, то только вследствие особого удлинения распространенного предложения, т. е., в сущности, по общим психо-физиологическим причинам (необходимость разделения внимания, необходимость передышки); напротив, двучленность во втором случае часто обязательна и во всяком случае всегда тесно связана с целым рядом собственно-грамматических условий (см. все дальнейшее описание). Таким образом интонационное членение первого типа мы можем включить в рубрику неорганического соотношения интонационных и собственно-грамматических признаков, а интонационное членение второго типа — в рубрику органического их соотношения (см. стр. 55 и след.).

Познакомившись, таким образом, в общих чертах с явлением обособления, мы перейдем теперь к детальному рассмотрению тех условий, от которых зависит этот процесс. При этом мы сначала рассмотрим те общие условия, от которых зависит обособление всякого второстепенного члена, а затем перейдем к специальным условиям, существующим для отдельных разрядов этих членов (управляемого существительного, сочиненного существительного, прилагательного, наречия).

Из общих условий обособления мы наметим следующие:

1) Взаимное отношение двух не связанных иными синтаксическими узами членов, как определяющего к определяемому и частного к общему, напр.:

Лес этот необходимо было продать, но теперь, до примирения с женой, не могло быть о том и речи. (Л. Толст.)

Этот милый Свияжский, держащий при себе мысли только для общественного употребления и, очевидно, имеющий другие какие-то, тайные для Левина, основы жизни. (Л. Толст.)

Однажды, осенью, на возвратном пути с отъезжего поля, я простудился и занемог. (Тург.)

Однажды, в день воскресный, в час обедни, Иоанн входил в соборную церковь Успения. (Ал. Толст.)

Окруженная всеми выкупанными, с мокрыми головами, детьми, Дарья Александровна... уже подъезжала к дому... (Л. Толст.).

И царственно спокойно раздавались эти голоса в их пем, чуждом для нас, ночном мире. (Л. Толст.)

... а надо было оставаться здесь, в чужом и столь противоположном ее настроению, обществе. (Л. Толст.)

В первом из этих примеров обособленное управляемое существительное: «до примирения с женой» * определяет более общее временно́е понятие «теперь», во втором обособленное прилагательное «тайные для Левина» определяет более общее «другие какие-то», в третьем обособленное наречие «осенью» определяет более общее «однажды» и т. д. Так как в общем порядке согласования, управления и примыкания эти члены относятся не друг к другу, а к одному и тому же третьему члену, то для установления их взаимной связи у языка нет других средств, кроме мелодическо-ритмических (и некоторых союзов, как: «то есть», «именно», «а именно», см. гл. XXVIII). При этом связь эта, как бы ни была она логически ясна, может и не сознаваться, и тогда обособления не будет. Мы можем сказать: «однажды, осенью, он заболел» (с сильным ударением на «осенью», как на обособленном члене и на «однажды», как на предшествующем ему), а можем сказать и просто: «однажды осенью он заболел»; можем сказать: «теперь, до примирения с женой, об этом не могло быть и речи» и: «теперь до примирения с женой об этом не могло быть и речи» (срвн. по интонации: «теперь надолго об этом не могло быть речи», «теперь до самых каникул об этом не могло быть речи»). И, наоборот, там, где мы желаем выразить такого рода связь, мы всегда прибегаем к этому «объяснительному» произношению: «да ты эту, деревянную, лопатку возьми, а не ту, железную!» и т. д. Это именно те случаи, которые в школьных грамматиках рассматриваются, как особого рода «приложения», причем понятие «приложения» теряет, понятно, всякие грамматические очертания.

2) Порядок слов. Хотя русский язык и принадлежит к языкам с так наз. «свободным» порядком слов, однако для каждого члена предложения можно указать одно обычное, излюбленное место в предложении и другое, менее обычное, при

* Так как всякий обособленный член обособляется всегда со всеми зависящими от него членами (если только последние сами, в свою очередь, не обособлены), то в дальнейшем мы для краткости под тем или иным обособленным членом будем понимать и всю обособленную группу, в которой данный член играет синтаксически главную роль, так что вместо: «обособленная группа с управляемым существительным во главе» будем условно говорить: «обособленное управляемое существительное», вместо: «обособленная группа с прилагательным во главе» — «обособленное прилагательное» и т. д.

котором расстановка слов кажется как бы намеренно измененной. На этом основании различают так наз. «прямой» порядок слов и «обратный». При «обратном» порядке член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимание, чем при «прямом». Так, для приглагольного падежа прямым порядком является постановка его *после* глагола, а обратным — *перед* ним. Сочетания: «я беру книгу», «он говорит о пожаре», «он заболел лихорадкой» кажутся нам при равных условиях интонации и ритма более обычными, чем сочетания: «я *книгу* беру», «он о *пожаре* говорит», «он *лихорадкой* заболел», и управляемые падежи во вторых сочетаниях больше выделяются в мысли, чем в первых. То же можно сказать и о наречиях: «он выучил наизусть», «он читает вслух», «он пошел шагом» кажутся более обычными, чем: «он *наизусть* выучил», «он *вслух* читает», «он *шагом* пошел» (впрочем, для *качественных* наречий на -о дело обстоит, кажется, наоборот: «он хорошо читает» кажется нормой, а «он читает хорошо» отступлением от нее). Для прилагательного, наоборот: прямым порядком является постановка его *перед* существительным, а обратным — *после него*. Срвн.: «он умный человек» и «он человек *умный*», «это не твое дело» и «это дело *не твое*» и т. д., а также такие сочетания, как, «а у вас, ваше превосходительство, голос *сильный*» (Чех.), «в животе трескотня *такая*, как будто бы целый полк затрубил в трубы» (Гог.), «доктор я *плохой*» (Тург.), «муж тебе выпал *недобрый* на долю» (Некр.), «город *старый*, город *древний*, ты вместил в свои концы...» (Глинка), «кость *белая*, кость *черная*, и поглядеть так разные...» (Некр.), и т. д.; срвн. также перестановку в сочетаниях типа: «муж жену любит *здоровую*, а брат сестру *богатую*» (см. стр. 385) *. Вот этот-то *обратный* порядок слов, выделяющий переставленное слово, и является условием, благоприятствующим обособлению, так как обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания. Таким образом управляемые существительное и наречие должны быть более склонны к обособлению, когда стоят *перед* тем словом, от которого зависят, а прилагатель-

* В главах XI—XIII все формулы словосочетаний, поскольку порядок слов не оговорен, даны в порядке, признаваемом нами прямым.

ное, когда стоит *после* этого слова. Что это так и есть, нетрудно убедиться, беря примеры с несомненно обособленным второстепенным членом при обратном порядке слов или необособленным, но способным к обособлению, при прямом и изменяя порядок слов. Для существительных сопоставим:

Дубровский, *с расстроенным состоянием*, принужден был выйти в отставку... (Пушк.)	Дубровский принужден был выйти в отставку *с расстроенным состоянием*...
Чисто одетая молодайка, *в калошках на босу ногу*, согнувшись подтирала пол... (Л. Толст.)	Чисто одетая молодайка согнувшись подтирала пол *в калошках на босу ногу*...

Для наречий сопоставим примеры с *деепричастиями*, так как остальные наречия вообще очень редко обособляются (см. далее):

Она послала человека и девушку искать его и, *ожидая*, сидела.	Она послала человека и девушку искать его и сидела *ожидая*. (Л. Толст.)
Осердясь, била служанок...	Служанок била *осердясь*... (Пушк.)
Простившись, он ушел.	Он ушел *простившись*.

Для прилагательных (и сочиненных существительных) сопоставим:

Был по какому-то делу он в Амстердаме, *голландском городе*. (Жук.)	Был по какому-то делу он *в голландском городе* Амстердаме.
Стук ножей, *рубивших котлеты и зелень в кухне*, долетал даже до деревни. (Гонч.)	Стук *рубивших котлеты и зелень в кухне ножей* долетал даже до деревни.
Разговор его, *свободный и любезный*, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость... (Пушк.)	*Свободный и любезный* разговор его вскоре рассеял мою одичалую застенчивость.

Мы видим, что в правых примерах, с прямым порядком слов, обособление или совсем невозможно, или во всяком случае не необходимо; в левых же, с обратным порядком слов, оно, наоборот, всегда возможно и во многих случаях необходимо.

3) Объем обособляемой группы. Так как обособление связано с физиологической стороной речи (самостоятельное ударение, т. е. сильное выдыхание), то уже по физиологическим условиям нам тем приятнее выделить какую-либо группу в самостоятельную ритмическую единицу и тем труднее слить ее с другими группами, чем она обширнее, т. е. чем больше в ней членов. К тому же приводит и психологическая сторона речи. Чем больше группа, тем сложнее она синтаксически и тем труднее подчинять ее, как целое, другим группам, не сосредоточивая на ней особого внимания, а проявлением этого особого внимания и является, между прочим, обособление. Поэтому при прочих равных условиях два слова имеют больше шансов на обособление, чем одно, 3 — больше, чем 2, и т. д. Чтобы убедиться в этом, сопоставим:

Она послала человека... и сидела ожидая. (Л. Толст.)	Она послала человека... и сидела, ожидая ответа.
В коляску вместо Ворона запрягли приказчикова Бурого.	В коляску, вместо заминающегося Ворона, запрягли... приказчикова Бурого. (Л. Толст.)
Андрий иногда с помощью хитрости умел увертываться от наказания.	Андрий иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания. (Гог.)
Тронутый Дубровский замолчал и предался своим размышлениям.	Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. (Пушк.)
Дарья Александровна в кофточке стояла среди разбросанных по комнате вещей...	Дарья Александровна, в кофточке и с пришпиленными на затылке косами уже редких,

когда-то густых и прекрасных волос.., стояла среди разбросанных по комнате вещей... (Л. Толст.)

В левых примерах обособление если и возможно, то во всяком случае менее необходимо, чем в правых.

4) Соседство других обособленных групп, частью навязывающих данной группе подражательную обособляющую интонацию, частью изолирующих ее от того члена предложения, от которого она зависит, и тем вызывающих обособление. В сочет., напр.:

Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников... (Гонч.)

группа «с подпорками внизу» обособлена только потому, что отделена от слова «дерев», к которому она относится, другой обособленной группой. Удаляя эту последнюю, находим, что обособление не необходимо: «...который состоял из тоненьких дерев с подпорками внизу...» Точно так же в сочет.:

На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна... (Пушк.)

предложно-падежная группа «на полу» изолирована от своего глагола обособленной группой и только из-за этого делается и сама обособленной (срвн. без изоляции: «на полу сидела Марья Ивановна»).

5) Намеренное отделение группы от ближайшего члена, к которому она могла бы примкнуть, и отнесение к более удаленному. В сочет., напр.:

«Что, не ждал?», сказал Степан Аркадьевич, вылезая из саней, с комком грязи на переносице, на щеке и брови, но сияющий весельем и здоровьем. (Л. Толст.)

группа: «с комком грязи на переносице, на щеке и брови» была отнесена автором, если судить по пунктуации, не к ближайшему: «вылезая из саней», что само по себе было бы вполне возможно («вылезая из саней с комком грязи на переносице»), а к более удаленному: «Степан Аркадьевич» («Степан Аркадьевич... с комком грязи... но сияющий»). И чтобы выразить это особое

соотношение членов, необходимо было оторвать эту группу от ближайшей, т. е. обособить, изолировать путем особой интонации и ритма. Точно так же в сочет.:

Могучий конь, в степи чужой,
плохого сбросив седока,
на родину издалека
найдет прямой и верный путь... (Лерм.)

группа «в степи чужой» намеренно оторвана (если судить по пунктуации) от ближайшего деепричастия («в степи чужой плохого сбросив седока») и отнесена при помощи обособления к остальной части предложения, в частности к сказуемому «найдет».

Переходим теперь к отдельным разрядам обособленных членов:

I. Обособленное управляемое существительное. Основным условием обособления является здесь слабость синтаксической связи с окружающими членами. Обособляются только слабо-управляемые существительные и притом почти исключительно посредственно-управляемые. Не говоря уже о винительном беспредложном, но даже такие управляемые падежи, как: «дом отца», «измена отечеству», «рубка топором», никогда и ни при каких условиях не могут обособиться. И даже такие совсем уже слабодержащиеся в предложении падежи, как: «ребенком он упрям был и резов», «лето целое все пела», «вчерашнего дня случилась за городом драка» и т. д., обособляются только в исключительных случаях, только под влиянием соседних обособленных групп или с целью отделения от них (напр.: «преображенским офицером, стоя на карауле в Зимнем дворце, князь Валериан заметил...», Мережк.). Таким образом обособление возможно только в области слабейшего управления. Это, конечно, вполне понятно, если рассматривать обособление как крайнюю степень синтаксического отделения внутри предложения. Далее, необходимо отметить важность вещественного значения того имени, которое стоит подле склонного к обособлению падежа. Так как падеж этот стоит часто между подлежащим и глаголом, то для него возникает возможность примкнуть к подлежащему, т. е. из приглагольного перейти в приименное (как в: «человек в белой шляпе пошел с нами»). И тут, как и при всяком слабом упра-

влении, важно, подходят эти имена по вещественным значениям друг к другу или нет, могут они слиться или нет. В первом случае обособление необязательно, во втором — обязательно. В предложении, напр.:

Ребенок этот со своим наивным взглядом на жизнь был компас, который показывал им... (Л. Толст.)

предложно-падежная группа соединима с подлежащим и потому может при случае и не быть обособлена (в тексте запятых нет). А в предложении:

Шаги его, в толстых сапогах, все удаляясь, прозвучали по дорожке. (Л. Толст.)

обособление неизбежно, так как сочетание: «в толстых сапогах» по смыслу никак не может примкнуть к подлежащему «шаги». Впрочем, нужно заметить, что случаи вроде последнего, где обособление управляемой группы безусловно необходимо, крайне редки. В отличие от обособленных прилагательных и наречий, где мы найдем довольно тесную связь между определенным строением сочетания и обособляющей интонацией, здесь в огромном большинстве случаев одинаково возможны обе интонации — и обособляющая и обычная. В таких предложениях, как: «мой сын по домашним обстоятельствам не мог явиться в класс», «галерея по случаю ремонта закрывается», «он по своему обыкновению опоздал», «он со своей рассеянностью натворит когда-нибудь бед», «я при всем желании не могу признать...» и т. д., обычно затрудняются: ставить запятые или нет, и обычно ищут каких-то «правил», не подозревая, что единственный возможный критерий здесь — произношение, и что нужно только прочитать сочетание вслух и выбрать ту интонацию, которую желаешь внушить читателю.

II. Обособленное прилагательное. Так как прилагательное в собственном смысле слова и причастие обособляются при совершенно одинаковых условиях, то мы рассмотрим обе эти категории совместно. Здесь можно наметить целый ряд определенных специальных зависимостей от порядка слов и общего строения сочетания, а именно:

а) Прилагательное, стоящее после своего существительного и имеющее при себе другие второстепенные члены (хотя бы один), почти всегда обособляется:

Он увидел реку, исчезавшую после многих изгибов в темноте, крутые берега, отделявшиеся от нее белым туманом, и черные тучи, облегавшие кругом горизонт. (Григор.)

Большая часть дворян бежала в губернии, еще безопасные. (Пушк.)

На тризне, уже недалекой,
не ты под секирой ковыль обагришь... (Пушк.)

б) Два или несколько прилагательных хотя бы и одиноких, стоящих после своего общего существительного, обязательно обособляются, если перед этим существительным уже есть одно прилагательное:

Это было неуклюжее строение, просторное и пространное... (Тург.)

Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина... (Пушк.)

И раз — мой взор, сухой и страстный,
я удержать в пыли не мог...[1] (Брюс., впрочем, в данном случае местоименное значение предшествующего прилагательного, как более легковесное, делает, кажется, возможной и необособляющую интонацию.)

Если же перед общим существительным нет прилагательного, то обособление не обязательно. Правда, и тут оно очень распространено:

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу. (Пушк.)

Большие деревья, лишенные снизу ветвей, поднимались из воды, мутной и черной. (Ал. Толст.)

но возможна и обычная интонация, т. е. простая перестановка прилагательных:

По дороге зимней, скучной
тройка борзая бежит... (Пушк.)

Елена хотела бы, чтобы и все люди... поняли, что одна есть цель в жизни — красота, и устроили себе жизнь достойную и мудрую... (Ф. Сологуб.)

Федор Павлович заметил тогда... что Митя имеет о своем состоянии понятие преувеличенное и неверное. (Дост.)

Вышел же Алеша из дома отца в состоянии духа разбитом и подавленном... (Дост.)

в) Прилагательное, могущее слиться с глаголом в вещественное составное сказуемое (см. стр. 291 и след.), обособляется, когда его не хотят сливать с глаголом:

С коня он слезает, угрюмый... (Пушк.)

И вот дорогою прямой
пустился, робкий и немой... (Лерм.)

... и в стенах
хранительных о с т а л с я он,
и с к у с с т в о м д р у ж е с к и м с п а с е н. (Лерм.)

С т о я т, г о т о в ы е д л я б е г а,
и тихо плещут паруса. (Язык.)

И к ним я п р и ш е л, б о г а т ы й,
поведать чудную быль... (Вяч. Иван.)

Как исполин в ночном тумане,
встал новый год, с у р о в и с л е п... (Брюс.)

С в е р к а ю т, р а з н о ц в е т н ы е, в причудливом саду,
в котором, очарованный, и я теперь иду. (Брюс., «Фонарики».)

В каждом из приведенных примеров (как и в каждом из приведенных на стр. 293 примеров на вещественные составные сказуемые) возможны сами по себе, если не считаться со знаками препинания, 2 чтения: «слезает угрюмый» (как «ходит сонный», «лежит больной» и т. д.) и: «слезает, угрюмый» (с обособляющей интонацией), «пустился робкий и немой» и «пустился, робкий и немой», «остался спасен» и «остался, спасен» и т. д. А так как здесь в известных случаях возможно и н е предикативное и н е-обособленное прилагательное, а простая п е р е с т а н о в к а (см. стр. 268), то в таком, напр., сочетании, как: «богатырь лежит убитый» возможны, в результате, три разных чтения, создающих три совершенно различных формы словосочетания: 1) «богатырь+лежит убитый», 2) «богатырь лежит+убитый», с перестановкой, но без обособления, и 3) «богатырь лежит, убитый», с перестановкой и с обособлением.

г) Прилагательное, относящееся к п о д л е ж а щ е м у и стоящее в н а ч а л е предложения (или после обособленной группы) н е п о с р е д с т в е н н о п е р е д э т и м п о д л е-ж а щ и м, обособляется в том случае, если сознается в связи не только со своим существительным, но и с о в с е м о с т а л ь-н ы м с о д е р ж а н и е м п р е д л о ж е н и я:

М у ж е с т в е н н ы й, т в е р д ы й, Александр был неподвижным столбом, на который оперлась уязвленная Россия. (Глинк.)

Т р о н у т ы й п р е д а н н о с т ь ю с т а р о г о к у ч е р а, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. (Пушк.)

В назначенный час, н а п у д р е н н ы й и в ы б р и т ы й, князь вышел в столовую. (Л. Толст.)

З а п у щ е н н ы й п о д о б л а к а,
бумажный змей, приметя свысока
в долине мотылька,
. . . . . кричит... (Крыл.)

Р о б к и е п о в и д у, т е р п е л и в ы е д о п о с л е д н е й с т е п е н и, олени, сильно свыкшиеся с холодами полярной зимы, в корот-

кое лето... терпят муки, равняющиеся трем годам возможных для них страданий. (Максим.)

Сломанные бурею и подмытые весеннею водою, деревья местами преграждают ее течение... (Акс.)

Широкая, свободная, аллея вдаль влечет. (Брюс.)

Это обособление связано с особым произношением и той части предложения, которая следует за обособленной группой. Именно в ней подлежащее в этих случаях ритмически стушевывается, наименее ударяется, а наиболее ударяется тот член или те члены, с которыми преимущественно приводится в связь обособленное прилагательное («мужественный, твердый, Александр был столбом...», «тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал...», «широкая, свободная, аллея вдаль влечет...» и т. д.) *. Таким образом здесь путем особой интонации и двух взаимно-соответствующих ударений, выражается особое соотношение между членами, совсем не связанными формально. Это напоминает рассмотренное уже нами «пояснительное» обособление (см. стр. 480). И как там, так и здесь, если это особое, обозначаемое ритмом и интонацией, соотношение по тем или иным причинам не сознается, все особенности произношения отпадают: обособляющая интонация исчезает, подлежащее получает свое нормальное ударение, прилагательное со всеми своими членами ритмически примыкает к подлежащему, и все сочетание произносится приблизительно так: «мужественный, твердый Александр был столбом...», «тронутый преданностью старого кучера Дубровский замолчал...», «широкая, свободная аллея вдаль влечет» и т. д. Срвн. также такие сочетания, как:

Запряженные в сохи и бороны лошади были сытые и крупные. (Л. Толстой.)

Это было то место Днепра..., где брошенные в середину его острова вытесняли его еще далее из берегов. (Гог.)

где такие же точно прилагательные не обособлены, потому что не приведены в связь ни с чем, кроме своего существительного **.

---

* Кое-где в приведенных примерах встречается ударение и на подлежащем (см. примеры из Крылова и Максимова), но это только потому, что сейчас же за ним следует опять обособленная группа, требующая непременно, как мы уже знаем, перед собой ударения и повышения.

** Ритмические условия требуют в этих случаях всегда двучленной интонации, и раздел происходит всегда после подлежащего: «запря-

д) Прилагательное, относящееся к подлежащему и стоящее в начале предложения (или после обособленного члена) перед подлежащим, но не непосредственно перед ним, обособляется всегда, независимо от того, приводится оно в особую связь с формально несвязанными с ним членами последующего словосочетания, или не приводится:

Дальше, вечно чуждый тени,
моет желтый Нил
раскаленные ступени
царственных могил. (Лерм.)

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
каждому прохожему бросал лучи фонарь. (А. Блок.)

И, пачкающий лапки играющих детей,
побрызгал дождь на шапки гуляющих людей... (Ф. Солог.)

На запятках, покрытые, словно ковром из солдатского сукна, густым слоем пыли, копошились какие-то живые существа... (Тэффи.)

И опять, нежный и ласковый, зазвенел Колин голос... (Ф. Солог.)

... Когда, безмолвные и великие, расстилались русские поля... (Б. Зайцев.)

На белых плюшевых щитках, ряд над рядом, освещенные скрытыми рефлекторами, горят разноцветные капли огня. (Куприн.)

Из тех двух интонаций, которые описаны в предыдущем пункте, вторая здесь невозможна, так как прилагательное, отделенное от подлежащего, не может ритмически примкнуть к нему; поэтому остается одна первая, обособляющая интонация. Но и она здесь несколько изменена (если иметь в виду всё предложение): второе ударение приходится здесь на подлежащем («моет желтый Нил», «бросал лучи фонарь», «побрызгал дождь»), так что обособляющая интонация создает здесь особую связь прилагательного только с его же собственным существительным.

е) Прилагательное, относящееся к одному из трех личных существительных («я», «ты», «он») и не сливающееся с глаголом в вещественное составное сказуемое, почти всегда обособляется:

А он, мятежный, просит бури... (Лерм.)

. . . а он, синий, снова заснул. (Гог., о Днепре.)

Как, бедной, мне не горевать! (Крыл.)

женные в сохи и бороны лошади | были сытые и крупные»; но мы уже знаем, что не всякое членение есть обособление.

Но дикий ужас преступления,
но искаженные черты, —
и это все твои видения,
и это — новый — страшный — ты? (Бальм.)

Если прилагательное одиноко, то обособление это не всегда сказывается теми резкими чертами, которые описаны у нас на стр. 473—477. Но во всяком случае произношение здесь всегда чем-то отличается от обычного (срвн.: «как, бедной, мне не горевать!» и: «как бедной кукушке не горевать!» Вполне обычное произношение, сливающее прилагательное с существительным в одно ритмическое целое, известно нам только в двух примерах (см. стр. 222).

ж) Прилагательное, стоящее перед существительным и не удовлетворяющее условиям пунктов: **в**, **г**, **д** и **е**, никогда не обособляется:

Ему страшно было, что расстроится приобретенное им с таким трудом спокойствие. (Л. Толст.)

Поцеловав его, наконец, в покрасневшее от наклоненного положения и сияющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад... (Л. Толст.)

Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. (Гог.)

Обособленное прилагательное в стихотворном языке отличается еще тем, что здесь для него допускается и даже предпочитается краткая форма прилагательного:

Как исполин в ночном тумане,
встал новый год, суров и слеп... (Брюс.)
Океан морской, обманут, обо льды стучится в вихре. (Брюс.)
Зардели, красны, буры,
клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры... (М. Волош.)

чего у прозаиков в настоящее время уже не встречается. Здесь обособленный член отличается не только ритмом и интонацией, а и морфологически.

III. Выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное. Здесь обособление происходит очень часто, так как одно из существительных всегда стремится к двум крайностям: или слиться с другим существительным («поэт-художник», «механик-самоучка» и т. д.), причем недостаток грамматической связи заменяется связью ритмической, или уже совсем оторваться от него при помощи обособления. Посредине между тем и другим удерживаются, кажется, только такие сочетания,

как: «гражданин Иванов», «князь Курбский», «грозный царь Иван Васильевич», «светлейший князь Тавриды Потемкин», «город Москва» и т. д., т. е. сочетания типа: «нарицательное имя с зависящими от него прилагательными и существительными+собственное имя», хотя в отдельных случаях возможно и здесь обособление («отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе»... Пушк., «дальнее поле было взято.., с помощью умного плотника, Федора Резунова, шестью семьями мужиков...» Л. Толст.). Во всех остальных случаях обязательно происходит, по нашим наблюдениям, или слияние (на письме иногда не обозначаемое) или обособление, хотя бы и не было налицо тех условий, которые перечислены в предыдущем отделе. Вот несколько примеров:

Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбленный человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и пяти умерших детей, бывшую только годом моложе его... Ему даже казалось, что она, истощенная, состаревшаяся, уже некрасивая женщина и ничем незамечательная, простая; только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. (Л. Толст.)

Я не слишком люблю это дерево — осину. (Тург.)

Беленькая ручка боязливо высовывает на балкон предмет нежных забот — цветы. (Тург.)

Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
свинца веселый свист заслышавший впервой,
бросался ты в огонь... (Пушк.)

И прежде чем понять рассудком неразвитым,
ребенок, мог я что-нибудь... (Некр.)

Но, узник, ты схватил секиру... (Брюс., «Одному из братьев».) *

Сын солнца, я — поэт, сын разума, я — царь. (Бальм.)

Зловещая старуха,
судьба глядит в окно. (Бальм.)

В последнем примере мы видим обособление при таких условиях, при которых прилагательное ни в коем случае не обособилось бы (условия пункта г, но без приведения в связь с остальным содержанием предложения). И на этом примере лучше всего видно, как трудно сочиненному существительному, не подходящему под тип, указанный выше, удержаться посредине

* «Узник» здесь, по связи, не обращение к узнику, а обособленный член (= будучи узником).

между слиянием и обособлением: устраняя обособление, мы получаем: «зловещая старуха-судьба», произнести же эти три слова, как: «светлейшая княгиня Ольга», повидимому, невозможно.

В школьных грамматиках отмечаются еще особые перечисляющие «приложения», как: «подпруги, подковы, узды, чепраки, все было пеною покрыто, в крови, растеряно, избито» (Пушк.), «от дома, от деревьев, и от голубятни, и от галереи — от всего побежали длинные тени» (Гонч.), «меж ними все рождало споры и к размышлению влекло: племен минувших договоры, плоды наук, добро и зло...» (Пушк.), «рассуждать они пустилися вдвоем о всякой всячине: о их собачьей службе, о худе, о добре и, наконец, о дружбе» (Крыл.). В первом примере школьные грамматики признали бы слова: «подпруги», «подковы», «узды», «чепраки» приложениями к слову «все», во втором слова: «от дома», «от деревьев», «от голубятни», «от галереи» приложениями к словам «от всего» и т. д. На самом деле хотя здесь и возможна в известных случаях обособляющая интонация, однако перечисляющие имена эти совсем не относятся мыслью к подводящему им итог имени (скорее, наоборот, оно относится к ним), а сознаются как отдельные подлежащие или управляемые существительные. Если перечисление предшествует итогу (первые два примера), то эти подлежащие и управляемые существительные относятся, как обычно, к ожидаемому сказуемому (как если бы было сказано: «подпруги, подковы, узды, чепраки были пеною покрыты», «от дома, от деревьев, от голубятни, от галлереи побежали длинные тени») и только вследствие неожиданной вставки подводящего итог слова отрываются от сказуемого. Если перечисление следует за итогом (вторые два примера), они связываются мыслью с предшествующим сказуемым («племен минувших договоры, плоды наук и т. д. вызывали споры», «о собачьей службе, о худе, о добре и т. д. рассуждали»). В обоих случаях получаются неполные предложения с заимствуемым у соседнего предложения сказуемым.

В заключение следует указать еще на следующие синтаксические отличия обособленного прилагательного (и сочиненного существительного, которое в области обособления вообще во многом параллельно прилагательному) от необособленного:

1) Обособленное прилагательное может относиться и к отсутствующему существительному, если существительное это является подлежащим и если это подлежащее заимствуется из предыдущего или опускается, как личное слово.

Сверкают, разноцветные, в причудливом саду... (Брюс.)

Но слышу я желанный звон и шум,
ко мне сквозь мглу подходят караваны.
Веселые, раскинулись на миг... (Бальм.)

Дитя сама, в толпе детей
играть и прыгать не хотела... (Пушк.)

А вот из нашей братии, чиновников, есть такие свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр... (Гог.)

2) Обособленное прилагательное может сочетаться с такими синтаксическими разрядами слов, с которыми простое прилагательное несоединимо. Так, при нем могут быть такие обстоятельственные наречия, как: «вчера», «здесь», «тогда», «затем», «зачем-то» и т. д. («вчера еще бодрый и веселый, сегодня он уже осунулся и раскис...», «почему-то весь истерзанный, оборванный, вбежал он к нам...», «мы говорили о зайце-беляке, зимой белом, а летом сером», «здесь либерал, он там является консерватором», «я увидел Иванова, вчера еще друга, а сегодня уже непримиримого врага моего», «Духов день в Толедо» — прямое продолжение пути, начатого «Покрывалом Пьеретты», первым тут отречением от слова», «Русск. вед.», 1914, № 68, «Театр и музыка» и т. д.). Единственным средством оторвать такие слова от глагола и отнести к имени является обособление. Срвн.: «я видел травку вчера зеленую» («вчера», несмотря на перестановку, тяготеет к «видел») и: «я видел травку, вчера зеленую, а сегодня уже увядшую», или: «я видел зайцев здесь очень больших» и: «я видел зайцев, здесь очень больших и с лучшим мехом, чем у нас» и т. д. Все это показывает, что обособление может быть связано с изменением не одних только интонации и ритма, а и всей синтаксической структуры предложения, — обстоятельство, лишний раз указывающее на то, что оттенки эти не могут не изучаться в синтаксисе.

3) Обособленное прилагательное может не только ритмически, но и морфологически отрываться от своего существительного, теряя согласование с ним, отчего, правда, оно уже делается отдельным неполным предложением.

Вечно холодные, вечно свободные,
нет у вас родины, нет вам изгнания. (Лерм.)

Несколько раненых офицеров сидело на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные. (Лерм.)

В мирах любви — неверные кометы, —
закрыт нам путь проверенных орбит. (М. Волош.)

... Где в годы ласкового детства
святыней чувств владел и я, —

мной расточенное наследство
на ярком пире бытия! (Брюс.)

Это такой же пример синтаксического синкретизма (обособленный член+неполное предложение), как отмеченные на стр. 310 звательные группы.

IV. Обособленные примыкающие члены. 1) Наречие. Так как наречие теснейшим образом связано со своим глаголом или прилагательным («красиво пишет», «вчера уехал», «замечательно интересный»), и так как оно крайне редко способно подчинять себе другие второстепенные члены, то обособление здесь возможно только в тех исключительных случаях, когда оно вынуждается общими причинами, перечисленными на стр. 480—486, напр.:

Глаза его смотрели куда-то в другое место, далеко, и там он будто видел что-то особое, таинственное. (Гонч.)

2) Присубстантивная сравнительная форма:

«Ужели это Манилла?», говорил один из наших спутников, помоложе, привыкший с именем Маниллы соединять что-то цветущее. (Гонч.. наречие относится к «один из спутников», т. е. к предмету, а не к признаку.)

... там другая жизнь, другие картины, еще величавее, хотя и суровее тех, и еще необыкновеннее. (Гонч.)

Один из присутствующих, постарше других, с испуганным и сердитым лицом вдруг продвинулся вперед... (Л. Толст.)

Обособление здесь зависит от тех же условий, что и при прилагательном+еще предрасполагающее к обособлению отсутствие форм согласования.

3) Деепричастие. Это наиболее часто обособляемый вид слов, что́ объясняется способностью деепричастия, как глагольного слова, управлять падежами и подчинять себе обширные синтаксические группы. Здесь можно выставить следующие соотношения между обособлением и общим строением сочетания:

а) деепричастие, имеющее при себе другие второстепенные члены (хотя бы один), почти всегда обособляется:

Песней душу веселя,
бабы с граблями рядами
ходят, сено шевеля. (Майк.)

Иногда шум песен и говор, вылетая из сакли, заглушали любопытный для нас разговор. (Лерм.)

б) два деепричастия, стоящие рядом, хотя бы и одиночные, всегда обособляются:

Туманы, клубясь и извиваясь, сползали туда по морщинам соседних скал... (Лерм.)

в) одиночное деепричастие, стоящее тотчас после своего глагола в конце предложения, почти никогда не обособляется. Сюда относятся такие случаи, как: «писал сидя», «говорил заикаясь», «стоял вытянувшись», «ушел простившись» и т. д.

г) одиночное деепричастие, не удовлетворяющее условиям последнего пункта, то обособляется, то нет. С одной стороны, мы имеем такие сочетания, как:

... а я, таясь, готовлю миру
яд, где огонь запечатлен. (Брюс.)

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. (Пушк.)

Савельич, дремля, качался на облучке. (Пушк.)

где обособление очень вероятно, а с другой — такие, как:

... и всяк зевает да живет
и всех вас гроб зевая ждет». (Пушк.)

«Впрочем, — нахмурившись сказал Сергей Иванович...

«Я не понимаю, к чему тут философия», сказал Сергей Иванович... «Вот к чему!» горячась заговорил он. (Л. Толст.)

... на миг исчез — и свысока
шумя летит на князя снова. (Пушк.)

где обособление частью невозможно, частью мало вероятно. Знаки препинания здесь, как и везде, к сожалению, не всегда передают живое произношение. В предложениях, напр.:

Из мертвой главы гробовая змея,
шипя, между тем выползала. (Пушк.)
Меж нив златых и пажитей зеленых
оно, синея, стелется широко... (Пушк., «Вновь я посетил...».)

найденные нами в тексте запятые не мешают считать здесь обособление мало вероятным и противоречащим правильному чтению.

Так как деепричастие есть застывший падеж древнего причастия (см. стр. 166—167), то первоначально, в момент своего зарождения, оно должно было сознаваться как несогласованное причастие, все равно как если бы кто-нибудь сейчас сказал: «я видел человека, сидящему на скамье», «говорилось о человеке, побежавший в лес», и т. д. Такой именно характер носят древнейшие случаи этого рода: «подобьни чловѣком чающе господа» (вместо: «чловѣком чающемъ = людям чающим), «брашьно, еже ти идущи довълно будеть» (вместо: «ти идущу»=тебе идущему), «виде смоковьницу имущи листвие» (вместо: «смоковьницу

имущу» = смоковницу имеющую) и т. д. Понятно, что эти несогласованные причастия еще относились к имени, а не к глаголу («человеком чающе», «смоковьницу имущи» и т. д.). Только впоследствии, по мере того как падежные формы здесь все более и более забывались, причастия эти стали отрываться от имен и притягиваться, наравне с наречиями, к глаголам, т. е. превращаться в деепричастия. Процесс этот в настоящее время уже почти закончился, но все же только «почти». Остатками древнего понимания этих форм являются такие сочетания, как:

Увидя то, на мысли волку вспало,
что лев, конечно, не силен... (Крыл.)

Она сама не знала, какая в ней таилась сила, ну, а убедившись в ее действии на бале, как же ей было остановиться на ничтожном студенте... (Тург.)

Хоть я и не пророк, но, видя мотылька,
что он вкруг свечки вьется,
пророчество всегда мне удается... (Крыл.)

Не шевеля почти и поводов,
конь слушался его лишь слов. (Крыл.)

Признавая недопустимым обращение к высшему правительству от лица всего российского дворянства председателя совета съезда объединенного дворянства по вопросам государственного характера, не выслушав мнение самого дворянства... уфимское дворянство постановило... («Русск. вед.», 1915, № 294, резолюция уфимского дворянства.)

и даже при отсутствующем имени:

Не учась (= человека не учащегося), в попы не ставят. (Посл.)

И те пташечки-касаточки
пели грустно так и жалобно,
что, их слушая,
кровь стынула. (Кольц.)

«Сострадание ведь, на тебя глядя, берет». (Дост.)

Твоя жизнь именно из тех, которые, отложа всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны... (из письма Тургенева к Некрасову, «Голос минувшего», 1916, 5—6.)

Срвн. также такие вводные выражения, как: «положа руку на сердце», «откровенно говоря», «собственно говоря», «на ночь глядя» и т. д. Последние обороты можно толковать двояко: можно предполагать здесь опущение косвенного падежа («у меня, их слушая, кровь стынула», «сострадание меня, на тебя глядя, берет»), — и тогда они примыкают к предыдущим, а можно предполагать и опущение именительного падежа («их я слушая, кровь стынула», «на тебя я глядя, сострадание берет»), — и тогда они восходят к таким сочетаниям, как: «выскочивши же все прочие из ладьи, и сказал Олег», «нашедши туча, и шел дождь всю ночь», «по великой реке лед идучи, християном силно много хором подрало», «идучи мы к дому, осмелился я...» (Кантемир) и т. д., где именительный падеж со своим деепричастием образовывало особое предложение, в настоящее время, вследствие развития глагольности, уже кажущееся нам неполным. Все деепри-

частия этого рода мы могли бы назвать «собственно-обособленными», или «независимыми» деепричастиями. Школьные грамматики справедливо бракуют их. Не говоря уже о том, что неумелое пользование этой формой сочетания может привести к прямой нелепости (напр.: «войдя в комнату, он сидел на диване»), сочетания эти вообще слишком архаичны, слишком противоречат центростремительному характеру современного предложения (центр — глагол), слишком напоминают центробежный характер древнего предложения с его несколькими глагольными центрами (глагол, причастие, деепричастие). Таких вводных выражений, как «собственно говоря» и т. д., это осуждение, разумеется, не касается.

Заканчивая рассмотрение обособленных второстепенных членов, мы должны сделать одну важную оговорку ко всем тем случаям, где второстепенный член, по нашему определению, «всегда» обособляется, т. е. где язык знает лишь одну форму словосочетания, а не две. Так как обособленный член всегда требует предшествующего ударения (если только сам не стоит в начале предложения), то в тех случаях, где по логико-психологическим условиям этого ударения не на чем сделать, обособление неминуемо отпадает, хотя бы и были налицо все те синтаксические условия, которые делают его обязательным. Так, в сочет.:

Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. (Пушк.)

... ко мне вошел молодой офицер... с лицом смуглым и отменно некрасивым... (Пушк.)

перед нами прилагательные, стоящие после своего существительного и подчиняющие себе другие второстепенные члены, следовательно, обособление непременно должно бы было произойти (см. выше, II, 1, пп. «а» и «б»). Но для этого надо было бы сделать ударение на предшествующих словах: в первом примере на слове «выражение», во втором — на слове «лицом». Так как ударения эти по смыслу здесь невозможны (вышло бы, что лицо Пугачева «имело выражение», что Швабрин «вошел с лицом»), то невозможно и обособление. Точно так же в сочет.:

... Не из тех ли только он бездушных...
что гордятся ровностью пробора,
щегольски обутою ногой,
потеряв сознание позора
жизни дикой, праздной и пустой? (Некр.)

три прилагательных, относящиеся к одному и тому же существительному и стоящие после него, должны были бы, конечно, обо-

собиться, если бы была хоть какая-нибудь возможность сделать ударение на слове «жизни». Но так как это абсолютно невозможно (здесь, между прочим, и по ритмико-мелодическим причинам), то невозможно и обособление. Это предшествующее ударение может производиться и не непосредственно перед обособляемым членом, а на некотором расстоянии от него, напр.:

... но был другой сорт людей, настоящих... (Л. Толст.)

но во всяком случае среди предшествующих членов непременно должен быть такой, с которым можно было бы связать хотя бы логически, если не формально, обособляемый член. Только в этом случае возможен тот параллелизм ударений, который, повидимому, здесь существен. Этим, между прочим, объясняется, почему прилагательное, заключенное в середину предложения и стоящее перед своим существительным, никогда не обособляется: единственное слово, с которым оно в таких случаях грамматически и логически связано, есть его собственное существительное («крик двигавшейся в стороне туч и диких гусей»), а оно стоит после него, и, следовательно, возможность соотносительного предшествующего ударения исключена. Этим же, повидимому, объясняется и то, что одиночное деепричастие, стоящее перед глаголом, в одних случаях обособляется, а в других нет: в первых случаях оно находит себе ритмический противовес и логическую точку опоры в подлежащем («а я, таясь, готовлю миру...», «Савельич, дремля, качался на облучке»), а во вторых нет («впрочем», — нахмурившись сказал Сергей Иванович...»).

XXIII. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ СО СЧЕТНЫМИ СЛОВАМИ.

Счетные слова наши являются по происхождению своему (имея в виду эпоху так называемого «древне-русского» языка) частью *прилагательными* (один, два, три, четыре), частью *существительными* (все остальные). В настоящее же время только *первое* слово («один») является несомненным прилагательным, да и то, пожалуй, *не* в счетном употреблении (когда мы считаем, мы говорим или: *раз*, два, три и т. д., или: *один*, два три и т. д., причем «один» употребляем и про предметы, названия которых *женского* и *среднего* рода, совершенно аналогично с «раз»). «Два», «три» и «четыре» превратились, как убедится читатель из дальнейшего, в совершенно *гибридные* части речи; это идеальная *помесь* между прилагательными и существительными. Все остальные счетные слова продолжают оставаться существительными, но с огромным побледнением своей существительности (потеря форм числа и рода). Это в настоящее время — *дефектные* существительные.

Это своеобразное отношение этих слов к категориям частей речи всецело объясняется особенностями их *синтаксического употребления*, которые мы и должны здесь слегка наметить. Главная особенность их состоит в том, что они то *управляют* тем словом, которое обозначает исчисляемый предмет, то образуют с ним *однопадежное сочетание* на началах *сочинения* (см. стр. 60 и след. в зависимости от того *падежа*, в котором стоят. Так, в сочетаниях:

Десять возов сена проданы.
Я продал *десять возов* сена.

слово «десять» *управляет* словом «возов», так как требует от него определенного падежа. Соответственно этому, слово «возов» является в обоих случаях управляемым членом, зависящим от слова «десять», а само «десять» в одном случае — подлежащим («десять проданы»), а в другом тоже управляемым членом, зависящим от слова «продал» («десять продал»). И так бывает всегда, когда счетное слово стоит в *именительном* или сходном

с ним винительном падежах. Если же это слово стоит в дательном падеже:

К десяти возам прибавили еще столько же.

или в творительном:

Десятью возами этого не вывезешь.

или в предложном:

На десяти возах уместилась вся мебель.

то получается совсем другое построение: оба слова, и счетное и несчетное, стоят уже здесь в одном падеже на началах сочинения. В тех случаях, когда счетное существительное стоит в родительном падеже:

Десяти возов недоставало.

невозможно отличить подчинение от сочинения, так как управление дает здесь совпадение падежей («десяти» требует родительного и само стоит в родительном). Оборот этот сознается, очевидно, то так, то этак, в зависимости от того, с каким типом сочетаний ассоциируется. У каждого отдельного лица и в каждый отдельный момент ассоциации эти могут быть различны, и общей мерки здесь быть не может.

Существительные «два», «три» и «четыре» в свою очередь резко отличаются от всех других счетных существительных тем, что управляют родительным падежом единственного числа (два стола, три стола, четыре стола), тогда как при всех остальных счетных словах употребляется, согласно смыслу, множественное число (пять столов, сто столов, тысяча столов и т. д.). Единственное число при таких словах, как «два», «три» и «четыре», где ясно указана множественность, представляется, на первый взгляд, очень странным и является характерным примером того, насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим. Странным представляется оно даже и в грамматическом отношении, так как управление ведь никогда не простирается на число управляемого существительного, а только на падеж его. Число у существительного, как мы уже знаем, — категория несинтаксическая. В данном же случае (и это единственный случай этого рода) она оказывается синтаксической, так как не имеет никакого самостоятельного значения, а употребляется исключительно по тре-

бованию слов «два», «три» и «четыре». Объясняется этот необыкновенный оборот только исторически: в старину это «стола» было не родительным падежом единственного числа, а именительным двойственного, который хотя и сходен был с родительным единственного во многих словах мужского рода, но в других словах резко отличался от него (от слова «рука», напр., именит. двойств. был «руцѣ», а род. ед. — «рукы», от слова «село» именит. двойств. — «селѣ», а род. ед. — «села»). Форма эта употреблялась, конечно, как и все другие падежи двойственного числа, только при слове «два» и при названиях парных предметов (как уши, ноздри, сапоги и т. д.), при словах же «три» и «четыре» употреблялся именительный падеж множественного числа (говорили: «два коня», но «три кони», «четыре кони», «два стола», но «три столи», «четыре столи») *. Когда двойственное число из языка исчезло, это «стола» было осмыслено как родительный единственного, и по образцу «два стола» стали говорить «две рукѝ», «две ногѝ», «два села» и т. д. И оборот этот, несмотря на свою странность, настолько утвердился в языке, что перенесся даже и на «три» и на «четыре», так что стали говорить «три стола» и «четыре стола». Так и создалось это странное единственное число, которое некоторые ученые не хотят даже признавать за единственное, а называют «ограниченным» числом, потому что оно обозначает не один предмет, как единственное, не два, как двойственное, и не безграничное множество, как множественное, а ограниченное количество в пределах от 2-х до 4-х.

Есть и еще особенности у слов «два», «три» и «четыре», правда более мелкие, но которые не мешает все же отметить:

1) В винительном падеже они бывают сходны, как бывшие прилагательные, то с именительным, то с родительным падежом, в зависимости от того, относятся они к слову, обозначающему одушевленный предмет или неодушевленный («я видел два стола», но «двух братьев», «три книги», но «трех овец»,

* Эта конструкция с именительным множественного (но, конечно, уже не двойственного) встречается изредка и сейчас: «на три, на четыре стóроны» и по аналогии «на две стóроны», «уписывает за обе щёки», «взял его за обе рýки» (нормально для современного языка было бы «две сторонѝ», «обе щекѝ», «обе рукѝ»). Срвн. также у Пушкина: «два могучие бои побранились» (из «Пес. зап. славян»).

«четыре тетради», но «четырех сестер», как «свои тетради» и «своих сестер»). Исключения если и бывают, то только при именах животных («Усердствуя, они, в часы вина и драки, и жизнь, и честь его не раз спасали: вдруг на них он выменял борзые три собаки!», Гриб.), которые вообще в языке не так последовательно заносятся в категорию одушевленности, как имена лиц; при именах же лиц исключения невозможны (нельзя сказать: «я видел два брата, две девушки» и т. д.). Напротив, у всех остальных счетных слов винительный всегда сходен с именительным, даже и при именах одушевленных предметов («я видел пять человек, сто человек, тысячу человек»), так как слова эти — существительные, и сами по себе, конечно, не обозначают одушевленных предметов.

2) Если в сочетаниях типа: «два стола» есть прилагательное, то для слов «два», «три» и «четыре» одинаково возможны две формы сочетания: «два большие стола» и «два больших стола» («я вытащил из чемодана два походные стаканчика», «два-три надгробных памятника стояли на краю дороги», Лерм.); для всех же остальных счетных слов возможна только одна из этих форм («пять больших столов», «шесть больших столов» и т. д.). Объясняется это опять-таки тем, что «два», «три» и «четыре» — бывшие прилагательные именительного падежа множественного («два» — двойственного) числа. Понятно, что и второе прилагательное должно было стоять в том же падеже и числе, так что «три красивые кони» (впоследствии «коня») является исконной формой сочетаний для этих слов. Напротив, для всех остальных счетных слов исконной формой здесь был род. пад. мн. ч. (пять красивых коней), так как прилагательное должно было согласоваться со своим существительным, стоявшим всегда при этих словах в род. пад. мн. ч. (см. выше). Впоследствии эта последняя форма сочетаний, как очень употребительная, была перенесена и на «два», «три» и «четыре», так что по образцу «пять красивых коней» стали говорить «три красивых коня». А так как эта форма все же не вытеснила и старой формы (три красивые коня), то у этих слов и оказались возможны две различные конструкции. При этом вслед за внешней разницей явилась, как это часто бывает в языке, и внутренняя: в сочетании «три красивые коня»

прилагательное, как ни в чем несогласуемое со своим существительным, больше выделяется в сознании, чем в сочетании «три красивых коня», где есть согласование хотя бы в падеже (в числе нет). Напротив, счетное слово больше выделяется во втором сочетании, чем в первом, потому что здесь оно управляет двумя родительными, а там одним. В результате, в «три красивые коня» преобладает качественный оттенок, а в «три красивых коня» — количественный.

XXIV. СЛИТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Князь Игорь **и** Ольга на холме сидят... (Пушк.)
Червонец был запачкан **и** в пыли. (Крыл.)

Он... с жаром толковал что-то приказчику Якову Михайлову, который... очень быстро **и** в разных направлениях шевелил пальцами. (Л. Толст.)
Не видно было **ни** камышей, **ни** плотины, **ни** берегов. (Акс.)

В приведенных предложениях мы находим частичные слова, значения которых до сих пор мы еще почти не рассматривали,— союзы. Слова эти могут стоять и между отдельными предложениями («он пришел, **и** мы поехали», «рак пятится назад, **а** щука тянет в воду»), и внутри предложений (как во всех вышеприведенных примерах). Покамест мы займемся только значением их внутри предложений. Значение это лучше всего выводится из тех условий, от которых зависит самая постановка союза внутри предложения. Таких условий два:

1) Все соединенные союзами члены должны быть сочинены или соподчинены, а не включены (см. стр. 64), т. е. должны все относиться к одному и тому же общему члену. Так, в 1-м примере члены «Игорь» и «Ольга» являются подлежащими и, следовательно, оба одинаково относятся к сказуемому «сидят», во втором примере члены «запачкан» и «в пыли» являются предикативными второстепенными членами и, следовательно, оба одинаково относятся к связке «был» и через нее к подлежащему и т. д. Там, где такое сочинение или соподчинение невозможно, невозможен и союз: нельзя, напр., сказать: «я подошел к дому **и** отца» (если только не переводить союза в усилительное слово в смысле «и к дому отца»), «сегодня хорошая **и** погода» и т. д. И, наоборот, вводя в предложение (там, где это возможно) союз, мы тем самым вводим сочинение или соподчинение. Сравнивая сочетания: «боюсь его отца» и: «боюсь его **и** отца», «боюсь его **или** отца», «боюсь не его, **а** отца» и т. д., мы видим, что одни и те же падежи существительных при отсутствии союза включены один в другой (боюсь отца, отца его), а при союзе соподчинены глаголу (боюсь его, боюсь отца).

2) Эти соподчиненные (или, в отношении подлежащих, соподчиняющие) члены должны объединяться мыслью как одно-

родные в каком-либо отношении, как сходные в чем-либо между собой. Сходство это может быть грамматическое («Игорь и Ольга», «в багрец и в золото», «умный и серьезный», «красиво и чисто», «идя и смотря», «итти и смотреть» и т. д.) и неграмматическое, вещественное («запачкан и в пыли», «быстро и в разных направлениях»). На последних случаях ярче всего сказывается эта вторая сторона дела. Устраняя, напр., из второго примера союз («он быстро шевелил пальцами в разных направлениях»), мы сохраняем соподчинение («быстро» и «в разных направлениях» попрежнему зависят от «шевелил»), но устраняем сознание однородности: слова эти уже не сознаются как внутренно связанные и подходящие друг к другу признаки его «шевеленья», а только как отдельные, не стоящие между собой в связи черты картины. Наоборот, объединяя те или иные соподчиненные члены как в чем-либо однородные, мы получаем возможность соединить их союзами, как бы далеко они ни отстояли друг от друга и грамматически и логически. Возьмем, напр., предложение: «я уезжаю на каникулы к родным в деревню». Пока мы не объединим чем-нибудь эти 3 резко различные, хотя и соподчиненные, предложно-падежные сочетания, союзы будут немыслимы. Но стоит только нам сопоставить их, напр., как три счастливые обстоятельства нашей жизни, — и мы воскликнем: «я уезжаю на каникулы, и к родным, и в деревню!» Союзы здесь как раз и выразят синтаксически это подведение всех 3-х фактов под одну «счастливую» рубрику. Или мы можем сказать: «я уезжаю к родным **или** в деревню», «не к родным, **а** в деревню», и тут наши дополнения будут подведены уже под другую, «географическую» рубрику, как возможные направления поездки. Сравним еще интересный случай объединения подлежащего и второстепенного члена (наречия) у Ф. Шаляпина в «Страницах моей жизни»: «Я утешаю себя тем, что многие и часто поступают гораздо хуже...» Здесь вещественная близость победила крупнейшее грамматическое различие. Еще резче эта сторона дела заметна в тех случаях, когда союз соединяет прилагательные, согласованные с одним и тем же существительным. Хотя такие определения, конечно, всегда соподчинены своему общему существительному, однако далеко не всегда их можно соединить союзом: нельзя сказать: «мой **и** перочинный нож», «большой **и**

каменный дом», «летнее, но разорванное платье» и т. д. И это именно потому, что для нашего 2-го условия, сознания однородности, здесь нет места, так как прилагательные вещественно слишком различны. Если же иногда и встречаются такие сочетания, то это показывает, что в данной обстановке, при данных условиях, нашлись пункты соприкосновения между такими прилагательными. Сваха, напр., расхваливая приданое, может сказать: «большой и каменный дом», потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое. Если кто-нибудь утверждал, что только зимние его костюмы неисправны, а что летние целехоньки, то ему можно будет сказать: «а вот на вас летнее, но разорванное платье», и здесь для говорящего понятия о времени года и о целости костюма будут приведены в связь с предыдущим разговором. Точно так же и явно противоположные по смыслу прилагательные могут соединяться союзами («не белый, а черный», «не большой, а маленький»), потому что контрасты, как известно, всегда в каком-либо отношении однородны (белое и черное обозначают цвет, большое и малое — величину и т. д.).

Итак, [союз выполняет внутри предложения двойную функцию: 1) он приводит в связь два представления между собой и 2) он приводит в связь оба эти представления с одним и тем же третьим. И то и другое в нем нераздельно, это не две функции, а именно одна двойная.] Если, напр., в сочет.: «я еду к родным или в деревню» предложно-падежные сочетания могут объединиться в мысли как два географических пункта, то только потому, что оба относятся к такому глаголу, как «еду»; если столь разнородные признаки, как скорость и направление движения, могли в сочет.: «быстро и в разных направлениях шевелил» сознаваться как однородные, то это всецело зависит от глагола «шевелил», именно от его вещественного значения, заключающего в себе как раз быструю перемену направления движения. [Как коромысло весов одновременно и слагает силы, приложенные по краям его, и переносит их в точку опоры, так и союз одновременно и объединяет два члена и относит их к одному и тому же третьему. И мы можем, в конце концов, определить всякий союз внутри предложения (кроме союза «как», см. стр. 66 и 388) как **частичное слово, выражающее однородность двух членов по отношению к третьему.**]

[Члены предложения, соединенные этого рода союзами, так и называются **однородными** членами, а предложения, имеющие однородные члены, — **слитными** предложениями.]

Слитные предложения отличаются от обычных предложений не только присутствием союзов, но и ритмом и интонацией. Сравнивая по произношению два предложения:

Червонец был запачкан и в пыли.	Червонец был запачкан пылью.

замечаем, что в слитном предложении мы делаем 2 равных по силе ударения, и делаем их как раз на однородных членах (запачкан и в пыли). В неслитном же предложении таких двух равных ударений нет, а имеется только одно сильнейшее ударение (вероятнее всего на приглагольном существительном: «червонец был запачкан пылью»), вокруг которого и группируются в ритмическом отношении ударения остальных слов.

Точно так же сравнивая:

В овраге предполагались и разбойники, и волки, и разные другие существа... (Гонч.)	В овраге предполагались наводившие на всю округу страх разбойники...

мы слышим в слитном предложении 3 сильнейших ударения, соответственно числу однородных членов, а в неслитном лишь одно. И вообще слитное предложение имеет всегда столько главных ударений, сколько в нем однородных членов. Это особенно ясно слышится в тех случаях, где одно и то же предложение является то слитным, то неслитным, в зависимости от вставки союза: «я еду к родным в деревню», но: «я еду к родным или в деревню», «он купил большой каменный дом», но: «он купил большой и каменный дом», «я боюсь его отца», но: «я боюсь его и отца» и т. д. Разница в интонации между слитными и неслитными предложениями не так велика, как в ритме, и мы не будем на ней подробно останавливаться. Заметим только, что в общем однородные члены стремятся к однотонной интонации и что вследствие этого заключительное понижение наступает в слитном предложении позже, чем в обычном.

Итак, слитные предложения имеют определенные ритмические и мелодические особенности. Точно такие же особенности могут быть и у предложений,

не имеющих внутри союзов, если в них есть такие члены, которые сознаются как однородные. Так, в предложениях:

> Не брошены слабый, вдова, сирота
> имущим во власть без покрова. (Жук.)
>
> ... Он удручен годами,
> войной, заботами, трудами... (Пушк.)

находим тот же ритм и ту же интонацию, что и в слитных предложениях. Разница в ритме между этими предложениями и предыдущими сводится только к паузам, которые являются как раз на местах, где могли бы стоять союзы. Эти паузы здесь обязательны. Они являются главным средством выражения (на-ряду с усиленными ударениями и однотонной «перечисляющей» интонацией), так что их можно бы было назвать заместительницами союзов. Так, если мы скажем без союза: «червонец был запачкан, в пыли...», то мы с помощью паузы выразим здесь однородность членов, без паузы же получится другой смысл («запачкан в пыли», т. е. запачкался в пыли). Точно так же в сочетании: «не видно было камышей, плотины...» пауза создает однородность, без паузы же получилось бы: «камышей плотины», т. е. растущих на плотине. Ясно, что паузы и другие ритмико-мелодические средства вполне заменяют здесь союзы, и что по внутреннему своему смыслу эти предложения совершенно равносильны предыдущим. И их тем труднее отделить от предыдущих, что фактически в языке господствуют предложения смешанного типа, т. е. такие, где однородность одних членов выражена только ритмом и интонацией, а других — союзом («проказница-мартышка, осел, козел да косолапый мишка...», «за шапку он оставить рад коня, червонцы и булат» и т. д.). Поэтому удобнее всего все такого рода предложения объединить под общим именем «слитных», формулируя окончательные определения так:

Слитным предложением называется предложение, заключающее в своем составе однородные члены.

[Однородными членами называются члены, которые соединены или могли бы быть без изменения грамматического смысла соединены союзом.]

Теперь приведем краткий перечень союзов, встречающихся в слитных предложениях, с примерами:

И, одиночное или повторяемое (примеры см. выше).

Ни — ни.., только повторяемое, является по значению тем же союзом «и» + о т р и ц а н и е и употребляется только в отрицательных предложениях (пример см. выше).

Примечание. Одиночное «ни», еще довольно часто встречающееся у Пушкина («Там люди в кучах, за оградой н е дышат утренней прохладой, н и вешним запахом лугов...»; «...н е думая о балах, о Париже, н и о дворе...», «Она ласкаться н е умела к отцу, н и к матери своей...», «н е слышу я шагов ее тяжелых, н и утренних ее дозоров», срвн. также: «Н о тучной праздности ленивые морщины, н и поступь тяжкая, ни ранние седины, ни пламя бледное нахмуренных очей н е обличали в нем...»), встречается теперь крайне редко, и должно, кажется, считаться устарелым.

Да, одиночное или повторяемое:

> ... где носились лишь туманы
> д а цари-орлы. (Лерм.)
> Собака, человек, д а кошка, д а сокол
> друг другу поклялись однажды в дружбе вечной... (Крыл.)

Или, одиночное или повторяемое:

Гуляю по берегу озера и л и шумящей Роны... (Карамз.)
... И л и он, и л и она не продержатся до свадьбы на высоте идеала... (Гонч.)

Али, одиночное или повторяемое:

Дадут ей грошик, она возьмет и тотчас снесет и опустит в которую-нибудь кружку церковную а л ь острожную... (Дост.)

Ли — ли.., только повторяемое (собственно, вопросительная частица, приобретающая при повторении союзный оттенок):

... сейчас видно, на тысячи л и, на сотни л и мужик торгует. (Л. Толст.)

Ли — или (причем каждая часть и обе вместе могут повторяться):

Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался, куда он идет: на вечер л и к какому-нибудь своему брату, и л и прямо к себе домой... (Гог.)

То — то.., только повторяемое:

> Долго ль мне гулять на свете
> т о в коляске, т о верхом,
> т о в кибитке, т о в карете,
> т о в телеге, т о пешком? (Пушк.)

Не то — не то.., только повторяемое:

Погода была скверная, ветер резал лицо, и н е т о снег, н е т о дождь, н е т о крупа изредка принимались стегать Ильича по лицу... (Л. Толст.)

То ли — то ли.., только повторяемое:

То ли за недосугом, то ли по нежеланию — он не исполнил моего поручения. (Из прим. Д. Н. Овсянико-Куликовского. «Синт.» стр. 275).

Либо — либо.., только повторяемое:

Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда тем и другим. (Лерм.)

Но:

... и звук его песни в душе молодой
остался без слов, но живой. (Лерм.)

Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. (Пушк.)

А:

... И думаешь, когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, **а** с теми, кого я люблю? (Л. Толст.)

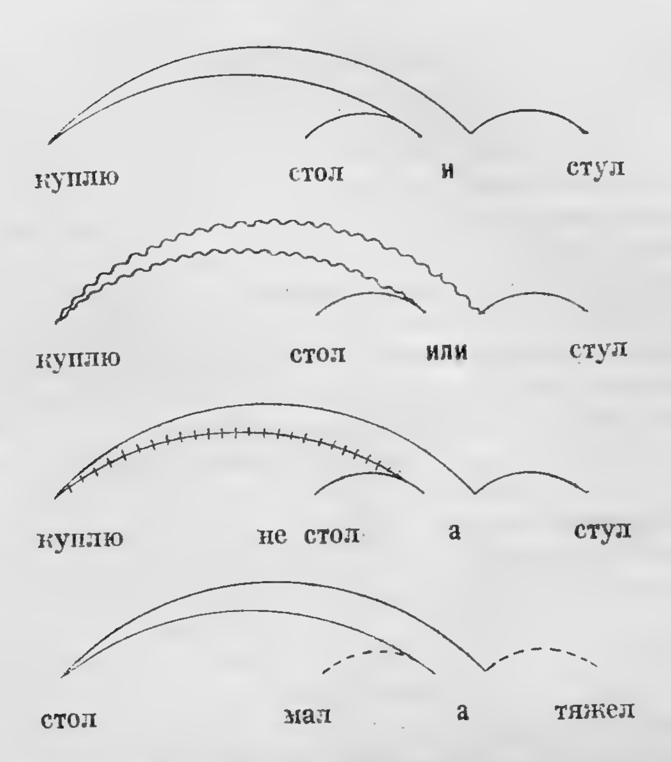
Многие из перечисленных здесь союзов могут стоять не только между однородными членами, но и перед первым из них («в лесу ночной порой **и** дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит», «**ни** власть, ни жизнь меня не веселят», Пушк.), причем для некоторых союзов такая постановка обязательна. Потому-то эти союзы и не могут употребляться в одиночку, а должны быть, по меньшей мере, удвоены (один раз между однородными членами и один раз перед первым из них).

Относительно употребления союзов и заменяющих их пауз в предложениях с более чем двумя однородными членами надо заметить, что наиболее частых форм словосочетаний здесь две: 1) с союзом перед каждым однородным членом, в том числе и перед первым («я купил **и** бумаги, **и** карандашей, **и** ручек») и 2) с союзом только перед последним однородным членом и с паузами между всеми остальными («я купил перьев |бумаги| карандашей **и** ручек»). Однако отнюдь не следует только эти две формы считать литературными. Комбинации здесь могут быть самые разнообразные (срвн. выше примеры на полное бессоюзие из Жуковского и Пушкина, пример на союз «да» только при 3-м и 4-м члене из Крылова или следующие случаи у Пушкина: «Надежды, **и** мечты, **и** слезы, **и** любовь...», «...законы, правота, **и** консул, **и** трибун, **и** честь, **и** красота...», «сколько богов, **и** богинь, **и** героев...», «мужья **и** братья, жены, девы, **и** стар, **и** млад во след идут...»). Последний пример вводит нас в новое явление в области слитных предложений: в группировку однородных членов по однородным группам («мужья и братья», «и стар и млад»). Это членение тоже иногда отражается на расстановке союзов, напр.: «И все это — звуки **и** запахи, тучи **и** люди — было волшебно красиво...» (Горьк.), а иногда только на интонации: «... как серна гор, пуглив и дик, и слаб и гибок, как тростник» (Лерм.), «казалось, уже никогда не будет ни света, ни солнца, ни блеска, ни красок, а вечно будет стоять эта слякоть и слизь, серая мокрота и сырость» (Тург., отметим попутно, что случаи эти

не предусматриваются правилами нашей пунктуации). Отметим, далее, особую модификацию слитных предложений, когда однородными являются не члены, а группы членов, однородно построенные: «... эти люди, торопливо перебегающие от одного выступа к другому и от переулка к переулку...» (А. Яковлев, «Октябрь»), «Отрадненская осень с охотой и зима со святками и с любовью Сони открыла ему перспективу...» (Л. Толст., тут же и более сложный, но довольно обычный ход зависимости, при котором два однородных члена соподчинены 3-му, а этот 3-й в свою очередь однороден с другим членом: осень **и** зима — зима со святками **и** с любовью). Наконец, отметим еще одно мелкое явление в области слитных предложений: возможность опущения предлога в однородных предложно-падежных сочетаниях: «Люблю бродить осеннею порою в хороший день по рощам **и** лугам...» (Кириллов, «Родина»), «... самолюбиво равнодушных для вздохов страстных **и** похвал...» (Пушк.), «... он был жалок **с** своими приглаженными волосами на височках **и** торчавшими на затылке кисточками» (Л. Толст.). Такая конструкция кажется даже как будто обычнее, чем повторение предлога («бродить по рощам и по лугам», «для вздохов страстных и для похвал»), однако сочетания с повторенным предлогом тоже очень часты: «... **в** багрец и **в** золото одетые леса...» (Пушк.), «над ними надписи и **в** прозе, и **в** стихах» (Пушк.), «Для чего и как были даны и приняты сражения при Шевардине и при Бородине?» (Л. Толст.), «почти вся передовая публика уже сидела или **в** предварилке или **в** частях» (Гастев), «...никто из нас, кроме штрейкбрехеров, не любил приходить на завод за час или за полтора...» (он же), «Вавилов никогда не любил шутить: он одинаково решителен — **в** добре ли, **в** зле ли» (он же), «**в** одном кругу или **в** равных кругах центральные углы относятся как соответствующие им дуги» (геометрия Киселева), и т. д. Решить, что обычнее, здесь можно было бы только на основании точного подсчета, но это не так интересно, как то, какие условия содействуют выпуску предлога, а какие его повторению. Здесь можно отметить, прежде всего, что есть случаи, когда повторение предлога обязательно, именно когда союз имеется уже перед первым однородным членом (срвн. у Пушкина: «**и в** прозе, **и в** стихах», сказать: «и в прозе, и стихах» нельзя). Поэтому союзы, которые обязательно ставятся перед первым однородным членом (напр., ни — ни, то — то), вообще не допускают опущения предлога. Случаи обратного рода, когда повторение предлога было бы синтаксически недопустимо (стилистическая недопустимость — дело другое) — нам неизвестны. Далее на опущение предлога влияют: 1) число однородных членов (чем длиннее ряд, тем бо́льшая потребность в повторении предлогов), 2) отсутствие или присутствие союза (при бессоюзии больше потребности в повторении предлога), 3) значение самого союза (**и**, напр., более располагает к опущению предлога, чем **или**), 4) вещественная близость или отдаленность однородных членов (срвн. «надписи и в прозе, и в стихах о добродетелях, **о** службе и чинах»), 5) интонационные условия (чем длиннее пауза, тем бо́льшая потребность повторить предлог), 6) книжность или обыденность речи (книжный язык предпочитает опущение предлога, обыденный — повторение), 7) индивидуальный стиль автора (Л. Толстой, напр., любящий вообще повторения, повторяет и предлоги здесь очень часто). Каждый отдельный факт результирует на себе все эти воздействия. В общем же опущение предлога объединяет данную группу членов более тесно, чем это обычно для однородных членов (срвн. невозможность опущения при повторении

союза перед каждым членом, которое имеет как раз разъединительное, вернее расчленяющее, значение: «я был **и** там, **и** там, **и** там...») и, следовательно, все, что способствует такому объединению, способствует и опущению предлога и обратно.

По значению все перечисленные союзы издавна делятся на 3 основные группы: союзы соединительные, разделительные и противительные. Деление это правильно намечает имеющиеся здесь основные оттенки значений. Союзы первой группы, соединительные (**и, ни — ни.., да**), образуют чисто нулевую категорию. В них нет никакого добавочного оттенка в тех связях, которые союз устанавливает между членами, что отражается и в названии их, совершенно общем (ведь каждый союз «соединяет»). В союзах второй группы, разделительных (**или, ли — ли.., ли — или, то — то.., не то — не то.., то ли — то ли.., либо — либо...**), имеется добавочный оттенок потенциальности, или взаимной обусловленности. В сочет.: «куплю стол или стул» союз показывает, что данные 2 члена могли бы быть в одинаковой связи с соподчиняющим им третьим, но что фактически в каждый отдельный момент возможна лишь одна из этих связей, исключающая другую (если куплю стол, то не куплю на этот раз стула, и наоборот). В союзах третьей группы, противительных (**но, а**), заключен добавочный оттенок противоположения, при чем противоположение это может относиться или к той связи, которой данные однородные члены связаны с соподчиняющим их третьим членом («сидеть не за диалогами, **а** с теми, кого я люблю»), или к той связи, которой они связаны между собой («он повторил обвинения слабым, **но** смелым голосом»). В первом случае, который необходимо предполагает отрицание при одном из соединяемых членов, противительность союза подчеркивает, что связь данных двух представлений с соподчиняющим их третьим для одного из них отрицательна («сидеть не за диалогами»), а для другого положительна («сидеть с теми, кого люблю»). Во втором случае противительность союза подчеркивает противоположность между самими соединяемыми представлениями («слабость» и «смелость»), указывая на то, что данные представления, в данном случае и при данных условиях объединяемые, сами по себе разнородны. Все это можно графически иллюстрировать так:

причем извилистой линией мы изобразили связь потенциальную, перечеркнутой линией — связь отрицательную и пунктирной — связь индивидуально-случайную. Само собой разумеется, что каждый отдельный союз, в свою очередь, как и всякое частичное слово, имеет свои специальные оттенки значения, которых мы здесь уже не будем касаться.

Так как в слитных предложениях встречается несколько подлежащих при одном сказуемом и несколько прилагательных или существительных при одном существительном или прилагательном, то законы согласования одних членов предложения с другими здесь усложняются и частично видоизменяются. Мы разберем отдельно согласование сказуемого с подлежащим и прилагательного с его существительным.

При согласовании сказуемого с подлежащим в слитных предложениях возможны два случая:

1) сказуемое стоит при двух или нескольких подлежащих во множественном числе, хотя бы каждое из подлежащих было в единственном числе:

... И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
щ а д я т победителя годы... (Пушк.)

Г и б л и молодость, сила, здоровье. (Никит.)

Неужели душе молодой
уж з н а к о м ы нужда и неволя? (Некр.)

Такое употребление показывает, что в данном случае все подлежащие берутся мыслью о б ъ е д и н е н н о, как своего рода с л и т н о е п о д л е ж а щ е е, и что сказуемое, как это бывает иногда и при одном подлежащем (см. стр. 220—221), согласуется с в е щ е с т в е н н ы м содержанием подлежащего. Другого выхода здесь, впрочем, для него и нет, так как именно объединение подлежащих создает множественность смысла, и если бы в сказуемом не была показана эта множественность, то не было бы показано и объединение. Это мы и имеем как раз в следующем случае:

2) сказуемое стоит при двух или нескольких подлежащих в е д и н с т в е н н о м числе, т. е. согласуется в числе с б л и ж а й ш и м из них:

На лице у него попеременно в ы с т у п а л не то с т р а х, не то досада. (Гонч.).

В лесу ночной порой
и дикий зверь, и лютый человек,
и л е ш и й б р о д и т... (Пушк.)

Н е с т р а ш н а мне, добру молодцу,
В о л г а-матушка широкая,
леса темные, дремучие,
вьюги зимние, крещенские. (Кольц.)

Как и в других случаях двойственности, мы постараемся здесь выяснить у с л о в и я, способствующие выбору (бессознательному, конечно) той или иной формы словосочетания. Среди этих условий самым главным является п о р я д о к с л о в. Именно, в том случае, когда сказуемое стоит п е р е д подлежащими, оно склонно согласоваться с ближайшим из них, когда же оно стоит п о с л е подлежащих, оно предпочитает объединить собой все их. Причина этого различия очень проста: объединение в мысли того, что еще только п о с л е д у е т, т р у д н е е для говорящего; оно требует особой предусмотрительности, особого о б д у м ы в а н и я фразы до конца, прежде чем сказать ее. Но такое обдумывание менее всего свойственно естественной речи, и во всяком случае мы часто в процессе речи можем найти мыслью и п р и б а в и т ь еще одно подлежащее, которого мы не предвидели, когда ставили сказуемое. Все эти случаи и будут,

очевидно, при предшествовании сказуемого, давать большой процент согласования с ближайшим (т. е. для мысли, в сущности, в тот момент единственным) подлежащим. Наоборот, объединить мыслью то, что уже сказано, дело совершенно естественное, и если это тоже не всегда происходит, то тут сказывается влияние обычных законов согласования, т. е. необычность, напр., такого сочетания, как: «и леший бродят» (см. пример из Пушкина). Желание объединить в формах согласования все подлежащие должно побеждать при этом эту необычность, а для этого оно может оказаться недостаточно сильно. Таким образом между согласованием при предшествовании сказуемого подлежащим и согласованием при предшествовании подлежащих сказуемому обнаруживается принципиальная разница, отражающаяся на многих деталях. Так, в первом случае для разговорного языка согласование с ближайшим подлежащим надо прямо признать нормой, за исключением тех случаев, когда сказуемое по самому значению своему уже предопределяет множественность подлежащих (напр. в сочетании: «а вечером ко мне понагрянули и Чемерницкий, и новый городничий Порохонцев» у Лескова, конечно, нельзя было сказать «понагрянул», потому что один человек не может «понагрянуть», то же и при всех взаимных глаголах: «поссорились», «съехались» и т. д., см. стр. 132); и употребление множественного числа здесь носит безусловно книжный характер (обдуманная речь). Во всяком случае здесь трудно представить себе такое словосочетание (за выше указанным в скобках исключением), где согласование с ближайшим подлежащим было бы недопустимо. Напротив, во втором случае (сказуемое после подлежащих) таких комбинаций немало. Так, сочетание: «взор и мысль просили простору» (Дост.) нельзя было бы сказать в форме «взор и мысль просила простору», или сочетание «твой отец и мать меня надули» (Чех.) — в форме «твой отец и мать меня надула», потому что условия согласования в роде здесь таковы, что согласование с ближайшим подлежащим слишком резко разорвало бы в мысли то, что только что было соединено союзом. Точно так же сочетание: «Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо» (Пушк.) нельзя было бы сказать в форме: «Пугачев и он был одно и то же лицо», так как вся суть этой мысли в том, что два были одно, и убрать эту двойственность из связки значило бы стереть эту антитезу. Во многих случаях,

правда, и тут возможны обе формы словосочетания, при чем на выбор влияет целый ряд факторов, анализировать которых мы здесь, по условиям места, не можем (сходство или различие подлежащих в роде при прошедшем времени глагола, наличие среди подлежащих форм множественного числа, число самих подлежащих, те или иные союзы, вещественная близость или отдаленность, близость сказуемого к последнему подлежащему или отодвинутость этих членов друг от друга другими членами и т. д., и т. д.). Но, во всяком случае, здесь скорее уже множественное число представляется нормой, а единственное — отступлением от нее.

Аналогично двойственно согласование сказуемого с подлежащим и в таких предложениях, в которых при одном подлежащем имеется предложно-падежное сочетание: «предлог **с** + творительной падеж», могущее по синтаксическим связям быть приравнено к другому подлежащему. И тут, с одной стороны, такие факты, как «на солнышке Полкан с Барбосом лежа грелись», а с другой стороны, такие, как «когда-то в старину лев с барсом вел предолгую войну» (Крыл.).

При разнице в лицах между отдельными подлежащими школьные грамматики велят ставить сказуемое в преимущественном лице, т. е. в 1-м предпочтительно перед 2-м, и 3-м и во 2-м предпочтительно перед 3-м, как в следующих примерах:

Но ведь ни **вы**, ни **я** — не офицер,
изгнать врагов не сыщем мер. (Кольц.)

... Туда, где синеют морские края,
туда, где гуляем лишь ветер... да **я**! (Пушк.)

Ты и он пойдете гулять.

Но сочетания этого рода даже и в книжном языке очень редки, в наречии же разговорно-литературном они, кажется, совсем не употребляются. Обычно затруднение обходится при помощи других форм сочетаний: «мы с тобой поедем», «я с тобой поеду», «да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить..; что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками» (Пушк.; слова Пугачева), «Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что...» (Чех.) и т. д.

При согласовании непридикативного прилагательного с существительным следует различать два случая: 1) два или несколько существительных при одном прилагательном, 2) два или несколько

прилагательных при одном существительном. В обоих случаях встречается и множественное и единственное число общего члена, напр.: 1) а) «Приготовленные большая вилка и лопаточка из кленового дерева заставляли подозревать...» (Писемск.), «но знакомые ему белый глаз и рана...» (Л. Толст.), б) «... а свой ты нрав и зубы здесь кинешь, иль возьмешь с собой?» (Крыл.), «Вражду и плен старинный свой пусть волны финские забудут» (Пушк.); 2) а) «Передвижение это с Нижегородской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дороги...» (Л. Толст.), «прошелся на гумно, скотный и конный дворы» (он же), б) «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (заглавие одной из наших статей, в котором мы сознательно и после долгого обдумывания остановились на единственном числе, так как множественное казалось нам слишком книжным и мертвенным). В обоих случаях на выбор формы словосочетания влияют все те же факторы, что и при согласовании сказуемого, но во втором случае сюда присоединяется еще 2 фактора: 1) морфологическое свойство существительного: сочетание «объективная и нормативная точки зрения», напр., казалось нам как-то невразумительным, не ясным, и это, вероятно, потому, что форма эта может выражать и род. пад. ед. ч; сочетание, напр., «временный и постоянный планы производства» кажется приемлемее; 2) отсутствие у многих существительных форм множественного числа: «высшее и среднее образование», «сливочное и сметанное масло» не допускают иной формы словосочетания.

В заключение укажем на близость рассматриваемых словосочетаний к словосочетаниям следующей главы — сложным целым, что и побуждает нас сохранить за ними их традиционное название — слитные предложения — несмотря на то, что с исторической точки зрения термин этот подвергается справедливым нареканиям (предложения эти так же древни, как и «неслитные», и процесса самого «слияния» доказать нельзя). Хотя в части этих предложений мы замечаем признаки единства всех однородных членов между собой (срвн. изложенное выше в мелком шрифте объединение их при помощи выпуска предлога, только что изученное объединение при помощи множественного числа глагола или прилагательного, доходящее иногда до таких фактов, напр., как «... постоянно состязавшиеся друг с другом то лыжники, то гребцы,

то конькобежцы, то шахматисты...» Иннокентий Анненский, «В Собачьем переулке», где даже союз перед первым членом не помешал объединению), но зато в другой части мы видим, наоборот, признаки расчлененности, напоминающие сочетание предложений. Такие сочетания, напр., как:

Но я даю ему работу, и очень интересную... (Островск.)

... но я знаю, что она видела его и вчера, и раньше, и не без удовольствия, и что она его отличает. (Островск.)

И дрались они, братец, не то чтобы с сердцов, а даже от большого уныния. (Гл. Усп.)

Всегда... он... бросался не на спорщиков, а к светлому солнцу движения... (Гастев.)

Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался, куда он идет: на вечер ли к какому-нибудь своему брату, или прямо к себе домой. (Гог.)

свободно могут быть истолкованы, как сложные целые, в которых выделенные нами части образуют неполные предложения. Здесь все зависит от трех факторов: 1) от того, где стоят однородные члены, после объединяющего их члена, или до него (срвн.: «Я не знаю, один или с товарищами был он там» и «я не знаю, был он там один, или с товарищами», во втором случае мы испытываем обычно бо́льшую нужду в запятой, полуразрешаемой в этих случаях «правилами»), 2) от того, одноформенны или разноформенны эти члены (срвн.: «я не знаю, был он там с братьями или с товарищами» и «я не знаю, был он там один, или с товарищами»), 3) от значения союза (разделительные и противительные союзы больше членят, чем соединительные). В предыдущих примерах первые два фактора, а отчасти и третий (начиная с третьего примера) оказались в пользу расчлененности, и отсюда их составной характер. Но, во всяком случае, потенциально всякое слитное предложение обладает этими возможностями. Вспомним также интонационные особенности этих предложений (обязательные ударения на каждом однородном члене) — и мы придем к тому, что термин «слитное», если только отказаться от его исторического понимания, удачно выражает природу этих предложений, действительно среднюю между односоставностью и сложностью.

XXV. СЛОЖНОЕ ЦЕЛОЕ.

До сих пор мы говорили почти исключительно о таких словосочетаниях, которые образуют или предложения или части предложений. Но в языке есть еще такие словосочетания, которые состоят из двух или нескольких предложений. Такие словосочетания мы будем называть сложными целыми, и к рассмотрению их нам надо сейчас обратиться.

[*Примечание.* Термин «сложное предложение» мы отвергаем, так как он называет несколько предложений одним «предложением» и тем создает путаницу. Правда, можно было бы указать на то, что и в других науках сложные единицы носят иногда то же название, что и простые, их составляющие. Так, напр., в науке государственного права мы имеем термин «союзное» или «федеративное государство», несмотря на то, что эти «государства» сами в свою очередь состоят из «государств». Но тут разница в том, что в одном случае самый принцип слияния мелких единиц в крупные остается на всех ступенях один и тот же (федеративное государство обладает в пределах федерации той же верховной властью, какой обладает каждое из составляющих его государств в своих пределах), а в другом — принцип слияния меняется: предложения строятся по принципу подчинения, прямого или косвенного, всех его членов одному абсолютно независимому — подлежащему и в некоторых случаях сказуемому, а «сложные предложения» в большом числе случаев — по принципу простого нанизывания одних предложений на другие, и только в части «сложных предложений», именно в тех из них, где подчинение явно преобладает над сочинением (см. след. главу), мы имеем ту же структуру отношений, что и внутри предложения. Ведь и государственное право отличает союзное государство (Bundesstaat) от союза государств (Staatenbund). Так вот «сложное предложение» и является как раз очень часто не «союзным предложением», а «союзом предложений», почему и не должно называться «предложением».

Соединение предложений в сложные целые происходит при помощи уже известного нам разряда служебных слов — союзов. Кроме союзов оно может выражаться еще и некоторыми полными словами, которые берут на себя роль союзов. Так, напр., в сочет.:

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. (Гог.)

во втором предложении слово «который», образуя подлежащее к сказуемому «жил бы» и потому являясь полным членом предложения, в то же время есть единственный связующий

элемент между обоими предложениями. Такие слова мы будем называть с о ю з н ы м и с л о в а м и.

Но не в одних союзах и союзных словах дело при образовании сложного целого. Сложное целое имеет также свою и н т о н а ц и ю и свой р и т м, играющие вообще в языке тем бо́льшую роль, чем сложнее та синтаксическая единица, на которую они наслаиваются. Мы уже видели на примере слитных предложений, какое значение могут получать эти побочные синтаксические признаки. Там нам пришлось причислить к слитным предложениям и такие, которые не имели совсем союзов, но имели ту же интонацию и тот же ритм, что и предложения с союзами. То же нам придется сделать и здесь по отношению к сложному целому. Там мы видели, что п а у з а н а м е с т е с о ю з а может создавать те же синтаксические оттенки, что и союз: в предложении: «червонец был з а п а ч к а н, в п ы л и...» пауза подчиняла оба члена одному и тому же третьему и тем делала их однородными, а все предложение слитным, тогда как то же предложение без паузы («червонец был запачкан в пыли») было неслитным. Такие же паузы встречаются и между о т д е л ь н ы м и п р е д л о ж е н и я м и, и они так же создают в этих случаях сложное целое, как в тех случаях слитное предложение. Так, в сочетании:

В тех комнатах мебель закрыта была чехлами, шторы спущены. (Гонч.)

пауза между двумя предложениями (обозначенная на письме запятой) легко могла бы быть заменена союзом **и**, и все сочетание по интонации и ритму нисколько не изменилось бы. Такие сочетания предложений, не имеющие внутри союзов, но м о г у щ и е без изменения синтаксических отношений их иметь, мы тоже будем считать с л о ж н ы м и ц е л ы м и, и их тем труднее отделить от союзных сложных целых, что здесь (опять-таки как и в слитных предложениях) господствуют сочетания с м е ш а н н о г о типа. Союз и здесь соединяет часто д в а п о с л е д н и х предложения, тогда как все предыдущие соединяются паузами:

Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. (Тург.)

В столицах шум, гремят витии,
кипит словесная война,
а здесь, во глубине России,
здесь вековая тишина... (Некр.)

Кроме этих пауз, находящихся внутри сложных целых и заменяющих союзы, существуют в языке еще и другого рода паузы, находящиеся между отдельными сложными целыми. Такие паузы уже никак не могут быть заменены союзами, и служат они не для соединения, а для разъединения предложений. Там, где есть такая пауза, мы обязательно сознаем какой-то раздел, какую-то границу, отделяющую одну группу предложений от другой. На письме эти паузы обозначаются обычно точкой, вопросительным или восклицательным знаками, тогда как паузы первого рода — всеми остальными знаками препинания.. После такой паузы сейчас же может быть и союз, но он уже не имеет той соединительной силы, как внутри сложного целого: разъединительная сила паузы побеждает соединительную силу союза. Возьмем, напр., следующий отрывок:

Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето; отец — больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу, беспрестанно вздыхавший, ходя по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу; вечное сидение на лавке с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах; вечная пропись перед глазами: «Не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце»; вечный шарк и шлепанье по комнате хлопанцев, знакомый, но всегда суровый голос: «опять задурил!», отзывавшийся в то время, когда ребенок, наскуча однообразием труда, приделывал к букве какую-нибудь кавыку или хвост; и вечно знакомое, всегда неприятное чувство, когда, вслед за сими словами, краюшка его уха скручивалась очень больно ногтями длинных протянувшихся сзади пальцев: вот бедная картина первоначального детства, о котором едва сохранил он бледную память. Но в жизни все меняется быстро и живо; и в один день, с первым весенним солнцем и разлившимися потоками, отец, взявши сына, выехал с ним на тележке, которую потащила мухортая пегая лошаденка, известная у лошадиных барышников под именем сороки... (Гог.)

Вслушавшись внимательно в чтение этого отрывка, нетрудно заметить, что весь он ритмически разбивается на 2 не равные по объему, но в чем-то равносильные между собой части. Первая часть идет с самого начала до точки; вторая — от этого места до конца. Деление это в данном случае совпадает с логическим делением (картина раннего детства Чичикова и перемена в жизни его). Но нам важна сейчас не логическая сторона, а ритмическая и связанная с ней синтаксическая. Мы видим, что в данном отрывке есть такая пауза, которая дробит весь отрывок на 2 крупнейшие части, и что дроблению этому не препятствует стоящий тут же союз «но». Таким образом пауза эта оказывается синтаксически сильнее

союза. Вот такие-то паузы и делят речь на отдельные сложные целые.

Помимо синтаксических причин паузы могут возникать в речи и по другим поводам. Могут быть чисто случайные паузы (напр., если закрыть человеку рот), физиологические (напр., чтобы забрать воздуху в легкие), психологические (напр., при смущении, при волнении), логические (напр., в лекции, где лектор при помощи пауз обычно выделет более трудные слова и более важные выводы). Паузы, о которых мы говорили выше, надо отграничить от всех этих пауз, потому что те связаны с синтаксическим строем речи, а эти — нет. Поэтому мы и назовем изученные нами паузы с и н т а к с и ч е с к и м и паузами. При этом паузы, производимые в н у т р и сложного целого, мы условимся называть с о е д и н и т е л ь н ы м и, или с о ю з н ы м и синтаксическими паузами (потому что они заменяют союзы), а паузы, производимые между отдельными сложными целыми, — р а з д е л и т е л ь н ы м и синтаксическими паузами.

Соединительные и разделительные синтаксические паузы неразрывно связаны каждая со своими специальными очень разнообразными и н т о н а ц и я м и. Именно, соединительной паузе предшествует всегда или п о в ы ш е н и е голоса (срвн. в первом сложном целом нашего примера чтение слов: «отзывавшийся в т о в р е м я...», а во втором сложном целом — слов: «выехал с ним н а т е л е ж к е...»), или ч а с т и ч н о е п о н и ж е н и е разных видов (срвн. в первом сложном целом чтение двоеточия перед словами «не лги» или во втором сложном целом чтение точки с запятой), или та интонация, которую мы условно назвали в предыдущей главе «однотонной», и которая является, в сущности, рядом о д и н а к о в ы х повышений или частичных понижений (срвн. все точки с запятой первого сложного целого); разделительной же паузе предшествует всегда или з а к о н ч е н н о г о типа п о н и ж е н и е голоса (срвн. конец 1-го сложного целого), или в о п р о с и т е л ь н а я, или в о с к л и ц а т е л ь н а я интонация (см. гл. XIX). И эти интонации здесь еще важнее пауз. Так как паузы есть и внутри, и вне сложных целых (соединительные и разделительные), так как различать те и другие точно по длительности было бы очень затруднительно и для говорящего и для слушающего, так как, наконец, при быстром темпе речи паузы могут совсем исчезать или делаться еле уловимыми, а с другой стороны, всегда имеется в речи огромное

количество несинтаксических пауз (см. выше), то гораздо более выразительным и потому гораздо более обычным средством синтаксического дробления речи является интонация. И здесь на первом месте стоят интонации законченно-повествовательная (максимальное понижение), вопросительная и восклицательная. Можно прямо сказать, что в каждом отрывке сознается столько сложных целых, сколько в нем таких интонаций, независимо от фактического количества пауз и от их длительности.

Таким образом в понятие синтаксической паузы надо включить и связанную с данной паузой интонацию, которая всегда сопровождает и часто заменяет паузу. Только с такой оговоркой будет правильно то определение сложного целого, к которому мы ведем читателя и которое формулируем так:

Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами.

В собственно-литературной речи (не разговорной) есть единица еще более крупная, чем сложное целое. Это — сочетание сложных целых от одной красной строки до другой. Напр., в отрывке:

Бились до полусмерти, ломали ребра и груди, сворачивали скулы, выбивали глаза. Безумели в драках.

И на побоище, как на праздник, съезжались именитые купцы посмотреть, на санях. Поднявшись на облучок, смотрели через головы толпы в самую гущу. И — случалось — сами ввязывались. Когда темнело, приходил странный боец — широкобородый, в большой шапке, привязанной шарфом, чтобы в драке она не спала с головы, в рукавицах, в полушубке. И все знали, что это пришел драться отец Никита — поп из старого собора — большой любитель драк...

А еще приходил молодой мужик — чернявый, с выразительными глазами, высокого роста, в плечах — косая сажень с четвертью. (А. Яковлев. «Повольники».)

находим три интонационно-синтаксических единицы, при чем в состав первой и второй из них входят отдельные сложные целые. К сожалению, синтаксического термина для этой единицы не существует, и мы принуждены пользоваться здесь типографским и вдобавок иностранным термином «абзац». Абзацы, как видно из нашего примера, так же могут начинаться союзами, как и отдельные сложные целые. Границами между абзацами, в отличие от границ между сложными целыми, являются только сверхмерно удлиненные паузы, так как особых интонаций, принципиально отличающих абзац от сложного целого, нет.

Предложения, не входящие в состав сложных целых, произносятся, конечно, с теми же тремя основными интонациями

(законченно-повествовательная, вопросительная и восклицательная), что и сложные целые. Это создает полную интонационную соотносительность таких одиночных интонационно-законченных предложений со сложными целыми и полную интонационную несоотносительность их с теми предложениями, которые входят в состав сложных целых. Фактически речь состоит из совершенно беспорядочной смены таких одиночных предложений и сложных целых (срвн., напр., состав второго абзаца в примере из Яковлева). Таким образом основной интонационной единицей речи является не предложение (потому что те предложения, которые входят в состав сложных целых, интонационно не самостоятельны и могут даже в известных случаях, как увидим ниже, интонационно сливаться с соседними частями своих сложных целых) и не сложное целое (потому что и отдельное предложение может иметь интонационную законченность), а некая величина, в грамматическом отношении то сложная, то простая, обладающая одной из трех законченных интонаций: законченно-повествовательной, вопросительной или восклицательной. Опять-таки и здесь у науки нет общепризнанного термина, равно как и само понятие мало разработано и не всеми признается. Мы предлагаем называть эту величину интонационным единством, или (проще) фразой. Под «фразой» мы понимаем, следовательно, всякий отрезок речи от одной разделительной паузы (см. выше) до другой, независимо от того, из скольких предложений состоит он. В интонационном отношении фраза может быть простой и сложной, но это деление не совпадает с грамматическим делением фраз на одиночные предложения и сложные целые. В гл. XXII мы уже видели, что одиночные предложения могут очень часто произноситься двучленно и, следовательно, образовывать сложные фразы. Предложения с обособленными членами и группами членов в интонационном отношении тоже, как мы уже видели, всегда сложны, тогда как в чисто-грамматическом смысле это все же — предложения, а не комплексы предложений. Даже в тех случаях, где сложная фраза одновременно делится и на предложения и на интонационные части (для которых опять-таки нет термина, назовем их в виде пробы «частичными фразами»), эти единицы могут не совпадать между собой. Так, в тех случаях, когда придаточное предложение вставляется в глав-

ное («с моим двоюродным братом, который должен был сегодня приехать, случилось несчастье»), получается три интонационных величины («частичные фразы»), но два предложения. Значительно реже те случаи, когда комплексы предложений произносятся слитно, как одна простая фраза, но и это бывает. Именно, если одно из слов в таком комплексе получает исключительно сильное ударение, то вокруг этого ударения группируется интонационно вся фраза, и грамматические границы между предложениями в голосе ничем не отмечаются, напр.: «А! Так **вот** ты что затеял чтоб меня погубить!», «Ну, а **где** деньги что я тебе вчера дал?», «Да ведь я же **всё** сделал что вы велели!» (запятых намеренно не ставим для передачи цельности произношения). «Вялый», безударный конец фразы объясняется в таких случаях именно сверхмерной силой центрального ударения, истощающей, так сказать, весь силовой запас фразы, а сама эта сила объясняется, конечно, психологической ценностью данного слова для говорящего. Очень краткие предложения внутри сложных целых тоже часто интонационно сливаются со своим окружением (срвн. например: «Если правда что заплатят, так пойду», «Ты не ищи где много деревьев, а ищи где мало», запятые намеренно опускаем). Таким образом понятия фразы и предложения, как интонационно-синтаксического единства и собственно-синтаксического, оказываются в довольно сложных и запутанных отношениях друг с другом. Отношения эти можно сжать в следующие формулы: 1) фраза есть всегда или предложение или комплекс предложений; 2) предложение есть в огромном большинстве случаев фраза (простая, сложная или частичная) и лишь в ничтожном меньшинстве случаев не образует никакого интонационного единства, 3) комплекс предложений («сложное целое») есть всегда фраза (сложная или, в редких случаях, простая), 4) частичная фраза есть всегда или предложение внутри сложного целого или синтаксически объединенная группа членов внутри одиночного предложения (срвн. стр. 479).

XXVI. СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

В гл. V мы познакомились с двумя основными типами связей слов в словосочетании: сочинением и подчинением. Те же два типа связей мы находим и при сочетании целых предложений в сложное целое с той лишь разницей, что в словосочетании сочинение играло лишь подсобную, эпизодическую роль, и вся структура словосочетания покоилась на последовательном многостепенном подчинении, в сложном целом же сочинение играет столь же существенную роль, как и подчинение, занимая, так сказать, половину всей области сочетания предложений. Словосочетания без подчинения оказывались невозможными, потому что два сочиненных члена обязательно или были подчинены какому-нибудь третьему, или сами подчиняли себе какой-нибудь третий. Сложные целые без подчинения — самое обычное явление. Здесь, стало быть, сочинение выступает как самостоятельный тип связи.

Напомним читателю, что сочинение и подчинение слов в словосочетании различаются друг от друга по двум признакам: 1) сочинение выражает отношения обратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому так же, как это второе представление к первому, а подчинение — отношения необратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому не так, как это другое к первому; 2) звуковой показатель отношения помещается при сочинении либо в каждом из соотносящихся (если это аффикс: «я был у женщины-врача»), либо между соотносящимися, не сцепляясь по значению ни с одним из них (если это служебное слово: «хлеба **и** зрелищ»), либо, наконец, в части случаев последнего рода при каждом из соотносящихся («**и** хлеба, **и** зрелищ»); звуковой показатель отношения при подчинении помещается только в одном из соотносящихся («дом отца») или во всяком случае только при одном из них («взялся **за** ручку»). Оба эти признака друг друга обусловливают, относясь друг к другу как внутреннее к внешнему, значение к звуку. По тем же двум признакам различим мы сочинение и подчинение и в сложном целом.

Сравним два сложных целых:

Он не пошел в школу, и у него болит голова.

Он не пошел в школу, потому что у него болит голова.

Показатель отношения между предложениями (союз) в обоих случаях стоит между соотносящимися величинами, и на первый взгляд может показаться, что оба случая соответствуют тому, что мы называем сочинением. Но мы уже знаем, на примере предлога и союза внутри предложения, что когда показателем является отдельное служебное слово, важно не только физическое его положение между двумя словами, а и то, находится ли он во внутренней связи с обоими ими, или только с одним из них. В нашем случае, стало быть, важно, как связан союз по значению своему с предыдущим и с последующим предложением в левой и в правой фразах, и есть ли в этом отношении между ними какие-нибудь различия. Производим следующие эксперименты:

Он не пошел в школу, и у него болит голова.

Он не пошел в школу, потому что у него болит голова.

У него болит голова, и он не пошел в школу.

У него болит голова, потому что он не пошел в школу.

В первой фразе перестановка не изменила отношения между предложениями. Оно сводится попрежнему к простому объединению в мысли двух фактов *. Во второй фразе, напротив, перестановка изменила отношение: то, что было причиной, стало следствием, а то, что было следствием,

* Если вкладывать в правом варианте в значение союза и оттенок следствия (т. е. приравнивать ее к фразе: «у него болит голова, поэтому он не пошел в школу»), что нередко делается синтаксистами, то, конечно, наше утверждение неверно. Но такое толкование для нас принципиально неприемлемо, потому что мы признаем за одной и той же формой или одним и тем же формальным словом несколько значений только в случае прямой необходимости в этом (срвн. сказанное на стр. 338 о нескольких значениях одной и той же падежной формы). Такой необходимости мы не видим ни для одного из союзов, употребляющихся в слитных предложениях (иначе при других союзах, срвн. в дальнейшем разные значения союзов «как», «что» и др.). Отношение причины и следствия в сочетании «у него болит голова, и он не пошел в школу» для нас есть отношение исключительно логическое, формально ничем не выраженное (срвн. то же сочетание с «поэтому» или «так что»). Впрочем, оно могло бы быть выражено и при союзе «и» интонацией: «у него болит голова, — и он не пошел

стало причиной (правую фразу понимаем буквально, а не в смысле: «судя по тому, что он не пошел в школу», что составляет особый вариант в значении союза «потому что»). Но в чем заключалась наша перестановка? В том, что мы оторвали предложение, начинающееся союзом, от его союза и поставили впереди, а к союзу приставили другое предложение. И вот оказывается, что союз «и» такой разрыв выдержал, а союз «потому что» не выдержал. Значит союз «потому что» теснее связан с предложением, которое он собой начинает, чем союз «и». Это мы можем проверить еще на двух экспериментах: 1) если бы мы во втором примере просто переставили предложения, не отрывая второго предложения от его союза, никакой перемены отношений не произошло бы: «потому что у него болит голова, он не пошел в школу»; это совершенно = «он не пошел в школу, потому что у него болит голова»; значит тут дело не в перестановке предложений самих по себе, а в том, что она соединилась с неподвижностью союза, т. е., в конце концов, с отрывом второго предложения от его союза; 2) если мы не будем отрывать второго предложения от его союза, то мы можем помещать его в каком-угодно пункте предыдущего предложения, и смысл отношения будет один и тот же: «потому что у него болит голова, он не пошел в школу», «он, потому что у него болит голова, не пошел в школу», «он не пошел, потому что у него болит голова, в школу». Если бы в первом предложении было больше членов (напр. «он сегодня опять не пошел с утра в свою школу»), то опять-таки в любом пункте (не допуская, впрочем, разрыва между предлогом и его падежом и между прилагательным и его существительным) можно было бы вставить наше предложение (предоставляем проверить это читателю). Таким образом оказывается, что союз «потому что» образует с тем предложением, которое он собой начинает, одну цельную смысловую массу, которая может перекатываться с места на место без каких-либо изменений смысла для всего сложного целого (кроме чисто стилистических). В союзе «и» ничего подобного нет. Он, как мы видели, выносит раз-

---

в школу», но это нимало не колеблет наших выводов, потому что мы говорим здесь исключительно о значениях союзов и об отношениях между предложениями, поскольку они выражаются союзами. О бессоюзии в сложном целом см. ниже.

рыв со своим предложением, и он не может переноситься вместе с ним ни в середину другого предложения, ни к началу его (нельзя сказать: «он не пошел, и у него болит голова, в школу», точно так же нельзя сказать, сохраняя связь между этими предложениями: «и у него болит голова, он не пошел в школу»). На что все это указывает? На то, что союз «и» здесь, как и внутри предложения, не только физически, но и по значению стоит между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них; союз же «потому что», напротив, подобно предлогу внутри предложения, примыкает по значению к одной из соединяемых величин, именно к той, в начале которой стоит. Стало быть, в одном случае показатель отношения стоит между соотносящимися, а в другом — при одном из них, т. е. в одном случае мы имеем то, что в гл. V названо сочинением, а в другом — то, что там названо подчинением. С этим связана и обратимость первого рода отношений и необратимость второго (см. наш первый эксперимент). Если бы мы таким же образом проэкспериментировали со всеми союзами и союзными словами (на что, понятно, у нас здесь нет места), то оказалось бы, что все те союзы, которые употребляются в слитном предложении для соединения однородных членов, разделяют свойства союза «и», а все остальные союзы и союзные слова — свойства союза «потому что». Другими словами, все первые суть сочинительные, а все вторые — подчинительные. Соответственно при сочетании предложений при помощи союзов второго рода предложения, начинающиеся союзом, являются подчиненными, а предложения, лишенные союза, — подчиняющими.

Предложенное здесь толкование сочинения и подчинения предложений нуждается в нескольких дополнениях и разъяснениях.

1) Обратимость или необратимость отношений, выражаемых союзами, зависит, конечно, только от значений самих союзов. Союзы, употребляющиеся между однородными членами, выражают, по самым значениям своим, как раз отношения обратимые (соединение, разделение и противопоставление), а все остальные союзы — отношения необратимые (причина и следствие, средство и цель, предшествование и последование и т. д., см. гл. XXVIII). Это различие могло бы быть вскрыто анализом самих значений без всякого экспериментирования (см. такой

анализ в предыдущем издании этой книги). Но тогда мы убедились бы только в существовании двух типов связей между предложениями, но не усмотрели бы, почему в одном из этих типов — подчинении — подчиненным должно считаться именно то предложение, которое включает в себя союз, а подчиняющим — то, в котором нет союза. Этот последний вывод может быть сделан только путем экспериментов (или наблюдений, по отношению к которым эксперимент играет роль интенсификации исследования и сбережения времени), обнаруживающих спаянность подчинительного союза с одним из соединяемых им предложений, что дает возможность провести аналогию между подчинением предложений и подчинением членов внутри предложения. Это тем более важно, что логически необратимость отношения сама по себе совсем не связана с преобладанием одного из соотносящихся над другим и, напр., в соотношении причины и следствия, средства и цели, предшествования и последования никак нельзя указать логического или хотя бы даже постоянного психологического преобладания одного из соотносящихся над другим. В одном случае нам важнее причина, в другом — следствие, в одном — средство (случай редкий, конечно), в другом — цель и т. д. Но предложение, обозначающее цель и начинающееся союзом «чтобы», всегда будет подчиненным (как раз вопреки обычной психологии), а предложение, обозначающее средство, всегда подчиняющим. Значит, наши эксперименты привели нас к выяснению подлинной грамматической природы сочинения и подчинения предложений, часто затемняемой буквальным пониманием терминов (особенно термина «главное предложение»).

2) Исследуя обратимость или необратимость отношения, выражаемого тем или иным союзом, надо все время помнить, что дело идет только о значении союза и ни о чем больше. Производя, напр., перестановку в сочетании «он пришел, и мы сели обедать», получаем полный сдвиг временно́го отношения: «мы сели обедать, и он пришел». Но дело в том, что союз «и» сам по себе совершенно не выражает отношения предшествования и последования (срвн. союзы «после того как», «прежде чем», «лишь только» и т. д.). Это отношение выражено здесь самым порядком предложений, и естественно, что, перевертывая порядок, мы перевертываем отношение. Союз же «и» тут не при чем: он всегда выражает

чистую идею соединения, т. е. отношение, само по себе всегда обратимое *.

3) Отличие подчиненных предложений от подчиняющих и от сочиненных, изложенное здесь, есть самое общее, равно свойственное всем видам подчинения. Но существуют еще специальные признаки подчинения, свойственные только отдельным видам его. Они будут отмечены в специальной главе о подчинении предложений (см. гл. XXVIII).

4) В ряде случаев союзы имеются при каждом из двух соединенных предложений, притом союзы не сочиненно-повторительного типа (т. е. не такие, как: **и** — **и**, ни — ни, либо — либо и т. д.). Эти случаи требуют особых разъяснений. Сюда принадлежат:

а) двойные союзы: если—то, так как—то, когда—то, коли—то, раз—то и т. д. (вообще условные, причинные и временные) и те же союзы с частицей «так» (тэк): если—так, когда—так и т. д. («если ты согласен, то поедем», «если ты согласен, так поедем» и т. д., другие примеры см. в гл. XXVIII). Так как отношения, выражаемые этими союзами, все необратимы («если ты согласен, то поедем» и «если поедем, то ты согласен», конечно, не одно и то же), то это, конечно, подчинение. Подчиненное предложение отличается здесь от починяющего: 1) обязательностью постановки той части союза, которая в нем, и необязательностью той части, которая в другом предложении («если ты согласен, поедем», части «то» и «так» всегда могут выпускаться), 2) обязательным предшествованием подчиненного предложения (порядок: «так поедем, если ты согласен!» относит первое предложение к предшествующему, а не к последующему, и двойного союза здесь нет, а только два отдельных союза: «так» и «если», о неполных сложных целых, начинающихся с союза «так» или «то», см. ниже). Случай этот легко объясняется из двусторонности, свойственной всякому необратимому отношению: там где есть причина, есть и следствие, где есть предшествование — есть последование и т. д. Одна из этих сторон обычно не выражается союзом (почему в подчиняющем предложении и не бывает его). В данном же случае обе стороны выражены

* Экспериментирование со всеми союзами и методологические подробности читатель может найти в нашей статье: «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?», «Родной язык в школе», 1926, 11—12.

союзами, но все же неравноправно: одна как основная (обязательность союза), другая как добавочная (необязательность его). Исторически же случай этот объясняется тем, что указательные местоимения «то» и «так», вообще характерные наряду со всеми другими указательными местоимениями для подчиняющих предложений особого типа (см. гл. XXVIII), здесь, очутившись в неподходящей для них синтаксической обстановке (срвн. «что посеешь, то и пожнешь», «как аукнется, так и откликнется»), потеряли свое значение и ударение и стали союзами (вернее, вторыми частями двойных союзов).

б) Двойные союзы: лишь только — как, едва — как, только что — как и т. д. (вообще ряд временны́х союзов со значением близкого следования одного факта за другим в первой части и внезапного следования тех же фактов друг за другом во 2-й части: «только что он вошел, как началась музыка», другие примеры см. в гл. XXVIII). Хотя вторая половина союза здесь так же необязательна, как и в предыдущей рубрике («только что он вошел, началась музыка»), однако истолкование этого случая встречает гораздо бо́льшие трудности. Там раздвоение союза шло по линии разделения на такие две части, которые выражали две стороны одного и того же отношения (условие и следствие и т. д.), причем одна из этих сторон обычно выражается в языке подчинительным союзом; здесь отношение временно́го последования выражено, собственно, обеими частями союза, а раздвоены только добавочные оттенки (близости этого последования и внезапности его). Это видно из того, что то же отношение может быть выражено и одной первой (прим. см. выше) и одной второй частью союза («крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь насел»), правда, при условии, чтобы соответствующий оттенку внезапности оттенок временно́й близости был выражен в предыдущем предложении другими средствами («не успел»). Получается своеобразное положение: отношение явно необратимое («только что он вошел, как началась музыка» не то, что: «только что началась музыка, как он вошел»), следовательно, предложения находятся между собой в отношении подчинения. Но решить, что чему подчинено, невозможно. Если бы мы решили, что подчиняющим предложением является предложение с «как» на том основании, что эта часть союза может выпускаться, а затем в сочетаниях с одним «как» определили бы то же

предложение с тем же союзом и в том же значении его, как подчиненное, то мы скользили бы по поверхности явления. Нам думается, что случаи эти (от которых, кстати сказать, надо резко отделить сочетания с обычным временны́м «как» в смысле «когда» без оттенка внезапности (см. пример из Пушкина на стр. 560) приходится поставить, собственно, вне подчинения и сочинения, как особый вид связи, при котором необратимое отношение выражено одновременно и однородно в обоих соотносящихся (то же и при одиночном «внезапном» «как», потому что предшествующее предложение здесь обязательно должно иметь свои «союзные» признаки, хотя бы только интонационные). Условно такое соединение предложений можно назвать «взаимным подчинением».

в) Сочетание уступительных союзов в первом предложении с противительными во втором: хотя — но, правда — но, несмотря на то что — все же и т. д. («хотя это и не так, но я не стану спорить»). Здесь мы имеем простое смешение оборотов, так называемую «контаминацию», объясняющуюся близостью уступительного и противительного значений *. Подчинение и сочинение здесь ясны, необычно только их сочетание в одной паре соотносящихся. Такие сочетания мы бы назвали подчинительно-сочинительными.

5) В некоторых случаях подчинительные союзы путем контаминации проникли и в положение между однородными членами слитного предложения: «... они требуют к себе вдумчивого и серьезного, потому что действенного и ответственного, отношения («Накануне», 1919, № 6, «Великий перелом» С. И. Карцевского), «молодой режиссер Евг. Петров пробует свои силы на труднейшем, потому что новом, мало испытанном в кино материале» («Правда» 1927 г., от 25/V, отдел «Кино»). Исключительный характер этих фактов (и притом не только со статистической точки зрения, но и с точки зрения самого восприятия нами их) настолько ясен, что было бы слепым педантизмом, с нашей точки зрения, опрокидывать на основании их нашу теорию подчинения и сочинения предложений. Для нас и здесь «исключение подтверждает правило» в том смысле, что всевозможные сдвиги в системе языка (обычные в каждом языке из-за

* Генетически обороты предшествующей рубрики тоже, по всей вероятности, являются контаминацией, но в настоящее время они сознаются, напротив, чрезвычайно цельно и взаимно-обусловленно.

присутствия в нем архаизмов и неологизмов) только подтверждают самоё систему. Всякий, кто захотел бы ввести в с е факты языка в систему, неизбежно пришел бы к отказу от самой системы.

Поскольку в образовании того или иного сложного целого участвует п о д ч и н е н и е предложений, в нем может образовываться та же с и с т е м а з а в и с и м о с т и отдельных предложений друг от друга, какую мы видели в словосочетаниях по отношению к отдельным словам. Поэтому и здесь также различают в к л ю ч е н и е предложений, напр.:

> ... теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут. (Пушк.)

и с о п о д ч и н е н и е их, напр.:

> Как только мы напились чаю, я стал просить отца, чтобы он показал мне ужение. (Акс.)

В первом примере все подчиненные предложения последовательно зависят друг от друга («так привыкла, ч т о и с места не тронусь»; «не тронусь, к а к придут нам сказать»; «сказать, ч т о злодеи около крепости рыщут»). Во втором примере 1-е и 3-е предложения одинаково зависят от среднего («к а к т о л ь к о напились чаю, стал просить», «стал просить, ч т о б ы показал ужение»).

Соподчинение предложений нередко соединяется с с о ч и н е н и е м соподчиненных предложений («знаю, что он занят, и что он не хочет выходить», «если ты свободен, и если чувствуешь расположение, приходи на прогулку»). Но это может быть только в том случае, если соподчиненные предложения находятся р я д о м и если они подчинены с помощью о д н и х и т е х ж е или, по крайней мере, б л и з к и х по значению союзов. Если еще и можно сказать: «я зашел к тебе, п о т о м у ч т о нужно поговорить об одном деле и ч т о б ы потом погулять с тобой», то уж никак нельзя сказать: «я зашел, потому что нужно поговорить и когда получил твое письмо». И это потому, что союзы «потому что» и «чтобы» гораздо ближе по значению друг к другу, чем «потому что» и «когда». Явление это вполне гармонирует с ролью сочинительных союзов в слитных предложениях. Очевидно, и там и тут они могут соединять только о д н о р о д н ы е элементы. Такое соподчинение следует отличать от соподчинения вообще. Мы будем его называть п а р а л л е л ь н ы м соподчинением.

При параллельном соподчинении нередко одно из соподчиненных предложений лишается своего союза, если он легко может сознаваться из соседнего предложения:

Коль в доме станут воровать,
а нет прилики вору,
то берегись клепать
или наказывать всех сплошь и без разбору... (Крыл.)

А лев-старик поздненько спохватился,
что львенок пустякам учился
и не добро он говорит... (Крыл.)

В первом примере опущен союз «коль» («коль в доме станут воровать, а коль нет прилики вору...»), во втором — союз «что» («... что львенок пустякам учился и что не добро он говорит»). Но так же часто встречается и повторение союза.

... все решили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. (Пушк.)

Он... лег на спину, прислушиваясь к тому, как благотворно действует лекарство, и как оно уничтожает боль. (Л. Толст.)

Соподчинение и включение предложений могут, конечно, встречаться в одном и том же сложном целом и переплетаться между собой всевозможными способами, как и соподчинение и включение отдельных членов внутри отдельного предложения.

При включении предложений получается ряд последовательно подчиненных друг другу предложений, начинающийся с абсолютно-независимого предложения (как и внутри предложения ход зависимости начинается с абсолютно-независимого члена, подлежащего или в особых случаях сказуемого). Это абсолютно-независимое предложение называется главным, а все остальные, прямо или косвенно от него зависящие, — придаточными, причем различают придаточные, зависящие непосредственно от главного,— придаточные первой степени, придаточные, зависящие от этих придаточных, — придаточные второй степени и т. д. Там, где имеются только два предложения, подчиняющее и подчиненное, применяются те же термины — «главное» и «придаточное».

Мы уже знаем, что кроме союзов и союзных слов существует еще одно средство соединения предложения в сложные целые — «союзные паузы», основным признаком которых мы признали интонацию (см. стр. 524—525). Является вопрос: можно ли и при отсутствии союза, когда связь выражена только инто-

нацией, различать подчинение и сочинение? Здесь все зависит от того, насколько значение той или иной интонации тождественно со значением той или иной группы союзов. В случае тождества мы можем смотреть на такую интонацию как на грамматический показатель отношения между предложениями и различать по значениям интонаций и по их аналогии с союзами те же две рубрики сочинения и подчинения. Фактически в языке имеется ряд интонаций, абсолютно тождественных с отдельными группами союзов. Сюда относятся:

1) Объяснительная интонация, напр.:

Сержусь-то я на самого себя: сам кругом виноват. (Тург.)

Эта интонация совершенно тождественна по значению с причинными союзами («потому что», «так как» и т. д.) и является, в сущности, их заместительницей. При вставке союза она бледнеет и может даже совсем сходить на-нет.

2) Предупредительная интонация, напр.:

Я это сделаю так: выкопаю подле самого камня большую яму, землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землей. (Л. Толст.)

Эта интонация тождественна по значению с частью пояснительной группы союзов (см. гл. XXVIII), именно с союзами «именно» и «как-то» (употребляющимися перед перечислением).

Обе указанные интонации, конечно подчинительные, и отношение, выражаемое ими, необратимо. Но решить, какое предложение какому подчиняется, здесь можно только путем предположительной вставки союза, так как интонация не такой показатель, который локализуется в определенных пунктах; каждая интонационная фигура обтекает обычно всё сложное целое. Стало быть здесь то предложение, при котором мог бы стоять союз, приходится считать подчиненным, а другое — подчиняющим.

3) Интонация перечисления, напр.:

Проходил апрель, прошел май, отцветали черемуха, сирени, ландыши, отпели в зарослях, под усадьбою, соловьи. (Б. Пильняк.)

Интонация эта та же, что и в слитных предложениях, и тождественна по значению с соединительными союзами. Здесь, стало быть, мы имеем несомненное бессоюзное сочинение.

Указанные до сих пор интонации не оставляли ни малейшего сомнения в аналогичности их определенным группам союзов. Но бывает и иначе. Интонация, напр., простого повышения голоса встречается и в соответствии с подчинительными союзами («назвался груздем — полезай в кузов», обычно приравнивается к условному союзу: если назвался груздем и т. д.) и в соответствии с сочинительными, именно противительными («семь раз примерь — один отрежь», «собака лает, ветер носит»). Есть ли между теми и другими случаями какая-нибудь интонационная разница, сказать пока затруднительно. Кажется, при противоположении ударения располагаются несколько иначе, так как противополагаются обычно слова попарно (семь — один, примерь — отрежь, собака — ветер, лает — носит), так что каждое из предложений имеет по два ударения («семь раз примерь...» и т. д.), тогда как в условных сочетаниях действует обычная норма: по ударению на предложение («назвался груздем, полезай в кузов»). Возможно, что и повышение голоса в условных сочетаниях при полной выразительности произнесения больше, чем при противоположении. Но во всяком случае разбить эти сочетания при современном состоянии вопроса на сочиненные и подчиненные было бы рискованно, и мы предпочитаем отнести их к недиференцированным в этом отношении сложным целым.

Все это — о бессоюзном соединении предложений. Но интонация, конечно, имеется всегда, имеется она и при союзах, и притом с союзным значением. Здесь надо отметить возможность раздвоения показаний со стороны союза и со стороны интонации, пример чему мы уже видели на стр. 529 (в выноске). Интонация может выражать, напр., причинную (т. е. подчинительную) связь, в то время как союз выражает простое соединение (т. е. сочинительную связь): «становилось жарко, **и** я поспешил домой», Лерм. (предполагаем восходящее интонирование первого предложения, хотя оно, конечно, не обязательно), может выражать сопроводительную связь при том же союзе «и» («он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким...» Тург., по интонации = в то время как он пел...), противительную связь при том же союзе («... я одинаково о них забочусь — и одинаково истребляю», Тург.) и т. д. Это, конечно, лишь частный случай общего и постоянного расхождения

в языке интонационных средств с чисто-грамматическими (см. стр. 53 и след.). Так как в основу понятия подчинения и сочинения предложений мы кладем различие в значении и употреблении союзов, то, конечно, эти случаи мы будем квалифицировать по союзам, а не по интонации. Только при отсутствии союза мы принуждены ориентироваться на вспомогательные интонационные признаки.

При анализе понятия сложного целого, мы видели, что с помощью союзов могут соединяться между собой не только предложения, как части сложных целых, но и сами сложные целые. Это бывает, когда союзу предшествует разделительная интонация (см. стр. 523). Здесь мы должны отметить, что это бывает не только перед сочинительными союзами (самый обычный случай, пример см. там же), но и перед подчинительными, напр.:

А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора, наконец, дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается в устах слово «добродетельный человек», потому что обратили в лошадь добродетельного человека... (Гог.)

Вот глупая баба! Так она и ружье туда же повесила! (Гог.)

В первом из этих примеров сложное целое начинается прямо с придаточного предложения, для которого в его составе нет главного, во втором — прямо с главного предложения (союз «так» считаем второй частью двойных союзов «если — так», «когда — так» и т. д., из которых первая часть бывает всегда в придаточном, а вторая в главном), для которого в его составе нет придаточного. Явление это должно напомнить нам неполные предложения. Мы видели, что там бывают подчиненные члены без подчиняющих («спокойной ночи!», «с удовольствием!» и т. д.) и подчиняющие без подчиненных («пришел, увидел, победил», «приди и возьми!» и т. д.). То же встречаем мы и здесь, и такие обрывки мы должны, очевидно, квалифицировать как неполные сложные целые. Причины неполноты здесь, конечно, те же, что и там (см. стр. 456), и так же, как и там, возможна неполнота случайная, восполняемая контекстом (первый пример), и неполнота типическая, характерная для такого-то союза с таким-то значением (второй пример). Примером на неполноту 2-го рода кроме союза «так» (очень частого в таком положении.

особенно в разговорной речи) может служить еще союз «чтобы», начинающий собой огромное число проклятий, ругательств и приказаний («Чтоб ты лопнул!», «Чтоб его на том свете черти загрызли!», «Чтоб у меня живо, в один момент, слышишь?» и т. д.) и союз «если бы», начинающий собой всевозможные пожелания («Если бы только он был жив!», «Ах, если бы вы видели мой тюрлюрлю атласный!», Гриб., «О если б мог в свои объятья я вас, враги, друзья и братья, и всю природу заключить!», А. Толст.). Как литературный прием, можно отметить неполные сложные целые с союзом «как» в начале эпических произведений («Как ныне сбирается вещий Олег»). В разговорной речи, понятно, и эта неполнота так же часта, как и неполнота предложений, особенно в ответных предложениях («Что ты еще от него слышал? — Что он скоро приедет» и т. д.). В отличие от всех этих случаев разделительная пауза перед сочинительным союзом не может создавать неполноты в том смысле, в каком это понятие установлено для предложений. Самое большее, если мы можем тут говорить об особого рода неопределенной неполноте, считаясь с тем, что и сочинительный союз все же отсылает нашу мысль к чему-то предыдущему.

Как все простое древнее сложного, так и сочинение древнее подчинения. Это видно уже из того, что подчинительные союзы почти все довольно ясно обнаруживают свое происхождение, а сочинительные принадлежат к так называемым «первообразным». Сказывается это также и на преобладании сочинения над подчинением в древней и народной речи. При переводе с древних языков на современные все время приходится заменять сочинение подчинением (срвн. древне-русские сочетания.: «Володимиръ умерль есть, **а** воротися, брате...» = современному: «Владимир умер, **так** воротись, брат», «аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнет не мочи, **а** трижды, а того не забывайте» = «сколько можете, кладите поклоны, а если уже разболеетесь, то **хоть** трижды, а не забывайте этого», «възлелѣй... мою ладу ко мнѣ, **а** быхъ не сълала къ нему слезъ на море рано» = принеси, лелея... моего милого ко мне, **чтобы** не слала к нему слез на море рано» и т. д.). Срвн. также разговорную речь у Писемского: «Раз через реку переезжали, так он все кричал, точно слепая старуха у нас: «та, вон, лошади дышлом в избу толкнули, а **она** думает, что гром...» («Ипохондрик», вместо «когда лошади...»). Процесс вытеснения сочинения подчинением есть опять-таки один из частных случаев общего процесса развития синтаксической перспективы, о которой мы говорили на стр. 288. Только здесь перспективное соотношение создается не между отдельными словами, а между целыми предложениями. Бессоюзие в свою очередь, по всей вероятности, древнее и сочинения и подчинения. В древней, народной и обиходной речи мы на каждом шагу находим

бессоюзные сочетания предложений там, где современная чисто-литературная речь повелительно требует союзов. Вот несколько примеров такого бессоюзия из разговорной речи и драматических произведений:

«Был там один, тоже старый товарищ, лет двадцать мы с ним не видались, учителишка жалкий, Корпелов...» (Островск., от автора было бы, по всей вероятности: «с которым лет двадцать мы не видались».)

«Умру, не скажу». (Островск., = хоть умру, а не скажу.)

А на поле как хорошо ‿ мы были!

Дайте-ка мне матерью ‿ я тут оставил.

А вот рыба, которая недосолена, ее соль нехорошо взяла, она жирная — обязательно червячок заведется.

Почему ты уходишь ‿ не закрываешь электричество? (Последние 4 примера — дословная запись, дужка обозначает полное отсутствие не только паузы, но и какого-либо ритмического раздела).

В данном случае эволюция языка идет в сторону большей грамматической диференциации вообще, будь то диференциация сочинительная или подчинительная.

XXVII. СОЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

А. Сочинение в сложном целом.

Все употребляющиеся здесь союзы уже приведены были в отделе о слитном предложении. Поэтому здесь мы ограничимся только несколькими литературными примерами:

> Земля освежилась, **и** буря промчалась... (Пушк.)
>
> **Ни** солнца мне не виден свет,
> **ни** для корней моих простора нет. (Крыл.)

Я там чуть не умер с голода, **да** еще вдобавок меня хотели утопить. (Лерм.)

А я терпеть шуток от ваших холопов не намерен, **да и** от вас их не стерплю... (Пушк.)

> Жаль братца, **да** лететь охота велика. (Крыл.)
>
> **Или** не знал, **или** забыл,
> как ненавидел и любил? (Лерм.)

... может быть и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента, **али** воскресну, чтоб увидать его... (Дост.)

> **То** холодно, **то** очень жарко,
> **то** солнце спрячется, **то** светит слишком ярко... (Крыл.)
>
> Язык мой немеет, и взор мой угас,
> **но** слово мое все едино... (А. Толст.)
>
> Не много слов доходит до меня,
> **а** прочее погибло невозвратно. (Пушк.)
>
> На острове том есть могила,
> **а** в ней император зарыт. (Лерм.)
>
> Волхвы не боятся могучих владык,
> **а** княжеский дар им не нужен. (Пушк.)

Основная функция союзов и основные оттенки в значениях («соединение», «разделение», «противление») здесь те же, что и в слитном предложении. На первый взгляд может показаться, что роль союза здесь проще, потому что он только соединяет здесь известные элементы речи (предложения), тогда как там он, соединяя, подчинял их одному и тому же третьему. Но не надо забывать, что предложение есть по большей части продукт *соединения* подлежащего и сказуемого. Таким образом союз и здесь соединяет два «соединения», создает параллельность *двух* синтаксических связей. Так, соединительный союз показывает, что подлежащее одного предложения так же соединимо со своим сказуемым, как подлежащее другого предложения с его сказуемым;

разделительный союз показывает, что подлежащее одного предложения так же могло бы соединиться со своим сказуемым, как подлежащее другого с его сказуемым, но что фактически, в каждый отдельный момент, возможна лишь одна из этих связей; наконец, противительный союз показывает, что обе пары представлений одинаково соединимы, несмотря на противоречие между одним соединением и другим. Что касается специальных оттенков отдельных союзов, то здесь имеется уже иногда значительная разница между употреблением союза в слитном предложении и в сложном целом. Но, понятно, опустив эти оттенки там, мы должны были опустить их и здесь (хотя, отчасти, и имели их в виду при подборе примеров).

При двух или нескольких сказуемых, объединенных одним подлежащим, получается, согласно нашему определению предложения (см. стр. 210—211), несколько предложений, но нужно заметить, что при сочинении (а это чаще всего бывает именно при нем) такие сложные целые часто образуют чрезвычайно цельные группы, стоящие как бы на границе между слитным предложением и сложным целым: «он пришел и сказал», «приди и возьми!», «лежит и храпит», «любит не любит», «светит да не греет» и т. д. Интонационно они, в случае отсутствия второстепенных членов, образуют обычно одну простую фразу. Если при глаголах есть зависимые члены, то степень цельности зависит, главным образом, от двух факторов: 1) от того, объединяются ли глаголы сверх подлежащего еще и этими зависимыми членами, или нет, или даже разъединяются ими и 2) где помещается в первом из этих случаев этот объединяющий член, перед обоими глаголами, или после них. Так, сочетание: «а Васька слушает повара, да ест» менее цельно, чем: «а Васька слушает да ест», сочетания: «Я люблю отца, и ненавижу его идеалы» или: «Я люблю отца, и преклоняюсь перед ним» еще менее цельны (во втором случае важна также разность управляемых падежей), сочетание: «Он туда поехал, и вернулся» менее цельно, чем «Я вчера ехал и думал...» (в первом случае наречие относится к одному первому глаголу, во втором — к обоим). С другой стороны, «Я читаю и перечитываю Пушкина» более цельно, чем: «Я читаю Пушкина, и перечитываю». Важно также соотношение времен («пришел, и говорит» менее цельно, чем «пришел и сказал»), соотношение вещественных значений («люблю и уважаю» более цельно, чем «люблю, и поддерживаю»), значение союза («хожу и думаю» цельнее, чем «хожу, или думаю»), степень распространенности того или другого предложения или обоих их и т. д. Вообще от полной цельности до полной расчлененности, ничем не уступающей расчлененности предложений с разными подлежащими, здесь имеется гамма фактов со всеми переходными ступенями.

Б. Сочинение после разделительной паузы.

Здесь следует различать два случая:

1) Все сочинительные союзы сложного целого могут употребляться и после разделительной паузы, напр.:

Как дымные очерки туч на алом разливе заката, плывут и плывут предо мной далекие тени былого... **И** вспомнил я детство мое, — мое одинокое детство... (Надс.)

Таким образом тайна была сохранена более, чем полудюжиною заговорщиков. **Но** Марья Гавриловна сама, в беспрестанном бреду, высказывала свою тайну... (Пушк.)

Проклятый сон!.. **А** все перед лампадой
старик сидит и пишет... (Пушк.)

Чему ты усмехаешься?.. **Или** ты не веришь, что я великий государь? (Пушк.)

Он похож был на человека, долгое время подчинявшегося и натерпевшегося, но который бы вдруг вскочил и захотел заявить себя. **Или,** еще лучше, на человека, которому ужасно бы хотелось вас ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. (Дост.)

2) Есть в языке немало слов, приобретших союзный оттенок сравнительно недавно и сбивающихся еще то на наречие, то на вводное слово. Обладая еще малой, так сказать, союзной силой, они не могут сливать соединяемых предложений в нечто целое и потому употребляются преимущественно после паузы, хотя в отдельных случаях могут создавать и сложные целые. Таковы: тоже, также, однако, однакоже, тем не менее, между тем, при этом, притом, притом же, при всем том, со всем тем, за всем тем, затем, потом, к тому же, вместе с тем, все-таки, все же, все, а то, не то, зато, и то, и так, разве и т. д.

Тоже:

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. (Л. Толст.) *.

Также:

Любил он также тешить вечный свой досуг чурком, бабками, свайкой и городками... (Гр. Сологуб.)

Однако:

Сам хозяин однако смотрел на убранство своего кабинета так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «кто сюда натащил и наставил это?» (Гонч.)

Однако же:

Чичиков прошмыгнул мимо мазурки... прямо к тому месту, где сидела губернаторша с дочкой. Однако ж он подступил к ним очень робко... (Гоголь.)

* Ради сбережения места мы часто не приводим того, что стоит перед паузой. Но это и не нужно, так как по принятой в книге системе отсутствие многоточия перед примером удостоверяет, что он взят после раздел. паузы.

Тем не менее:

Тем не менее старый князь очень ими интересовался и особенно любил одного из этих князей... (Дост.)

Между тем:

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу... (Лерм.)

Галоп, мазурка, вальс... Меж тем,
между двух теток у колонны,
незамечаема никем,
Татьяна смотрит... (Пушк.)

При этом:

При этом замечу, что Макар Иванович был настолько остроумен... (Дост.)

Притом:

Он тоже был очень смирен; но его любили. Притом его — как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде... окружал в наших глазах ореол. (Тург.)

Притом же:

... Надо правду сказать, я сам чувствовал сильнейшее к ней расположение. Притом же и все семейство мне нравилось. (Тург.)

При всем том:

При всем том он однакож не мог скрыть своей радости... (Гог.)

Со всем тем:

Со всем тем что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось в ней даже в минуты ее кажущегося торжества... (Тург.)

Затем:

В ней все же были мягкие красные диваны... кой-какие ковры, несколько стульев и ненужных столиков. Затем направо находилась комната Версилова... (Дост.)

Потом:

... слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно. Потом, в продолжение некоторого времени, пустился на другие спекуляции... (Гог.)

К тому же:

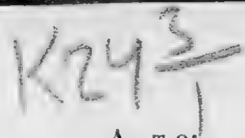
Без фактов чувств не опишешь. К тому же обо всем этом слишком довольно будет на своем месте... (Дост.)

Все же:

... серединная комната, или гостиная, была у нас довольно большая и почти приличная. В ней все же были мягкие красные диваны... (Дост.)

Все:

Бессонница. Все поясница болит... (Гог.)

А т о:

Ну-с, признаюсь, вы меня теперь несколько ободрили, — усмехнулся Миусов... — А т о я думал, что все это серьезно... (Дост.)

Н е т о:

Отдай кольцо и ступай... Н е т о я с тобой сделаю, чего ты не ожидаешь. (Пушк.)

З а т о:

Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? З а т о вы в бога не веруете... (Гог.)

И т о:

«Плохо! — подумал Вронский, поднимая верх коляски. — И т о грязно было, а теперь совсем болото будет». (Л. Толст.)

И т а к (не смешив. с заключительным «итак» и с «и + так»):

У ж и т а к мои дни были днями потерь... (Никит.)

Р а з в е:

Василий Никитич, вероятно, до сих пор юродствует: железное здоровье подобных людей поистине изумительно. Р а з в е падучая его сломила. (Тург.)

Все эти слова могут играть и вспомогательную союзную роль, присоединяясь к союзам первого рода (а все-таки, **и** тем не менее, а между тем, **но** зато, **и** зато и т. д.), и в этих случаях они, конечно, могут связывать части сложного целого.

XXVIII. **ПОДЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.**

A. **Подчинение в сложном целом.**

1. Подчинение посредством союзов.

Все подчинительные союзы сложного предложения можно разбить по значению на следующие девять разрядов.

а) Союзы причинные: **так как, как** (устаревшее в этом смысле), **потому что, затем что** (старeющее), **оттого что, вследствие того что, в силу того что и т. д.**

Так как:

Но так как все же он был человек военный, стало быть, не знал всех тонкостей гражданских проделок, то, через несколько времени... втерлись к нему в милость другие чиновники... (Гог.)

Как:

И как уголок их был почти не проезжий, то и неоткуда было почерпать известия о том, что делается на белом свете. (Гонч.)

Потому что:

В этом, казалось, и заключалась главная цель связей его со старым повытчиком, потому что тут же сундук свой он отправил секретно домой... (Гог.)

Затем что:

И снова я с людьми, — затем, что я поэт,
затем, что молнии сверкали. (Брюс., запятую, по крайней мере во втором стихе, считаем чисто-орфографической.)

Союзы «потому что», «затем что», «оттого что», «вследствие того что» и т. д. образовались из слияния полного члена главного предложения («потому», «затем», «оттого», «вследствие того» и т. д.) с союзом «что» придаточного предложения. Это слияние не во всех этих союзах зашло одинаково далеко, и ни в одном из них еще не закончилось (срвн. «так как», где слияние вполне закончено, потому что «сделал так, как велели» уже не может иметь причинного смысла). Поэтому составные части этих союзов встречаются еще и в разрозненном (т. е. первоначальном) виде, напр.:

Разумеется, если хотите, оно приятно; только все же потому, что сердце бьется сильнее... (Лерм.)

... А вора он затем не устерег,
что хлебы печь сбирался. (Крыл.)

Это происходило о т т о г о, ч т о каждый день выбрасывалось из войска все то, что начинало унывать или слабеть. (Л. Толст.)

Если при этом обе составные части находятся рядом, то все дело только в том, в каком пункте приходится м а к с и м у м в ы с о т ы г о л о с а и м а к с и м у м у д а р е н и я (т. е. выдыхательной силы), что и определяет место ритмического раздела, т. е. с л а б е й ш е г о в выдыхательном отношении момента, обозначаемого на письме запятой (срвн.: «я не п р и ш е л, потому что был болен», и: «я не пришел п о т о м у, что был болен»). Настоящей паузы здесь, как и вообще в сложном целом при наличии союза, почти никогда не бывает. Реже всего разбивается подобным образом союз «потому что» как наиболее цельный в этой группе; «оттого что» встречается, кажется, одинаково часто и в целом в разрозненном виде, а «вследствие того что», «в силу того что» и т. д. почти всегда разрознены, так как это еще только з а р о ж д а ю щ и е с я союзы.

б) Союзы ц е л и: **чтобы** (также: д л я т о г о ч т о б ы, с т е м ч т о б ы, з а т е м ч т о б ы, почти всегда, впрочем, разрозненные) и устаревшее **дабы**.

Ч т о б ы:

Лежит на нем камень тяжелый,
ч т о б встать он из гроба не мог. (Лерм.)

Я пригласил вас, господа, с т е м, ч т о б ы сообщить вам пренеприятное известие... (Гог.)

Но не всегда это значение цели так полно и ярко выражено в этом союзе, как в приведенных примерах. Дело в том, что союз «чтобы» образовался из союза «что» и частицы «бы», которая раньше примыкала к глаголу (в инфинитивных предложениях опущенному) и образовывала с ним составную форму сослагательного наклонения. Таким образом «ч т о б встать он из гроба не мог» восходит схематически к: «ч т о встать он из гроба не мог б ы», «ч т о б ы сообщить вам пренеприятное известие» к: «ч т о сообщить б ы вам пренеприятное известие». Так как союз «что» сам по себе и з ъ я с н и т е л ь н ы й (см. дальше рубрику «г») и к сослагательному наклонению никакого отношения не имеет, то здесь произошло не только внешнее, но и в н у т р е н н е е слияние д в у х о т т е н к о в: оттенка союза «что» и оттенка сослагательного наклонения. Там, где это слияние проявляется полностью, т. е. где и союз «что» и сослагательное наклонение по условиям контекста неуместны, там мы и имеем настоящий союз

цели. Там же, где это слияние еще не закончилось, просвечивают, несмотря на внешнюю цельность, бывший союз «что» и бывшее сослагательное наклонение. А так как сослагательное наклонение получает в связи различные оттенки значения (см. стр. 241), то мы и имеем здесь на месте цели то «изъяснение + желание»:

Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее! (Гог.)

то «изъяснение + увещание»:

Скажите, господа, сделайте милость, чтобы Петр Иванович не мешал! (Гог.)

то «изъяснение + долженствование»:

Дело состояло только в том, чтобы переменить... кое-где глаголы из первого лица в третье. (Гог.)

то «изъяснение + возможность»:

... ни одной попойки,.. не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась между гостями. (Тург.)

Впрочем, в последнем случае значение союза «что» настолько преобладает над значением сослагательного наклонения, что здесь мы видим особое изъяснительное «чтобы» (см. рубрику «г»). Напротив, все остальные оттенки могли бы более или менее примкнуть к значению цели и не нуждаются в отдельных рубриках. Тем же происхождением союза объясняется и то, что он сочетается с прошедшим временем («чтобы пошел», «чтобы сделал»), тогда как по его значению к нему пристало бы скорее будущее время (ведь цель — впереди). Это прошедшее никогда не было здесь прошедшим, а было составной частью сослагательного наклонения. В настоящее время оно сливается с союзом в одну составную форму подчинительного наклонения (наподобие французского subjonctif'а), так что в этих предложениях кроме общих признаков подчинения, рассмотренных в XXVI гл., имеется и специальный признак в формах сказуемости подчиненного предложения.

Дабы:

По окончании трудов Петр вынул карманную книжку, дабы справиться, всё ли исполнено. (Пушк.)

в) Союзы следствия: **так что** (также: до того что, настолько что, почти всегда, впрочем, разрозненные).

Так что:

Один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать. (Гог.)

и в разрозненном виде:

У каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. (Гог.)

Комбинацию цели и следствия представляет союзное сочетание так чтобы, большей частью еще разрозненное:

Не угощай... никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали. (Гог.)

До того что:

... и до того мне стало вдруг стыдно, что буквально слезы потекли по щекам моим. (Дост.)

г) Союзы изъяснительные: **что, чтобы, будто, будто бы.**

Что:

Надобно заметить, что учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения. (Гог.)

Талант его был известен повсеместно, и это уже не в первый раз, что он являлся в провинции защищать громкие уголовные дела. (Дост.)

Союз этот в настоящее время есть употребительнейший подчинительный союз русского языка и особенно его разговорно-литературного наречия, где он потерял, в сущности, всякое специальное значение и обозначает только подчиненность одного предложения другому, подобно тому как союз «и» в области сочинения обозначает только сочиненность (срвн.: «а что он не приехал во-время, так это потому, что за ним не прислали», «а что у тебя денег нет, так вольно ж тебе мотать», где «что» указывает только на то, что данная мысль уже известна говорящим).

Чтобы:

Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. (Гог.)

Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою. (Гог.)

Союз этот в таком значении возможен только после отрицательного (по форме или по смыслу) подчиняющего предложения, потому что при отсутствии отрицания он может иметь только те значения, которые указаны в рубр. «а». Так, в сочет.: «он говорил, чтобы это было так» союз может иметь зна-

чение или желания, или увещания, или цели, но ни в каком случае не изъяснения, как при отрицании («он не говорил, чтобы это было так», в смысле «не утверждал этого»), где поэтому и получается одним возможным значением более.

Сюда же относятся и союзные сочетания: «без того чтобы», «не без того чтобы», «вместо того чтобы» (большей частью, впрочем, разрозненные):

... ни одной попойки не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями... (Тург.)

Зеркала, вместо того чтобы отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них по пыли каких-нибудь заметок. (Гонч.)

Будто:

Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами многих поклонников. (Лерм.)

Союз этот вводит мысль, которую говорящий не признает своей, тогда как в союзе «что», когда он стоит после глаголов говорения и думания, мысль говорящего и мысль того лица, чьи слова и мысли передаются, не разграничены.

Будто бы:

... сказала злодеям, будто бы я ее племянница. (Пушк.)

Значение этого союза определяется происхождением его из «будто + бы», так что в нем заключается уже не простое указание на то, что мысль не принадлежит говорящему (значение союза «будто»), но и прямое сомнение в осуществимости мысли (значение частицы «бы»). Оба последние союза могут употребляться и как вводные слова, и в этой своей роли они даже совместимы с союзом «что» («он говорит, что ему, будто бы, не давали там есть»). Кроме того они могут употребляться и как сравнительные союзы (см. рубр. «з»).

Изъяснительные союзы являются в русском языке главным и почти единственным грамматическим средством для выражения так называемой «косвенной речи». Так называется в синтаксисе чья-либо речь, переданная не слово в слово, а только по содержанию. В отличие от нее речь, переданная слово в слово, называется прямой речью. Кроме изъяснительных союзов русский язык применяет для отличия прямой речи от косвенной только необходимую мену место-

имений и личных форм глагола («он сказал, что о н придет» — «он сказал: «я приду»). Во многих других языках косвенная речь синтаксически резко отличается от прямой (специальное употребление времен, наклонений, союзов, личных слов), так что в них существует специальный и очень сложный ш а б л о н косвенной передачи речи, и в синтаксисе таких языков изучение этого шаблона занимает очень важное место. Соответственно этому косвенная передача речи, как всякий законченный синтаксический шаблон, очень употребительна в тех языках. У римских писателей, напр., огромные речи ораторов, полководцев, дипломатов передавались очень часто не прямо, а к о с в е н н о. В нашем же языке даже те единственные признаки косвенной речи, о которых мы только что сказали, очень часто не выдерживаются, так что косвенная речь смешивается с прямой. Осип, напр., говорит в «Ревизоре»:

Трактирщик сказал, ч т о не дам в а м есть, пока не заплатите за старое.

Здесь союз «что» составляет признак косвенной речи, а формы глагола и личное слово взяты из прямой (в косвенной было бы: «что не д а с т н а м есть, пока не з а п л а т и м за старое»). Такое смешение встречается не только у простолюдинов. По нашим наблюдениям внесение союза «что» в прямую речь после глаголов говорения и однородных с ними составляет п р а в и л о для нашего разговорно-литературного языка («звонит, ч т о а х не можете ли приехать... я больна»). Встречается оно и в собственно-литературной речи, хотя, правда, преимущественно в низших областях ее — в газетном языке (статс-секретарь Коковцов заявляет, ч т о как ни относиться к русскому правительству и его деятелям, но грабежом мы не занимаемся, «Русск. вед.», 1919, № 284, «Стоит, однако, обратить внимание, что сами наши противники чаще всего пользуются такой формулой для объяснения своих успехов: их тайна, говорят они, — в том заключается, что все необходимое для борьбы мы, немцы, делаем научно», «Русск. вед.» 1916, № 8, передов., «они» и «мы» одинаково относится к немцам, «Несомненно, нельзя не принять во внимание голос москвичей о том, ч т о, к а к ж е реквизировать учебные заведения, когда функционируют кинематографы, рестораны и пр.», «Русск. вед.», 1915, № 246, «Беседа с А. К. Рачинским», «... ответил, ч т о п у с т ь б ы лучше ходила в симфонические...» Б. Зайцев, «Дальний край»). Объясняется это именно тем,

что у нас не выработаны формы косвенной речи. Стоит только попробовать передать мало-мальски распространенную прямую речь косвенно («осел, уставясь в землю лбом, говорит, что изрядно, что сказать не ложно, его без скуки слушать можно, но что жаль, что он не знаком с их петухом, что он еще бы больше навострился, когда бы у него немного поучился»), чтобы убедиться, что косвенная передача речи русскому языку не свойственна. Вот почему мы и соскакиваем постоянно с косвенной речи на привычную нам прямую. И это касается не только личных форм глагола и личных и вопросительных местоимений, но и времен глагола. Именно, в косвенной речи мы употребляем всегда те же времена, что и в соответствующей прямой, хотя бы они к ней и не подходили. Так, в сочетании: «он говорил, что уезжает без копейки» настоящее время идет из прямой речи, где оно, конечно, необходимо (он говорил: «Я уезжаю без копейки»). При этом такое перенесение времен из одних синтаксических условий в другие распространилось и на все смежные с косвенной речью случаи, т. е. на передачу чьих-либо мыслей, чувств, расчетов, ожиданий, опасений и т. д., словом, всего, что связано у человека с речью (срви.: «он видел, что дело затягивается», «он был огорчен, что брат не приезжает»). Во всех этих случаях прошедшее в придаточном выражало бы мысль автора, для передачи же мысли говорящего лица необходимо настоящее время. Это наша «русская последовательность времен» в косвенной речи (сводящаяся, впрочем, скорее к непоследовательности). В художественных произведениях последовательное проведение этой смены времен на значительных отрезках текста образует уже особый стилистический прием, служащий для обрисовки внутренних переживаний описываемого лица и в точности соответствующий приему «пережитой речи» (erlebte Rede) западных беллетристов, у которых тот же эффект достигается последовательным проведением косвенных наклонений.

Кроме указанных средств косвенной передачи речи существуют еще у нас специальные вводные слова: «говорят», «мол», «де», «дескать». Но первое слово применимо только тогда, когда не хотят или не могут назвать говорящего, а остальные употре-

бляются и в прямой речи, что опять-таки указывает на смешение обоих типов. Вот примеры на употребление этих слов в косвенной речи:

Она заметила, что мы оба де слишком молоды. (Пушк.)

А потому из предосторожности.., сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что де в человеке не уверен.. (Гог.)

... в уме старика гнездилось одно тяжелое убеждение... что все-де как-то странно стали смотреть на него... (Дост.)

А вот в прямой:

Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут, кот Васька вор,
и Ваську де не только что в поварню,
пускать не надо и на двор... (Крыл.)

Вы де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы де, говорит, этаких шаромыжников и подлецов видали. (Гог.)

... говорит, что, мол, вам, ребятки, домой таскаться... (Тург.)

Все это показывает, что разграничение прямой и косвенной речи находится у нас на самой ранней стадии развития.

д) Союзы пояснительные: **то есть, не то что, не то чтобы, именно, как-то.**

То есть:

Я начинаю, то есть я хотел бы начать мои записки с девятнадцатого сентября прошлого года, то есть ровно с того дня... (Дост.)

Не то что:

Она не то что управляла, но по соседству надзирала за имением Версилова... (Дост.)

Не то чтобы:

Он не то чтобы был начетчик или грамотей... не то чтобы был вроде, так сказать, дворового резонера, он просто был характера упрямого... (Дост.)

Именно:

Потом, в продолжение некоторого времени пустился в другие спекуляции, именно вот какие... (Гог.)

Как то:

Все породы дерев смолистых, как то: сосна, ель, пихта и проч., называются красным лесом. (Акс.)

е) Союзы условные: **если, если бы, добро бы, кабы, ежели, коли, ли, когда** (редко в этом смысле), **раз, коль скоро, как скоро.**

Если:

Вид кабинета, если осмотреть там все повнимательнее, поражал... запущенностью и небрежностью. (Гонч.)

Если бы:

... если бы Чичиков встретил его так принаряженного где-нибудь у церковных дверей, то дал бы ему медный грош... (Гог.)

Добро бы (с уступительным оттенком):

Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому... (Лерм.)

Кабы:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
кабы знать могли они, что творилось с Гришею. (Некр.)

Ежели, ежели бы:

Впрочем, ежели Ильич думал, что он совершенно похож на богатого дворника, то он заблуждался. (Л. Толст., у которого «ежели» вообще гораздо чаще, чем «если».)

Да, — начал он, — ежели бы я слышал хоть раз с тех пор, как я в этом аду, хоть одно слово участия, совета, дружбы. (Л. Толст.)

Коли (коль), коли бы:

Коль до когтей у них дойдет,
то верно льву не быть живому... (Крыл.)

Коль любить, так без рассудку,
коль грозить, так не на шутку,
коли спорить, так уж смело... (А. Толст.)

Ли (собственно, вопросительная частица, приобретающая при полной потере вопросительного смысла союзное значение, частью подчинительное, частью, при повторении и тесном соседстве, соподчинительное):

Ты спишь ли — гитарой
тебя разбужу,
проснется ли старый,
мечом уложу. (Пушк.)

Придут ли коровы с поля, старик первый позаботится, чтобы их напоили; увидит ли из окна, что дворняжка преследует курицу, тотчас примет строгие меры... (Гонч.)

Когда, когда бы:

Когда светлейший волк позволит,
осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
шагов я на сто пью... (Крыл.)

Когда бы я не снял с тебя узды,
упразил бы наверно я тобою... (Крыл.)

Союзы «если бы», «когда бы» и т. д. произошли, конечно, из слияния тех слов, на которые указывает их орфография («если + бы», «когда + бы»). И слияние это в них еще не настолько закончилось, как в союзе «чтобы». Изредка встречаются составные части этих союзов и в разрозненном виде:

И е с л и курган твой высокий
сравнялся б ы с полем пустым,
то слава, разнесшись далеко,
была бы курганом твоим. (А. Толст.)

Е с л и поклонение Патти было б ы известно только в кругу лиц, близких к нему, то беда была бы невелика. («Русск. Мысль», 1913, V, В. С. Серова.)

В последнее время (лет 30—40) чрезвычайно распространилось употребление союза «если — то» не в условном, а в с о п о с т а в и т е л ь н о м смысле: «если фтор и хлор являются газами, то бром при обычной температуре образует уже жидкость, а йод — твердое тело», «если тихий, однотонный голос учителя вносит во всякую классную работу известную долю вялости, то при чтении художественных произведений отсутствие выразительности оказывается вредным и в образовательном и в воспитательном отношении (Кульман, «Метод. русск. яз.») и т. д. От простого сопоставления с помощью союзов «а» и «но» эти сочетания все же отличаются известной степенью о б р а з н о й у с л о в н о с т и, т. е. факты, на самом деле не обусловливающие друг друга, представлены в них с помощью союза «если — то» (поскольку его основное значение еще сознается тут) как обусловливающие.

Р а з:

Р а з вы согласились, так уже нельзя вам отказываться. (Из словаря Даля. 3-е изд.)

К о л ь с к о р о (устаревшее, с временны́м оттенком):

Но к о л ь с к о р о вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уже не гневайтесь. (Островск.)

ж) Союзы у с т у п и т е л ь н ы е: **хотя, несмотря на то что** (большей частью раздвоенное), **даром что, пусть**; **пускай** и не обладающее еще полной подчинительной силой, но по месту в предложении совершенно соответствующее всем предыдущим **правда.**

Х о т я (х о т ь):

... мальчик, х о т я и смотрел на всех свысока, вздернув носик, но товарищем был хорошим... (Дост.)

Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь. (Гог.)

Несмотря на то что:

... и знал тоже и то, что, несмотря на то, что он хотел жениться, несмотря на то, что по всем данным эта весьма привлекательная девушка должна была быть прекрасной женой, он так же мало мог жениться на ней... как улететь на небо. (Л. Толст., возможно и даже более удобно чтение без раздваивающей союз запятой, хотя для автора, кажется, характерна запятая.)

Даром что:

Он весь был ясно виден, даром что ехал в тени. (Тург.)

Пусть и пускай:

Уж пусть бы строиться, да как садить в те лета,
когда уж смотришь вон из света! (Крыл.)

Пускай мечтатели осмеяны давно,
пускай в них многое действительно смешно;
но все же я скажу, что мне в часы разлуки
отраднее всего, среди душевной муки,
воспоминать о ней... (Некр.)

Правда:

Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод... (Гог.)

з) Союзы сравнительные: **как, как бы, будто, будто бы, как будто, как будто бы, словно, словно как, подобно тому как** (большей частью раздвоенное), **точно, что, чем, нежели.**

Как, как бы:

Им не забыть своих детей,
как не поднять плакучей иве
своих поникнувших ветвей... (Некр.)

В иное дело он клал всю свою душу и вел его так, как бы от решения его зависела вся его судьба... (Дост.)

Будто, будто бы:

Но не прошло и минуты, как эта радость... так же мгновенно и прошла, будто ее вовсе не бывало... (Гог.)

Как будто, как будто бы:

Она слыла чудачкой... и при самых скудных средствах держалась так, как будто за ней водились тысячи. (Тург.)

Сторожа не только не вставали с мест, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. (Гог.)

Словно:

... от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. (Тург.)

Словно как:

Словно как мать над сыновней могилой,
стонет кулик над равниной унылой. (Некр.)

Подобно тому как:

... и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим, тихим голосом, подобно тому как ветер пробежит вдруг по густой чаще... (Гог., цельное чтение союза не только возможно, но и музыкальнее раздвоения.)

Точно:

Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб... (Тург.)

Что:

Девица плачет, что роса падает. (Пушк.)

Чем:

Чем на мост нам итти, поищем лучше броду. (Крыл.)

Анна Федоровна... уж, конечно, перенесла с ним несравненно больше страданий, чем выжила радостей... (Дост.)

Нежели:

... молодой человек получал из дома более, нежели должен был ожидать. (Пушк.)

Последние два союза отличаются от всех предыдущих тем, что употребляются только при сравнительной форме в главном предложении («чем на мост итти, поищем лучше...», «получал более, нежели...») и выражают, соответственно с этим, количественное сравнение, тогда как все остальные выражают качественное.

и) Союзы временные: **когда, как, как только, меж тем как, тогда как, по мере того как, с тех пор как, после того как** (большей частью раздвоенные), **пока, покуда, покамест, едва, едва только, чуть, чуть только, чуть лишь, лишь, лишь только, только что, только, прежде чем, прежде нежели** (иногда раздвоенные).

Когда:

Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой. (Гог.)

Закрыл лицо руками бедный учитель, когда услышал о таком поступке бывших учеников своих... (Гог.)

Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с своей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага... (Тург.)

В третьем примере логически главный факт рассказа выражен придаточным предложением, а побочный (погода) — главным. Это очень обычно для союза «когда», если придаточное при нем следует за главным, и такое «когда» называют инверсивным («переворачивающим» факты). Для следующего союза такой порядок предложений и такое соотношение их еще более обычны.

Как:

Крестьянин ахнуть не успел,
как на него медведь насел. (Крыл.)

Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Иваныча... как вдруг на пороге кабачка показался мужчина высокого роста... (Тург.)

У супруги Ипполита Кирилловича другой день как болят зубы. (Дост., слияние главного предложения с придаточным, свойственное при этом союзе разговорному языку.)

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
в Дунайские волны их бросил тела. (Пушк., здесь «как» не инверсивное.)

Как только:

Как только раздавался звонок, он бросался опрометью и подавал учителю прежде всех треух... (Гог.)

Меж тем как:

... встретивши Ганку, начал бранить, зачем она шатается без дела, между тем как она тащила крупу в кухню. (Гог.)

Тогда как:

Оный дворянин... назвал меня публично «гусаком», тогда как известно... что сим гнусным животным я никогда отнюдь не именовался. (Гог.)

В союзе этом, так же как иногда и в предыдущем, резко сказывается особый противительный оттенок, часто совершенно заслоняющий исконное временнóе значение этих союзов.

По мере того как (б. ч. раздвоенное):

Селифан только помахивал да покрикивал: «эх! эх! эх!», плавно подскакивая на козлах, по мере того, как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка... (Гог.)

С тех пор как (часто раздвоенное):

С тех пор, как вышний судия
мне дал всеведенье пророка,
в очах людей читаю я... (Лерм.)

Пока:

Коля... предложил, что он ночью... ляжет между рельсами ничком и пролежит недвижимо, пока поезд пронесется над ним на всех парах. (Дост.)

Покуда:

Покуда он переоделся, прошел еще час. (Лерм.)

Покамест:

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. (Гог.)

Едва:

Едва яркое солнце вышло из-за горы и стало освещать долину.., волнистые облака тумана рассеялись, и сделалось жарко. (Л. Толст.)

Едва только:

Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе... (Дост.)

Чуть:

Вздрогнем, чуть скрипнет столик, дверь... (Гриб.)

Чуть лишь:

... чуть лишь из пеленок,
кокетка, ветренный ребенок! (Пушк.)

Лишь:

... лишь звезды блеснут в небесах,
корабль одинокий несется... (Лерм.)

Лишь только:

Лишь только ночь своим покровом
верхи Кавказа осенит,
лишь только мир, волшебным словом
завороженный, замолчит...
к тебе я стану прилетать.. (Лерм.)

Только что:

Только что я вошел в опушку, вальдшнеп со стуком поднялся из куста... (Тург.)

— Ну что, мой друг, снесли оливковую ветвь? — спросила графиня Лидия Ивановна, только что вошла в комнату. (А. Толст.)

Только:

И только небо засветилось,
все шумно вдруг зашевелилось... (Лерм.)

Прежде чем:

Но прежде чем я приступлю к описанию самого состязания считаю не лишним сказать несколько слов о каждом из действующих лиц моего рассказа. (Тург.)

Прежде нежели:

Но прежде нежели в седло садиться,
он долгом счел к коню с сей речью обратиться. (Крыл.)

Все временные союзы произошли из наречий и до сих пор сохранили в значительной мере свой самостоятельный характер, так что являются скорее союзными словами, чем союзами. Многие из них и сейчас употребляются как наречия, и нередко только подчинительная интонация делает их союзами (срвн. примеры на стр. 173).

2. Подчинение посредством союзных слов (относительное).

Мы уже знаем, что в языке существуют особые вопросительные предложения, характеризующиеся специальной вопросительной интонацией. Эта интонация, описанная на стр. 451—452, встречается в тех же предложениях и в измененном виде с чертами обыкновенной, невопросительной, и притом подчинительной интонации. Так, вслушиваясь в сочетание:

Что именно находилось в куче, — решить было трудно. (Гог.)

мы замечаем, что интонация вопросительного предложения сильно изменена. Настоящая вопросительная интонация свелась бы здесь к резкому понижению с самого начала фразы, так как ударное слово вопроса стоит как раз в самом начале («что именно»), так что мы имели бы:

Что именно находилось в куче?

или, по крайней мере

Что именно находилось в куче?

В рассматриваемом же сочетании интонация того же предложения, в общем так же характерно высокая, держится почти на одном и том же уровне до самого конца:

Что именно находилось в куче, — решить было трудно.

или даже слегка повышается после слова «что»:

Что именно находилось в куче, — решить было трудно.

Точно так же в сочетании:

Да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? (Гог.)

понижения в выделенных вопросительных предложениях хотя и происходят, как всегда, но они менее резки, чем обычно, потому что первоначальная высота не так велика: она в точности соответствует высоте предыдущего, невопросительного предложения. Нетрудно видеть, что все эти перемены вызваны синтаксической обстановкой. Все дело в том, что вопросы эти мы задаем здесь не сами по себе, а в связи с соседними предложениями. Так, говоря: «что именно находилось в куче», мы уже с первого слова знаем, что дальше будет: «решить было трудно», т. е. что вопроса не стоит и задавать; говоря: «что за приезжий, каков он», мы знаем, что это не вопросы Анны Андреевны Авдотье и даже не вопросы, которые ей поручается задавать, в их буквальной форме, а только содержание того поручения, которое ей дается словами: «да расспроси хорошенько». Таким образом вопросительный смысл здесь отступает на второй план перед той зависимостью, в которой оказывается вопросительное предложение от соседнего предложения. Вот эта-то зависимость, эта потеря самостоятельной силы вопроса, это отнесение сущности вопроса к чему-то другому и выражается тем, что вопросительная интонация как бы подделывается под подчинительную, комбинируется в той или иной мере с подчинительной и в то же время приводится в согласие с интонацией подчиняющего предложения. В этом отношении чрезвычайно характерен второй пример, в конце которого имеется и настоящий, самостоятельный вопрос: «слышишь?» Если произносить все три вопроса не спеша, с паузами (чтобы дать время голосу менять интонации) и достаточно выразительно, то третий вопрос непременно выделится своей высотой, а первые два будут оба низки и совершенно однотонны как между собой, так и с предыдущим, подчиняющим их, предложением. В этом и скажется разница между зависимыми вопросами и независимыми. Так как вопросительные члены теряют здесь в большей или меньшей степени свое вопросительное значение вследствие того, что вопросительное предложение относится к другому предложению, то все они, в такой их функции, издавна назывались относительными. Поэтому и самое подчинение таких предложений принято называть относительным. При этом степень этой «относительности», поразительно

точно выражаемая степенью изменения вопросительной интонации, может быть даже в одном и том же сочетании самая разнообразная. Переходов здесь столько же, сколько точек на линии. На одном конце этой линии стоит чисто-вопросительная интонация, а на другом — чисто-подчинительная. Примерами последнего рода могут служить такие интонации, как:

Смерть люблю узнать, что есть нового на свете. (Гог.)

или:

Не знаю для кого, но вас я воскресил. (Гриб.)

Но особенно сильной степени достигает эта «относительность» в тех случаях, когда относительный член, помимо тех связей, которые он имеет в своем собственном предложении, вступает еще в *особую* связь (грамматическую или логическую) с *одним каким-нибудь* членом подчиняющего предложения, напр.:

И таким образом Коля прочел *кое-что, чего* бы ему нельзя еще было давать в его возрасте. (Дост.)

Это просто были крестьянские *ребятишки* из соседней деревни, *которые* стерегли табун. (Тург.)

Теперь то время мне
является всегда каким-то утром длинным,
особым *уголком* в безвестной стороне,
где вечная заря над головой струится,
где в поле по росе мой след еще хранится... (Майк.)

Во всех этих сочетаниях между подчиненным и подчиняющим предложением имеется *двойная* связь: 1) связь *всего* подчиненного предложения со *всем* подчиняющим, как в наших первых примерах, и 2) связь *относительного члена* подчиненного предложения с каким-нибудь *одним* членом подчиняющего. Соответственно с этим укреплением связи и интонация становится уже резко и *безусловно* подчинительной, так что вопросительных элементов в ней уже ни при каких условиях быть не может. Поэтому мы и назовем подчинение этого рода *собственно-относительным* подчинением, а подчинение первого рода, сохраняющее связь с вопросительностью, *вопросительно-относительным*, или

(более употребительный термин) *косвенно-вопросительным*.

Некоторые относительные слова способны итти еще далее по пути подчинения и превращаться в простые *союзы* («что», «чем», «как», «когда»). Отличительным признаком их в этом случае является уже *полная безударность*, напр.: «я знаю, что он читал это» (срвн. с союзным словом: «знаю, *что* он читал»), «он поет лучше, чем играет» (сравн.: «*чем* ушибся, тем и лечись»), «он работает, как вол» (срвн.: «*как* аукнется, так и откликнется») *. Только одно «когда», вследствие своей двухсложности, не всегда в этих случаях безударно, но и в нем есть все-таки некоторая ритмическая разница между союзом и союзным словом (срвн. *сильное* ударение на косвенно-вопросительном «когда»: «...над каждой кроватью надписать... всякую болезнь: *когда* кто заболел, которого дня и числа...», *среднее* на собственно-относительном: «впрочем, чаще бывали такие понедельники, когда Илюша не слышит голоса Васьки...» и *ниже среднего* на союзе: «когда в делах, — я от веселий прячусь; когда дурачиться, — дурачусь...»).

Рассмотрим теперь тот и другой вид относительного подчинения порознь:

а) *Косвенно-вопросительное подчинение*. Так как относительные слова здесь, в сущности, не являются связующими элементами, а связывают *только интонация и ритм*, то рассмотрение этого рода случаев свелось бы к детальному анализу интонации и ритма, что мы считаем слишком специальным. Поэтому к сказанному на стр. 562 добавим только, что таким же точно способом подчиняются и те вопросительные предложения, в которых вопрос выражен вопросительной частицей «ли»: «не знаю, *придет ли он*», «интересно, *знает ли он*», «все как будто ждали, *не будет ли он еще петь*» (Тург.) и т. д.

б) *Собственно-относительное подчинение*. Относительные слова здесь являются уже *союзными* словами в полном смысле этого слова, так как относятся и к подчиненному и к подчиняющему предложению, чем и спаивают то и другое. Слова эти мы можем разбить на два разряда:

α) Относительные *имена*: **кто, что, какой** (также устаревшие *каковой* и *кой*), **который, чей.**

Кто:

> В *ком* есть и совесть, и закон,
> тот не украдет, не обманет... (Крыл.)

---

* С безударностью связана, разумеется, и звуковая разница; «што» и «штә» («шта», кажется, не встречается), «чем» и «чәм» («чим», кажется, не встречается).

«Гусак» же, как известно всем, к т о сколько-нибудь сведущ в науках, не может быть записан в метрической книге... (Гог.)

... Но к т о не лжет,
ступай по нем, пожалуй, хоть в карете. (Крыл.)

Соотносительное слово подчиняющего предложения («тот», «всякий», «кто-нибудь», «все», «многие» и т. д.) может и опускаться, как показывает последний пример.

Ч т о:

И вот, ч т о грезилось, все было... (Брюс.)

Невежи судят точно так:
в ч е м толку не поймут, то все у них пустяк... (Крыл.)

... И жемчугу того лишь дожидался,
ч т о выбросит к нему волной... (Крыл.)

Были — ч т о горячились, были — ч т о молчали и выжидали, были — ч т о купили и раскаивались. (Дост.)

Ты, ч т о камень на падшего брата
поднимаешь, сойди с высоты! (Никит.)

Главное, эти пятнадцатилетние... даже не хотели считать его товарищем, как «маленького», ч т о было уже нестерпимо обидно. (Дост.)

«Нечего делать, прочитайте, Тарас Тихонович», — сказал судья... с видом неудовольствия, при ч е м нос его невольно понюхал верхнюю губу, ч т о обыкновенно он делал прежде только от большого удовольствия. (Гог.)

Как видно из примеров, употребление этого союзного слова троякое: 1) Оно может относиться к с у б с т а н т и в и р о в а н н о м у п р и л а г а т е л ь н о м у с р е д н е г о р о д а подчиняющего предложения («то», «все», «иное», «многое» и т. д.), стоящему налицо или опущенному (первые два примера), 2) оно может относиться к л ю б о м у имени подчиняющего предложения, как бы заменяя слово «который», и в этом случае употребление его ограничивается и м е н и т е л ь н о - в и н и т е л ь н ы м падежом (следующие три примера) и 3) оно может относиться ко в с е м у подчиняющему предложению, как целому (последние два примера). Подчинение при этом все же будет собственно-относительное, а не косвенно-вопросительное, так как относительный член и тут вступает в двоякую связь и с подчиненным и с подчиняющим предложением. Несколько измененное значение с в р е м е н н ы м оттенком и в то же время с некоторой потерей самостоятельности, приближающей его к союзу, имеет это слово в таких сочетаниях, как:

Ч т о миг — свободней дышит грудь!
Ч т о шаг — торжественнее путь... (Майк.)
Ч т о вилы в бок — то сена клок... (Полеж.)

А переход к сравнительному союзу (см. стр. 559) составляют такие случаи, как:

В самом доме все немножко на бок, немножко расшаталось — а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи, что твои слоны... (Тург.)

А только кинь им кость, так что твои собаки! (Крыл.)

Какой:

Мы сами вот теперь подходим к чуду,
какого ты нигде, конечно, не встречал... (Крыл.)

Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уже такую свечу, какой еще никто не ставил... (Гог.)

Который:

Это просто были крестьянские ребятишки из соседней деревни, которые стерегли табун. (Тург.)

При словах «какой» и «который» относительное подчинение достигает наибольшей прочности, потому что прилагательные эти связаны с соответствующим членом подчиняющего предложения не только синтаксически, но и морфологически, именно при помощи форм согласования в числе и роде («к чуду — какого...», «ребятишки — которые». В подчиненном предложении оба прилагательные являются, конечно, заместителями тех существительных подчиняющего предложения, к которым относятся, и потому приравниваются к существительным, т. е. служат подлежащими или управляемыми падежами. Здесь мы опять имеем сочетание управления с согласованием, как в случаях «он был добрым» и «его считали добрым», (см. стр. 271 и 351). Так же употреблялось устаревшее уже теперь кой (сохраняется в разговорном: «на кой чорт»), напр.:

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах.., в продолжительных пирах и в проказах, ...жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец... (Пушк.)

На свете много мы таких людей найдем,
которым все, кроме себя, постыло,
и кои думают: лишь мне бы ладно было... (Крыл.)

Чей:

О ты, чьей памятью кровавой
мир долго, долго будет полн... (Пушк.)
Я тот, чей взор надежду губит... (Лерм.)

Прилагательное это, в отличие от «какой» и «который», связано с соответствующим членом подчиняющего предложения только синтаксически, потому что морфологически его

существительное находится тут же, в подчиненном предложении («чьей памятью», «чей взор»), где само «чей» является поэтому обычным (несубстантивированным) прилагательным. Так же употреблялось и «каковой», сохранившееся теперь только в юридическом языке, напр.:

... Без каковото соглашения оная свинья никоим бы образом не могла быть допущенною к утащению бумаги... (Гог.)

β) Относительные наречия: **где, куда, откуда, когда, зачем, почему, отчего, как, сколько, насколько, поскольку** и т. д. Так как значение и употребление всех этих слов и в вопросительных и в относительных предложениях в общем одинаковое, то мы не будем их здесь подробно рассматривать и ограничимся только несколькими примерами:

Иль в городе, где стены давят,
в часы безумных баррикад,
когда Мечта и Буйство правят,
я слиться с жизнью буду рад? (Брюс.)

У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей... (Гог.)

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
с покорных рук, с усталых ног,
мечтам открылись бы все степи... (Брюс.)

... правда была в том, что он в самом деле лишился чувств, как и признался потом сам... (Дост.)

Сколько он помнил себя, всегда его ухо ласкал шум моря... (Гарин.)

Некоторые из этих наречий тоже могут относиться не к отдельному члену подчиняющего предложения, а ко всему предложению как целому. Таковы все сложные с «что» («его не было дома, почему я и оставил записку», «ему надо было устроить кое-что в городе, зачем он и выехал туда спешно»), а также «как» и «когда». Последние сливаются при этом, конечно, с соответствующими союзами.

Б. Подчинение после разделительной паузы.

Сюда относятся некоторые союзные слова, имеющие подчинительное значение, но употребляющиеся только (или преимущественно) после разделительной паузы. Таковы наречия: **потому, поэтому, оттого, вследствие того, для того, несмотря на то, так, тогда, после того**, и т. д., и вводные слова и со-

четания, как: **итак, и вот, значит, следовательно, стало быть, словом, одним словом** и т. д.:

Но как ни прискорбно то и другое, а все однакож нужно возвратиться к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера... (Гог.)

Итак в числе этой дворни, которой было множество... была одна девица... (Дост., начало главы.)

... со мной он обращался, как с самым зеленым подростком, — чего я почти не мог перенести, хотя и знал, что так будет. Вследствие того я сам перестал говорить серьезно... (Дост.)

Когда вспомнили при этом, что... то задумались еще более: стало быть жизнь его была в опасности; стало быть его преследовали; стало быть он ведь сделал же что-нибудь такое... (Гог.)

Он был в горе, в досаде... и однакоже не мог отказаться от новых попыток. Словом, он показал терпение, перед которым ничто деревянное терпение немца... (Гог.)

Он бы даже хотел помочь, но только... чтобы не трогать уже тех денег, которых положено было не трогать; словом, отцовское наставление: «береги и копи копейку» пошло в прок. (Гог.)

«Плачем горю не пособить, нужно дело делать». И вот решился он сызнова начать карьеру. (Гог.)

Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете! (Крыл.)

Подобно тому и поступок Аделаиды Ивановны Миусовой был без сомнения отголоском чужих влияний... (Дост.)

Все эти союзные слова мы отнесли к подчинительным потому, что они выражают те же отношения, что и подчинительные союзы (следствие, причину, цель и т. д.). Но надо указать, что отношение подчиненного и подчиняющего предложений здесь обратное: то предложение, в котором союзное слово, подчиняет, а не подчиняется, потому что слова эти в сложных целых стоят в главном предложении, а не в придаточном (срвн. «потому», «оттого», «затем», «после того» в раздвоенных сочетаниях: «потому, что», «затем, чтобы», «после того, как» и т. д.). Таким образом в сферу подчинения сочетания эти входят лишь постольку, поскольку они уподобляются «неполным сложным целым» (см. стр. 540), заимствующим свои подчиненные части из контекста.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

* Ввиду отсутствия терминов мы обозначаем здесь для краткости, в отличие от текста, каждую конструкцию наиболее ходовым фразным примером.

